

This is a file in the Digital South Caucasus Collection (DSCC) project:

Куфтин, Б. А.. (1953). Археологические раскопки в Триалети. Изд-во Академии наук Грузинской ССР

The DSCC is part of the Ancient World Digital Library hosted by the [Institute for the Study of the Ancient World Library](#).

Digital South Caucasus Collection

NYU | ISAW

The Georgian National Museum has granted permission to the Institute for the Study of the Ancient World of New York University to publish this material electronically in the Digital South Caucasus Collection (DSCC). We are making such material available on a noncommercial basis for research and educational purposes, in an effort to expand access to thinly-held and/or out-of-print material related to the study of the ancient world to the widest possible audience. If you wish to use copyrighted material from this site for purposes beyond those in accordance with fair use (Title 17 U.S.C. Section 107), you must obtain permission from the Georgian National Museum. We respect the intellectual property rights of others. If you believe that you own the copyright to the material made available on this site, please see our takedown policy: <http://dcaa.hosting.nyu.edu/takedown-notice>.

Б. А. КУФТИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
РАСКОПКИ
В
ТРИДЛЕТИ

SU 1002

141
KUF

2) 511. 11. 1941
M. 11. 11. 1941

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

Б. А. Куфтин

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В ТРИАЛЕТИ

I

ОПЫТ ПЕРИОДИЗАЦИИ ПАМЯТНИКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
1941

Тбилиси

ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR
THE INSTITUTE OF HISTORY

B. A. Kuftin

Archaeological Excavations in Trialeti

I

An Attempt to Periodize Archaeological Materials

PUBLISHING HOUSE OF THE ACADEMY OF SCIENCES OF THE GEORGIAN SSR
Tbilisi

1941

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
ისტორიის ინსტიტუტი

ბ. კუფტინი

არქეოლოგიური გათხრები ტრიალეთში

I

ძეგლების პერიოდიზაციის ცდა

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა
1941

თბილისი

Напечатано по распоряжению Президиума
Академии Наук Грузинской ССР

Редактор акад. С. Н. Джанашиа

Deutsche Akademie der Wissenschaften
w: 795/62 zu Berlin
— Institut für Vor- und Frühgeschichte —
Berlin W 8, Leipziger Straße 3-4
Telefon 22 04 41

ПОСВЯЩАЕТСЯ СВЕТОЙ ПАМЯТИ
ИВАНА АЛЕКСАНДРОВИЧА ДЖАВАХИШВИЛИ

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	1— 2
Введение. К вопросу об установлении в Грузии и на Южном Кавказе памятников ранней поры медно-бронзового производства	3— 19
I. Обзор инвентаря рядовых могильников железной и поздне-бронзовой эпохи Цалкинского плоскогорья	20— 77
1. Могильники, современные сасанидской эпохе	20— 24
2. Погребения, синхроничные римской и парфянской эпохам	24— 30
3. Могильник, синхроничный эллинистической или поздне-ахеменидской эпохе	30— 34
4. Богатое погребение ахеменидской эпохи на р. Алгети	34— 41
5. Могильник ранне-ахеменидской эпохи	41— 48
6. Могильники, синхроничные мидо-персидской и поздне-ванской эпохе	48— 50
7. Могильники Ванской эпохи	50— 64
8. Могильники эпохи поздней бронзы и первого появления железа	65— 75
9. Могильник бронзовой эпохи с кругами из камней	75— 77
II. Курганная культура Триалети в эпохи средней и позднего этапа древней бронзы	78—105
1. Курганные погребения эпохи крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине 2-го тысячелетия до нашей эры	79—100
2. Курганные погребения древне-бронзовой эпохи	101—105
III. Погребения энеолитической эпохи и нижний культурный слой циклопических крепостей	106—118
Заключение	119—135
საქართველო	136—154
Archaeological excavations in Trialeti	
An attempt to periodize the archaeological materials (summary)	155—171
Литературные ссылки и примечания	173—202
Указатели	203—219
I. Предметный	203—211
II. Географический	212—214
III. Именной	215—218
IV. Лингвистический	219
Список иллюстраций на отдельных таблицах	220—231
Таблицы	233—491

Подписано к печати 31.10.1941. Печатных форм 62½ с таблицами.
 УЭ 41360; Колич. тиз. зн. в печ. форме 40.000; Заказ № 301; Тираж 1500.
 Типография Академии Наук Грузинской ССР, Тбилиси, ул. А. Церетели 7.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Систематическими работами Цалкинской археологической экспедиции, организованной Отделом охраны памятников культуры Управления по делам искусств при Совнаркоме Грузинской ССР совместно с Историческим отделом Гос. Музея Грузии * в Цалкинском районе в течение пяти лет 1936—1940 гг. собран большого научного значения материал, освещающий совершенно по новому древнейшее прошлое Грузии. Находясь в стадии разработки и подготовки к подробной публикации, этот материал, однако, не может по своему исключительному значению, резко изменяющему привычные для Южного Кавказа хронологические нормы и исторические концепции, оставаться так долго вне непосредственного воздействия на научные представления, на интерпретацию накопленных музейных коллекций и на ход дальнейших археологических исследований. В то же время, вскрытые нами неизвестные до сих пор культурные пласты, прежде чем стать достоянием исторического познания, должны найти свое определенное хронологическое место в историческом процессе, превратясь из археологического объекта в исторические памятники. Но вопросы хронологизации, являющиеся первоочередной и специфической задачей археологии, как науки исторической, становятся наиболее сложными особенно для такой страны, как Кавказ, который, при недостаточной разработанности вопросов его древнейшей истории, по самому характеру своей природы и географическому положению, является страной крупных противоположностей: одновременно, естественным барьером между странами восточной Европы и Передней Азии, средоточием реликтовых форм, долго сохраняющихся в замкнутых горных районах, и, наряду с этим, проводником культурных течений с юга на север.

Сложное переплетение своеобразных этнических типов и стадияльных состояний заставляет особенно осторожно подходить здесь к типологической синхронизации отдельных культурных проявлений и требует применения всей сложной и разносторонней методики археологического анализа, в котором историческая концепция, т. е. образ целой исторической системы со всеми конкретными взаимоотношениями общественно-хозяйственных типов и темпов развития на отдельных участках огромной территории Передней Азии и Средиземноморья, должна занять место важнейшего корректива, способствующего правильному выявлению реальных соотношений между археологическими фактами. Действительно, без этого учета направлений и путей культурной преемственности и форм взаимодействия отдельных обществ друг на друга, оказывается часто невозможным решить, следует ли видеть в сходных группах явлений на различных территориях продукты стадияльных соотношений или же междуобщественных сношений, иначе сказать, насколько рассматриваемые факты являются хронологически независимыми, последовательными или одновременными, а от этого зависит самая возможность исторической синхронизации однородных проявлений в различных частях исторической системы.

* В руководимых мною работах экспедиции в различное время принимали участие: В. Х. Глонти в 1938—1940 годах, Д. П. Гордеев в 1937 и 1940 г., М. М. Иващенко в 1936—1937 г., О. Д. Кирова в 1938 году, С. И. Надимашвили в 1936 и 1940 гг. и Л. Н. Склифасовский в 1938—1940 гг.

Но поскольку историческая концепция сама зависит от всей совокупности исторических фактов, каждая новая значительная археологическая находка, получившая свое определенное хронологическое место, корректирует со своей стороны и изменяет ранее сложившиеся представления об исторической конфигурации целого.

Предстоит еще примирить целый ряд крупных противоречий между вскрываемой археологией грудой фактов и существующим недоучетом роли Грузии и Кавказа в процессе формирования и развития древнего переднеазиатского культурного мира в целом, прежде чем удастся получить вполне надежные опоры для абсолютной датировки памятников древнейшего культурного расцвета Триалети, — Цалки, Паравана, Табискури, Гуджарети, — может быть и шире, всей древней Гогарены (классических авторов) в эпоху медно-бронзовой и бронзовой индустрии Южного Кавказа.

Все сказанное и заставляет нас, не дожидаясь полной публикации материалов Цалкинской археологической экспедиции и связанного с их разработкой исследовательского аппарата, сделать хотя бы краткий обзор добытых здесь нами фактов в стратиграфическом разрезе. Надо сказать, что и эта последняя задача не оказывается простой, т. к., по самому характеру наших памятников, именно искусственно погребенных, их последовательность во времени не является, за редкими исключениями, непосредственно данной, и относительная хронология погребальных комплексов опять-таки требует в большинстве случаев обращения к вопросу об абсолютном их возрасте, что связано с привлечением сложного аппарата, который мы в данной работе стремились избежать. Ведь Грузия и Южный Кавказ в целом археологически еще слишком недостаточно изучены и не дают нужного количества опорных точек для хронологизации. Их приходится находить и пересматривать заново, преодолевая часто укоренившиеся предубеждения, как общепризнанного, так и частного характера. Поэтому естественна будет в данном кратком очерке некоторая недосказанность и проблематичность, в частях, предлагаемой, невольно изолированной, периодизации нашего материала, хотя последний и претендует на отведенные ему исторические места, поскольку значительная полнота хронологических вариантов в основном своей части получена нами преимущественно с одной ограниченной площади будущего искусственного водоема Храмгестроя, причем неслучайность и устойчивость целого ряда послекурганных комплексов подтверждается значительным распространением их на территории всего Южнокавказского Двуречья часто в поразительно тождественных формах. Что же касается курганных комплексов, то они входят уже в тот период истории и археологии Грузии, который принадлежит к наименее изученным и требует не только теоретического, но и дальнейшего материального своего выявления.

Поэтому, чтобы сделать более убедительным обзор наших материалов, относящихся к периоду древнейшего расцвета Триалетского культурного очага, в их хронологической последовательности, будет полезно остановиться на некоторых положениях, добытых в результате хронологизации ряда других археологических находок, как известных ранее, так и полученных в связи с проведенными нами археологическими исследованиями в других районах Грузии, преодолевая при этом существующую тенденцию к омоложению грузинской доистории в ее реальных проявлениях, несмотря на наличие обратных, правда, чисто теоретических, крайне отвлеченных, не обоснованных пока археологическими фактами представлений о кавказских источниках древнейшей переднеазиатской металлургии.

ВВЕДЕНИЕ

К ВОПРОСУ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ В ГРУЗИИ И НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ ПАМЯТНИКОВ РАННЕЙ ПОРЫ МЕДНО-БРОНЗОВОГО ПРОИЗВОДСТВА

Огромный рост за последние годы археологических исследований на территории Грузии, Азербайджана и Армении успел в значительной мере обновить старый археологический материал, на базе которого были созданы руководящие представления о месте, занимаемом Южным Кавказом и Грузией в общей археологической картине Евразии. Однако эти новые факты не успели еще, в большей своей части, войти в научный обиход. Попрежнему остаются необработанными, на основе корректирующих раскопок, и неопубликованными старые фонды Музеев Тбилиси, Еревана, Баку, краеведческих музеев Кавказа и кавказские собрания Центральных Музеев Москвы и Ленинграда.

До сих пор ощущается отсутствие документации в отношении таких классических объектов, как могильник Кобани, Фаскау Кумбулты и др. в Северной Осетии, как Самтаврский могильник у Мцхеты, давший уже в раскопках 1938—40 года под общим руководством акад. И. А. Джавахишвили перекрывающий все прежнее материал, как могильник Редкина Лагеря (1), могильник Кизил Ванка и др. Непересмотренными поэтому остаются созданные на основе этих памятников хронологические периодизации, суммарные и неубедительные, несмотря на остроумно выдвинутые еще Шантром (2) и Вирховым (3) хронологические опоры для проанализированного ими материала. Получившиеся у обоих авторитетных ученых убеждения, что расцвет металлической индустрии на Кавказском хребте и в Грузии начинается внезапно лишь на рубеже I и II тысячелетий до нашей эры, вместе с появлением железа, и что предшествующих периодов развития чистой бронзы и меди здесь не было или почти не было, остается до сих пор непреодоленным.

Противопоставленная этим авторам хронологическая концепция Жак де Моргана (4), также считавшего невозможным утверждать состояние бронзы на Южном Кавказе (5), (хотя он сам и отнес сюда, совершенно ошибочно, одну раскопанную им могилу в сел. Ахтала (6), которая должна быть датирована временем не ранее II века до нашей эры), не может приниматься во внимание по ее фактической необоснованности, поскольку Морган, несмотря на разностороннюю эрудицию и личную большую работу по раскопке Тальшинских, Борчалинских и Делварских могильников, не опирается на конкретный анализ памятников, а основывается лишь на отвлеченных соображениях, явно расходящихся с им же добытыми материалами. Вводя в более сильной степени, чем Шантр и Вирхов, в трактовку материала принцип этнических различий, особенно в последнем своем большом труде (7), полагая, что появлением железа Южная Месопотамия обязана Кавказу и пользуясь так называемой длинной хронологией, в ее еще старой форме, относящей царство Саргона Аккадского ко времени около 3750 года до нашей эры, вместо общепринятой теперь даты около 2700 до нашей эры (8), Жак де Морган непомерно раздвинул границы железной эпохи на

Южном Кавказе, начав ее за 2500—3000 лет до нашей эры. Внутри получившегося таким образом промежутка он, опять-таки по чисто отвлеченным соображениям, распределил все известные ему памятники Кавказа, начиная с Редкина Лагеря и кончая позднейшими Лелварскими могилами с железным оружием, которые он, синхронизовав с Кобанью и почти правильно датировав VI—VII веком до нашей эры, оторвал в то же время, непомерно, промежутком в две тысячи лет от могил Редкина Лагеря (9). В результате получилась, в резком противоречии с постулируемым им самим тесным производственным общением Южного Кавказа с культурными центрами Месопотамии, картина полного хозяйственно-общественного застоя на Южном Кавказе, как раз в эпоху наиболее значительного творческого его участия в истории древнего мира.

Таким образом, представление Моргана о внезапном появлении железо-бронзовой индустрии на Южном Кавказе без предшествующих состояний бронзового и медно-бронзового производства является той же заменой известной частью неизвестного целого, что и у Шантра, с которым он полемизирует, но перенесенной в совершенно абстрактную хронологическую сетку.

Такое положение вещей и в настоящее время не на много продвинулось вперед. Нижним хронологическим пунктом закавказской бронзы остается дата, обоснованная Шантром и Вирховым для Кобани и поддержанная позднее анализом поздне-микенских и хеттско-ванских соответствий в художественных формах калакентских поясов Гернесом (10) и Фармаковским (11), а также в последнее время Пржеворским (12), в связи с подробным анализом клада бронзовых топоров западно-грузинского типа в Орду, и Ганчаром (13), давшим в ряде работ типологическую синхронизацию опубликованных памятников по геокультурным группам и отодвинувшим глубже поднятую несколько Фармаковским дату поясов, в связи с новым уточнением датировки субмикенской эпохи 1250—1000 лет до нашей эры.

Явившаяся в 1926 году новым опорным пунктом для хронологии Южного Кавказа сердоликовая буса (14) с именем Ададнрари (по палеографическим данным видимо 1-го или 2-го) из раскопок Реслера в 1895 г. в одном из курганов близ Ходжалы подтвердила в значительной степени общую правильность хронологических соображений Шантра, Вирхова и Фармаковского, приобщив к указанной синхронической системе новую большую группу археологических памятников Азербайджана (15). Развернувшись одновременно с этим под руководством академика И. И. Мещанинова археологические исследования на территории Азербайджана и Армении выдвинули еще один принцип для хронологизации археологических памятников Южного Кавказа—увязку последних в их комплексном понимании с зафиксированным многочисленными эпиграфическими свидетельствами процессом ванской экспансии в северные страны. Типологическому анализу отдельных предметов и их групп было противопоставлено историческое рассмотрение сложных объектов хозяйственно-общественной жизни в целом, например могильников, в связи с поселениями и крепостями, в освещении их конкретно историческими событиями и с учетом географической обстановки. Значение этого принципа оказалось настолько велико, что с точки зрения сложившейся исторической концепции пришлось пересмотреть и вопрос о непосредственной датировке Ходжалинских курганов помощью даты изготовления ассирийской бусы, поскольку само наличие этой бусы в погребении Южного Кавказа требовало уяснения исторической ситуации, давшей возможность ей туда попасть. Таким образом, дата могилы, связанная с военными походами урартов, была отодвинута от вероятного времени надписи на бусе (1310—1281) на полтысячелетия вперед.

Время ванской экспансии в области Южного Кавказа становится таким образом центральной осью при исследовании памятников рубежа I и II тысячелетий до нашей эры. Вместе с этим начинает проявляться у местных исследователей излишнее стремление хронологически стягивать к освещенной надписями ванской эпохе различные культурно-исторические проявления других эпох, как сосуществующие территориальные варианты одного

времени, причем конкретно-исторические связи внутри больших систем разрываются ссылками на сходство одностадиальных явлений. Так, в IV томе Советской Археологии культура расписной керамики Южного Кавказа, несомненно являющейся ветвью древнейшей Месопотамской, с замечательным сосудом из Шах-Тахты в центре, рассматривается на том же фоне истории Ванского царства, в угоду чего реальная перспектива переворачивается.

В результате получается странная картина: В то время как территория Северного Кавказа, несомненно культурно зависимая от Южного Кавказа и сильных культурных течений, шедших через Кавказ со стороны переднеазиатских культурных очагов, дает богатый материал для освещения всей хронологической последовательности развития, начиная от неолита и ранних этапов металлического производства, вплоть до оформления скифского общества, на Южном Кавказе оказывается синхронизованным с кобанской бронзой и ванской эпохой чуть не целиком весь археологический материал, предшествующий греко-римскому времени. Даже Ялойлу-Тапинскую культуру римской эпохи в Кахетии, несмотря на веские аргументы А. А. Иессена (16), подтвержденные вполне монетной находкой Е. А. Пахомова (17), было стремление рассматривать в полном отрыве от других синхроничных ей культурных проявлений на территории Грузии и остального Кавказа, связывая ее с бронзовыми культурами Ирана и М. Азии, в противоречии со всем инвентарем, следуя лишь ошибочным заключениям не видевших материала Тальгрена (18) и Ганчара (19).

Смелая попытка Пржеворского (20) вывести наконец за эти хронологические пределы археологию Южного Кавказа и указать присущее ей место в общей картине культурно-исторического воздействия древнейших центров передне-азиатской цивилизации в эпоху меди на территорию восточной Европы терпит неудачу только потому, что ему недостаточно знаком самый материал, слабо опубликованный и требующий специальной проработки при неравномерной его достоверности. Дав по существу правильную оценку территории Южного Кавказа, как особой провинции древне-восточного культурного мира в эпоху распространения расписной керамики типа Эламской и Месопотамской стили 1 bis и 2-го стили, и проследив наличие обоих этих стилистических и хронологических типов в керамике Южного Кавказа, Пржеворский переоценил прежде всего документальность металлического инвентаря из Кизил Ванка, несомненно в значительной своей части не связанного с тем древним этапом кизилванкской керамики, которую он проанализировал. В этом отношении и ссылка на отмеченное Т. Пассек и Б. Латыниным (21) сходство с Кизил Ванком случайного комплекса медно-бронзового инвентаря из каменного ящика в Ордубадском районе, с втульчатым копьем и височным кольцом с змеевидной перетяжкой, скорее могло указывать на происхождение Кизил Ванкского бронзового инвентаря из более поздних могил, так же, как об этом свидетельствует и кинжал передне-азиатского типа (22), второй половины II-го тысячелетия до нашей эры.

Второй ошибкой было согласиться с мнением С. Везендонка (23), что инвентарь из группы могил, раскопанных Евг. Пчелиной (24) в Сагурамо, помещается между неолитом и бронзой. Приводимые для этого основания, как сходство булавок с кизилванкскими, в большей мере способны установить молодость последних, чем обратно, поскольку булавки с четырьмя выступами и маленьким круглым отверстием указываются самой Е. Пчелиной среди разновременного инвентаря Кобанских могильников и находят также аналогию среди булавок, связанных с инвентарем даже эллинистической эпохи (булавка из Уплис Цихе Гос. Муз. Груз. инв. 104—13, с позднего типа привеской в виде головки барана), а булавки с щелевидным ромбическим отверстием, известные из более поздних могил нижнего этажа Самтавро (25), например, могила Байэрна 582, хорошо датируются находками в позднейших слоях Каркемышы (26), связанных с разрушением города в 604 году до нашей эры. Бусы из соответствующих могил в Сагурамо, только благодаря полноте, с какой они здесь, в отличие от других случаев, собраны, дают несколько своеобразную картину по своему ассортименту, но в действительности они никак не могут быть отнесены вглубь за грани-

цу времени могил Редкина Лагеря и нижнего яруса Самтавро, т. к., напротив, они содержат в своем составе бусы из прозрачного светло-голубого стекла, для которых Е. Пчелина указывает полные аналогии даже в бусах греко-римского Египта, Пантикапея и других памятников плюс-минус нашей эры, а также и бусы из гишера, которые обычны для могильников этого же времени. Особенно существенно, что в инвентаре могилы 4-ой, давнейший главный комплекс, имеется голубая буса с белыми глазками, которая появляется едва ли ранее середины 1-го тысячелетия до нашей эры. В таком случае и характерные привески из „оленевого зуба“, для которых Е. Пчелина, не предполагающая сама столь древней даты раскопанного ею могильника, находит единственную аналогию в больших кубанских курганах древней поры металла, на самом деле должны сравниться с совершенно подобными же привесками из ожерелья урнового погребения № 4, того же района, из раскопок Г. С. Читая в 1924 году, опубликованными О. Везендонком (27) и относящимися несомненно, как показывает хотя бы фаллическая привеска из греко-римского Египта, к эллинистической эпохе.

Что же касается материала булавок, сделанных, по определению проф. почвоведом Д. Г. Виленского (24), из чистой меди, то этому факту нельзя вовсе придавать решающее значение при суждении о возрасте могильника, так как известно не мало случаев отливки из чистой меди даже более ответственных предметов, как оружие (топоры) в эпоху полного развития бронзы в Грузии, что объясняется, по видимому, перерывами в доставке олова, не добывавшегося на месте (28), тем более что знакомство с оловом хозяев могильника доказывается присутствием в том же 4-ом погребении бус из чистого олова.

По видимому, главным поводом для ошибочного отнесения Везендонком Сагурамских погребений к эпохе между неолитом и бронзой было отсутствие в могилах железа и присутствие осколков обсидиана. Но первое объясняется только тем, что ни одна из вскрытых могил не заключала в себе вообще оружия, осколки же обсидиана о возрасте погребения ничего сказать не могут, поскольку они неоднократно были зарегистрированы в каменных ящиках Мцхетских могильников первых веков нашей эры (29).

Таким образом, предполагавшийся Пржеворским (30) связанным с выявленными им этапами расписной керамики Южного Кавказа металлический инвентарь ничего общего с ней не имеет. Расписная керамика первого этапа Пржеворского из раскопок Чарковского в 1896 году на реке Занге близ несуществующего теперь сел. Тазакенд не сопровождается современными, как это видно по его дневнику (31), каким-либо металлическим инвентарем. При этом грунтовые могилы, содержащие эту керамику, отличаются по своему устройству, что отмечает и П. С. Уварова (31), согласно бывшему в ее распоряжении дневнику Чарковского от соседних могил типа каменных ящиков, с черной лощеной посудой и бронзовым оружием. Значительно большая древность первых сказывается, между прочим, в полном почти исчезновении всяких следов человеческих костей, кроме, иногда, эмали зубов, в то время как в могилах второго рода костяки обычно сохраняются. Труднее сказать, как обстояло дело с подобными могилами, там же, у сел. Гая-Хараба (32), откуда происходят семь расписных и ряд черных лощеных сосудов, аналогичных сборам Чарковского, но, скорее всего, упоминаемые и там два рода могил, грунтовых и ящичных, соответствуют также двум этим и хронологически различным типам керамики.

Расписная керамика Чарковского, как и добытая у сел. Гая-Хараба, сопоставляемая Пржеворским с 1-ым эламским стилем bis, отличается, однако, тяжелой ручной лепкой, красноглиняным обжигом и красной обмазкой под черной росписью. Сосуды представлены тремя главными формами (33): массивными мисками округло-вздутой формы, с наибольшим диаметром в нижней половине сосуда, широко-горлытыми горшками и сферическими кратерами с отогнутым венчиком на короткой шейке. Роспись образует более или менее широкий фриз, разделенный часто на ряд метоп, заполненных фигурами сходящихся вершинами черных треугольников, крестом, шахматным узором, вложенными параллельно

одни в другой углами и пр. Весьма распространенной характерной чертой орнамента является концевочная кайма под фризом из ряда спиральных завитков, отмеченных еще Франкфортом (33) на ереванском сосуде. Если основной узор этой посуды (в частности и мотив сложенных вершинами треугольников) действительно тяготеет к энеолитическим образцам Элама и Месопотамии, рисунок каймы находит себе аналогии только в мало-азиатской керамике ранне-бронзовой эпохи на сосудах совершенно иных форм из III слоя Алишарского холма. Это заставляет рассматривать закавказскую продукцию данного типа как совершенно своеобразную фацию расписной керамики Передней Азии, развившуюся в области контакта южно-месопотамских и западных течений. Для определения абсолютного хронологического возраста этой керамики мы не имеем еще достаточных данных, но по отношению к биромной керамике Кизил Ванк 1, она несомненно является более древним этапом.

Могильник, давший керамику, которую Пржеворский сопоставляет со вторым Эламским стилем, близ Кизил Ванка, подвергся в 1926 году двойной контрольной раскопке (34) акад. И. И. Мещанинова и А. А. Миллера. В пяти могилах с коллективными погребениями без следов железа, раскопанных под руководством акад. И. И. Мещанинова, расписные сосуды находились, вместе с черными лощеными и темными сосудами, в сопровождении медно-бронзового (35) инвентаря: кинжальных клинков с плоским язычком и крутыми плечиками и стержневых стрел, обычного типа — с длинными бородами и выпуклой осью, доходящей до конца острия. Однако, характер расписной керамики заметно отличен от первоначально добытой там Федоровым (36) группы сосудов, за некоторыми исключениями, например сосуда со змеей, представленного у А. А. Спицина на рис. 40, по росписи и грубой ленте особенно близкого вновь найденным акад. И. И. Мещаниновым сосудам №№ 87, 88, 126 (по полевой нумерации) (37).

Роспись керамики последней группы, которую, в отличие от первой, Кизил Ванк 1, можно обозначать, как Кизил Ванк 1 bis, отличается большей неряшливостью, графической сухостью и сделана матовыми красками (черной и красно-коричневой, каждой отдельно или в комбинации), положенными часто на шероховатую несглаженную поверхность сосуда. Узор почти исключительно состоит из ряда заштрихованных криволинейных треугольников, поднимающихся вверх вершинами к шейке от средней линии корпуса. Характерного для второго эламского стиля расположения узора метопами, отмечаемого на керамике Кизил Ванк 1, здесь уже не наблюдается. Даже наиболее тонко вылепленный узкогорлый кувшинчик (полевой № 86) с красной поперечно лощеной обмазкой на непокрытых узором частях (рис. 1б) несет тот же отличный от первой группы орнамент. Иной является и форма сосудов, представленных в новых могилах более узкогорлыми и высокими кувшинами, за счет более широких сосудов без ручек и чашек в сборах Федорова. Полной новостью для Кизил Ванка 1 являются кувшины (рис. 1а) с тонкой ручкой (полевой № 137) и сосуды в форме чайников (рис. 1в) с шишковидными выступами на месте ручки и своеобразным вздутым у основания и горизонтально-желобчатым, в конце, коленчатым

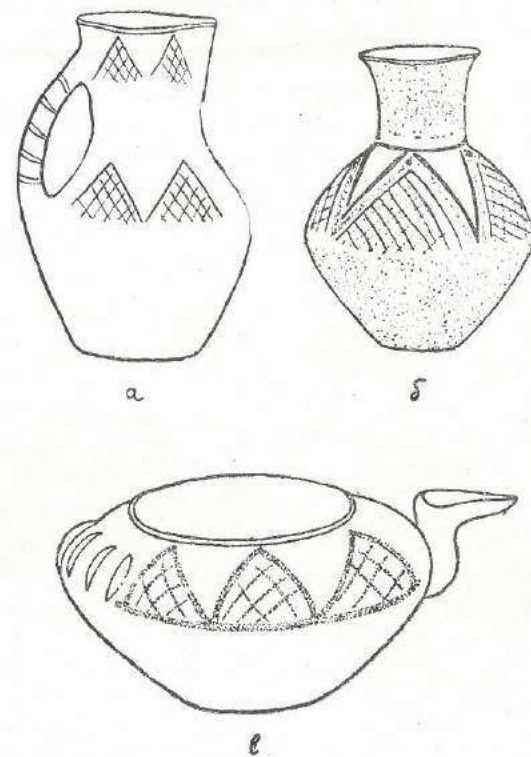
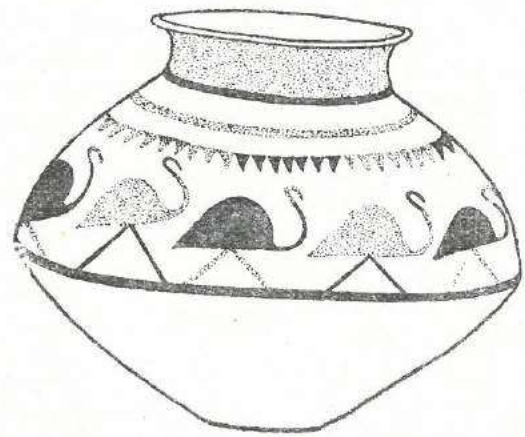

Рис. 1. Расписная полихромная керамика из Кизил Ванка, стиля 1 bis. (Баку, Аз. Гос. Музей). В 1/4 натуральн. величины.

носиком. Эти „чайники“, найденные одновременно в темно-глиняных и светлых расписных вариантах, принадлежат к хорошо выраженной группе подобных изделий, получивших широкое распространение в одну определенную эпоху, особенно на территории Ирана. Наиболее восточным известным мне образцом является светло-глиняный „чайник“ без ручки из среднего слоя культуры III южного кургана близ Мерва в Туркменистане из раскопок Пумпелли (38). В Дамгане подобные сосуды встречены в некрополе периода III в Тене Гиссаре и датируются автором первой половиной 2-го тысячелетия до нашей эры (39). В

а

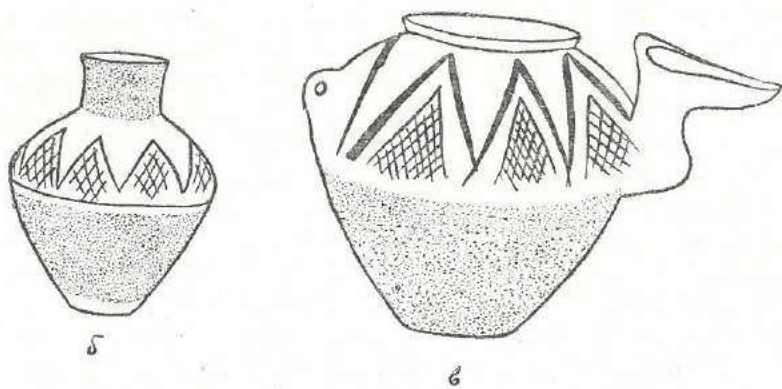

Рис. 2. Расписная полихромная керамика, стиля Кизил Ванк 1 и 1 bis, из Эчмиадзина (Ереван, Музей Армении).

западном Иране найдена замечательная группа „чайников“ этого типа, но с маленькой петельчатой ручкой, близкая средне-минойским каменным и глиняным формам (40), с прекрасной сложной красочной росписью (стилизованное изображение животных) непосредственно на глиняной поверхности, без ангоба. Эти сосуды происходят из некрополя В с железным оружием в Тене Сиалк (41) и датируются автором, на основании отсутствия следов ассирийского искусства, эпохой XII—XI века до нашей эры. находка в этом же могильнике металлического „чайника“, в точности луристанского типа, с полушарными вадутиями у основания носика, заставляет особенно склоняться видеть в подобных металлических формах прототипы глиняных. Совершенно подобный же ассортимент керамики типа Кизил Ванк 1 и 1 bis в полном составе, обнаружен и в других районах Южного Кавказа, например, в бассейне р. Абарана близ Эчмиадзина, подобно тому как и образцы типа тазакендской керамики встречаются также и в Нахичеванском районе, указывая тем, что мы действительно имеем здесь не территориальные варианты, а различные хронологические этапы в развитии расписной керамики Южного Кавказа.

А. А. Миллером раскопаны были в Кизил Ванке в том же 1926 году две могилы, в виде крупных каменных ящиков тоже с коллективными, видимо, одновременными погребениями, имевшими в своем инвентаре железные ножи, плоскую бронзовую стрелку, обсидиановые широкие и короткие наконечники стрел с прямоугельно-выемчатым основанием, бронзовые и железные браслеты, булавки бронзовые без отверстий, лунницы, бусы сердоликовые, голубые пастовые и белые цилиндрические (42). Расписная керамика еще далее

отстоит от Кизил Ванкской 1. Это чашки с продырявленным ушком, плоско-конической формы тарелки с таким же ушком, широкогорлые низкие кувшинообразные кружки с крепкими ручками, снабженными по верхнему наружному краю выступами, чтобы не скользили в руке и пр. Вместо „чайников“ появляются широкие горшки с узким косо поставленным трубчатым носиком, продырявленной ручкой и упором для пальца в виде грибовидной площадки над ней, типа, который продолжает с этого времени господствовать на территории Азербайджана вплоть до кувшинных погребений поздней эллинистической эпохи.

Характер росписи резко меняется сравнительно с предыдущей группой Кизил Ванк 1 bis и отличается сочностью кисти, наносимой глянцевой красной краской крупный узор, в виде углов и ромбов на нижнюю половину сосуда, в противоположность предыдущим группам. Эта третья стадия кизилванкской расписной керамики, Кизил Ванк 2, скорее всего может быть датирована эпохой ванской экспансии и мидийским временем. Однако, керамическая роспись не прекратила и после этого в Азербайджане своего существования. Действительно, к северо-востоку отсюда на территории Мильской степи у Кала-Тапа (43) при погребении в светло-глиняных урнах были находимы довольно крупные, хорошей лепки на гончарном круге, широкогорлые сосуды с двумя петельчатыми ручками на плечиках, расписанные матовым красно-охристым или коричневым узором из комбинации растительных и геометрических мотивов, обнаруживающих полную самостоятельность от трех вышеупомянутых стилистических типов кизилванкской керамики. С формальной точки зрения здесь обнаруживаются скорее некоторые совпадения в мотивах росписи с послететтской монохромной (черный или коричневый рисунок по светлому фону) керамикой Малой Азии (Алишарский холм, слой IV) (44), хотя время кувшинных погребений уже

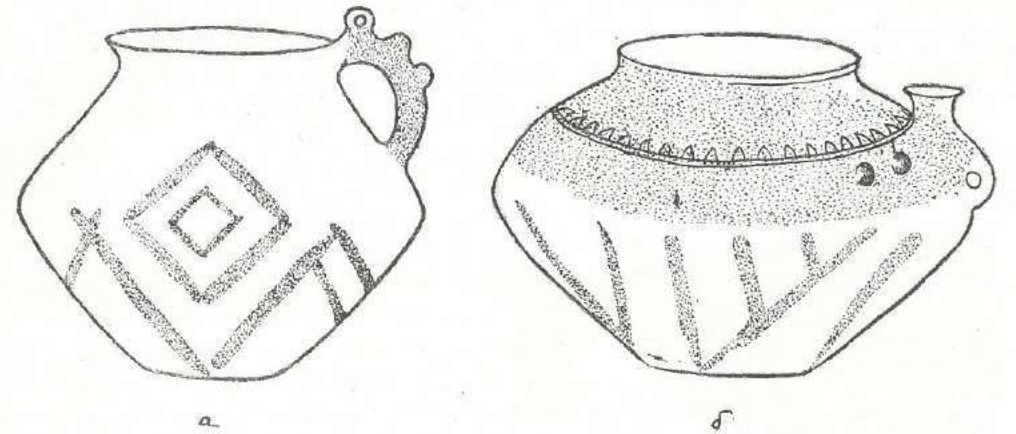

Рис. 3. Расписная керамика из Кизил Ванка, стиля 2 (Баку, Азербайджанский Музей). В 1/4 натуральной величины.

Рис. 4. Схематическое изображение расписного сосуда из кувшинного погребения в Кала-Тапа (Мильская степь) (Баку, Азгос. Музей, инв. 1133:3423). В 1/4 натуральной величины.

Малой Азии (Алишарский холм, слой IV) (44), хотя время кувшинных погребений уже

совершенно иное. По связи кувшинных погребений Мильской степи с другими группами кувшинных погребений долины Куры, датируемых, согласно исследованиям Е. А. Пахомова, монетами эллинистического времени, можно с уверенностью сказать, как это заметил и Герцфельд для Ирана, что расписная керамика дожила в Азербайджане почти до начала нашей эры.

Сделанный нами, таким образом, краткий и далеко неполный обзор расписной керамики восточных частей Южного Кавказа не допускает возможности сводить всю ее в целом к какому-то одному, хотя бы и длительному моменту, а указывает на огромный путь ее исторического развития. Но при этом начальные ее стадии не могут быть естественно отнесены ко времени, когда представленные на Кавказе ее ранние типы уже исчезли совсем с территории Ирана и Месопотамии, где древняя роспись 2-го эламского стиля и ее переработка в Джемдет Наср удерживалась даже на севере не далее эпохи Саргона Аккадского. Замечательные раскопки последних лет Пенсильванской экспедиции холма Тепе-Гавра (45) к северо-востоку от Хорсабада с колоссальной непрерывной последовательностью двадцати шести структурных фаз от нескольких стадий неолита и древнейших архитектурных памятников IV тысячелетия до хуррийской культуры XVII—XIV века, и новые раскопки на озере Ване в 1939 г. показывают, что указанная преемственность имела возможность осуществляться через эти ближайшие к Кавказу территории верхней Месопотамии не позднее III тысячелетия до нашей эры.

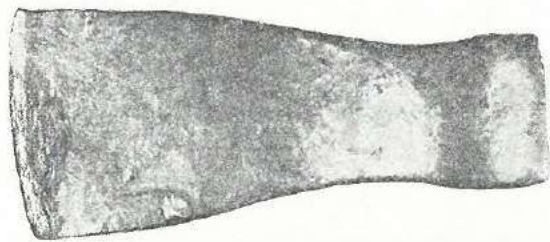

Рис. 5. Медный топор из Загэса (Гос. Музей Грузии). В 1/2 натуральной величины.

К сожалению, указанный выше обычай ограничиваться в эпоху распространения древнейшего, именно тазакендского типа, расписной керамики на Южном Кавказе положением в могилу только сосудов, лишает нас возможности синхронизовать с этой керамикой иного характера инвентарь, полученный с территории, куда расписная керамика не проникала. В то же время изучение накопившегося музейного материала и исследований, проведенные мною в последние годы в отдельных пунктах Западной Грузии, с целью обнаружения и изучения более ранних стадий металлического производства, уже дают некоторый материал, позволяющий перейти рубикон возникновения Кобанской культуры поздней бронзы на Кавказе.

Наиболее ранним и замечательным свидетельством культурного общения стран, расположенных в долине средней Куры, с Месопотамским югом еще в шумерскую эпоху может служить находка в ЗАГЭС'е в 1928 году на глубине 10 метров медного топора и копья со следами проковочной обработки. Оба предмета, один из которых — топор — находится в Гос. Музее Грузии и другой — копье, приобретенное в 1928 году археологом Я. И. Гуммелем, хранится в Ханларском Музее, несомненно относятся к одному и тому же культурному слою, если не к одному комплексу. Топор (рис. 5) принадлежит к типу топороз из древнейших Кубанских курганов, уступаая Майкопскому (рис. 6) только в величине, и исходит по своей форме от древнейших шумерских прототипов, предшествовавших в южной Месопотамии боевым топорам, типа царских гробниц в Уре с трубчатым выступающим вниз обухом. В глиняных моделях (47) этот топор известен из раскопок в Уре и Джемдет Насре в слое с окрашенной керамикой. Проникновение этого топора, который исчезает в Месопотамии вскоре после появления трубчато-обушных топо-

Рис. 6. Медный топор из большого Майкопского кургана (Эрмитаж).

ров, на север могло происходить, следовательно, очень рано, одновременно с расписной керамикой, отражение которой заметно и в культуре древне-кубанских курганов, именно в кургане станицы Костромской, содержавшем сосуд со следами зооморфной красочной росписи (48), к сожалению, плохо сохранившейся.

Копье (рис. 7а) с массивным стержнем, загнутым на конце в крючок, дальше, чем топор отстоит от шумерских образцов (рис. 9а) (49), к которым ближе медное копье из дольменных курганов станицы Пролетарской, бывшей „Царской“ (50), и другое ниже упоминаемое медное копье „из Тифлиса“ Московского Исторического Музея, но подходит к синхроничным ему иранским формам, из которых полнее всего совпадает с медным копьем (Н. 1040) из 2-го слоя Тепе Гиссар (51), с более длинным стержнем (рис. 8б). Судя по данным Е. Шмидта, этот вариант копья в Тепе Гиссаре несколько древнее другого варианта, из 3-го слоя, у которого шип дифференцирован от остального копейного стержня, как мы это видим и на копье из Астерабадского клада (52) и других погребений в Тюренг-Тепе (53). Специфической формой подобных копий с недифференцированным шипом являются копья с тонким стержнем и выемчатым основанием лезвия кипрской средней бронзы (МС I—II) (54).

Наряду с ними на Кипре еще в 1883 году было найдено медное копье (рис. 8а) с кованым коротким шипом (55), совершенно тождественное Загэсскому. В коллекции Грузинского Общества распространения грамотности (теперь в Гос. Музее Грузии инв. 2-36:68) имеется еще экземпляр подобного медного копья (к сожалению без точного указания на место находки) вдвое большей величины чем загэсское и с очень развитым шипом, превышающим половину длины всего копья. В этом отношении данное копье — еще ближе гиссарскому 2-го слоя и даже крупнее его.

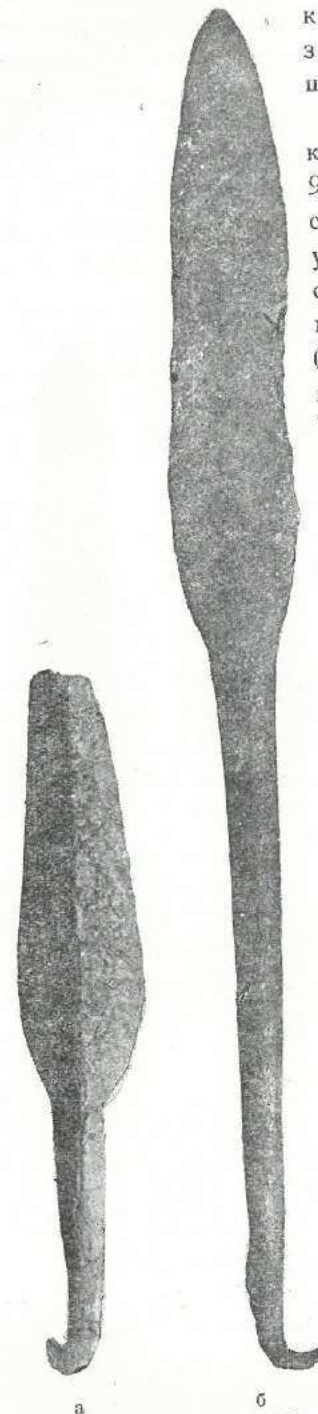

Рис. 7. Медные копья: а) Загэс (Ханларский Музей) и б) „Грузинск. Об-ва распростр. грамотн.“ (Госуд. Музей Грузии, 2-36:68). В 1/2 натуральной величины.

Еще замечательнее третье медное копье (рис. 9б), также происходящее с территории Грузии; именно, приобретенное в Тбилиси в 1904 году копье Исторического Музея в

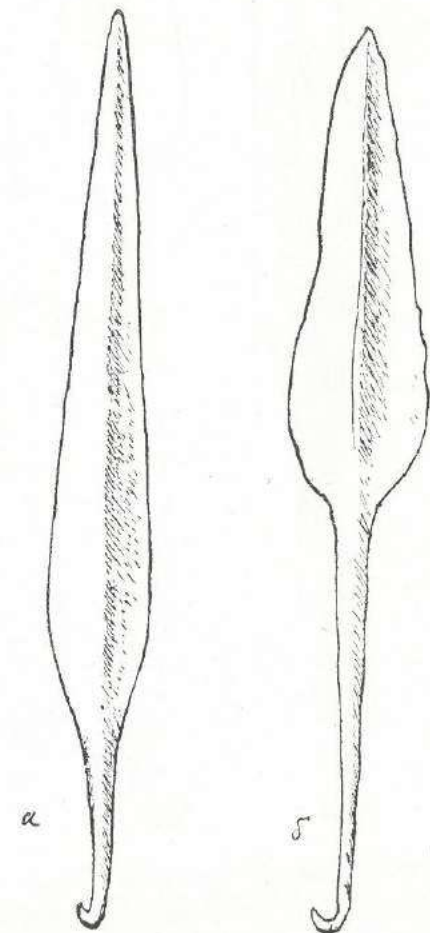

Рис. 8. Медные копья: а) остров Кипр (по Дюссо); б) Иран, Тепе Гиссар 2 (по Е. Шмидту). В 1/2 натур. величины.

Москве (№ 1397). Это копье, также вдвое превышающее по величине загэское, отличается от него тем, что длинный черень его резко распадается на две части (массивный четырехгранный заостренный шип для древка и утончающийся в направлении к основанию листа округлый стержень), совершенно подобно тому как мы это видим на копьях из Каркемыша, эпохи ящичных погребений (56) и на их шумерских прототипах (с восьмигранным стержнем) из Ура, рубежа IV—III тысячелетий до нашей эры (рис. 9 в, а) и, с другой стороны, на медных копьях Северного Кавказа из дольменного кургана станицы Пролетарской (бывшей Царской), станицы Воздвиженской и других. Тбилисское копье указывает, таким образом, путь, по которому южно-месопотамские формы ранней эпохи металла могли проникать на северный склон Кавказского хребта.

К этой же культурной ступени следует отнести, как это зорко

отметил А. А. Иессен (57), и тяжелое медное долото с четырехгранным шипом и округло-восьмигранным стержнем

Кутаисского Музея из сел. Зекари Маяковского района (рис. 10 а), полностью совпадающее с соответствующими формами ранней стадии бронзы на Северном Кавказе, как например, долотом из архаичного комплекса (с прекрасным большого размера каменным топором, каменным „пестом“ и пр.) из кургана станицы Летницкой (Эрмитаж), а также Воздвиженской и др.

Таким образом, все эти замечательные находки, взаимно дополняя одна другую, позволяют установить существование в Грузии ранней бронзовой, т. е. медной эпохи во всяком случае во второй половине 3-го тысячелетия до нашей эры.

Другой группой памятников, моложе только что рассмотренной, но тяготеющей к образцам древнего металлического производства на территории Грузии, являются обнаруженные в области распространения Кобанской культуры, еще в мо-

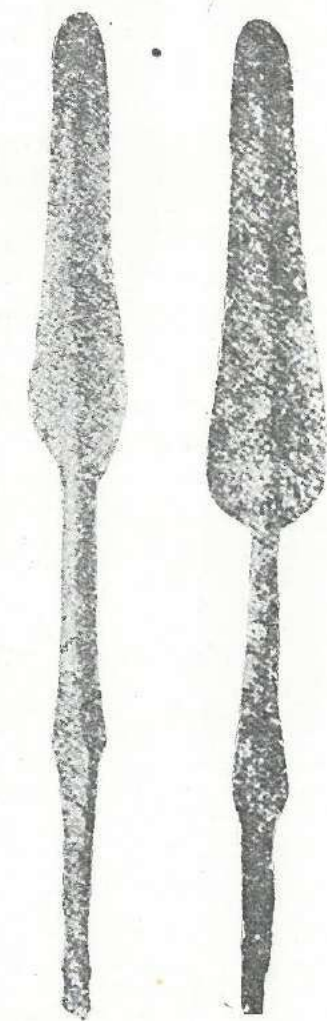

Рис. 9. в) Медные копья из Каркемыша (по Д. Хогарту).

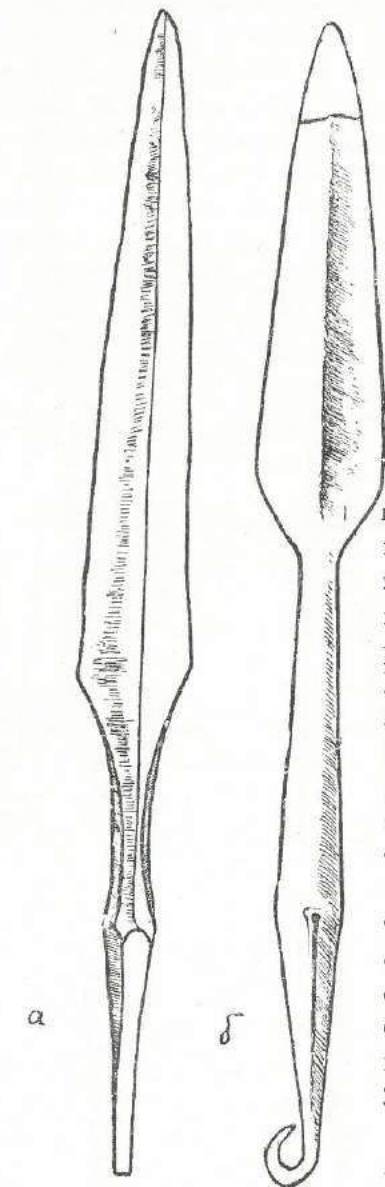

Рис. 9. Медные копья: а) Шумер. Царские погребения Ура (по Г. Чайльду); б) Тбилиси (Москва, Исторический Музей). Около 1/2 натуральн. величины.

мент ее первого выявления в могильниках Северной Осетии, комплексы изделий, резко отличных от собственно кобанских. Я разумею находки в могильниках сел. Кумбулты, Фаскау, Корца, Чми и др. примитивных плоских клинков с вытянутым в стержень основанием для насадки, трубчатообушных и вислообушных топоров с круглым отверстием, изделий с рельефно-шнуровой литейной орнаментацией, вместо более обычной для кобанской

бронзы гравировки, то есть тот комплекс изделий, который первые исследователи, обманутые собственной неряшливостью раскопок многоярусных могильников, с впускными погребениями в коллективных гробницах и с нередкой укладкой в могилу новому покойнику найденных древних металлических предметов, отнесли к эпохам, последующим за Кобанью (58). Так Шантр включил, по преимуществу, эту древнюю группу вещей, наряду с действительно позднейшими, в хронологический отдел, названный им „скифо-византийским“. Уварова, на основании подобных же совершенно ошибочных представлений, провела свою периодизацию инвентаря северо-осетинских могильников, представив его в почти перевернутом расположении. Еще дальше уходили в этом направлении Толстой и Кондаков, которые вообще перенесли всю кавказскую археологию, начиная с дольменов, в эпоху „переселения народов“, поскольку на территории древних могильников и в дольменах находимы были пантикапейские, римские и византийские монеты. Работа по выявлению так безнадежно утерянного древнейшего слоя до сих пор не проведена с достаточной четкостью. А. А. Иессен (59) в своем недавнем исследовании по истории древнейшей металлургии на Кавказе не затронул этот материал, как связанный с погребениями, а не кладами, но судя по приложенной карте, им учтен более древний хронологический возраст этого слоя. Напротив, Тальгрэн (60), по-прежнему, считает этот древний комплекс более молодым, сравнительно с основным кобанским, ощущая однако живущую в нем древнюю местную традицию. Ганчар же (61), не возражая против даты Тальгрэна, напротив, видит в длинновтульчатых топорах результат распространения на горный Кавказ могучей передне-азиатской культурной волны, прервавшей свое дальнейшее существование под воздействием кимеро-скифского вторжения в VIII веке до нашей эры.

К сожалению, настоящее состояние музейных материалов, лишенных, в большей своей части, погребальных записей, не позволяет проверить в конкретных подробностях это крупное недоразумение. Проведенное мною в 1933 году покомплексное изучение всего археологического материала Музея Грузии и ряда местных краеведных Музеев, с учетом степени достоверности отдельных сочетаний, позволило лишь в известной мере выделить древние пласты, отделив их от более новых и совсем позднейших (62).

Наибольший интерес в этом отношении представляет комплекс предметов, найденный в верховьях реки Квирилы в сел. Сачхере. Состоит комплекс из двух частей, доставленных в Музей в 1910 и 1929 годах. Основная его часть добыта, как удалось мне выяснить на месте, раскопкой могильника, расположенного в саду и винограднике Гавр. Гамкрелидзе. Раскопку, вернее добычу металлических вещей с полным игнорированием керамики провел, по поручению Такайшвили (63), хозяин участка, взрывший всю площадь под виноградник. Присутствие могил римского времени, в частности глиняного саркофага, внесли в собранный с могильника инвентарь предметы эллинистической и римской эпохи: бронзовые браслеты с ромбическим массивным расширением посередине, привески в виде головки барана

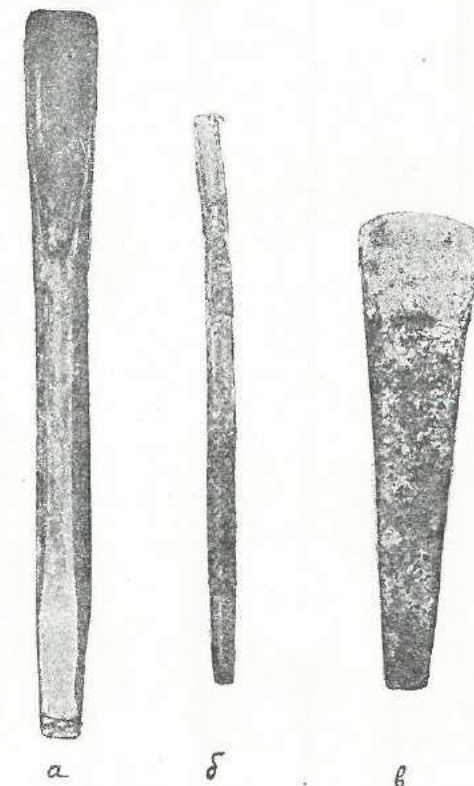

Рис. 10. Медные орудия из Зап. Грузии: а) долото из Зекари, Маяковский р-н (Кутаисский музей); б и в) долото и тесло из Сачхере (Гос. Музей Грузии). В 2/3 натур. велич.

позднего типа, бронзовую проволочную фибулу с подвешанным к ушке приемником, типа золотой фибулы из склепа в Херсонесе и бронзовой из гробницы в Ольвии, которую В. В. Фармаковский датирует II—I веком до н. э., а Альмгрен I веком до н. э. (64). Это обстоятельство в связи с вышеуказанным общим предубеждением в отношении типа основных вещей могильника заставило считать в Археологическом Отделе этот комплекс позднейшим.

Однако состав его древней части, как удалось мне подтвердить контрольной раскопкой десяти могил, может быть правильно освещен только при отнесении его к средней стадии бронзы, частью к концу медной эпохи. Лишь тогда становится понятным присутствие в нем гигантских булавок (рис. 11) с петлевидно закрученной головкой (Schleifennadel). Этого типа булавка, древнейший прототип которой известен из гробниц периода Негады в Египте (65), получила распространение в эпоху меди по восточному Средиземноморью (рис. 12) и сопутствует на Кипре и в Дунайских странах (в 1-ую унетидскую ступень бронзы), куда она также проникает в это время, вышеописанным медным копьям „кипрского“ типа (66). В Гиссарлыке находка таких булавок (рис. 12, 3) относится ко 2-му городу Трон (67).

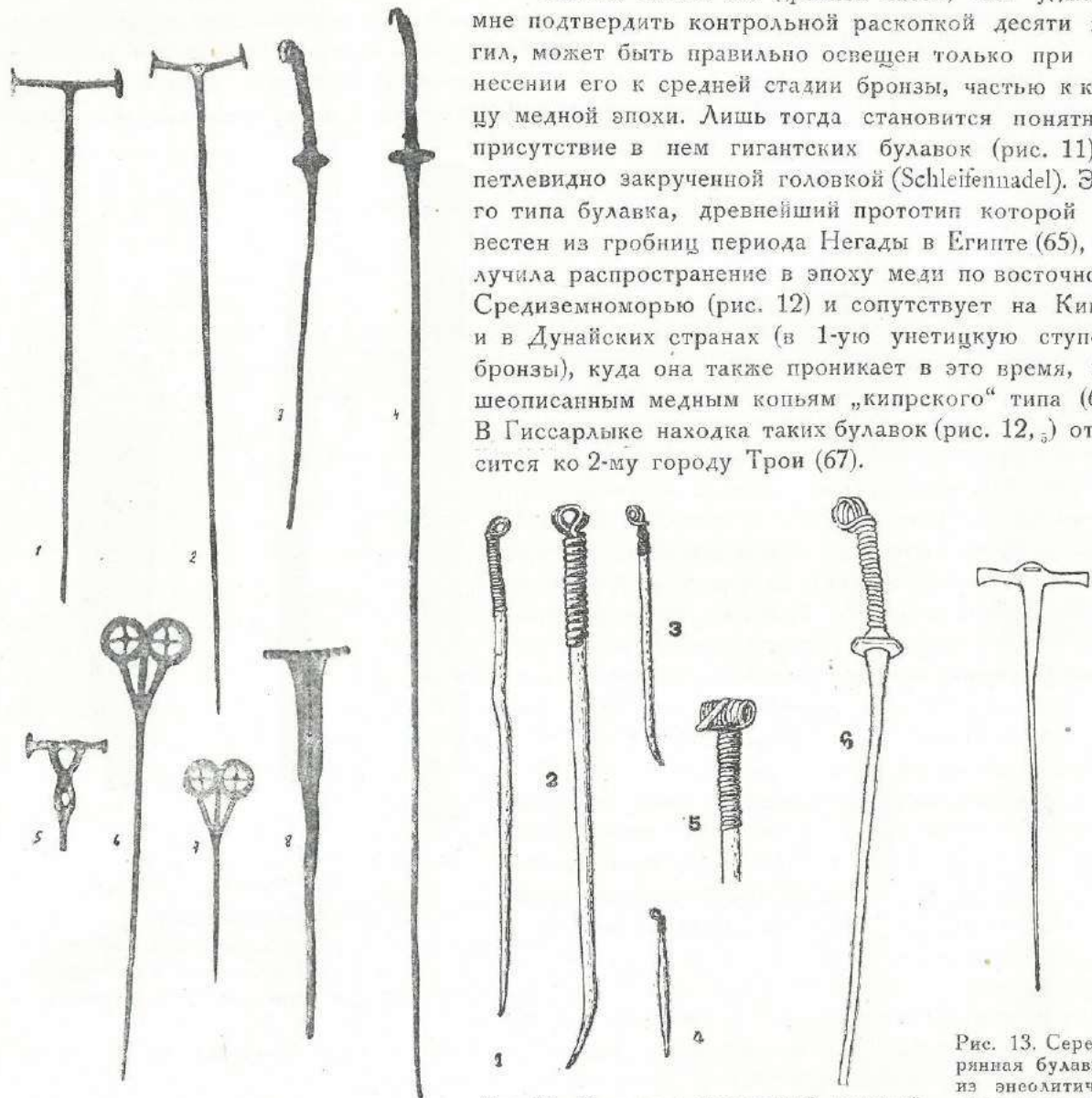

Рис. 11. Булавки из могильника эпохи средней бронзы в Сачхере (Гос. Музей Грузии). В $\frac{2}{3}$ натуральной величины.

Рис. 12. Булавки с петлевидной головкой из Передней Азии, Египта и Европы I-го периода бронзы, по Дешелетту, и булавка из Сачхере. В $\frac{2}{3}$ натуральной величины.

Рис. 13. Серебряная булавка из неолитического могильника в Ремеделло-Сотто (Италия) (по Монтелиусу)

На неслучайность этих соответствий указывает и другой характерный тип сачхерских булавок, переходящих и на Северный Кавказ (68), с тонкой Т-образной головкой, находящий свою аналогию в серебряной булавке (рис. 13) (69) неолитического могильника в Ремеделло-Сотто близ Брешии в Италии, которую Гернес ошибочно считает грубым подражанием вышеописанным медным образцам III-го тысячелетия с острова Кипра, тогда как скорее ее можно сопоставить с Кипрскими же булавками вилочной формы и электроновыми булавками из погребения Т. М. в Алака Эйюк (70).

Медные круглые полутора-спиральные завитки, сопутствующие в каждом погребении, судя по данным контрольной раскопки, молоточковидным булавкам, полностью совпадают с такими же золотыми шумерскими (рис. 99, 2) из царских могил в Уре (322). Происходящее из того же добытого в Сачхере комплекса медное долото с четырехгранным шипом лишь своей более тонкой вытянутой формой (рис. 106), близкой, между прочим, долоту Н 766 из Тепе Гиссара III (31) отличается от вышеописанного из сел. Зекари (Кутаисский Музей) и, возможно, вместе с найденным здесь же медным теслом (рис. 10в) относится к более древнему слою этого могильника.

Коллекция разнообразных топоров из Сачхере (рис. 14, 2, 3 и 4) представляет сочетание двух главных типов, с различными переходами между ними, трубчатобушного и узкого вислобушного, из которых первый особенно характерен для древнего докобанского комплекса северо-осетинских могильников и зарегистрирован в центральных частях Южного Кавказа рядом находок (Севанск. озеро, Лениканан (71), Карская область (рис. 14, 1) и пр.), а второй (72) характеризует древнейший слой дольменных погребений в Абхазии, соответствующий времени построения самих дольменов.

Проведенное мною исследование абхазских дольменов в 1937 году дало возможность статиграфически отделить друг от друга три различных периода в использовании дольменов как погребальных камер. Верхний слой оказался датированным колхидскими монетами, средний, отделенный от него стерильным пластом слоистой глины, представлял своеобразный бронзовый комплекс, частью докобанской эпохи (73), и, наконец, нижний являлся медно-брон-

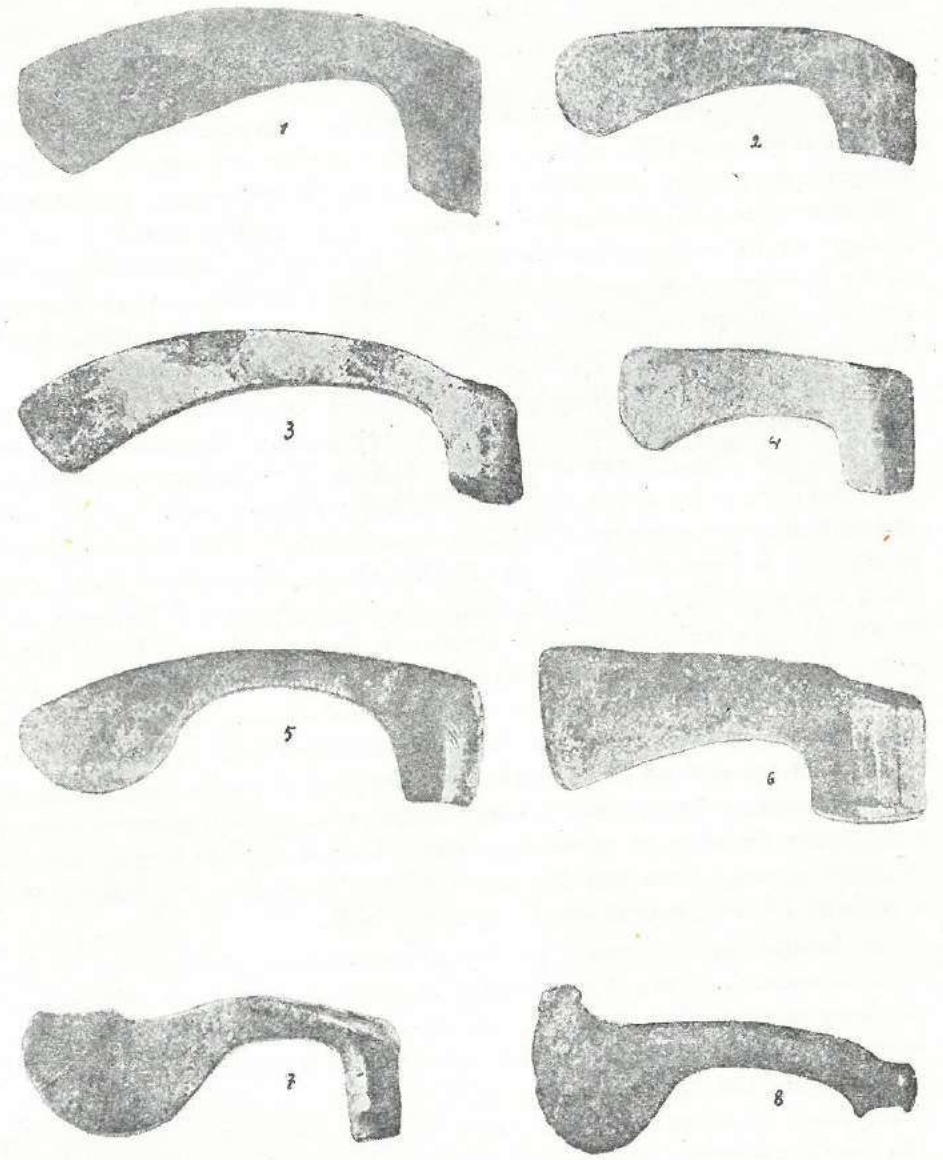

Рис. 14. Медные трубчатобушные топоры: 1) Карская область; 2, 3 и 4) Сачхере; 5 и 6) Стубло (Волынь); 7) Сев. Кавказ; 8) Западная Грузия. В $\frac{2}{3}$ натуральной величины.

зовым с замечательной заменой олова сурьмой от 5 до 10 проц. в ряде образцов. Это последнее совершенно неожиданное обстоятельство, не имевшее до сих пор прецедентов, кладет особенно резкую границу между обоими нижними слоями дольменных погребений, позволяя в дальнейшем надеяться этим путем выявить соответствующий культурный слой на более широкой территории. Именно к этому-то слою оказались принадлежащими узкие вислообушные топоры и топоры другого типа с прямым обухом (рис. 16а), но достаточно еще узкие, соответствующие по видимому глиняной форме Эрмитажа, опубликованной А. А. Иессеном (74), орудия в форме крюков или вил с загнутыми концами (тройных, двойных и одинарных) со втулками, украшенными литым шнуровым орнаментом, кованые наконечники копий и плоские лезвия ножей с вытянутым в шип основанием. К этому же слою относится вытянутой формы треугольная стрелка из светлого кремня с выступающими за основание бороздками и коротким стерженьком типа Очемчирского селища (75).

Время этого комплекса, совпадающего со строительством дольменов, определяется тяготением его к курганным дольменным гробницам станицы Пролетарской (бывшей Царской), к сачхерскому комплексу и наконец к культуре вислообушного топора восточной Европы с древнейшим его представителем из энеолитического слоя с расписной керамикой в Румынии (Кукутени В) (76). Наибольшую близость к грузинским и северо-осетинским находкам трубчатообушных и вислообушных топоров проявляют топоры из Стубло в Волини (рис. 14_{3в}), найденные в 1927 году в кладе, сравнительный анализ которого, сделанный В. Антоньевичем (77), показал явную зависимость их от шумерских прототипов (рис. 15), а также и от прямолезвийных эламских (78). Несомненная принадлежность клада к унетичской ступени средне-европейской бронзы, подтверждая в свою очередь вышеуказанное отношение сачхерских булавок (с петлевидно-закрученной головкой) к их европейским аналогам, позволяет отнести нижнюю границу и грузинских форм к рубежу II и III тысячелетий до нашей эры.

Особое направление в развитии грузинских бронзовых топоров обнаруживает находка (рис. 16б) в Горийском районе в сел. Меджврисхеви, двух широколопастных медных топоров (олова 0,33 проц.), находившихся вместе с замечательной бронзовой кованой чашей (рис. 17), в форме правильного отреза человеческого черепа овальной формы. На внутренней поверхности дна чаши имеется изображение птицы (рис. 18), гравированное качалкой, то есть острой, узкой стамесочкой, передвигаемой последовательными поворотами вокруг то одного, то другого ее угла. Принадлежность чаши с великолепной тонкой блестящей черноватой патиной к одному комплексу с архаичными топорами подтверждается следами приставшей к ее дну ярко зеленой патины топоров, лежавших под ней.

Приведенные свидетельства о длительной культурной жизни Грузии в эпохи древней и средней бронзы заставляют нас искать на месте и непосредственных предшественников кобанской поздней бронзы, являющейся, по видимому, колхидской, не только по территории основного своего распространения, но и по происхождению. Я рассмотрел в другом месте (28) этот го-

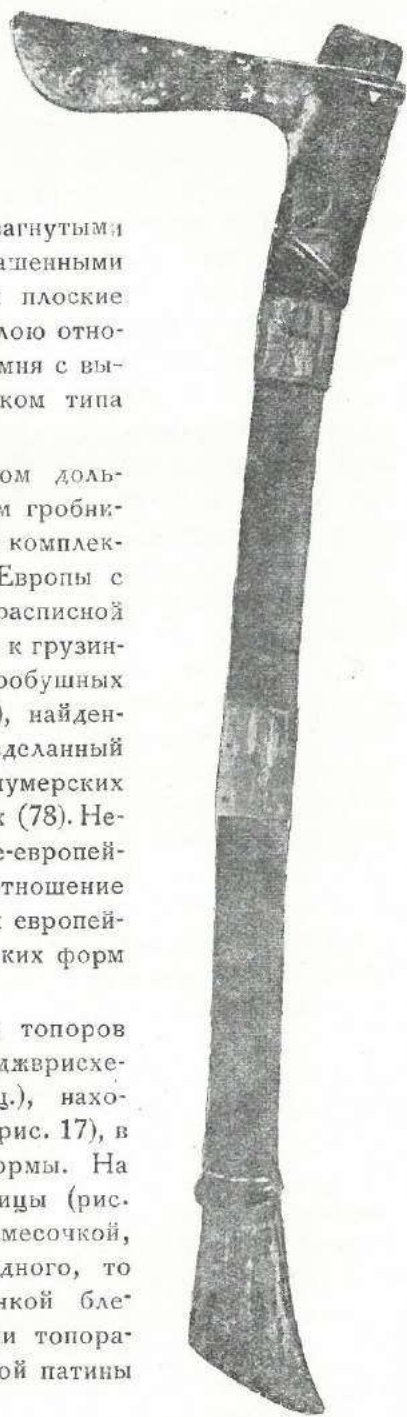

Рис. 15. Бронзовый топор с рукоятью из царского погребения в Уре.

прос и ошибочность недавно выдвинутой венским археологом Ганчаром (79) гипотезы о развитии кобанского топора на северном Кавказе, непосредственно из „кавказско-южно-русских“ каменных прототипов. Этому предположению, помимо хронологического разрыва, противоречат и чисто формальные обстоятельства (28). Напротив, на территории Колхиды и Лазики мы действительно находим показатели местного происхождения этого топора. Я имею в виду одну группу медно-бронзовых топоров, существующих в двух вариантах с круглым и овальным отверстием и являющихся по своему типу, с оформившимся уже шестигранным перехватом туловища, как бы двумя последовательными фазами в развитии ранних прототипов кобанских топоров. К первому варианту принадлежат два топора Новороссийского музея, найденные в 1917 году близ сел. Пиленкова. Десять таких же топоров (длиною 16 см), один из которых хранится в Сухумском музее, было найдено зимой 1935 года в Гаграх, при постройке санатория Чай-Грузия. Топор второго варианта, этого же типа, с более резко оформленной лопастью происходит из Махунцети и находится в Батумском музее.

Район распространения этих топоров вместе с кобанской бронзой идет и далее на юг в Карсскую область, откуда доставлен академиком Б. Н. Тураевым подобного рода топор, хранящийся ныне в Эрмитаже. До известной степени эта группа топоров генетически родственна, в ином направлении, замечательному бронзовому топору (олова 6,83 проц.), необычной для Кавказа формы, найденному в 1935 году в Грма-Геле в гор. Тбилиси на кирпичном заводе № 2 и приобретенному мною для Гос. Музея Грузии в 1937 году. Как было выяснено на месте, топор находился вместе с человеческими костями в глиняном карьере, который к моменту осмотра был уже далеко пройден от места погребения. Топор этот (рис. 20), судя по форме и величине (21 см общей длины и 14 см ширины лопасти), представляет собою парадную боевую секиру

Рис. 17. Изображение птицы, внутри чаши из Меджврисхеви. В нат. велич.

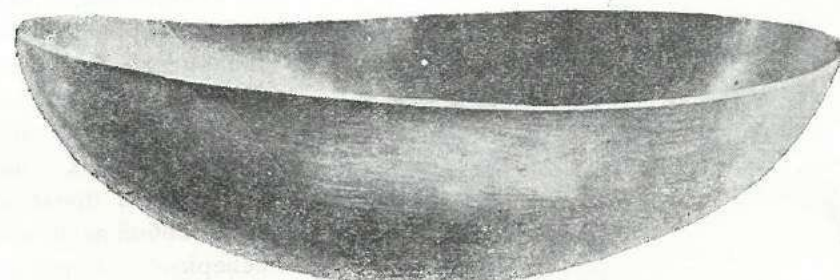
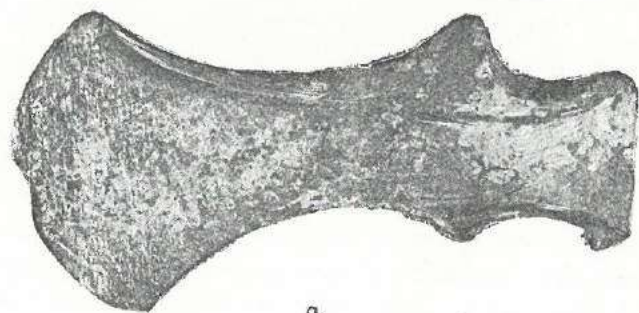

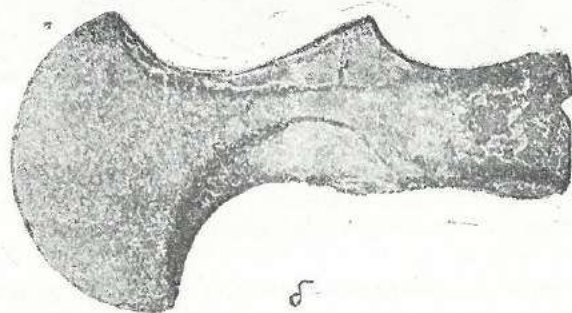
Рис. 18. Бронзовая чаша из Меджврисхеви (Гос. Музей Грузии 10—25: 8). В 3/4 натуральной величины.

с опущенным обухом и выдвинутым кверху изогнутым шестигранным туловом, расширяющимся в вееро-образное лезвие. Обух украшен рельефным грузским орнаментом. Не-

смотря на специфичность формы, связь с предыдущей западно-грузинской группой топоров подчеркивается приемами лепки формы с резко выраженным желобчатым отжимом в нижней выемке топора под лопастью и в мысообразном выступе сверху. С другой стороны

а

б

Рис. 19. Медные топоры из Западной Грузии: а) Гагры (Абхазский Музей); б) Махунцети (Батумский Музей). В 1/2 натуральной величины.

графически промежуточную область между районами с расписной керамикой древнего типа и известными нам пунктами Западной Грузии и Северной Осетии (Рионо-Терекский водораздел) с находками древнейших медно-бронзовых изделий.

Главное, что делало, в этом смысле, Триалети особенно интересным для

Рис. 20. Бронзовый топор из Грма-Геле в Тбилиси (Гос. Музей Грузии). В 1/2 нат. влнч.

по общему соотношению обуха с выдвинутой вверх лопастью топор этот как бы является развитием, через касситский топор Лувра (80), более скупой прямолинейно очерченной формы тоже бронзового топора из VI слоя в Тепе Гавра (81), датируемого саргонидской эпохой, то есть первой половиной III тысячелетия до нашей эры.

Следовательно и в области южных склонов Кавказского хребта удается установить длительный процесс развития медно-бронзового производства, тесно связанного с Месопотамским югом и Средиземноморьем, начиная с древнейших его стадий. К сожалению, разница в составе инвентаря южно-закавказских и западно-грузинских погребений этого времени, представленных в одном случае только керамикой, в другом — преимущественно металлическими изделиями, в сильной мере затрудняют их синхронизацию. Необходимо было искать счастливые случаи, чтобы преодолеть этот разрыв. Такого рода случаи представились возможностью провести систематические исследования в Триалети, занимающем и гео-

на нас, это то, что именно эта область, согласно имевшимся уже данным проф. Л. М. Меликсет-Бекова (82), является районом распространения мегалитических памятников и представляет собой наиболее северный аванпост густого продвижения по бассейну р. Храми или Кцхи, вплоть до Бакуриани, циклопических крепостей,

предшествовавших в южных частях Южного Кавказа ванской экспансии и связанных там с районом распространения окрашенной керамики. В то же время Цалка—Триалети давно уже обращала на себя внимание очень ранним интенсивным производством обсидиановых орудий (83) в эпоху задолго до первого появления металла.

Действительно, первая же осуществленная, наконец, нами в 1936 году на средства, отпущенные Храмгэсстроем, детальная разведка Цалкинского плоскогорья поставила нас сразу перед лицом замечательного факта, что Триалети, кроме всего сказанного, является районом распространения совершенно особого до той поры неизвестного во всем Куро-Аракском Двуречьи типа древней расписной керамики (рис. 89 и табл. LXXV), сходной в некоторых отношениях со 2 эламским стилем и связанной здесь с крупными погребальными курганами, самое существование которых в Грузии никем даже не подозревалось.

Это обстоятельство совсем по новому осветило древнейшее историческое значение края и привело нас, наряду с вышеупомянутыми исследованиями дольменов Абхазии и Сачхерского могильника, к подробному изучению именно этого района в поисках ответа на поставленные нами вопросы о древнейших корнях культурной жизни Грузии вместе со всем Южным Кавказом.

ОБЗОР ИНВЕНТАРЯ РЯДОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ЖЕЛЕЗНОЙ И ПОЗДНЕ-БРОНЗОВОЙ ЭПОХИ ЦАЛКИНСКОГО ПЛОСКОГОРЬЯ

Краткое обозрение инвентаря рядовых могильников, раскопанных экспедицией в Триалети, имеет в данном случае целью не только проследить последовательную смену форм материальной культуры и характер погребений на протяжении полутора тысячелетия в пределах одной узкой территории, но подойти, также и этим путем, к установлению возраста тех совершенно новых культурных ансамблей, которые обнаружены нами в курганах Грузии и впервые представили в неожиданном блеске эпоху древней расписной керамики на Кавказе. Поэтому рассматривать инвентарь погребений нам придется не в порядке историческом, а обратном, начиная от наиболее молодых могильников и постепенно идя вглубь, с тем чтобы, заполнив, таким образом, непрерывной цепью памятников весь период времени поздней и древней железной эпохи и поздней бронзовой, наконец подойти к несоприкасающейся ни с одним из могильных комплексов загадочной курганной культуре периода средней и древней бронзы и достичь наконец энеолитического слоя.

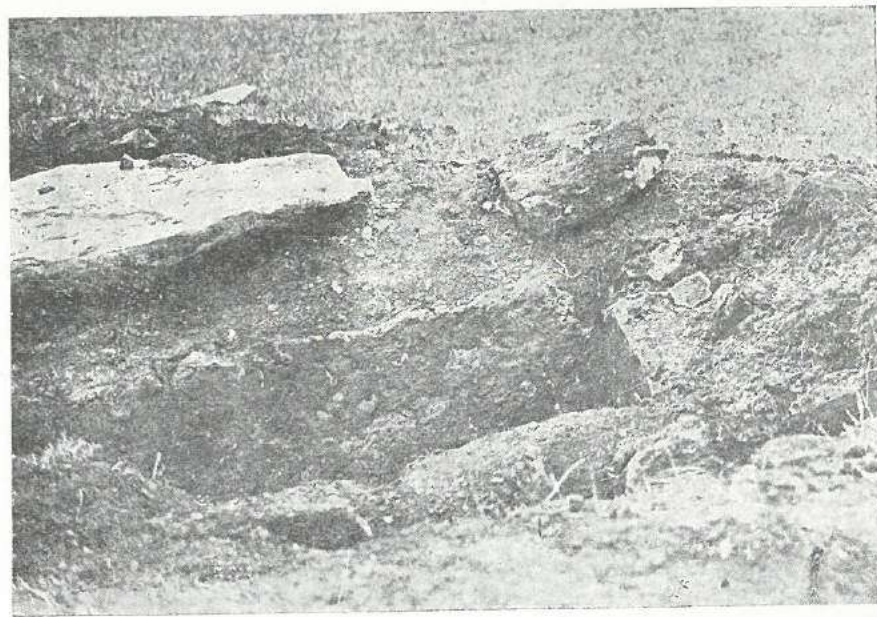

Рис. 21. Каменный ящик сасанидской эпохи близ сел. Санта (Цалкинск. р-н).

У погребенных мужчин наблюдалась часто искусственная деформация головы в сторону уплощения лба и вытягивания затылочной части черепа. Следы деформации имелись и на черепах детей различного возраста. Для погребального инвентаря типично полное отсутствие глиняной посуды, ни разу нами не встреченной, если не считать грубо вылепленного из глины светильника в форме ступки в углу одной могилы (рис. 22). Очень часто костяки погребенных, особенно мужчин, не сопровождалась никаким инвентарем. Относимые нами к этой эпохе железные предметы (рис. 24) принадлежат к случайным находкам крестьян.

1. Могильники современные сасанидской эпохе

Погребения этого времени исследовались только в первый год работ экспедиции. Позднее уже нам не пришлось продолжить их изучение, вследствие необходимости сосредоточить внимание на более древних памятниках района. К этому времени относятся три

могильника, не лежащие непосредственно на территории затопления. Все они были затронуты раскопками в 1936 году: а) могильник у заброшенной недостроенной шоссеной дороги из Санта в сел. Джиниси, в одном километре от сел. Санта, выше истока ручья Нерон Дереси, б) могильник в северо-западной части сел. Бармаксыз и в) могильник на спуске большой шоссеной дороги со стороны Манглиси в Бармаксыз, в 2-х километрах от моста через реку Храми. Подобные же, видимо, могильники, судя по неполному отчету Такайшвили и материалам из его раскопок в Музее Грузии (84), имеются еще и в других местах Триалети, в частности у сел. Геряк.

Покойники положены в каменные ящики, которые легко узнаются по своей, большей частью, удлиненной форме, от 2—1,7 метра длины и 0,55—0,4 метра ширины, из нетолстых каменных плит, обыкновенно, в количестве шести штук. Покрываются ящики одним или двумя плоскими камнями неправильной формы. Характерна ориентировка головных концов ящиков на юго-запад (Санта, Манглиское шоссе) или на запад (Бармаксыз). Костяки взрослых обыкновенно лежат на левом боку с подогнутыми незначительно ногами и поднятыми к лицу руками, иногда же на спине тоже с согнутыми ногами (рис. 22). Детей находим погребенными до трех вместе в одном маленьком ящике (рис. 23). В одном случае ящик более широкой формы, 1,72×0,87 метров (рис. 21), заключал в себе датированное сасанидской монетой коллективное, вторичное, захоронение четырех человек: четыре черепа лежали в разных частях ящика и отдельно груды костей.

Представление об инвентаре женского погребения дает могила, датированная сасанидской серебряной монетой царя Кавада, что позволяет отнести погребение к VI веку нашей эры. Здесь мы находим железную фибулу (рис. 25.), являющуюся, по форме S-видно согнутой дужки, переработкой в железном материале позднеримских арбалетных фибул. Подобные же фибулы были находимы Байэрном в могилах

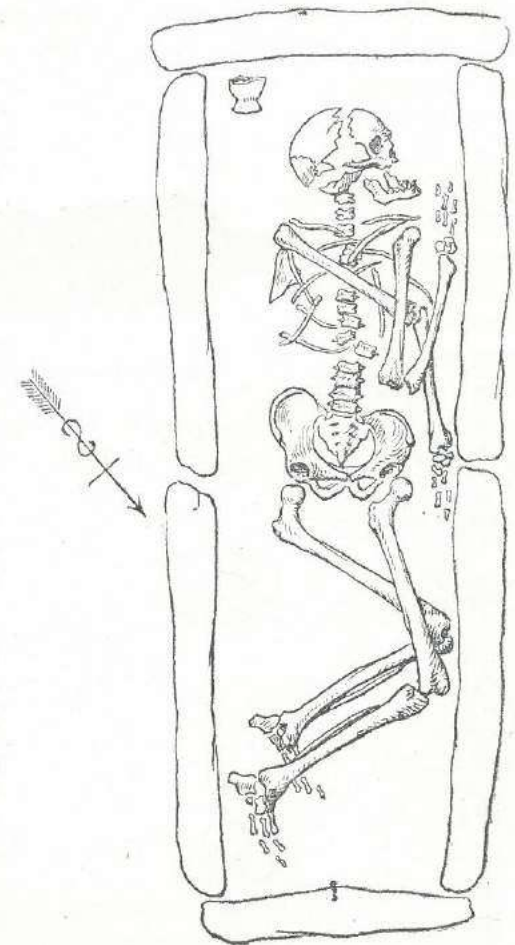

Рис. 22. Погребение сасанидской эпохи у шоссе на Бармаксыз (Цалкинск. р-н).

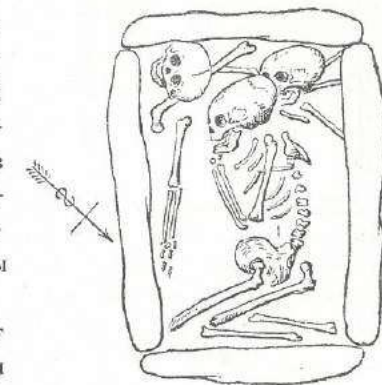

Рис. 23. Коллективное погребение детей с искусственно деформированными черепами у шоссе на Бармаксыз. В 1/12 натур. велич.

верхнего этажа Самтавро, к сожалению, без указания в каких именно погребениях, но судя по находке такой же точно фибулы в Карснис-хеви близ Загаса (85), в могильнике из каменных ящичков, именно в ящичных погребениях. Инвентарь последних в Карснис-хеви вполне совпадает с нашим. Это обстоятельство позволяет датировать и этот последний могильник эпохой не ранее V и не позднее VII века нашей эры, что совпадает и с наблюдавшимся Байэрном (86) налеганием каменного ящичка на черепичную гробницу, представляющую род погребений в общем одновременной с ящичками эпохи, но ранее, повидимому, закончивших свое существование.

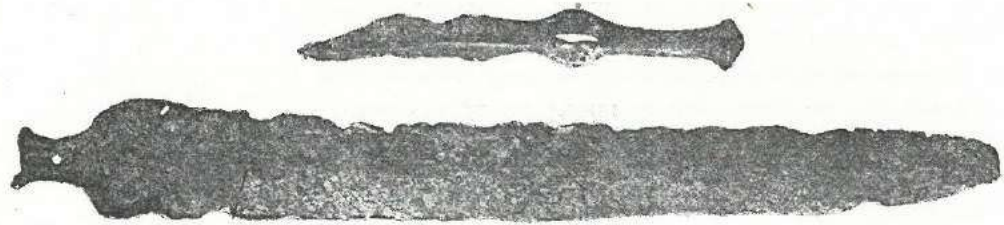

Рис. 24. Железное оружие: боевой топорик и меч (Цалкинский район).

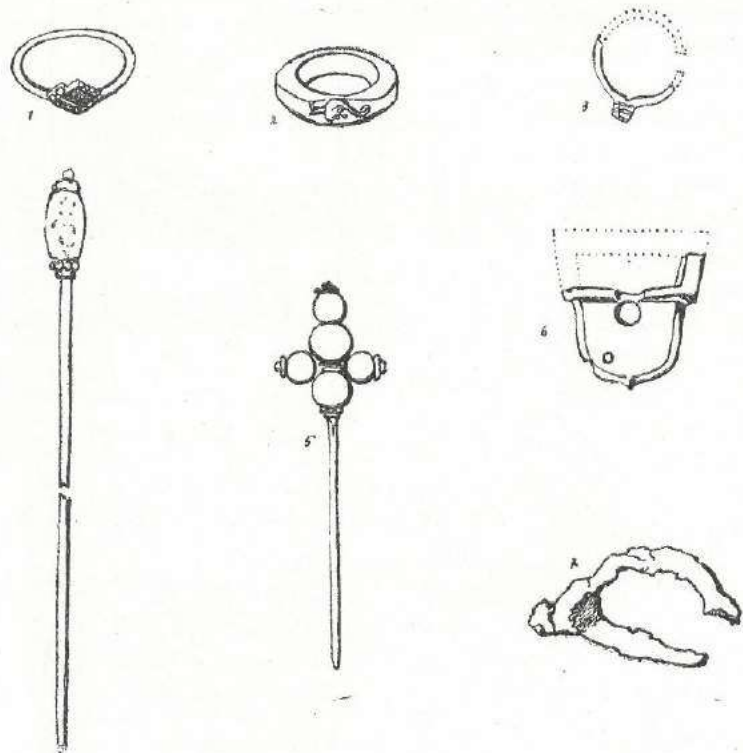

Рис. 25. Украшения из погребения сасанидской эпохи близ села Саита (Цалк. р-н) 1, 2. Перстни, серебряный и сердоликовый с геммой; 3. Серьга бронзовая; 4, 5. Булавки бронзовые с перламутровой и гранатовой головками; 6. Пряжка бронзовая; 7. Фибула железная; 1, 2, 4, 5 и 7 из одного погребения с монетой царя Кавада. В $\frac{2}{3}$ натуральной велич.

придающими головкам сходство с плодами мака или граната, являющимися символами много-семянного плодородия. Булавки с головками из граненых стеклянных бус, найденные Такайшвили на Цалке, также находят полные аналогии в вышеупомянутых могильниках других мест. К этой же эпохе следует отнести, повидимому, и булавку с железным стержнем и бронзовой фигуркой петушка на его конце, которую Такайшвили (84) нашел в детском ящичном погребении на Цалке в сел. Геряк.

Булавки из тонких бронзовых и железных проволок с лапучными головками, точеными из камня, коралла и раковин, а также стеклянными, обычны и для подобных ящичных погребений близ Мцхета (87), Сартчала, Манглиси, а также и Сухуми, где они найдены с бородавчатыми слезницами (88), указывая на распространение однородного погребального инвентаря в это время по всей территории современной Грузии. Цалкинская булавка с головкой из пяти шаровидных гранатовых бус (рис. 25, 5) является одной из наиболее красивых и дорогих в этом роде, отличающейся необычайной тонкостью шлифовки и правильностью сферических поверхностей камешков. Булавки с овально вытянутыми головками из розового коралла и белых массивных стенок морских раковин, несомненно привозных, в точности совпадают с вышеупомянутыми находками из других мест, теми же способами скрепления нанизанных головок со стержнем, помощью гаечек и заклепок с звездчатыми вставочками,

Серьги (рис. 25, 3) представляют собой незамкнутое колечко из тонкой бронзовой проволоки с массивным кубической формы наростом, имитирующим древнюю зернь или бусинку более ценных одновременных экземпляров. Перстень из тонкой серебряной проволоки имеет припаянное гнездо ромбической формы для камня также с имитацией бордюра из зерни (рис. 25, 1). Характерными для подобных могил являются найденные здесь перстни, выточенные из целого куска красивого розового сердолика с площадкой для геммы и с вырезанным на ней, в одном случае, изображением птицы, журавля или аиста (табл. V и VI). Сходные перстни без гемм имеются в инвентаре Самтаврского могильника у Байэрна (89) и в соответствующих нашим каменным ящичкам в Мцхете у Такайшвили (90), а перстни халцедоновые с геммами были находимы в могильнике Камунты и известны вообще среди перстней сасанидской эпохи с характерными изображениями (91). Бусы встречены нами в небольшом числе — мелкие из темного „бутылочных“ тонов синего, зеленого и желтоватого стекла, неправильной формы. Сердоликовые бусы единичны, редки и отличаются грубой формой и очень плохой отделкой.

Одновременность с этим датированным монетой погребением и ряда других соседних могил подтверждается находкой в одной из них бронзовой пряжки (рис. 25, 6), типичной для ряда могильников этой эпохи с удаленных территорий, повидимому, питавшихся тем же самым широким импортом подобных изделий, как это мы можем видеть также из сравнения и других предметов, например, пряжки с костыльком вместо дужки и ременных наконечников из Мцхета у Такайшвили и соответствующих находок на Черноморском побережье Северного Кавказа или в могильниках крымских готв (92), если не указывать дальнейших соответствий. Так в точности нашего типа пряжки с четырехугольной дужкой и сплошным щитком, заканчивающимся мысиком, имеются в бронзовых и серебряном экземплярах из могильника на Черноморском побережье Северного Кавказа у Тонкого мыса, между Новороссийском и Геленджиком, который датируется, по сходству инвентаря с могильниками крымских готв, заключающими монеты, и поздними катакомбными погребениями Херсонеса, тем же V—VII веком нашей эры (93), как наши цалкинские, а также мцхетские.

Поэтому особенно замечательно значительное своеобразие грузинских могильников этого времени, как в Триалети, так и в других указанных местах, сравнительно с северокавказскими и крымскими, что сказывается например в отсутствии в это время обычая класть в Грузии с покойником глиняную посуду (за редкими исключениями), в наличии характерных булавок с камнями для скрепления женского головного убора, неизвестных совсем в синхроничных могильниках вне Грузии и южного Кавказа, в распространенности здесь резного камня: печатей-гемм и целых перстней, вырезанных из сердолика и, напротив в редкости браслетов, почти не представленных в инвентаре соответствующих погребений как на Цалке, так и в Самтавро.

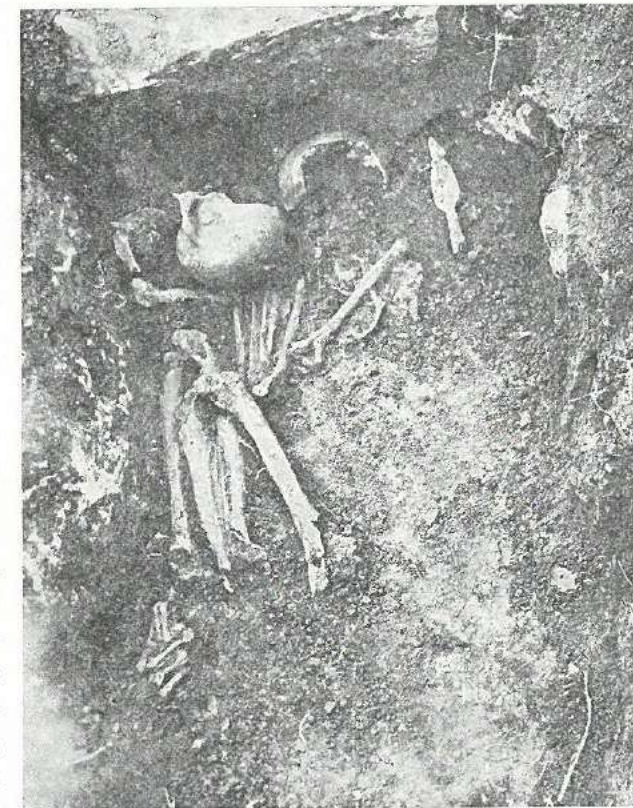

Рис. 26 а. Ящичное погребение римской эпохи у сел. Таш-Баш (Цалкинский р-н).

Все эти особенности инвентаря заурядных женских погребений, несмотря на их бедность, обнаруживают, достаточно определенно, характерные черты костюма грузинок указанной эпохи: употребление накидок или покрывал, скрепляемых фибулами, продолжающими позднеримские традиции; головной убор, украшаемый тонкими булавками с головками из камней, как это мы находим до сих пор в грузинском тавсакрави с особой булавкой (киндзистави маскулави) на лбу; наконец восточная мода на резной камень и, особенно, сердоликовые перстни, неизвестные на западе.

Близок по времени описываемым могильникам Триалети и золотой перстень, найденный случайно в местности, называемой Саномерская Хараба, близ развалин старой грузинской церкви. Этот перстень с двумя сердцевидными и одним круглым в середине гнездом для камней (рис. 27, 4) в точности повторяет перстень, из сел. Агаяни Горийского района (Музей Грузии, инв. 16—28), найденный вместе с позднего типа золотой монетой Константина Великого и туземным подражанием ей (94), в одном из глиняных саркофагов, время употребления которых, следовательно, совпадает в Грузии с ящичными погребениями, хотя саркофаги эти и напоминают „поздне-вавилонские“ (95) различных форм, как например, в виде футляра или башмака (Музей в Зугдиде) или в виде ванны с крышкой, как находки в Мцхете и Урбниси (96).

2. Погребения, синхроничные римской и парфянской эпохам

Погребения этого времени принадлежат к наименее изученным на Цалке. Вскрытые нами отдельные каменные ящики в селениях Таш-Баш, Сафар-Хараба, Санта дали лишь мало характерный инвентарь римской эпохи: железное оружие, состоящее из наконечников копий, дротиков, топоров и ножей, бронзовые браслеты и светло-глиняную посуду с характерными широкодонными кувшинами. Эти погребения, в отличие от рассмотренной выше группы сасанидской или византийской эпохи, имеют каменные ящики иного вида, меньших размеров 1,1—1,2×0,7—0,8 метров, сложенных, большей частью, из четырех плит и ориентированных нередко головным концом на юго-восток. Покойники находятся в них в сильно скорченном положении на правом боку с двумя, тремя сосудами у колен и головы (рис. 26 а, б).

Но кроме подобных ящичных погребений, на Цалке практиковались в это время спорадически и грунтовые погребения именно в каменных насыпях древних курганов. Плохая сохранность костей этих погребений затрудняет сказать о них что-либо определенное. Только случайно находимый при раскопках курганов мелкий групповой инвентарь: бусы, бронзовые колокольчики, железные перстни с геммами (рис. 27) в сопровождении следов человеческих костей и разбитой светло-глиняной посуды позволяют датировать время этих погребений. Такого рода находки были сделаны в ряде различных курганов.

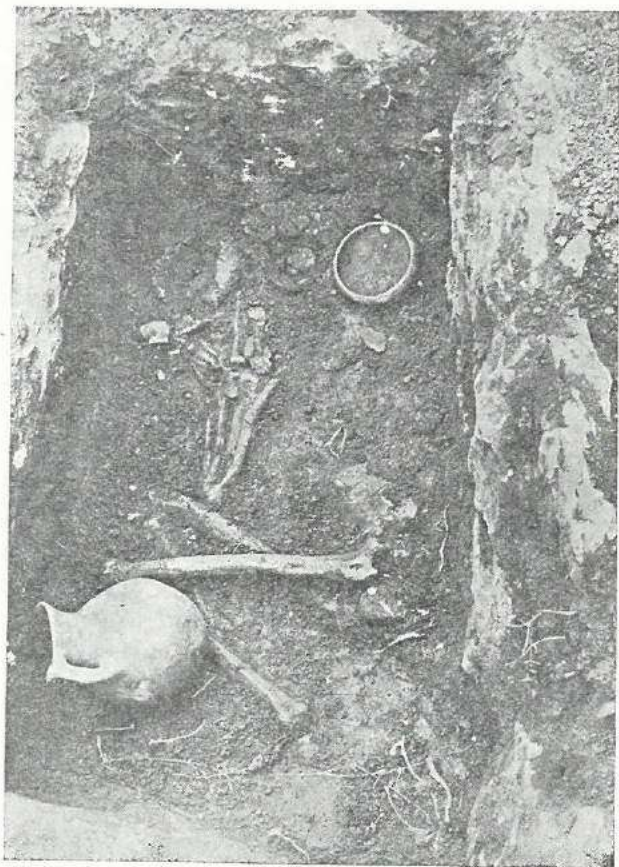

Рис. 26 б. Ящичное погребение римской эпохи у сел. Таш-Баш (Цалкинский р-н).

Наиболее интересной находкой в этом роде, но без явной связи с человеческими костями, возможно окончательно истлевшими, является находка в камнях насыпи кургана XXIII близ Бешташена миниатюрного плоскодонного амфорисковидного сосудика, покрытого густой синей стекловидной глазурью (табл. XX₂). Внутри сосудика находились серебряная монета, оказавшаяся римским денарием императора Августа, или же, может быть „ранним подражанием“ ему с близкой подлиннику передачей легенды и изображений, но с добавлением на реверсе, в поле между Диоскурами над их щитами, маленького равноконечного крестика, отмеченного Е. М. Придиком и на двух денариях имп. Августа из Бори (97), сердоликовая крупная грубо обработанная буса, покрытая орнаментом, наведенным по ней особым белым очень прочным стекловидным лаком, и бисер.

Судя по монете и бусе, использующей указанный прием орнаментации, правда, продолжавший жить некоторое время и позднее—в сасанидскую эпоху (98), эту находку синего глазурованного сосудика следует отнести к первым векам нашей эры.

К несколько более раннему времени парфянской эпохи относится могильник, по видимому, существующий близ самого Храмгэса, около сел. Розенберга (бывший Александерсгильф), где Л. Б. Шульцем было открыто, еще в прошлом веке, среди ряда других, интересное, по своему инвентарю, погребение (99). По данным Шульца, использованным в свое время Уваровой при описании коллекций Кавказского Музея, раскопанные им здесь погребения находились в хорошо сложенных характерных коротких ящиках, 1,16×0,79 метра размером, вполне соответствующих, по своей форме и величине, отмеченным и нами в Триалети погребениям римской и эллинистической эпохи.

К инвентарю интересующего нас погребения принадлежит большая четырехугольная ажурная бронзовая поясная бляха (рис. 28), с изображением фантастического животного, того самого типа богато орнаментированных блях, который оказался, несмотря на все своеобразие и большое количество находок в Грузии, не поддающимся точной датировке, ввиду того, что все известные находки этих блях являлись случайными и не связанными с погребениями. Последнее обстоятельство заставляло даже иногда сомневаться в подлинности таких блях и подозревать в этих содержательных изделиях археологическую подделку.

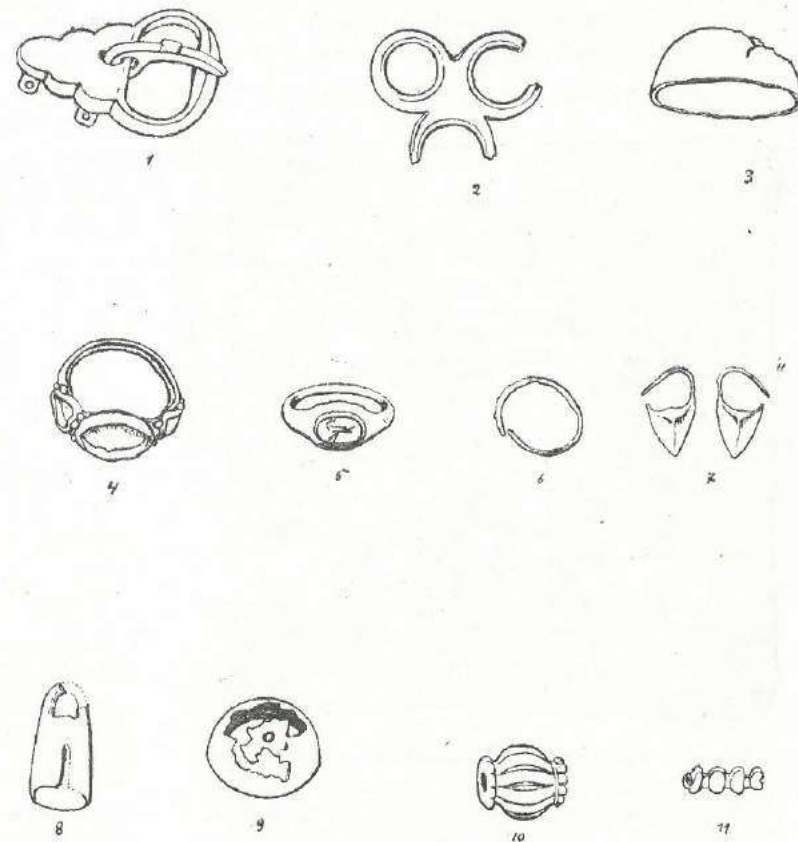

Рис. 27. Мелкий инвентарь римской эпохи из погребений и вкладов в насыпи курганов (Цалкинский р-н); 1—3, 6—9—бронзовые; 5—железный перстень с геммой; 4—золотой перстень; 10—11—бусы из стекловидной пасты. В $\frac{1}{2}$ натуральн. величины. 1, 3, 5, 6 из кург. XV, 2, 7 из кург. VIII; 8—11 из кург. VII.

ку (100). Однако, подвергнув еще в 1934 году специальному изучению коллекцию подобных блях Государственного Музея Грузии и бывшего музея Общества истории и этнографии, мне удалось их вполне реабилитировать, датировав эллинистической эпохой.

Ключ к датировке дает находка Шульца, сопоставленная с несколько менее ясно документированным комплексом Вейсенгофа (Гос. Музей Грузии, инв. 66—08: 68—96), с такими же двумя бляхами (рис. 29) из Манглиси, где на большом плато имеется некрополь с каменными ящиками эллинистической эпохи (101). Обе эти находки, сделанные в Триалети, в противовес мнению М. И. Ростовцева (102) о принадлежности подобных блях специально Центральному и Северному Кавказу, тяготеют, как и бляха Армянского этнографического общества (по уверению Лалаяна), из Ахаалкалакского уезда, к значительно, более южному пределу распространения этих древних художественных памятников, хотя, может быть, и прав был Такайшвили (103) полагавший, на основании наибольшего числа находок этих блях в Дигории, Имеретии и Раче, местом их производства ущелья Квирилы и верхнего Риона, где по его данным такие бляхи были находимы и в погребениях, именно в каменных ящиках, сел. Кацхи и Сачхере (104).

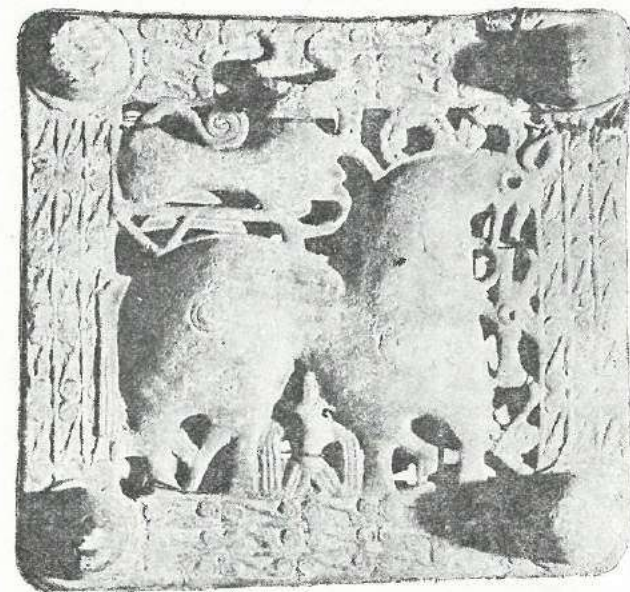

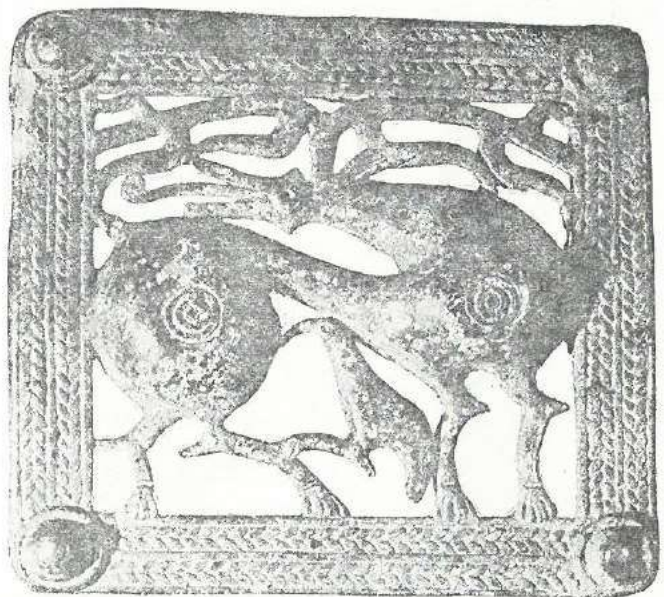
Рис. 28. Бронзовая поясная бляха из ящичного погребения близ Розенберга (Храмгэ). Раскопка Шульца (Гос. Музей Грузии). В $\frac{1}{2}$ натуральной величины.

Сопоставив инвентари, связанные с цапкинской бляхой и с манглискими, нетрудно убедиться не только в их одновременности, но и в соответствии этого инвентаря одному хорошо представленному культурному слою северо-осетинских аулов Рутхи и Комуны, к которым Шантр (105), не приводя оснований, но определенно относил подобные бляхи. Сомнения Уваровой в правильности этой локализации были основаны на недостаточной, якобы, достоверности источников Шантра и на том, что ей лично не удалось отыскать в Раче в селении Геби (106) могильника, откуда считались

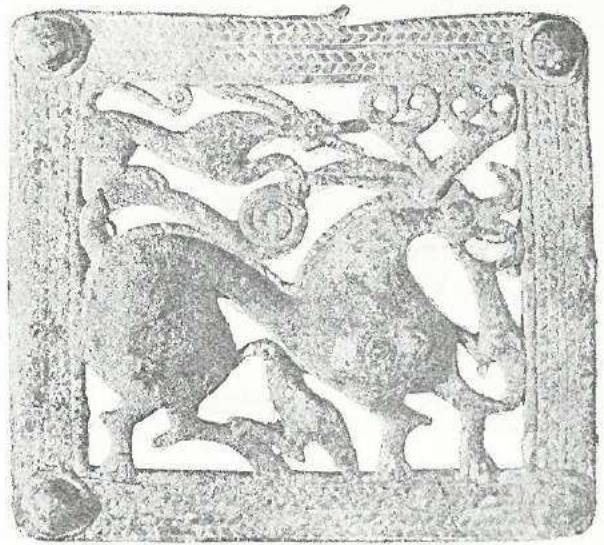
приходящими замечательные бляхи ее личного собрания, но как убедительно показала Т. Ивановская (107), бляхи этого типа действительно стилистически спаяны (например, трактовкой треугольных бычьих голов с лировидными рогами) (рис. 28 и 31) с происходящими, несомненно, из аулов Кумбулты и Рутхи круглыми подвесками на цепочках, которые в свою очередь соответствуют южно-осетинским подобным же находкам подвесок и блях (сел. Икоти, Музей Грузии, инв. 9—25: 1—4, и сел. Джава, Горный крайведческий музей) одного технического приема выделки и стиля (рис. 31). Подкрепленная, таким образом, достоверность цапкинского и манглиского комплексов с бляхами приводят нас к необходимости датировать их на основании сопровождающего эти бляхи инвентаря (рис. 30). К сожалению, принадлежащие к манглиской находке три монеты (инв. 66—08: 81—83) оказались исчезнувшими и, во всяком случае, мне не удалось их увидеть в археологическом отделе Музея Грузии, но, на основании бронзовых фигурок животных (рис. 30, 3 и 4) и птицы, полностью совпадающих с подобными же фигурками из Рутхи, Бори (103), из клада в горшочке у селения Жонети по Военно-Осетинской дороге (инвент. 5—31) с римскими серебряными монетами имп. Адриана, их трудно увести глубже I-го века до нашей эры. Об этом свидетель-

ствуют с другой стороны трехкольчатые пряжки (рис. 30, 8), тождественные с находками в Дидубе с такой же фигуркой животного, шнуровыми ажурными колокольчиками и браслетами эллинистической эпохи, а также с происходящими из раскопок Уваровой (близ аула Корца, в могиле № 2) вместе с железной арбалетной фибулой и зеркальцем, из особого бронзового сплава, типа последних веков до нашей эры (109).

Наконец, полностью соответствует этому времени фаллический подвесной амулетик из голубой пасты (рис. 30, 5), привозного происхождения из греко-римского Египта, как об этом свидетельствует заключающее подобную фигурку ожерелье (110) из разнообразных амулетов, найденное в Керченской гробнице эллинистической эпохи, и другое тоже амулетное ожерелье из Египетского отдела Одесского Музея, датированное там IV—I в. до нашей эры. Этот амулет не является единственной находкой и в Грузии. Мы видим подобный амулетик в паре с вульвой, из той же египетской пасты, в собрании бус, извлеченных из второго купчинского погребения, раскопанного Г. С. Читая в 1924 году в Земо-Авчала (111), недалеко от Мцхета. Однородный инвентарь этого и других трех вместе раскопанных купчинских погребений состоит, главным образом, из разнообразных бус, среди которых основная роль принадлежит стекловидно-пастовым, характерно ирридирующим после удаления темной поверхностной пленки, затем, чечевицеобразным, боченковидным гладким из крученого тонкостойкого стекла, совершенно тождественным Ялойлуталинской культуре, а также характерным для последней же веретенообразным толстостойким, имитирующим агат, боченковидным продольно-ребристым с поперечным валиком с обоих концов, плоским квадратным пластинчатым и пр., затем гишеровым шаровидным и овальным, редким (мало характерным) сердоликовым, наконец пастовым и костяным из зубов оленя, упомянутым выше, при сравнении их с сагурамскими находками. Хорошо датированными являются здесь также округло-конические бронзовые колокольчики с треугольными прорезями, как в манглиском комплексе (рис. 30, 1, 2), в Дигоме (112) (с парфянскими драхмами), и в „сырцовых гробницах“ этой же эпохи в Азербайджане (в раскопках Розенберга), затем железные перстни (4-ое погребение) с сердоликовыми геммами (муха, цветок), подобные цапкинскому перстню из впускного погребения в насыпи Шепякского кургана XV (рис. 27, 5), пастовая гемма с

а

б

Рис. 29. Бронзовые поясные бляхи из могильника близ Манглиси (Гос. Музей Грузии). В $\frac{1}{2}$ натуральн. велич.

Хорошо датированными являются здесь также округло-конические бронзовые колокольчики с треугольными прорезями, как в манглиском комплексе (рис. 30, 1, 2), в Дигоме (112) (с парфянскими драхмами), и в „сырцовых гробницах“ этой же эпохи в Азербайджане (в раскопках Розенберга), затем железные перстни (4-ое погребение) с сердоликовыми геммами (муха, цветок), подобные цапкинскому перстню из впускного погребения в насыпи Шепякского кургана XV (рис. 27, 5), пастовая гемма с

грубым изображением козла в железной оправе (инв. 34—24: 208, во 2-ом погребении) и наконечник трехгранная бронзовая стрелка (инв. 34—24: 259) сильно попорченная и кажущаяся поэтому излишне архаичной для всего этого комплекса. Глиняная посуда, лепленная из светлой отмученной (несколько мажущейся) глины (круглые блюда на кольцевидном поддонье, плоскодонные низкие кувшинчики с ручкой и двуреберным утолщением наружного края венчика), хотя и отличается от более вычурной и богатой формами, предвещающими Ялойлу-Тапинскую фазу, керамики кувшинных погребений Азербайджана, но также характеризуется красно-охристой обмазкой, накладываемой на поверхность сосуда.

Близко сходным с Азербайджанскими оказываются и сами погребальные урны из светлой глины с хорошим звенящим обжигом. Поскольку кувшинные погребения Азербайджана, в значительной части, примыкают снизу к Ялойлу-Тапинской культуре, эти соответствия подтверждают со своей стороны синхроничность намеченного ряда памятников.

Установленная, таким образом, нами датировка цапкинского и манглиского комплекса с четырехугольными бляхами идет навстречу и предположениям, высказанным Ростовцевым (113), а также Ганчаром (114), на основании только стилистического анализа этих блях, о времени их бытования, с эпохи появления скифов и до начала нашей эры. Однако, проведенная Ганчаром классификация блях, по ступеням от первой до шестой, во всяком случае, не должна рассматриваться в смысле безусловной хронологической последовательности, поскольку явно одновременные цапкинская и манглиская находки, не уходящие назад за Поздне-эллинистическую эпоху, заключают в себе представителей, как по основному сюжету, так и орнаментальному обрамлению (просто шнурами и спиральными валютами), от „прототипа“, драконовидного оленя с повернутой назад головой, до предпоследней ступени, уже подготовившей переход от фантастического зверя к коню. Этот последний вариант мы видим в вышеупомянутом комплексе из сел. Икоти, по всем признакам вряд ли более молодом, чем оба триалетские.

Во всяком случае мы не имеем еще пока находок, доказывающих более раннее появление одних, а не других форм этих блях, но также не знаем и постулируемых Толстым и Кондаковым (115) золотых образцов высокого стиля в филигранной технике, которую, по мнению этих авторов, имитируют, в грубо ремесленной форме, описываемые бляхи. Относительно последнего предположения надо заметить, что кажущееся его остроумие

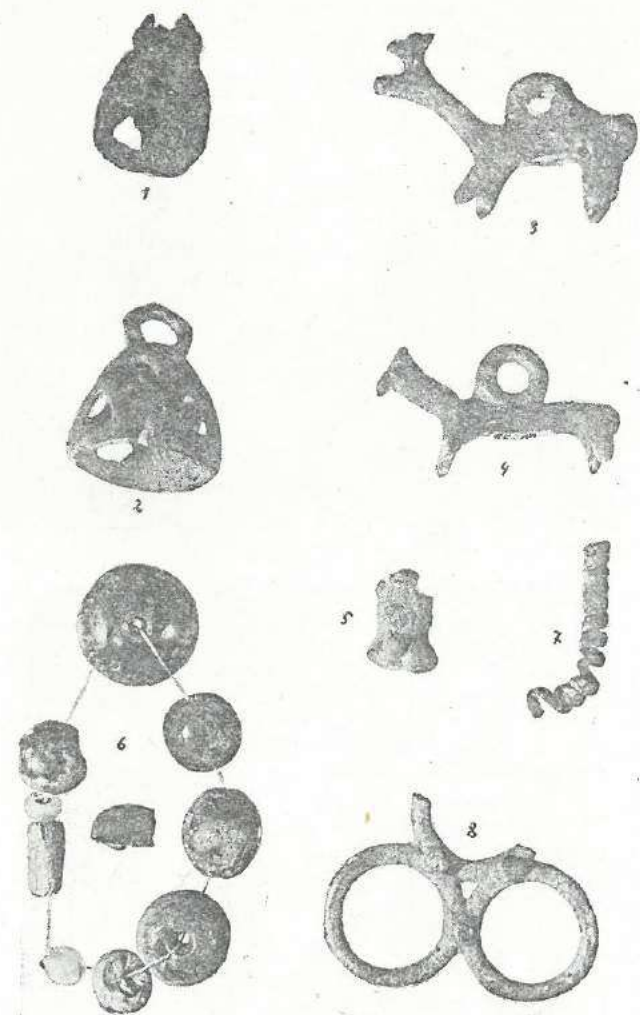

Рис. 30. Мелкий инвентарь из Манглиского комплекса Вейсенгофа с поясными бляхами; 1, 2—Колокольчики бронзовые; 3, 4—Бронзовые фигурные привески; 5—Пастовый фаллический амулет; 6—Бусы; 7—Бронзовые трубчатые спиральные пронизки; 8—Трехкольчатая пряжка бронзовая. В натуральную величину.

происходит от ошибочного понимания технических приемов изготовления этих блях, якобы, сделанных „резьбою и чеканом“ на отлитой пластине, тогда как на самом деле мы имеем здесь изделия, полученные почти всецело путем отливки по утериваемой восковой модели. В последнем случае кажущееся подражание филигранным изделиям является ее древнейшим аналогом, если не прототипом, осуществлявшим в воске то, что позднее производилось на драгоценном металле, так как изделия этой техники восходят на Кавказе к древним ступеням бронзового производства, как например: богато орнаментированный трубчатообушный топор из Б. Кабарды (116), втулки крюков из абхазских дольменов, булавки из Сачхере, андрюковская булавка, пятигорский кинжал (117) и подобные предметы, если и могущие имитировать золотую филигрань, то только ранней бронзовой эпохи, на что не имеется данных.

Что же касается сюжетных и декоративных мотивов, их происхождение может быть прослежено в зоне контакта скифского звериного стиля с западно-грузинским (поздне-кобанским) и центрально-закавказским (с бронзовыми поясами). Через восточно-скифскую и сарматскую среду, как убедительно показывают сопоставления Тальгрена, грузинские бляхи связываются с изделиями южного Приуралья III—II века до нашей эры, что в свою очередь является косвенной опорой для хронологии рассматриваемых блях. При этом, возможно, действовала здесь и еще особая художественная струя, проявлявшаяся в характерной технике „прорезных животных фигур в рамочном обрамлении“, восходящей к поздне-микенским приемам и хорошо известной в ионийском ориентализирующем стиле этрусских изделий, в частности, в удильных фигурных псалмах (нащечных пластинках), явно связанных с подобными луристанскими формами, и в поясных бляхах средней Италии (118), перекликающихся, по целому ряду признаков, с кавказскими, указанного более позднего времени. Эти обстоятельства позволяют несколько иначе расценить разнообразие изобразительных мотивов на наших бляхах, поскольку мы встречаем их, главным образом, в пределах распространения кобанской бронзы, на рубеже первых государственных образований в Западной Грузии, в сложной культурной среде, успевшей накопить к этому времени достаточно богатый запас изобразительных представлений и живущих не только в одном металле художественных навыков и технических приемов, чтобы можно было относить на долю и личной инициативы, способностей и вкуса отдельных мастерских, все те варианты в композиционном сочетании элементов и смысловом содержании изображений. Одну из своеобразных попыток проникнуть в это последнее, на фоне реконструируемого мировоззрения, мы находим, например, в работе об этих бляхах И. И. Мещанинова (119).

Таким образом, могильные находки Шульца на реке Асурети близ современного Храмгеса и Вейсенгофа в Манглиси, давшие впервые определенный материал—для установления несомненной подлинности ажурных бронзовых блях с зооморфными изображениями (120) и для их точной датировки,—указывают на тесную связь Триалетской Грузии, именно древней Гогарены, в эпоху, предшествующую римской оккупации Южно-Кавказского Двуречья, с территорией Колхиды, собственно со страной, которую Птолемей (IX,5) назы-

Рис. 31. Бронзовая бляха из с. Икоти (Юго-Осетия, Гос. Музей Грузии). В 3/4 натуральной величины.

вал Екриктикой, а Плиний Секунд (VI, 14) Кегритикой, то есть с бассейном верхнего Риона и Квирилы, где эти бляхи были встречены в наибольшем количестве и где недавно обнаружены вновь экспедицией ИЯИМК им. Н. Я. Марра Грузинской Академии Наук в ряде могильных комплексов, датированных грубым золотым подражанием монете Александра Македонского (106). Повидимому путь их продвижения отсюда на юг шел через Боржомское ущелье в Гуджарети, а может быть и на Бакуриани и Табискурское озеро, где в сел. Балапта в 1940 году также обнаружился могильник с погребениями, заключавшими подобные бляхи с другим соответствующим им инвентарем.

3. Могильник, синхроничный эллинистической или поздне-ахеменидской эпохе

Могильник этого времени был исследован в 1936 и 1937 годах к юго-западу от сел. Санта на берегу оврага Нерон Дереси, который разрушил часть могильника. Оставшаяся

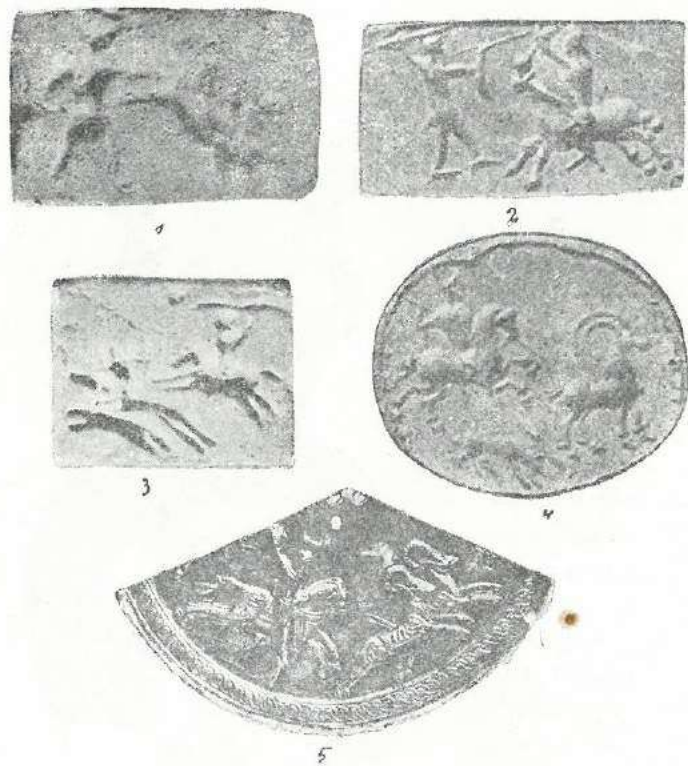

Рис. 32. Печати греко-персидского стиля. 2, 4—Каменная (по Фуртвенглору); 3, 1—Стекло, —из могильников у Нерон-Дереси (Цахкинский район) и у Мухета (Байерна); 5—Деталь серебряной бляхи Аму-Дарьинского клада.

его часть прилежала к четырехугольному курганоподобному холмику, оказавшемуся после исследования основанием защитного сооружения с остатками стен, в 2,4 метра ширины, из двух рядов крупных камней циклопической кладки с забутовкой более мелким камнем между ними. Так как часть могил находилась непосредственно под одной из стен этой крепости, последнюю надо считать, несмотря на архаизм кладки, более молодой и выросшей после образования здесь могильника.

Дальнейшие исследования циклопических крепостей и других мегалитического характера сооружений Триалети указали на возможность еще более молодого возраста некоторых из них. Так раскопки в Нардеванской крепости с волнообразной формы массивными стенами, сложенными из огромных каменных блоков также с забутовкой внутри (табл. I и II) не обнаружили совершенно культурного слоя древнее Руставелевской эпохи. Если это последнее неожиданное обстоятельство повторится еще при

дальнейших систематических раскопках здешних циклопических крепостей и в ряде других случаев, придется искать особых исторических условий, способствовавших применению в Триалети подобных архаических приемов крепостного строительства и много еще веков спустя после эллинистической эпохи.

Погребения оказались все однотипными в характерных коротких „подквадратных“ каменных ящиках, едва превышающих, часто, в длину один метр и шириной 0,7—0,5 метра, сложенных из четырех крупных и добавочных более мелких камней, под массивной покровной плитой неправильной формы около 1,2—1,4×0,9—1,0 метра размером. Покойники втиснуты в эти ящики по одному, в сильно скорченной позе, на правом боку головой на запад, лицом на юг. Есть случаи и двойного погребения в одном ящике, женщины с девочкой лет десяти (см. табл. III).

Посуда в погребениях не была обязательной, но большею частью имелось от одного до трех сосудов небольшой величины у затылка и колен покойника. По характеру глины и формам, сосуды разделяются на две группы, пока не обнаруженные в явно совместном нахождении в одних и тех же погребениях: а) темно-глиняные с плотным черепком и лощенной поверхностью узкогорлые кувшинчики, без ручек с яйцевидным округло-заостренным ко дну корпусом, небольшие миски с загнутым внутрь краем и полушарные чашечки (фиалы) с раструбным венчиком (табл. IV) и б) светло-глиняные простые миниатюрные горшочки с ручкой и без ручек и плоскодонные кувшинчики такого же характера. Только эта вторая группа посуды встречена достоверно с другим инвентарем, состоящим, главным образом, из цветных стеклянных бус чистых оттенков (табл. VI): полупрозрачных синих, голубых опаловых, золоченых и серебряных внутри, красных трубчатых коралловидных, перстней, вырезанных и согнутых из бронзового листа с гравированным щитком (рис. 33, 8), наконец, характерных тонких незамкнутых проволочных бронзовых браслетов с утолщениями и рубчиками на концах, в виде неопределенно стилизованных головок какого-то животного, и влигбом посредине (рис. 33, 1, 2 и 3).

Среди бус, найденных в одном погребении, привлекает внимание интересная группа четырехгранных, в форме кирпичиков, пронизок (рис. 33, 7, 8) из полупрозрачного синего стекла, имитирующего по цвету ляпис-лазурь. Верхняя сторона этих пронизок обработана пятью фасетками, нижняя плоская несет на себе высеченное изображение типа геммы на камне, но полученное не резьбой, а путем отливки или штамповки в горячем состоянии. Изображения представляют собой разнообразные сцены битвы человека с животными (например, с быком или всадника с химерой), сцены конной охоты на бегущих коз, отдельных животных (табл. V) и др.

Совершенно подобная пронизка известна мне из находок Байерна в Самтаврском могильнике с изображением человека, отбивающегося от вставшего на дыбы животного (121), к сожалению без возможности выяснить из какого погребения. Другая такая же, но не синего цвета, пронизка, тоже лишенная связи с могилой, была опубликована Уваровой, как происходящая из северо-осетинского аула Керца, с изображением всадника, сражающегося с пехотинцем, по ее толкованию (122).

Интерес указанных пронизок с яркими изобразительными сюжетами, восходящими к излюбленным на востоке мотивам борьбы героя с зверем (Гильгамеша, Геракла с быком), сцен царской охоты, охотничьих животных и пр., возрастает тем более для нас, что они являются важной датировочной опорой, как своеобразные стеклянные, правда, видимо, срав-

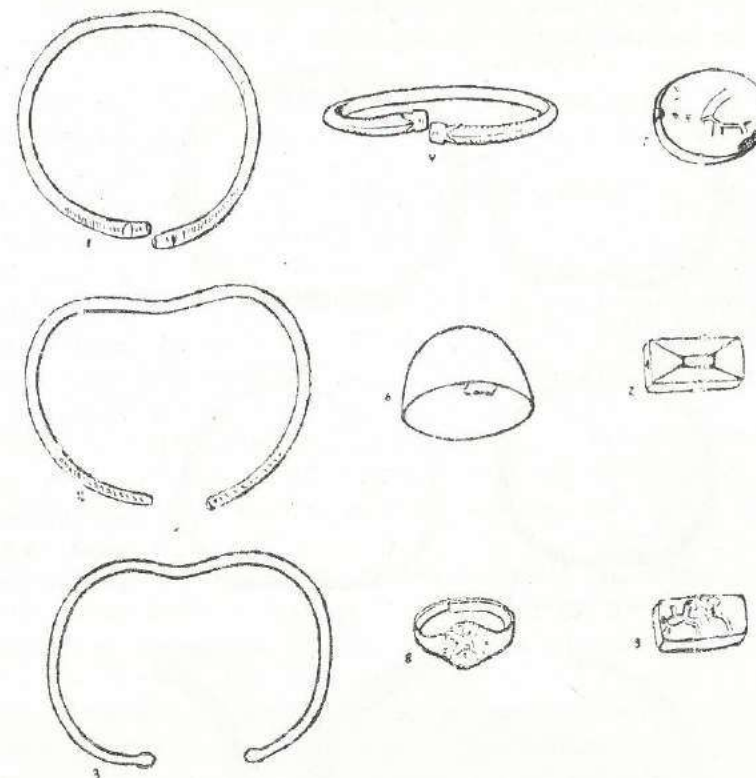

Рис. 33. Украшения из могильника у Нерон-Дереси. В $\frac{2}{3}$ натуральной величины. 1—4, 6, 8—Бронза; 7, 9—Синее стекло; 5—Стеатит.

нительно долго бытовавшие имитации такой же формы гемм, греко-персидского происхождения, датируемых V—IV веком до нашей эры (рис. 33). Особенно интересны в этом смысле изданные Фуртвенглером (123) и М. И. Максимовой (124) две четырехугольные геммы, одного размера с нашими стеклянными, из голубоватого халцедона с изображением, явно не греческой работы (с незамаскированными следами на одной из них техники à la boutegolle), борьбы пехотинца, вооруженного копьем и щитом, со всадником—сюжет, повторяющийся и в стеклянной, из аула Корца—, а также изданный Фуртвенглером овальный скарабеид, того же происхождения и времени, со сценой охоты всадника с копьем на горных козлов, как на одной из наших пронизок.

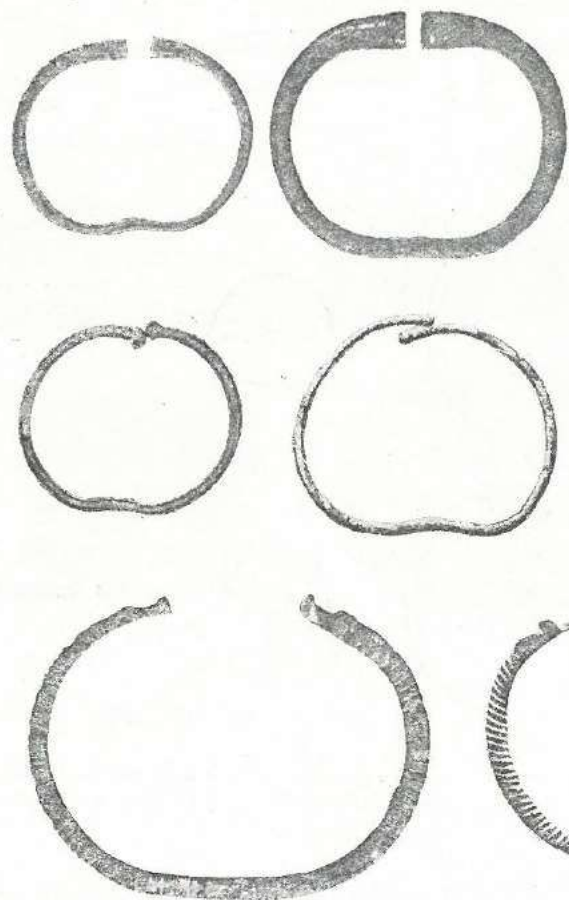

Рис. 34. Бронзовые браслеты из разных мест Грузии: 1, 2—Гурджаани (Кахетия); 3 и 5—Казбекский могильник; 4 и 6—Кувшинные погребения в Дабла-Гоми (Самтредский район).

ных погребениях, исследованных нами в экспедиции ИЯИМК Грузфилиала Академии Наук в 1936 году в Дабла-Гоми (близ Самтредиа), также с колхидскими монетами (126).

Открытый таким образом, почти одновременно, в разных частях Грузии материал определенной эпохи позволяет нам еще шире рассмотреть соответствующие комплексы на территории Южного Кавказа с целью выделения, помощью новых находок, синхроничных памятников и выявления их отношения к последующим группам. В этом отношении особая роль принадлежит браслетам указанного типа, поскольку они являются тесно связанными с Южным Кавказом и не проникают совершенно в северно-черноморские греческие колонии. Эти браслеты воспроизводят характерный контур ахеменидских роскошных золотых браслетов, хорошо известных по целому ряду находок, как например, Аму-Дарийский клад, царское погребение в Сузах, раскопанное Морганом, со статерами Мелькарта из Арады, и пр.

Замечательно, что охотничья сцена цапкинской пронизки еще ближе стоит к известному изображению царской охоты на золотой бляхе из Аму-Дарьинского клада, чем сцена на скарабеиде (рис. 32). Это заставляет нас предполагать существование другой каменной модели для цапкинской имитации, которая, таким образом, еще более подтверждает установленную М. И. Максимовой (125) связь „греко-персидской“ группы гемм, именно, с ахеменидским искусством.

Столь же определенную и совпадающую с этой датировку рассматриваемых могил дают находки подобного же бронзового инвентаря, перстней, браслетов и частью бус в погребениях эллинистической эпохи, вскрытых

Абхазской экспедицией (120) академика И. И. Мещанинова в 1934 году у сел. Эшери близ Сухуми и датированных греческой привозной амфорой и чернолаковой керамикой IV века до нашей эры, затем в погребении, раскопанном нами там же в 1937 году у сел. Кюр-Дере с колхидской монетой V—IV века до нашей эры и, наконец, в кувшин-

На территории Грузии браслеты, почти полностью повторяющие цапкинские, даблагомские и эшерские, известны в ряде комплексов, которые становятся таким образом на свое хронологическое место. При этом удается установить, что восточно-грузинские браслеты, то ленточные, то круглопроволочные с выгибом доживают до нашей эры, при чем последние создают варианты с коническим расширением концов и прямым обрезом. Таковы, например, браслеты Музея Грузии (рис. 34, 1 и 2) из каменного ящика на ст. Гурджаани, Кахетинской железной дороги, с железным оружием (наконечники копий, серпы, трезубцы) и светло-глиняной посудой, среди которой имется трехногая тяжелая чаша с петельчатой ручкой, ведущая к синхроничным ялойлутапинским образцам (Гос. Музей Грузии, инв. 167—13 : 19). Последним соответствует и другая находка из того же могильника, двухпетельчатый сосуд, типа аскоса (127), в форме лежащего поперек бурдюка с перехватом в середине, подобный такому же сосуду (128) из ялойлутапинского погребения № 0, в котором Е. А. Пахомов (129) определил римскую республиканскую монету. Этому же времени соответствует и поясная прорезная из тонкого бронзового листа бляха (инв. 167—13 : 12) из Гурджаанских погребений, аналогичная Борийской (130).

К такому же позднему варианту этих браслетов относится, судя по фотографии, обломок браслета из аула Тли (ошибочно назван булавкой), химический анализ которого показал, что материалом для него послужил сплав типа латуни (19,38 проц. Zn) (131), чему, между прочим, соответствует в известной степени и состав одной из вышерассмотренных ажурных блях со зверем из Кумбулты (132).

Подобными же вариантами разбираемых браслетов являются и браслеты ленточные и круглопроволочные с конически расширенными концами из позднего кобанского погребения, раскопанного Филимоновым (133), откуда происходит известный серебряный сосуд с бюстом на ручке, поздне-эллинистической эпохи.

Находившийся в этом погребении глиняный сосудик, в форме овальной ванночки с перегородкой (134) внутри, любопытно сопоставить с подобным же сосудом, найденным Е. А. Пахомовым в ялойлутапинском слое городища Молла Исаклю в Азербайджане, той же эпохи.

Старше и ближе по форме стоят к нашим браслетам, особенно даблагомским, браслеты из казбекской тройной гробницы, раскопанной Антоновичем (135). Полностью совпадает с даблагомскими (из кувшинных погребений с колхидками) замечательный браслет из этого могильника с головками драконов на концах и парной в середине (рис. 34, 6 и 7) (136). Взаимно соответствуют и браслеты с рядом утолщений вдоль всей проволоки, бронзовые гривны, повторяющие золотые Ахалгорийского клада, миниатюрные колокольчики с расщелиной (типа рис. 27, 8), перстни со щитком и изображением птички с веткой на нем, бусы, например, мелкая синяя с глазками. Светло-глиняная чашка (Гос. Музей Грузии, инв. 373) с загнутыми внутрь краями венчика напоминает такой же формы, но темно-глиняные, цапкинские (табл. IV).

Эта одновременность рассматриваемых триалетских, даблагомских, эшерских погребений с Казбекским могильником подтверждается и тем, что золотые штампованные розетки и полые золотые голубки с петельками (137) из погребений в последнем совершенно подобны находкам в Днепровской группе скифских курганов, например: в Мордвиновском и М. Огузском (138), эпохи расцвета Пантикапея середины IV века до нашей эры.

Таким образом, перечисленными соответствиями доказывается существование и в это время весьма однородной моды в женском костюме на значительной территории Грузии. Повторяются одни и те же типы браслетов, перстней, шейных гривен, бус, колокольчиковидных подвесок и пр. при полном отсутствии в это время в рассмотренных могильниках булавок, которые, в районе Кавказского хребта, заменяются продолжающими жить местными бронзовыми дугообразными фибулами, как одночленными, древнего типа, так и позднее вошедшими в употребление с навязываемой на дужку иглой.

В то же время, полученная возможность синхронизовать, на этом основании, удаленные друг от друга памятники позволяет легко заметить одновременную разнородность типов погребального обряда на всей этой территории. Так на Черноморском побережье мы имеем в это время два сосуществующих вместе погребальных обычая: через простую ингумацию, с положением покойника в землю вытянуто на спине, и через сожжение его и захоронение пепла в привозных греческих амфорах. В более глухих материковых частях Колхиды, в Дабла Гоми, в Парцханаканеви, в Кутаиси господствует в это время обычай погребать в крупных глиняных урнах, как бы продолжающих собой традицию более древних вторичных урновых захоронений, существовавших ранее в Кобанскую эпоху на Черноморском побережье (28). Связан-ли, в конечном счете, этот тип погребений в Колхиде с древнейшими протохеттскими кувшинными погребениями западной и восточной М. Азии III и II тысячелетия до нашей эры (140), пока невозможно сказать.

В Триалети и в восточных частях средней Куры мы видим скорченные погребения в коротких каменных ящиках. Однако, как говорили выше, обычай кувшинных погребений с конца эллинистической эпохи начинает проникать на некоторое время и в долину средней и нижней Куры, где он зарегистрирован для поздне-эллинистической эпохи в районе Мцхета и в Азербайджане, почти исключительно по правобережью Куры. За время, отделяющее кувшинные погребения восточной Грузии от кувшинных погребений западной Грузии, успели значительно измениться многие черты в инвентаре: появились перстни с вставными камнями (геммами), странным образом, реже стали одеваться браслеты, переменился, как видели в прошлой главе, ассортимент бус. Вместе с этим заметно выросла техника обжига крупной посуды: вместо черных орнаментированных, но слабо обожженных, погребальных урн Колхиды, вошли в употребление простые гладкие прекрасно обожженные „квеври“.

В Триалети обычай кувшинных погребений повидимому совсем не проникал.

4. Богатое погребение ахеменидской эпохи на р. Алгети

Говоря о памятниках ахеменидской эпохи, исследованных экспедицией в Триалети, нельзя обойти молчанием замечательную находку, сделанную случайно в июле 1940 года крестьянами близ селения Цинцкаро на реке Алгети к востоку от Тетрицкаро, хотя о самом погребальном комплексе мы и не имеем полного представления. Доставленные в Музей Грузии предметы, отчасти в целом, отчасти в поломанном уже виде, представляют собою повидимому не всю часть погребального инвентаря, отличавшегося значительным богатством, особенно если учесть возможность утраты некоторых ценных предметов. Согласно сделанному мною опросу Васо Абциаури, на них наткнулись жители сел. Цинцкаро во время выемки камня в поле. Подняв большой камень, работавшие заметили в находившемся под ним скоплении камней различные предметы на глубине, не достигавшей одного метра. По утверждению отдельных очевидцев четыре больших камня были уложены, как стенки могилы. Никаких человеческих или иных костей там не заметили. Принадлежность всего принесенного к одному комплексу совершенно очевидна и подтверждается, как свидетельскими показаниями, так и характером предметов. Несмотря на возможное (согласно показанию Васо Абциаури) отсутствие человеческих костей, которые обычно в условиях Триалети плохо сохраняются, уже общий обзор полученного комплекса показывает, что мы имеем дело с погребением, а не кладом. Об этом с полной очевидностью говорит наличие в нем орнаментированных пластинок из электрона (сплава золота с серебром), служивших накладками на рот и глаза покойнику. Из предметов личного одеяния захороненного сохранились четыре перстня, три браслета, две орнаментированные бляшки, нашивавшиеся на ткань, две булавки. Кроме этого с покойником находились двое различных, но однотип-

ных удил и трензели (псалии) от третьих, парных одному из целых вариантов, орнаментированная серебряная обивка с какого-то предмета, бронзовый треножник, одно бронзовое сильно фрагментированное блюдо, два серебряных сосуда с поврежденными краями, сломанная серебряная черпальная ложка и наконец разбитая стеклянная чаша прекрасной работы.

По времени и характеру вновь открытое погребение полностью примыкает к так называемому „Ахалгорийскому кладу“, в котором Я. И. Смирнов (141) вполне основательно подозревал инвентарь богатого женского погребения. Так в точности соответствует Ахалгорийскому кладу тип наших удил (табл. XII и XII bis), при чем одни из них совершенно, во всех деталях, совпадают с одной парой из Ахалгорийского клада (с прямыми тростьевидными псалиями), хранящейся в Археологическом отделе Музея Грузии (142) за № 20—05: VII—3,4 и изображенной в монографии Я. И. Смирнова на стр. 55. Мы видим здесь то же сцепление мундштучной части из трех двупетельчатых звеньев, то же рубчатое центральное колесико и два звездообразных, с тупыми шишками, боковых колесика, как и у алгетских, тот же прием соединения на каждой стороне с уздечкой и поводом, помощью особого кольца, и те же псалии с тремя петлями.

Вторые алгетские удила, более массивные и грубоватые, составлены из двух двупетельчатых звеньев и совпадают в этом отношении с другим видом ахалгорийских удил (инв. 20—05: VII—1,2), изображенным в монографии на стр. 53, с тем отличием, что псалии у наших удил, и в данном случае, тростьевидные, а не пластинчатые, и отсутствуют напускные на удильное звено, рядом с бородавчатыми муфточками, треугольные пластинки.

Также полностью повторяют тип ахалгорийских алгетские перстни с округлыми крупными плоскими щитками-печатами и отходящими от них с двух сторон кругло-проволочными дужками, образующими кольцо сходящимися, но не спаянными, концами. Характер изображений на щитках совершенно однороден в обоих случаях. Это вырезанные вглубь изображения животных и грифонов, при чем тип крылатого грифона с повернутой головой на одном серебряном алгетском перстне совершенно тот же, что на золотом № 29 и серебряном № 18 ахалгорийских перстнях. Трактовка фигуры животного на другом перстне очень близка серебряному ахалгорийскому перстню № 27. Третий алгетский перстень с овальным щитком имеет на себе изображение птицы, приближаясь в этом отношении к таким же по форме, но ленточным, как золотой из Ольвии (144), перстням Казбегского погребения (143) и кувшинных погребений с колхидками в Дабла Гоми (126).

Однако по содержанию изображений и по богатству композиции алгетские перстни (табл. XI) значительно превосходят ахалгорийские. В этом отношении особенно замечателен четвертый перстень, где на фоне большой пальмы или кипариса, в центре, и двух птиц, в геральдическом расположении, по сторонам изображен хищный зверь, поедающий добычу (голову животного), совсем как на щитке (рис. 35) одной из известных беотийских фибул (144), эпохи геометрического стиля (VIII века), с которыми вообще имеются любопытные параллели и на втором перстне в фигуре крупного животного (лошади?) и вооруженного копьем человека с треугольным корпусом и маленькими симметрично поднятыми ручками. По приемам построения крупа и груди животного с раскрытым ртом, последний перстень, кроме того, в некоторой степени, перекликается с грузинскими поясными бляхами (с образом фантастического зверя) эллинистической эпохи, о которых мы говорили выше,

Рис. 35. Щиток беотийской фибулы (по Монтелиусу).

Два одинаковых электроновых браслета из круглого гладкого прута с цилиндрическими головками, надетыми и прикованными к концам браслета (табл. X), близки паре ахалгорийских запястий из бледного золота с биконическими, лишь имитирующими их напускание на концы стержня, головками, отличаясь, однако, от последних выгибом, характерным для целого ряда ахеменидских браслетов, и, как выше отмечали, для проволочных и ленточных бронзовых браслетов Грузии этой эпохи. Алгетские браслеты сближаются в этом отношении, особенно характером „накладных“ цилиндрических головок, с бронзовыми браслетами казбегского погребения.

Третий алгетский браслет (табл. X), поступивший в Музей от находчиков в намеренно сломанном виде, представляет собою пример своеобразно технически выполненного изделия из массивного серебряного прута, покрытого сверху достаточно толстым свободным слоем бледного золота (прием à la plaque d'or), несущим на себе всю орнаментацию браслета. Отличаясь тем же характерным выгибом, этот браслет (толщиною 6,5 мм) покрыт весь тонкой миллиметровой чрезвычайно правильной поперечной рубчатостью и заканчивается на концах совершенно той же формы концевками, как ахалгорийские золотые гривны № № 2 и 3, но не с тремя и не с одним, а двумя продольно рубчатыми утолщениями, также отделенными друг от друга двойной поперечной бороздкой.

Совпадает с составом Ахалгорийского клада и наличие в Алгетском погребении серебряной столовой посуды, именно, блюда и чаши-фиалы (табл. VII), из которых вторая, с омфалом, общей своей формой и техническим приемом изготовления, путем вытягивания на вращательном станке (оставившем углубленные точки в центре сосуда), но не орнаментом, особенно близка ахалгорийским образцам, с круглой выпуклостью на дне и тарелкообразно отогнутым краем. Что касается декоративных мотивов алгетских серебряных сосудов, то аналогии им возможно отыскать среди других типичных образцов ахеменидской торевтики. Так тяжелое, прекрасное по строгости стиля, серебряное блюдо (диаметром 22,5 см), гладкое внутри, несет на наружной поверхности характерный резной, а не выбитый, как на ахалгорийских фиалах и на второй фиале из алгетского погребения, орнамент, в виде 28-лучевой звезды или длинно-лепестковой розетки, доходящей острыми концами лепестков, с выступающей продольной жилкой, до резко очерченного канта, за которым следует гладкий отгиб края блюда. Ближе всего это блюдо стоит к серебряному, меньшей величины (D=18,4 см) блюду Луврского Музея, с 10-лучевой розеткой, из находок Жак де-Моргана (145) в Сузах, в погребении с монетами сатрапа Мелькарта из Арада, эпохи Артаксеркса III (359—338 г. до нашей эры). Однако по техническим приемам плоскостной, а не только линейной резьбы и негативной трактовке лепестков наше блюдо занимает несколько особое место.

Другой более легкий алгетский сосуд, именно типа неглубокой серебряной фиалы, украшен выступающим снаружи и вогнутым внутри узором, в виде, опять-таки, стилизованного цветка, но с закругленными на конце лепестками, которые образуют, благодаря своим выпуклостям, радиальную ребристость низа сосуда, совершенно как на знаменитых скифских, кульобском и воронежском арибаллах, рубежа IV—III веков до нашей эры. Однако указанное сходство вовсе не может рассматриваться, как обязывающее к синхронизации, так как этот типичный и для эллинистической торевтики мотив восходит к значительно более ранним восточным образцам, как например, к урартской бронзовой чаше (D=22,3 см и H=9,3) с иероглифическим клеймом из Топрак-Кале (146) или Кипрскому сосуду из Идалиона (147), датируемому 6-ым периодом, то есть 500 годами до нашей эры. К этому же и еще более раннему времени восходят и другие черты рассматриваемой группы сосудов. Так бронзовые фиалы с омфалом или умбеликом найдены в Сирии (148) с фибулами VII—VI века до нашей эры, а золотой сосуд с умбеликом и девятью ложковидными высокими выпуклинами из Михалковского клада в Галиции (149), совершенно подобный серебряной ахалгорийской чаше № 14, лишь более низкой, с восемью та-

кими же выпуклинами, относится ко времени поздней венгерской бронзы (синхроничной Гальштатту) едва ли позднее VIII—VII века до нашей эры (150). К этому же типу высоких с выпуклым корпусом фиалов принадлежит и замечательная казбегская чаша с арамейской надписью (151), украшенная теми же ложковидными выступами, в количестве шести (как и золотая фиала с фигурками львов Аму-Дарьинского клада) (152), с включенным между ними своеобразным роскошно скомпонованным орнаментальным убранством из характерных элементов: S-видных завитков, кончающихся лебединными головками, бутонов лотоса и веерообразных пальметок в стиле кафельных украшений Нимрудова дворца. От этих-то более ранних форм находится в зависимости характерная группа патэр ахеменидского времени с ложковидными выпуклинами, втиснутыми между более или менее выраженными лепестками, идущими от центра и замыкаемыми цветками лотоса, в отношении которых сами эти выступы играют роль бутонов, связанных с ними в одну гирлянду. Таковы ахалгорийские сосуды № № 62 и 63. Из сравнительного рассмотрения их особенно легко проследить генезис и скрещение указанных мотивов в различных стадиях их выражения, отложившихся, например, одновременно в декоре одного из этих изделий, на замечательном, по изяществу исполнения, ахалгорийском блюде № 62. На внутренней его стороне можно видеть пояс из бутонов и остро-лепестковых цветков с тремя изолированными внутри элементами, стиля, очень близкого более ранним ионийским изображениям лotosовой гирлянды на (псевдородосских) милетских вазах, не позднее начала VI века до нашей эры (153). На наружной стороне этого же сосуда и на сосуде № 63 представлены те же элементы, но в вышеуказанной их переработке. К этому последнему типу принадлежит и серебряная патэра с двадцатилепестковым цветком и с двадцатью ложковидными выпуклинами, обрамленными лotosовой гирляндой, из 1-го Прохоровского кургана Южного Приуралья (154). Арамео-персидская надпись на этом сосуде с означением веса, по мнению П. К. Ковцева, палеографически не древнее конца IV века до нашей эры и может определять время патэры лишь условно, в случае признания надписи одновременной с изготовлением самого сосуда. Во всяком случае по своим стилистическим особенностям Прохоровская серебряная патэра свободна от каких-либо влияний греческих мастеров эллинистической эпохи и почти в точности совпадает по орнаменту с серебряными патэрами, найденными в Армении: одной луврской и другой из Эрцингана (вместе с серебряным ритонном) в собрании Франкса, в Британском Музее.

Две последние, отличающиеся от Прохоровской только числом лепестков (семнадцать вместо двадцати), относятся Дальтоном (155) к V веку до нашей эры. Именно искусственным подражанием этому типу фиал, но более глубокой формы, подобной серебряной фиале (рис. 44) из Дабла Гоми (с греческой орнаментацией кантом из мелких гравированных „овов“), является прекрасный стеклянный сосуд (D=16; h=6 см) тончайшей работы из алгетского погребения (табл. VIII). Этот сосуд, лишенный омфала, действительно имеет на себе совершенно такой же рельефный орнамент, с той лишь разницей, что число лучей в звезде сведено к 14 и отсутствует лotosовая гирлянда, обрамляющая выпуклины на вышеуказанных серебряных образцах.

Место изготовления этого замечательного стеклянного сосуда определить пока трудно. Можно только указать, что стеклянные круглодонные чаши с ложковидными выпуклинами были находимы и на острове Кипре, в Мариане с могильным инвентарем IV века (156).

Всем этим достаточно устанавливается близость Алгетской находки к Ахалгорийскому кладу и вместе с тем подтверждается намечавшееся Я. И. Смирновым отнесение последнего к кругу ахеменидского искусства и к соответствующей эпохе. При этом инвентарь Алгетского погребения дает возможность еще более обогатить вносимое уже Ахалгорийским кладом новое содержание в наши представления об ахеменидской торевтике и ювелирном искусстве.

Действительно среди вещей, доставленных из Алгетского погребения, имеется ряд предметов, не возбуждающих сомнения в своей хронологической одновременности с рас-

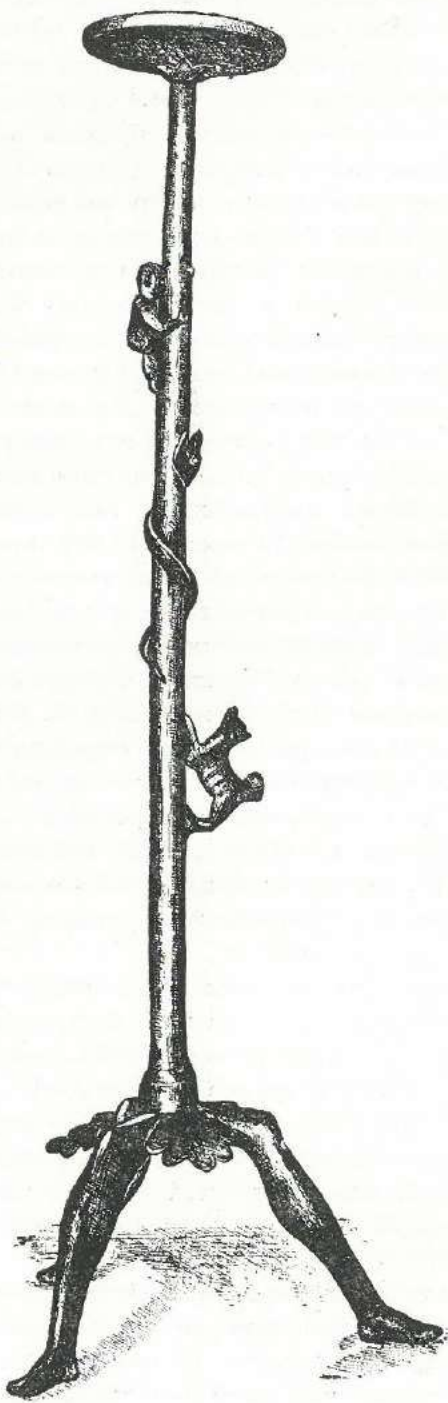

Рис. 36. Бронзовый этрусский канделябр Мюнхенского музея (по Леману-Гаупту).

смотренными выше, но представляющих собою категорию вещей, которые не имеют совсем аналогий в составе ни Ахалгорийского клада, ни других соответствующих памятников ахеменидского происхождения. Сюда прежде всего следует отнести своеобразный бронзовый треножник с обломанной верхней частью, от которой сохранилась входящая в треногу через рубчатую бронзовую муфточку часть железного стержня (табл. X). Треножник представляет собою, как следует из сравнения его с находкой в 34 погребении классической эпохи в Мариане на острове Кипре (157), основание высокого светильника. Но вместо простой бронзовой треножной подставки наличная часть алгетского светильника представляет собою три согнутые в коленях человеческие ноги, соединенные основными концами в одно целое, подобно как на этрусском бронзовом канделябре Мюнхенского Музея (рис. 36), который приводит Леман-Гаупт (158) в своем обстоятельном экскурсе о ванских и этрусских канделябрах. Вновь найденная в Алгетском погребении подставка отличается от указанной этрусской непосредственностью своей формы, натуральной простотой и убедительностью композиции. За исключением муфточки, напоминающей растительный плод, здесь нет традиционных для этрусских канделябров растительных мотивов. Конструктивным использованием формы естественно согнутой в колени человеческой ноги избегается в данном случае всякая необходимость прибегать к иным дополнительным аксессуарам, связывающим верхние и нижние части ножек, вроде растительных валов или животных головок, выпускающих из пасти опирающиеся в пол львиные лапы или коровьи копыта, одинаково, как на этрусских, так и на урартских канделябрах, генетически между собой, таким образом, связанных, как это убедительно устанавливает для широкой группы урарто-этррусских соответствий Леман-Гаупт. Алгетский светильник, несмотря на несколько более поздний свой характер, вносит, следовательно, еще новую мотивную струю в хорошо окристаллизовавшийся тип урарто-этррусских канделябров, поразительным образом подтверждая высказанную Леман-Гауптом догадку, что замена звериных ножек человеческими должна была осуществляться первоначально еще в урартском производстве.

Отсутствие вообще в древне-греческой промышленности описываемого типа канделябров, столь обычных в Этрурии, не позволяет подозревать в алгетском светильнике с железным стержнем более позднее заимст-

вование со стороны, а только результат художественной и технической переработки ранее выработавшихся уже местных мотивов.

Другой интересной группой предметов, совершенно не представленных в известных нам ахеменидских памятниках и в Ахалгорийском клада, являются вышеупомянутые ромбические орнаментированные пластинки из бледного золота, служившие „замыкателями уст и глаз“ покойника (табл. IX). Об этом назначении говорит самая форма предметов, несущих в центре изображение человеческого рта с сжатыми губами и глаз с веками, закрытыми по средней линии, как на золотых масках из Микенских погребений. Сохранились в фрагментированном виде одна накладка на рот и одна на глаз погребенного. Накладка на другой глаз потеряна. Припаянные с нижней поверхности пластинок по две плоские петли служили для пропуска шнура, которым накладки прикреплялись на лице. Орнамента у обеих пластинок негативна и состоит из одинакового бордюра, полученного густым повторением очерченных выбитой линией S-видных фигур с одной или двумя точками между ними. В накладке на глаза дело этим и ограничивается. На ротовой пластинке кроме этого внешнего бордюра имеется еще внутренний по краю губ из мелких запятых в двух пунктирных линиях. Между двумя бордюрами вокруг рта помещается ряд из 20 фигурок идущих вправо птиц, намеченных выбитым контуром и покрытых точечными ударами.

Назначение птиц, появляющихся также и на большой золотой бляхе Ахалгорийского клада № 57 и на золотой ленте Аму-Дарьинского клада (159) № 47, а также на перстнях Алгетского погребения, Казбегского могильника и Даблагомских урновых погребений, становится понятным до известной степени при сопоставлении ротовой накладки Алгетского погребения с найденными здесь же круглыми нашивными бляшками из тонкого золотого листа, несущими изображение женской головы в богатом коническом головном уборе и в лучевом нимбе, видимо, великой женской мало-азийской и сирийской богини, которой птицы были посвящены.

Таких блях (D=4,75 см) в фрагментированном виде сохранилось две: одна из более желтого, другая совсем бледного золота. Их тесная связь и одновременность изготовления с „замыкателями уст и глаз“ устанавливается тождественностью бордюра, с той лишь разницей, что в последнем случае лицевой стороной является позитивное изображение того же в точности орнамента. В этом случае в узоре легко узнается схематическое изображение характерного передне-азиатского шнура, совершенно такого же, какой обрамляет и серебряный диск Аму-Дарьинского клада № 24 с изображением конной охоты на козлов и оленей (160) и британский фрагмент бронзового щита из Топрак Кале (161). Изображение лица богини с распущенными прядями волос выполнено в металло-пластическом рельефе посредством штампа, повидимому, по деревянной резьбе.

Принадлежность блях, несущих изображение богини, к одному комплексу со специально изготовляемыми для погребения ротовыми и глазными пластинками свидетельствует о вероятном хтоническом аспекте богини, связанной здесь, подобно греческой Деметре, с культом мертвых. Это указывает на не иранский характер погребального обряда, также как и употребление золотых повязок на рот и глаза, для которых ближайшие аналогии мы находим в царских погребениях второй половины II тысячелетия в Телл Халафе (162), где одна золотая повязка, украшенная голубой эмалью (рис. 37 а), с петлями на концах и с изображением рта находилась на лице погребенного, другая более простая эллиптической формы, также с ушками для шнура, была положена в сосуд с другими драгоценностями покойника, подвергнутого сожжению и захороненного под известной скульптурой большой тронной богини. Довольно часто подобные золотые повязки (рис. 37 б, в) были найдены на острове Кипре в погребениях конца бронзовой эпохи (163).

Если подобные золотые накладки на рот и глаза (в частности в виде соединенных вместе пластинок золотых кружков) встречались и в Херсонесе Таврическом (рис. 37 г) в римское уже время (164), а также в одном позднем скифском погребении станицы Ярославской (рис. 37 д) на Северном Кавказе (р. Фарс), то их нетипичность там, особенно, в скифской среде, указывает на вероятные южные источники проникновения туда этого обы-

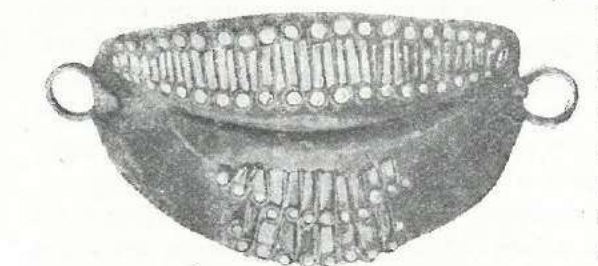
чая, в котором можно видеть частичную замену более дорогих и торжественных золотых масок, типа микенских шахтовых гробниц.

Из остальных сильно фрагментированных предметов, принадлежавших Алгетскому погребению, следует упомянуть серебряные подкладочные диски (D=5,5 см) с одной или двумя напаянными плоскими петлями (табл. XII), обрывки серебряной обивки, орнаментированной рядами (простыми и в елочку) сильно выпуклых зерновидных листочков и звездообразными восьми-лучевыми розетками (табл. XII bis), серебряную сильно фрагментированную черпальную ложку (cyathus), типа Борийских (165), с простой кругло-стержневой законченной

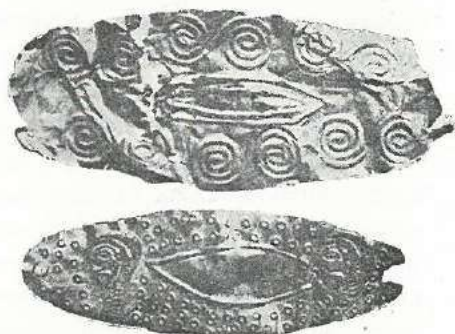
кольцом ручкой, стоящей под прямым углом к плоскости самой ложки, гишеровые продолговатые овалы буски, агатовую буску, сердоликовую резную в форме маковой головки и пр.

Таким образом, погребение близ с. Цинцкаро на р. Алгети даже в том неполном виде, в каком оно дошло пока до нас, дает чрезвычайно характерную картину культурной жизни Триалети в ахеменидскую эпоху. Мы встречаемся в это время здесь, как и в средней долине Куры (в Ксанском ущельи), с значительной дифференциацией населения и выделившейся местной знатью, погребаемой часто с царским великолепием. Сравнение алгетской находки с ксанской (Ахалгорийский клад) позволяет думать, что пышный погребальный обряд мог сопутствовать в обоих случаях женским погребениям, так как в комплексе вещей, состоящих из драгоценных ювелирных изделий и богатой посуды; совершенно отсутствовали какие-либо предметы вооружения, в то время как упряжные ко-

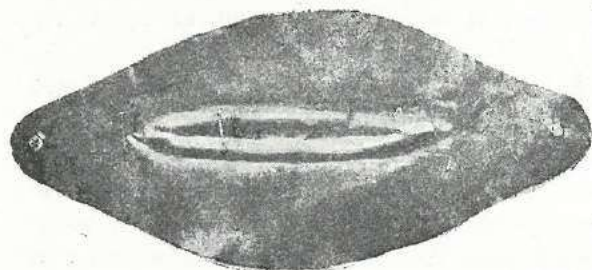
ни, судя по найденным удилам, а также конским костям (в одном случае), в ксанском погребении не менее шести, и в алгетском, вероятно, не менее четырех, сопровождали покойницу в могилу. Эта последняя особенность невольно заставляет вспоминать синхроничные скифские погребения с конями и даже подозревать некоторые общие источники этого

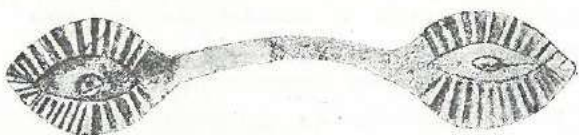
а

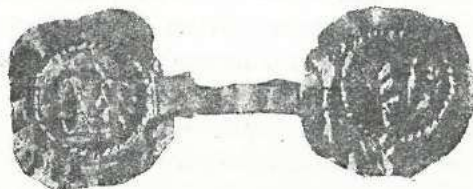
б

в

г

д

Рис. 37. Золотые накладки на рот и глаза покойника. а—Телл Халаф; б и в—о. Кипр; г—Херсонес-Таврич. и д—станция Ярославская (Северный Кавказ).

обычая, однако при полном исключении возможности видеть в описываемых погребениях какие-либо указания на пребывание в Грузии в это время скифского населения, поскольку такой тесно связанный с конным бытом предмет, как удила, представлен в обоих грузинских памятниках одним крайне своеобразным типом, до сих пор не встреченным нигде более, кроме территории восточной Грузии до Сурами (166). Напротив, эта новая находка бронзовых удил столь специализированной формы в Триалети в погребении ахеменидской эпохи указывает на самостоятельные пути в развитии коневодства в Грузии, во всяком случае с конца II тысячелетия до нашей эры, когда бронзовые удила начинают появляться в археологических находках, и на культивирование крупных и темпераментных пород лошадей, выращиваемых, видимо, в табунных условиях и требующих, поэтому, особой объездки и применения строгих удил вышеописанного характера.

Если для серебряных блюд, различных технических приемов изготовления и орнаментовки, близкой иранским образцам, у нас не имеется еще достаточных оснований утверждать безусловно местное их происхождение, хотя большинство подобных находок и связано вообще с территорией Грузии и Южного Кавказа, то это, с значительной вероятностью, следует сказать не только относительно перстней с металлическими геммами, отличающихся вместе с ахалгорийскими, при общем сходстве строения, от перстней Амударьинского, например, клада одним распространенным в это время в Грузии приемом их изготовления—путем отковки щитка и сгибания дужек в незамкнутое кольцо, но и относительно гладких электронных браслетов с накованными головками, может быть, и плакированного золотом браслета и, безусловно, относительно орнаментированных золотых бляшек и пластин для рта и глаз, изготовленных, по видимому, непосредственно к погребению. При этом в самом последнем обычае обнаруживаются отнюдь не иранские, а развившиеся, в противовес политическому господству Персидского государства, местные черты, тяготеющие, как можно пока установить, в сторону западной Месопотамии, Сирии и даже острова Кипра, проникнутого традициями крито-микенской культуры. В этом же направлении приходится искать и стилистические источники оригинального бронзового треножника для светильника с подставкой из трех человеческих ног, реплику которого мы указали в соответствующих мотивах этрусских канделябров, повторяющих, наряду с целым рядом других металлических изделий—сиренообразных ручек от котлов (167), орнаментированных сосудов, так называемого ориентализирующего стиля в Италии, черты малоазийско-сирийского, а также, насколько уже можно судить, и урартского искусства (168).

5. Могильник ранне-ахеменидской эпохи

Могильник, который я отношу к этому времени, был открыт и изучен нами в 1939 году. Он расположен на правом берегу речки Башкев-Су, около сел. Бешташени, непосредственно за остатками мегалитической крепости (рис. 64). Могильник состоит опять-таки из небольшого размера каменных ящиков, весьма грубо, часто неправильно сложенных из четырех (большей частью) камней и покрытых крупными плитами, которые у большинства могил уничтожены. Размеры ящиков колеблются от 1,5×0,85 до 0,9×0,5 метра для взрослых могил. Ориентированы ящики длинной осью, чаще, с востока на запад, головой то в одну, то в другую сторону, но есть ящики и повернутые с севера на юг. Погребения все скорченные на боку с сосудами у головы и ног (рис. 38, табл. XIII). Посуда встречается одновременно двух типов, более грубая темноглиняная и другая тонколепленная светлоглиняная двух разных оттенков, светло-пепельно-серая и желтая, часто с окрашенной красной охрой поверхностью. По форме сосуды разнообразны (табл. XV). Главным образом представлены кувшины и горшки с двумя ручками близ венчика. Характерны кувшины с широким горлом и венчиком вытянутым в носик, реже с трубчатым косо поставленным коротким носиком наверху, двуручные кувшинчики с раструбным венчиком. Встречаются

также характерные глиняные фиалы с раструбным венчиком и плоско-округлой нижней частью. Как эти последние, так и кувшины двуручные и с носиком и двуручные горшки являются уже готовыми формами, которые будут продолжать жить, почти в этом виде, в более позднюю вышерассмотренную парфянскую и римскую эпохи в сырцовых погребениях Ганджинского района (159) и отчасти еще далее на востоке в синхроничных последним кувшинных погребениях.

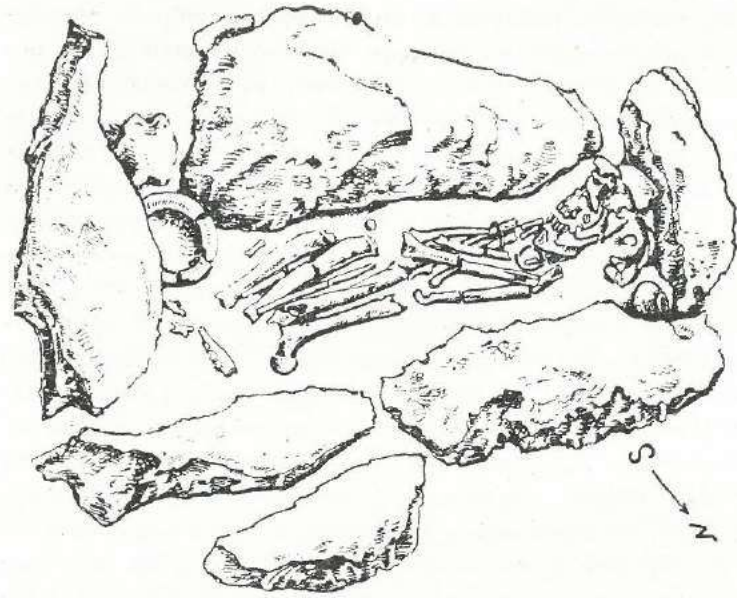

Рис. 38. Погребение в каменном ящике у Бешташенской крепости (Цапкинск. р-н) с 5-лучевой серьгой. В $\frac{1}{15}$ нат. велич.

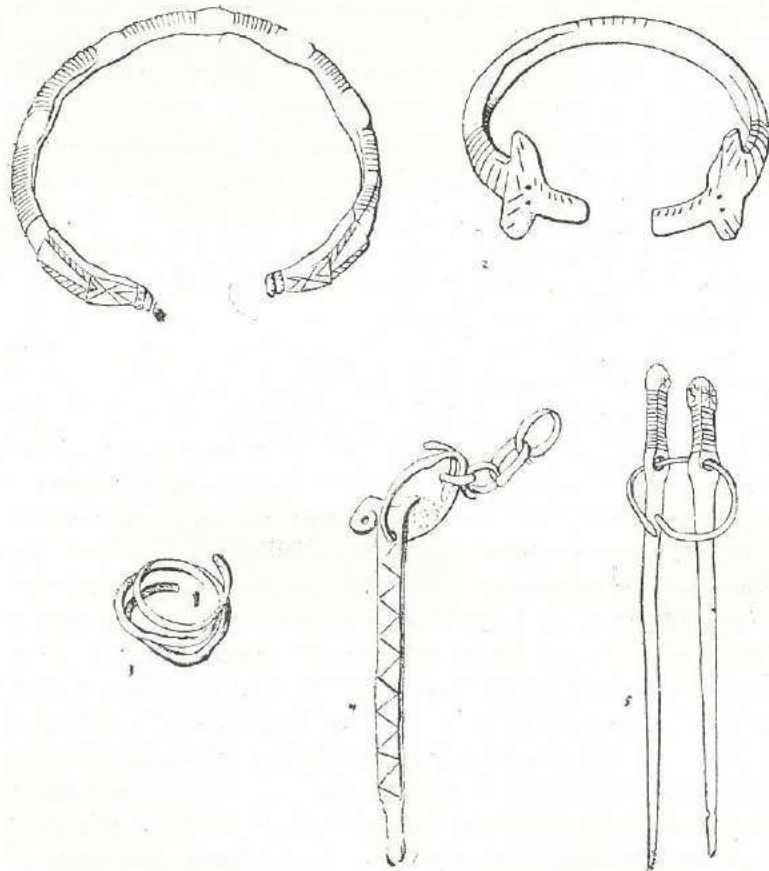

Рис. 39. Бронзовые украшения из левобережного могильника у Бешташенской крепости. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

Прочий инвентарь состоит из железных наконечников копий, ножей, серповидно-согнутых с накладными костяными пластинками на ручках, как в одновременной древней группе скифских курганов VI—V века до нашей эры, например у Холодного Яра близ Смелы (кург. XX, XXVIII, XIX и др.) с ахеменидской цилиндрической печатью (170), редких железных топориков (рис. 43 и табл. XVI) и украшений из бронзы и серебра. Характерны бронзовые булавки с отверстием и бронзовыми цепочками, коверушки, разомкнутые браслеты, оканчивающиеся головками какого-то животного с длинными ушами (рис. 39, 1, 2, 4 и 5) и круглые большие серебряные проволочные височные кольца (рис. 40, 3 и 5). Реже — спиральные перстни (рис. 39, 6), шаровидные бусы (в виде вишень), прекрасно-точёные и шлифованные из сердолика, крупные бусы из темной стекловидной пасты (рис. 40, 11). Интерес представляет также присутствие иногда мелких янтарных бус, появление которых зарегистрировано уже для предшествующих эпох Реслером (171) в одном из Ходжалинских курганов, Байэрном (172) в могиле № 581 нижнего этажа в Самтавро и нами здесь в Триалети в одной могиле поздне-бронзовой поры.

Из предметов, дающих более определенные хронологические опоры, можно назвать еще трехгранную бронзовую втульчатую стрелку, к со-

жалению, с обломанной верхней половиной (рис. 41 д) и две серьги из серебряного сплава, одну с длинным неподвижным стержнем, заканчивающимся гроздем из пяти крупных зерен и другую с пятью расходящимися тонкими лучами с таким же окончанием (рис. 40, 1, 2).

Что касается втульчатой бронзовой стрелки, то появление ее в могильниках Закавказья вообще явление сравнительно не очень частое, и связано скорее с погребениями более древними, содержащими в себе даже бронзовое оружие, как например, в могиле № 48, раскопок А. А. Ивановского (173) близ Калакента, заключающей бронзовый кинжал с ажурной головкой и 8 трехлезвийных стрел. В Самтавро втульчатая бронзовая стрела двулезвийная (Байэрн (174) сам, странным образом, пользуясь, видимо, в своем исследовании только рисунком, неверно называет ее четырехлезвийной) с втулкой, достигающей почти острия, и с характерным для одной из древнейших групп втульчатых стрел угловато-ромбическим очертанием листа, найдена в 598-ом грунтовом погребении нижнего яруса могильника.

П. Рау (175) в тщательном обзоре втульчатых бронзовых стрел восточной Европы и Сибири, называемых обыкновенно скифскими, по широкому их распространению на территории, занятой скифами, не учел замечательной находки нескольких сотен этих стрел (рис. 4, г) в поздне-хеттском городе Каркемыше, в слое, относящемся к разрушению его Нбухаднесаром в 604 году, и в условиях, показывающих, что именно этого характера стрелы принадлежали защитникам города, а не нападавшим на него (176). Однако это последнее обстоятельство требует несколько иного взгляда на вопрос генезиса и распространения в предскифский и скифский период этих стрел в восточной Европе и на Кавказе тем более, что и раскопка Алишарского холма (177) в Малой Азии свидетельствует о появлении ланцетовидных втульчатых бронзовых стрел с шипом на втулке уже в V-ом, так называемом, фригийском слое, где происходит (178) постепенное замещение ими крито-микенских плоских, по Илиаде *τρύγλῶχιν* (V, 393, XI, 507) и трехгранных бронзовых стрел IV-го слоя, заканчивающегося в XI веке до н. э. Прототипы их родственны альпийским стрелам с шипом на втулке IV периода бронзы (139).

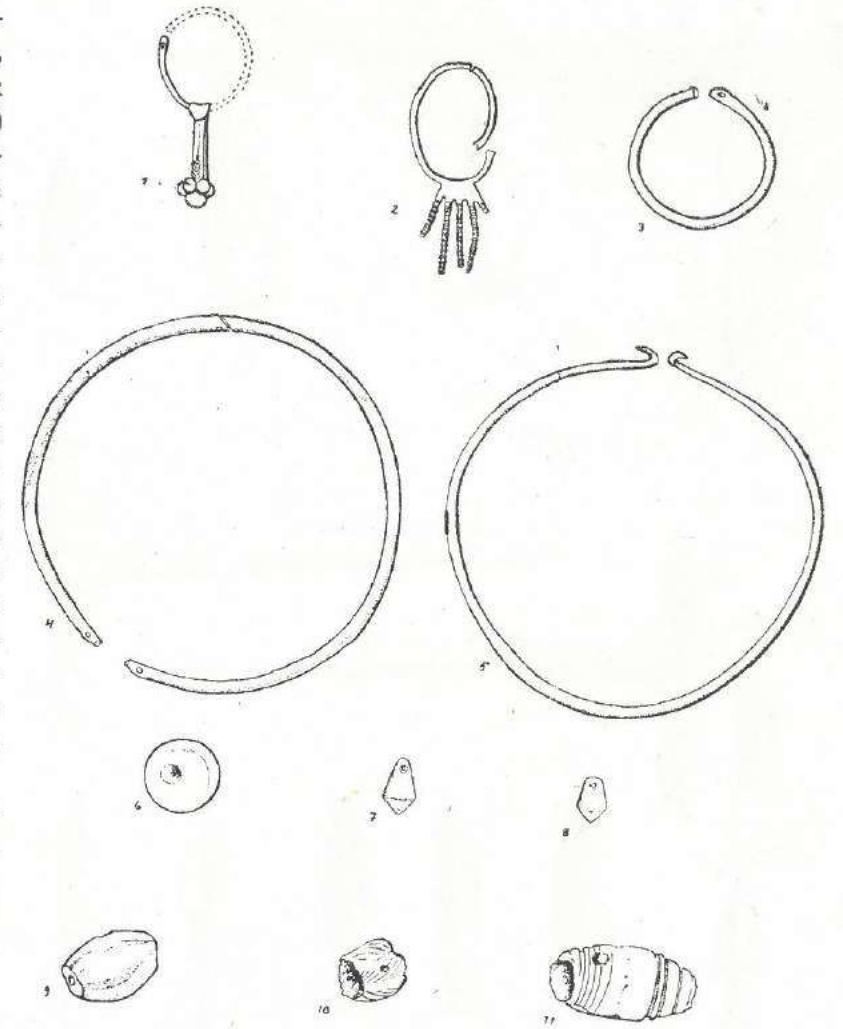

Рис. 40. Серебряные серьги (1, 2) и височные кольца (3—5); бусы сердоликовые (6—8) и стеклянные (9—11). Левобережный могильник у Бешташенской крепости. В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

Как показывают находки (179) в восточной Европе, особенно на нижнем Поволжье (напр. Усатовский клад), «скифские» втульчатые бронзовые стрелы, трехгранные и двулопастные без шипа и с шипом, появляются приблизительно с рубежа VIII—VII века до нашей эры (180), причем, чисто скифский вариант с шиповидным продолжением одной из сторон лезвия оказывается оформившимся, судя, например, по Келермесским курганам и по датированному Е. О. Прушевской (родосской вазой) погребальному комплексу у Шукур Ли-

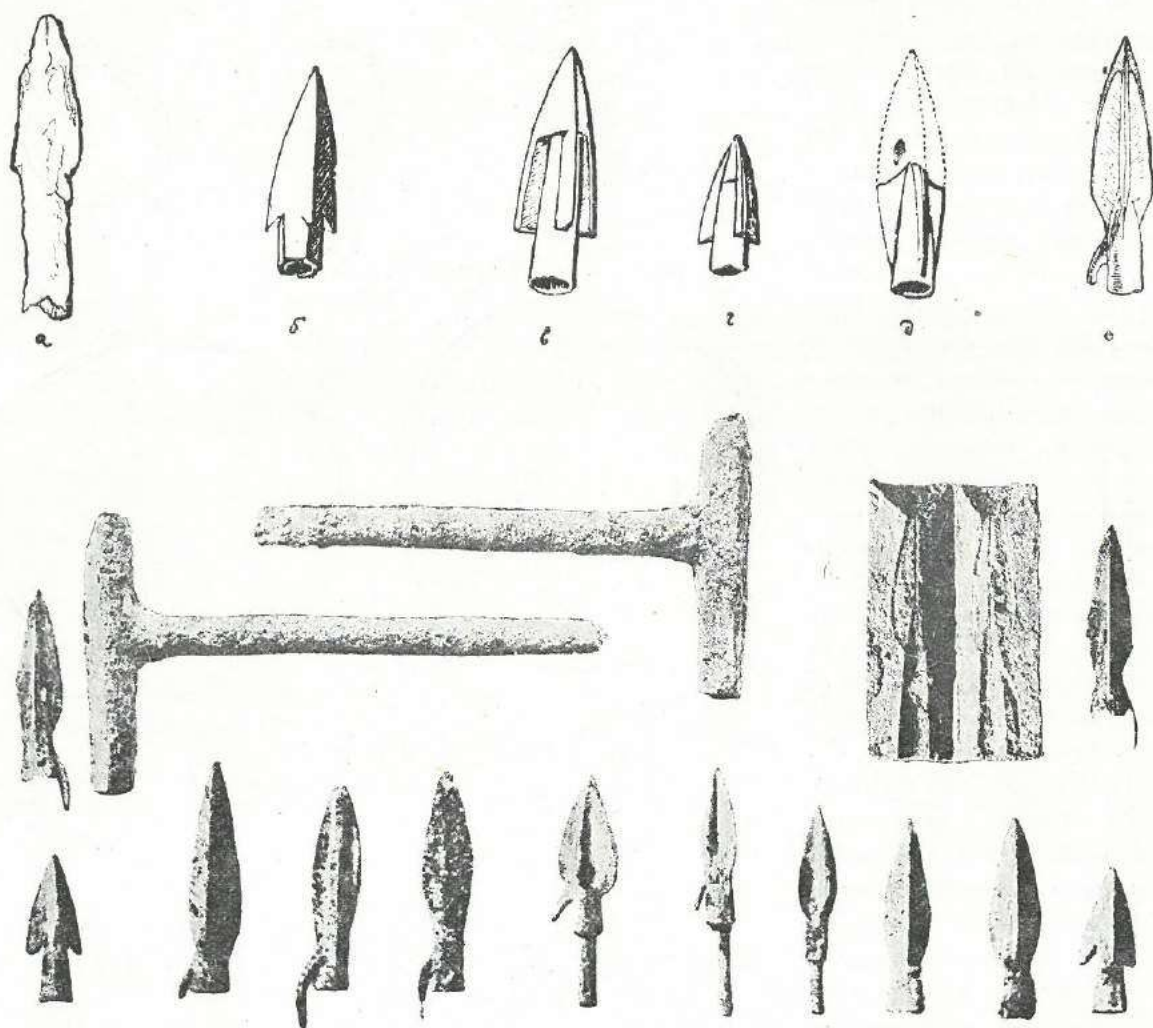

Рис. 41. Наконечники стрел: а) железный, б) костяной, в) и г) бронзовые из погребения с конем у с. Цыдамури (Мухетский р-н), д) бронзовый из погребения у Бешташеской крепости, е) бронзовый с р. Алгети. В нат. велич. Наконечники стрел и литейные формы защитников г. Каркемыша (по Вудли). В 2/3 нат. велич.

мана на Таманском полуострове, к рубежу VII—VI века до нашей эры (181). Замечателен при этом факт широкого освоения на скифской территории характерных методов отливки втульчатых стрел, особенно трехлезвийных, в трехстворчатых формах, приготовляемых из мягкого камня (находки в Приуральи, 182) или из бронзы (сел. Стайки Киевской губ., 183), и повторяющих медную литейную форму (184), найденную в Малой Азии в Каркемыше, на месте скопления свежеприготовленных стрел (рис. 41) во дворе древнего дома.

Наша стрелка, к сожалению, с обломанной верхней частью, трехлезвийной формы, с округло выпуклыми, сливающимися внизу с короткой втулкой, лезвиями (без бородки), при-

надлежит, видимо, к сравнительно архаичному типу, уводящему соответствующее погребение несомненно значительно глубже, чем рассмотренный выше могильник у Санты в Нерон-Дереси.

Еще более определенно об этом говорит серьга с пятью лучами (рис. 40). Эта серьга представляет собою очень грубое подражание, из серебряного сплава, прекрасной золотой серьге, филигранной работы (рис. 42а), указанной Г. Д. Филимоновым (185) в числе предметов, взятых непосредственно им самим из найденного им «Казбегского клада», перед его разграблением на месте находки, следовательно безусловно синхроничной основной части этого клада. Тальгрэн (186), в специальной работе датирующей этот клад, на основании анализа, главным образом, бронзового инвентаря, во всяком случае первой половиной I тысячелетия до нашей эры и «ближе к началу ее», совершенно почему-то забывает об этой серьге и свидетельстве о ней Г. Д. Филимонова, а также игнорирует и отношение к кладу другой подобной же серьги, найденной Байэрном (187) при исследовании места клада в 1878 году. Однако, несомненное указание Филимонова только еще более подтверждается находкой Байэрном парной (для вышеуказанной) серьги, вместе с другими золотыми поделками и лицевыми бусами (Maskenperlen) (188), которые хорошо известны во многих местах Средиземноморья и происходят, по видимому, из Египетских мастерских (189). В центральной Европе подобные бусы попадают в погребения конца гальштаттской и начала латенской эпохи (190), позволяя на этом основании датировать клад эпохой, близкой к середине VI века до нашей эры.

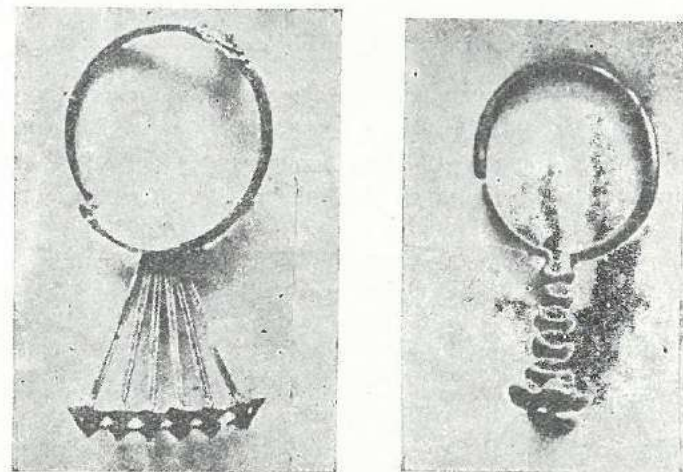

Рис. 42. Казбегские золотые серьги: а) из клада и б) с места клада (по Байэрну). Нат. велич.

Этому соответствует и то обстоятельство, что хранящееся в Зугдидском Музее второе, подобное нашему, грубое серебряное подражание Казбегской золотой серьге с лучами из Читацкали было найдено в кладе с колхидками. Еще две, известные мне, одиночные серебряные серьги подобного типа из сел. Икоти, Горийского уезда (Муз. Грузии, инв. 111—13: 1) и из Бори (191) не связаны с каким-либо определенным комплексом.

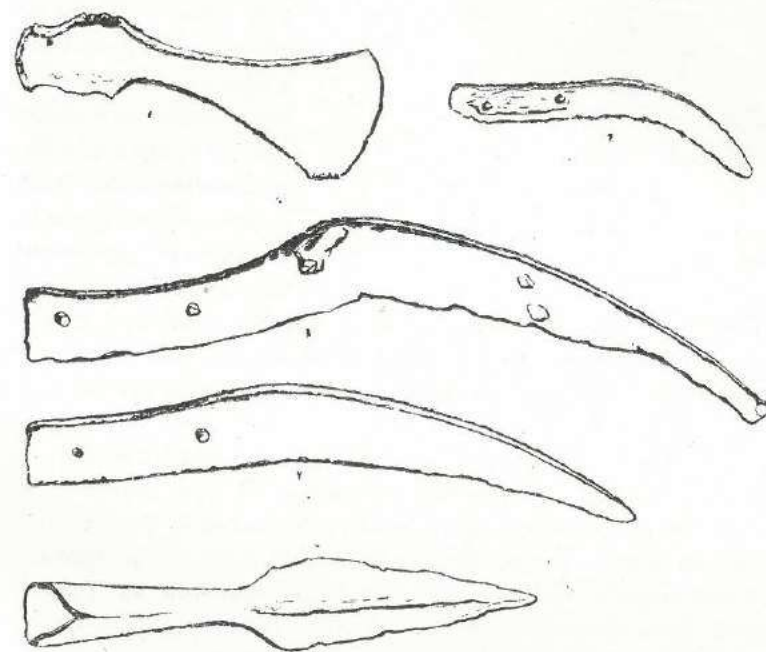

Рис. 43. Железное оружие из левобережного могильника у Бешташеской крепости. В 1/3 нат. велич.

на месте скопления свежеприготовленных стрел (рис. 41) во дворе древнего дома.

Другой тип серебряной серьги (рис. 40, 1) — с четырехшнуровым столбиком, кончающимся головкой из пяти круглых зерен, — встреченный в другом подобном погребении этого же могильника, находит себе также полную аналогию в другой золотой серьге и подобной серебряной, найденным Байэрном (192) вместе с вышеупомянутой (рис. 42 б) и относимым им, по условию находки в священном источнике, к кладу, связанному с последним, а не к могильнику, который, как мы уже видели, датируется несколько более поздним временем, чем клад.

Этой близостью по времени рассматриваемого Бешташенского могильника к Казбегскому кладу объясняется и то, что глиняные чашечки этого могильника уже имеют характерный тип фиал (табл. XV), который повторяется в форме даблагомской серебряной чаши (рис. 44), замечательного сосуда Казбегского клада с арамейской надписью, стеклянной фиалы из погребения на р. Алгети, бронзовых из Дэва Эйюк, серебряной фиалы Франкса (155)

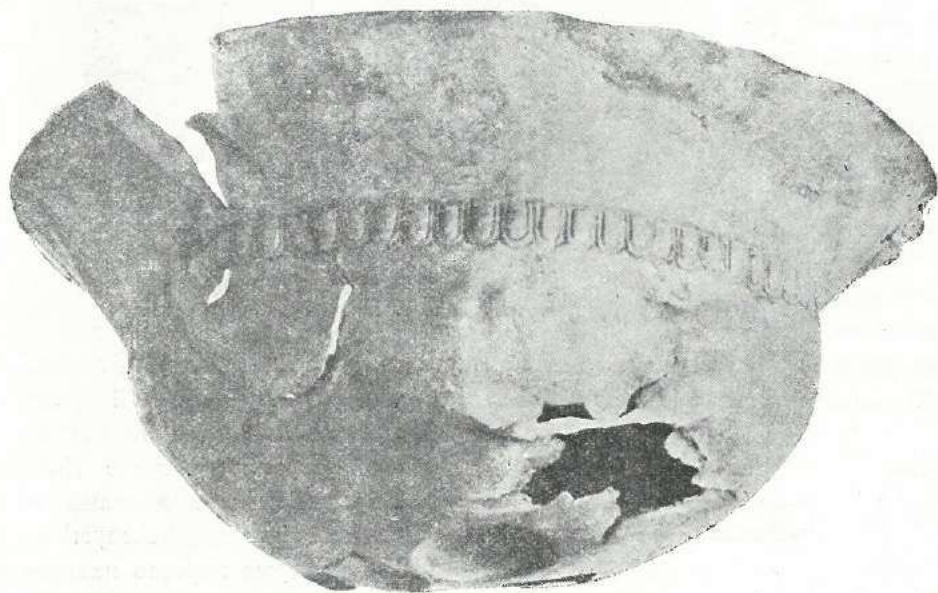

Рис. 44. Серебряная чаша, найденная с кладом колхидских монет в Дабла-Гоми.

и из ящичного погребения железной эпохи VI—VII века в Рас-Шамре с алебастровыми бальзамаеориями XXVI династии и бронзовыми фибулами того же времени (193).

Наконец, особенно типичные для описываемого могильника большие серебряные круглые височные кольца из проволоки с просверленными отверстиями на сходящихся концах для завязывания (рис. 40, 1), можно рассматривать в качестве прототипов для более мелких экземпляров золотых колец из клада с колхидками в Дабла Гоми. Всем этим с достаточной точностью определяется хронологическое место этого могильника как раз в промежутке между Казбегским могильником и Дабла Гоми с одной стороны и, Казбегским кладом, с другой.

Большая архаичность этого могильника у Бешташенской крепости сравнительно с вышерассмотренным Сантинским, таким образом, совершенно очевидна. В нем полностью отсутствуют типичные для последнего тонкие с голубоватой красивой патиной браслеты с выгибом, перстни со щитком, стеклянные геммы и цветные стеклянные бусы и, напротив, характерны бронзовые булавки с отверстиями и туалетными принадлежностями на цепочках, спирально свернутые проволочные бронзовые кольца, браслеты более массивные и прочий инвентарь, скорее тяготеющий к еще более древнему, предшествующему слою, типа поздней группы Лелварских могильников Моргана. Действительно, некоторые из погребений, раскопанных Жак де Морганом в Лелваре в таких же типичных, как и у нас, коротких каменных ящиках содержали втульчатые бронзовые стрелы (мог. 242), бронзовые височные завитки (194) с лопастями, повторяющие золотые формы Казбегского клада и могильника (195), булавки с цепочками и туалетными принадлежностями (мог. 40, Шайтан

Таг) нашего типа. Совпадают с лелварскими и формы железных наконечников копий и серповидно-кривых ножей с накладными костяными пластинками на плоскую железную сердцевину рукояти.

К тому же времени, как рассматриваемые бешташенские, относятся, по видимому, и бедные инвентарем погребения, раскопанные проф. Л. Меликсет-Бековым (196) в Манглиси в подобных же коротких ящиках, с такими же браслетами, булавками и железными ножами с костяной рукоятью. В Дидубе, около механического завода, существовал на древнем культурном слое могильник с погребениями, как этой ахеменидской эпохи (булавка 19—30 : 14 переходного типа к лелварским), так и последующих вплоть до римской.

Большой интерес представляет сравнение нашего инвентаря с инвентарем погребения всадника с конем близ сел. Цицамури, раскопанного Г. С. Читая в 1924 году (197). Это сравнение дает возможность более точно датировать последнее. Действительно, несмотря на разницу погребений, оно синхронично могильнику в каменных ящиках у Бешташенской крепости. Покойник здесь положен просто в грунте, продолжая традицию грунтовых погребений типа нижнего яруса в Самтавро, скорченно на правом боку (рис. 45). В ногах и вдоль спины погребен его конь с железными удилами во рту. У пояса покойника длинный железный меч, также соответствующий позднему погребению с длинным железным мечом (198) в нижнем ярусе Самтавро Байэрна, точильный брусок и цилиндрической формы гофрированная поперек глиняная кружка с двушной ручкой. Бронзовые украшения, состоящие из браслета с типичными здесь для ранней ахеменидской эпохи головками животного с длинными назад вытянутыми ушами, цепочки и булавки, повторяют наши экземпляры. Подтверждает датировку и группа четырех втульчатых стрелок (рис. 41, а, б, в) — одной железной, типа Казбегского могильника, одной трехгранной костяной, имитирующей бронзовую, и двух также трехгранных бронзовых, стоящих по формам ближе к ниже-волжской позднеархаической группе и к венгерской находке в Шомолани (201) с фрагментом итальянской фибулы, позволяющим датировать погребение началом VI века до нашей эры.

Иной характер имеет другая синхроничная группа инвентаря в Музее Грузии из Кахетии. Этот небольшой комплекс (Гос. Музей Грузии, инв. 11—25), происходящий из сел. Цицандали Телавского района, не вполне однороден и включает предметы несомненно и более молодого возраста, как например, светлоглиняная двойная фляга с перетяжкой вышеупомянутого ялойлутапинского типа из Гурджаани, бронзовая фибула с железной сердцевиной и накладной иглой, но также и более древние, относящиеся к названной эпохе: фигурные привески на цепочке и две булавки на цепочках, из которых одна вполне соответ-

Рис. 45. Погребение с конем у с. Цицамури. Раскопка Г. С. Читая в 1924 г.

ствуем нашим, а другая имеет несколько массивную головку, позволяющую в ней видеть зависимость от более древних форм булавок, которые нам предстоит рассмотреть в следующей группе могильников.

6. Могильники, синхроничные мидо-персидской и поздне-ванской эпохе

С этим временем совпадают совершенно правильно датированные Жак де Морганом III и IV группы лелварских погребений. Действительно, если даже не касаться остав-

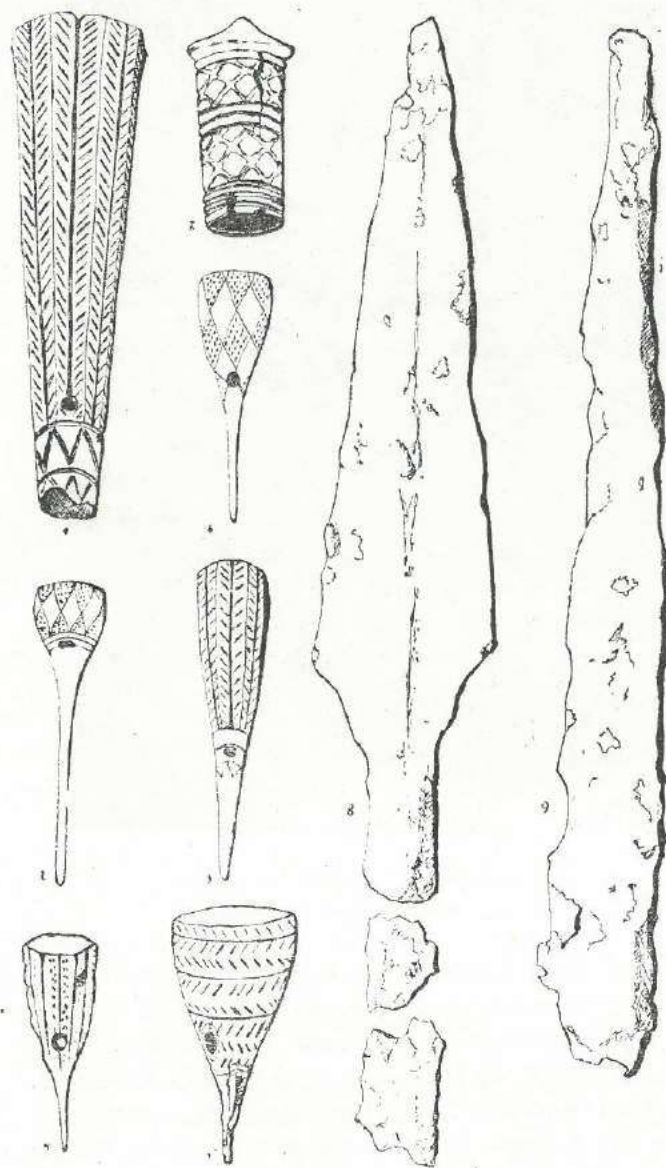

Рис. 46. Инвентарь грунтовых погребений мидийской эпохи из могильников близ с. Бешташени. В $\frac{2}{3}$ нат. величины. 1—6—бронзовые булавки; 7—бронзовое навершье рукояти ножа; 8—9—железные копье и нож.

противоречит находка Ивановского (202) в Калакенте в могиле № 36, заключавшей в себе бронзовый кинжал, замечательного пояса с бегущими от хищников козерогами, так как этот пояс и по стилистическим соображениям относился Б. В. Фармаковским (203) в более раннюю группу,

если даже не касаться оставленной самим Морганом (199) впоследствии аргументации, опирающейся на генезис бронзовых булавок (200), которые, по его мнению, имели прототипом булавку, отливавшуюся в форме, найденной Шлиманом в Гиссарлыке, то наличие в некоторых могилах этой группы, в Дже-лаал-Оглы и в Муси-Иери (мог. 242), втульчатых бронзовых стрел, двулезвийных с шипом на втулке и без шипа с ромбической и лавроволистной формы листом, не позволяет относить это погребение вглубь VII века, когда стрелы этой формы, вообще редкие на Кавказе, начинают появляться в массовом количестве в Малой Азии (в Алишарском холме и в Каркемыше), на о. Кипре, в Греции и в восточной Европе.

Тот же самый предел кладет и типичная для Лелварских погребений Морганом бронзовая фибула с железной привесной иглой, сопровождающая обычно погребения с массивными короткими полушаро-коническо-головными и пирамидальными булавами-шильями. Господство бронзовых фибул с привесной иглой в Анатолии (Гордион) и в Сирии (Дэвэ Эйюк) приходится на промежуток времени между VIII и VI веками до нашей эры, а в Западной Грузии и Северной Осетии дугообразные фибулы с железной иглой едва в состоянии вытеснить одночленную фибулу из погребений последних веков до нашей эры.

По наблюдениям Морганом именно к этим двум поздним его группам Лелварских погребений относятся погребения с широкими богато орнаментированными мифологическими охотничьими сценами бронзовыми поясами. Этому положению не

сравнительно с поясами Реслера из Ходжалинского кургана № 2 и Бэлка (204) из Калакента. Но и помимо этого, самый факт нахождения этого пояса с бронзовым кинжалом вовсе еще не говорит о безусловно более древнем его возрасте сравнительно с лелварскими поясами, так как в точности такой именно бронзовый кинжал найден, по свидетельству Ивановского (205), в могиле № 48, вместе с трехгранными втульчатыми бронзовыми стрелами, отодвигать возраст которых глубже VII в., как мы видели, нет возможности.

Поэтому нельзя просто без всякой аргументации датировать X—IX веками до нашей эры открытые Ф. Реймерсом и Н. Квезерели ящичные погребения у Пинезаури близ Дманиси с инвентарем, вполне совпадающим с III—IV группами лелварских погребений Морганом (206). Могила № 2 этого могильника, содержащая богато орнаментированный бронзовый пояс, извлеченный в мельчайших обломках, заключала в себе характерный узкогорлый кувшин с широким крутоплечим корпусом, резко сужающимся к небольшому доньшку, острорезерное круглое блюдо, гнутые из квадратных бронзовых пластинок четырехреберные розетки-бубенчики и обломок железного кинжала с рамочной бронзовой ручкой, как у меча из 74 могилы в Муси-Иери (207), то есть инвентарь, в точности совпадающий с младшей группой Лелвара.

Могильник этой эпохи в Триалети оказался на том же могильном поле, как и выше-рассмотренный могильник ранне-ахеменидской эпохи за Бешташенской крепостью, а частью на другой стороне речки Геряк Чай на могильном поле более древнего возраста, конца бронзовой эпохи. В отличие от большинства погребений Лелварских и Пинезаурского могильников, здесь погребения не имеют правильных каменных ящиков и находятся в грунтовых ямах (табл. XVII), лишь обозначенных отдельными камнями, иногда под покровом грубой плиты. В этом отношении этот могильник напоминает более западный могильник в Ахтале, который Морган относит ко второй своей группе, более древней, или, по второй его гипотезе, связанной с пришлым населением (209), однако описывает он эту группу крайне суммарно и кратко, не указывая различия в форме предметов, и делая лишь двусмысленное замечание, что железные вещи редки, хотя по существу можно говорить лишь о редкости в этих могилах вообще оружия, которое только и делалось здесь в эту эпоху из железа, а вовсе не о замещении его бронзовым, как можно было бы предположить по контексту. Поэтому и вопрос о большей древности этой части могильника сравнительно с восточным остается у Морганом необоснованным. Странным образом, он даже не упоминает уже в специальной части (210), при описании западного Ахтальского могильника, о существовании грунтовых погребений вообще, хотя их раскопано им было 60, ни зарисовок, ни схем не дает. Поэтому сравнить с ними ближе Бешташенские погребения не удается.

Несмотря на плохую сохранность костей, говорить о скорченном захоронении на боку возможно с достаточной определенностью. Инвентарь состоит из двух—трех глиняных сосудов, почти обязательно, низких, круглых, остро-реберных блюд с выступающим поддоньем и кувшинов, вышеописанного типа с очень крутыми плечиками (табл. XVIII), и очень коротких массивных крупно-головых бронзовых булавок (рис. 46_{1—6}). Совершенно новым предметом является найденное также в этом комплексе бронзовое цилиндрическое навершье (рис. 46₇) для тонкой деревянной трости, неопределенного назначения, очень неожиданным образом напоминающее, в миниатюре, по форме древнее навершье-булаву из Тепе Гиссара (211), совершенно иной эпохи.

В остальном инвентарь очень беден и подобно Пинезаурскому (Дманисскому) могильнику, в отличие от Лелвара, повидимому, не знает фибул, с привесной железной иглой, что объясняется, может быть, более южным районом распространения последней, например, в районе западных берегов Севанского озера, где однако не найдено лелварского типа массивных булавок, тогда как в Грузии этого рода фибулами пользуются лишь в значительно более поздних формах, состоящих часто из железной сердцевины в серебряной

или бронзовой обкладке. На Цалке имеется только один случай находки дугообразной фибулы с навязанной (бронзовой) иглой в сел. Санта. Напротив, характерные булавки проникают и на север от Триаletского хребта, как мы это видим, например, по находкам их в с. Хидистави Горийского р-на (инв. 83—13:4—6). Повидимому зависимыми от этой группы, до некоторой степени, являются и несколько более молодые, своеобразные булавки Кахетии с очень массивным стержнем и овальной головкой, как найденная в сел. Икалто (инв. 5—33) вместе (по свидетельству Г. Гозалишвили) со стеклянными бусами и разомкнутым браслетом, кончающимся головками вышерассмотренного типа, характерного для ранней ахеменидской эпохи Грузии.

7. Могильники Ванской эпохи

Сюда прежде всего следует отнести могильник в урочище Маралын Дереси на западном краю сел. Санта. Мы снова находим здесь погребения в каменных ящиках, но неряшливо сложенных из неполного числа камней, с инвентарем, хотя и отличным от только что рассмотренного, лелварского типа, но соприкасающимся с ним по целому ряду ответственных линий.

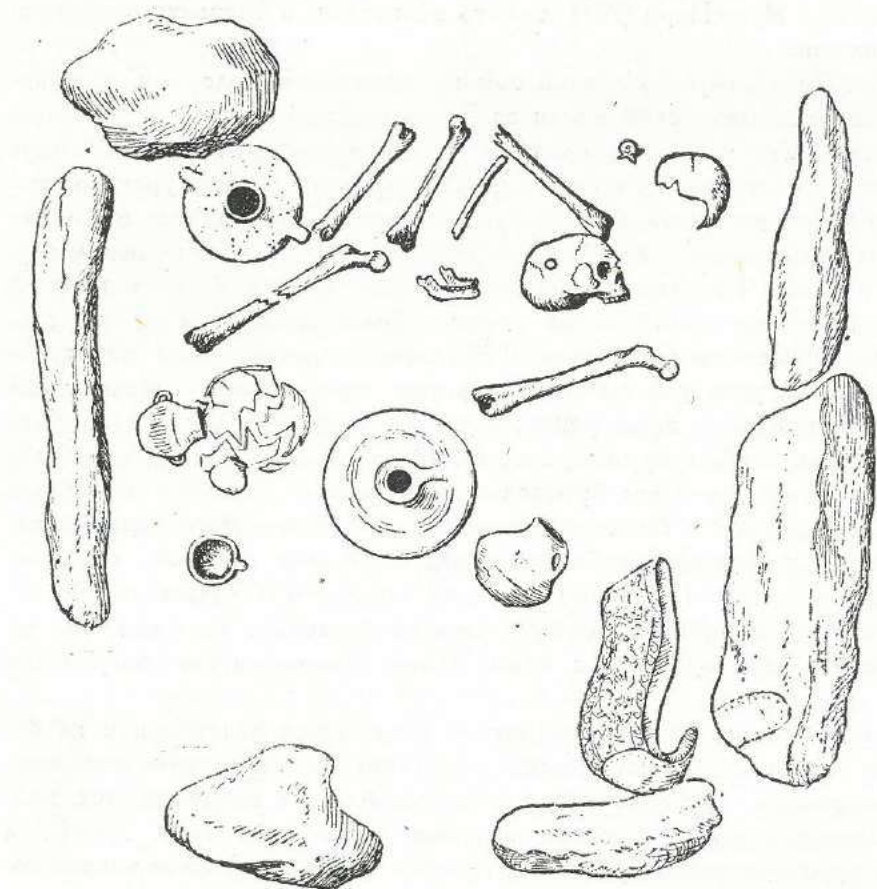

Рис. 47. Погребение с богато-орнаментированным поясом в могильнике урочища Маралын-Дереси (Цалкинский район). В $\frac{1}{15}$ нат. велич.

ных сосудов в нем, сверх пояса, ничего не оказалось (рис. 47).

Могила была обставлена каменными плитами только с двух сторон, образуя квадратное пространство 1,4 метра по стенкам. У западной земляной стены находилась груда человеческих костей с тазом, указывающая на захоронение покойника в сидячем положении. Посуда была поставлена в противоположной половине могилы, а пояс лежал отдельно в северо-восточном углу.

Прежде всего останавливает внимание погребение с богато орнаментированным поясом, уже само наличие которого связывает это погребение с лелварскими, обладавшими широкими орнаментированными поясами. В данном случае погребение в Маралын Дереси оказалось, подобно могиле 36-ой Ивановского (с поясом), бедным по инвентарю. Кроме бронзового спирального перстня и 7 глиня-

По орнаменту бордюров,—мотиву ромбов, образованных спиральным плетением, как на надгробии 5-ой шахтовой гробницы в Микенах, и по изображению охотничьих сцен с парными животными друг над другом, в двух продольных рядах, этот пояс (рис. 49 и табл. XXV) особенно близок лелварским образцам и в то же время повторяет почти в точности опубликованные П. С. Уваровой обломки кобанского пояса из собрания Ольшевского (рис. 48). Два из этих обломков (213) ориентированы у Уваровой неправильно и должны быть повернуты боком, чтобы получить два противоположных конца одного и того же пояса с двурядным расположением фантастических животных с острым выступающим кверху носом, который сразу заставляет убедиться, что мы встречаемся здесь с изображениями, совершенно аналогичными имеющимся на кобанских топорах, а также, в несколько смягченном виде, в воспроизведенной художником Д. Н. Цицишвили орнаментовке бордюров на головке массивной булавки из Пинезаурского могильника (близ Дманиси) и на точно таком же узоре ручки бутаторского меча из Кобани Венского музея (214). К этой же орнаментальной группе относятся и упомянутые фрагменты пояса, собранные Н. Квезерели во второй могиле близ Дманиси. Таким образом, лелварские и цалкинские пояса именно чертами, отличающими их от калакентских с однорядной или напротив многорядной композицией, оказываются полностью входящими в „кобанское искусство“, которое находит в них свое высшее выражение.

Рис. 48. Фрагменты пояса из Кобани (по П. С. Уваровой).

Рис. 49. Деталь пояса из погребения в Маралын-Дереси (Цалк. р-н).

Эта связь с Кобанской культурой, устанавливаемая для погребения с поясом из Маралын Дереси, подтверждается и инвентарем других погребений этого могильника (рис. 50). Здесь следует

указать прежде всего на инвентарь погребения № 4, который включает в себе типичную одночленную кобанской формы фибулу, медно-бронзовую мотыжку, типа западно-грузинского, именно колхидского варианта Кобанской культуры, бронзовый гребешок с пятью зубьями и полумесяцем, выступающим сверху, подобно как на лелварском экземпляре, два бронзовых браслета и железный ножик (табл. XXIII).

Очень характерны бусы (табл. XXI) пастовые и стекловидно-опаловые, среди которых интересны крупные шаровидные бусы палевого оттенка с шишками (рис. 50, 3 и табл. VI), по технике предваряющие более поздние из цветного стекла. В одной из могил та-

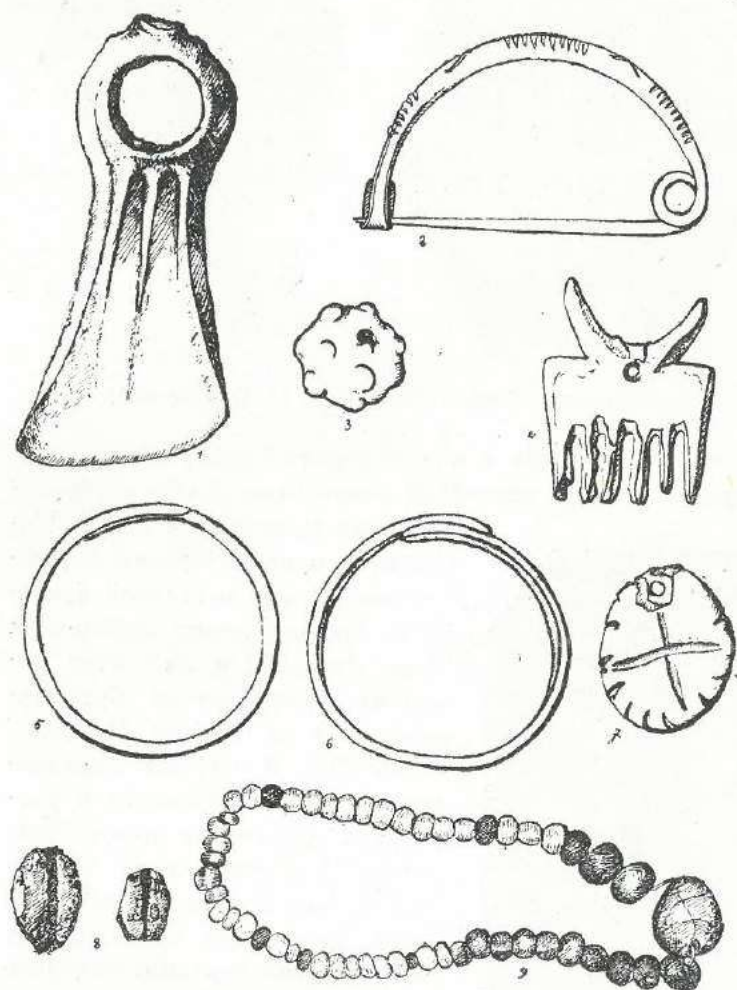

Рис. 50. Инвентарь погребения девочки. Могильник в Маралын-Дереси. 1, 2, 4—6—бронза; 3—стекловидная паста; 7—галька; 8—раковины каури; 9—сердолик. В 2/3 натуральной величины.

кая точно буса оказалась здесь вместе с глиняной кружкой, покрытой внутри и снаружи целиком с доньшком бледно-зеленой с желтыми полосками глазурью (табл. XX, 1), отличающейся от глазури ходжалинского блюдечка (215), найденного с бусой Ададнрари, совершенно иной техникой толстослойного наложения глазурного теста. Однако по зеленовато-голубому с желтым тоном, эта кружка напоминает колорит последнего, и замечательных глазурованных черепков (216), найденных Реслером в другом Ходжалинском кургане, а также светлых с зеленоватым отсветом и желтым рисунком глазурованных черепков из синхроничного поздне-ассирийскому государству слоя в Телл-Халафе, которые Г. Шмидт почему-то считает ассирийскими, хотя они грубее ассирийских.

Указанная находка глазурованного глиняного сосуда подтверждает, впервые, правильность свидетельства Байэрна (218), что им в 591-ом погребении нижнего этажа в Самтавро был найден развалившийся при извлечении из могилы горшочек на ножке с ручкой, покрытый серовато-зеленым „лаком“ с оранжевым рисунком, и доказывает вместе с тем появление на

территории современной Грузии уже в урартскую эпоху глазурованной посуды, которую Леман-Гаупт зарегистрировал в Топрак Кале на озере Ван, в виде большого количества фрагментов, особенно доньшек, покрытых голубовато-зеленой „эмалью“ (219). В настоящее время работами Мухетской экспедиции открыто еще несколько подобных кубков, покрытых глазурью, в грунтовых погребениях нижнего яруса. Поэтому можно уже с несомненностью считать, что появление глазурованной глиняной посуды не является только случайностью, а что она могла быть скорее продуктом местного производства. Об этом свидетельствует и характерная форма сосудов, соответствующая принятым в данной местности

типам. В частности, найденный на Цалке глазурованный сосудик полностью повторяет форму особого вида кубков на высокой подножке с округло петлевидной ручкой, какие находятся, как в этом могильнике (рис. 67б), так и в погребениях у Пинезаури, лелварского типа, в одном случае с обсидиановым окошечком на дне.

Местной по происхождению считает глазурь и Жак де Морган, также нашедший в Талыше в сел. Джони горшочек, покрытый голубовато-серой глазурью (220), которую он сравнивает с поздне-эламской и поздне-египетской (221), служившей, очевидно, образцом для подражания, поскольку это доказывает найденная в „дольмене“ № 6 в сел. Чила-Хане местная имитация египетского скарабея (222), хотя, как известно (223) в Эламе и Месопотамии употребление глазури восходит к рубежу III и IV тысячелетий.

К сожалению, составить полное представление об инвентаре погребения с глазурованным сосудом в Джони мне не удалось. Что же касается ходжалинских образцов глазури, то упомянутый фрагмент поливного сосуда с изображением животного принадлежит к группе местных курганов с трупосожжением, для которых характерно присутствие в инвентаре бронзовых поясов и „панцырных ворот“. В подобном кургане с сожжением (224) № 2 найдены и обломки известного, опубликованного Вирховым, бронзового пояса с изображением героя, борющегося с хищником, и быков, с трактовкой рогов в форме крутого полумесяца, в окружении змей и астральных знаков, как и на нашем поясе. Инвентарь этого кургана состоит: из двух обломков ручек, в виде бараньих головок, от плоских каменных блюд, восходящих по своей форме, через черно-глиняное блюдо из некрополя А в Тепе Сиалк (225), к шумерским прототипам, — блюдам из битума (226), подобной формы, и бронзового круглодонного котла с четырьмя ручками, склепанного по двум горизонтальным швам из трех поясов бронзового листа, совершенно тем же техническим приемом, каким до последнего времени изготовляют еще местами некоторые котлы в Грузии (лично я видел у медника в гор. Потти) и в Северной Осетии, где этот способ применяется особенно для огромного размера праздничных котлов (212).

К посуде, подобным способом изготовленной, принадлежат и бронзовые ситуды, находящиеся на территории распространения Кобанской бронзы в Грузии и Северной Осетии, нередко с кладами медных слитков и Кобанской бронзы. Помощью этих ситуд удается получить лишнюю аргументацию в пользу синхронизации цветущей поры Кобанской бронзы с Ванской эпохой, несмотря на тот факт, что урарты в это время всецело уже заменили в оружии и орудиях бронзу железом, которое заполнило, как известно, в качестве добычи от царя Русы 1-го после походов Саргона, кладовые Нимруда (227), в то время как в Грузии оно оставалось в это время, сравнительно с бронзой, на заднем плане. Подобные ситуды с характерными ручками, заканчивающимися наверху звериными головками с ушами, были недавно описаны для территории европейской Скифии (228), в связи с находкой таких ситуд в Киевском районе в сел. Жаботине, близ гор. Черкас, в Таганче близ Канева и одной еще ранее найденной Бобринским в доскифском кургане XV, вместе с бронзовыми удилами и глиняной ранне-скифской чаркой с высокой петлевидной ручкой, типа близкого к северо-итальянским, культуры Вилланова (186), и еще далее к древним мало-азийским. Эти ситуды рассматривались как западно-европейский вклад, эпохи Гальштатта, в доскифскую культуру Украины в период между VII—VI веком до нашей эры. При правильной датировке ситуд, согласующейся с датировкой А. А. Спицина (231) XV кургана близ Смелы, венгерским поздним бронзовым веком (синхроничным Гальштатту) нельзя не видеть односторонности анализа киевских находок, без всякого учета кавказских материалов.

Ситуды кургана XV близ Смелы полностью совпадают формой корпуса, совершенно иной чем у гальштаттских ситуд, с ситудой Музея Грузии инв. 11—28:1, найденной у сел. Шуахеви близ Душети, со слитками бронзы обломком напускной псаии и узкой бронзовой мотыжкой, одинаковой с мотыжкой (рис. 50, 1) из могильника в Маралын Дереси. Украинские ситуды из Жаботина и Таганча, можно сказать, абсолютно не отличимы от ситуды, найден-

ной в Грузии в 1932 году близ сел. Окуреша Лечхумского района с кладом совершенно новых, прекраснейшей работы, бронзовых топоров и других предметов кобанского типа (232). Среди этих предметов в situ находились две бронзовые кружки, подобные опубликованной П. С. Уваровой северо-осетинской из Рутхи, совершенно одной работы и формы с самой ситулой, но не с двумя, а одной ручкой и с перехватом корпуса внизу, в виде ножки, как на глиняных вышеупомянутых кружках, подобных глазурированной из погребений

в Моралын-Дереси. На корпусе ряда глиняных экземпляров таких кружек имеется характерная имитация проковки стенок металлических сосудов, в виде косых плоских канелюр, заставляющих подозревать в бронзовых кружках из Окуреша как бы модели для глиняных этой эпохи.

Фрагменты от подобной бронзовой кружки с хорошо сохранившейся типичной ручкой были найдены в 1913 году П. Ф. Петровым (233) у Арарата в с. Малакля близ Игдыра в своеобразном могильнике — колумбарии с пеплом сожженных покойников в глиняных урнах, поставленных в расщелины скал. Прекрасной работы глиняная посуда и исключительно железное оружие (меч, ножи, копьенос, стрелы) заставляли долго относить этот инвентарь к римской эпохе, пока мне не удалось установить в 1934 году совершенно иной его возраст и экспонировать на археологической выставке, как могильник эпохи ванской экспансии. Датировку дают архаичский подбор бус, бронзовые сосуды, из которых один близ-

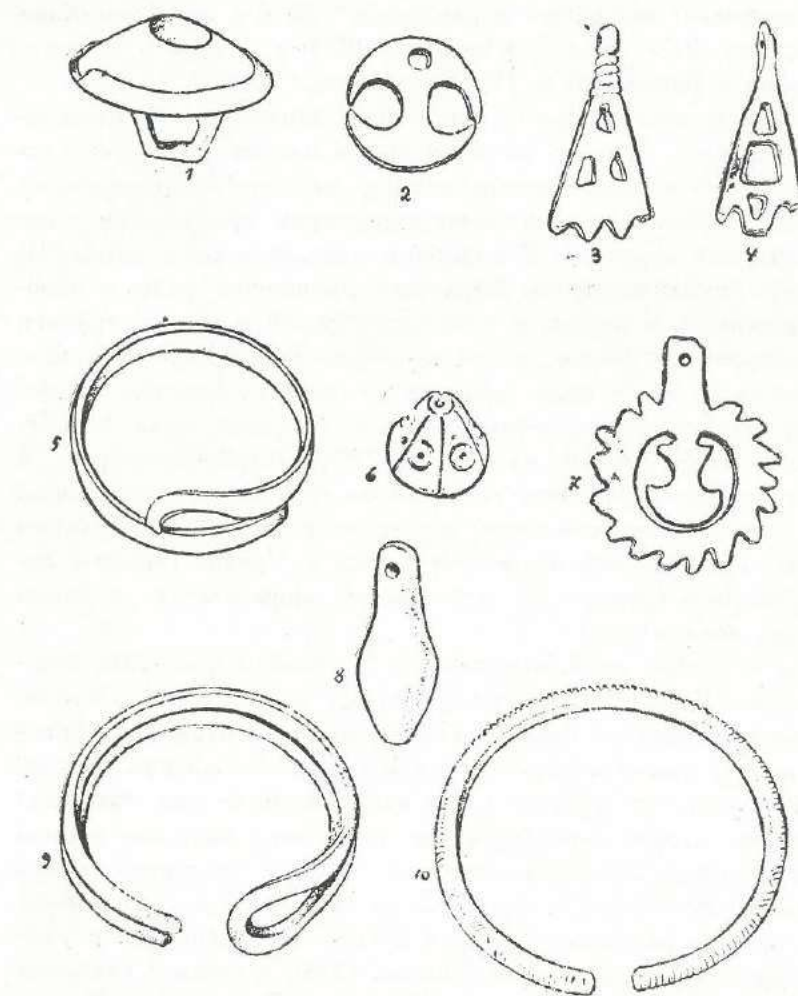

Рис. 51. Медный инвентарь из погребений Динцкарской и Так-Килсинского могильников (Цалкин. р-н) древне-железной эпохи. 6 и часть 1 — паста; остальное — бронза. В $\frac{2}{3}$ натур. величины.

ко соответствует упомянутому выше ребристому бронзовому сосуду с иероглифическим знаком из Топрак-Кале (146), другой представляет собой вышеупомянутую бронзовую кружку кобанской эпохи, и наконец три обнаруженные среди бус печати, из которых столбчатая из обожженной глины несет изображение львиноголовой птицы грифона с месяцем и звездой на поле, совершенно как на одном глиняном отпечатке, найденном в Топрак-Кале (234). Наконец керамика могильника в Малакля, представленная безручными кувшинами с прекрасно обработанной тонко-глянцевой красной поверхностью, выполнена именно в той самой технике вторичной обжарки, на анализе которой подробно останавливается Леман-Гаупт, нашедший подобную посуду в Топрак-Кале (285), частью виннокрасных оттенков.

Таким образом, бронзовый кобанского типа сосуд, найденный в Малакля, получает ту самую датировку, которую удалось установить для этого рода изделий, исходя из западно-европейской хронологической сетки. Это является важной победой не только в вопросе синхронизации Гальштатта с Кобанью, но и в установлении одного из путей, по которому происходило в это время продвижение, хотя бы одного из продуктов южнокавказского металлического производства на Запад. Косвенным образом это подтверждает и нашу датировку могильника Маралын-Дереси, устранив, во всяком случае, опасение приурочить возраст комплексов, включающих в себя памятники кобанской культуры.

Вместе с тем становится очевидным факт, что появление железа в Грузии шло не со стороны Кавказского хребта, где, напротив, бронзовое производство обнаруживает явную тенденцию к задержке, а по видимому со стороны классовых обществ Переднего Востока, возможно из Малой Азии, так что гипотеза Жак де Моргана о наступлении железного состояния в Закавказье за $2\frac{1}{2}$ —3 тысячи лет до нашей эры, то есть, следовательно, с полным культурным застоєм в дальнейшем за этот долгий промежуток времени, оказывается окончательно устраненной. Это дает в свою очередь возможность с полным основанием исходить при датировке и грузинских материалов из установленной для Передней Азии средней даты появления железных орудий и оружия (слой в Гезере, в Каркемыше и пр.) XII веком, с указанным учетом условий запаздывания в замене бронзы железом в горных районах, с одной стороны, богатых медными рудами, с другой, дольше сохраняющих замкнутый тип хозяйства.

Возвращаясь теперь к инвентарю могильника Маралын-Дереси, обратим внимание, что сопровождающая погребения простая керамика (табл. XIX) имеет значительно иной облик, сравнительно с керамикой выше рассмотренного последующего по времени могильного слоя с массивными крупно-головыми булавками. Здесь совершенно отсутствуют низкороткие круглые блюда с выступающим поддоньем, отличается форма кувшинов, имеющих, вместо крутоплечего сильно раздутого корпуса, более шаровидный; большим распространением пользуются в рассматриваемом комплексе крупные, овальной формы сосуды с двумя ручками по бокам в самой широкой части корпуса, горшки то с широким, то с более суженным горлом, чашки с „двушными“ ручками, как в Западной Грузии.

Близкий ассортимент посуды мы находим и в двух других могильниках, совершенно отличных по бронзовому инвентарю и составу бус от этого, но относящихся, в основной

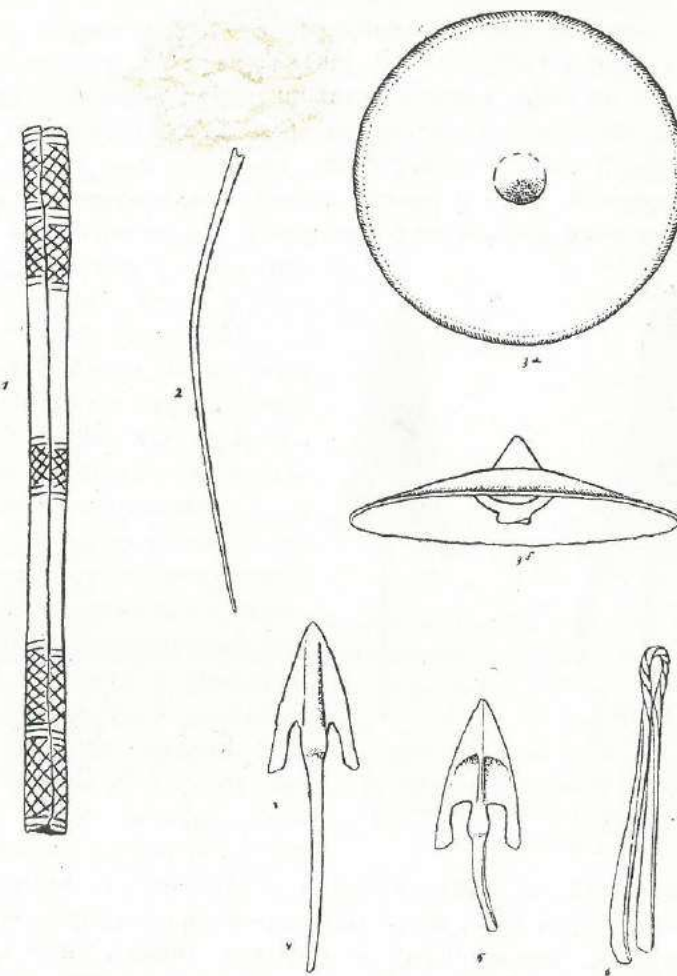

Рис. 52. Бронзовый инвентарь из погребений Так-Килсинского могильника древне-железной эпохи. В $\frac{2}{3}$ натур. велич.

своей части, к той же самой эпохе. Оба эти могильника, один к востоку от сел. Цинцкаро, а другой по сторонам шоссе, ведущего из сел. Гуниа Када в Даракев, были раскопаны в 1937 году. Инвентарь и характер обоих этих могильников очень похож друг на друга. Они характеризуются довольно глубокими вытянутыми в длину (1,8—1,6×0,7—0,5 метра) каменными ящиками, обыкновенно сложенными из 6 грубых плит и покрытыми сверху двумя плитами. Ориентированы они чаще всего с востока на запад. Большинство ящиков несут на себе признаки старых ограблений, что сказывается в частом отсутствии западной покровной плиты (табл. XXVII, 1) и, несомненно, во вторичном беспорядке внутри могилы.

Однако и в целых снаружи ящиках нередко наблюдаются значительные нарушения в расположении костей покойника, не позволяющие уловить естественные сочленения их между собой (табл. XXVI). Иногда кажется, что имеешь дело со вторичным захоронением костей, но чаще удается установить или первоначально сидячее положение покойника, обычно в восточном конце ящика, или же последующую деструкцию скелета деятельностью грунтовой воды и, может быть, животных еще тогда, когда ящик оставался не заполненным землей. Зато в редких случаях было возможно зарегистрировать несомненно скорченное на боку захоронение покойника в могильной яме (табл. XXVIII), а в одном случае, поверх ямы, у самого края ящика, в котором оказались посуда и кости свиньи (табл. XXVII, 2).

Инвентарь большей частью беден и состоит из железных ножей, копий (табл. XXV), режущих кинжалов с бронзовыми частями рукояти (обоймами и ажурной головкой, рис. 55); в одном случае найден был железный меч совместно с бронзовым наконечником копья. Бронзовое оружие вообще редко за исключением стрел, которые принадлежат здесь к обоим восточно-южно-кавказским вариантам (табл. XXXIII) длинно-стержневого типа стрел с развитыми узкими, слегка сабле-видно согнутыми бородками лезвия и 4-гранным (простым или скрученным) стержнем, обычным для могильников Азербайджана и Армении: 1) с массивным ромбического сечения концом и полуарочными несквозными выемками (рис. 52, 5) и 2) с сильно выступающей осью доходящей до конца стрелы (рис. 52, 4). Среднее положение между указанными занимает вариант этого типа стрел-дротиков из Луристана (рис. 53) с ромбическим сечением без выемок внизу (236).

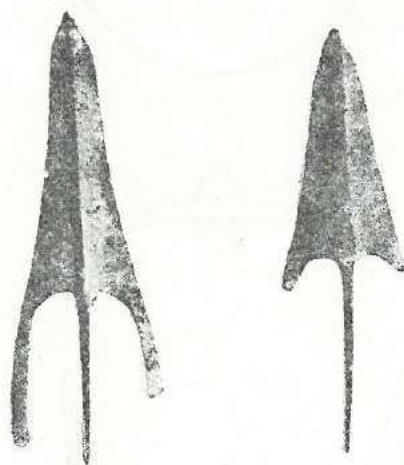

Рис. 53. Бронзовые стрелы из Луристана (по Пржеворскому) В 1/2 натур. велич.

Найденный в Дабла Гоми и названный условно „западно-грузинским“ вариант подобных стрел (рис. 85, 6), без выраженного ребра, правильно треугольной формы, то есть с прямой линией края и бородки лезвия, и 6-гранным стержнем, совершенно чужд рассматриваемым комплексам, тяготеющим таким образом более к юго-восточным территориям Куро-Араксского Двуречья, чем к северо-западным. О том же говорит встреченный здесь тип удила и характерный предмет мужских погребений—бронзовые навершья для посохов в форме мусульманского купола (табл. XXXIV).

Украшения состоят большей частью из гладких браслетов, согнутых из бронзового прута, нередко перед этим сложенного вдвое (рис. 51, 9), как на руках женских, так и мужских скелетов, реже спиральных перстней, иногда, бронзовых поясов без орнамента (табл. XXVI, 2) и часто большого количества бус.

Среди бус стеклянные очень редки. Главную массу образуют неправильно-округлые сердоликовые, затем бусы в виде зерен различных форм из голубой пасты (табл. XXXIII) и чрезвычайно характерные для этих могильников плоско-призматические, геометрических очертаний, с резным концентрическим кружковым орнаментом на поверхности, бусы типа „домино“, пиленные из совершенно белого материала, видимо тальковой породы (табл. XXXIII).

Эти последние бусы настолько типичны, что находка их сразу определяет характер и возраст погребения, так как существовали они, видимо, ограниченный промежуток времени.

Эти бусы до сих пор остаются тесно связанными с районом Триалети. Они почти неизвестны вне его, кроме единичных включений, например, в ожерелье из могилы № 59 Редкина Лагеря (237), в некоторых могилах нижнего этажа в Самтавро и в могильниках Армении у Севанского озера, что, понятно, имеет особенную ценность для вопроса о синхронизации соответствующих памятников. К сожалению только, ни П. С. Уваровой не были учтены в ее каталоге, ни археологическим отделом Музея Грузии не были фотографически зафиксированы таблицы с материалами Байэрна из Редкина Лагеря, соответствующие помогильным его описям 70-ти могил, перед передачей материала в Азербайджанский музей, и теперь невозможно уже установить принадлежность вещей к той или иной могиле (1). Из того, что мне удалось все-таки выяснить, погребение № 59 в Редкинском лагере не выделяется по своему инвентарю (головной обруч, бронзовая игла, панцирный чепец из чечевицевидных сурьмяных бус) из круга наиболее характерных и богатых женских погребений Редкина лагеря, которые следовательно не могут никак оказаться древнее описываемой группы Триалетских могильников с белыми тальковыми бусами, поскольку иначе цалкинская буса не могла бы попасть в 59-ое погребение Редкина Лагеря. Тоже можно сказать и о 565-ом погребении Байэрна из нижнего яруса в Самтавро с его характерным инвентарем (рис. 75), поскольку в этой могиле, среди ассортимента бус, близкого описываемым Триалетским могильникам, имеются также и белые бусы из талька, но менее специфического, правда, типа, именно, в виде цилиндрических трубочек, обычно сопутствующих в Триалети бусам „домино“.

Так как белые тальковые бусы типа „домино“ были найдены нами также в 3-ем погребении могильника Маралын Дереси, а в количестве нескольких штук и во 2-ом, можно с значительной вероятностью заключить, что последние погребения синхроничны какому-то этапу в существовании могильников Цинцкаройского и на шоссе из Гуниа Када в Даракев, тем более что и состав глиняной посуды оказывается у них в значительной степени общим.

Действительно характерным керамическим инвентарем в погребениях описываемых могильников (табл. XXIX) являются те же темнорубые и темносерые узкогорлые кувшины с ручкой и шаровидным корпусом, овальные крупные сосуды с суженной цилиндрической шейкой и двумя петельчатыми ручками в самой широкой части сосуда, близкие к этим, по форме, маслостойки, горшки широкогорлые и с суженным горлом без шейки, небольшого размера кружки, то в форме горшочков с ручкой, часто двуушной наверху, то с цилиндро-колоколовидным корпусом. Тарелки и широкие чашки здесь, так же как в могильнике Маралын

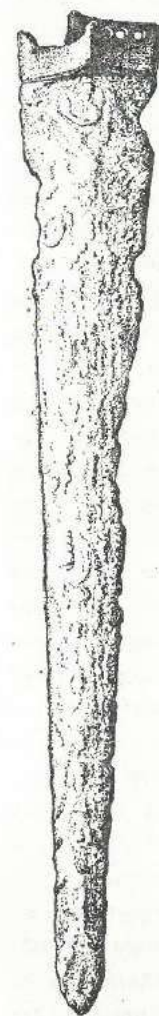

Рис. 54. Железный кинжал с бронзовой ажурной головкой из ящичной камеры в насыпи кургана III. В 2/3 натур. велич.

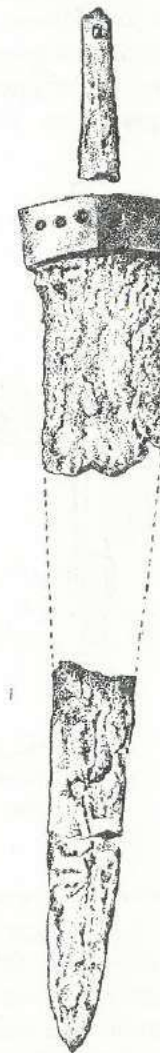

Рис. 55. Железный кинжал с выемчато-рельефной орнаментацией на бронзовой головке. Погребение № 76 Цинцкаройского могильника. В 2/3 натур. величины.

Дереси, совсем необычны. Чрезвычайно типична для этих могильников, кроме того, постоянная примесь к керамике нормального качества одного или нескольких сосудов, резко отличающихся от остальных своей неумелой формой, слабым обжигом и крайне грубым глиняным тестом с огромной примесью крупно-толченого обсидиана. Рассматривая эти две группы сосудов, трудно верить, что они принадлежат одному и тому же времени и населению. Подобное же явление наблюдалось мною и в ряде других могильников, содержащих белые бусы „домино“. В могильнике Маралын Дереси подобная примесь грубых сосудов встретила лишь в одном менее типичном погребении. Однако этот факт сам по себе не говорит за большую древность таких могильников, так как несомненно более древние могильники этой территории, которые мы рассмотрим дальше, совершенно лишены этой особенности. Напротив, скорее это может говорить о какой-то происшедшей дифференциации в керамическом производстве с сохранением его навыков только у определенной группы мастеров, в то время как некоторая доля потребностей в легко доступной посуде покрывалась домашними крайне примитивными способами, если только не видеть в этой посуде „на скорую руку“ сосуды, необходимые в погребальном обряде.

Гораздо больше о времени дает металлический инвентарь. Железные кинжалы с бронзовой отделкой рукоятей, заканчивающихся орнаментированными головками (рис. 54 и 55) являются очевидным дериватом бронзовых кинжалов Севанского плоскогорья, типа, встреченного нами и в Триалети, в более древнем этапе Бешташенского могильника (рис. 71), о котором будет речь ниже. Эти кинжалы свидетельствуют одновременно и о большей молодости описываемых Цалкинских могильников, сравнительно с основной группой поздне-бронзовых и ранне-железных могильников Ганджа-Карабахского и Севанского производственных районов, в то же время и о некоторой родственности с ними, тем более, что их связывает, как говорили выше, также и распространение в тех и других характерных бронзовых стрел и куполовидных наверший для посохов. Поэтому нельзя и отодвигать слишком далеко вперед рассматриваемые Триалетские могильники, несмотря на сильное вытеснение здесь бронзы железом, так как более быстрый переход к оружию из железа, в эпоху, когда добыча железа и ковка уже освоены, может зависеть также от недостатка в местных медных месторождениях, как мы это и имеем на Ахалкалакском и Цалкинском плоскогорьях, и задерживаться в местах богатых медью и с налаженным поступлением олова.

Не допускает излишнее омоложение этих более богатых железом могильников и наличие в них указанных вариантов бронзовых стрел (с длинными 4-гранными черенками и длинно-саблевидно-шипастыми лезвиями), не проникающих, по своему географическому распространению, к северу от Триалетского хребта и в Западную Грузию, но обычных в могильниках с бронзовым оружием на Севанском плоскогорье и в юго-восточной части Южного Кавказа.

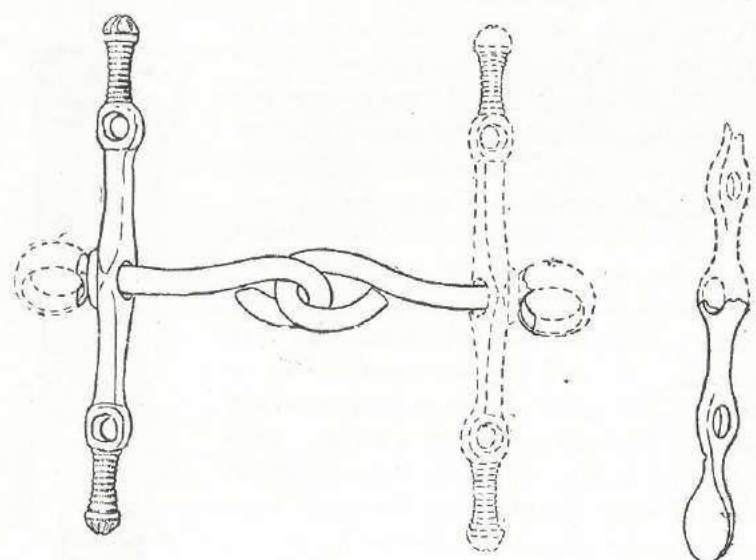
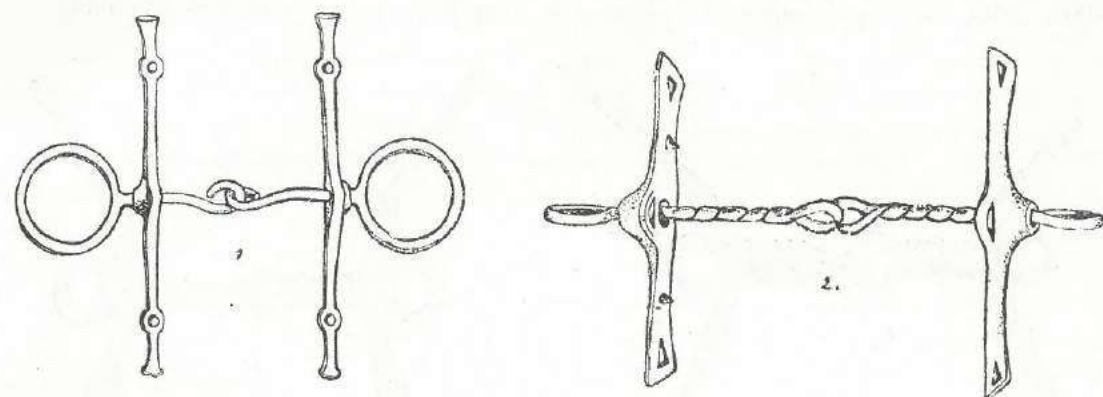

Рис. 56. Бронзовые удила с напускными трензелями из сел. Цинцаро и фрагмент трензеля из погребения 46 Так-Килисского могильника. В $\frac{1}{2}$ натур. величины.

Наконец мы имеем здесь в могильнике на Гуниакалинском шоссе в погребениях, не выделяющихся от остальных, такую находку, как фрагменты бронзовых удил (рис. 56) с

напускными стержневыми бронзовыми псалями (трензелями) и бронзовые вилы (табл. XXX). Те и другие хорошо известны, между прочим и в совместных находках в наиболее типичных и богатых погребениях конца бронзовой эпохи; как например, четверо удил этого типа и трое бронзовых вил в коллективной гробнице кургана Арчадзор-Давшанлы (в Шушинском районе), раскопанном Реслером (238) в 1893 году, удила из Арча-

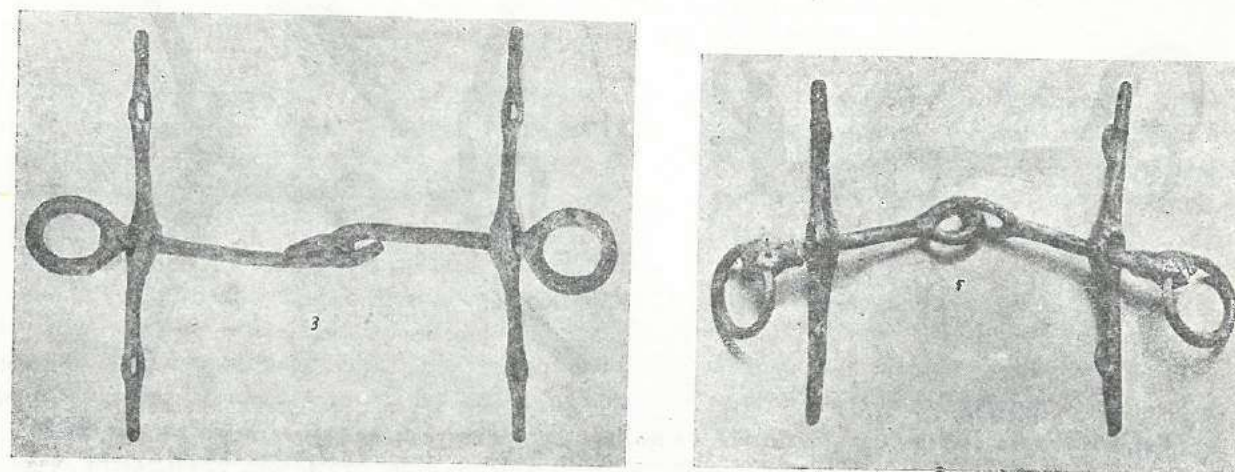
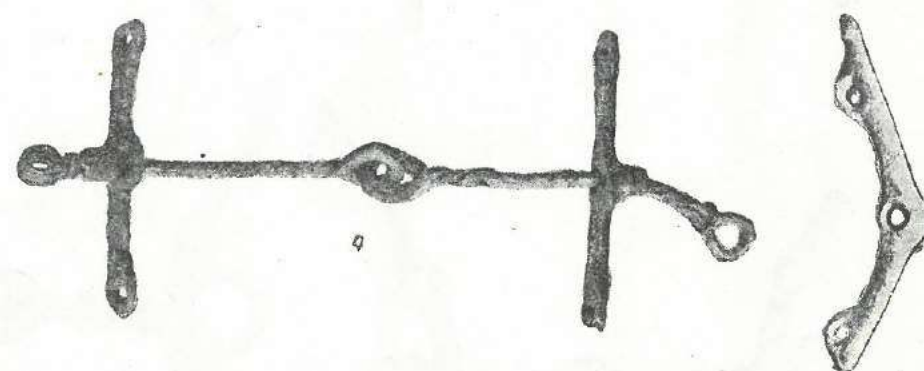

Рис. 57. Удила с напускными трензелями из разных мест: 1—Арчадзор-Ходжалы (Уварова 2626, Азгос. Музей); 2—Микены (по Рейхелю); 3—Луристан (по Пржеворскому); 4—Ассур (Берлин V. A 7284); 5—Луристан (по Леграну); 6—отдельный трензель из сел. Зекари (Кутаиси, № 574).

дзора же (рис. 57, 5), или удила в кургане, к югу от Ханлара (бывш. Еленендорфа) (238), с присутствием железных предметов, но, как и Арчадзорский, соприкасающемся, в основ-

ном, по целому ряду предметов (топор-секира, все три кинжала), с первым курганом в Ханларе, раскопанном Я. И. Гуммелем (239). Такие же удила и вилы имеются в раскопках Бэлка (240), вилы с бронзовым оружием в Нор-Баязетских курганах в урочищах Пата-

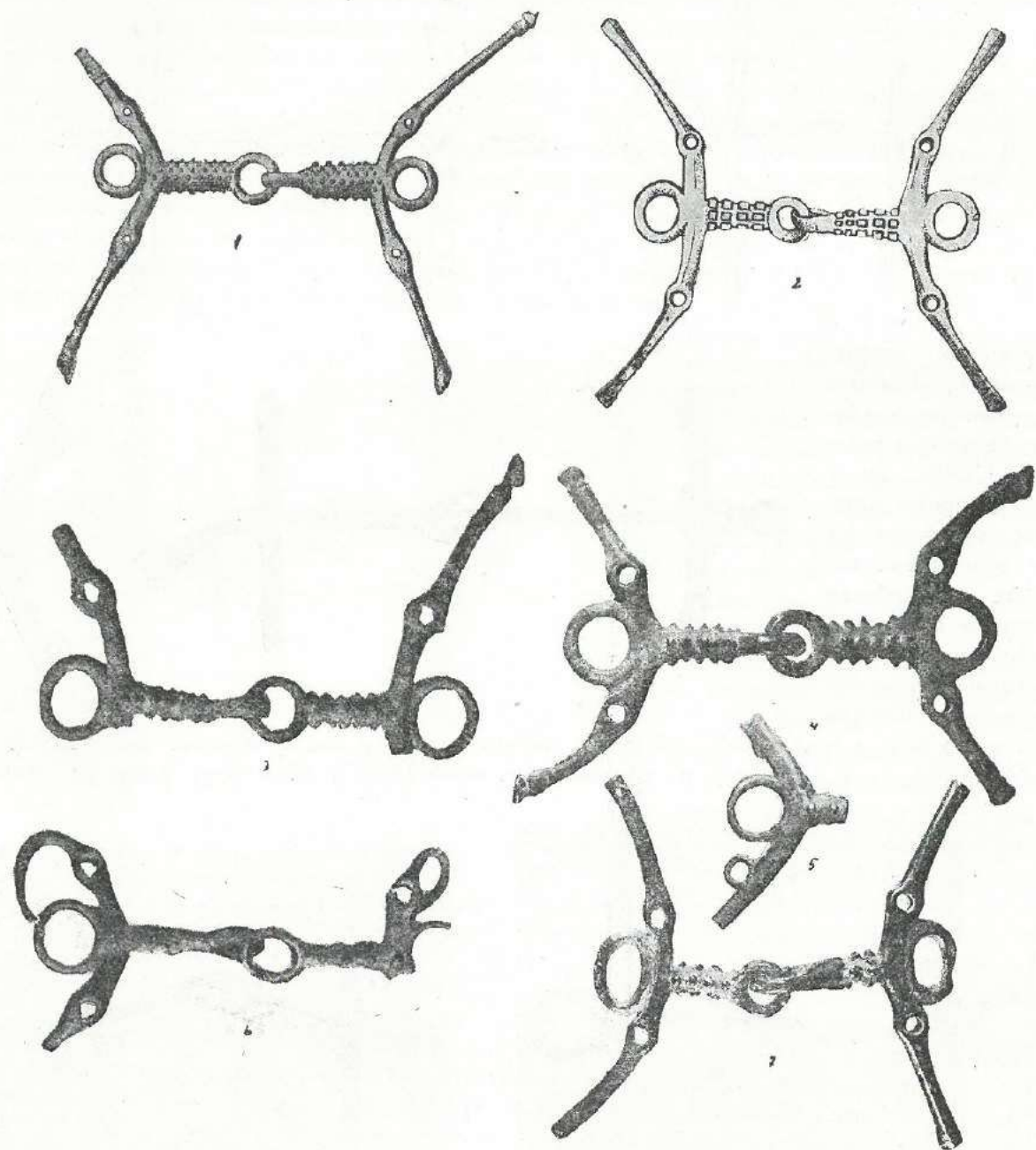

Рис. 58а. Удила с трензелями, отлитыми в одно целое с мундштуком, из разных мест: 1—Афины (Акрополь); 2—Даланлар (Джебр., Азгос. Музей — 1193); 3— пос. Свири (Зестафонский р., Кутаисский музей 2524, 2356); 4—Цхавати (Юго-Осетия, Гос. Музей Грузии); 5—Ацхури (Ахалцихский р., Гос. Музей Грузии, 56—14); 7—Грузия (Музей Общ. Ист. и Этн. 805).

шар, Адиаман (241) и наконец замечательные вилы, украшенные скульптурными головками животных,—в первом Сирхавандском кургане Реслера (242), вместе с своеобразными бронзовыми подтоками, украшенными пирамидальными острыми шипами, типа подтоков из недавно опубликованного Я. И. Гуммелем (243) Киркиджанского клада.

Жак де Морганом (244) вилы были найдены под кучей камней, вместе с костями человека и быка („буйвола“). В том же совершенно сочетании подобный инвентарь (бронзовые вилы, но не втульчатые, удила с напускными псалями и кинжал с рамчатой рукоятью, типа, подобного Арчадзорскому и Ханларскому Гуммеля) найден, вместе с железным оружием, в Иране, близ Кашана, в некрополе В холма Тепе Сиалк (245) и датируется автором раскопок, по связи с Луристаном, откуда между прочим происходят совершенно подобные удила (рис. 57,₆) (приобретенные в 1930 году Пенсильванским музеем) (246), и отсутствию ассирийских влияний, временем около XII—XI века.

К древней дате приводит и сравнительный анализ удил указанной формы, особенно при сопоставлении их с совершенно другим типом бронзовых удил—с псалями (трензелями), согнутыми под углом и составляющими одно целое с удильным звеном, покрытым шипами. Эти последние удила также известны по целому ряду находок на территории Грузии (рис. 58 а₁), как например, удила из сел. Цхавати в Ксанском ущелье (с предметами,

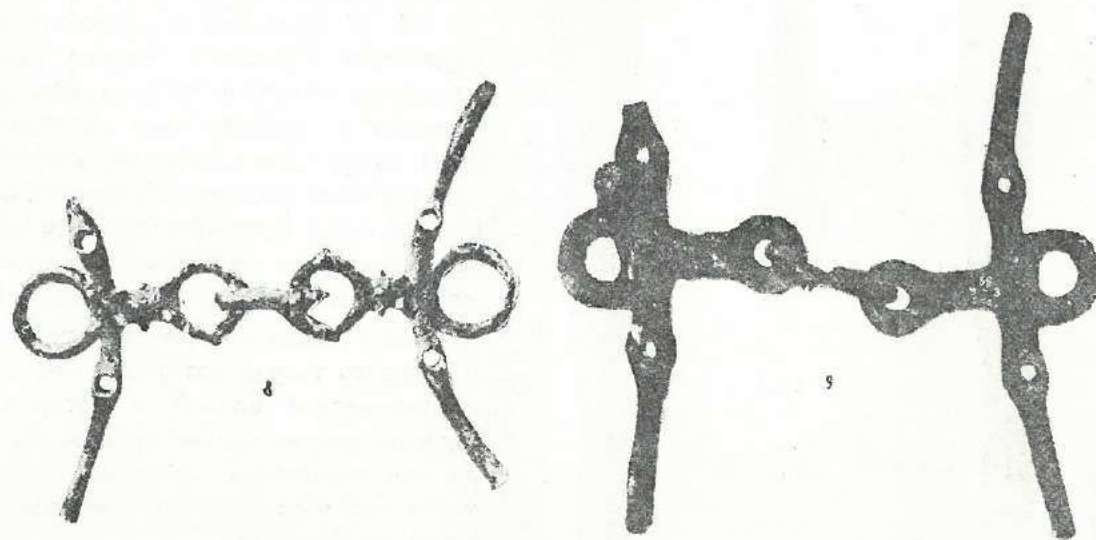

Рис. 58б. Удила с трензелями, отлитыми в одно целое с мундштуком, из разных мест: 8—Египет (Каирский музей); 9—Нимруд (по Унгеру).

характера Казбекского клада) без достаточного основания, отнесенные Тальгреном (247) к этому кладу, двое удил (248) из селения Свири, Зестафонского района (Кутаисский музей, инв. 2356 и 2524), из сел. Ацхури (Музей Грузии, инв. 56—14) с разновременными предметами, из которых имеет к ним видимо отношение орнаментированная бляха кобанской формы и пр., и с территории Азербайджана как например, из сел. Даланлар (Джебраильск. у.) (Азерб. Гос. Муз., инв. 1193).

Оба эти типа удил известны из находок в Греции, поддающихся точной датировке. В. Рейхель (249) в своем исследовании о гомеровском оружии уже знает эти находки и считает ошибочным рассматривать, в качестве гомеровских, удила, найденные в Афинах (рис. 58 а₁₁) на Акрополе в так называемом „персидском мусоре“, в слое от разрушенных храмов архаических эпох, и датируемые, таким образом, самым концом VI века до нашей эры (250) и предлагает для этого другую, более древнюю форму, именно удила Микенской эпохи (Афинский музей, инв. 2553), найденные в Микенах (рис. 57,₂) и известные также из находок на западном берегу Малой Азии (Берлинский Музей, Антич. Отдел, инв. М. 150, 151).

Первые удила оказываются точным повторением удил с территории Грузии и Азербайджана (рис. 58 а₂) с неподвижными под углом согнутыми псалями, заканчивающимися на одном конце лошадиным копытцем, тогда как вторые, с напускными прямыми псаля-

ми, являются несомненно прототипом Триалетских и других южнокавказских удил, оче-

видно принадлежащих и здесь к более древней, чем первые, группе. Это подтверждается также находками этих двух типов удил на Переднем Востоке, где они имеют ту же хронологическую последовательность. К первому типу принадлежат, например, бронзовые удила Британского Музея (251), вывезенные Лайардом из Калаха (Нимруда) и датированные эпохой Саргона, то есть концом VII века до н. э. Они отличаются от грузинских только более короткими звеньями ротовой части, соединяемыми поэтому добавочной петлей, и отсутствием копытообразных украшений. Последние однако имеются на другом подобном же ассирийском экземпляре и особенно ясно на Каирском (252), относящемся, видимо, к эпохе ассирийского вторжения в Египет в VII веке (рис. 58, 6, 8, 9). К этому же времени принадлежит и находка таких удил в так называемом поздне-хеттском слое в Сирии (253).

Таким образом, этот тип удил можно считать твердо датированным именно поздне-ванской эпохой, с которой нам удалось уже на основе бронзового сосуда синхронизовать кобанский комплекс в его наиболее блестящем проявлении в кладе из Лечхуми.

К второму типу удил принадлежат два образца из Ассуре (Берл. Музей, Передн. Аз. отд., инв. V. A 7281, 7284), чрезвычайно схожие с микенскими и, несомненно, той же эпохи (рис. 57₄). Наши южнокавказские удила с напускными псалями более близки луристанскому варианту этого типа (с короткой ротовой частью), особенно, образцу, опубликованному Пржеворским (254) из Варшавского Музея (рис. 57₃), и отличаются хорошей отделкой. Это обстоятельство заставляет считать их несколько моложе, чем находки в Ассуре и датировать приблизительно самым началом I тысячелетия до нашей эры, когда они и в Ассирии еще не успели, судя по барельефным изображениям Ассурназир-

пала II (252), смениться более поздними формами с изогнутыми псалями. Найдки в Так-Килисийском могильнике бронзовых удил без трензелей очевидно объясняется заменой

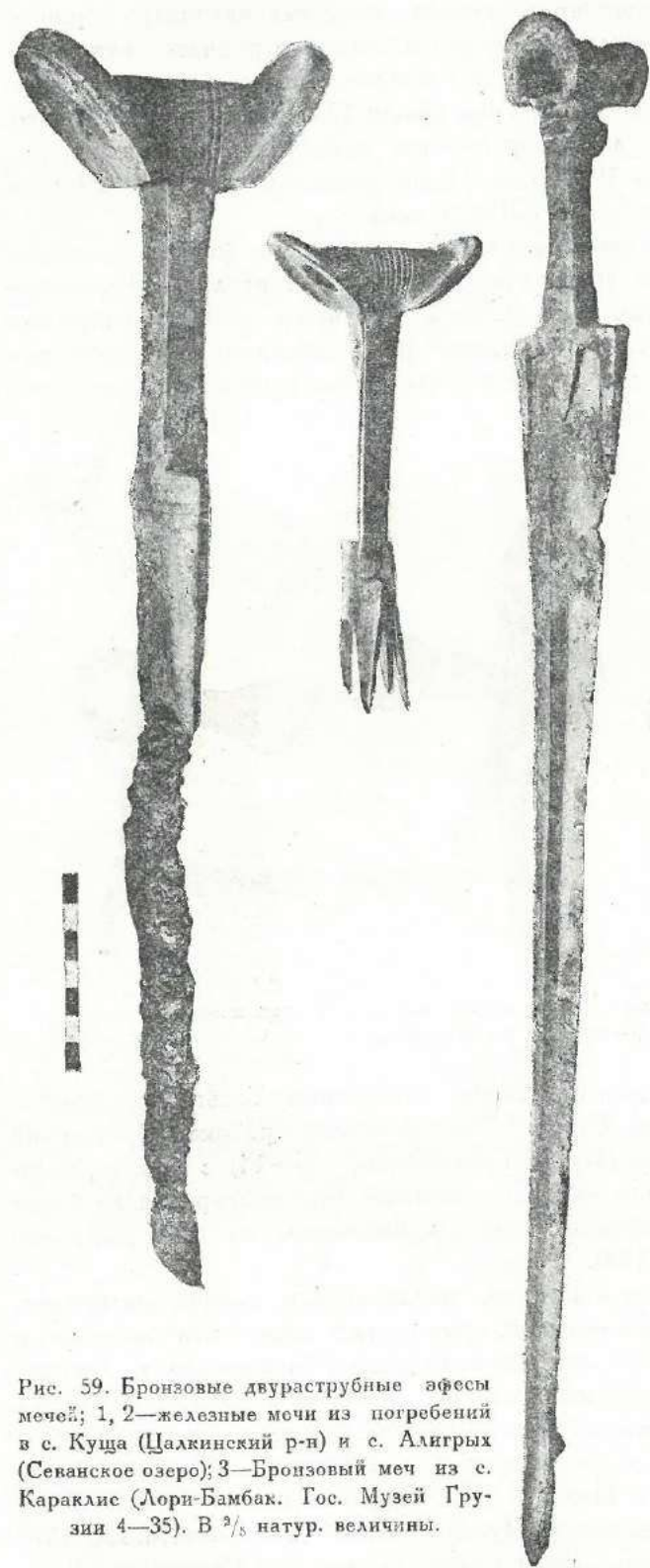

Рис. 59. Бронзовые двураструбные эфесы мечей; 1, 2—железные мечи из погребений в с. Куца (Цалкинский р-н) и с. Алигрых (Севанское озеро); 3—Бронзовый меч из с. Караклис (Лори-Бамбак. Гос. Музей Грузии 4—35). В $\frac{2}{3}$ натур. величины.

бронзовых трензелей копытными или роговыми, которые разрушаются, как это показывает образец удил на табл. XXXI.

Таким образом, на основании всего вышерассмотренного материала о смене удильных типов, удается установить, что наиболее древние погребения Цалкинского могильника на шоссе из Гуниа-Кала в Даракев могут уходить за начало ванской эпохи, тогда как большая часть остальных могил окажется близкой по времени могильнику в Маралын Дереси. В этом случае выступит с новой силой вышеотмеченная разница в инвентаре этих могильников. Так, бронзовые пояса в Цинцкаройском могильнике принадлежат к более узкому не орнаментированному варианту. Отсутствует здесь весь своеобразный ассортимент крупных бус из желто-палевой и темной стекловидной пасты, столь характерных для погребений в Маралын Дереси с бронзовой одночленной фибулой и медной мотыжкой кобанского типа. Не попадались здесь ни разу и браслеты с змеиными головками, гнутые, четырехреберные розетки, типичные для Сантинского, Лелварских и Пинезаурского могильников.

Все это, мне кажется, говорит за то, что эти последние могильники в совокупности моложе, чем Цинцкаройский и Гуниакалинский, и прилегают к ним, так сказать, сверху. Однако, в то же время, следует принять во внимание и возможность этнических различий между этими могильниками, так как одними хронологическими моментами все-таки нельзя объяснить несомненно более явно выраженную связь одной группы с Кобанской культурой, занимающей бассейн верхней Куры, Риони и Чорохи, и другой с культурой Ганджа-Карабахской и Севанского плоскогорья (кинжалы с ажурной головкой, куполовидные наверхья, удила, вилы и пр.).

Скорее всего это может получить объяснение в приливах на горные пастбища Цалки населения с различных сторон, как об этом сообщает для своего времени Вахушти и как это можно наблюдать и теперь, когда на Цалке сходятся скотоводы со стадами из Кахетии, Тушетии, средней Карталинии и из Борчало.

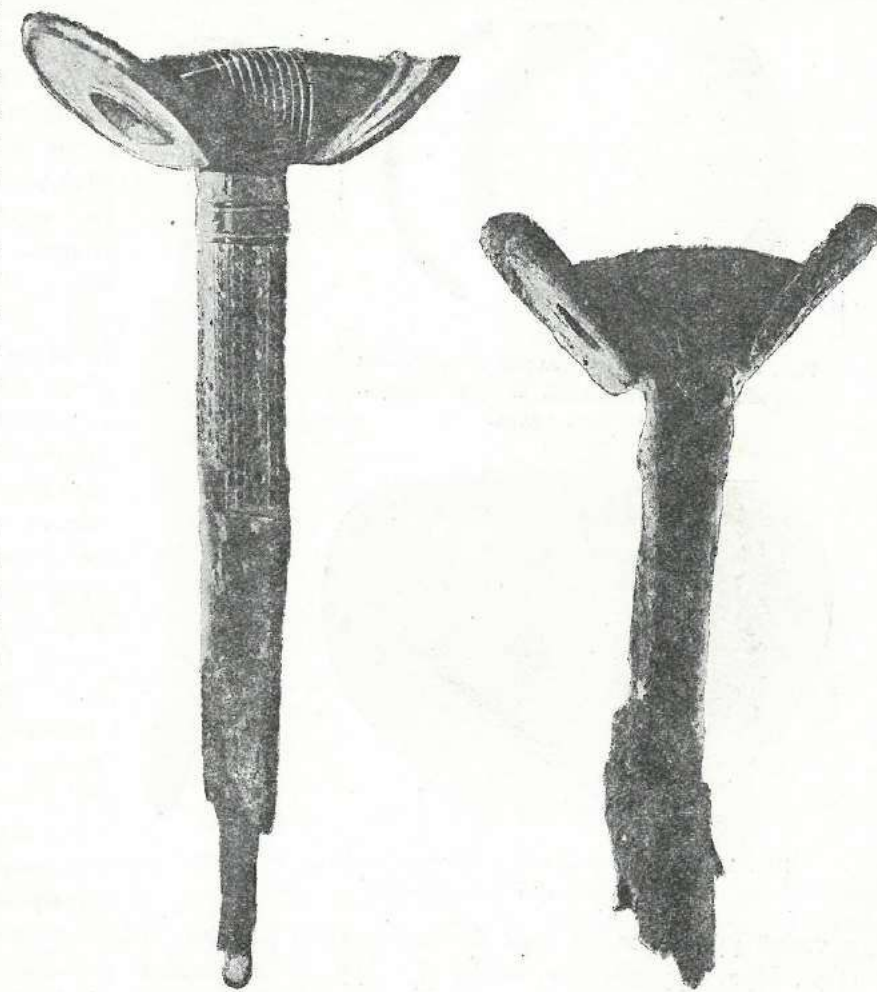

Рис. 60. Бронзовые двураструбчатые эфесы мечей из г. Ани (Гос. Музей Грузии, 2—14) и с. Мхарт (Борчало, Моск. Антроп. Музей).

В этом отношении очень показательна находка, несомненно почти синхроничная рассмотренным, сделанная нами в 1939 году в могильнике у школы селения Кущи (табл. XXXVI). В простой грунтовой, не обложенной камнями, яме находилось мужское погребение, от костяка которого ничего не сохранилось, с инвентарем (табл. XXXVII), состоящим из группы восьми обычных для этого времени длинно-черенковых бронзовых стрел, 2-го варианта (рис. 78₃), с осевым ребром, достигающим вершины (только одна стрела принадлежала к 1-ому варианту (рис. 78₄) с ромбическим концом и полукруглыми выемками), из купольного бронзового (совершенно гладкого) навершия посоха, массивной бронзовой кольцевидной пряжки с

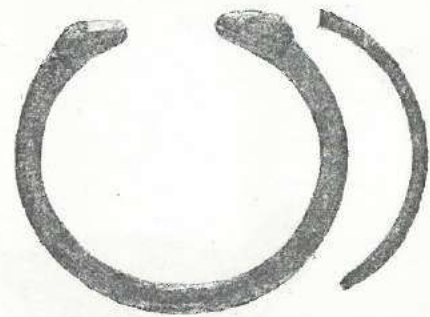

Рис. 61. Бронзовые браслеты с змеиними головками из погребений в сел. Мхарт. В 1/2 нат. велич.

Рис. 62. Железный кинжал и глиняная чаша из погребения в сел. Мхарт.

шнуровой орнаментацией и наконеч железного меча с прекрасно обработанной бронзовой рукоятью (рис. 59₁₁), заканчивающейся характерно-раздвоенной вершиной эфеса, типа тальшского меча Жака де Моргана из Хагула-Дере (256). Подобного рода рукояти, имеющие обычно 4-гранный стержень и вильчатое основание, скрепляемое с клинком, известны мне наряду с вышеупомянутой (из Тальша), как происходящие преимущественно из южных частей Южного Кавказа (рис. 60): один наиболее близкий нашему кушинскому железный меч

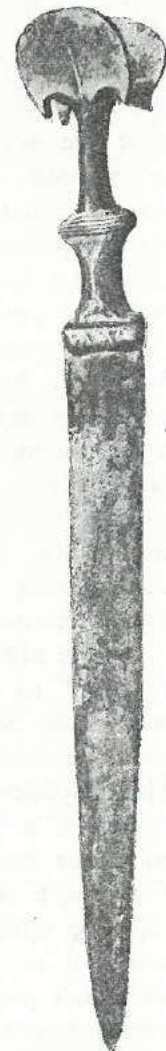

Рис. 63. Бронзовый меч из Луристана (Бостонский Музей).

с такой рукоятю, но еще более высокой работы, найден в районе г. Ани (Гос. Муз. Грузии, инв. 2—14, 1), другой небольшого размера в одиночном погребении в Алигрыхе (рис. 59₂) на Севанском озере (257) и третий в с. Мхарт Борчалинского района (Моск. Антроп. Музей). По своеобразному строению эфеса все эти рукояти совпадают с известными Луристанскими образцами бронзовых мечей VII—VI века до нашей эры (рис. 63) (258), с которыми наши несомненно генетически связаны, хотя и отличаются все одними чертами строения вильчатого основания и клинками из железа. Последнее обстоятельство не позволяет рассматривать южнокавказские формы в качестве изделий, просто импортированных с Переднего Востока, тем более, что имеется в Музее Грузии доставленный из под бывш. Караглиса, в 1935 г. любопытный погребальный комплекс (4—35), состоящий из плоского топора-тесла, бронзовых стерженьковых наконечников стрел, навершия древка и бронзового узкого меча, являющегося по строению рукояти явным прототипом всей рассмотренной группы южнокавказских мечей (рис. 59₃).

8. Могильники эпохи поздней бронзы и первого появления железа

К этому времени относится могильник у сел. Бешташени на правом берегу Байбурт-или Геряк-чая. Кроме уже упомянутых выше единичных погребений с массивными короткими булавками, типа поздне-лелварских, этот могильник включает погребения еще двух родов: ящичные и грунтовые. Их хронологическое взаимоотношение довольно ясно. Ящичные погребения возникли видимо на существовавшем более древнем могильнике с грунтовыми погребениями. Однако ящичные погребения, сложенные из шести камней и двух покровных, не повторяют полностью инвентаря уже рассмотренных выше могильников, не содержат столь характерных для последних белых тальковых бус „домино“ и в некоторых отношениях являются как бы переходными от древних грунтовых погребений к другим триалетским могильникам ванской эпохи.

К сожалению, ящичные погребения этого могильника исследованы нами не достаточно, так как большинство из них несет признаки ограблений, мешающих составить о них более точное представление. Для инвентаря этих погребений (таб. XXXVIII), содержащих железо, характерны очень длинные до 30 см узкой пирамидальной формы бронзовые булавки, того самого типа, который Морганом (259) отнесен к наиболее древним погребениям Лелвара, к сожалению им не описанным, за исключением только одного в Муси-Иери с длинным железным мечом, типа меча из могилы 40 в могильнике на шоссе между Гуниа Кала и Даракевым. Эта булавка является несомненно дальнейшим развитием подобной формы, но небольшой величины, булавок из ряда грунтовых погребений этого могильника.

В этого же рода погребениях мы находим блоковидные пряжки-ролики, типа Самтаврских в погребениях нижнего яруса Байэрна, именно в наиболее богатой могиле № 591 с бронзовым тупоконечным и железным мечами и бронзовым кинжалом (рис. 74 а), и аналогичные пряжкам-ролика из некоторых грунтовых Бешташенских погребений, а также куполовидные навершия, которые в грунтовых погребениях еще не появляются, а в Самтавро, и вообще к северу от Триалети, повидимому и не были совсем распространены.

Замечательной находкой здесь является железный ножичек с бронзовой обоймой и с, повидимому ему принадлежащей в качестве навершия на рукоятку, бронзовой скульптурной головкой льва, своеобразно стилизованной.

Грунтовые могилы имеют погребения на глубине до 2 метров от поверхности грунта. Ямы иногда покрыты сверху большими камнями в один или два слоя. Часто же камни, в

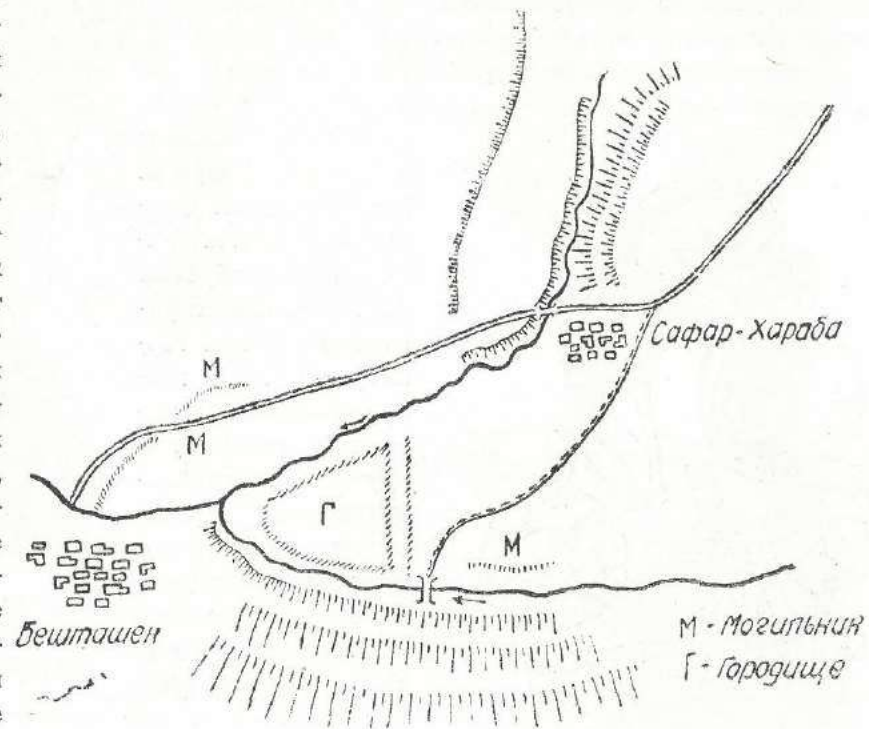

Рис. 64. Ситуационный план Бешташенской крепости и могильников.

виде огромных плит, а иногда каменных столбов, расположены как бы сбоку с северной стороны могилы, заставляя предполагать катакомбный подкоп, установить который с очевидностью, однако, не удалось.

Благодаря очень плохой сохранности костей, иногда почти полному их отсутствию на дне могилы, невозможно было часто выяснить положение покойника, но судя по более благоприятным случаям, он клался, чаще всего, на правом боку (табл. XXXIX), иногда на левом, головой на север и обставлялся посудой и личным инвентарем, который во многих случаях подвергался намеренной порче (копья, кинжалы, даже топоры разламывались) и разбрасывался по дну могилы (табл. XL и XLI).

Глиняная посуда характерна и стойка по составу, который значительно отличает эти по-

гребения от рассмотренных в предыдущем 7-м разделе. Особенно замечательны и своеобразны богато орнаментированные резным геометрическим и геометризованным животным орнаментом крупные раструбно-конические кубки, полые до самого дна высокой ножки (рис. 66 и табл. LIII). Они напоминают найденный Байэрном (260) подобного рода, но значительно меньшего размера, конический сосуд (рис. 67,1) со следами белой инкрустации по клиновидному и кружковому узору в могиле 601, вместе с кружкой в форме горшочка на высоком поддонье, типа, рассмотренного нами на стр. 53 из могильника в Маралын Дереси, и с бронзовой булавкой с закрученной головкой. К такого же рода сосудам еще более близко по орнаментальному стилю подходит фрагмент полой ножки глиняного кубка из погребения близ селения Гостибе (рис. 68) с бронзовым кинжалом кахетинского типа, кобанским топором и бронзовым копьем (261).

Прочая, более обычная, посуда (табл. XLVIII) включает в себе совсем не представленные в Цинцаройском и Гуниакалинском могильниках большие плоские глиняные блюда без выступающего поддонья, характерного для подобных блюд более позднего могильника с массивными булавками, широкие крупные чашки с круто выпуклыми стенками и кувшины без ручек с цилиндрическим поперечно-гофрированным горлом (рис. 82) и особой формы корпусом, в виде довольно низкого, но очень широкого сфероидального вращения. Овальные или яйцевидной формы сосуды с двумя ручками по бокам не отличаются здесь крупными размерами. „Маслобойки“ яйцевидной

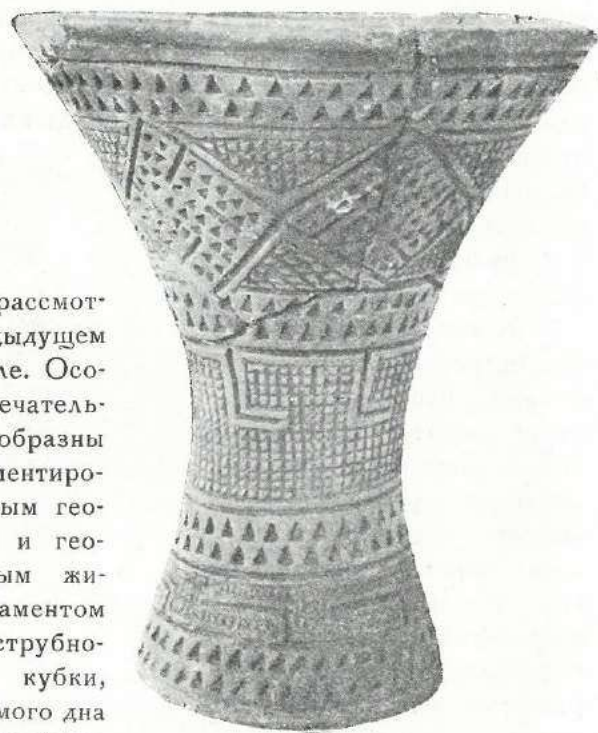

Рис. 66. Глиняный кубок из погребения 31, правобережного Бешташенского могильника, эпохи поздней бронзы. В 2/3 нат. велич.

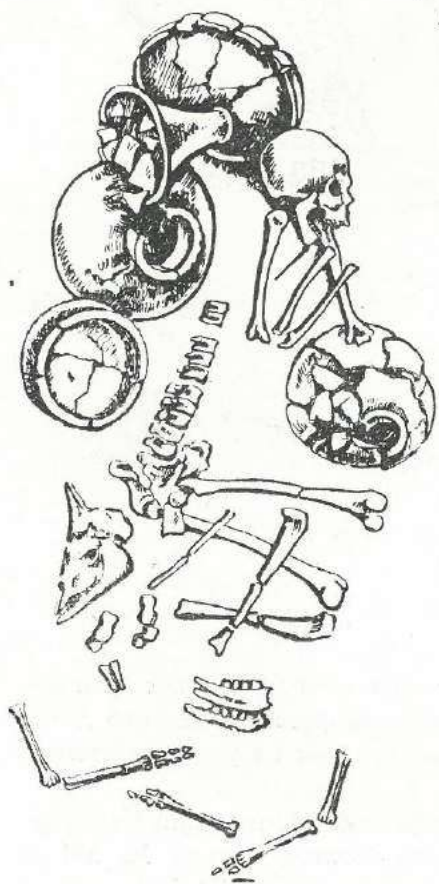

Рис. 65. Погребение 37 эпохи поздней бронзы из могильника на правом берегу р. Геряк-Чай у Бешташени (Цалкинский р-н). В 1/15 нат. велич.

формы не имеют ручек, напоминая тем найденную в с. Плависмани (262). Глина наших сосудов обычно серая, часто пепельно-серая, пористая и недостаточно обожженная. Более редкими необычными здесь формами являются широкие крутоплечие сосуды с небольшим горловым отверстием, лишенным совершенно венечного отгиба (табл. LI и рис. 83).

Вся эта посуда, в противовес присутствующим здесь вышеупомянутым орнаментированным коническим кубкам, дальше отстоит от керамики самтаврских грунтовых погребений, чем посудный ассортимент вышерассмотренной группы могильников, дающих целый ряд точно совпадающих с нею форм.

Прочий инвентарь состоит, главным образом, из бронзы (табл. XLVII, XLIX, L). Железо встретилось только в одной могиле № 18, именно железный кинжал, с двумя прекрасной работы лощеными черно-бурыми сосудами (рис. 83 и табл. LI). Предметы из бронзы представлены несколькими характерными группами, территориально различными по распространению их на Южном Кавказе. Наиболее обычными являются здесь предметы, близкие к древнейшему слою Самтаврского могильника и Плависмани (262): копья с острорезерным стержнем, доходящим до вершины, с крутым снизу очертанием лезвия и широко разомкнутой втулкой (табл. LII), треугольные широкие и короткие кинжальные клинки (рис. 77,3), как в Самтаврской могиле 583, с вышеупомянутым копьем и узко пирамидальной продольно-ребристой булавкой (рис. 76).

Связывают с нижним этажом Самтавро Бешташенский могильник также плоские треугольной формы бронзовые стрелы и имитирующие их костяные, с отверстием для привязывания к деревку, совершенно так, как на подобного типа стрелах из центральной Европы, где они датируются еще 2-ым периодом бронзы (263). Также повторяют Самтаврские (рис. 85,1 и 86а) костяные призматические стрелы (рис. 86б), как в могиле 565 с копьем иного типа, — с литой без расщелины трубкой, снабженной двойным рельефным кольцевым перехватом (рис. 76), пинцеты, вышеупомянутые пряжки-ролики (рис. 79), как в могиле 591 в Самтавро (рис. 74а), наконец такой своеобразный предмет, неясного назначения, из просверленного круглым отверстием основания оленьего рога с косо срезанным стержнем (рис. 78), который Байэрн, по аналогии с палеолитом, назвал жезлом военачальника („Сопмандостаб“) (264), но который, всего скорее, может быть или подставкой для древка небольшого погребального флажка или же инструментом для выпрямления древков копий, подобно недавно еще употреблявшимся в Северной Осетии выпрямителям „расткәнән“ (212) для самодельных железных кос, также из оленьего рога

Рис. 67. Глиняный кубок и кружка-кубышка из погребения 601 в Мцхете (Байэрна). В 1/2 нат. велич.

Рис. 68. Ножка глиняного кубка из погребения в с. Гостибе (Горьковского р-на) (Гос. Музей Грузии). В 1/2 нат. велич.

Но кроме этого, общего с Мцхетой, комплекса вещей имеется примесь, отчасти более молодая, типично колхидо-кобанской группы: бронзовые кинжальные клинки пламевидного контура (рис. 77, в), целые кинжалы с бронзовой же рукоятью (рис. 72 а и 73), плоско-стержневые (225), вырезаемые из бронзового листа, стрелы (рис. 85, а), бронзовые булавы с пятью шишками

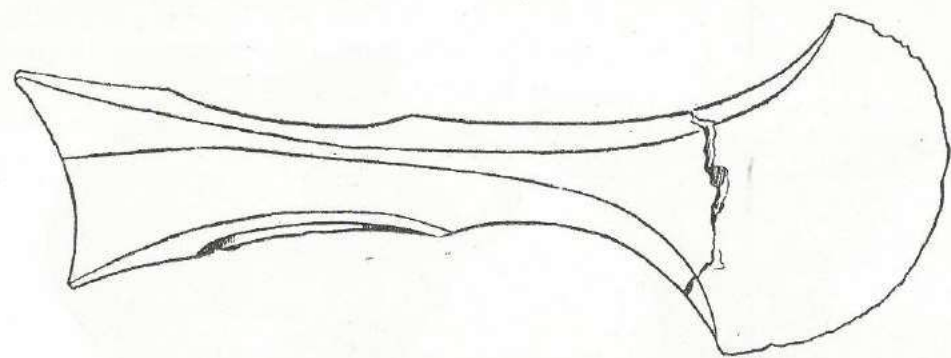

Рис. 69. Топор колхидо-кобанской формы из погребения 11, правобережного Бешташенского могильника, эпохи поздней бронзы (Цалкинск. р-н). В $\frac{2}{3}$ нат. велич.

(рис. 81), поясная пряжка с головкой барана (рис. 70), узкий боевой топор колхидо-кобанского типа (рис. 69). Находка последнего (мог. 11) особенно существенна, так как это первый бронзовый топор на этой территории, который дает возможность уточнить границы пересечения районов с двумя главными формами грузинских топоров конца бронзовой эпохи, секировидного восточного и кобанского западного. Наконец, к колхидо-кобанской культурной группе сле-

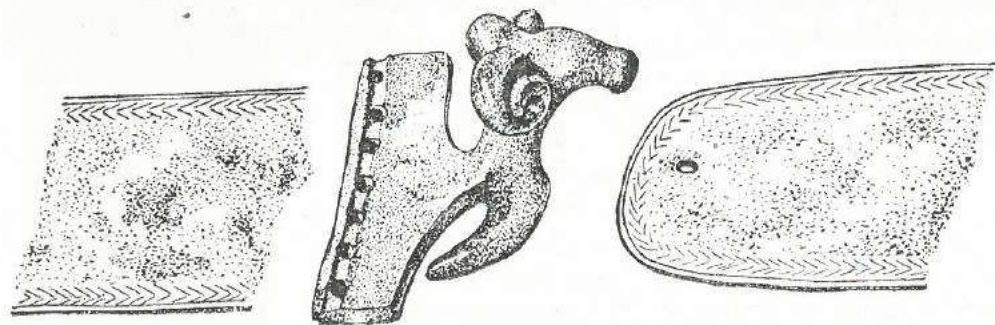

Рис. 70. Поясная бронзовая пряжка кобанской формы из погребения 11, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинский р-н). В нат. велич.

дует отнести бронзовый конический шлем, найденный в фрагментированном виде в могиле 13 (табл. XL), поскольку находки подобного типа шлемов были сделаны в Северной Осетии и в Абхазии в кобанском комплексе (265). Наш шлем отличается только присутствием боковых отростков, служивших наушниками.

Наконец, третью группу образует легко обнаруживающаяся здесь примесь вещей, специфических для Ганджа-Карабахского и Севанского производственных районов, конца бронзовой эпохи. Сюда относятся бронзовый кинжал с ажурной головкой (рис. 71) из погребения 11, узкое бронзовое копье и длинный цилиндрический подток к нему (табл. L), шаровидная булава (табл. XLV и XLIX), как в Джсала Оглы (266), бронзовый ролик в форме бронзового молоточка (рис. 79 б), типа, из-

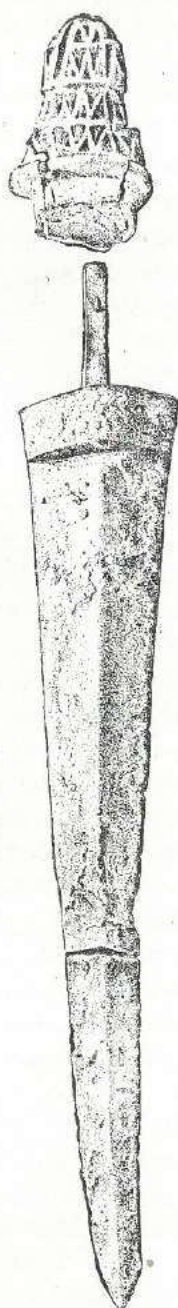

Рис. 71. Бронзовый кинжал с ажурной головкой из погребения 11, правобережного Бешташенского могильника. В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

вестного из Ходжалинских курганов, в частности с бусой Ададнирари (267), наконец—плоский бронзовый топор-тесло с округлыми боковыми выемками и суженной пяткой (табл. I), типа 56-ой калакентской могилы Ивановского (268).

Однако на керамике Цалкинских могильников совершенно не отражена указанная связь с азербайджанской поздней бронзой, для которой типична в эту эпоху особая керамическая группа богато инкрустированных белым сосудов. Правда, эта керамика, тяготеющая, как отметила уже Т. С. Пассек (275), к востоку до Ирана, не переходит на западное побережье Севанского озера, но и типичные, еще даже в Редкином Лагере, юго-восточные формы, как например, широкие горшки с грибовидными кнопками у венчика, совсем не находят себе места в могильниках Триалети.

Замечательной особенностью грунтовых погребений Бешташенского могильника является наличие среди их инвентаря серпов, как бронзовых, так и одновременно с ними бытующих деревянных с кремневыми вкладышами, так называемого египетского типа (табл. XLIV и XLV). Бронзовые серпы на Южном Кавказе, странным образом, очень редки и до сих пор при жатве пшеницы-эндема „зандури“ в Грузии (Лечхуми, Рача) серп заменяется деревянными щипцами „шнакви“ (269). Бронзовые серпы были находимы в Бакурцихе (инв. 4380), Махариа (Зугд. Музей), Цихисдзири (инв. 93—07) и в Армении (Агвесадзор и Нор-Баязет) (272).

Кремневые серпы, впервые встреченные нами в полном составе (табл. XLII), указывают на значительный архаизм содержащих их погребений. Они странным образом почти не представлены в долине Куры, в аналогичных погребениях нижнего этажа Самтаврского могильника, где не были найдены Байэрном также и бронзовые серпы.

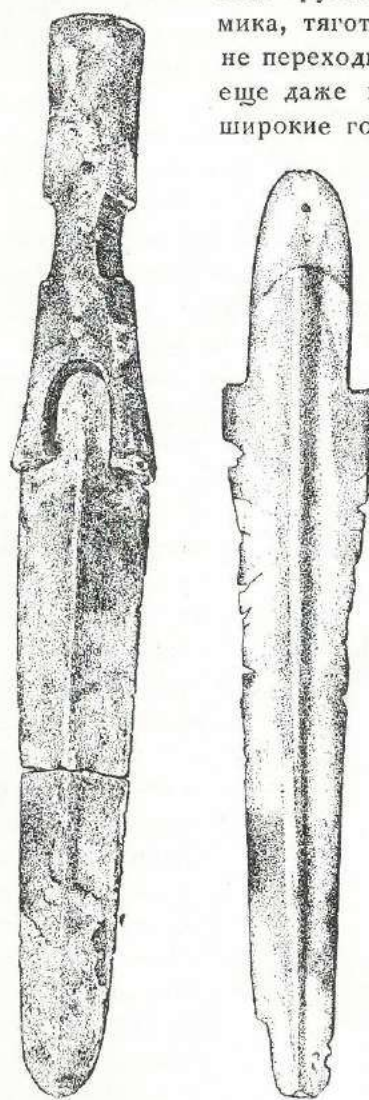

Рис. 72. а—бронзовый кинжал с бронзовой рукоятью из погребения 11 и б—бронзовый клинок из погребения 13, правобережного могильника у Бешташени. В $\frac{1}{2}$ нат. велич.

В то же время в грунтовых погребениях Бешташенского могильника ни разу не встретились бронзовые мечи и даже типологически родственные им кинжалы, той же формы, несмотря на относительное богатство некоторых погребений, содержащих в себе украшения из золота (рис. 84), а также и серебра (табл. I), особенно редкого для могильников этой эпохи на Южном Кавказе и Осетии (270). Это заставляет предполагать чуть большую общую древность рассматриваемых погребений Триалети, сравнительно с байэрновскими погребениями нижнего яруса в Самтавро, содержащими в себе уже дугообразную одночленную фибулу в архаичной форме, с тонкой проволочной простой

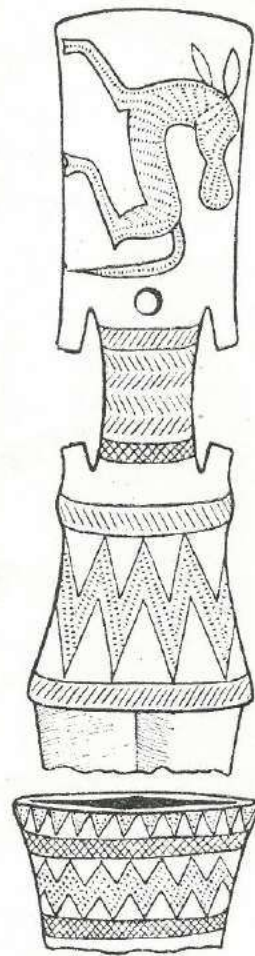

Рис. 73. Бронзовая рукоятка из сел. Нигозети (Чнатурский р-н, Кутаисский Музей 2471).

(погр. 600) и витой дужкой (погр. 591) (рис. 74 а, б) и, с синхроничными им в известной мере, погребениями с бронзовыми мечами Алазано-Иорской и Ганджа-Шамхоро-Бамбакской территории. Я не учитываю здесь выделенного впервые А. Н. Каландадзе, в работах Мцхетской экспедиции Академии Наук Груз. ССР, древнейшего слоя могил нижнего яруса в Самтавро.

Рис. 74 а. Инвентарь погребения 591 (частичный) с тупоконечным мечом из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байерна). В $\frac{2}{3}$ нат. вел.

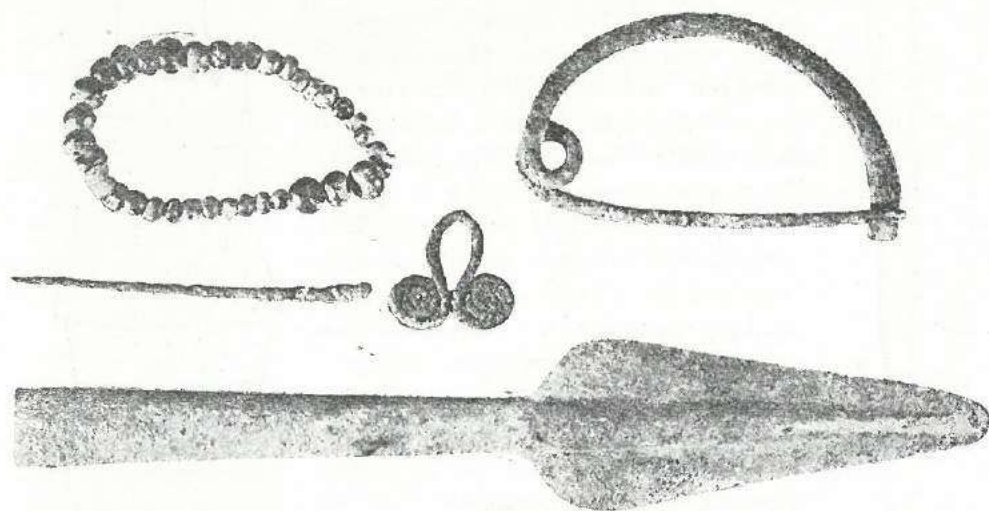

Рис. 74 б. Инвентарь погребения 600 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байерна). В $\frac{2}{3}$ нат. вел.

Значительную близость инвентарь грунтовых погребений Триалети проявляет к карабулахскому кургану Ивановского за № 91, с которым Тальгрэн (271) сопоставляет клад бронзовых вещей из Квемо Сасирети, чему Бешташенский могильник, особенно погребение № 13, с двумя бронзовыми удилами и крючьями неясного назначения, подобными квемо-сасиретским, является несомненным подтверждением. Но в Карабулахском кургане имеется ряд вещей, отсутствующих в Бешташенских могилах и в то же время совпадающих с более молодыми Цинцкаройскими, как например, пуговицы из мастики в бронзовой обкладке (таб. XXXIII), находимые также в Арчадзорском (273) кургане и в Ханларских (Еленендорфских) (274), массивные бронзовые привески в форме сосок (263) (рис. 51, 3), тяжелые литые стержневые стрелы 1-го варианта с проходящим до конца острия ребром стержня. Это все говорит, с своей стороны, также о несколько меньшей древности кургана 91, несмотря на присутствие в нем каменных стрел, бытовавших в южных частях Южного Кавказа долго параллельно с бронзовыми черенковыми.

Нижним хронологическим пределом датировки этих могил можно считать границу XII—XI в. до н. э., что вытекает из следующих соображений. Мы уже видели из синхронизации чисто железного комплекса ванской эпохи из Малаклю (Арарат) и лехумского клада свежих бронзовых топоров колхидо-кобанского типа, что теория Моргана о южнокавказском центре древнейшей железной металлургии не соответствует действительности и что умение

обрабатывать железо проникло на Южный Кавказ с юга, вероятно из древних культурных очагов, бедных собственными медными рудами. В таком случае terminus post quem для бронзовых комплексов Южного Кавказа со следами первого появления железных орудий не может находиться ниже времени распространения железного производства в Передней Азии вообще. Известно однако, что в Трое, например, железо начинает получать распространение только в послемикен-

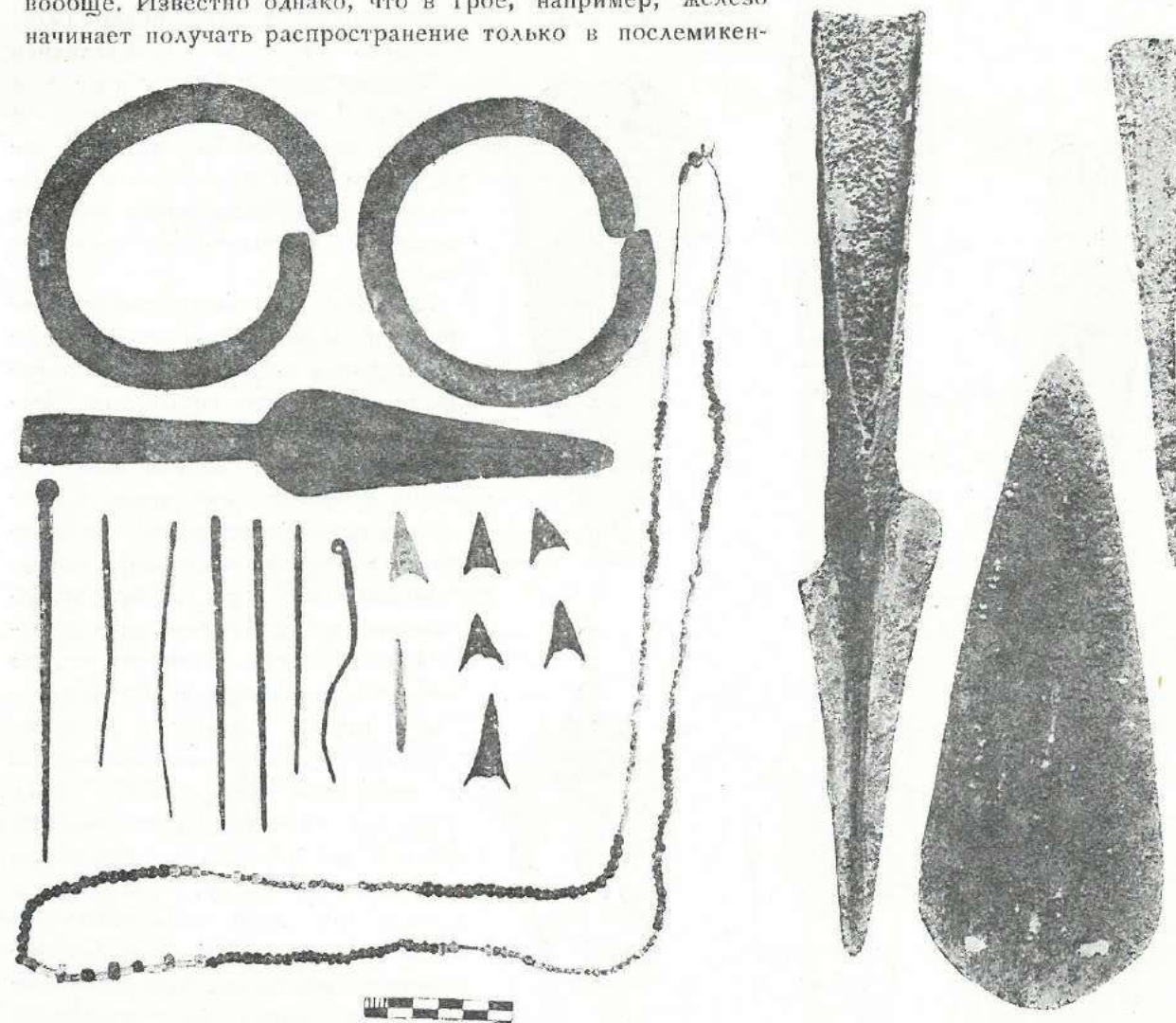

Рис. 75. Инвентарь погребения 565 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байерна). В $\frac{1}{3}$ нат. вел.

Рис. 76. Инвентарь погребения 583 из нижнего этажа Самтаврского могильника в Мцхете (Байерна). В $\frac{2}{3}$ нат. вел.

ское время и проникать оттуда в Европу не ранее XI века. Этому несколько не противоречит возможная дата первой выплавки железной руды в Греции около 1400 года, как это устанавливается по надписи 263 г. до нашей эры на Паросском камне, относящем знакомство с железом за два столетия до разрушения Трои VI (276), поскольку мы знаем, что внедрение железа в хозяйственный быт населения происходило крайне медленно, и в столь позднее время, как гомеровская эпоха. В Месопотамии железо, известное как выплавленный металл очень рано, долго не имеет совершенно никакого производственного значения, так что в законах Хаммураби о нем не содержится и упоминания, а в Ассирии железо начинает получать широкое распространение лишь в эпоху Ассурназирпала III, то есть в IX веке (277). Раскопки в Сирии дают достаточно точную картину появления железа (278). Так в Гезере железо начинает употребляться для изготовления сельскохозяйственных орудий,

например мотыг, серпов, только с так называемого 3-го семитического слоя, то есть в промежуток между 1200 и 950 годом до нашей эры. Та же картина в Лахеше, где железо впервые—только в 4 городе. В Каркемыше железо начинает наблюдаться с 1200 года, а согласно документальным данным Богазкейского архива, по Винклеру (279)

железные изделия поставлялись с Черного моря в Египет еще при Рамзесе II, то есть в XIII веке. В горные же районы Кавказа, как мы видели, железо проникает с значительным опозданием, никак не ранее рубежа I и II тысячелетий до нашей эры.

К этому хронологическому пределу приводит и время оформления топоров колхидо-кобанского типа на территории восточного Черноморья. Два иностранных археолога (280), почти одновременно недавно проработавшие вновь вопрос о кобанском типе топора, совершенно на различных основаниях зафиксировали одну и ту же дату их появления в конце II тысячелетия до нашей эры. Но если вспомнить старые аргументы Шантра и Виркова, в свете новых данных о развитии и географическом распространении дугообразных фибул (281), тесно связанных на территории Северной Осетии и Абхазии с находками кобанских топоров, потребуется снизить эту дату, поскольку само существование греческого (субмикенского) прототипа кавказской фибулы приходится на промежуток XII—X века до нашей эры. В то же время последнее обстоятельство не позволяет согласиться с мнением Калитинского (282) о первом проникновении фибулы на Кавказ только с появлением древне-греческих колоний на Черном море, так как у греков к этому времени фибулы совсем уже вышли из употребления, пережив перед этим ряд трансформаций (особенно в форме замочной пластины), не получивших никакого отражения на кавказской фибуле. Принесению на Кавказ фибулы гре-

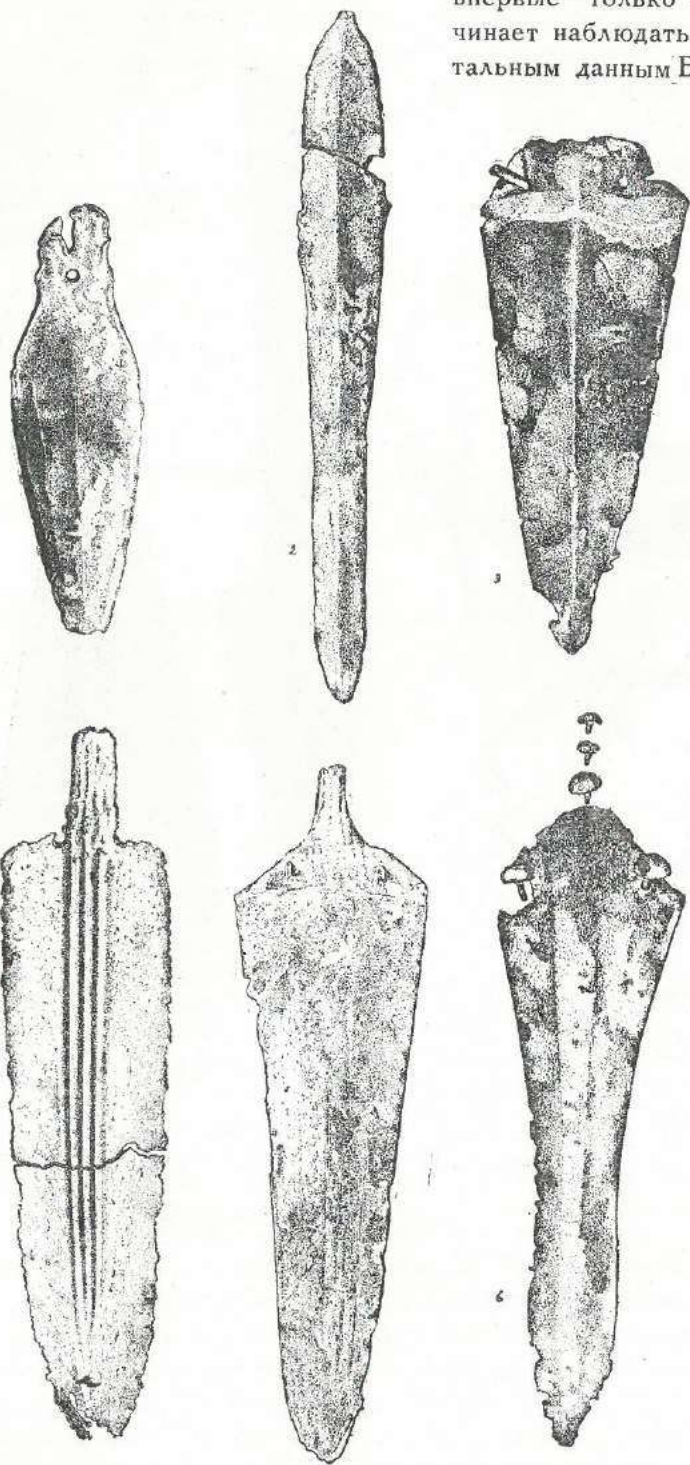

Рис. 77. Бронзовые кинжальные клинки из погребений в Триалети: 1—под насыпью кургана XVIII; 2—под насыпью кургана III; 3, 6—погребение 4 могильника на правом берегу Геряк-Чай у Бешташени; 4, 5—погребение 20 и 21, того же могильника. В 1/2 нат. велич.

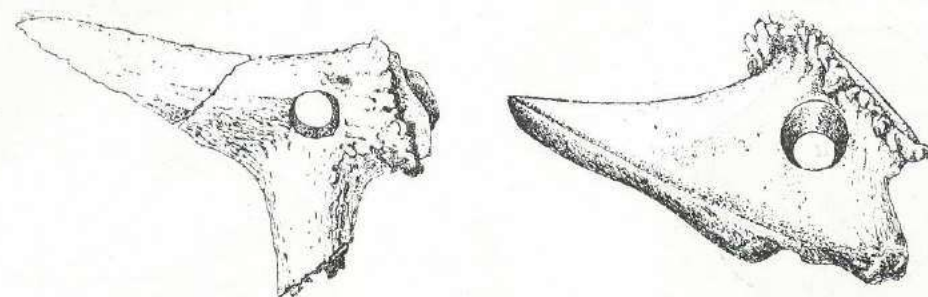

Рис. 78. Обрезы оснований оленьего рога с круглыми отверстиями. В 2/3 нат. велич. 1—Самтавро (по Байеру); 2—погребение 19, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинский р-н).

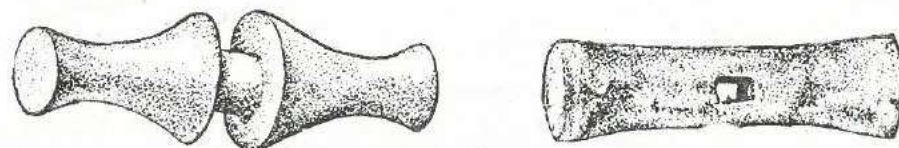

Рис. 79. Бронзовые ролики для подвесных ремней портупей из погребений 34 и 19, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинский р-н). В нат. велич.

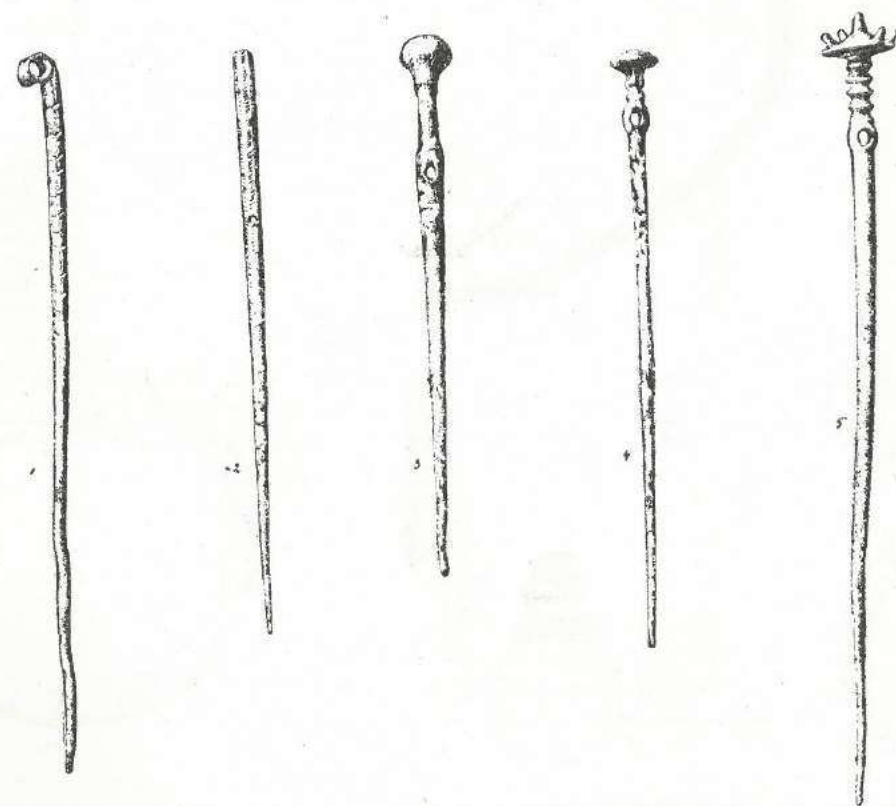

Рис. 80. Бронзовые булавки из могильника эпохи поздней бронзы у Бешташени (Цалкинский р-н); 1, 3—погребение 37; 2—погребение 11; 4—погребение 21; погребение 13. В 2/3 нат. велич.

Рис. 81. Бронзовое навершие булавки из погребения 13, правобережного Бешташенского могильника (Цалкинск. район). В натур. велич.

Рис. 82. Серо-глиняный кувшин с рельефным изображением змеи из погребения 11, правобережного Бешташенского могильника. В 1/4 натур. велич.

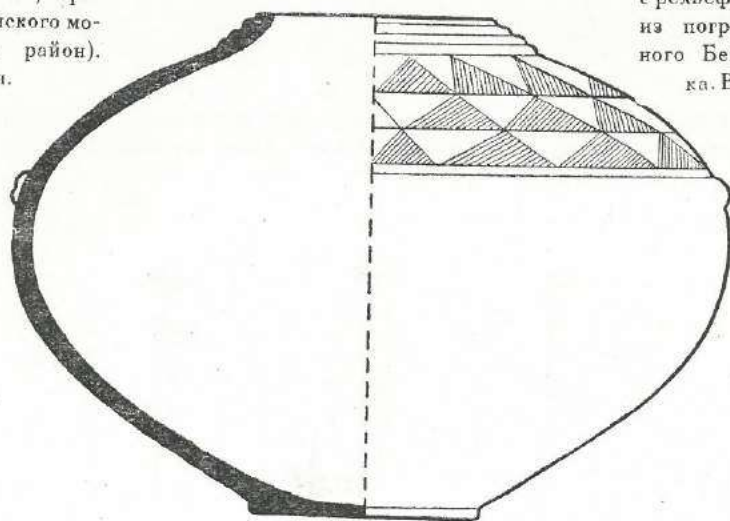

Рис. 83. Черно-глиняный, хорошо полированный сосуд из погребения 18, правобережного Бешташенского могильника. В 1/4 натур. велич.

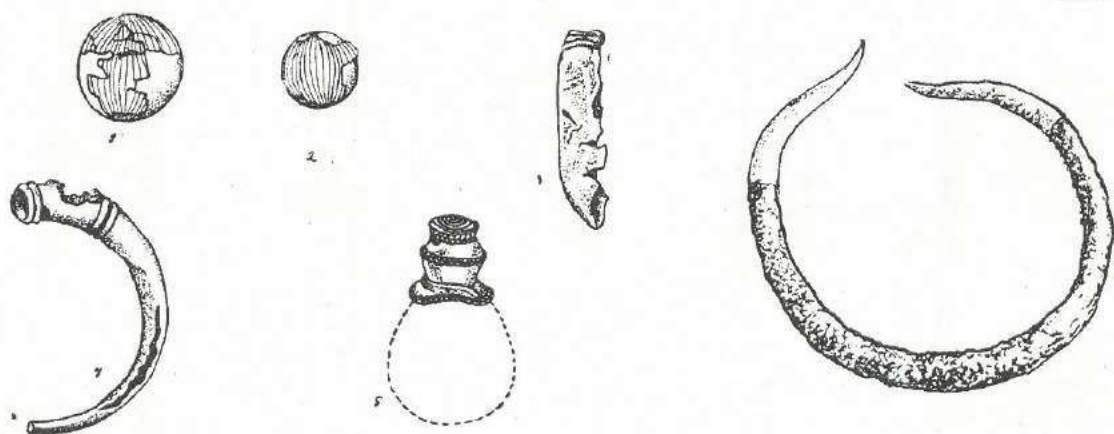

Рис. 84. Золотые украшения из погребений эпохи поздней бронзы Триалети, из правобережного Бешташенского могильника: бусы, трубчатые фрагменты височных колец из погребения 11 (1, 2 и 3) и 18 (4); хрустальная подвеска в золотой капсуле (5) из погребения 18 и бронзовое височное кольцо с золотыми рожками (6) из погребения 4. В натур. велич.

ками противоречит и факт полного ее отсутствия в северно-черноморских греческих колониях, где, за исключением быть может единственного случая, и то связанного с более древним слоем (283), одночленная бронзовая фибула находима не была.

Ту же дату могло бы нам дать и рассмотрение вопроса о появлении плоского топора, найденного в Бешташенском могильнике, поскольку он является более древним типом, чем топор с боковыми выступами из Лечхумского клада кобанской эпохи.

Установленному нами, таким образом, времени для данного рода погребений не противоречит наличие в них такого архаичного предмета, как серп из кремневых вкладышей, так как в Египте подобный серп существовал очень долго наряду с металлическими серпами, соответствующими современным хевсурским и ингилойским зубчатым серпам „гули“ (გული) (229). Мы видим его там, как показывают изображения и находки, вплоть до XVIII династии (284). В Сирии кремневыми серпами этого типа пользовались тоже в продолжение всей эпохи бронзы до XII века до нашей эры (285), судя по находкам в Рас-Шамре, Гезере и пр.

9. Могильник бронзовой эпохи с кругами из камней

Дать определенное место этому могильнику в ряду остальных является затруднительным, вследствие недостаточной изученности памятников этого типа в Триалети. Раскопанный нами подобный могильник в местности Байбурт на левом берегу реки Геряк или Байбурт-чай заключал всего четыре погребения с очень бедным инвентарем, состоявшим почти исключительно из керамики. Полное отсутствие при этом также железных предметов заставляет предполагать его отношение к эпохе бронзы. По характеру индивидуальных грунтовых погребений в ямах, покрытых крупными камнями, могильник этот имеет нечто общее с вышерассмотренным Бешташенским. Байбуртские могилы обнаруживают особенное сходство с могилой № 32 Бешташенского могильника по способу покрытия их несколькими большими камнями, из которых боль-

Рис. 85. Наконечники стрел. 1—костяной плоский и 2, 3—бронзовые плоские, плоско-черенковые из погребения 8 правобережного Бешташенского могильника (Цалкинск. р-н); 4, 5—бронзовые 4-гранно-черенковые с выступающей осью, из погребения с двуструбной рукоятью меча в сел. Куци (Цалкинск. р-н); 6—бронзовый 6-гранно-черенковый из культурного слоя в Дабла-Гоми (Самтред. р-н). В натур. велич.

шой, в середине, покрывает уходящие под него концы четырех камней так, как бы группа камней являлась развалившимся каменным домиком, поставленным первоначально над могильной ямой. Совершенно такой вид имеют группы камней, покрывающее пространство над двумя самыми большими могильными ямами в Байбурте (табл. LV). Обе эти могилы окружены кольцом, диаметром 15—18 метров, из крупных камней (табл. LIV). Ямы довольно обширны и ориентированы на север (табл. LVI).

Кости человека почти не сохранились и только по их следам в некоторых случаях удается установить положение покойника на боку головой на север. В головах обычно ставилась группа 3—7 сосудов, совершенно отличных по своему характеру от рассмотренных до сих пор (табл. LVII). Все сосуды лишены ручек. По форме это крупные широкогорлые светло-бурые горшки, орнаментированные горизонтальными жгутами, прищипом и налепом, крупные черноглиняные насквозь сосуды с цилиндрическим невысоким горлом и отогнутым краем, такие же малые кувшинчики и широкие чаши с слабо выраженным венчиком. Сосуды леплены на гончарном кругу и,

несмотря на крупные размеры, тонкостенны. Никакого определенного места среди известной мне посуды южнокавказских могильников эта керамика не находит. Кроме керамики крупные могилы, окруженные кругом из камней, ничего не содержали, а в соседних меньших было найдено несколько бус из беловатой и голубоватой пасты, просверленная галька и медно-бронзовая фигурная булава, насквозь патинизированная и частью разрушившаяся (табл. LVIII). Головка булавы представляла собою ажурно-прорезную секиру с фигуркой барана, стоящего на ее обухе (рис. 87). При общем с Кобанью мотиве булавок, в форме топора с фигуркой одного или нескольких животных (или даже охотничьей сценой на его обухе), что наблюдается и на настоящем бронзовом топоре из Абхазии в собрании А. Л. Лукина, эта булава не кажется принадлежащей кобанской культуре и требует других параллелей, поскольку и прием украшения топоров скульптурами животных на обухе имеет значительно более древние корни, уходя в топорах из Нигавенда и, может быть, Курдистана (286) к III и первой половине II тысячелетия до нашей эры, а булавы с фигурками животных, вообще, известны, например, из раскопок Гиссар III, с первой половины II тысячелетия до нашей эры.

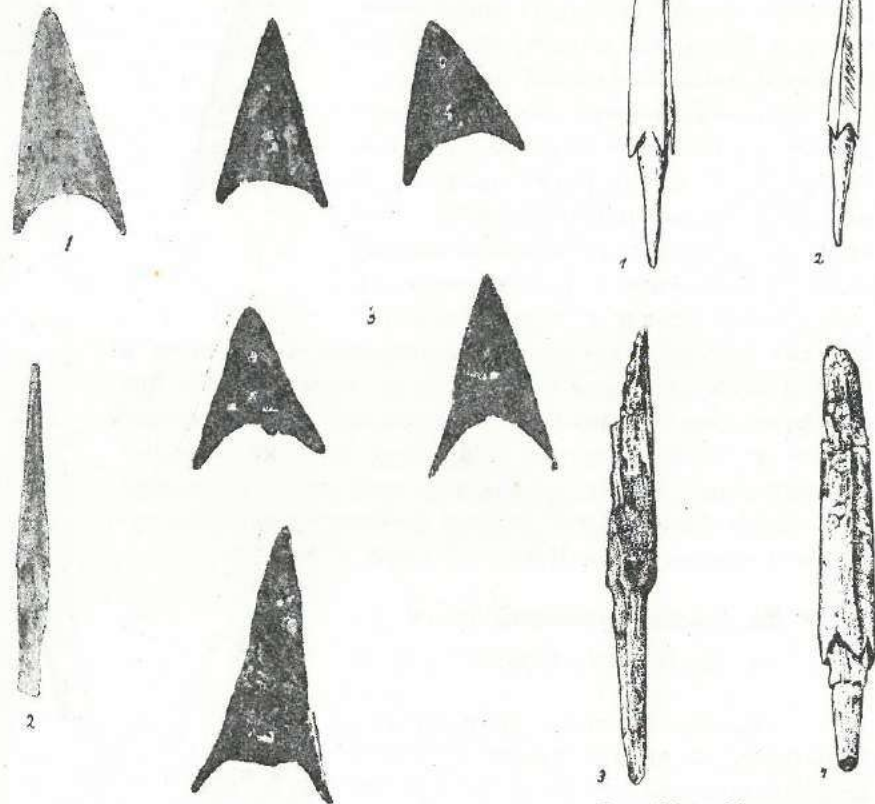

Рис. 86 а. Наконечники стрел из 565 погребения в Самтавро, Мцхета (Байэрна): 1, 3—плоские бесчеренковые, костяной и бронзовые; 2—костяной 4-гранный, черенковый.

Рис. 86 б. Костяные черенковые наконечники стрел. В 3/4 нат. велич. 1—трехгранный, Нор-Баязет; 2—четырёхгранный, Самтавро м. 565 (Байэрна) и 4—четырёх-и трёхгранный из погребения 19, правобережного Бешташенского могильника.

Поэтому возможность отнесения этого могильника к эпохе, более древней, чем Бешташенский могильник с грунтовыми погребениями, ничего невероятного пока не заключает, но требует лишь подтверждений при дальнейшем накоплении соответствующего материала.

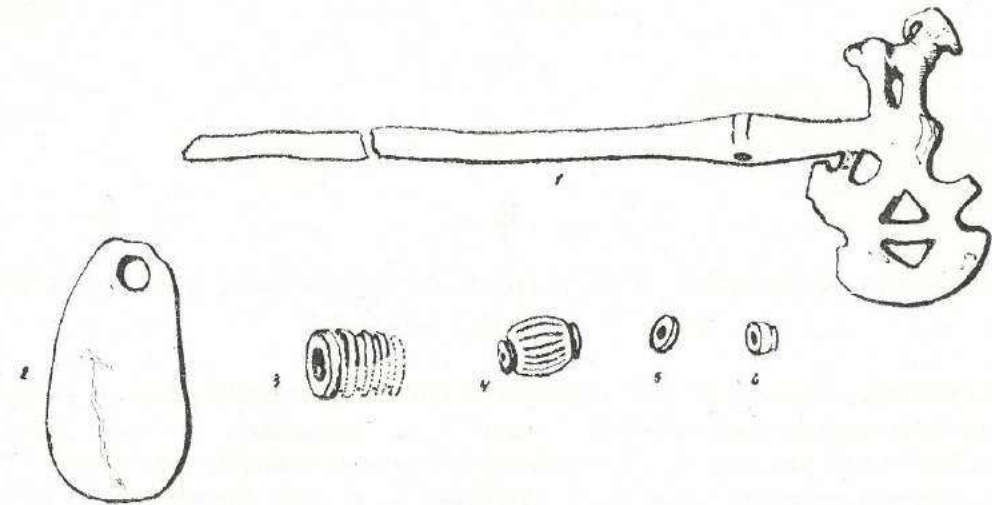

Рис. 87. Инвентарь погребений в каменных кругах в урочище Байбурт (Цалкинский р-н): 1—бронзовая булава; 2—просверленная галька; 3—6 бусы из пасты. В нат. велич.

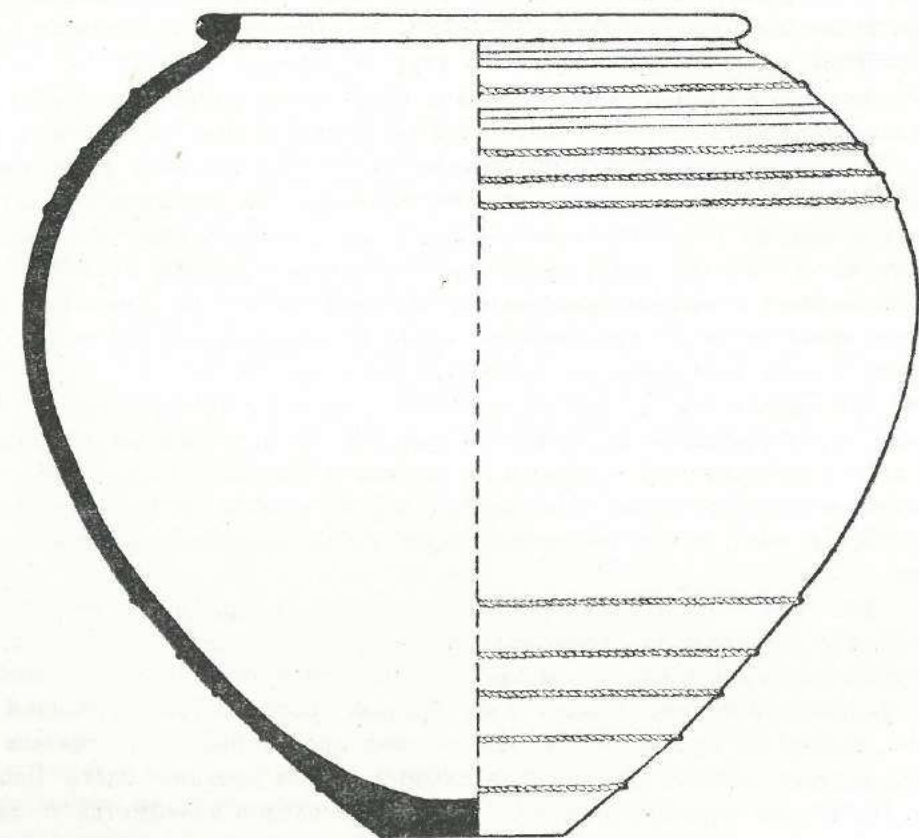

Рис. 88. Бураглиняный сосуд с поясками из жгутов. Могильник с каменными кругами в урочище Байбурт. В 1/4 нат. велич.

КУРГАННАЯ КУЛЬТУРА ТРИАЛЕТИ В ЭПОХИ СРЕДНЕЙ И ПОЗДНЕГО ЭТАПА ДРЕВНЕЙ БРОНЗЫ

Курганные погребения Триалети отличаются одной общей особенностью, которая выделяет их в особую группу, сравнительно с множеством курганных погребений Азербайджана и Армении. Это — то обстоятельство, что, насколько возможно пока судить, курганы Триалети, подобно и местным ящичным могилам, предназначены не для коллективных, а индивидуальных погребений, хотя и использовались в более позднюю эпоху для последующих захоронений. Другой, еще более существенной, их особенностью является резкое различие заключенного в них вещевого материала от инвентаря могильников всех рассмотренных нами выше эпох, в то время как погребальный инвентарь курганов Азербайджана и Армении, напротив, в большинстве случаев неотделим, по характеру и времени, от простых ящичных погребений прилегающей к курганам территории.

Создается таким образом некоторый трудно объяснимый разрыв, который не позволяет сразу ориентироваться в том хронологическом месте, какое принадлежит курганным погребениям. Особенно затрудняет то обстоятельство, что не найдены нами пока рядовые погребения, синхроничные курганам, которые, не только по заключенному в них, часто богатейшему, инвентарю, но и по затраченному на их сооружение огромному труду, предполагают существование простых нетрудоемких могильников. Считать за последние как-либо из рассмотренных выше, совершенно невозможно, так как не удастся ни в одном из них обнаружить присутствие сколько-нибудь соответствующих, по характеру, курганным образцам глиняной посуды или бус, или каких-либо иных вещей.

Особенно замечательно своеобразие керамики, которая, при больших различиях в разновременных курганных комплексах как по формам, так и техническим приемам выделки, несет на себе черты некоторой общности, именно в способах лепки и обжига и особенно склонности к ангобированию поверхности, что не отмечается совершенно в керамике могильников, как местных, так и соответствующих им по времени в других районах Южного Кавказа.

Все это и заставляет нас искать хронологическое место для группы курганных погребений, в целом, вне тех временных пределов, в которых заключен уже вышерассмотренный ряд могильников, поскольку в этом хронологическом промежутке невозможно ни поместить, ни удовлетворительно понять своеобразные особенности курганной культуры. Действительно, высота ее художественно-технических проявлений тесно связана с архаизмом ее хозяйственного уровня, даже сравнительно с самым древним здесь Бешташенским могильником. Не только характерно полное отсутствие следов знакомства с железом, но даже и бронза не находит себе полного применения, как например, в изготовлении наконечников стрел, которые в курганах, в противоположность всем здешним могильникам, исключительно обсидиановые и кремневые. Еще более существенным обстоятельством яв-

ляется полное отсутствие остатков лошади среди костей других домашних животных — быка, козы, овцы, свиньи, находимых в курганах. Это кладет особенно резкую грань между конной культурой могильников, давших нам различные типы удил, и курганами, где найденная нами четырехколесная колесница передвигалась, по видимому, помощью воловьей то есть бычьей упряжи, как в царских погребениях в Уре, хотя мул и лошадь, судя по изображениям, там уже были тогда известны. Все это, отодвигая вглубь бронзовой эпохи Триалетские курганы, не дает еще, само по себе, достаточного материала для более определенной их хронологической локализации.

При этом курганные погребения вовсе не представляют собою однородной группы, но резко делятся, по крайней мере, на два главных раздела, несомненно хронологического характера, с подразделениями еще внутри них. В связи с этим мы встречаемся со вторым крупным затруднением, — правильно оценить относительный возраст различных курганных типов. На помощь должны прийти для этого местные памятники с естественно погребенными культурными слоями, но к сожалению последние еще слишком мало были подвергнуты изучению, вследствие строго целевой направленности отпущавшихся Отделом охраны памятников культуры средств на объекты, которым угрожало уничтожение. Удалось только, как увидим ниже, установить с полной определенностью древнейший энеолитический слой в районе Бешташенской циклопической крепости, где этот слой представлен чрезвычайно характерной фацией очень развитого керамического производства, одновременно архаичного по приемам и, в своем роде, совершенного по выполнению.

Возможность обнаружить известную типологическую связь курганных комплексов и особенно одного из них с этим слоем, дает некоторые положительные основания для суждения о последовательности курганных типов и об общем тяготении, даже более хронологически молодой из них, скорее вниз сюда, чем вверх к сравнительно новой культуре наиболее древних цалкинских могильников.

Как уже сказано выше, количество вскрытых мною в Триалети курганов достигает сорока двух. Раскопка многих из них оказалась сложной и трудоемкой. Достаточно указать, что курган № XXXVI (рис. 90), имевший в высоту 5 метров (табл. LX₂), заключал в себе колоссальный „погребальный зал“ в 175 кв. метров площадью со стенами, сложенными из камня на сухо и сохранившимися до высоты 4-х метров (табл. LXII₂ и LXIII₁), что некоторые погребальные ямы (кург. № X) диаметром 5—3,5 метров, погружались до глубины 8 метров от поверхности грунта (табл. CXIII), не считая высоты курганной насыпи (рис. 107), что размер других (кург. № XVII) достигал до 14 метров длины, 8,5 метров ширины при 6 метрах глубины. Понятно, что очищение одной лишь могильной ямы таких курганов и препарировка погребального дна требовали массу времени и напряженной работы.

При этом, несмотря на большие размеры ямы, ее местоположение не всегда легко обнаруживается (рис. 108), поскольку ямы часто располагаются эксцентрично в отношении насыпи, занимающей, при расплывчатости ее формы (табл. LX₁), нередко площадь до двух и даже трех тысяч квадратных метров. Всем этим объясняется, почему многие из триалетских курганов, несмотря на простое их строение и на богатый иногда инвентарь, сохранились от полного разграбления до наших дней.

1. Курганные погребения эпохи крупных государственных образований в Малой Азии и Месопотамии в середине 2-го тысячелетия до нашей эры

Курганы, включаемые нами в эту группу, отличаются наличием, среди погребального инвентаря, предметов из драгоценных металлов, именно золотых и серебряных кубков, отдельных частей личного убора, золотых узорных обкладок частей погребального штандарта, золотых обивок деревянных изделий, в частности архитектурных деталей. Редкость предметов вооружения является одной из характерных черт инвентаря триалетских курга-

нов: найдено всего несколько обсидиановых и один кремневый наконечник стрел, одно бронзовое копьё, прекрасной работы, и три кинжальных клинка, серебряный и два бронзовых.

По характеру погребений курганы этого возраста разделяются на два типа: курганы ямные и безъямные. Те и другие предназначены для погребения только одного лица. Внешне эти курганы неразличимы друг от друга и часто находятся в перемежку в одной группе или в одной линии. Иногда курганы с большой могильной ямой обнаруживают более или менее заметный провал в центральной части насыпи, например, у кургана № XV, где

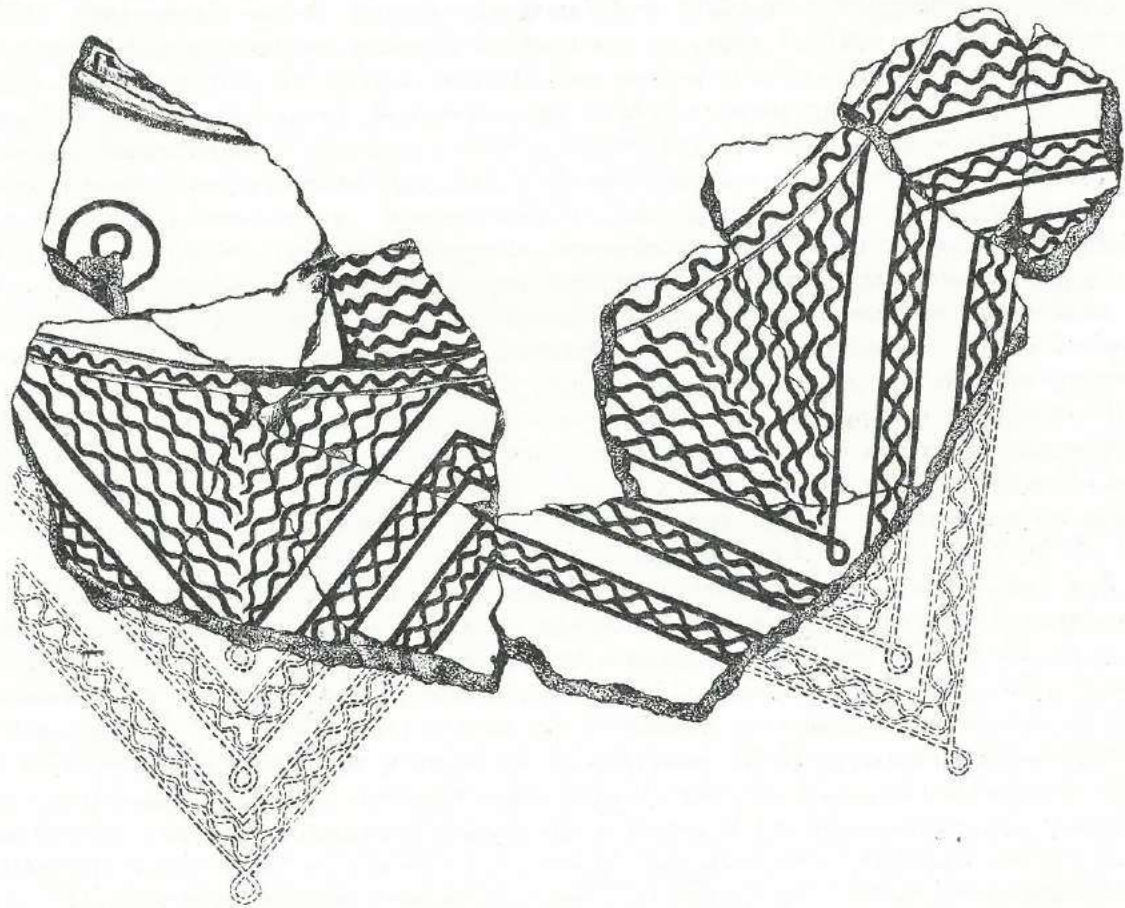

Рис. 89. Фрагмент красноокрашенного чернорасписного сосуда из кургана 1 „Биюк Тепе“.
В 1/2 нат. велич.

насыпь производила впечатление сильно уплощенного четырехугольного вала. Однако в других случаях, особенно у высоких курганов, как например „Биюк Тепе“ (курган № 1) это явление совсем отсутствовало.

Материалом для насыпи для обоих типов этих курганов чаще всего служит камень обыкновенно валуны и крупный булыжник) или вместе с землей или, как в верхней Цалке и у озера Табискури, в чистом виде (табл. LIX₃). Иногда насыпь безъямных курганов имеет как бы структурный характер. Она тогда состоит из нижнего слоя крупных камней, из более или менее густой присыпки известнякового белого щебня, и из верхней засыпки — камнем среднего размера с землей (табл. LXIV₂). В одном случае в ямном кургане № XVI оказался в нижнем слое насыпи сплошной покров из очень крупных камней.

Погребальные ямы в курганах указанной эпохи имеют, повидимому, всегда форму слегка вытянутого четырехугольника, ориентированного длинной осью с востока на запад.

Площадь дна наиболее крупных из них достигала сотни квадратных метров и устилалась, подобно как в большом Майкопском кургане на Северном Кавказе, плетеной, видимо, камышевой циновкой (табл. LXXI₂). Стенки ямы всегда удавалось отпрепарировать (табл. LXXI₁). Очень часто приходилось наблюдать наклонный спуск в яму, „дромос“, со стороны восточной (табл. LXV) стенки. По истлевшим остаткам дерева в верхних частях оползней стенок ямы, а в одном случае (курган Биюк Тепе) и по сохранившемуся ряду дубовых бревен, можно полагать, что погребальные ямы закрывались бревенчатым накатом с одного края на другой. Поверх бревен насыпался курган. Со временем края ямы оползали (особенно под давлением тяжелой насыпи) и засыпали, вдоль стенок, дно. Яма расширялась и, наконец, бревенчатый накат проваливался внутрь. Впоследствии, если не было специальных условий для консервации дерева (например, постоянного водного режима под слоем глины с малым доступом воздуха), бревна гнивали и от них почти не оставалось следа. Яма оказывалась заполненной сплошь камнем насыпи, который задавливал все положенное на ее дно при погребении. Ни одного глиняного сосуда не удалось поэтому встретить в курганах в сколько нибудь целом виде. Большинство добытой посуды требовало восстановления из 200—250 кусков*.

Ни в одном из больших курганов этого времени, несмотря на всю тщательность препарировки, человеческих костей не обнаружилось. Это заставляло нас подозревать, при удовлетворительной в то же время сохранности костей животных, что мы имеем дело с кремацией, но покойник сжигался где-то вне кургана, в кургане же помещался лишь его сожженный прах, так как угли встречались лишь в виде небольшого количества разбросанных по дну ямы мелких частиц. Однако попытки обнаружить обожженные кости покойника или золу в связи с черепками глиняных урн не увенчались успехом и вопрос остался открытым. Только недавние публикации записей хеттского ритуала кремации царей в Хаттушаше (287) позволяют поставить вопрос, не клался ли сожженный прах, как там, просто на устланное ложе, что создает, в условиях наших курганов, минимальные возможности для его сохранения и обнаружения. Правда в нескольких случаях были находимы нами плохо сохранившиеся коронки зубов, но это скорее свидетельствовало о случаях ингумации при полном истлевании костей. Действительно в одном маленьком кургане № XXII, отступавшем по инвентарю и обстановке от остальных (золотая булавка, в миниатюре напоминающая гигантские бронзовые булавки Северного Кавказа с плоской двухвалютной головкой), был найден костяк, лежавший в позе человека, поставленного на колени и опрокинувшегося затем навзничь (табл. CX₁).

Есть основание думать, что в большие ямные курганы прах покойника ввозился по дромосу и погребался на деревянной колеснице, упоминающейся и в хеттском погребальном ритуале под сумерской идеограммой GİŞMAR. GID. DA, то есть грузовая телега, в отличие от ašannaš (GİŞGIGIR) колесницы для сидения. В одном случае в кургане XXIX, в местности Сабит Ахча, то есть, вероятно, Сапитиахшо (288) (по-грузински „место питахшов“ — правителей древней Иберии, видимо их летняя резиденция) на высоте 1800 метров над уровнем моря погребальная тяжелая четырехколесная колесница сохранилась почти полностью (табл. CVII), благодаря проникнувшему в курган роднику (табл. CVIII₂). В других случаях наблюдались на дне курганных ям глубокие колеи с остатками дерева от колес. Колесницу ввозили, видимо, на руках „народом“ или же, быть может, помощью быков в постромчатой упряжи (следов дышла и оглобеля не наблюдалось). Любопытно, что в одном из курганов № XV удалось отпрепарировать уложенные особым образом, по сторонам средней оси ямы, остатки двух быков (табл. LXVI): параллельно лежали два черепа

* Работа по реставрации керамики производилась в специально организованной при Государственном Музее Грузии лаборатории.

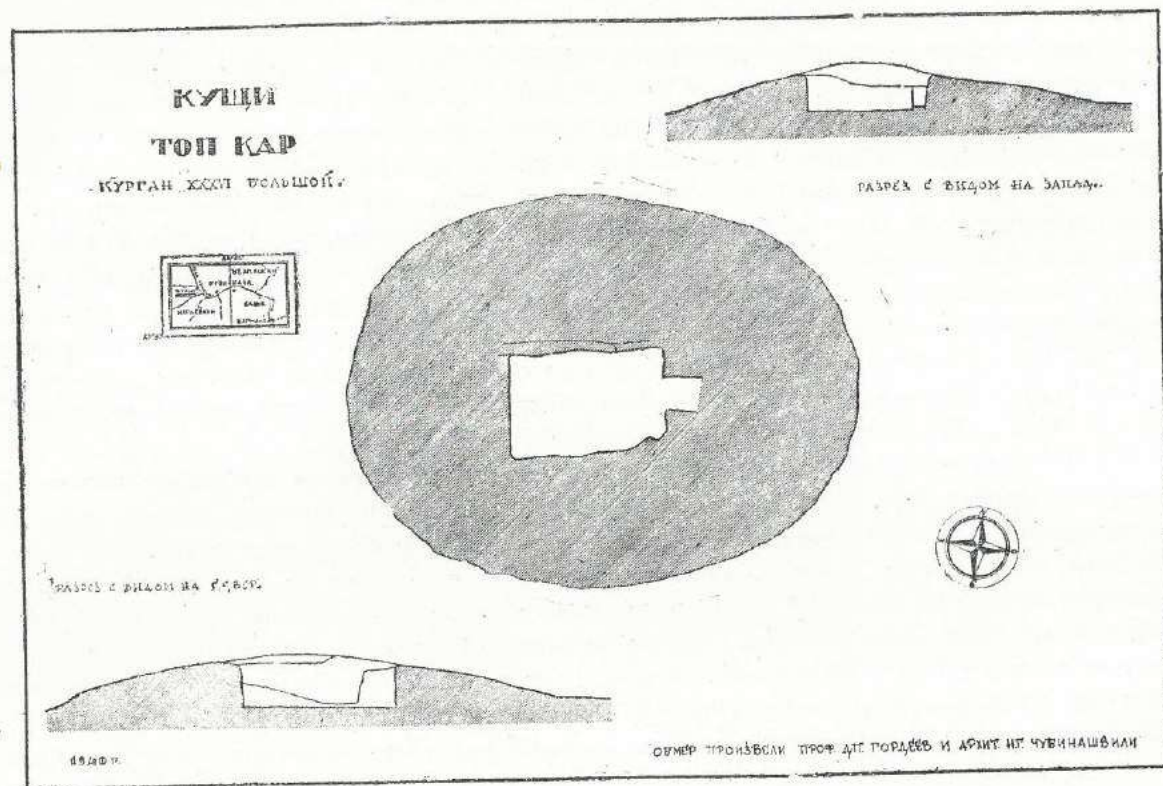

Рис. 90 а.—Сводный чертеж плана и разрезов кургана XXXVI „Топ Кар“ с погребальным залом. В $\frac{1}{500}$ натур. велич.

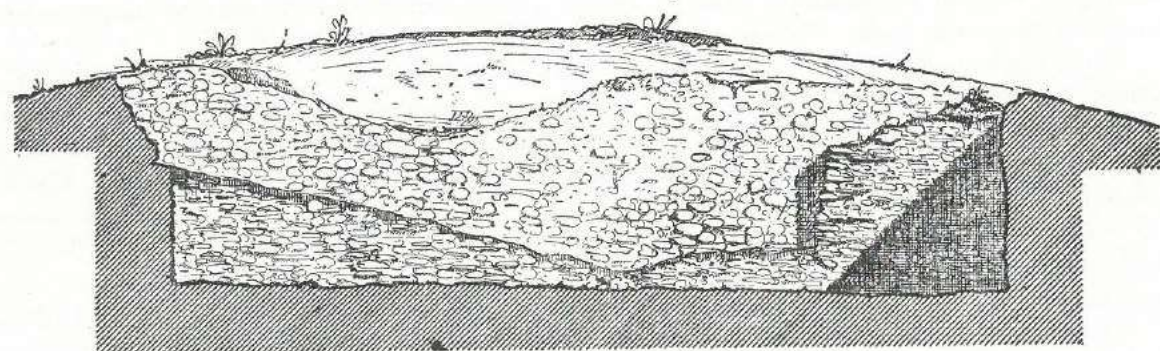

Рис. 90 б.—Разрез с видом на север погребального зала в кургане „Топ Кар“.

и сзади их, друг за другом, по паре ног передних и задних с копытами, начиная от голеностопного сустава. Никаких других костей при этом не имелось. Производило впечатление, что на дно могилы были постланы две бычачьи шкуры, снятые так, что череп и концы ног были оставлены в шкуре. Подтверждает это предположение другой случай, когда в кургане № VII, с подобным же сочетанием костей быка, оказались лежащими в ряд пять последних хвостовых позвонков, при отсутствии остальных (табл. LXX₁).

Возможно, что шкуры должны были имитировать привезших покойника животных в его дальнейшем загробном путешествии, после того как быки были убиты и мясо их пошло в погребальную трапезу, от которой покойник также получил, судя по костям грудины в стоявшем посреди ямы медном котле, значительную долю. Груды костей крупного и мелкого рогатого скота и свиней оказывались часто заполняющими края ямы. В целом ряде случаев в курганах №№ XV, XVII и XXXIV была обнаружена, кроме того, полная туша быка, уложенная на подеме дромоса головой вверх (табл. LXV). Вдоль краев яма обставлялась рядами крупной глиняной посуды.

Обстановка погребальной площади безъямных курганов вполне соответствует дну ямных. Труднее составить представление об устройстве покрытия в курганах с погребением на поверхности грунта. Вследствие легкой воздухопроницаемости каменных насыпей, от дерева обыкновенно не остается и следов. Однако, вряд ли можно допустить, чтобы покойник в окружении своего инвентаря просто заваливался камнем, в то время как в яме для него создавалась весьма помещительная камера. Судя по замечательной находке 1940 года в кургане № XXXVI у сел. Кущи, и в безъямных курганах для покойника строилось помещение на поверхности грунта. Так в большом кущинском кургане оказался под на-

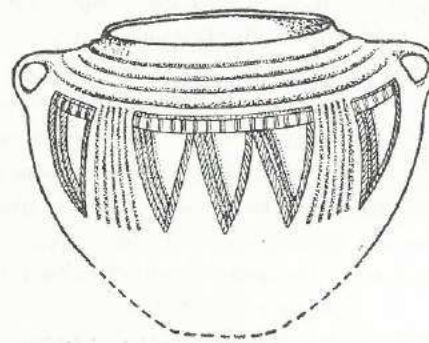

Рис. 91 а.—Тонкостенный чернолощенный, со светлой подкладкой, сосуд из кургана XI. В $\frac{1}{4}$ нат. вел.

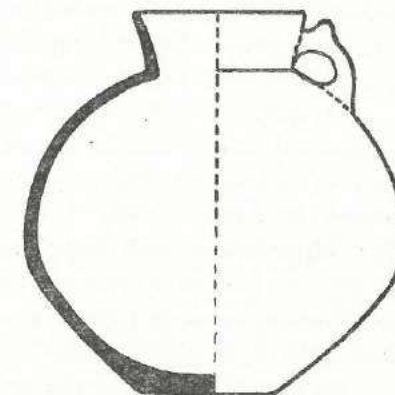

Рис. 91 б.—Сферический глиняный кувшинчик из кургана XVII. В $\frac{1}{4}$ натур. велич.

сыплю вышеупомянутый обширный погребальный зал в 175 кв. метров площадью, с каменными стенами сухой кладки, сохранившимися до высоты четырех метров, с широким коридорным ходом, типа дромоса ямных курганов (рис. 90 а, б). Ориентировка этого единственного в своем роде зала с востока на запад, инвентарь (обсидиановые стрелы, фрагмент бронзового копья, серебряная булава с богато орнаментированной золотой головкой, золотые узорные обивки (табл. CIV) и керамика с типичным мастерски выполненным узором) и весь характер погребальной обстановки также полностью соответствует ямным погребениям, даже наличие цыновки на полу. Поражает лишь в данном случае грандиозность погребальной камеры, предназначенной для одного лица.

Если действительно остановиться на предположении кремации покойника, как в погребальном ритуале хеттских правителей, это сооружение может соответствовать так называемому «каменному дому», где сожженный прах хеттского царя или царицы помещался на особое ложе, совершались жертвоприношения быков и овец и куда приносились драгоценные дары (золото и серебро) покойнику (287). Открытый нами каменный зал несомненно имел деревянное покрытие на столбах. Золотая обивка какой-то деревянной детали (ступенчато-резной колонки 12 см в диаметре, может быть, от погребального ложа), найденная

на дне зала под каменной засыпью, указывает действительно на его некогда роскошное убранство.

Керамика в курганных погребениях обоих этих типов представлена, главным образом, крупными сосудами в форме „пифосов“, без ручек или с двумя маленькими ручками на плечиках, с отогнутым, хорошо выраженным, венчиком, сидящим прямо на корпусе без шейки (табл. LXXVII, LXXX и LXXXIII₃ и ₄), и „гидрий“ без ручек с невысокой шейкой, переходящей в красиво отогнутый венчик (табл. LXXIII, LXXXII, LXXVI и LXXXIII₁ и ₂). По характеру глины, обжигу, обработке поверхности и по орнаменту, вся керамика делится на отдельные группы, то встречающиеся совместно, то характеризующие разные курганы. Возможно выделить прежде всего красно-глиняную расписную керамику (рис. 89), разделяющуюся, в свою очередь, на керамику с красной обмазкой под черную роспись (табл. LXXXI—LXXXIII) и на керамику с беловатым ангобом, также под черную роспись (табл. LXXVII—LXXX).

Оба эти вида расписной светлой керамики встречаются, в противоположность тазакедской древней группе расписной керамики, всегда совместно с керамикой, имеющей черную лощеную поверхность, обыкновенно, при розоватом черепке с внутренней стороны сосуда. Этому последнему обстоятельству я придаю особое значение, так как оно резко выделяет курганную группу лощеной посуды от могильной, где и лощеная керамика имеет черный цвет черепка насквозь, и объединяет ее с еще более древней керамикой энеолитического слоя.

Наряду с подобной черной керамикой имеется еще, в сочетании только с ангобированной белой глиной расписной керамикой, особая посуда (повторяющая те же формы) из очень тонко-зернистого серого глиняного теста, мягкого настолько, что черепок пишет по бумаге (табл. LXXV).

Этот последний сорт керамики встречается еще в виде особой группы, состоящей из небольшой величины сосудов, обладающих тонко лощеной поверхностью, покрытой остро-резным орнаментом в комбинации с поперечной и продольной участковой гофрировкой (рис. 91 б и табл. LXXXVI). С первого взгляда, по тщательности обработки поверхности, эта керамика кажется похожей на более позднюю ящичную группу сосудов с территории Азербайджана в виде кувшинчиков с двумя и тремя выступающими вверх за венчик ручками (289) типа, найденного Реслером в Ганджинском районе вместе с инкрустированной белой керамикой, но ни по обработке глиняного теста, ни по профилям, ни по орнаменту триалетскую посуду сопоставить с этой не удастся. Керамика этого типа была встречена нами только в одном разграбленном кургане № XI в виде фрагментов от нескольких сосудов и в сопровождении одного черно-лощеного крупного сосуда, без возможности сочетать ее с каким-либо иным погребальным инвентарем.

Следующей характерной группой керамики, не встречающейся обыкновенно одновременно с рассмотренными, является более грубая темно-бурая, недостаточно обожженная, из глины крупно-комковатой структуры (как бы с шамотовой примесью), с глубоко резным геометрическим орнаментом, ближе всего стоящим по технике выполнения к орнаментам инкрустированной белой керамики Ганджа-Карабахского района, которая также отличается, при богатстве и своеобразии орнаментальных мотивов, лубочной решительностью выполнения, отсутствием вторичной обработки поверхности сосуда и относительной грубостью глиняного теста. Но белой инкрустации на триалетской курганной посуде наблюдать вовсе не приходилось, так же, как и типичных для последней мотивных элементов и их композиционного сложения. В этом отношении описываемая группа триалетской курганной керамики также совершенно своеобразна (табл. LXXXV₂).

Эта керамика также находится совместно с керамикой иного более плотного и тонкого теста, с черной лощеной поверхностью при розоватой подкладке, как вышеописанная, но с иным декоративным оформлением, представляющим собою крупный выпукло-выемчатый узор из системы волнистых горизонтальных лент и углублений (табл. LXXXV₁).

Эта последняя группа керамики встречается еще в виде особого варианта посуды мелкого размера, прекрасно лепленной из отгмученной глины, тонкостенной, с нежной шлифованной поверхностью. В этом виде эта керамика как бы переключается по качеству с вышеописанной гофрированной, но отличается от нее криволинейным орнаментом и формой низких и широких двушнанных чаш, рода „скифосов“, употребляя греческий термин (табл. LXXXIV_{5,6}). Этот тонкостенный вариант был встречен только в одном кургане с крупным черно-лощеном сосудом с двумя ручками на плечиках без всякого металлического инвентаря.

Таким образом, по характеру посуды, курганы описываемого разряда Триалети могут быть разделены на три главные группы и две побочные, из которых последние представлены каждая только одним случаем без сопровождавшего керамику металлического инвентаря.

Совершенно определенную керамическую группу образует комплекс сосудов красноокрашенных, расписанных спускающимися по плечикам шевронами, заполненными внутри зигзагообразными линиями, типичными для эламской керамики („схема воды“) (290), и отдельными изображениями (свастика, фигуры гусей) между ними, и сосудов с черной полированной поверхностью, иногда в узор, с нарезным и простым наклепным орнаментом (круглые шишки, реже—шпалки).

Другую группу составляют замечательные сосуды с ангобированной беловатой глиной и лощеной поверхностью, орнаментированные черно-бурым глянцевой краской сложным узором, состоящим из ряда различных элементов, округлого меандра, спиральных волн, извилистых линий, шахматных полей, ступенчатых лесенок, связанных в метопы, фризы и систему шевронов, с отдельными фигурами в промежутках, в виде солнечных символов (дисков, концентрических колец, розеток и пр.) и, вместе с ними, черно-лощеной керамика с прямолинейным геометрическим узором, нанесенным тонким гребенчатым пунктиром, в виде ленточных углов и знаков креста, свастики и трапецевидной фигуры между ними (табл. LXXIV). Этой группе сопутствует также и выше охарактеризованная крупная серо-глиняная керамика с мягким пишущим черепком и кроме того (как в кургане XVII) небольшие кувшинчики (табл. LXXXIV_{1,2}) с шаровидным корпусом и цилиндрической шейкой, тонкостенной лепки из серой глины (рис. 91 а).

Наконец, третью группу образует грубоватая керамика с глубоко резным орнаментом и сопровождающая ее черно-лощеной с крупным выемчато-выпуклым волнистым поясом (табл. LXXXV).

Реальность керамических групп подчеркивается отчасти и сопровождающим их металлическим инвентарем. Так, филигранная и зерневая отделка драгоценной посуды и украшений, а также чеканка изобразительных сюжетов засвидетельствованы пока исключительно в курганах с керамикой второй и частью третьей группы. Сюда же относятся и серебряные клинки кинжалов и золотые височные завитки. Напротив, гладкостенные золотые и серебряные чашечки, изготовленные ковкой на вращательном станке с концентрическими выдавленными углублениями и валиками на дне (табл. СII), скорее присущи погребениям с посудой, образующей первую группу. С этой последней оказались найденными в кургане № XV также единственные образцы: бронзовое втульчатое копьё (табл. CVI) и бронзовый сосуд, представляющий собою тонкостенную, выкованную из цельного куска, вазу с полушарным корпусом на полой ножке и с ручкой в форме ведерной дужки (табл. LXXXVII). Сопровождающими все виды керамики в рассматриваемых курганах Триалети являются изде-

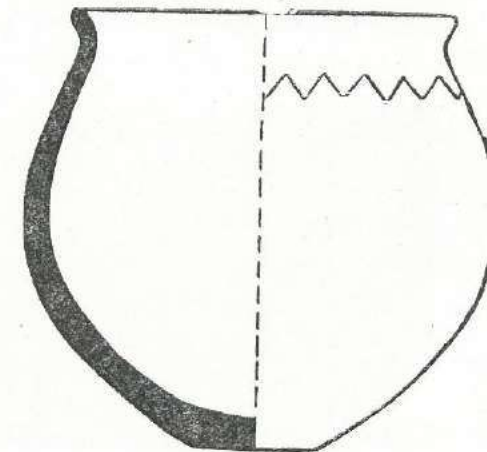

Рис. 92. Грубоглиняный сосуд из каменного кургана XXVIII в урочище Сабит-Ахча, с тремя рельефными свастическими фигурами. В 1/2 натуральной величины.

лия из тонкокованного золотого, а также серебряного листа, иногда на медной подкладке, вместе с ней обработанной металло-пластическим кружковым, шишечным и прямолинейным орнаментом (рис. 105 и табл. СIII, ХСVI, ХСIX, СIV). Эти изделия служили обкладкой различных предметов из малостойкого материала (дерева, кожи, шерстяных шнуров и проч.).

Соответствуют также в значительной степени выделенным группам керамики и выше-рассмотренные особенности в устройстве курганных погребений. Так, первая группа была

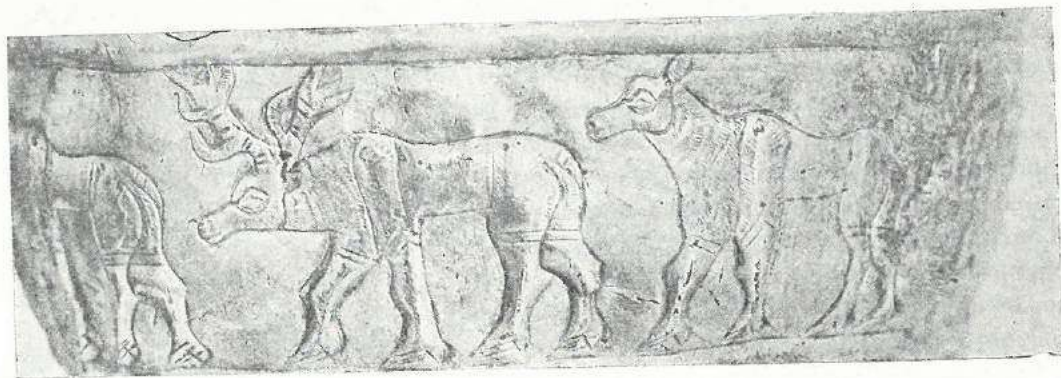
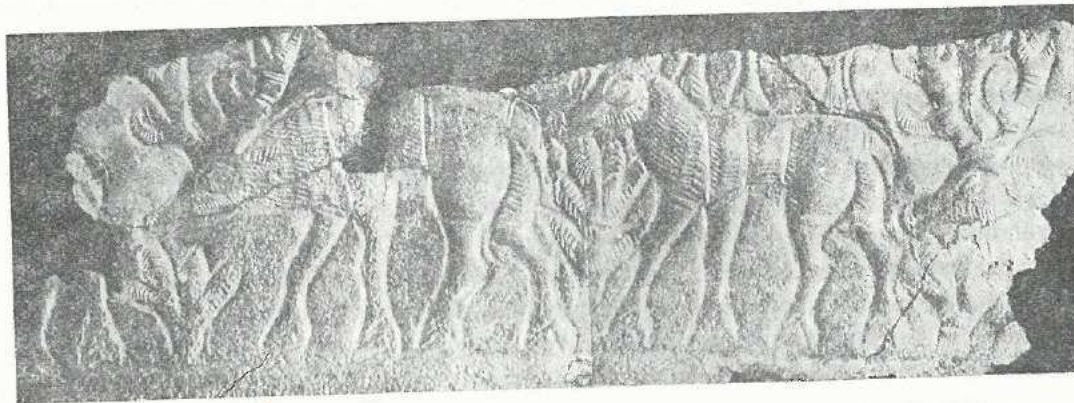

Рис. 93. Детали чеканки (олени) на серебряных ведерке и кубке из курганов XVII и V (Триалети).

встречена только в курганах с погребением в грунтовой яме, например, курганы №№ I, VII, XV, вторая наблюдалась как в ямных курганах, например, №№ XVII, XVI, так и в курганах с погребальной площадкой под насыпью просто на грунте №№ V, VI, иногда архитектурно обрамленной каменными стенами как в № XXXVI, наконец, третья группа сопровождается, повидимому, только курганы не имеющие ям, как например курганы №№ VIII, IX, XVIII.

Не берусь сейчас еще с полной уверенностью установить последовательность этих курганных типов. Если предположить возможность видеть в красной расписной керамике отражение так называемой эламской 2-го стиля (начало III тысячелетия), к которой наша керамика формально очень близка, тогда намеченный в описании порядок последовательности можно будет принять за хронологический, то есть в ангобированной керамике видеть следующую, более развитую стадию, а в третьей группе—последний этап жизни курганной посуды с редукцией керамической росписи.

Но в этом случае черно-лощеная керамика с выемчато-выпуклым узором отрывается (табл. LXXXV₂) от тонкой выемчато-выпуклой узорной керамики побочной группы (табл. LXXXIV₁ и ₂), которая была нами встречена в ямном кургане № XXV, примыкающем, по своему характеру, ко второму, более древнему разделу триалетских курганов (см. ниже)

и где выемчато-выпуклый узор, правда, совершенно иного стиля и на другого характера сосудах, тяготеет уже к орнаменту самого древнего неолитического слоя. Трудно при этом найти себе место и другая побочная керамическая группа из кургана № XI с тонко резной и гофрированной поверхностью, не дающая никакого дальнейшего продолжения.

С другой стороны, если считать безъямную группу курганов более древней, а курганы с красной расписной керамикой более молодой, чем курганы с ангобированной керамикой, мы оказываемся в еще большем затруднении, так как тогда обычай погребения в курганах без ямы вклинится между ямными погребениями первого и второго (древнего) раздела триалетских курганов. Ангобированная керамика тогда, со всеми своими высокими качествами, окажется появившейся сразу без предшествующего опыта на месте, а красная в своем вырождении каким-то образом будет реставрировать в себе древнейший переднеазиатский стиль керамической росписи.

Для решения этого крайне ответственного в историческом отношении вопроса необходима более определенная опора, с одной стороны—в непосредственных свидетельствах памятников с культурными слоями, с другой—в типологии сопровождающего керамику металлического инвентаря, наконец—в обнаружении параллелизма рядов развития на соседних территориях Передней Азии. Что касается последнего, то надо сказать, что к сожалению ближайшие к Южному Кавказу районы Ванского озера*, Урмии, верхнего Ефрата слишком недостаточно изучены, а керамические филиации более удаленных мест Малой Азии, Сирии, Месопотамии и Ирана, различаясь значительно и между собой, мало дают пока близких соответствий нашим памятникам, если только исключить самые широкие аналогии в роде упомянутого сходства со 2-ым эламским стилем или с беловатыми ангобами Тел Халафа и Алишарского холма (291).

Металлический же инвентарь курганов представлен, главным образом, драгоценными изделиями, настолько новыми и разнообразными по своему содержанию и выказывающими столь неожиданный уровень своего мастерства во всех случаях, что расположить его в генетические ряды непосредственно не представляется возможным, а соответствующие опоры в материале других стран Передней Азии найти очень трудно за отсутствием вообще подобного рода драгоценных находок, если исключить немногие известные случаи, как в царских погребениях в Уре, отчасти в Уруке, Тел Халафе или в недавно открытых турецкими раскопками в Малой Азии погребениях в Аладжа Эйюк.

Только два памятника изобразительного характера в наших курганах, может быть, позволяют до известной степени говорить о преемственности одного от другого. Это серебряный кубок (табл. XCI) из кургана № V и серебряное ведерко (табл. LXXXVIII) с золотой отделкой из кургана № XVII. Оба эти предмета покрыты чеканным рельефным орнаментом. Кубок представляет собою выкованный из целого куска цилиндрический с округлым низом и полый ножкой сосуд, украшенный плоско гравированной лотосовой розеткой и двумя чеканными фризами, из которых верхний несет на себе изображение процессии из 23 одетых в хитоны лиц, предстоящих, с большими кубками в руках, перед сидящей на стуле без спинки такой же фигурой, с деревом за спиной, трехногом жертвенником, высоким сосудом и двумя длиннохвостыми животными (собака?) впереди (табл. XCII), а нижний—ряд следующих друг за другом девяти оленей, попеременно, самцов с тяжелыми рогами и самок без рог.

Точно такой же ряд оленей изображен и в нижнем ряду композиции на ведерке. К сожалению, сохранилась лишь одна сторона ведерка, и то не вполне, тогда как другая его большая половина разрушилась полностью. Поддавшаяся реставрации часть стенки покрыта сплошь профильными фигурами животных различных представителей местной охотничьей фауны, среди кустов и деревьев (табл. XC и LXXXIX): козлов, серн, козулей, оленей двух

* Отчеты о последних раскопках на озере Ван, произведенных в 1939 году Гарвардским университетом, еще не опубликованы.

видов, кабанов, густо заполняющих всю поверхность, подобно тому как мы это имеем на египетских палетках, золотой рукояти кремневого ножа, на луврской (АО 9386) каппадокийской таблетке с охотничьей сценой (293) и других подобных памятниках, далекое отражение которых уже в эпоху поздней бронзы на Южном Кавказе возможно усмотреть в золотом полом цилиндре из погребения с конем в Арчадзоре с типичной сценой преследования копытных животных хищниками, хватающими их за круп (294), как на вышеупомянутых образцах.

Наконечники стрел, воткнутые в грудь некоторых животных на нашем ведрке, показывают, что мы имеем здесь дело с частью охотничьей композиции, от которой сохранилось лишь изображение охотничьей фауны. Нас в данный момент особенно интересуют тяжелорогие олени. Сравнивая ряд их, изображенный на ведрке, с тем, который находится на кубке (рис. 93), не трудно убедиться, что здесь мы встречаемся не только с памятником одного и того же художественного круга, но что ряд оленей на кубке и ведрке восходит к одному и тому же художественному прототипу, хотя на ведрке мотив идущих друг за другом оленей составляет часть обширной композиции, а на кубке выделен в отдельный фриз, в связи с горизонтальным членением его поверхности, как на ранне-династической египетской палетке с ослами. При этом и приемы художественного воплощения на кубке значительно изменяются, сравнительно с ведрком, в сторону канонизации формальных элементов и потери связи с зрительным восприятием. Действительно, вместо более непосредственной и жизненной передачи наблюдений природы, что чувствуется еще в свежем рисунке идущих оленей на ведрке, на кубке мы видим этот же самый ряд оленей, но перенесенным сюда в готовом виде с явной схематизацией не всегда понятных деталей первоначального образца, хотя и не в ущерб общей монументальности фигур животных.

Подобная зависимость между некоторыми изображениями на кубке и на ведрке заставляет считать первый несколько более поздним художественным продуктом, чем второе, а вместе с этим полагать, что курган № V с погребением на грунте моложе, чем богатейший курган № XVII с колоссальной могильной ямой, давшей упомянутое ведрко. Это, правда, до некоторой лишь степени в состоянии подтвердить последовательность перехода в Триалети от ямных погребений к безъямным, а не наоборот. В остальном курганный инвентарь ямных и безъямных погребений с керамикой второй, а также и третьей группы кажется принадлежащим к одному монолитному комплексу, тяготеющему к весьма ранним малоазийским, отчасти, эламским и месопотамским образцам и чуждому каким бы то ни было отражениям со стороны позднее развившихся ассирийского, ванского или ахеменидского искусства. В этом отношении очень показательна сопоставленная нами уже с ранне-египетской архаичная композиция охотничьей сцены на ведрке, напоминающая также каппадокийские и эламские печати с густым заполнением пространства непересекающимися фигурами целых животных, иногда и их частей (голов, окороков), в разных планах среди деревьев, трактовка которых находит пока почти единственную аналогию в группе деревьев на вышеупомянутой ранне-династической палетке с ослами, отчасти в дереве на майкопской чаше, и не имеет ничего общего с изображениями деревьев в ассирийском искусстве. То же можно сказать и относительно формы священного дерева на кубке, полностью совпадающей с рисунком деревьев на ведрке.

Отсутствие людских персонажей, разрушенных на ведрке, восполняется кубком, художественная зависимость которого в трактовке оленей от ведерка заставляет предполагать, повидимому, еще и более глубокую смысловую связь между обоими памятниками. От возможности в дальнейшем правильно интерпретировать эти изображения и сцены зависит, особенно при отсутствии письменных и глиптических памятников, возможность наиболее глубоко войти в понимание эпохи и характера этой неожиданно открывшейся нам на территории Грузии древней высокой культуры. Сейчас мы в состоянии только высказать лишь некоторые предположения, которые смогут в известной степени помочь прежде всего хронологическим установкам.

Если действительно изображение охоты на ведрке и процессия на кубке, сопровождаемая оленьим фризом, принадлежит одной группе религиозных представлений, то естественнее всего видеть здесь культовую сцену, связанную первоначально с чисто охотничьим божеством. На это указывает и то обстоятельство, что предстоящие персонажи все снабжены спускающимися сзади пушистыми волчьими хвостами, подчеркивающими отношение изображенного ритуала к природной стихии диких животных. Однако, явно оседлый животноводческо-земледельческий характер триалетской курганной культуры, как это можно видеть по многочисленным остаткам домашних животных в погребениях, быка, мелкого рогатого скота и свиньи, а также по высокому уровню керамического производства, заставляют рассматривать первоначальное охотничье божество, если не в вполне трансформированном виде, то, во всяком случае, в условиях уже не охотничьего хозяйства. В таких случаях прочнее всего удерживаются черты, связанные с размножающей силой лесного божества — хозяина зверей, и сохраняется значение его, как возродителя природы, с выдвинутыми функциями растительного роста и плодородия. Поэтому на кубке позади главного персонажа, сидящего на троне в форме табуретки, мы видим изображение священного дерева или дерева жизни, с вытекающими из под ствола двумя струями воды. Это как бы сосна Атиса или растущий у воды кедр Озириса-Бата (297), к мифологическому образу которых имеет отношение и шакаловидный бог Анубис (298), или, как подсказывает академик В. В. Струве (299), это кедр владыки горного леса Хумбабы, страшного противника Гильгамеша и звероподобного Энкиду, вавилоно-хурритского эпоса.

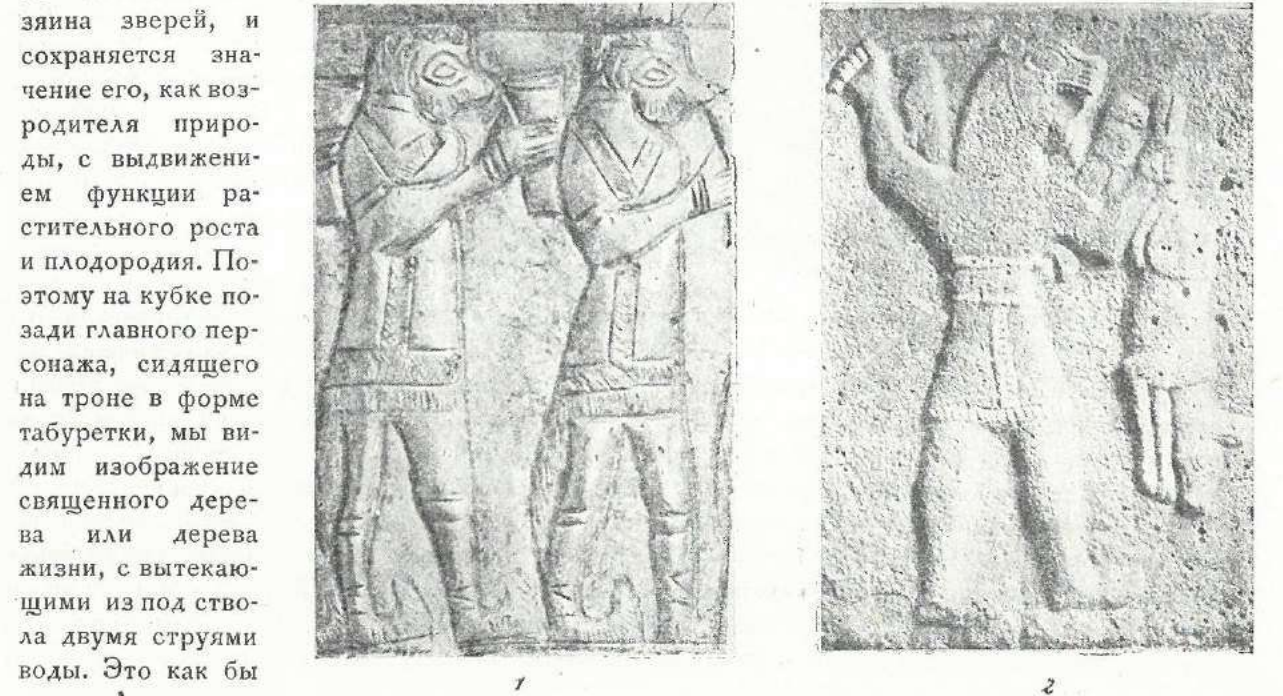

Рис. 94. Фигуры с культовой сцены на серебряном кубке из Кургана V (Цалк. р-н) и хеттский каменный барельеф из Каркемыш.

Все члены процессии на кубке одеты в короткие, отороченные бахромой, разрезные с подола до ворота запахивающиеся хитоны без пояса (300), узкие ноговицы и обувь с загнутыми вверх носками (301), то есть костюм, хотя и своеобразный, но с чертами одежды сиро-хеттского культурного круга (рис. 94). Туда же тяготеет и композиция с длинной вереницей однородных фигур, подобно как на скальных барельефах в Язили Кая, с головами, повернутыми исключительно в профиль, что Герцфельд (302) отмечает, как характерную черту и для архаического выпукло-чеканного фриза с праздничной процессией на бронзовом сосуде 3-го тысячелетия из Нигавенда, где однако позы и движения персонажей, изолированно расположенных друг за другом, отличаются некоторым разнообразием, подобно как и на мозаичных штандартах из Ура. Только еще в древнем египетском ис-

кусстве можно находить примеры изображений длинных процессий из десятков совершенно одинаково трактованных профильных фигур, однако частичное пересечение между ними не избегалось там даже на древнейших памятниках.

Лица на нашем кубке, кажущиеся с первого взгляда звероподными масками, на самом деле могут являться просто грубым, соответственно вышеотмеченной манере чеканки оленнего фриза, воспроизведением хорошо известного по барельефам из Зенджирлы „хеттского“ профиля с сильно выступающим носом и маленькой бородкой на уходящем назад подбородке (рис. 95). Что лица здесь действительно человеческие, подтверждается заметным у некоторых фигур положением рта и очертанием уха, не выступающего вверх, а отмеченного за задним углом крупного глаза*. Таким образом, хвосты, которыми снабжены все персонажи, могут иметь здесь такой же характер пережиточно сохранившегося в costume ритуального атрибута,

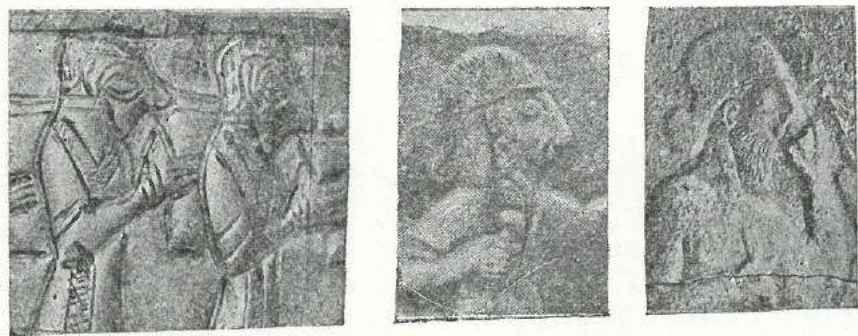

Рис. 95. Профили лиц с изображений на серебряном кубке из кургана V и на каменных барельефах из Зенджирлы.

как волчьи же, ливийского происхождения, хвосты на облачении египетских фараонов.

Все это, указывая на сильное разложение охотничьего мировоззрения, в то же время не оставляет сомнения в первоначально волчьей тотемической основе, взрастившей ин-

тересующее нас культовое изображение. На этом основании возникает вопрос, не принадлежит ли кубок, так называемому, волчьему народу Малой Азии, лувийцам (ливийского же происхождения по Фореру) (208), идеограмма которых UR.BAR.RA, по-сумерски читается „волк“, „чужая собака“, тем более что и хеттско-несийское наименование лувийцев lu-u-i-li, этимологически сближается с латинским lupus „волк“, как и имя другой малоазийской народности ликийцев (Lukki?) (381) с греческим λυκος, тоже волк (303). Однако приурочение кубка к этим народностям, локализуемым в западных и южных частях Малой Азии, если не видеть в дупенах Плиния (VI₂₈) лувийцев (357), вряд ли правомерно, поскольку, с одной стороны, кубок, тесно связанный со всем остальным богатым триалетским курганным комплексом,

* Во всяком случае наиболее спорна попытка П. Н. Ушакова, в только что появившейся интересной и содержательной статье о генезисе индоевропейских и картвельских языков (309), увидеть здесь маски животного, почти лишенного глаз, именно крота, исходя из неизбежающего представления о родстве латинского названия крота talpa с именем протохеттского бога весны и растительного возрождения Telibinu (292). Последнее исключается ясной протохеттской этимологией этого имени, что легко видеть из сопоставления Telibinu или Telipinu с Hetebinu, именем его супруги, и Helibinu, именем другого бога, где выделяется основа binu (или pinu), по-хаттски „дети“ (311). В слове le-, li- легко узнать протохеттский префикс множественного числа, а te-, ti- имеют, видимо, то же значение местоимения или предлога, как в названии древних малоазийских городов Ti-uga и Ti-li-uga, которые Форрер (324) переводит „(город) источника“ и „(город) источников“. Следовательно Te-li-binu можно переводить „(бог) детей“, как-бы в смысле плодородия или возрождения.

Таким образом, если даже изображение на кубке окажется относящимся к протохеттскому Телипину, культ которого, судя, быть может, по сванскому фаллическому празднику плодородия с восклицанием „melia teleria“ (согласно свидетельству этнографа свана Арсения Ониани) или „melia tuleria“ (согласно акад. А. Г. Шанидзе), чему И. А. Джавахишвили дал (356), правда, иную этимологию, исходя из грузинского и дагестанских языков, и по некоторым географическим названиям, например гурийскому названию Чохатаурского хребта Талебской горой tolebis mda (126) (возможно вместо tolebnis, как dabis вместо dabnis от dabaj < *dabani—„ее-ло“ (317) или же по аналогии с окончанием род. мн. числа), а также колхидской крепости Τηλεβης (Agath. II, 20—22), с которой проф. С. Г. Каухчишвили (295) отождествляет остатки крепости у сел. Талеби, мог иметь место в Грузии, то конечно, без всякой связи с кротом.

является чисто местным изделием, а не импортной вещью, с другой—сама распространенность пережитков волчьего тотема в Малой Азии и на Южном Кавказе значительно выходит за пределы местообитания лувийцев и ликийцев. Так Н. Я. Марр указывал по другому поводу, что в определенных стадияльных условиях, сохранявшихся еще в эпоху христианизации и в Каппадокии, и Армении, и Иберии—Грузии, „массовое население, увязанное тотемически с предшественниками хеттами и халдами“, пользовалось широко волчьими именами. В этом отношении может представлять интерес, что основа этнических наименований западных грузин,—гурийцев (gu'ov—*gwer'ov)*, мегрелов (первично me-ger'ov и имеретин-имеров (iber'ov—*hiber'ov—*hwer'ov—*gwer'ov), а именно: ger—gwer*—созвучна в мегрело-чанском языке слову „волк“, geri, gweri. На этом основании Н. Я. Марр полагал возможным видеть и в сказочном мегрельском герое Geia не простое нарицательное слово „волчонок“, а эпонима мегрельского народа, поскольку и форма этого слова является формой фамильных и племенных названий. Эти моменты, так же как и живучесть по всему Средиземноморью преданий о волкоголовых, собакоголовых людях (296), даже христианах, кинокефалах и „кинетах“ (Κυνητες), вскрывают в известной мере ту идеологическую атмосферу, на более ранних стадиях развития которой происходило оформление ритуальной сцены на серебряном кубке. Вспомним хотя бы рассказ в апокрифическом хождении ап. Андрея и Варфоломея к парфянам и эламитах, как, при помощи человека, из земли

* Выяснение одной общей основы *gwer в различных наименованиях западно-грузинских племен было сделано Н. Я. Марром еще в 1905 году (304), когда им была устранена народная этимология названия Имеретии в смысле страны „по ту сторону“ и установлена полная, более древняя форма imer именно: *himer, gsr. *hiber, *hwer, откуда и произошло древне-греческое название Грузии Ἰβηρία—Иверия. Диалектическая разновидность этого термина *gwer с подъемом h в g претерпевает дальнейшие видоизменения или через слияние ve в u (gu), или через выпадение v (ger). Та и другая форма находится в местных географических названиях. Первую мы видим в имени Guria Гурия из *Gveria с окончанием подобным как в Ἰβηρία, а также в сирийском, арабском и средне-персидском названии грузин gur-zan, gurž, gurž с суффиксом племенных названий ž gsr. ž, откуда по Н. Я. Марру и происходит русская „Грузия“ (< *Gur-ziya) и европейская „Georgia“. Та же основа находится в названии главной реки Мегрелии Ингур Inguri, Enguri, образованном (с префиксом места lhi ~ si и обычным в мегрельском языке носовым наростом, то есть по И. Кипшидзе (310) в значении страны gu'ov, gwer'ov—Мегрелии. Другим названием Мегрелии, известным в устах соседей, древних армян, является параллельное образование от второй формы той же основы—Eger bqr, сохраняющееся в иной огласовке и с позднейшим перебоем g в ž в наименовании Аджария Аџага. Этот же термин с утратой беглого e встречается в древне-грузинском названии всей Западной Грузии Egrisi ეგრისი и в древне-армянском грецизированной названии Мегрелии Egr-ew-iki եղբայրիկ (306) (у Птолемея V 9,4, Εγκριτικη, у Плиния VI 14 Кегритика Segritice (307), где по мнению акад. С. Н. Джанашиа (303) мы имеем перенос нароста k в последнем слове основы в начало слова), в котором слово egr-ew без греческого суффикса—иш является полностью параллельным образованием современному абхазскому названию мегрелов с обычным абхазским префиксом a- и показателем множественности -wa agr-wa (306). В Имеретии и Мегрелии также сохранились следы этих форм в географической номенклатуре, но с характерным перемещением внутри основы gr, gvr, поскольку в мегрельском звук r склонен даже к наросту перед задне-небным g, как A-rgv-cdi (310) (название провинции в Имеретии) из *A-gver-cdi, E-rg-eta (местечко к востоку от Анаклии) из *E-gr-eta (303). Подобный же перемещенный характер основы имеет и само название мегрел с типичным грузинским префиксом m, возможно, согласно акад. А. Г. Шанидзе, еще чано-мегрельского происхождения, хотя, судя по суффиксу al оно скорее является, по его мнению, картвельским, m-a-rg-al, из *m-a-gr-al, в каком виде это наименование сохранилось в названии народности manral (с очевидной ошибкой при переписке r вместо γ 312) в стране Екриетике. Картвельское название мегрел m-egr-eli явно обнаруживает свое происхождение, по свойству грузинского языка, от Egr, Egrisi, как на это указал еще К. П. Патканов (подобно m-egypt-eli египтян от Egyrte). Сами мегрелы чаще применяют к себе совсем иной термин odsh-an, формально состоящий из названия страны o-dsh-i и чано-мегрельского суффикса происхождения -an (эквивалента картскому -el 313). Происхождение основы, остающейся по удалении мегрельского префикса места o-, неясно. Н. Я. Марр (314) сопоставлял ее с основой в самоназвании черкесов adage зигов или зиков (Ζυγοί, Ζιχοί) древне-греческих авторов (десибилация ž в d и перебой x в ш, подобно как φχοί ныне φσάβι пшавы), что, однако, встречает возражения формального характера, хотя наличие на этой территории предшествующего мегрелам северо-кавказского, генетически родственного грузинам, племенного слоя вполне подтверждается, как топонимическими изысканиями, так и общими этногенетическими соображениями (315).

кинокефалов, у которого голова песья, язычники уверовали в бога и как этот кинокефал, названный христианином, пожрал в театре перед народом двух львов и навел на всех ужас (305).

Труднее судить о содержании композиции на кубке. В паратактическом расположении фигур легко усмотреть идущих с дарами, но сидящее лицо держит в руках близ рта такой же предмет, именно, высокий сосуд, как и все остальные, поэтому скорее мы имеем здесь изображение ритуального пиршества с принятием питья, вероятно приготовленного из растительных зерен, орехов или плодов, на празднике в честь божества плодородия, снабженного атрибутами владыки леса (дерево, олени, широкий сосуд на подставке в форме ног двукопытного животного).

Обращает при этом на себя внимание полная однородность костюма, как у всех стоящих персонажей, так и у сидящего, что может свидетельствовать о слабой социальной дифференциации в обществе, оставившем эти памятники; это наблюдение подтверждается отчасти и характером погребального обряда, лишенного каких бы то ни было намеков на существование рабов, следующих в могилу за своим господином, что наблюдается, например, в камерных (царских) гробницах Ура и, в конце еще додинастического периода, в Египте и что предполагает Я. И. Гуммель для раскопанной им группы курганов с бревенчатым накатом эпохи поздней бронзы около Ханаара (316). Следовательно, несмотря

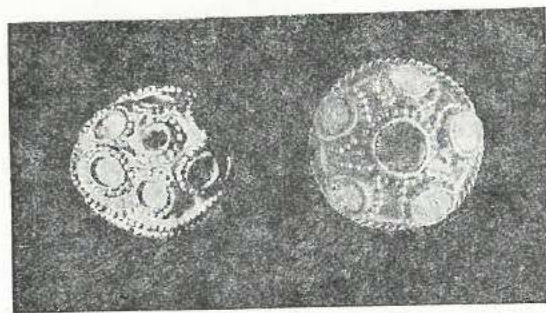

Рис. 96. Микенская золотая буса (из Вафио) 1500 г. до нашей эры и золотая головка булавы из кургана (Триалети).

на ярко выраженное экономическое превосходство группы лиц, погребенных с драгоценным инвентарем, и, несмотря на высокий уровень ювелирного искусства и вазовой росписи, нет еще оснований говорить о классовой структуре общества, оставившего эти памятники. Напротив, естественнее всего думать, что мы имеем здесь дело с доклассовым, еще демократическим обществом, подобным крито-микенскому с выделившейся родовой аристократией и вождем, по типу базилевса „героического периода“ Греции и восначальника ацтеков в древней Мексике (340).

Из принадлежащих к этим же погребальным комплексам драгоценных предметов совершенно исключительное место занимает найденный, вместе с серебряным орнаментированным ведром, роскошный кубок из червонного золота, украшенный сканью, зернью и вставными камнями, бирюзой и светло-розовым сердоликом (табл. ХСIII). Этот кубок, не находящий себе аналогии среди известных памятников древне-восточной тореветики, представляет замечательнейший пример ювелирного искусства бронзовой эпохи Грузии. Изготовлен кубок из одного куска золота, выкованного первоначально в виде овальной формы узкогорлой бутылки, донная половина которой была затем вдавлена внутрь, на подобие стенок мяча, так что получилась глубокая чаша, с удвоенной стенкой, на ножке, в которую превратилась бывшая шейка бутылки. Отверстие ножки после этого было запаяно ажурным прорезным доннышком, украшенным затем, как и вся наружная поверхность кубка, гнездами для камней, обрамленными сканью и зернью. Декорация стенок кубка была изготовлена отдельно в виде вырезанной крупными спиральными волютами золотой аппликации, на которую и напаялся весь узор. Готовая аппликация накладывалась на поверхность сосуда плотно, но свободно, и закреплялась лишь в отдельных местах по краям помощью язычков, уходивших под припой двух отдельных узкозубчатых бордюров.

Мотив спиральных волютов соответствует узору на находившемся в этом же кургане богато расписанном крупном глиняном сосуде (табл. LXXVII), составлявшем вместе с ведром

ком для черпанья и кубком для питья как бы отдельный парадный сервиз погребенного. Сходство узора на золотом кубке и глиняном пифосе может являться одним из явных доказательств местного изделия кубка, так как иначе пришлось бы предполагать или производное происхождение расписных глиняных крупных сосудов, что совершенно невероятно, или же считать, что на местной керамике получили отражение чуждые мотивы случайно попавших сюда драгоценных предметов. Однако последнему противоречит то обстоятельство, что ни тип валют, растущих из широкого основания, ни более сложный характер композиции на глиняном сосуде с характерным учетом в узоре не только формы темного рисунка на светлом фоне, но также и светлого, просвета как в двусторонних узорных тканях, не выводимы из спиральной орнаментации кубка.

По полихромной декорировке к кубку прилегают золотые головки серебряных булавок (табл. ХСVII), найденных в том же кургане и в кушинском кургане № XXXVI с погребальным залом, и, особенно, крупная шаровидная буса золотого ожерелья (табл. ХСV), происходящего из безъямного кургана № VIII с керамикой, отнесенной нами к третьей группе. Эта последняя роскошная буса (табл. ХСIV), размером в очень крупный грецкий орех, несет на себе такие же гнезда с цветными камнями (оранжевый сердолик) и зерневое обрамление, как и кубок, что указывает на несомненное родство и сравнительную хронологическую близость обоих памятников.

Полихромная буса из кургана № VIII находит себе аналогию, только в более бедном образце, в бусе новомикенской эпохи из Вафио (Греция), датируемой временем около 1500 лет до нашей эры и также украшенной гнездами для вставных камней и зернью (рис. 96) (318). В более древнее время в шахтовых могилах Микен зернь едва зарождалась, хотя в Трое техника грануляции наблюдается уже на пуговках и серьгах „калачиком“, относящихся к шлимановскому кладу, то есть ко 2-ому городу, а на Крите отделка, правда, лишь одиночными зернами существует на золотой головке из некрополя Агиос Онуфрий близ Феста, датируемой имитацией египетской печати VI династии концом III тысячелетия до нашей эры (319). Наиболее ран-

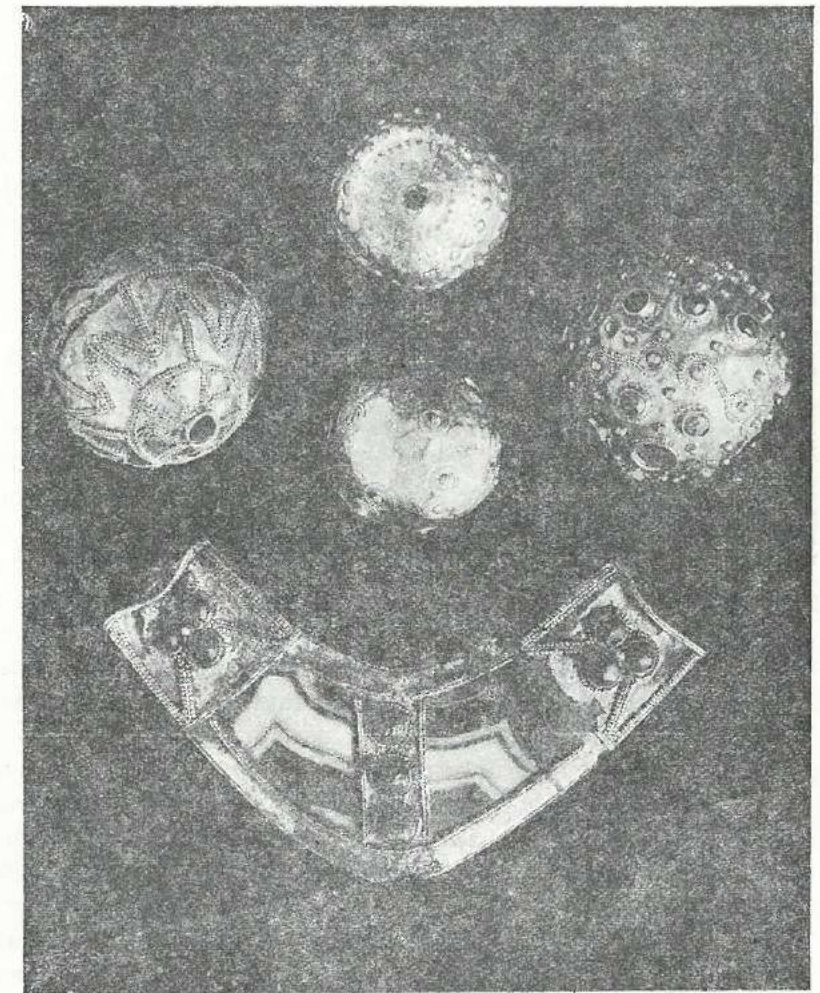

Рис. 97. Агатовый кулон в золотой отделке и золотые бусы из кургана VIII (Триалети).

ние примеры зерновой и филигранной техники, в частности и накладки двуспиральных завитков „восьмерками“ из проволочек, как на наших бусах, происходят из царских гробниц в Уре, начала III тысячелетия до нашей эры (320). Но филигрань преобладает там над зернью и примеров крупных шаровидных бус в Шумере не имеется. Это не позволяет нам уводить слишком далеко вглубь указанную триалетскую бусу, тем более, что найденная вместе с ней другая, такого же размера, буса отличается применением исключительно зерновой орнаментации (табл. ХСVI).

Однако, несмотря на сказанное, мы не можем опасаться преувеличения возраста нашего ожерелья, отнеся его в первую половину второго тысячелетия до нашей эры, так как принадлежащий к ожерелью агатовый кулон в золотой оправе явно ведет нас к шумерским традициям, поскольку он поразительно удерживает на себе особенности агатового кулона из древнего Урука (Эреха) середины III тысячелетия до нашей эры (рис. 97 и 98) (321). Кулон этот, открытый немецкой экспедицией в дверях башни—сиккурат зимой

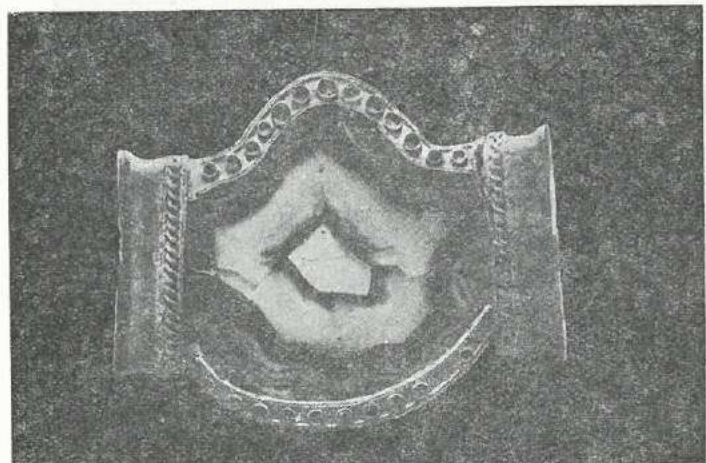

Рис. 98. Агатовый кулон в золотой отделке из ожерелья жрицы Аббабашти в г. Уруке, эпохи урского царя Шусина первой половины III тысячелетия до н. э.

агата просверливается вдоль узким канальцем для нити ожерелья.

Найденные совместно с кулоном и ожерельем большого размера золотые височные завитки (табл. ХСVIII), одеваемые видимо на косы, близко соответствующие золотым полым завиткам из „царских“ погребений в Аладжа Эйюк, являются также, в таком случае, блестящим развитием шумерских золотых завитков из „царских“ погребений в Уре (рис. 99 а, б) и, отчасти, крупных спиральных ушных колец с ладьеобразными расширениями оттуда же (РС. 1237) (322).

Шумерские аналогии могут быть и еще продолжены, указывая во всяком случае на пропитанность обнаруженного в Грузии древнейшего культурного очага очень ранними традициями ювелирного мастерства, общего по своим приемам с древним южно-месопотамским. Так, например, обращает на себя внимание трубчатая форма закрепа для дужек нашего серебряного ведерка, заставляющая вспомнить типичные „tubular handle rings“ шумерской металлической посуды, или характер изделия золотой фигурки козла или оленя (рога не сохранились) из кургана № V с той же техникой обкладывания деревянной основы золотым кованным покровом, несущим на себе моделировку тела животного, как на знаменитых стоящих на задних ногах у священного дерева урских козлах (рис. 100) (323), древнейших прототипах этой техники, получившей затем широкое распространение. Любопытно, что и устройство глаз на триалетской фигурке соответствует типичному приему шумерских скульпторов вставлять глаза помощью скорлупчатых битумных капсул, которые прекрасно сохранились в нашем случае, хотя самые зрачки выпали (рис. 101),

Серебряный кинжальный клинок (табл. CV) тонкой работы, найденный в кургане с золотым кубком, также вызывает в памяти царские гробницы в Уре, где оружие, в частности и кинжальные клинки, из драгоценных металлов являются принадлежностью богатых погребений более древней группы. Позднее применение серебра для изготовления оружия наконечников копий и кинжалов распространилось и в восточном Средиземноморье, в крито-микенской культуре эпохи средней бронзы (325). Наконец, огромный интерес в этом отношении представляет и найденная в одном из ямных курганов под каменной насыпью деревянная колесница. Сопровождавшие погребение с колесницей прекрасной работы кинжальный клинок, подобный серебряному из кургана с золотым кубком, два крупные золотые завитка, лишь более тонкие сравнительно с вышеописанными из кургана с ожерельем, а также керамика (табл. СIХ) делают несомненной принадлежность и этого кургана к одной общей рассматриваемой нами здесь группе Триалетских курганов эпохи средней бронзы.

Колесница с четырьмя равной величины (около 1,15 метра в диаметре) вращающимися на оси колесами без спиц, долбленными из дерева (дуба), с коротким расстоянием между осями и верти-

Рис. 99. Золотые завитки; 1, 2—царские погребения в Уре; 3—погребение в колеснице (Триалети).

кально поднимающимися стенками кузова (табл. CVII) находит замечательную аналогию опять-таки в Шумере, где подобные деревянные колесницы были обнаружены в двух погребениях того же урского некрополя, ранне-династической эпохи (рис. 102) (326). Шумерские колесницы, подобно нашей, обладали колесами, составленными из трех кусков, правда не помощью шипов,

а наружных шпон и не с прямолинейными, а криволинейными швами. В то же время наши колеса чечевицеобразной формой с выступающими ступицами близко напоминают колеса миниатюрных глиняных изображений из Киша (327), а также бронзовую модель четырехколесной колесницы Стокгольмского Музея из Сирии, датируемую временем около 2000 лет до нашей эры (рис. 103) (328). Подобные же глиняные колеса от миниатюрных повозочек были находимы, в очень близкой форме, и на Кавказе в ранне-металлических слоях, например, А. П. Кругловым в Дагестане, в энеолитическом холме Шреш Блур в Армении (рис. 104). На территории Южного Кавказа колесницами с совершенно такими же колесами продолжали пользоваться еще и много позднее. Так на западном побережье Севанского озера у с. Адиаман Лалаяном была обнаружена хорошо сохранившаяся, види-

Рис. 100. Голова козла из листового золота на деревянной основе из царских погребений в Уре.

мо, четырех-колесная колесница (330) с прекрасно орнаментированным деревянным верхом, вместе с упряжными под ярмо быками, в кургане с коллективным ящичным погребением, содержащим обычный инвентарь поздней бронзовой эпохи (бронзовые втульчатые вилы, два кинжала с ажурными головками, узколезвийный нож с отогнутым концом, девяти-шишечная булава, бронзовый погремок в форме козла и керамика).

При всем этом рассмотренном мною ряде соответствий нельзя не констатировать и крупнейших отличий триалетских памятников от шумерских. Так мы не знаем в южной Месопотамии, среди драгоценной посуды таких форм, как оба наших кубка, серебряный и золотой на полах ножках. Совершенно чужды всей древне-восточной торевице конические ведерки с дужкой, типа нашего серебряного украшенного золотом ведерка с изображениями охотничьих животных. Отсутствует среди обширного материала из царских гробниц в Уре и вообще среди известных древне-восточных памятников самый обычай украшать золотую посуду зернью, филигранью и вставными камнями. Нет, как мы говорили, там и крупных шаровидных орнаментированных золотых бус. Все это вполне понятно, если учесть значительно более поздний возраст наших памятников, включающих в свой состав такие типы бронзового оружия, как прекрасной работы втульчатое копье (табл. CVI),

Рис. 101. Деталь золотой скульптуры козла (?) со скорлупчатыми вставками для глазных зрачков из кургана V (Триалети) и деталь шумерской скульптуры (портрета в камне), со скорлупчатыми вставками для зрачков.

которое могло появиться на Южном Кавказе во всяком случае не ранее конца первой половины 2-го тысячелетия до нашей эры. Действительно, как известно, листовидные втульчатые копья совершенно чужды культурам древнего Востока: Индии, Египту, Месопотамии, Кипру и Малой Азии. В Сирии, только, втульчатые бронзовые копья, довольно примитивного типа, стали известны недавно из раскопок в Рас-Шамре, где они были обнаружены в некрополе 2-го слоя, который датируется, на основании находок египетских изделий, начиная с XII династии и кончая периодом гиксов, первой половиной II тысячелетия до нашей эры (332). В Эгейском мире древнейшие образцы такого копья восходят, по Г. Чайльду (321), только к третьей ступени средне-минойской эпохи, то есть к промежутку между XVIII и XVI веками. В Микенах оно впервые появляется начиная с XVII века. Найденное в IV шахтовой гробнице в Микенах бронзовое втульчатое копье отличается уже изящной формой. В Трое же оно известно лишь в единственном грубоватом экземпляре только из VI города. Зато в Италии втульчатые копья более обычны и появляются уже в террамарах, то есть в конце первой четверти II тысячелетия до нашей эры. К этому же приблизительно времени, именно к древней ступени европейской бронзы, относится и распространение их в западной и центральной Европе, в частности в Придунайских странах. Напротив, в Иран, как можно судить по раскопкам в Тепе Гиссаре (333), втульчатое копье проникает во всяком случае не ранее второй половины II тысячелетия. Только постепенно оно сменяет там широко распространенное на всем Переднем Востоке типичное копье со стержнем, кончик которого обычно загнут в древке (рис. 8 и 9). Этот последний тип копья, хорошо известный по многочисленным находкам в Иране, Шумере, на о. Кипре, в Малой Азии (в частности в погребении Т. М. в Аладжа Эйюк с отверстиями в листе по сторонам как в Амаргосе) (380), в Трое и пр., как мы видели выше, в вводной главе, оставил свой след и в Грузии, проникнув на Северный Кавказ, где характеризует древний этап бронзовой культуры.

Поскольку же втульчатое копье и на Северном Кавказе появляется лишь в конце бронзовой эпохи, мы не можем предполагать существование его на Южном Кавказе в эпоху более раннюю, чем VI город Трои, IV шахтовая гробница в Микенах, террамары Италии и средне-европейский Унециц. Этим и определяется хронологически цветущий период курганной культуры Триалети с широким развитием зерневой ювелирной техники и западными формами бронзового оружия, связанного, по видимому, с средиземноморскими путями передвижения олова (334).

Следует напомнить, что курган, в котором находилось втульчатое бронзовое копье, принадлежал по керамическому комплексу к первой группе, то есть заключал в себе красную расписную керамику (табл. LXXXI и LXXXII). Это обстоятельство явно не позволяет принимать отмеченное сходство этой керамики со 2-ым эламским стилем за непосредственно датирующий фактор и безоговорочно относить ее к значительно более древнему возрасту, чем вторую нашу группу с росписью по беловатому ангобу. Во всяком случае хронологическое расстояние между той и другой курганной группой не может быть значительным. Сопровождающий их обе драгоценный инвентарь, при всей указанной выше разнице, обладает и несомненными точками соприкосновения. Так, характерная обработка дна золотой и серебряных чашек первой группы путем проковки и вытягивания на вращающемся станке оказывается в наличии и на серебряной кружке с припаянной дугообразной ручкой, украшенной накладным проводочным витым шнурком, из кургана XVI, с керамикой второй группы. В то же время са-

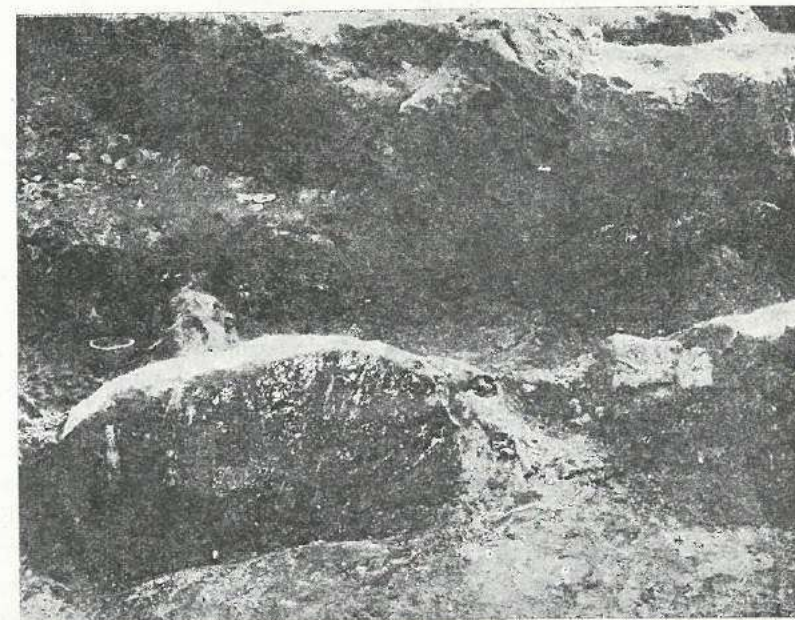
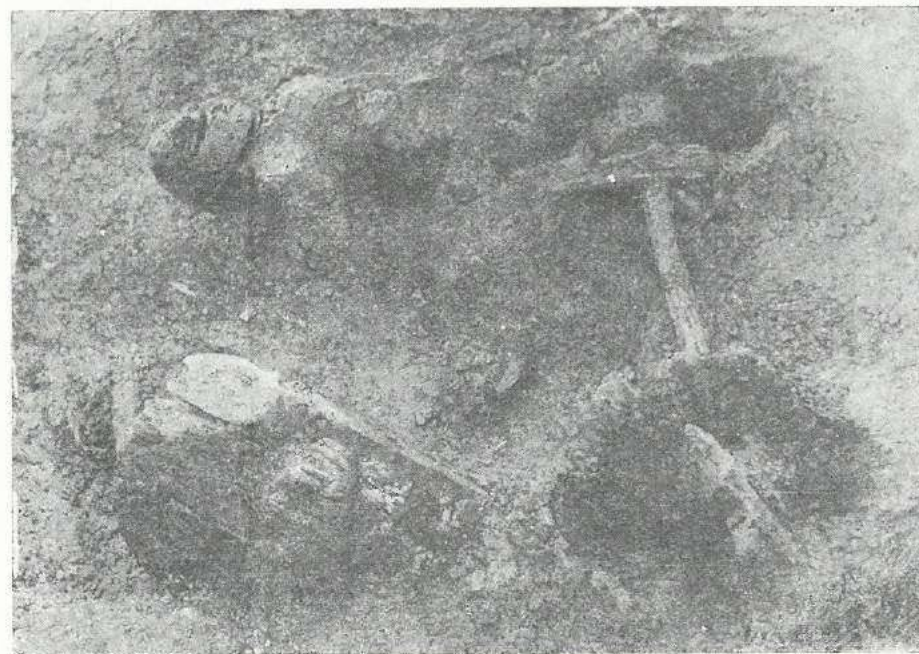

Рис. 102. Деревянная четырехколесная колесница in situ; а—в кургане XXIX (Триалети) и б—в царском погребении в Уре.

ма эта техника, не представленная еще в Шумере, кажется более прогрессивной, чем простая, хоть и необычайно искусная,ковка драгоценных кубков из курганов с керамикой,

расписанной по светлому ангобу. Происхождение этой техники принадлежит эпохе, когда опыт гончарного круга сумел вызвать мастеров по золоту обращаться с пластическими свойствами драгоценных металлов, как с глиной, в то время как раннее мастерство сверления и точки каменных сосудов, обнаруженных еще в неолитических слоях додинастического Египта, начинало собою совсем

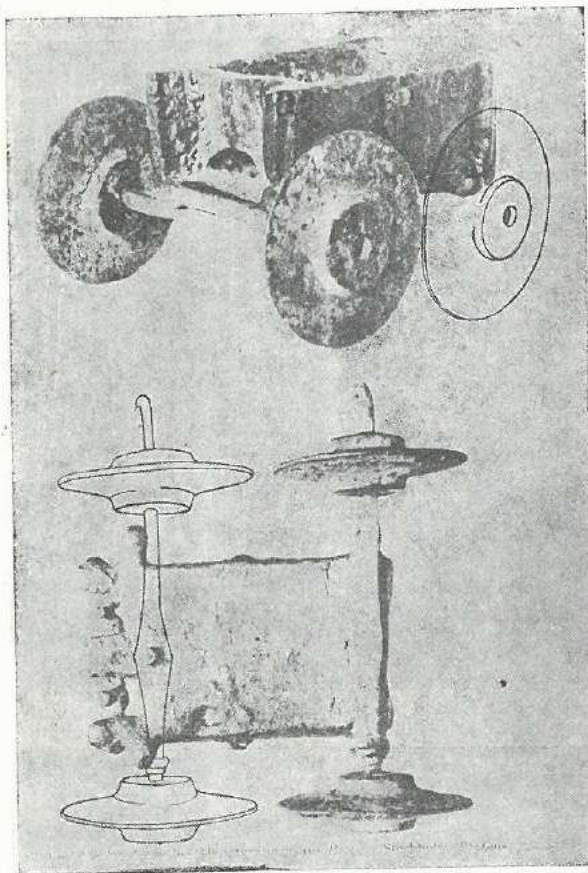

Рис. 103. Бронзовая модель четырехколесной колесницы из Сирии (Стокгольмский Исторический музей инв. 14305).

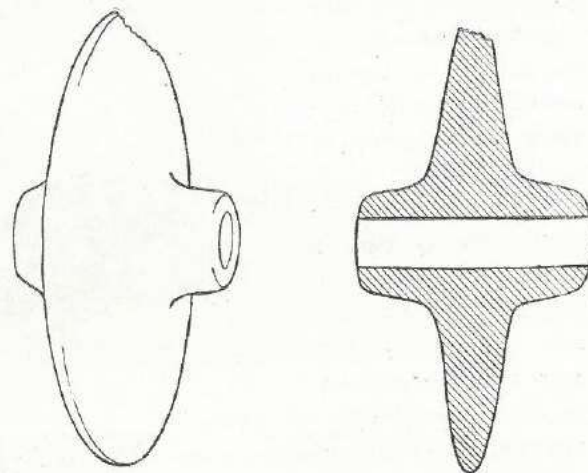

Рис. 104. Глиняная модель колеса с выступающей ступицей и круглым отверстием для оси из энеолитического холма Шреш-Блур близ Эчмиадзина (Ереван, Гос. Музей Армении). В 1/2 натур. величины.

другое направление в выделке сосудов, с потерей материала, приведшее лишь очень поздно, в греко-римское время, к токарному станку по бронзе. К сожалению, имеющийся в моем распоряжении материал не дает возможности установить более точное время появления в древне-восточной торежке нашего приема вытягивания металла на вращающемся станке.

На сравнительную хронологическую близость друг к другу описываемых курганных типов указывает и присутствие в тех и других, как мы выше говорили, металло-пластически обработанных изделий из тонкого золотого листа, часто наложенного на бронзовый (рис. 105). Такого рода изделия, состоящие из круглых блях (табл. СШ) различного размера трубок (табл. ХСУШ), повидимому облежавших трости или шнуры различной толщины, и особых конической формы барабанов с отверстиями для подвешивания кистей (табл. ХСІХ), повидимому, могли служить в качестве бутафорского убранства погребения, в частности, вероятно, штандарта, как можно судить по взаимному сочетанию этих предметов в кургане № XV (табл. LХVI) с керамикой первой группы. Здесь указанной формы золотой барабан отличается лишь своеобразным характером орнамента, состоящего из широкого меандрового пояса и крупного фриза с четырьмя грубо стилизованными в рельефном силуэте львами, обращенными попарно открытыми пастьми друг к другу (табл. С). На верхней крышке барабана находятся спиральные волюты, близкие по форме спиральной аппликации на золотом кубке из кургана № XVII, относимого нами по керамике ко второй группе.

Подобного типа изделия были находимы и вне Триалети в сопровождении инвентаря, соприкасающегося по времени с нашим, как например, несколько более поздняя круглая, тонко плакированная золотом, бронзовая бляха, принадлежащая погребению в Шахтахты

Рис. 105. Золотая орнаментированная штампованным круговым узором обкладка из кургана XVI (Триалети). В натур. велич.

(Нахичеванская Автоном. ССР), с замечательным полихромным сосудом (338), и золотые (а также серебряные) пластинки, сопровождавшие любопытную случайную находку (рис. 106) в неисследованном еще могильнике в Узуняре (р. Дебеда-чай) (335), бронзового кинжального клинка, узкой рапировидной формы с острыми поднятыми плечиками и плоским шипом, то есть типа, родственного кинжалу Андрюковской станицы (336) и более ранним Крито-Микенским и восточно-альпийским мечам-рапирам XIV—XV в. до нашей эры (как например, меч из Амаргоса (337), кинжалы с Кипра меч из Цюриха и пр.) (339). К этой же группе мечей примыкает находка Мцхетской археологической экспедиции [Академии] Наук Груз. ССР в 1940 г. в погребении курганного типа прекрасной бронзовой шпаги около метра длиной с крестовидным сечением клинка, в сопровождении плоского треугольного бронзового ножа с широким коротким язычком для рукоятки, типичной черно-серой с розовой подкладкой керамики, тонкостенных золотых бус и привески из коричневого сердолика, тождественной с подобной привеской из кургана № VIII в Триалети, в форме шара с двумя желобчато-вынутыми сегментами в верхней части, образующей петлю для шнура.

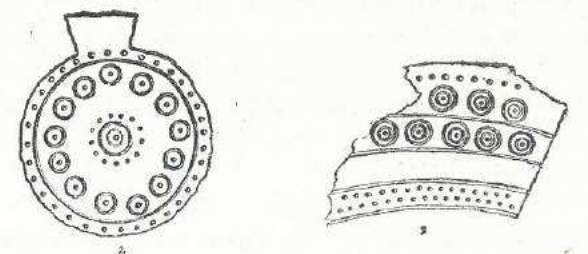

Рис. 106. Схематические рисунки золотой и серебряной накладки на бронзовом листе из погребений в Узуняре (р. Дебеда-чай). Гос. Музей Армении.

Все это только лишний раз показывает, как трудно еще, на основе добытого нами разнообразного материала, совершенно нового, неизвестного до сих пор культурного облика и стиля, провести с необходимой убедительностью периодизацию курганных типов рассматриваемого нами здесь раздела, хотя в целом он и достаточно точно хронологически определяется серединой II тысячелетия до нашей эры, выказывая в значительной мере монолитный характер, но с хорошо выраженными чертами внутреннего движения и развития.

Общий тип культурного достояния, насколько он рисуется погребальной обстановкой и инвентарем, достаточно разносторонне представленным, показывает, что мы имеем дело с обществом, хотя и доклассовым, но стоящим уже на достаточно высокой „ступени варварства“, охарактеризованной Ф. Энгельсом для героического периода в Греции (340). В этом отношении особенно показательны последние из открытых нами пока курганных погребений, где прах покойника был помещен в обширном „зале“, внутри большой курганной каменной насыпи, с правильно выложенными каменными стенами с остатками золотой обивки (табл. СII) каких-то деревянных строительных частей, может быть саркофага или же трона. Судя по аналогии с погребальной обстановкой других здешних курганов этого рода, знатный покойник был погребен совершенно один без рабов, подобно тому как это, по видимому, засвидетельствовано и хеттскими описаниями погребального ритуала правителей Хаттушаша, в сопровождении огромнейшего количества посуды вместимостью не менее трех тысяч литров, достаточной для поминальной трапезы большому родовому коллективу. Земледелие и пастушеское скотоводство с разведением крупного и мелкого рогатого скота и свиней, но возможно без знакомства еще с лошадью (если не предположить отсутствия остатков лошади в погребениях, связанного с ритуальными требованиями), являлось основой оседлого хозяйства и быта. Деревянная колесница с четырьмя вращающимися на осях колесами была в употреблении. Металлическое производство, доведенное до степени искусства, находилось в руках ремесленников, специализировавшихся в литье, ковке, паянии, изготовлении различных сплавов, меди, бронзы, серебра, золота, освоивших тонкую ювелирную технику (филигрань, грануляцию), чеканку, штамповку, металлопластику с изготовлением рельефов и круглой скульптуры из листового металла. Гончарное ремесло также заставляет предполагать участие в нем квалифицированных мастеров, применявших разные установившиеся типы глиняного теста, разнообразные характеры обжига на окислительном и восстановительном огне, различные приемы обработки поверхности и орнаментации посуды: тонкую шлифовку, ангобы, красочную роспись. Был уже по видимому известен токарный станок для дерева (резьба колонки, обитой золотым листом), ручной гончарный круг и вращательный прибор для оформления металлической посуды; пользовались мастера также циркулем. При орнаментации посуды применялось деление круга на нечетное число равных частей: на пять, семь, девять, что в свою очередь может указывать на зависимость приемов деления от сложившихся уже в известной степени определенных космологических и астрологических представлений, типа раннеавилонских, шумерских и эламских (341).

Обсидиан и кремнь обрабатывался главным образом для наконечников стрел неолитическими приемами, доведенными до изощренного совершенства (табл. CVI bis). Тонкая обработка сердолика и агата, как показывает тесная связь форм этих изделий с ювелирной техникой, производилась также на месте и преодолевала большие технические трудности, как например, просверливание тонких агатовых пластинок длинными отверстиями вдоль.

Было ли местным глазурование фаянсовых бус (табл. XXII) или все эти бусы являются привозными, мы не можем пока решить. Но, несомненно, некоторые образцы обнаруживают связь, по характеру густой голубой глазури, с продукцией египетских мастеров, получившей в это время широкое распространение.

Материалом для тканей служила шерсть. Найдены были нитки двух сортов, толстые пушистые и очень тонкие, плотно сканные. Судя по изображению на серебряном кубке, короткие кафтаны украшались каймой по запаху и кроме того по подолу широкой бахромой.

При всем этом малочисленность предметов вооружения кажется поразительной. Кроме трех кинжалных клинков (из которых один серебряный), одного бронзового копья и мелких обсидиановых стрел, никакого другого оружия в курганах найдено не было. Может ли это свидетельствовать о малой воинственности населения и мирных условиях жизни в Триалети в это время, трудно сказать без исследования соответствующих мест поселений.

2. Курганные погребения древне-бронзовой эпохи

В этот раздел Триалетских курганов мы включаем две совершенно различные группы. Первую группу представляют курганы, которые можно считать кочевническими, или связанными с временно пребывающим на высокогорных пастбищах оседлым населением окружающих мест, так как они, судя, правда, по одному исследованному случаю, совсем лишены керамического инвентаря. Эти курганы наблюдались мною в южной высокой части Триалети на перевале к Параванскому озеру, на высоте около 2200 метров над уровнем моря. Значительная часть этих курганов была разрушена и разграблена в этом году строителями шоссе, бравшими с курганов камень. Последним обстоятельством и было вызвано исследование нескольких из этих пострадавших памятников. Для курганов этих характерна густая присыпка насыпи слоем крупных обсидиановых обломков. В одном из них, как оказалось, уцелело полностью ценное погребение, положенное под насыпью на грунте. Погребение заключало в себе (табл. CXV) плоский медный кинжальный клинок с широким коротким язычком, снабженным отверстием для рукояти, плоский же медный, примитивной работы, наконечник копья, со слабо дифференцированным узким стержнем, и фрагменты медных лат, в виде шести выпуклин, покрытых шишечным узором и отверстием в середине для пропуска укреплительных ремешков, пять крупных широких обсидиановых стрел, с выемкой в основании, заходящей за середину стрелы, три тонких золотых цилиндрических (спаянных) обивки для круглого деревянного прута, диаметром 2,5 см, возможно, судя по их расположению дугой в районе стрел, простого деревянного лука и, наконец, прекрасно обработанная гематитовая булава с правильным цилиндрическим (едва коническим) отверстием (CXV bis).

О древнем характере этого комплекса говорит прежде всего сочетание примитивных медных клинков с гематитовой булавой грушевидной формы и с цилиндрическим отверстием, хорошо датируемой на основании ряда находок в энеолитических слоях Сирии (342), Палестины (343) и во втором слое Алишарского холма древне-бронзовой эпохи (рис. 110) (344), то есть концом III тысячелетия до нашей эры. Об этом же свидетельствует и характерная широкая форма обсидиановых стрел с глубоко выемчатым основанием.

Вторую группу курганов древне-бронзовой эпохи составляют ямные курганы с каменно-земляной насыпью, расположенные в долине реки Кции и ее притоков в перемежку с вышерассмотренными курганами цветущей поры. Внешне эти курганы часто почти неразличимы от последних, но характеризуются в противоположность им крайней бедностью инвентаря. Мы не имеем отсюда не только сколько-нибудь выразительных металлических предметов, но и глиняная посуда ограничена обыкновенно в этих курганах единичными экземплярами (табл. CXI, CXII). Эта бедность предметов находится в странном противоречии с огромным, часто, трудом, затраченным на устройство погребения с большой, а иногда колоссальной, курганной насыпью (табл. LIX), и необычайно глубокой могильной ямой, предназначенной для погребения одного человека. В одном случае, например (курган X), яма оказалась глубиной от поверхности грунта в семь с половиной метров, а всего от верха насыпи ее дно отстояло на 9 метров (табл. CXIII и рис. 107); в другом случае (курган № IV) размер самой насыпи достигал пяти метров высоты при 45 метрах в диаметре (рис. 108).

Яма в курганах этого типа чаще всего имеет круглую форму в 3—4 метра диаметром, иногда яма более угловатая, подквадратных очертаний (табл. CXI). Следы костей человека сохраняются чаще, чем обычно в триалетских курганах даже и более молодого возраста, и в одном кургане этого типа удалось проследить даже положение покойника на боку с подогнутыми ногами (табл. CX₂). Глиняный кувшин и глиняная кружка находились в головах. Следы металлического инвентаря (рис. 109) отмечены были нами только в двух случаях. В одном это было сильно истлевшее плоское медное лезвие (кург. № XIX), в

другом (кург. № XXIV) четырехгранное бипирамидальное медное шильце или может быть долото, совершенно такое же, как в погребении Т. М. в Аладжа Эйюк (345), относящемся к эпохе меди III тысячелетия до нашей эры, и нижняя часть второго предмета, в виде острого стержня для насадки с дисковидным расширением, служившим может быть основанием копья, листовидная часть которого превратилась в порошок. Кроме этого в насыпи большого кургана № IV („Карантин“) с ограбленной ямой был найден, возможно утерянный грабителями, массивный серебряный круглый полутораспиральный завиток (табл. CXIV), по форме и величине тождественный электроновому завитку из большого северо-кавказского кургана станицы Летницкой с каменным и медным инвентарем древне-бронзовой эпохи.

Только в одном случае, в кургане № XIX, в засыпи могильной ямы, потревоженной вторичным захоронением урартской эпохи, были обнаружены два обсидиановых наконечника стрел мидалевидной формы (табл. CIV). Отношение этих стрел к основному погребению может быть установлено лишь условно, поскольку в местных погребениях урарт-

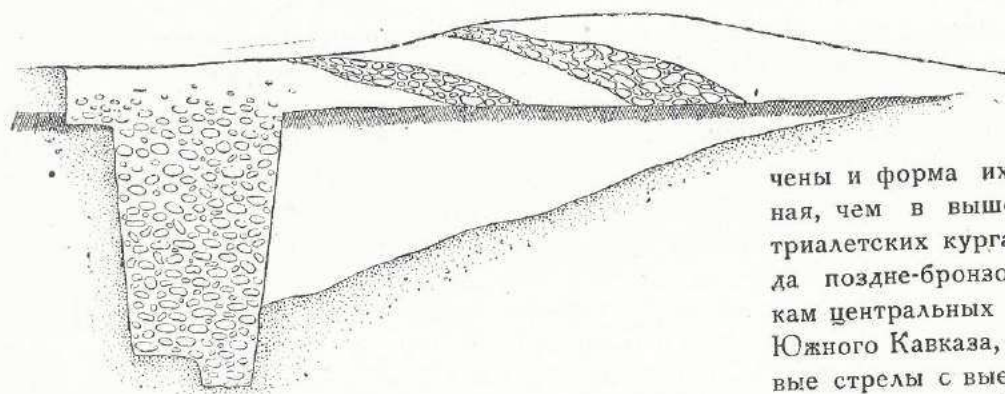

Рис. 107. Вертикальный разрез кургана X с очень глубокой круглой ямой. В 1/200 нат. велич.

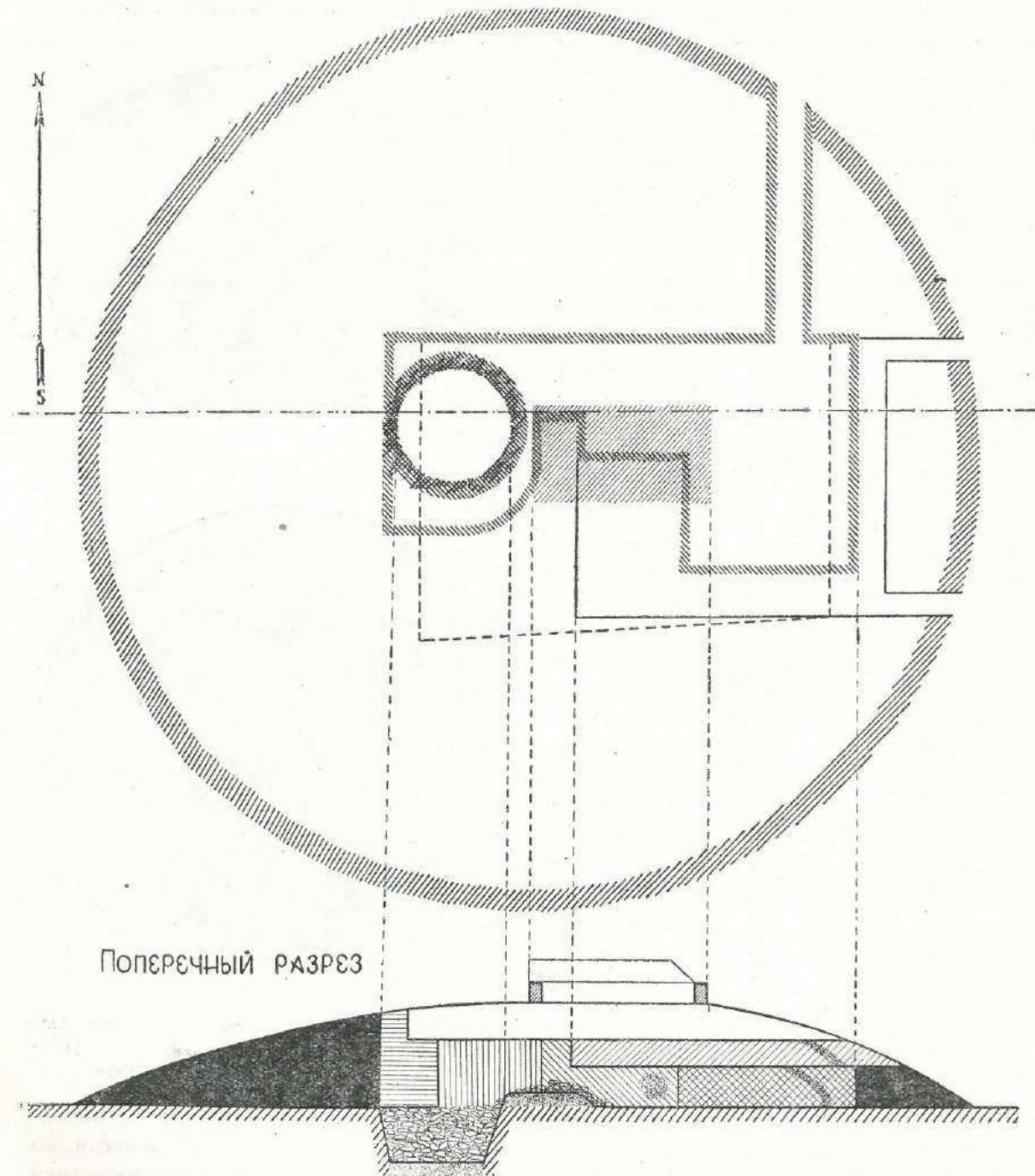
ской эпохи обсидиановые стрелы вообще не были встречены и форма их более архаичная, чем в вышерассмотренных триалетских курганах, также чужда поздне-бронзовым могильникам центральных и южных частей Южного Кавказа, где обсидиановые стрелы с выемчатым основанием довольно обычны.

Хронологическое место этих курганов относительно курганов предыдущего раздела обосновывается главным образом, как говорили выше, на типологическом

анализе керамики, которая своими особенностями тяготеет к древнему энеолитическому слою, найденному в Триалети и прослеженному мною по музейным материалам в поразительно однородных формах на значительном пространстве Южного Кавказа.

Керамика этих курганов резко отличается от всех вышеупомянутых типов курганной посуды средне-бронзовой эпохи. Вместо гидрий и пифосов, составляющих главный контингент керамики курганов с драгоценным инвентарем и вместо тонкостенных малого размера кувшинчиков с шаровидным корпусом и цилиндрической шейкой, мы находим здесь лепленные, несомненно от руки без гончарного круга, но с большим искусством, кувшины и кружки с ручками (табл. CXIV). Несмотря на толстоту стенок и тяжесть изделий, наблюдается тщательная отделка поверхностей выглаживанием и лощением внутри и снаружи. Характерна часто наблюдаемая резкая двуслойность стенок, снаружи черных и с внутренней стороны светло-бурых, производящих впечатление каким-то образом нарощенных изнутри в толщину. Своеобразной является архитектура формы этой посуды, построенной, в типичных случаях, из сочетания конически расширяющейся книзу шейки, грушевидно вздутого в верхней части корпуса, отделенного от нее ясно выраженным уступом, и наконец, также, отграниченной уступом конической нижней части сосуда, стоящего на очень маленьком доннышке, обычно не плоском, а вогнутом внутрь с нерезкими краями. Ручка, опираясь нижним концом об уступ плечика или тут же заворачивается в маленькую, но

Курган IV „Карантин“ 1937 г.

ПОПЕРЕЧНЫЙ РАЗРЕЗ

КАЛЕНДАРНЫЙ ХОД РАСКОПКИ

Высота с 28 июля по 20 августа	Высота с 24 сентября по 3 октября	Слои древних выходов артефактов глины в насыпи кургана.
„ с 21 августа по 31 августа	„ с 3 октября по 8 октября	
„ с 1 сентября по 11 сентября	Высота нижнего заполнения ямы с 8 октября по 16 октября	
„ с 12 сентября по 24 сентября		

Рис. 108. Вертикальный разрез кургана IV с календарным ходом раскопки. Масштаб — 0,003.

массивную петлю или иногда продолжается до края венчика и сливается с ним (рис. 111—114).

Именно этими своими особенностями, характером лепки и профильным очертанием рассматриваемая посуда роднится, как сказано выше, с одной местной группой энеолитической посуды, которая во всем разнообразии своих форм проявляет некоторые общие композиционные черты. Еще более подтверждает указанную связь характер орнамента древне-курганной и энеолитической посуды, с

сочетанием на одном сосуде двух технически различных приемов украшения: выемчато-выпуклого или, во всяком случае, желобчатого узора на выступающей части корпуса и тонко резного на шейке (рис. 114). Самый рисунок и движение узора также обладают в обоих случаях общим резко выраженным характером: именно мы видим здесь не простое, как обыкновенно,

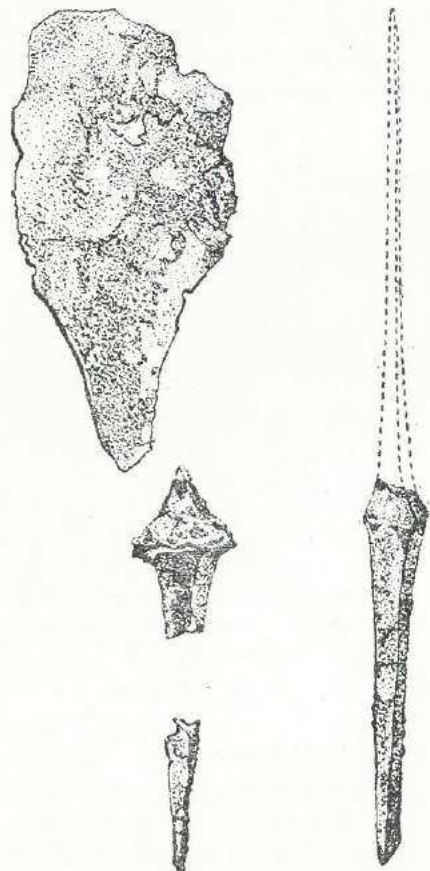

Рис. 109. Медный инвентарь древних курганов. Плоский клинок из кургана XIX и фрагменты из кургана XXIV. В нат. велич.

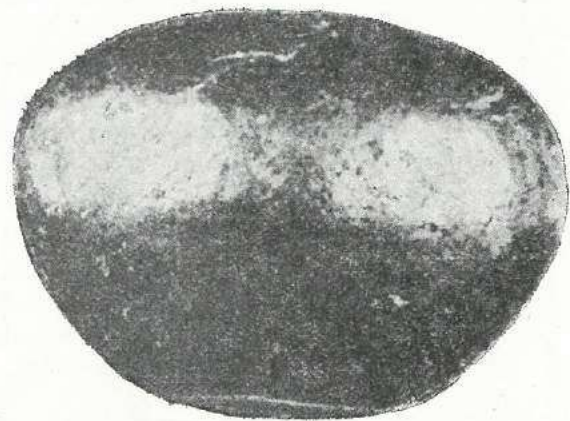

Рис. 110. Гематитовая булава из 2-го слоя Алишарского холма в М. Азии около 2000 лет до нашей эры (по Е. Шмидту). В нат. велич.

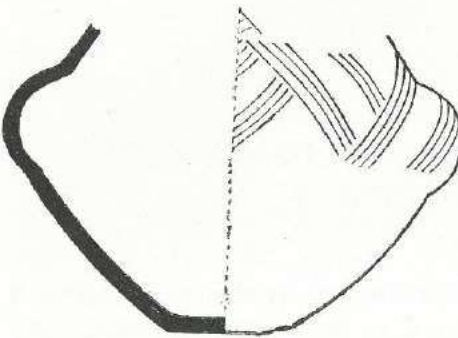
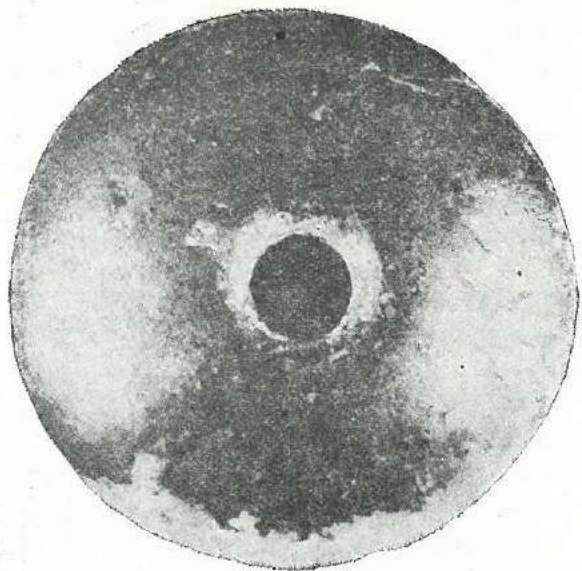

Рис. 111. Глиняный кувшин из кургана IV. В 1/4 нат. велич.

лее поздней поры бронзы на Южном Кавказе. Сказывается это как в профильном контуре сосудов из Сачхере, так и в особых приемах обжига, дающего характерную светлую подкладку черепку при темной поверхности сосудов.

Однако сачхерская керамика, технически более низкого качества, в общем уклоняется, как и следовало ожидать, по ее большей молодости, в сторону приобретения поздних черт, как-то — плоских и широких дна, повторности в членении узора и пр. Но, несмотря на это, указанные соответствия настолько существенны, что не позволяют относить их на долю простой случайности, а заставляют ус-

смотреть некоторый устойчивый для керамического производства на значительной территории Южного Кавказа в эпоху древней бронзы формообразующий принцип, даже при наличии

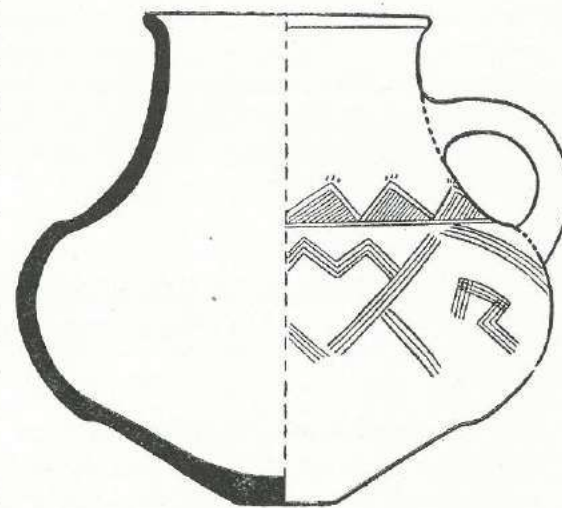

Рис. 113. Глиняный кувшин из кургана XIII. В 1/4 нат. велич.

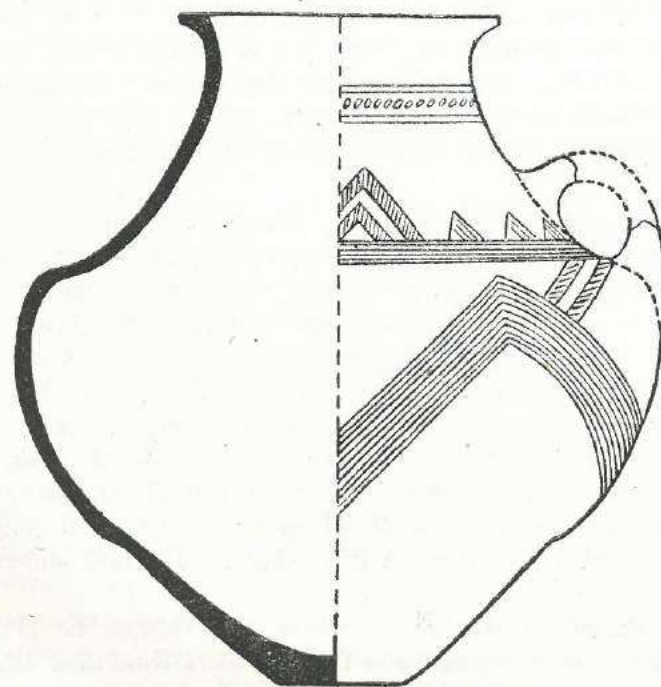

Рис. 112. Глиняный кувшин из кургана XIX. В 1/4 нат. велич.

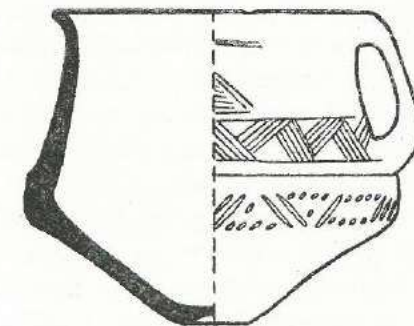

Рис. 114. Глиняная кружка из кургана XXIV. В 1/4 нат. велич.

повторение вокруг сосуда какого-нибудь одного более или менее сложного орнаментального мотива, а замкнутую геометрическую композицию, закономерную ритмически, но с намеренным нарушением внутри системы симметрии, путем композиционного сдвигания и перевертывания отдельных элементов. Одного уже этого соответствия было бы достаточно, чтобы не сомневаться в генетической близости обеих этих керамических продукций и связи описываемых курганов с древнейшим местным палеометаллическим пластом.

Любопытно, что некоторые черты этой керамики проглядывают в керамике средне-бронзовой эпохи, совершенно иной производственной области, из Сачхерского могильника в Западной Грузии с трубчато-обушными топорами и узко молоточковидными булавами, о которых мы упоминали выше в первой главе, при чем как раз эти черты и отличают древнюю сачхерскую керамику, лепленную без круга, от хорошо известной керамики бо-

местных различий в металлическом инвентаре.

Это делает чрезвычайно важным накопление до сих пор почти неизвестного керамического материала по древним стадиям бронзы с различных районов Грузии и Южного Кавказа, чтобы очертить территориальный размах и установить таким образом направление культурной преемственности в

этот критический период истории развития родового общества на Кавказе и, в частности, подойти к выявлению условий возникновения цветущего культурного очага средней бронзы в Триалети.

ПОГРЕБЕНИЯ ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ И НИЖНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ЦИКЛОПИЧЕСКИХ КРЕПОСТЕЙ

С памятниками, относимыми мною к этой группе, мы касаемся наиболее загадочной страницы археологии Триалети, несмотря на то, что именно этот материал оказался у нас полученным как из погребений, так и поселений, и, мало того, самая возможность выделения его в особый древний культурный пласт основывалась, в противоположность предыдущим курганным, на сопоставлении триалетских находок с целым рядом других, происходящих из разных пунктов центральных и южных частей Куро-Араксского Двуречья (233).

Дело идет здесь прежде всего об особом керамическом комплексе, обладающем крайне выразительными и однородными на всей обширной территории его распространения особенностями, при своеобразии и богатстве форм, но поразительно бедном, по связанному с ним некерамическому инвентарю. Последним обстоятельством в сильной степени объясняется полная неразгаданность и даже слабая до сих пор ученность этого комплекса, несмотря на громадное его значение для уяснения ранних стадий сложения в Грузии и прилегающих странах хозяйственно-культурных форм с прочной оседлостью, земледелием, скотоводством и металлургией.

Уваров, Эрицов (346) раскопками в Армавир-Блуре (Гос. Музей Грузии) и затем Н. Я. Марр в 1893 г. на Арагаце (Алагезе) (Гос. Эрмитаж), впервые обнаружившие керамику этого слоя, совершенно не обратили на нее внимания, поскольку тогда еще отсутствовал достаточный сравнительный материал (даже по поздней бронзовой и железной эпохам), которому она могла быть противопоставлена. Лалаян (360), изучавший слой с этой керамикой на территории Азербайджана и Армении (коллекций Гос. Музеев Грузии и Армении) глубоко под налегавшими на него отложениями характерных для Южного Кавказа металлургических эпох и в сопровождении необычной для последних грубой каменной утвари (главным образом, зернотерки, ступки, песты, молоты и более мелкие орудия), неправильно назвал его „неолитическим“. Таковым он казался и П. Ф. Петрову (233) в 1913 году, под потоком араратской лавы у с. Малакю близ с. Игдыра (Гос. Музей Грузии, инвентарь 30:14).

После об этом древнейшем слое и совсем забыли, не вспомнив даже когда Т. Пчелина (347) вновь обнаружила относящуюся к нему керамику в Грузии близ Кикети в 1923 году, зорко отметив ее своеобразие. Поэтому, когда в 1930 году была открыта случайно в пределах города Тбилиси в Дидубе (348), во время строительных работ, на глубине 2—2,5 метров часть древнейшего поселения, относящегося к этой культурной ступени, с остатками каменных кладок, скоплениями золы, угля и большого количества керамики в виде целых сосудов (рис. 122), связанных, по видимому, с древними жилищами, исследовавший этот памятник проф. Г. К. Ниорадзе не учел своеобразия и глубокой

древности открывшегося слоя, не остановился на его изучении и соединил его вместе с верхними отложениями находившегося здесь же могильника, о котором я упоминал выше, как о могильнике с глиняной посудой, бронзовыми украшениями и стеклянными бусами эллинистической эпохи. В вышедшей недавно публикации раскопок в Алазанской долине (349) Г. К. Ниорадзе нашел возможным включить, характернейший образец керамики этого древнейшего возраста в одну группу с посудой римского времени ялойлу-тапинского типа, поскольку этот интересный свидетель существования энеолитического слоя и в районе г. Нухи находился в одной коллекции Лалаяна вместе с инвентарем могильника (кувшинные и другие погребения) парфянской эпохи, хотя одновременно Лалаяном были раскопаны там и курганы совершенно иного возраста, с глубокими круглыми ямами, содержащими золу и уголь (350).

В Армении в 1933 году Байбуртян (351), пересматривая датировку этого слоя в Шреш-блуре, также совершенно стер своеобразный облик относящейся сюда керамики и сложил ее в одну кучу вместе с поздне-бронзовой и ранне-железной керамикой Южного Кавказа в „халдскую эпоху“, в противоречии с данными Лалаяна и Петрова, правильность наблюдений которых (но не номенклатура и интерпретация) скоро полностью подтвердилась обнаружением указанных стратиграфических условий для интересующего нас культурного слоя в Триалети, где этот слой оказался под отложениями поздне- и средне-бронзовой поры и ниже основания стены мегалитической кладки. Только в 1937 году Байбуртяну (332) пришлось пересмотреть свои возражения Лалаяну и добыть самому, раскопками на ряде городищ Армении, интересный материал, обогащающий наши представления об этой культуре.

В это же время в Азербайджане Я. И. Гуммелем (353) был выделен, совершенно независимо от всех вышеуказанных материалов, специфический, более примитивный вариант этого рода древней глиняной посуды, изученной им одновременно в культурном слое (в нижнем этаже мощных отбросов кремнеобделочной мастерской близ каменоломень на Килик-даге) и в своеобразных коллективных погребениях (на дне замурованных круглых ям в курганах близ Степанакерта).

Характерными чертами глиняной посуды рассматриваемого культурного слоя является совершенство в отделке отдельных сосудов, устойчивость и правильность типических форм на большой территории, сложный характер орнаментировки и тщательная подготовка глиняного теста при архаизме приемов лепки от руки, без употребления гончарного круга, с широким применением ангобирования и методов постепенного наращивания стенок сосуда в толщину, иногда, как в варианте, описанном Гуммелем, с применением прослоек ткани внутри черепка. Указанные особенности свидетельствуют о принадлежности этого рода керамики какому-то весьма древнему, но прогрессивному оседло-земледельческому обществу. Действительно, местом нахождения данного культурного комплекса оказываются в более южных частях Южного Кавказа, чаще всего, холмища с мощными отложениями зольных слоев, насыщенных, кроме керамических обломков, костями домашних животных, каменными зернотерками, пестами, шлаком, строительным „воздушным“ кирпичом, и содержащих

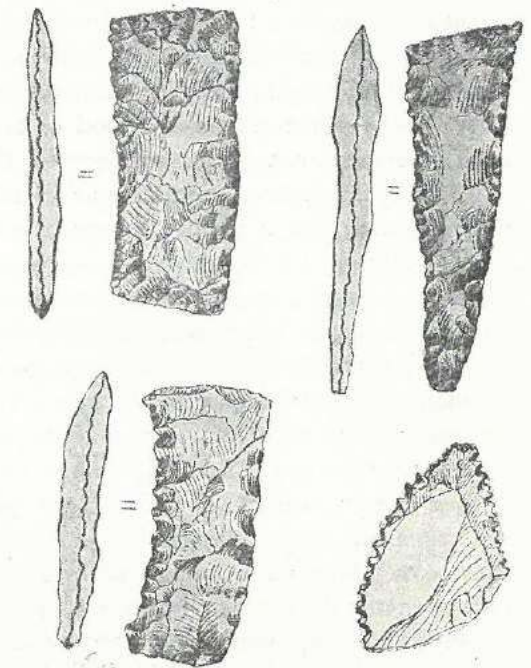

Рис. 115. Кремневые ножи и обсидиановая пила из энеолитического холма в г. Ереване (Шенгавит) (Гос. Музей Армении). Около 1/3 натур. велич.

в себе редкие поделки из кремня, обсидиана и кости, а также остатки очагов и следы жилищ. Подобные холмища часто являются здесь местом расположения крепостей циклопической кладки. Таковы зольник близ сел. Малакю, у подошвы Арарата, огромные зольные же холмы, так называемые Кюль-Тапа, до 20 метров высоты, к северу от Нахичевани, холмы с остатками стен циклопической и урартской кладки, как Армавир-Блур, Эйлар, Шреш-Блур, Шенгавит. На территории Грузии совершенно подобная же керамика встречена доцентом Л. В. Мухелишвили в Дманиси, на месте феодального города, в Кикети, Тбилиси (Дидубе), обычно, в сопровождении значительных следов огня (угля, золы и пр.).

Относительный возраст интересующего нас слоя определяется, прежде всего, стратиграфически его положением, в ряде случаев, не только под отложениями урартского и поздне-бронзового времени, но и более древних слоев, содержащих расписную керамику, как это засвидетельствовано еще в 1904 году находками Лалаяна (354) в холме Кюль-Тапа (фляга с черной и красной росписью), а также и характером сопровождающей керамику инвентаря, хотя не всегда достаточно выразительного, но тем и типичного для ранней мегалитической эпохи, когда неолитическая техника заметно уступила место добыче и обработке меди, изделия из которой однако еще очень редко сохраняются, в культурных слоях этих древних поселений, вследствие большой своей тогда дороговизны.

На цалкинском плоскогорье „энеолитический“ культурный слой найден нами как в погребениях, так и в поселениях под мегалитической стройкой. Однако, далеко не каждая циклопическая крепость оказалась здесь связанной с отложениями этого слоя, что несомненно указывает на произвольность датировки крепостей только на основании отвлеченного формального признака, определяемого словом „мегалитический“. Мы уже видели выше, что технический прием постройки толстых защитных стен из двух рядов крупных необтесанных камней без раствора, с забутовкой между ними более мелким камнем, несомненно практиковался и в эпохи сравнительно очень поздние, во всяком случае, последующую за ахеменидским временем. Древнего культурного слоя не удалось зарегистрировать, например, в таких типичных в Триалети циклопических крепостях с волновидно-гофрированными стенами, как в Нардеване, в Авранло (табл. I и II), а также и в нижней Сантинской крепости. Зато на площади Бешташенского городища и на прилегающей к нему местности энеолитическая керамика обнаружена в целом ряде удаленных друг от друга пунктов, несмотря на то, что раскопке пока подвергались исключительно с рекогносцировочной целью, лишь очень незначительные участки.

Комплекс древнего Бешташенского поселения дает в целом весьма сложную картину. Городище занимает треугольный каменный мыс, который отрезан от остальной равнинной гряды, отделяющей бешташенскую котловину от башкевской, двумя глубокими каньонами рек Геряк-Чай и Башкев-Су, сходящихся здесь вместе (рис. 64). Прилегающий к ущелью Геряк-Чая с запада южный склон упомянутой гряды занимает могильник поздне-бронзовой поры, прорезанный глубоким молодым оврагом и шоссе-дорогой из Бешташени в сел. Сафар Харабу. На крепостной стороне этой речки, сзади расширяющегося конца городища, расположен другой ящичный могильник ранне-ахеменидской эпохи, с примесью погребений мидийского времени, проникающих также и на другую сторону реки, на площадь могильника поздне-бронзовой эпохи. Вдоль гребня самой гряды, на восток и запад отсюда, находится ряд курганных погребений ранней поры средне-бронзовой эпохи.

Сама территория крепости отграничена от могильника ранне-ахеменидской эпохи системой мегалитических стен (табл. СХVI₂), из которых две, пересекающие поперек мыс, разделены друг от друга широким рвом, ныне заваленным крупными каменными глыбами, продуктом разрушения циклопических кладок, и землей, задернованной и представляющим собою луговину со скопляющейся мелкими озерами водой. Площадь внутри крепости прорезана всюду едва заметными остатками внутренних стен и покрыта выступающими из под дерна каменными фундаментами четырехугольного плана жилищ.

Раскопке подверглись следующие пункты в пределах самой крепости: а) одно из таких четырехугольных жилищ, в котором была обнаружена круглая глиняная печь, типа грузинского торне, для выпечки хлеба (табл. СХVII₁), и керамика феодальной эпохи; б) средний участок главной стены с прямоугольным контрфорсом; в) площадка у северо-восточного угла крепости и г) холмообразное возвышение в западной части рва. В последних трех пунктах оказался в наличии пласт с древнейшей керамикой. Рассмотрим вкратце условия его залегания в каждом из этих случаев.

1. Наиболее мощный культурный слой скопился с внутренней стороны главной стены крепости. Он достигал здесь 3,5 метров, в то время, как с наружной стороны не превышал 1,8 метра и состоял сплошь из чернозема с примесью угля и камней. В нем находились отдельные кости, главным образом, домашних животных, быка, мелкого рогатого скота и лошади, и черепки посуды, преимущественно, феодальной эпохи. На глубине двух метров близ основания стены внутри стоял разбитый на части крупный толстостенный, бадьевидный по форме, пифос тщательной работы на гончарном круге, с черной и буроватой лощеной поверхностью и с широким горизонтально-канеллированным поясом по плечикам. Здесь же находились черепки прекрасно обожженной крупной светло-серой посуды с белесоватым, глянцеватым ангобом. Ниже этого в том же, по внешнему характеру, слое, но с

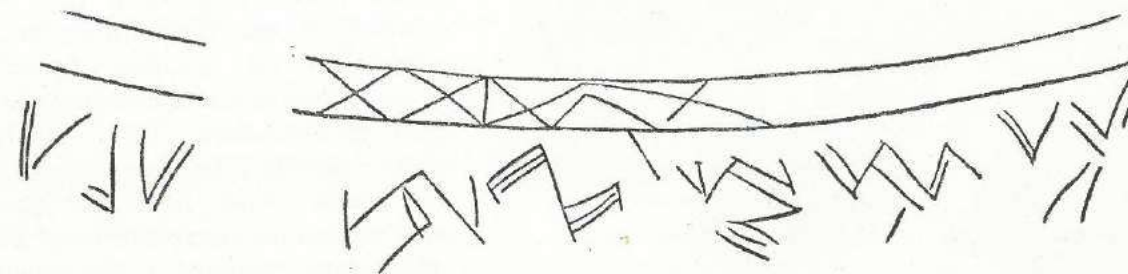

Рис. 116. Орнамент характера пиктограммы на сосуде из энеолитического слоя Бешташенской циклопической крепости. В натур. велич.

большими прослойками и угля попадались отдельные типичные фрагменты керамики энеолитического типа и очень редкие кремневые поделки, между прочим, двусторонне-ретушированный ножичек с прямым широким основанием.

2. Разрез через холмообразное возвышение во рву обнаружил южную глиняную стенку рва и засыпающий ров каменный мусор с землей и пережеванной глиной. Слой культурного мусора, достигавший здесь трех метров мощности, делился, почти посередине наклонной в сторону оси рва, угольной прослойкой на два горизонта: верхний и нижний. Керамика попадалась лишь в виде мелких фрагментов, главным образом, от толстостенных сосудов, при чем наверху, преимущественно, с густой красно-охристой обмазкой, близко напоминающей обмазку красной расписной посуды из курганов, но более грубого типа, и без росписи. Внизу к этой же керамике примыкала еще совсем другая, светло-бурая и черная, от сосудов разной величины с характерными для энеолитического слоя чертами орнамента и формы, в частности с типичными мелкими, но массивными, полушарными ручками, то с цилиндрическими отверстиями, то непроемными, лишь с ложными углублениями с двух сторон, как на рисунке 117_{1, 2, 3}.

Один полностью восстановленный тонкостенный светло-бурый лощеный горшочек (табл. СХХIV₁) отличался широкой, довольно высокой шейкой, сильно суженным и вогнутым снизу доньшком, очень маленькой, посаженной на перегибе плечика в шейку, полушарной ручкой и, наконец, остро-резным, несколько броско выполненным, своеобразным прямолинейно геометрическим узором, в виде пиктограммы (рис. 116), от которой сохранилось 6 знаков-фигур с Z-видными, W-видными и, отчасти, свастикаподобными движениями линий, то есть все-

ми типичными для керамики выделяемого мною на Южном Кавказе „энеолитического“ слоя чертами.

Из фрагментов, найденных близ дна нижнего слоя, представляют особенный интерес два от крупных темно-глиняных сосудов с резко-выраженным рельефным орнаментом: один обломок плечика с перегибом в цилиндрическую шейку имеет на себе точно оформленную, как бы налепную, спираль (табл. СХХ₄), — одну из двух концовок прямолинейной „скамеечки“, полностью совпадающей и по технике и по форме с орнаментом на эрмитажном целом сосуде из находок Н. Я. Марра в 1893 г. на северо-западном склоне Арагаца. Другой фрагмент, от более крупного сосуда, имеет на себе фигуру в форме подковы, в точности повторяющейся на сосуде из того же культурного слоя, на площади соседнего могильника раннеахеменидской эпохи (табл. СХХIV₃). Типичны также обломки дисковидных крышек и обломки клювовидных выступов на венчиках и стенках сосудов.

Из других находок, сделанных в нижнем культурном слое рва, замечательны: два треугольных наконечника стрел из красноватого кремня со стерженьком и острыми уголками у основания (табл. СХIX), тождественные с неолитическими из Тетрамицы (близ Кутаиси), фрагмент основания, подвергнувшегося действию огня, широкого кремневого ножа с двусторонней ретушью, две буски, одна бисерная цилиндрическая из голубой пасты и другая из белого твердого минерала с очень тонкими, ярко красными извивающимися прожилками и, наконец, небольшой фрагмент медного украшения в виде проволочной густо свернутой на плоскости спиральки. В верхнем слое была найдена светло-глиняная фигурка животного, видимо, быка с обломанной головой (табл. СХХ).

3. Раскопка площадки в 60 кв. метров у северо-восточного угла крепости (табл. СХVI₁) также обнаружила аналогичный древний культурный слой, прикрытый сверху отложениями феодальной эпохи и эпохи поздней бронзы с керамикой, аналогичной могильнику по правую сторону Геряк-Чая. Вместе с последней керамикой здесь были найдены и кремневые пилки от серпов, подчеркивающие возраст слоя. Вследствие малой мощности, всего около 1,2 метра, и хрящеватости грунта с примесью крупного камня, оба верхние слоя, несмотря на различие керамики, не удалось полностью изолировать друг от друга. Заключавшийся в этих слоях костный материал содержал кроме остатков крупного и мелкого рогатого скота, а также и лошади, много костей оленя и, видимо, козули. Нижний культурный пласт, лежащий непосредственно на скале, был отделен в зна-

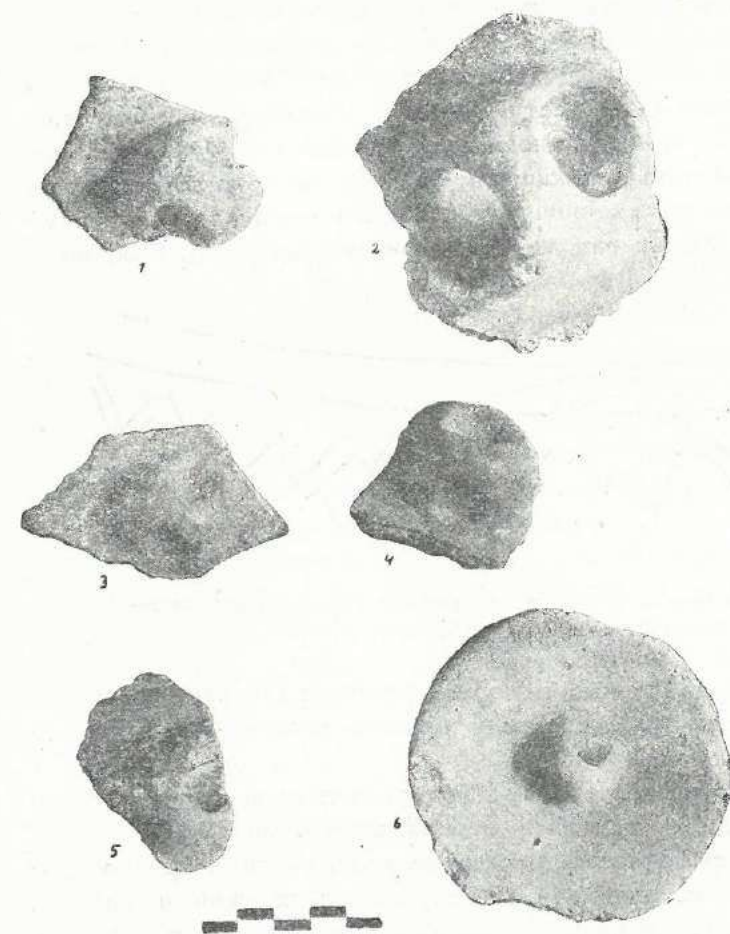

Рис. 117. Фрагменты сосудов с полушарными ручками из энеолитического слоя Бешташенской циклопической крепости (Дзальк. р-н).

чительной своей части от верхнего настилом из камней (табл. СХVII₂). Темно-серый золистый грунт с светло-желтыми линзами и частицами угля заключал в себе отдельные скопления керамических обломков от сосудов различной величины. Наиболее обычными формами этих сосудов являются миски или глубокие тазы, достигающие иногда до полуметра диаметром, с выпуклым корпусом и отогнутым простым венчиком с полушарными ручками (рис. 123), черно-лощенные блестящие снаружи и розовые лощенные внутри часто со следами втертой в поверхность глины красной краски, и такие же черно-полированные широкогорлые горшки с цилиндрической шейкой. Наряду с крупными встречаются миниатюрные чашечки из темно-серой глины, имеющие тот же основной профиль, как и крупные миски (табл. СХХII). Встречены также двойные, сообщающиеся между собою, сосудики. Ручки характеризуются небольшой величиной, но массивностью при тщательности лепки, и устойчивостью типичной для посуды этого слоя формы, в двух вариантах: ручки, отходящие от венчика или сидящие, как раз, на перегибе плечиков в шейку (табл. СХХIII).

Некоторые из сосудов отличаются особенной тщательностью выработки и тонкостью отделки. Среди них замечательны фрагменты широкогорлых горшочков-кружек с тонко желобчатым или выпукло-вогнутым узором; в виде пространственно ограниченной орнаментальной композиции ярко выраженного, выработанного, своеобразного стиля (табл. СХХ). В основе последнего лежат прямолинейно-геометрические движения по развернутым косым параллелограммам с обратной симметрией по типу Z, динамика которых ритмически замкнута или просто спиральными концовками или же путем уравнивания двукратной повторностью асимметричной фигуры с теми же, однако, элементами „лестничной“ сдвинутости (рис. 121). К этому же слою принадлежат обломки красных ваз на тщательно оформленной ножке с глубокой выемкой снизу. Черепки из розовато-серо-ватой глины характерно обработаны с наружной и внутренней стороны лощением сверх красного красочного покрова, который как бы втерт в поверхность глины перед обжигом на стадии ее высыхания „до твердости кожи“. Эти вазы могут быть сближены по времени и по типу с вазами на полых ножках из энеолитических слоев Малой Азии (355), например из Алишарского холма, а также и Ирана, из Гиссара I, тем более, что и техника изготовления красной окрашенной полированной поверхности уже становится известной там в это время. Подобного же характера ножки можно видеть и у черных бокалов из Трои 1 (355) и далее на запад, в энеолитической керамике Эгейского мира, где очень рано появляется и другая своеобразная форма рассматриваемого слоя, двойные сообщающиеся между собою сосуды, ἀμφικύπελλον δέπας по Гомеру, и где вообще руководящим типом этой стадии является черно-лощенная керамика, часто и с розовой подкладкой (359).

При значительной насыщенности этого слоя керамикой, другого рода инвентарь почти совершенно отсутствует. Особенно поражает бедность обсидиановыми поделками и от-

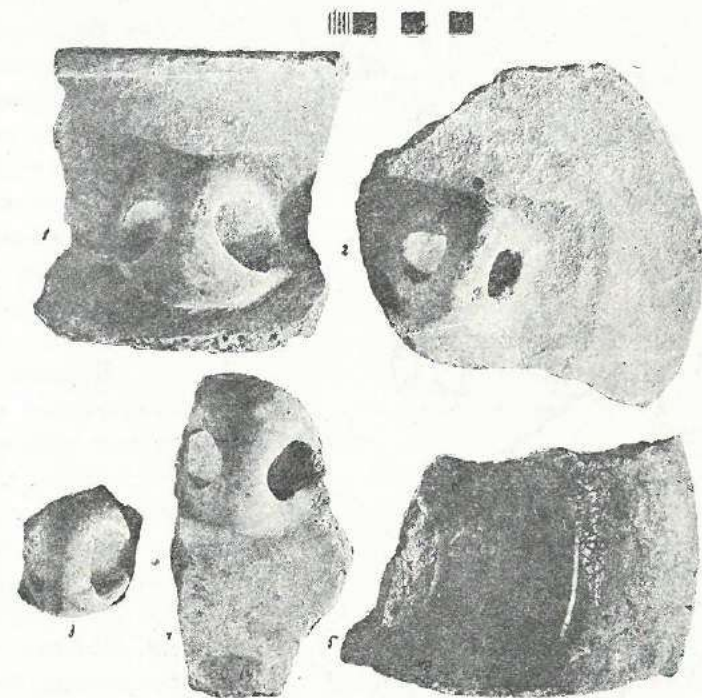
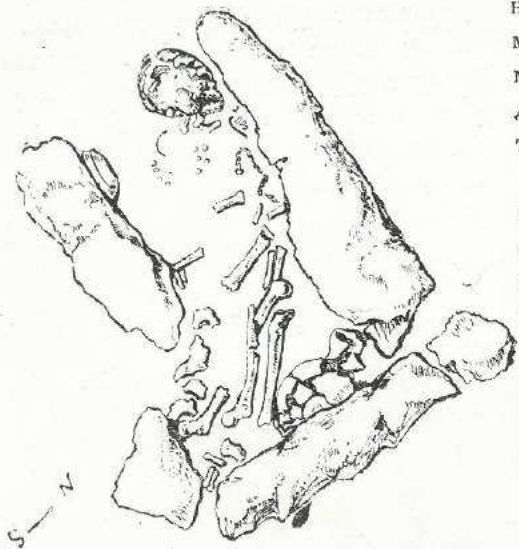

Рис. 118. Фрагменты сосудов с полушарными ручками из зольного холма близ с. Малакляу у подножия Арарата (Гос. Музей Грузии).

При значительной насыщенности этого слоя керамикой, другого рода инвентарь почти совершенно отсутствует. Особенно поражает бедность обсидиановыми поделками и от-

бросами этого производства, буквально покрывающими в других местах вспаханные поля Триалети. Напротив, найденные здесь единичные экземпляры орудий оказались из краёноватого мелового привозного кремня. Наиболее замечательным является широкий, полностью ретушированный нож типа Шенгавитских (рис. 115) с отогнутым слегка концом, придающим ему сходство, по очертанию, с египетскими (358), но не столь тщательной отделки. Из других находок можно упомянуть каменный, грубо обработанный молоток с желобчатым перехватом для рукояти, подобный многочисленным находкам Гуммеля в культурном слое каменоломень в Килиг-Даге (353).

В верхних частях этого же слоя, на участке, где разделяющий горизонт каменного настила отсутствовал, оказалась, среди вышеотмеченной керамики, примесь фрагментов светло-глиняной посуды со следами росписи совсем особого характера, не представленного в курганах. Эта расписная керамика принадлежит к двум различным типам: а) с краснобурным примитивным «детским» рисунком и красной окраской поверхности черепка под грубое лощение и б) с более определенным (косо заштрихованные треугольники) рисунком, нанесенным черной густой краской по ангобированной тонкой глиной и зашлифованной поверхности (табл. СХХI).

Рис. 119. План энеолитического жилищного очага и погребение раннеакеменидской эпохи у Бешташенской крепости. В $\frac{1}{15}$ натур. велич.

Слой оказался, как сказано, и на соседних участках, в сильной степени нарушил этот слой глубокой перекопкой и использованием строительного камня для устройства каменных ящиков под погребения (рис. 119). Это обстоятельство сильно затрудняло исследование древнейшего культурного слоя и особенно возможность выявления типа жилищ, помещавшихся, несомненно, в этом слое. Однако между

могилами раннеакеменидской эпохи был откопан на глубине 0,9 метров в нетронутom виде очаг, в виде круглой площадки, диаметром около 1,65 метра, с толстым слоем золы и угля под обломками пластин обожженной глиняной обмазки дымохода, возведенного, по видимому, над очагом (табл. СХVIII₂). Исключительно плоская форма этих обломков, отличающихся однородной толщиной около 5 см, свидетельствует, что дымоход имел призматическую, а не цилиндрическую форму. Был ли это домашний очаг или техническая печь для обжига посуды трудно с достоверностью сказать при настоящем состоянии материала. С одной стороны мы видим здесь в золе небольшие куски шлака и сильно переплавленные фрагменты керамики, с другой — обстановка может говорить и за кухонный характер очага, по периферии которого находились на его дне у северного конца в ряд три глиняных сосуда, вниз горлом, а у южного — целая каменная зернотерка в виде прямоугольной плиты с лежавшей на ней поперек «ладьевидной» теркой, отогнутые концы которой спускались с краев основного камня. Кроме этого среди очажного мусора были подобраны неполные фрагменты еще одного такого же кувшина (со следами вторичного пережога

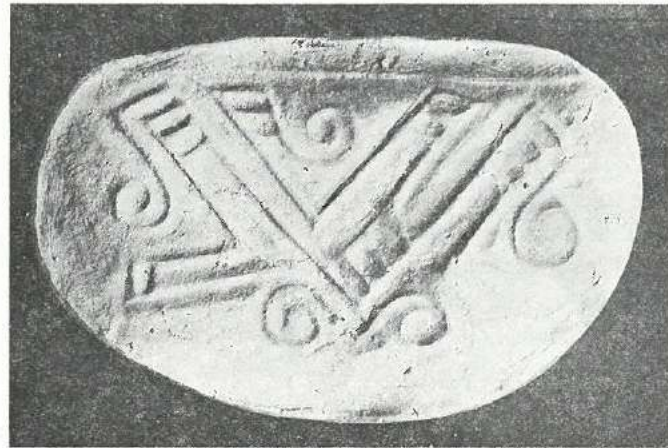

Рис. 120. Выпукло-выемчатый узор на сосуде энеолитического слоя из Кюль-Тапа близ Нахичевана (Гос. Музей Грузии).

черепков), но покрытого по наружной поверхности густым когда-то слоем красно-охристой обмазки, и кусок стенки одного крупного светло-глиняного сосуда с частью декоративной, большого размера, спирали, оформленной в высоком, но плоском, рельефе, подобно плоским рельефным фигурам «птиц» на одном сосуде из Кикети.

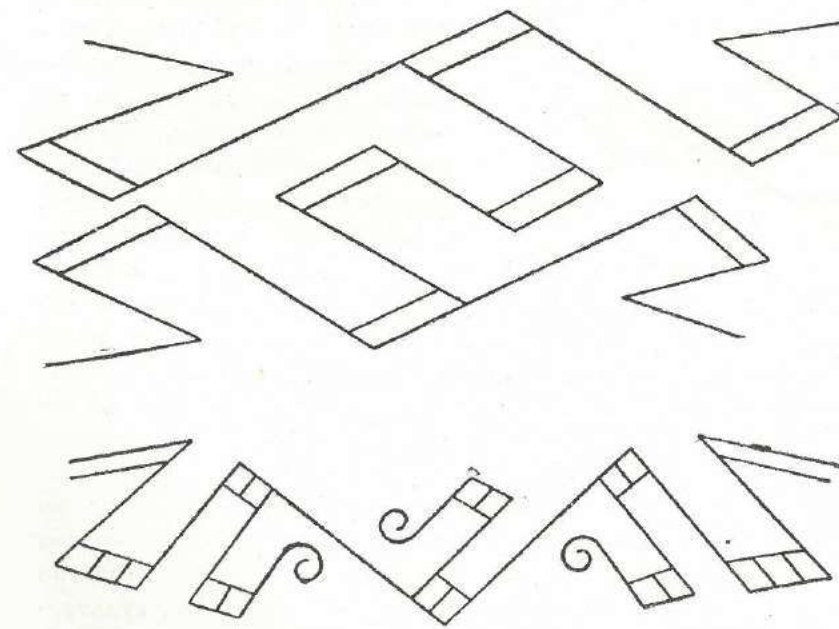

Рис. 121. Схема движения орнамента на глиняной посуде из энеолитического слоя центральных районов Куро-Аракского Двуречья.

На площади этого же могильника, между погребениями №№ 45 и 46, оказался сохранившийся другой небольшой кусок энеолитического культурного слоя, в котором было найдено скопление расположенных по дуге черепков разнообразной посуды, частью черно-

центре, а также небольшая толстостенная светло-глиняная чашка со следами красной окраски внутри и снаружи, значительная часть стенки крупного сосуда с широким цилиндрическим горлом, миниатюрными непроемными ручками и орнаментом из дуилинейно рельефных подковообразных фигур по плечикам, в точности повторяющих эти же детали на фрагментах из разреза через „ров“ крепости (табл. СХХIV₃).

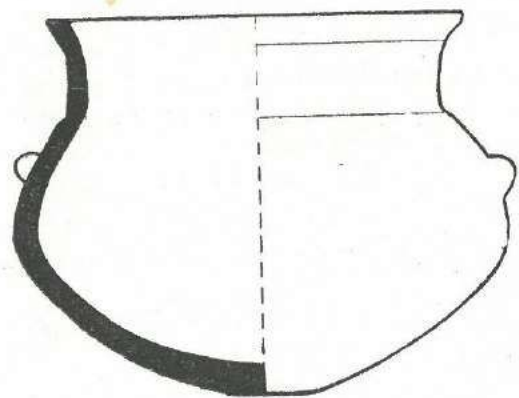
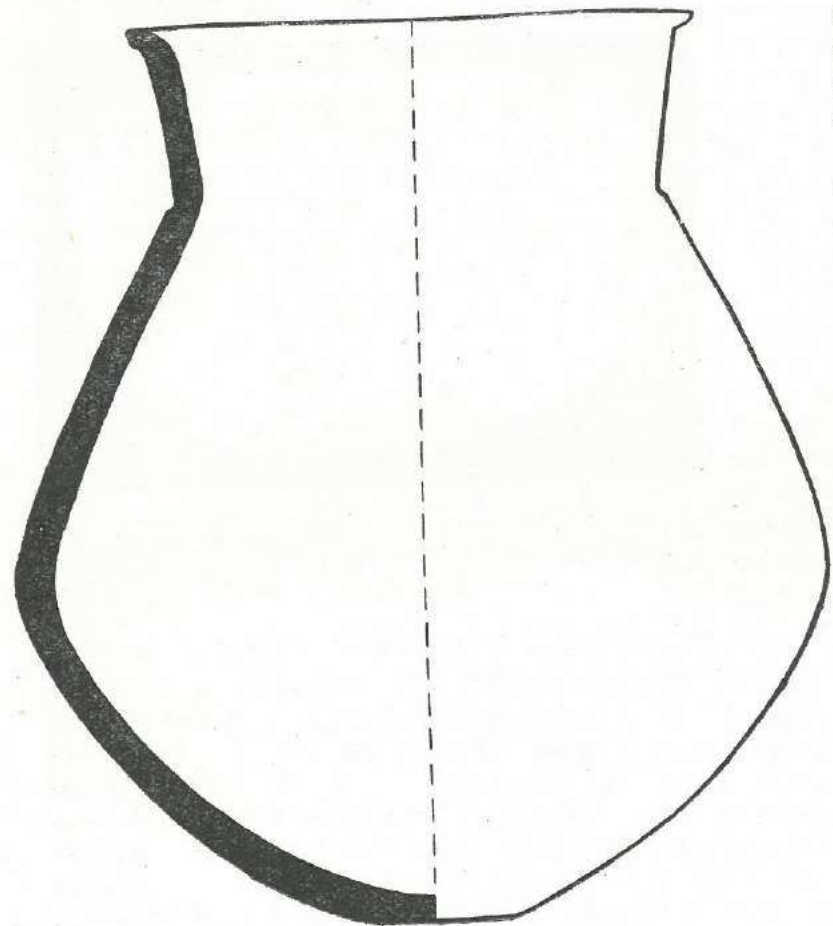

Рис. 122. Глиняные сосуды из неолитического жилищного очага у Бешташевской крепости. В 1/4 нат. велич.

Еще несколько поодаль отсюда, уже на разрушенной части древнего культурного слоя, был подобран ряд фрагментов светло-глиняного „карниза“, со следами красной втертой в лощеную поверхность окраски, от какого-то сооружения, возможно, от очага или края крупного торне (хлебной ямной печи).

Наконец, на другой стороне реки Геряк-Чая, на площади могильника бронзовой эпохи также оказались следы этого же древнего слоя, в частности была обнаружена глубокая до 3,25 метров глубиной круглая, диаметром 2—1,5 метра, яма, заполненная, под сплошным слоем шлака, лежавшего на глубине 1,3 метра, пережженной землей с отдельными мелкими фрагментами посуды, тождественной с керамикой во

„рву“ крепости: красновато-глиняной с густой красно-охристой обмазкой и с черной наружной поверхностью и типичными мелкими ручками, полушарными кругло-проемными и непроемными с двумя вдавленными с боков. На дне ямы стояли на ребрах в виде стенок ящика три тонких каменных плиты неясного назначения так же, как и вся яма.

Сравнительное рассмотрение собранного во всех указанных пунктах керамического материала с несомненностью устанавливает полное единство и принадлежность его к одному древнему культурному слою, сохраняющему поразительную однородность на значительной территории Южного Кавказа, от Арарата и до Тбилиси, от Нахичевани и Степанакерта до Триалети и даже далее до Западной Грузии. На всем этом пространстве ниж-

ний ранне-металлический пласт выказывает один и тот же основной характер керамики не столько с территориально-областными, сколько, повидимому, с функционально-бытовыми,

а также и хронологическими вариантами, сходными между собой в удаленных районах. Триалетский материал обнаруживает при этом соединение на одном почти участке нескольких подобных керамических типов, различающихся в пределах данной культуры. Легко устанавливаются в районе Бешташевской крепости по крайней мере три основные фации, взаимоотношения между которыми нельзя еще считать уясненными. Один керамический комплекс, происходящий из культурного слоя на территории раннеахеменидского и бронзового могильников, а также и во „рву“ крепости, отличается большей массивностью лепки и меньшей тщательностью в отделке поверхностей сосудов светло-бурого или снаружи черного обжига. Ряд сосудов несут на себе непрочный красно-охристый красочный покров. Представленные здесь формы характеризуются уплощенными более или менее широкими днищами. Это или чашки с загнутым слегка внутрь краем венчика или широкогорлые амфоры, часто крупных размеров (рис. 122), с высокой прямой цилиндрической шейкой и утолщенным, иногда резко, краем венчика, то с двумя ручками, или ложными непроемными или, обычнее, в виде пронизанного круглым отверстием налепного полушария, с дужкой всюду равной ширины. В точности подобные ручки, цилиндрические высокие шейки с выступающим кантом у края венчика и вообще формы сосудов этого варианта совпадают с находками Лалаяна в Армении

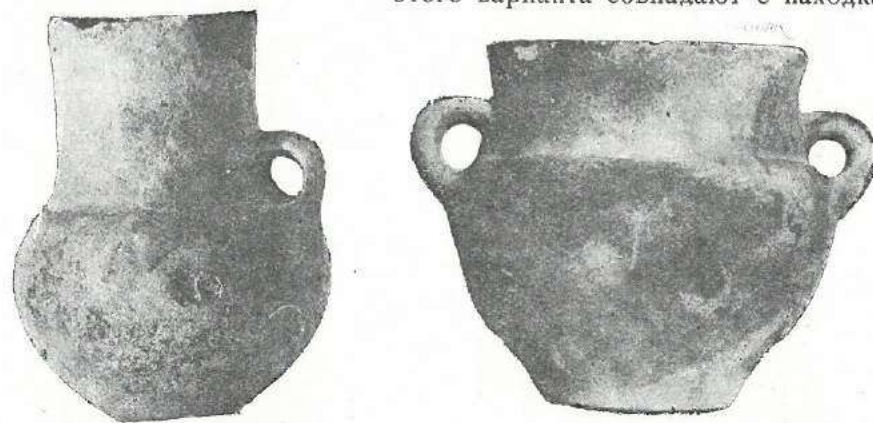

Рис. 123. Глиняные сосуды из неолитического слоя в г. Тбилиси (Диду-бе). В 1/4 нат. велич.

в холме близ Эйлара (360). К этой группе примыкает также вышеупомянутая керамика из неолитического слоя города Тбилиси (Диду-бе), состоящая из светло-бурых неорнаментированных урн (рис. 123), широкоорлых с высокими шейками двух- и трехручных, соответствующая

керамика из Нухи (но с ручками у венчика), а также светло-бурая керамика Пчелиной (361) из Кикети. Последняя несет на себе типичные приемы украшения или в виде простого прямолинейного резного узора, или рельефных налепных локальных геометрических фигур, характеризующих и описываемый цалкинский вариант.

Указанные черты этого керамического комплекса хорошо обнаруживаются и на образцах из неолитического слоя, открытого в 1936 году в Дабла-Гоми (Рионская долина). Но там примешиваются к ней специфические образцы посуды, сохраняющей на днищах, подобно неолитической сирийской, отпечатки рогожной плетенки (362).

Второй комплекс Триалетской неолитической керамики, из нижнего слоя Бешташевской крепостной площади, отличается более высокими техническими и художественными качествами и прежде всего тончайшей полировкой поверхности. При этом и архитектура форм этих сосудов иная, чем у предыдущего комплекса. Широкие миски характеризуются колоколовидным изгибом стенок с отогнутым наружу и утончающимся слегка краем венчика (рис. 124); сосуды с широким и высоким сравнительно горлом имеют часто особую профилировку корпуса с перенесением центра тяжести к нижней его трети, где сосуд сразу начинает конически суживаться к очень маленькому доннышку со специфическим углублением у форм более мелкого размера („кружек“). Ручки у сосудов этого комплекса получают характерную для всей территории распространения данного слоя, от долины Аракса

до Триалети, выработанность дужки с узким перехватом при том же основном их строении в виде налпного полушария (рис. 117 и 118). Часты ручки, отходящие от венчика и оформленные подобным же образом. Орнаментация крайне своеобразна: наряду с вдавленным тонколинейным рисунком встречается желобчатый узор, приводящий, в связи с методами полирования, к выработке еще совсем особого, практикуемого здесь, приема декорировки сосудов „выемчато-выпуклым“, тонко-рельефным орнаментом, получаемым углублением окружающего рисунка фона путем уплотнения глинистой поверхности желобчатыми вдавлениями и энергичным лощением* сосуда, высушенного до плотности кожи. Чрезвычайно характерная, как видели выше, и композиционно, эта орнаментация, подобно как и форма ручек, особенно сближают данный комплекс с основными группами энеолитической керамики ряда южных юго-кавказских жилых холмов: Шенговитского в Ереване, Шреш-Блура близ Эчмиадзина, Тагаворанаст близ Кировакана и других.

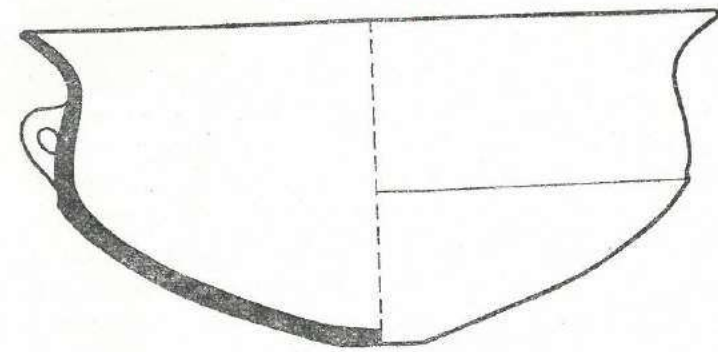

Рис. 124. Черно-глиняная с розовой подкладкой глиняная миска с полушарного типа ручкой из энеолитического слоя Бешташенской крепости. В $\frac{1}{4}$ натур. велич.

Вышеупоминавшаяся же связь именно этой керамической группы с некоторыми вариантами древне-курганной посуды и особенно наличие крайне сходных случаев выемчато-выпуклой крупной спирали на черно-лощеной поверхности керамических фрагментов из Шреш-Блура (близ Эчмиадзина), из Кикети и из безъямных курганов №№ IX и XVIII Триалети может отчасти указывать на большую ее молодость, сравнительно с предыдущей, хотя с полной достоверностью утверждать это до получения стратиграфических данных является преждевременным.

Подобно тому, как в состав первой триалетской группы энеолитической керамики входят сосуды с красной густой обмазкой, во второй группе обнаруживается примесь тоже красных изделий, с лощеной окрашенной поверхностью и с применением приема втирания в глину красной краски, в частности, например, в подкладку черно-полированных снаружи сосудов.

Третий комплекс образует черепки, собранные в более высоких частях нижнего культурного слоя на той же крепостной площадке в Бешташени, как и предыдущий комплекс.

* Предположение о вырезывании желобков полукруглым долотом (птичьей косточкой), как иногда делают, здесь, мне кажется, совершенно исключается.

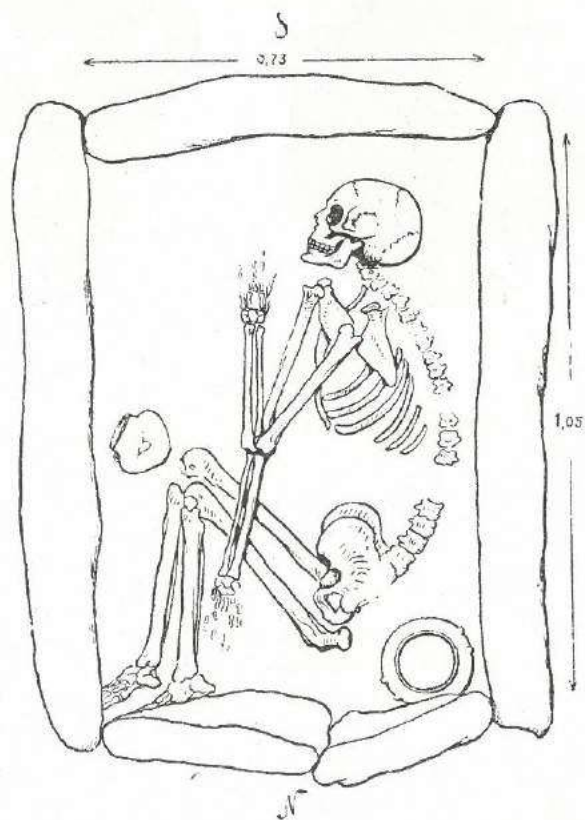

Рис. 125. Погребение в каменном ящике энеолитической эпохи у шоссе к Бармаксызу (Цалкинск. р-н). В $\frac{1}{15}$ натур. велич.

Сюда мы относим черно-полированную керамику с тонко резным орнаментом (табл. СХХII) и объединяем вместе с последней фрагменты найденной здесь же, в близких стратиграфических условиях, расписной посуды (табл. СХХI).

Кроме всех этих находок в энеолитических культурных слоях Бешташенской крепости, на Цалкинском плоскогорье были обнаружены в 1936 году также два погребения, относящиеся к той же, приблизительно, эпохе. Одно из них, открытое на дороге, спускающейся к Бармаксызу со стороны Манглиси, представляло собой типичное скорченное захоронение в маленьком каменном ящике (размером 1,05×0,73 метра), сложенном из четырех камней и покрытом массивной плитой (рис. 124). Покойник лежал на правом боку с круто подогнутыми ногами, одной рукой, вытянутой вниз, и другой у лица в сопровождении только двух глиняных сосудов у колен и таза и с какой-то окаменелостью (дентин от зуба ископаемого животного) под головой. Сосуды (табл. СХХV) представляли собою буро-глиняные толстостенные, но тщательно вылепленные от руки и лощенные, — миску с двумя парами шишковидных выступов вместо ручек и кружку с узким выемчатым доньшком, цилиндрической широкой шейкой и типичной кругло-выемчатой маленькой ручкой на перегибе от плечиков к шейке (рис. 126 а, в). По своему характеру посуда занимает в некоторых отношениях промежуточное место между первым и вторым из выше рассмотренных комплексов энеолитической посуды, но несомненно ближе к первому.

Рис. 126. Глиняные сосуды из индивидуальных ящичных погребений энеолитической эпохи в Триалети: а и в) — шоссе к Бармаксызу; б) — сел. Таш-Баш.

Второе погребение было найдено на могильном поле в сел. Таш-Баш у южной подошвы горы с остатками циклопической крепости, среди могил совершенно иного возраста, поздне-римской и сасанидской эпохи. Здесь на замощенном небольшими плитами полу, в 1,1×1,5 м площадью, отгороженном с востока стоящей на ребре плитой, находилась прикрытая большим камнем группа семи глиняных сосудов, среди которых лежали беспорядочно кости одного человека, при чем череп и нижняя челюсть его оказались попавшими в две рядом стоявшие боком миски. Плохая сохранность костей не дала возможности выяснить с очевидностью, было ли здесь вторичное захоронение или, может быть, нарушенное первичное погребение. О принадлежности этой могилы к рассматриваемой эпохе свидетельствует только характер керамики, так как никакого иного инвентаря здесь не имелось. Сосуды, как и в могиле у Бармаксыза, все леплены от руки из бурой глины и обработаны с наружной и внутренней поверхности лощением по глинистому ангобу. По форме содержат варианты, отсутствовавшие в первом погребении, но близкие к нему: тяжелые миски с двумя очень миниатюрными ручками у самого венчика, широкие чаши с согнутым внутрь краем и рожковидным выступом, вместо ручки, и кружки с вогнутым маленьким доньшком и довольно высокой шейкой.

Находка обоих этих погребений представляет тот большой интерес, что доказывает очень раннюю традицию в Триалети, подобно как в самом нижнем энеолитическом

слое Алишарского холма в М. Азии (363), простых одиночных грунтовых, в частности, и ящичных погребений в эпоху, предшествовавшую появлению здесь вышерассмотренной ранне-бронзовой курганной культуры. Только дальнейшим исследованиям предстоит выявить социологические и исторические корни этих смен в погребальных обычаях, тем более, что другие до сих пор известные случаи погребений с подобной или близкой к рассмотренной керамикой отличаются совсем иным строением могильного сооружения, или в виде замурованных круглых ям с коллективными погребениями под курганной насыпью, как в Степанкерте и Ханларе (Еленендорфе) (364), или в виде глинобитной камеры со следами обжига стенок, как в Кикети (361). С другой стороны не вполне еще ясно, являются ли и курганы, предназначенные только для одного покойника, единственным способом погребения для всего населения (Триалети) эпохи ее древнейшего культурного расцвета и не должны ли еще обнаружиться и иного рода могильники с рядовыми погребениями, синхроничные курганам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С рассмотренными в последней главе энеолитическими памятниками мы достигли наконец, в известном смысле, предела культурно-исторической перспективы в развитии Триалетского культурного очага, так как здесь уже не удастся обнаружить никаких признаков неолитических поселений, столь типично представленных в других частях Грузии, именно Западной, богатыми стоянками с характерным кремневым инвентарем, двусторонне обработанным (листовидные копья, ножи, треугольные стрелы, характера наших энеолитических и пр.) и сопровождаемым большим количеством макролитических кремневых орудий, типа „пик“, шлифованными, особенно у лезвия, подтреугольными поперечными топориками-теслами (часто из гальки), шлифовальниками, пестами, зернотерками и красно-буро-глиняной керамикой, сильно отощенной крупными кварцевыми зернами, как например на холмах Тетрамицы и Сатаплия близ Кутаиси (сборы П. И. Чабукиани), а также в Одиши близ Зугдиди (раскопка А. Каландадзе), где кроме того значительна примесь ярко выраженного типичного комплекса поздне-капсийского типа с геометрическими сегментовидными и трапецевидными микролитами, видимо принадлежавшими к разрушенному нижнему пласту культурного слоя (369). Конечно, это еще не позволяет полностью утверждать, что Триалети вовсе не было населено в неолитическое время, но несомненно, что большинство жилых холмов с циклопическими крепостями и последовательностью культурных пластов бронзовой и железной эпох начинает здесь свою историю лишь с появления металла, подобно тому, как мы это видим и в Малой Азии, где неолитических слоев не оказывается даже в таких наиболее ранних холмах, как Гиссарлык (Троя), Алишар, Саксегози и др. (365).

От периода, предшествующего металлу, в Триалети существуют достоверно, как удалось нам установить, только памятники эпипалеолитического возраста. Эти последние представляют собою очень своеобразную местную фаццию с использованием в качестве основного материала для поделок не традиционного кремня, а вулканического стекла, обсидиана, более хрупкого и менее твердого, чем кремень.

На насыщенность пахотного слоя в Триалети во многих местах осколками обсидиана со следами искусственной обработки и о наличии здесь большого количества пещер указывалось еще в 80-ых годах прошлого века. Уваровым (83) была даже издана специальная таблица с осколками и орудиями из обсидиана, собранными на Цалкинском плоскогорье А. Я. Иоахимовым. Жак де Морган (366) прослеживал эти осколки, „хотя и без ретуши, но с бугром откола“ не только по реке Храми, но по широкому пространству на путях от Алагеза (Арагаца) к Тбилиси, к Мцхете, Сурами и в Дарьяльское ущелье (367), обращая при этом внимание на особые прозрачные качества южнокавказского обсидиана, сравнительно, например, с критским. Это последнее наблюдение делало возможным различать источники обсидианового импорта и для древнейших, еще энеолитических слоев, Шумера,

Элама, Месопотамии и Египта. Но несмотря на все свое значение, указанные обстоятельства, требовавшие тщательного изучения и прежде всего датировки различных периодов добычи обсидиана в южно-кавказских месторождениях, не привлекали к себе никакого внимания археологов.

В то же время старые, не дифференцированные по пунктам, различные сборы цалкинского обсидиана, сделанные Иоакимовым (83), Комаровым, Такайшвили (370) и Греном (371) (с фантастической характеристикой), хранящиеся ныне в Археологическом Отделе Гос. Музея Грузии (84), совершенно недостаточны, чтобы судить непосредственно о существовании в Триалети тех или иных хронологически и культурно определенных периодов.

Вирхов (373), опубликовавший два обсидиановых орудия из сборов Иоакимова в Триалети, подтреугольный отщеп типа Мустьерского острья, и треугольную стрелку с коротким стерженьком, формы кремневых из неолитической стоянки в Тетрамица и типа наших из энеолитического слоя Бешташенского городища, условно отнес их к эпохе бронзовых могильников. Палеолитическая древность для большинства закавказских обсидиановых изделий отрицалась первоначально и Морганом, считавшим их исключительно энеолитическими, связанными с эпохой появления металла, который, по его мнению, следовал в Передней Азии непосредственно за верхним палеолитом—„археолитом“ его терминологии. Действительно, по наблюдению Жак де Моргана (на Алагезе), орудия, близкие, например, по форме солотрейскому острью, оказываются обладающими несвойственной последним зубчатостью, которая напротив характерна для подобных форм из нижних энеолитических слоев Суз и фаюмских стоянок в Египте. Однако, Морган в специальной статье (375), посвященной рассмотрению подъемных материалов с Алагеза, и в последнем сводном труде (376), делает попытку выделить, по наличию патины, вторую группу обсидиановых орудий, с мустьерскими, ориньякскими и мадленскими формами, принимая для них поздне-палеолитический („археолитический“) возраст.

Наши исследования в Триалети устанавливают, наряду с вышеупомянутыми: — а) использованием обсидиана для тончайших по технике изделий в цветущую эпоху курганной культуры (наконечники стрел, очковидные прозрачные диски); б) обычаем обсыпать поверхность курганов древней группы на водоразделе к Параванскому озеру крупными и мелкими его обломками, повидимому, из ближайших обсидиановых выходов; в) наличием большого количества обсидиановых отколов в форме широких пластин и иногда ядрищ, с редкими случаями ретуши, среди рассеянных осколков в верхнем черноземном слое по всему Триалети и в более

густых его скоплениях на поверхности циклопических городищ;—также, наконец, и несомненное существование настоящих заселенных пещер с верхне-палеолитической обсидиановой индустрией. Только в пещерах нам удалось встретить в большом количестве типичные серии обработанных орудий, дающие возможность говорить определенно о их возрасте.

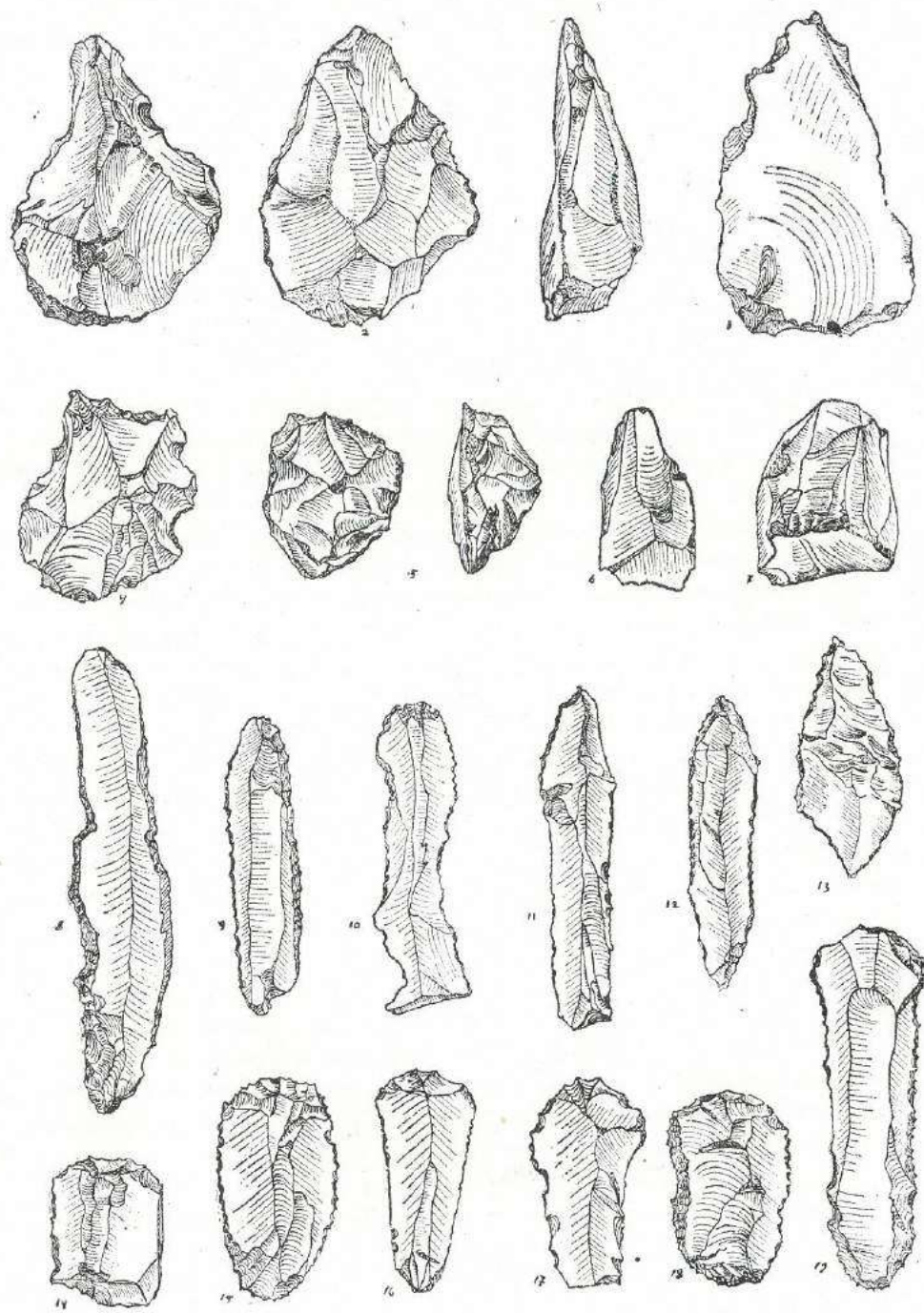

Рис. 127. Верхне-палеолитические орудия из полупещерной стоянки в Бармаксызском ущельи из обсидиана и кремня (№№ 11, 12 и 13). В $\frac{3}{4}$ натур. велич.

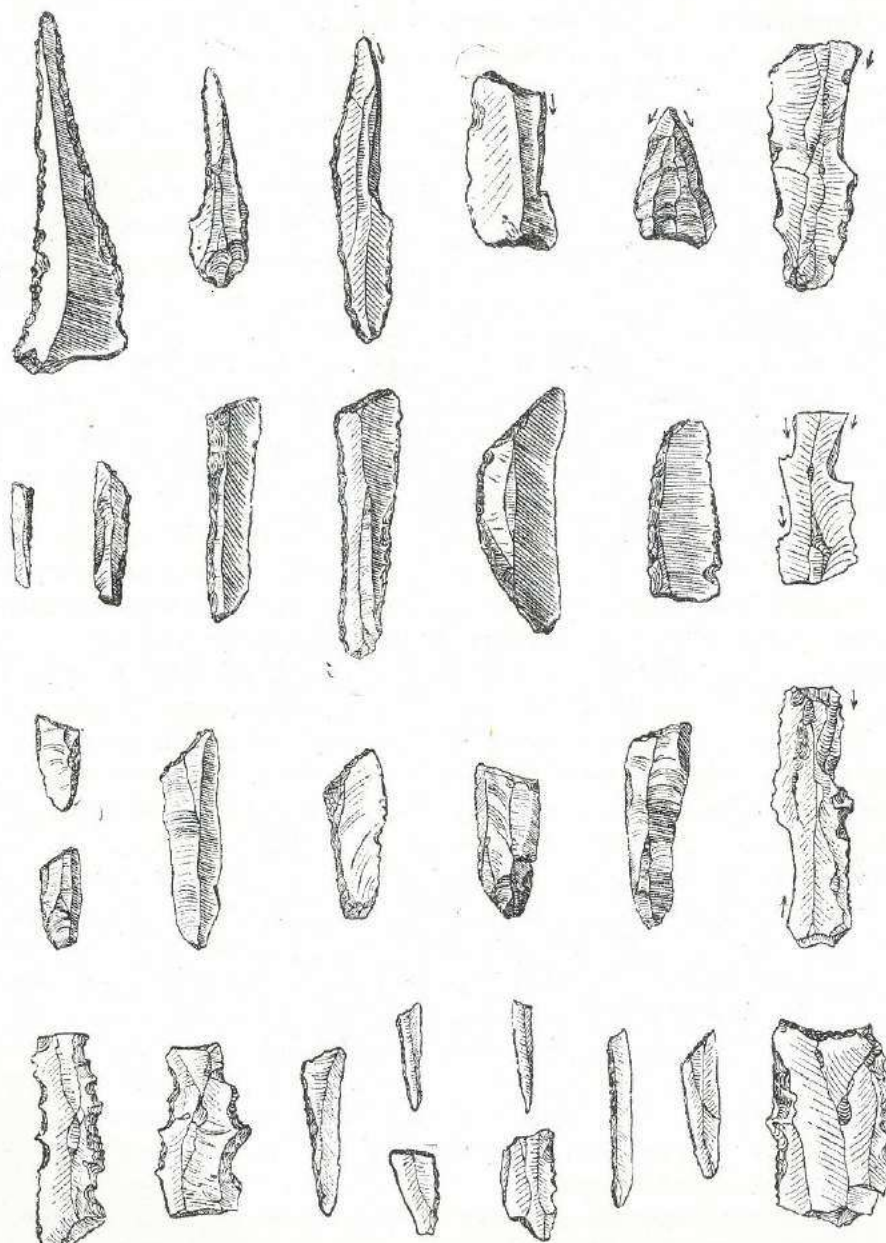

Рис. 128. Верхне-палеолитические орудия из полупещерной стоянки в Бармаксызском ущельи из обсидиана и кремня (3-ий ряд, 2, 3, 5 и 6). В $\frac{3}{4}$ натур. велич.

Полностью нами обследована была, в первый же год работ экспедиции, одна такая пещера, вернее небольшое углубление в скале с наружной жилой площадкой под ее навесом на левом берегу р. Храма (Кции) в конце каньона, открывающегося к селению Бармаксыз, на высоте около 8 метров от поверхности реки (табл. СХХVI).

Пещера эта была огорожена невысокой каменной оградой, толщиной до одного метра, по краю площадки. Поверхность культурного слоя к моменту работы была разрушена и каменное дно местами было обнажено. Много обсидиановых орудий и осколков оказались разбросанными по размытому склону вне ограды. В значительной сохранности культурный слой удалось наблюдать только в той части площадки, которая находилась под разобранными нами каменной оградой. Здесь почвенный пласт достигал до 80 см толщины и состоял из дернового слоя, около 20 см, более темного, коричнево-каштанового цвета, культурного слоя, всего около 40 см мощности, и наконец комковатого окрашенного в желтоватые и красноватые оттенки слоя подпочвы,—продукта разрушения туфовой скалы. Обсидиановый материал начинал встречаться с глубины 25 см, но главная масса орудий сосредоточивалась приблизительно на глубине 50—60 см от поверхности, образуя на вертикальном разрезе всего пласта резко заметную полоску. Горизонтальные расчистки на этом последнем уровне были густо усыпаны блестящими осколками обсидиана и орудиями. Кремневый инвентарь играл при этом крайне незначительную роль. Из десяти с половиной тысяч осколков и орудий, собранных на площади в 70 кв. метров, кремнь дал несколько более шестисот единиц, то есть около 6 проц. Костного материала оказалось очень немного и он состоял главным образом из мелко-разбитых диафизов крупных костей и зубов дикой лошади. Характерной чертой индустрии является огромное преобладание узких ножевидных сколов над широкими пластинами, которые, большей частью, неправильны, являясь простым отбросом производства и лишь в единичных случаях получают вид орудий, иногда и пережиточно сохраняющегося мустерского острия. Массивных осколков и ядрищ (исключительно неправильных) очень мало, до 3 проц. к валовому сбору.

Удалось выделить, однако, 3—4 сферических нуклеуса мелких размеров. Узкие сколы образуют две группы: большую (более 2-х тысяч экземпляров), состоящую из удлиненных трех-четырёх-гранных не очень правильных уплощенных лезвий среднего и малого размера, и меньшую из более массивных, чаще трехгранно-призматических, отколов, прямых или изогнутых, являющихся в значительной части отбросами при изготовлении резцов, типа выделенного П. П. Ефименко (377) для Костенок еще в 1915 году. Сами резцы, хотя немногочисленны, но характерны. Они изготовлены преимущественно на ножевидных пластинах, обыкновенно более массивных, из непрозрачных разностей обсидиана, но не из кремня. Преобладают краевые и угловые резцы (простые, двусторонние, двуконцовые, двукратно-повторные) над срединными. Многофасеточные резцы не типичны. Резцовый откол производился обычно по слому пластинки, но имеются прекрасные образцы с ретушированным вершинным краем (косо-прямым и выемчатым). Скребки встречаются двух главных типов: неправильные, получаемые помощью ретуши выступающих и вогнутых краев тонких широких отщепов, и правильные, или концевые, на ножевидных пластинках, обыкновенно сужающихся к основанию, или же, реже, округло оформленные. Скребки с высоким крутым рабочим краем более редки.

Очень характерны проколки с двукраевой ретушью, образующей длинное шиловидное острие. Значительную группу орудий составляют удлиненные пластинки с ретушированными краями. Ретушь обычно обрамляет всю пластинку, следуя ее очертаниям, или частично с одной стороны. Встречаются и пластинки с выемками, ретушированными с одного края со спинной стороны, с другого—с брюшной стороны.

Наиболее типичной руководящей группой орудий являются здесь узкие острия с наискось обитым концом и притупленной спинкой. Размер этих изделий, генетически восходящих к острию типа „Граветт“ (368), колеблется от 5 до 1,5 см, при чем наиболее мелкие пора-

жают своей очень узкой трехгранной формой с высоким затупленным краем. Эти последние не только типологически, но и функционально являются, видимо, предшественниками „геометрических“ микролитов-вкладышей поздне-капсийского типа (374). Близко к этим орудиям примыкают многочисленные в описываемой стоянке пластиночки, не имеющие притупленной спинки, но снабженные одним таким же косым ретушированным концом. Может быть они являются лишь заготовками для предыдущих. Всего обоих видов этих орудий собрано нами на стоянке более двухсот экземпляров, при чем любопытно, что треть из них оказалась выделанной, в полбное нарушение вышеуказанных соотношений, из кремня.

Характерной чертой этой интересной стоянки, определяющей верхнюю границу ее хронологического возраста, является полное отсутствие в ней следов приема дробления на части правильных ножевидных пластинок и вообще „геометрических“ микролитов, входящих в состав инвентаря пещерных стоянок Имеретии третьей группы, по классификации С. Н. Замятнина (378), и составляющих, по видимому, самостоятельную древнюю группу в инвентаре из Одиши с неолитическим уже там основным слоем.

Таким образом, изучение Бармаксызской стоянки с полной очевидностью доказывает заселенность человеком высокого Цалкинского плоскогорья (выше 1500 метров над уровнем моря), во всяком случае, с конца палеолитической эпохи, когда основным охотничьим животным, как показывают костные остатки в культурном слое, была очевидно встречавшаяся в большом количестве дикая лошадь. Замена отсутствующего в этой вулканической области кремня обсидианом сообщает характерный, необычный, облик местной каменной индустрии, сохраняющей однако, несмотря на отличающиеся физические свойства (хрупкость) вновь приспособленного материала, типичные для данной стадии формальные черты. Это придает Триалети наряду с другими частями центрального южнокавказского вулканического нагорья с месторождениями обсидиана, в частности, например, с Арагацом (Алагезом), где, как говорили выше, Жак де Морганом предполагалось наличие длительных филиаций палеолитической обсидиановой индустрии, особый интерес, не столько даже в отношении форм приспособления палеолитической техники к иному материалу, сколько в отношении самой истории добычи и обработки, а также транспортировки обсидиана в невулканические области Передней Азии, а также и другие части Кавказа, поскольку находки обсидиана зарегистрированы там уже в верхне-палеолитическую эпоху.

К сожалению, в данное время мы не имеем еще никакой возможности обнаружить и выделить обсидиановую индустрию для всего неолитического периода, чтобы проследить преемственность древнейших коммуникаций, подготовлявших позднее пути движения металла. Если в Поволжье обсидиан мог проникать всего естественнее из небольших северокавказских месторождений, в Египет и Сирию—с островов Эгейского моря и Мало-Азийского плоскогорья, то в Элам, Шумер, Луристан, даже Курдистан, как доказывает Жак де Морган (379) на основании непосредственного сравнения материала находок, он шел видимо из вулканической зоны Малого Кавказа, где обсидиан отличается, особенно в районе озера Паравана, высокими качествами и богатством ценных стекловидных разностей. Единственное, мы можем пока сказать при настоящем состоянии наших исследований, что последнее обстоятельство могло явиться одним из условий культурного подъема Триалети и соседних вулканических областей в конце неолитической эпохи, непосредственно перед появлением металла, когда, с одной стороны, обсидиановые поделки становятся особенно многочисленными в культурных слоях Месопотамии, Шумера, Элама и когда, с другой стороны, на самой территории Куро-Аракского Двуречья обособляется вышеуказанная культура зольных холмищ с прекрасной художественной керамикой особого стиля при низком еще уровне технического оснащения. Поэтому изучение этого последнего слоя и выделение источников его возникновения должно явиться уже в настоящее время одной из кардинальных проблем в доистории Южного Кавказа и в решении вопросов его раннего этногенеза, поскольку именно в этом слое оказываются заложенными корни блестящего

культурного расцвета Грузии в Триалети, наступившего к середине II тысячелетия до нашей эры. Мы уже говорили выше не только о местном характере этой культуры, но и о крепких ее связях с предшествующими стадиями, пережитыми на той же территории.

Действительно, указанные обстоятельства влагают совершенно новое содержание в существовавшие до сих пор исторические представления о месте Кавказа в развитии древневосточного мира. Прежде всего, совсем под иным углом зрения рисуется нам теперь история Ванского царства, поскольку появлению его далеко предшествовали в еще более северной горной зоне, на территории современной Грузии, исключительно развитые формы быта и высоко дифференцированные ремесла в недрах еще может быть родоплеменного общества, с значительным накоплением богатства внутри господствующих родов и с роскошью, окружавшей вождей. Это позволяет более полно учитывать значение чисто местных общественных сил в процессе формирования ближайшего предшественника последующих государственных образований Южного Кавказа, тем более, что в настоящее время теряют свою убедительность старые представления Лемана-Гаупта о появлении урартской культуры и языка с далекого запада Малой Азии. Целым рядом новых работ убедительно устанавливается ближайшее родство господствующего языка в стране Урарту (Уруарту) с хурритским (382) (с той же основой в наименовании, но с сохранением начального придыхательного), письменные памятники которого в свою очередь обнаруживаются раскопками последнего десятилетия в Месопотамии и Сирии (Мари) (383) в слоях, уходящих в III тысячелетие до нашей эры, а ономастические (Саммара) (384) и другие языковые следы ведут даже к ранней шумерской эпохе (385), территориально, вплоть до Индии. Вместе с тем (386) прочесть печати из Мохенджо-Даро убедительно, а Мооргата (387) и А. Гетце (388) о значении „горных народов“, именно хурритов или харрийцев, как четвертой промежуточной между хеттами и населением Месопотамии культурно-исторической величины древнего мира. Все более устанавливаемые прочные связи хурритов с Сирией и вероятное отношение их к гиксам (389), покорившим Египет, несколько не меняет вопроса о северном горном происхождении хурритов, как об этом свидетельствует между прочим и сопоставление анализов пород дерева (береза и ясень) (390) египетской колесницы Флорентийского Музея, со сведениями, что древесный материал для колесниц вывозился в Египет из страны Нахараин (391) (Митани), то есть видимо Наири ассирийских надписей, так как береза уже не растет южнее Ванской области, а одно из двух египетских названий для колесницы *wjrt* является действительно по Шпейзеру (392) хурритским словом *warat* „колесница“.

Можно думать, что первоначальное распространение харрийцев-хурритов из горного Курдистана и может быть Загроса происходило вдоль горных областей по верхнему Ефрату в Сирию, минуя долину Тигра, так как на территории Ассирии не обнаруживается их следов до начала II тысячелетия (393). Только к этому времени к XVII—XIV векам до нашей эры относит Шпейзер хурритские слои Тепе Тавра (394), эпохи средней бронзы, соответствующие третьему хурритскому слою в Тепе Билла, где характерные черты орнамента хурритской керамики, спиральный мотив и фигуры птиц, уже тяготеют к средиземноморским, обнаруживая однако здесь в то же время совершенно иной неповторимый в Эгейском мире декоративный характер. Вместе с хурритами эти мотивы проникают и в Сирию и даже Египет эпохи гиксов (395). Однако пышное и своеобразное развитие тех же декоративных форм в курганах Триалети эпохи средней бронзы вносят новые моменты в вопрос о путях их преемственности в хурритской среде и об отношении последней к субарской культуре, если учитывать устанавливаемый Шпейзером, в противовес Унгнаду (396) и собственным первоначальным положениям (397), разрыв между субарской и хурритской культурой, одной собственно месопотамской, а другой, периферической к ней и проникнутой эгейскими элементами. Во всяком случае мы не должны только смешивать позднего чисто торгового притока критской продукции на Кипр и в Сирию (Рас-

Шамра) (398), особенно значительного в эпоху XIV—XIII веков, с тем длительным взаимным культурным обменом стран восточного Средиземноморья и Переднего Востока с началом появления металла, который позволил Губерту Шмидту (399) проследить крито-микенские формы уже в конце второй культуры в Анау на крайнем Востоке (Средняя Азия) и который основывался на значительной общности древнейших этнических систем на всей этой территории при разнообразии народов, культурных провинций и языковых групп. При этом скорее Малая Азия с Кипром и Понтийским побережьем являлись Западом, с древнейшим его протохеттским этническим субстратом, тогда как северная Сирия, и исторически, и этнически, и географически была связана с месопотамским Двуречьем*.

* В действительности зона контакта протохеттских языков с восточно-азиатскими может проходить еще глубже. Хаттийские языковые черты прослеживаются на восток до Каспийского моря и Загроса, где язык каспиев (вавил. касситов), в свою очередь проникавших, если и не касаясь связи их с кашками (406), судя по топонимике на территорию Грузии (сел. Каспи, станция *Caspi Tabulae Peuting.*, локализуемая Томашеком (400) близ оз. Параван), явно роднится с хаттийским, как это показывают ономастические (401) и поразительные словарные совпадения: хатт. *miliš* „человек“—касп. *mei* „человек“ (401); хатт. *wašhaw* „бог“—касп. *mašhu* „бог“ (402) с типичной вавилонской меной *w/m* (сравни также черкесско-„осетинское“ (403) *uaš'ho*—имя божества), хатт. *wuru* „страна“—касп. *miri-aš* „земля“, при эламском *miri* „земля“. Последнее свидетельствует что и эламский, с которым каспийский близок, в частности и показателем множественности *-ri* в своем наименовании *Kaz-ri* (404) (аналогичным грузинскому „народному“ (405) *-b-*, мегрельскому *-r-* и подобным (407) в ряде дагестанских языков), обнаруживает сопоставление с протохеттским и, несмотря на совершенно иное свое строение, включает еще ряд общих с протохеттским элементов, например: другие словарные совпадения,— хатт. *katte* „царь“, эламск. *katla* (?), *katru* „владыко“, в качестве титула (408), или сходство генитивного суффикса (409) происхождения и принадлежности *-t* в эламском (например *batantira*, *batantirga* „эламский“, „происходящий из Батанти“) и *-l* в хаттийском (напр. „из города *Ariṣna*“—*ariṣna-l(iš)* „аринский“ или пережиточно в хеттском-неситском—*hattili* „хаттийский“), сближение которых между собой особенно очевидно при сопоставлении с такого же рода грузинскими суффиксами происхождения (410), например: *kax-urī* „кахетинский“, *kax-sī* „кахетинец“ и подоб.

Можно поэтому думать, что в каспийцах мы имеем древнейший продукт взаимодействия крайней восточной и западной ветвей передне-азиатского этнического субстрата.

В какой мере следует также приписывать протохеттам возможность участия их в образовании космополитической шумерской культуры и относить на их счет особенности в префиксальном строении шумерского глагола (411), при типично агглютинирующем характере языка с тенденцией к гармонии гласных (412), не имеется сколько-нибудь установившихся мнений, если не считать попытки Эмиля Форрера (413) сконструировать в Шумере и Месопотамии особый хатти-сангверский племенной массив, явившийся одним из основных компонентов шумерской народности, вместе с субаро-харрийским (414), а также вероятно и эламским (415). Во всяком случае обращает внимание факт фонетической солидарности во всех азиатических языках Древнего Востока; при всем их различии между собой. Пёбель и Отран указывают в Шумере (416) такую же перешительность в различии звуков взрывных глухих и звонких *b-p*, *g-k*, *d-t*, какал имеется и в малоазиатских языках (за исключением лидийского, а также урартского), напр. лидийском (417), где *b* и *d* часто передаются через *pp*, *mp*, *pt*. Это же явление засвидетельствовано эламской, митанийской клинописью и кипрским слоговым письмом (418).

Сюда же можно отнести также широкое пользование в указанных языках латеральными звуками, типа современных северо-кавказских языков (419), как это следует из обычных колесаний в употреблении *t* и *l*, что Хюзинг (420) давно уже констатировал в эламском (*hulun* || *hudun* вместо **hu* (*tl*) *un*) и что можно видеть также в хурри-митанийском (421), где Борк предполагает латеральное *l*, типа ирландского и уэльского, и где Форрер (422) также отметил аналогичные перебои, например, в титуле цари—*labarna* || *tabarna*.

Относительно наличия аналогичного звука в хаттийском языке труднее сказать что-либо определенное, за отсутствием достаточного материала, но А. Смешек (423) пытается установить его, на основании ряда соображений: так заимствованный ассирийцами из Малой Азии архитектурный термин *hīlani*, вероятно протохеттского происхождения, встречается также в написании *hīlani*, в греческом и римском языках (у последних может быть под влиянием этрусков) сохранились следы указанного колебания (памфильское *λάφρυη* || *δάφρυη*, *λίσιος* || *δισίος*), чему они обязаны видимо протохеттскому субстрату, как это подкрепляется и непосредственными данными И. Гельба (424). То же явление, перебои *d/l*, определенно выражено, и в лидийском (425).

Отмечается также во всех азиатических языках общность перебои *š* || *g* > *l* через *g*—*š* (подобно груз. и мегр. *ruli* || *luri*—*jurī* „сон“ и *qurī* || *qušī* „ухо“ и общекавказским соответствиям для слова три, по Диру (426) **labu* || *šabu*—**šamu*) в эламском (427), хурри-митанийском (428), шумерском (429), а также и протохеттском (430).

Вместе с этими фонетическими фактами, указывающими на однородность древнейшего языкового субстрата на всей этой территории с чрезвычайно стойкими разговорно-звуковыми привычками, трудно вообще

Поэтому нет никаких оснований рассматривать хурритскую культуру как культуру эгейскую и тем более отрывать хурри-митанийский языковой массив от восточно-азиатического мира, противопоставляющего протохеттскому—западному (чисто префиксальному языку) эламский и шумерский с их по различному проявляющимся отношениями к хурри-митанийскому при глубоком своеобразии каждого из них в отдельности. Особенное значение в данной аргументации имеет также и констатируемое Бруном и Борком проявление древнейшего дравидийского языкового субстрата сквозь кавказско-азиатические языковые пласты, как в эламском (440), так и хурри-митанийском (441) языках в независимой друг от друга форме, что в свою очередь ведет к отклонению этих языков друг от друга. Соприкосновение с дравидами, присутствие которых, во всяком случае, в Эламе засвидетельствовано и исторически и антропологически (439), отражается и обратно на несомненных заимствованиях, например, из эламского языка (ряд личных и притяжательных местоимений, *Suffixaufnahme*) в языке белуджистанских брагуев (440). Но гораздо существеннее то, что объяснимые из дравидийского языковые черты прослеживаются, видимо параллельно с широким древнейшим распространением протомедитеранной расы, на Переднем Востоке и гораздо далее на запад в Малой Азии*. Так Фердинанд Борк всецело

искоренимыми, наблюдаются столь же общие черты и иного порядка, как например явление, отмеченное впервые Боппом (431) еще в 1846 году в древне-грузинском языке и названное Финком в его классификации языковых типов (432) *Suffixaufnahme*, то есть принятие управляемым (посессивом) суффиксов управляющего, обычно стоящего впереди. Хюзинг и Борк считают эту особенность как бы „руководящей окаменелостью“ (433) кавказско-азиатических языков, поскольку она характеризует эламский (434), хурри-митанийский (435) (но с нарушением обычной последовательности (436), не коснувшейся однако урартского 437), а также шумерский (тоже с обратной последовательностью) (438), хеттский-неситский, хеттский-иероглифический, ликийский (417) и даже этрусский (*genetivus genetivi*). Если мы находим эту черту у брагуев Белуджистана, в полном противоречии с основным строем их речи, то это только может свидетельствовать о возможности распространения этой черты также и путем простого заимствования, и о том, что предки брагуев должны были некогда обитать значительно ближе к Передней Азии.

Таким образом, приведенные здесь факты свидетельствуют со своей стороны, что и четвертая группа азиатических народов Древнего мира, именно хурри-митанийско-урартская, наряду с протохеттской, эламской и шумерской, оказывается глубоко захваченной в один общий языкообразовательный процесс.

* Представление Ф. Лушана (442) о коренном „арменоидном“ брахицефальном типе населения Переднего Востока и особенно Малой Азии все более терпит поражение с появлением новых находок костей человека из более глубоких исторических и доисторических слоев. Почти всюду обнаруживается здесь древнейшее господство атланти-медитеранного (евро-африканского) или чисто медитеранного антропологического типа в различных его вариантах (иногда, даже на западе, с заметными чертами прогнатизма). Во всяком случае это можно уже определенно говорить относительно Шумера, начиная с обейдской эпохи и до третьей династии Ура (443), относительно значительных частей Малой Азии, Троады, Киликии (444), а также и Каппадокии (445) о Южном Кавказе (272) и особенно об Иране (Тепе Гиссар) (446), где и теперь, как выяснено, последними исследованиями Г. Фильда (455), господствующей является особая ветвь средиземноморской расы, выделенная им и Хутоном, как „раса иранского плоскогорья“. На долю переднеазиатской—брахицефальной расы остаются собственно горные и лесные области северной Месопотамии и Малой Азии, откуда эта раса и имела возможность в дальнейшем распространяться. Однако одним культурным и политическим выступлением „горных народов“ на арену древне-восточной истории во II тысячелетии до нашей эры вряд-ли можно объяснить современное господствующее положение в Малой Азии, северной Месопотамии и южном Кавказе этого так называемого „арменоидного“ или „ассироидного“ „понто-загросского“ брахицефального типа, в котором В. В. Бунак (447) обнаружил завуалированные признаки медитеранной расы. В вопросе о его генезисе должна быть учтена гораздо более древняя доисторическая расовая картина.

Если не согласиться со старым еще мнением Китса (448) о возможности самостоятельного местного возникновения европейской альпийской расы с динарским ее вариантом, наиболее близко стоящим, как это устанавливает В. В. Бунак к описанному им понто-загросскому типу, и признать напротив азиатское происхождение за брахицефальным населением центральной Европы, то Малая Азия и Месопотамия окажутся мостом, по которому происходило древнейшее продвижение этого типа со стороны центрально-азиатских плоскогорий. Но это явление должно отодвинуть далеко назад за восстанавливаемую ныне археологическими исследованиями картину доисторического расселения оседлых уже земледельческих обществ Древнего Востока с черно-лощеной и расписной керамикой, в конце неолита, а именно скорее к мезолитической эпохе (449) (гренольская

относит к воздействию древне-дравидской звуковой системы вышеупомянутое отсутствие звонких взрывных *b, d, g* у большинства азиатических языков, что и обуславливает в значительной степени, по его словам, трудность провести мост между их фонетикой и современной кавказской (457), если не учитывать, например, известного элемента глухости в произношении звонких в грузинских (537), а также и армянских диалектах (538). Митанийский проявляет еще сверх этого свое особое отношение к отсутствующим в древне-дравидском консонантам *s* и *š*, из которых первым пользуется очень редко, а второе всецело приводит к $\frac{z}{s}$ ||*r*, чем Борк и объясняет характерное для митанийского языка смешение *genus regionale* и *commune*, приводящее к исчезновению в нем родовой категории.

Любопытно, что некоторые из языковых черт, воспринятых хурри-митанийским языком из дравидского субстрата проникли через их посредство и в современные южно-кавказские языки. Сюда можно например отнести отмеченное еще Р. Блейхштейнером (458) сходство митанийского отрицания через *-affa, -fa-wa-* (463) с мегрельской частицей *wa, we* и негативным членом *we-г* в грузинском, поскольку в самом митанийском этот суффикс унаследован, по Броуну, из протодравидской речи и сохраняется и теперь у брагуев в формах *-va, -fa, -re* и даже *-ra(r)* (459). В этом же направлении может быть прослежено и происхождение грузинского суффикса для прошедшего несовершенного *-di* (подобно урартскому *ušta-di* я вышел, *naħa-di* я шел), родственного митанийскому *-etta*, который Борк сопоставляет с дравидским *-tt-* и *-d-*. Борк предполагает также объяснить мешанностью хурритского языка с дравидским и противоречивую общему строю речи частую постановку *possessiv'a* впереди *regens'a*, для чего однако, может быть, следует полагать и другие причины, поскольку, например, это явление митанийский разделяет не только с „народным“ грузинским (460), но и со всеми другими живыми кавказскими языками, за исключением одного * южного гилгского (собственно бацбийского или цова-тушинского), где наблюдается порядок общий с древне-грузинским и большинством древне-азиатических языков:— суффиксы стоящего впереди управляющего принимаются последующим ему определяющим (напр. *bakew Daiwtew* „через рот Давида“) (464).

Все это указывает на необходимость искать происхождение хурри-митанийского этнического массива скорее в восточной, чем в западной части Древнего Востока. Напротив,

раса), а может быть даже к верхнему палеолиту (450), и связать не со специфическим передне-азиатским расовым типом, а лишь с одним из его компонентов более ранней формации.

Происходившее вместе с тем распространение протомедитеранного (частью и дравидоидного), а также медитеранного расового типа, имевшего, как полагал Серджи, северо-африканское происхождение, захватывало значительную территорию Передней Азии до Индии (Мохенджо-Даро), так что он оказался здесь господствующим в эпоху образования первых оседлых поселений. Однако черепа альпийского, но не планоокципитального передне-азиатского типа, были обнаружены вместе с средиземноморскими Вирховым в самом нижнем слое Трои (451). Наличие альпийской расы засвидетельствовано также в Палестине (Гезер), на Кипре, в додинастическом Египте (452) и в центре Малой Азии, правда только, в третьем слое Алишарского холма (445), тогда как типично переднеазиатские черепа появляются там не ранее середины II тысячелетия. Это заставляет дать вопросу об оформлении хорошо известного по хеттским, ассирийским, вавилонским, хуррийским скульптурным памятникам расового облика населения Передней Азии особое освещение. Не окажется ли появление этого типа во II тысячелетии следствием явлений более биологического порядка, независимых от языковых образований, именно результатом постепенной регенерации ряда признаков древнего автохтонного типа, измененных и усиленных, метисацией, внутри уже ранее образовавшихся языково-племенных групп, как хуррито-субарских, так и протохеттских и даже семитских (Ассирия), подобно тому как в Придунайских странах происходило восстановление коренного брахицефального населения в послегальштаттскую эпоху (453). В этом процессе ряд характерных признаков, в частности и форма носа понто-загросского типа получила свое оформление, в значительной степени завися и от вторичной долихоцефальной среды (454), заключавшей повидимому кроме более протоморфных расностей и отмеченный Г. Фильдом (455) в Иране и Ираке крайне долихоцефальный орлиноносый тип и другой близкий к протоарабскому, чистым выражением которого оказалось по Китсу (456) население Шумера в додинастическую и раннединастическую эпохи.

* Попытка Хюзинга (461) сравнить в этом отношении с эламским также цахурский язык покоится, как показал Дирр (462), на грубо ошибочных данных Эркерта (546); на самом же деле цахурский язык не выделяется здесь среди остальных лезгинских языков.

вопрос о языковых связях, именно, хурритского языка с Эгейдой не имеет под собой никаких оснований, поскольку языки крито-микенского мира нам совсем неизвестны, а неудачно, поэтому, называемые иногда „эгейскими“ языки западной Малой Азии, в той мере насколько они исследованы, обнаруживают сами азиатический характер и если соприкасаются с хурритским и урартским, то как раз своими „кавказскими“ чертами. Так наиболее хорошо известный ликийский язык разделяет с хурритским в своей чуждой индоевропейским основе только те черты, которые имеются, например, и в эламском, не говоря уже о таких еще более широко распространенных во всех азиатических языках особенностях, как отсутствие взрывных звонких звуков или suffixaufnahme и проч. Например, ликийский и карийский genetivus на -ak (-ekhe), -ah (455) узнается (456) не только в харрийском адъективно-объективном суффиксе -h (aštuhhi „женский“ от ašti женщина) (467), но и в протохеттском kattah „царский“ от katte „царь“, а также и в одном из притяжательных суффиксов эламского -k. Можно также например указать, что ликийское слово „жена“ lada, для которого Бугге (468) предлагает сомнительную, хотя бы из сопоставления со свидетельством Геродота (I₁₇₃) о матриархальных обычаях у ликийцев, этимологию от ala „другой“ в смысле *alla-dā, как „прилагаемая к мужу“, сближается не только с урартским lutu женщина (по А. И. Генко (469) эквиваленту груз. ded-а через архетип *dutu > ღუჭუ „кормилица“), но и с эламским tutu при типичном для древних и новых кавказских языков колебании l/r (например груз. ოვლი—мегр. ოვლი „вода“), в то время как митанийское „жена“ ašti Броун выводит из дравидского, также как между прочим Хюзинг (470) считает дравидским, проникшим в Малую Азию, приведенное Геродотом (I₁₇₃) древнее наименование ликийцев термилами, сопоставляя его с тамилами. Таким образом, если и трудно согласиться с Кречме-ром (471) видеть в названии местности в Сицилии Ἐλυροί, Ἐλυρῶτες (Дионис Галикарнаский I_{221, 33}) эламское происхождение, так как невероятным кажется чтобы эламцы (троянцы по Страбону XIII₆₀₈) сохранили бы в Сицилии не свое собственное наименование Нарі-ті-р, Halpirti-р (477), а семитизованное (472), возможность культурно этнических течений от Элама до западной Малой Азии отрицать не имеется оснований (473). Что касается ликийского, то этот богатый консонансами префиксальный язык вообще не обнаруживает точек соприкосновения с хурритским.

Гораздо больше поэтому оснований связывать с Эгейским миром протохеттский язык, чему соответствует и древнее единство антропологического типа на Крите и в Малой Азии, медитеранного в основе (в противовес старому мнению Лушана (474) о коренном брахицефальном населении Малой Азии и Крита), и ранние культурные соответствия, и, может быть, даже и язык, если удастся подтвердить предполагаемое префиксальное строение языка надписи на Фестском диске. П. Н. Ушаков (475) привел недавно ряд доказательств, подтверждающих этот тезис, правда с некоторыми из выдвинутых им положений нельзя полностью согласиться*. Вообще соприкосновение Малой Азии с древней Грецией доказывается целым рядом различных фактов, среди которых большое значение отводится распространению топонимических названий на -ant, -int, -unt (-anda, -inda, -inthos), а также на -ass (-ssos). Они являются по Форреру (480) в значительной части лувийской перестройкой древней хаттийской номенклатуры, поскольку удается установить вторичность назализации более древних -at, -it, -ut (например протохеттское Kabumat, более позднее—Kaburanda), что можно сопоставить с отмеченными И. А. Джавахишвили (481) грузинскими топонимами

* Напр. в слово делеги, так же как в дулуби, как в Lilybaion наряду с Lube надо видеть скорее множественное через удвоение (476), а не образование с хаттским префиксом le. Против же этимологии В. Бранденштейна древне-греческого названия местности Λέρυη, как le-ariṇna, где le- опять-таки префикс множ. числа, а ariṇna „источник“, основательно возражал Э. Форрер (478) указанием на четыре случая имени греческого героя Λέρυος, исключающих возможность понимания этого слова, как множественного числа. К этому надо прибавить что и слово ariṇna вовсе не является, как показал тот же Форрер, протохеттским, а лувийским, так же как, может быть, и неситское ariṇna море, тем более что в санскритском āgnaś, āgnavā значит поток, море, океан (479), а āgna-ṇi текущий.

ческими наименованиями на -анта при северо-кавказских (без н): на -та, -ада, -ода. В отношении Греции это указывает на присутствие там всего скорее лувийского же слоя сверх протохеттского.

Что же касается Кавказа, то здесь приходится ожидать многослойного пересечения ряда культурных течений как восточных переднеазиатских, так и западных.

Хотя чисто археологические данные в памятниках материальной культуры и не могут быть решающими в сложных вопросах древнейшей этнографии, но и здесь произведенные недавно, в 1939 году, раскопки на озере Ване американской экспедицией дают нам, судя уже по краткому отчету (482), новые существенные опоры для установления следов почти на рубеже Южного Кавказа древнейшей монолитной сиро-месо-потамской культуры, прогрессивной, при своей архаичности, и несомненно отличной от западной мало-азиатской, которая лишь самым нижним своим слоем с чернолощеной керамикой (Троя I, Ахлатли-бель, Сакчегёзы) (483) обнаруживает родство согласно В. Христиану (484) с протохалафской продукцией северной Месопотамии. При этом обращают на себя внимание ранние сношения Ванской территории с Кавказом. Основной индустрией самого нижнего, еще неолитического, слоя в холме Шамирамалти (где производил раскопки Бэлк в 1899 году) (485) оказываются обсидиановые изделия, найденные здесь в количестве сотен ножевидных пластинок, выработанных очевидно из обсидиана, который доставлялся туда, также как в соответствующее время и в Телл-Халаф (486), будущую столицу царства Митани, из ближайших южно-кавказских месторождений (на Арарате и вулканах Ирана, как известно, выходов обсидиана не обнаруживается).

Обсидиановые изделия, более тщательно обработанные, составляли, в следующий период, также инвентарь неолитического очага, открытого указанной экспедицией в Малой Ванской Цитадели в 8 километрах к северу от главной Ванской крепости. Но особый интерес представляет наличие, именно в упомянутом неолитическом слое Шамирамалти, тонкой расписной керамики „телхалафского“ типа, характеризующего, как известно, нижние до-„обендские“ слои ряда наиболее древних жилых холмов северной и западной Месопотамии, как Ниневия, Арпачия, Тепе Гавра, Тел-Халаф с их удивительно ранним, предшествующим Шумеру, культурным подъемом в конце неолита (487). Включение в эту древнейшую культурную систему Ванского района является чрезвычайно существенным фактом, так как ставит конкретно вопрос о зоне ее контакта здесь на севере с упомянутой малоазиатской, протохеттской системой, отличающейся совершенно иной керамической филиацией, другими архитектурными формами (488), художественным стилем и историческими судьбами. Но только с подробным опубликованием Ванского материала, как ближайшего к Кавказу, с одной стороны, и с изучением южно-понтийского пути (489) к западно-анатолийскому неолиту с другой, мы получим возможность соотнести с определившимися на Др. Востоке указанными системами открывшиеся в Грузии древнейшие пласты эпох появления металла и расцвета средней бронзы, и наметить, таким образом, опорные пункты для хронологии ранних этнических смешений, которые надо предполагать на территории Южного Кавказа, по вероятной принадлежности его к области взаимодействия префиксальной и суффиксальной языковых систем яфетического строя. Ведь коренные здесь картвельские и северо-кавказские языки, наряду с давно отмечаемыми связями с хурри-митанийскими языками (490), с одной стороны, и эламским (491) с другой, при устанавливаемом Борком (492) значительном соприкосновении последних между собой*, до глубины словарных совпадений, обнаруживают сильные тенденции к префиксальным образованиям, типичным (496) для хаттийского языкового слоя, основного в Малой Азии. На долю последнего отчасти следует отнести и

* Интересно в данном случае указать, что два грузинских показателя множественности -б и -н не только находят себе полную аналогию оба в эламском (493) и второй в хурритском (494), но следы первого также оказываются и в хурритском (495).

приписываемые субарейцам (497) поразительно сходные с мегрельскими фамилиями формы имен на каппадокийских таблечках, так как по анализу Гельба многие из этих имен являются протохеттскими, и хуррийский элемент среди них менее выражен (498). В то же время вновь поставленный Борком (499) в последней публикации письма Тушратты Аменофису вопрос о поразительной общности „незавершенного“ характера глагольных образований в митанийском, эламском и абхазском языках (согласно работе Деестерса (500) о строении абхазской речи), склонных к необычайному многообразию глагольных форм, которые способны аннексировать не только местоимения, но, при абхазском полисинтетизме, и существительные (абхазское выражение *i-š'ha-sy-rgyl-ucit* „я поставил на огонь“ представляет одно слово, где *rgyl* \sqrt{rgyl} —глагол, *š'ha*—„огонь“ и *-s-* местоимение 1-го лица единств. числа) указывают на глубину связей Южного Кавказа с восточным хурри-митанийским и эламским древне-восточным азиатическим миром.

Это тем более должно быть принято во внимание, что отмеченное Г. В. Церетели (501) совпадение явно активной конструкции переходных глаголов с субъектом в эргативе и объектом в именительном падеже в грузинском аористе, а в чанском во всех временах (502), с таковой же в урартском языке, где субъект определен суффиксом *-še*, а объект находится также в неформальном или „именительном“ падеже на *-ni*, подтверждается и последними исследованиями Альбрехта Гётце по хурри-митанийскому языку. Действительно, Иоганнес Фридрих (503), считая установленным для хурри-митанийского языка, что субъект транзитивного глагола ставится только в падеже на *-š*, а объект на *-ni*, то есть в полном соответствии урартской практике (504), не находит еще возможным утверждать пассивность ориентации глагола, как это сделал для урартского (505). Однако А. Гётце (506) и Е. А. Шпейзер (507) выделяют уже в хурритском типы фраз с пассивной конструкцией, где *n-* форма относится к лицу или предмету, вовлекаемому в действие, при чем глагол оканчивается на *-a*, в точности как в урартском. Зато в отношении переходных глаголов, где *agens* на *-š*, а *affectum*, реже *effectum*, по выражению Шпейзера, на *-ni*, Гётце (508) утверждает в противовес последнему активный характер этой конструкции, то есть тот же, что и в грузинском.

Надо только заметить одно, что исключительно суффиксальный тип хурри-митанийских языков исключает в них возможность префиксального оформления объекта в глаголе, как это имеется в грузинском или также в эламском.

Не место однако входить в данном случае в рассмотрение этих сложных чисто языковых проблем, встающих неизбежно перед нами, когда мы хотим исторически и этнически осмыслить открывшиеся нам археологические факты. Мы можем лишь с значительной вероятностью утверждать, что блестящая курганная культура Триалети свидетельствует об очень древних связях с Южным Кавказом предков грузинских племен, издавна занимавших отдельными своими племенными ветвями эту территорию и в частности области водоразделов Куры и Аракса, Ефрата и Чороха, где согласно недавно предложенным акад. С. Н. Джанашиа (509) остроумным сопоставлениям клинописных ассирийских свидетельств и национального грузинского предания, сохраненного Картлис Мокцева и, в контаминации с Аргонавтикой, Геродотом и Страбоном, следует видеть древнейшую область исторического оформления Иберии-Картли в эпоху, далеко предшествующую Армази Картли в Мухета.

Не отрицая давно установленных родственных отношений между современными грузинскими племенами и древне-восточными одноименными народами (510) мушками (месхами), кашками (колхами), тубалами—тибаренами* (иберами) (511) мы должны однако учесть и наличие

* Следует обратить внимание на тесную связь имени тибаренов-тубалов с металлургией, что засвидетельствовано прежде всего непосредственно библейским преданием, античными авторами, а также составом имени этнарха Тубалкаина, во второй части которого акад. С. Н. Джанашиа (511) подчеркивает эпитет „кузнец“, согласно

чисто местных, идущих от своеобразного южно-кавказского энеолита глубочайших корней грузинской культуры на Кавказе, с поразительным ее расцветом в эпоху средней бронзы. Другой вопрос—в каком отношении находятся эти вскрываемые археологией культурные пласты к обнаруживаемому топонимическими исследованиями (533) древнему заселению большей части западной и восточной Грузии черкесскими (адыгейскими) и чечено-дагестанскими племенами, генетически родственными грузинам (534), и как хронологически и гео-

этимологии Эйслера (512), обнаружившего для понятия кузнечного производства, игры на флейте и -элефи (513) один семитический корень, связанный с трубкой *kapach*, основной частью воздуходушных мехов. Но и первая половина приведенного имени Тубал (514) восходит, очевидно, к тому же понятию, поскольку шумерское *tibira* передается объяснительной глоссой, читаемой по ассиро-вавилонски *gurguti*, то есть „металлург“ и соответствует ассирийскому *tabēru* (515), того же значения. В шумерском тибира легко видеть, вместе с тем, ближайший эквивалент (с большим лишь падением гласной второго слога) для имени тибаренов Геродота и той искомой формы тибер, которую восстанавливает акад. С. Н. Джанашиа в указанной работе, на основании анализа соответствующих диалектических различий у классических авторов и выделения картвельского форманта собирательных (а также возможно (516) географических) обозначений *an || en*, связанного с древне-грузинским формантом множ. числа *-ni* от *-en*, паличного, между прочим, в форме *-an* и в хуррийских языках (494) (см. прим. на стр. 129).

Еще ближе к греческому наименованию южно-черноморской народности находится засвидетельствованное позднейшей копией надписи Нарамсина, о войне с дарем Арама, название горы *ti-ba-r* (517). То что в последнем мы имеем не нарицательное понятие, а географический пункт не только не меняет дело, а напротив бросает свет на происхождение этнического наименования. Можно предположить две возможности: или горная область получила шумерское название от металлургической деятельности с ней связанной, или же наоборот термин для понятия металлургии возник от места ее происхождения, что кажется вероятнее, поскольку само знакомство с обработкой руды в равнинном Шумере требовало соприкосновения с опытом горного дела горных племен. Уже описание западного похода Саргона Аккадского показывает, что в первой четверти III тысячелетия в стране Хатти в районе „Серебряных гор“ Южная Месопотамия имела экономические интересы и защищала колонию купцов от местного царя города Пурсаханда, известного и по каппадокийским таблечкам (518). Вместе с тем на одной из последних, найденной в Кюль-Тапа, оказалась упомянутой и страна *Tibira* (519), видимо соответствующая вышеупомянутым горам *Ti-ba-r* надписи Нарамсина.

В хеттских неситских источниках сохранилось еще одно географическое написание несомненно относящееся сюда же, именно *tiral* (520). В этом названии можно видеть, если учесть соответствие ассирийского *tabēru* шумерскому *tibira*, непосредственный источник для ассирийского названия народа табалов, происходящих по надписям Салманасара II из страны богатой серебром и другими металлами и соседней со страной Хилакку, имя которой удержалось позднее за Киликией. С аналогичными колебаниями в произношении *Thubai*, *Thobai*, *Thober* (70 толковников) имя этого народа металлурга упоминается и в Библии (520).

Как далеко табалы продвигались на восток трудно сказать. Но Хюзинг (521), считающий возможным рассматривать эти этнические наименования на фоне еще более древнего дравидийского слоя в Иране, относит к ним страну, расположенную на восточном берегу озера Урмии, производя от их имени *tabari* (ассирийское *tabēru*), название современного города Тавриза (522). В связи с этим можно лишь вспомнить любопытный факт, приводимый Вуллерсом (523), что в иранском металлургическом производстве удержался термин *tubal*, *tural* в отношении стружек и обрывков металла (меди, серебра и железа), отпадающих при горячей ковке. Вуллерс с недоумением указывает на совпадение этих терминов с первой частью библейского имени *Thubalkain*. Во всяком случае совершенно недопустимо, как это делает Эйслер (524), искать в данном случае повода для подозрения в индо-европейском происхождении имени и народности тубалов. Напротив, есть некоторые основания думать, что шумерский термин *tibira*, локализованный в качестве этногеографического понятия в Малой Азии еще в III тысячелетии до нашей эры, мог стать источником для названия металла, в частности железа, на еще более удаленной урало-алтайской территории у монголо-турецких народов (для которых указывались и другие соответствия с шумерским, напр. совпадение слова „бог“, „небо“ по-шумерски *dingir* с монгол. *тенгери*, азерб. *тангри*), именно, монг. *темур*, азерб. *демир*, что курьезным образом позволяет непосредственно прочесть на языке современных алтайцев (хакасов) шумерское название божества покровителя металлургии *tibira dingir* (525), как „железный бог“ (на сагайском диалекте *tebir tengir*) (526). Однако выводиться даже на этом основании шумеров из Зауралья, как это делает вновь совершенно отвлеченно от времени и культурного состояния, Б. Грозный (527), видящий в шумерском названии „пределов мира“ Арали—Уральские горы, невозможно уже потому, что такой взгляд находится в противоречии с хронологической конфигурацией археологических фактов появления металла на этой территории.

Возвращаясь к племени табалов ассирийских надписей, надо сказать, что загадочным является полное отсутствие упоминания о них в хеттских источниках. Следует ли на этот счет ограничиться лишь предполо-

графически определяются процессы их этнической дифференциации, а затем и последующих трансформаций и замещений одних другими²⁸.

Для решения этого вопроса необходимо территориальное расширение археологического изучения соответствующих древних пластов, с выяснением ареалов распространения определенных культурных типов более или менее точно датированных: например, дольменного и сачхерского, относительно более позднего колхидско-кобанского, и, приблизительно, синхроничного курганного в Триалети с расписной керамикой, или, например, загэсского, ранней бронзы и северо-кавказского, больших кубанских курганов, в южном направлении. Уже и сейчас имеет большое значение, при вышеуказанном огромном сходстве поздней бронзы нижнего этажа в Самтавро с поздней бронзой в Триалети, факт проникновения сюда, как показывает случайная, не обследованная еще находка на речке Нареквави близ Мцхета (коллекция Мцхетской экспедиции Академии Наук Груз. ССР), красного расписного сосуда с волнообразно заштрихованными пятью шеvronами и свастическими фигурами в промежутках между ними, типа триалетских курганных эпохи средней бронзы, и находка М. М. Иващенко в самом самтаврском древнем некрополе, работами той же экспедиции, под руководством акад. И. А. Джавахишвили, курганного погребения с упоминавшейся выше прекрасной бронзовой шпагой крито-микенского типа, что позволяет говорить о возможности перемещения в долину средней Куры в середине II тысячелетия до нашей эры цветущей курганной культуры с плоскогорий малого Кавказа.

Но односторонность накопленного пока археологического материала чрезвычайно затрудняет наши суждения о преемственности и последующих фазах развития в Грузии замечательного ювелирного мастерства, обнаружившегося в памятниках Триалети этой эпохи. Получается, с первого взгляда, впечатление некоего разрыва, регресса или, во всяком случае, общественной нивелировки при переходе в эпоху поздней бронзы и, далее, раннего железа. Драгоценные металлы, золото и серебро, совершенно перестают попадаться не только в погребальном инвентаре, но и вкладах соответствующего возраста. Понижается как будто и уровень обработки агата и сердолика для бус. Только от самого конца эпохи древнего железа, именно ахеменидского времени, мы имеем опять в Грузии и Армении замечательные находки с драгоценной посудой и украшениями тонкой ювелирной техники. Из них особенно замечателен Ахалгорийский клад, появляющийся, таким образом, как бы без предшественников. Однако это впечатление должно будет рассеяться при целеустремленных исследованиях. Уже известный инвентарь Казбежского клада с серебряной чашей, снабженной арамейской надписью „кабир“—„великий“ и с золотой шестилучевой

жением, что табалы просто в это время еще не определились в виде той мощной народности, какой запечатлена она в ассирийских надписях, или же исходя из вышесказанного, все же надо искать их на хеттской территории под иным наименованием? Нельзя ли например согласиться с предположением, что табалы являются как раз той третьей, игравшей значительную роль в хеттском государстве донеситской народностью, которая упомянута в хеттских законах наряду с хатти и луви под именем пала или бала, связанной между прочим с культом бога Zibag-wa (528), звучащим близко к tibag, а также шумерскому Zabag „бронза“ (ассир. ziraḡḡ). На языке палайском или балайском произносились заклинания на серебро (529); в пределах их страны, на южном побережье Черного моря, расположены Гюмуш Ханс (530) „Серебряные горы“ и прииски Бала Маден. Tīpalaš хеттских надписей может быть истолковано, тогда, как словообразование от корня pala (может быть этимологически родственного (531) греч. pelagos море, лув. pala болото, лат. palus, хурритскому pala (532) водный канал) с протохеттским префиксом ti-, обнаруженным Форрером в ряде других географических названий, как „страна палайцев“. В таком случае северо-восточные пределы древнейшего уже расселения табалов окажутся значительно приближенными к территории Южного Кавказа.

* Например, черкесы (древне-русские косоги) до сих пор известны у осетин под именем кэзэз, то есть кашков или колхов, в наименовании которых (535) действительно имеется черкесский суффикс мн. числа -х, а в греческом названии черкес *kerketai* сохраняется другой тип множественного (через удвоение) от того же корня, подобно хеттскому названию кашков kas-kas, gas-gas. Хюзинг и Грозный (536) видят в этом корне kas тот же корень, что и в имени каспиев, продвинувшейся на восток частью которых он и считает кашков.

серьгой, прекрасной ювелирной работы, местной формы, указывает на существование в Грузии доахеменидских памятников этого рода. Еще более интересна, в данном отношении, сохранившаяся часть замечательного клада из Колхиды (с. Носири), включенного А. И. Амирашвили—Болтуновой (539) в римскую эпоху. В другом месте я уже рассмотрел вопрос о датировке этого клада, хранящегося в Гос. Музее Грузии (26—29: 1—7), отнеся его к эпохе не позднее первой половины I тысячелетия до нашей эры (28). Клад был найден в 1929 году местным жителем во время земляных работ. Состав клада характерен и, подобно Самурзаканскому кладу из Чубурихинджи (540) поздне-бронзовой эпохи, тоже, с золотыми и серебряными изделиями (в частности пара золотых завитков с расплюснутыми концами), заключал в себе слитки из меди, в виде разного размера линзовидных дисков, полученных при остывании выплавленного металла на дне округлых углублений. Вместе с этими слитками находилось несколько сот разного размера прекрасно шлифованных, правильно-шаровидных бус, достигавших величины грецкого ореха (рис. 131), из того самого, характерного, коричневого сердолика, который обычен и в изделиях триалетских богатых курганов. Совершенно подобные бусы, как по материалу, так и отделке, известны из оссуариев с колхидско-кобанским инвентарем в Абхазии (Эшери) (541) и в этом году найдены при раскопках урартского дворца в Кармир Блуре близ Еревана археологической экспедицией Эрмитажа и Армфана (542). В комплексах более поздних такие бусы почти не встречаются и совсем не заходят во вторую половину I тысячелетия до н. э. Из золотых вещей к кладу принадлежал, по видимому, орнаментированный чеканкой сосуд, от которого в Гос. Музее Грузии был доставлен лишь маленький обломок с изображением головы льва, разинувшего пасть и поднявшего лапу (рис. 130). В рисунке противопоставленных клыков, характере остро выступающего подбородка, в круглом очертании пасти чувствуется зависимость от хеттских львиных изображений, известных нам по каменным барельефам из Зенджерли и Каркемыша (543). Мелкие золотые предметы клада, попавшие в Музей, состоят из филигранных и орнаментированных зернью украшений, сохранившихся частью в целом виде, частью в обломках: а) фрагмент изображения змеи с туловищем из спаянных золотых витых шнурков и полый головкой с раскрытой пастью, искусно выработанной из двух золотых скорлупчатых пластинок с напаянными проволочками и зернью, изображающими глаза, уши, зубы и пр. (рис. 129), б) два петлевидных фрагмента, также спаянных из пучка шнурков, и, возможно, тоже имитирующих туловище змеи в спиральном перстне или ином украшении; в) кольцевидно (в 21 мм диаметра) согнутый полый цилиндр (диаметр

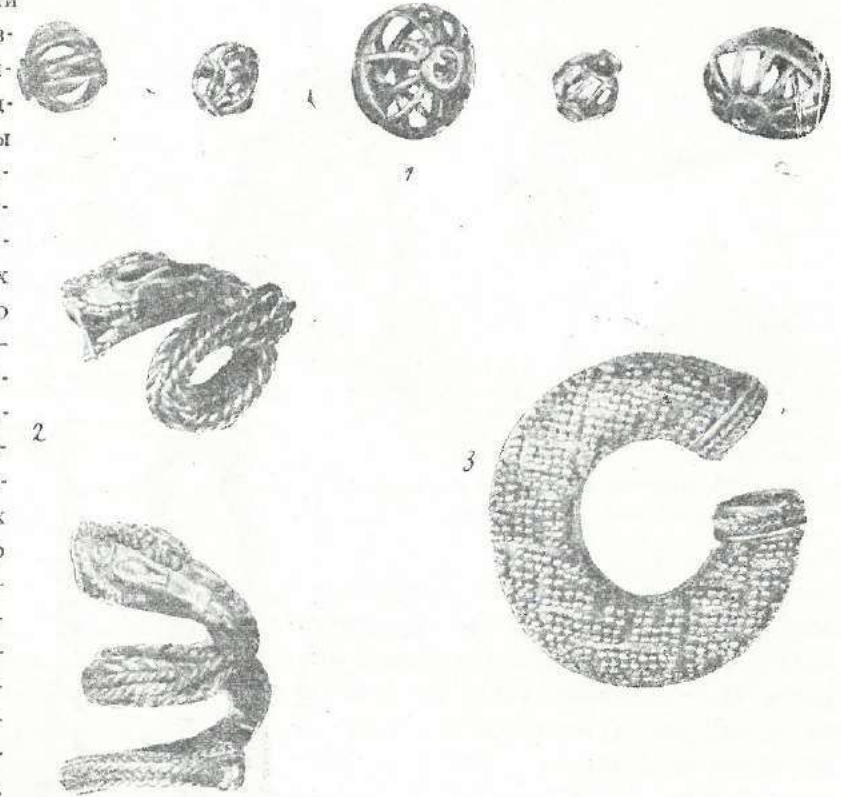

Рис. 129. Золотые изделия из сел. Носири (Гос. Музей Грузии, инв. 26—29). В натур. велич.

голова льва, разинувшего пасть и поднявшего лапу (рис. 130). В рисунке противопоставленных клыков, характере остро выступающего подбородка, в круглом очертании пасти чувствуется зависимость от хеттских львиных изображений, известных нам по каменным барельефам из Зенджерли и Каркемыша (543). Мелкие золотые предметы клада, попавшие в Музей, состоят из филигранных и орнаментированных зернью украшений, сохранившихся частью в целом виде, частью в обломках: а) фрагмент изображения змеи с туловищем из спаянных золотых витых шнурков и полый головкой с раскрытой пастью, искусно выработанной из двух золотых скорлупчатых пластинок с напаянными проволочками и зернью, изображающими глаза, уши, зубы и пр. (рис. 129), б) два петлевидных фрагмента, также спаянных из пучка шнурков, и, возможно, тоже имитирующих туловище змеи в спиральном перстне или ином украшении; в) кольцевидно (в 21 мм диаметра) согнутый полый цилиндр (диаметр

ром 5,5 мм) с замкнутыми, помощью припаянных мембран, несходящимися концами, служивший возможно серьгой; зерновой елочный прямолинейный орнамент, напоминающий

этруссские золотые изделия геометрического стиля VIII—VII в. до н. э. представляет собой меандрообразно развернутые в линию деформированные свастические фигуры; г) ромбическая пластинчатая привеска, орнаментированная, опять-таки, свастикоподобным перекрестом двух ломаных линий, срезанных шнуровой рамкой бордюра, который образует на одном углу петлю для подвешивания; д) ажурная привеска в форме бутылочки с накладной зернью; е) семь ажурных полых сканых бус, спаянных из проволочных петель (рис. 129).

Близко по времени к этому кладу примыкает старая находка 1868 года из сел. Парцханаканеви близ Кутаиси, описанная еще Уваровой (544) в каталоге Кавказского Музея (№ 2540 и 2541) и указывающая на существование в Парцханаканеви предшествующего кувшинным

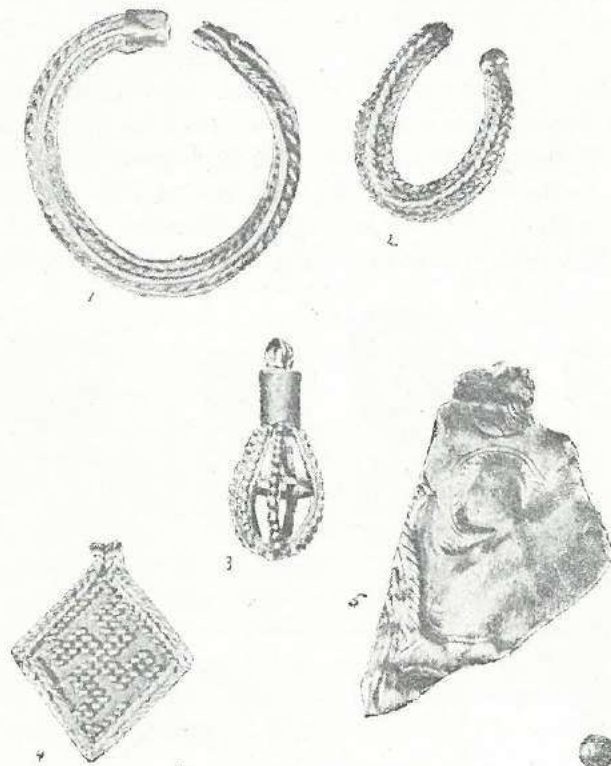

Рис. 130. Золотые изделия из с. Носири (Гос. Музей Грузии, инв. 25—29). В нат. велич.

погребениям с колхидками более древнего богатого некрополя (не курганного ли?). В состав этой находки входит ожерелье из совершенно таких же прекрасно шлифованных шаровидных, темно-коричневых сердоликовых бус, неправильно принятых Уваровой за гранатовые, как и в ожерелье из Носири. Уже одно это характерное ожерелье является достаточным показателем возраста всего комплекса. Но вместе с ожерельем к находке принадлежали золотые височные привески в виде завитков, повторяющие, по словам Уваровой, форму древне-кобанских бронзовых, со спиральными концами. Завитков этих не сохранилось теперь в археологическом отделе Музея Грузии; нет с них и фотографий, но в 1904 году фотографические снимки этих завитков были посланы в Германию Губерту Шмидту, который дал точное их описание (545). Согласно этому описа-

Рис. 131. Шаровидные бусы коричневого сердолика из золотых комплексов с. Парцханаканеви и сел. Носири (Зап. Грузия).

нию привески из Парцханаканеви принадлежат к специфически кавказскому, именно кобанскому варианту с двумя перегибами завитка и спиральями, так что бронзовые экземпляры, распространенные в кобанскую эпоху в Северной Осетии, скорее всего следует признать простыми подражениями именно этим золотым колхидским прототипам.

От бронзового сосуда, относившегося к этому комплексу, сохранился лишь маленький фрагмент от прямого вертикального венчика с мягким перегибом к орнаментированному, рядом косых коротких рубчиков, плечу. Здесь же мы видим четыре золотые ажурные, (сильно помятые круглые бусы (более 2-х см в диаметре), спаянные из меридианально и экваториально расположенных филигранных шнурков (с трубчатой пронизкой по оси) и одной очень большого размера (диаметром до 4-х см) прекрасной работы полый (также с трубчатой осью) шаровидной бусы из бледного золота (весом 50,7 г), украшенной крупной зернью, по широкому поясу, густым правильно сетчатым узором и, по полюсным площадкам, треугольными выступами, образующими звездообразный просвет вокруг обеих отверстий (рис. 132).

Теперь, после открытия древней богатой курганной культуры в Триалети, вышеупомянутая датировка клада из Носири и комплекса из Парцханаканеви не только перестает казаться преувеличенной, но, напротив, становится очевидной еще более тесная связь их с предшествующей стадией цветущего ювелирного искусства Грузии в эпоху средней бронзы. Вместе с тем намечаются и первые следы пути, по которому может быть прослежена указанная преемственность, свидетельствующая, что общественные и культурные условия, создававшие потребность в тонком и богатом ювелирном производстве из драгоценных металлов, продолжали жить на территории Грузии также в эпоху, переходную от бронзы к железу, хотя и без обнаруженных пока для этого времени примеров полихромного стиля курганов, но с богатой художественной грануляцией и фигурной чеканкой, подготавливая тем дальнейшие стилистически новые подъемы мастерства уже на рубеже возникновения иберского царства, в IV веке до нашей эры („Ахалгорийский клад“ и Алгетское погребение) и позднее, в первые века нашей эры, в роскошных погребальных инвентарях из некрополя в Бори, и, особенно, из вновь открытого—в Армази с присущей им декоративной пышностью общей с Пантикапеем, и Таксилой (Индия) полихромии золота, цветных камней и эмали.

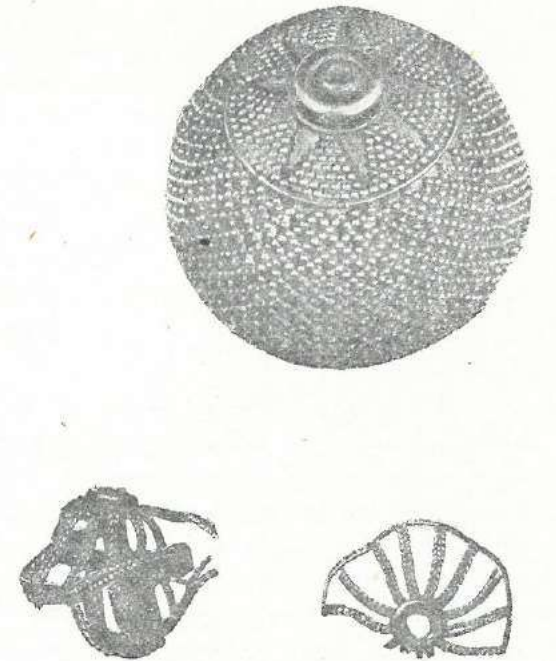

Рис. 132. Золотые изделия из сел. Парцханаканеви (Гос. Музей Грузии, инв. № 2540 по катал. Уваровой).

წინასიტყვაობა

ეს ნარკვევი წარმოადგენს წინასწარ ანგარიშს წალკის არქეოლოგიური ექსპედიციისას, რომელიც ხელოვნების საქმეთა სამმართველოს კულტურის ძეგლთა დაცვის განყოფილების მიერ იყო წარგზავნილი საქართველოს ძველი პროვინციის, თრიალეთის ტერიტორიაზე*. გათხრების ფართო მასშტაბით წარმოება გამოიწვია იმ გარემოებამ, რომ მდ. ხრამზე შენდებოდა გრანდიოზული პილრო-ელსადგური („ხრამისი“), რომლის ხელოვნურ ტბას ვრცელი ფართობი უნდა დაეფარა და სასწრაფოდ საჭირო ხდებოდა ამ ფართობის არქეოლოგიური შესწავლა. ხუთი წლის განმავლობაში (1936—1940 წწ.) ექსპედიციამ დააგროვა დიდი მეცნიერული ღირებულების მასალა, რომელიც სავსებით ახალ შექსა ჰფენს საქართველოსა და სამხრეთ კავკასიის უძველეს წარსულს. ეს მასალა ჯერაც დამუშავებისა და დაწვრილებისათვის გამოქვეყნებისათვის შემზადების სტადიაში იმყოფება, მაგრამ იმდენად დიდი მისი მნიშვნელობა და იმდენად მკვეთრად უნდა გარდაქმნას მან საქართველოსა და მთელი სამხრეთ კავკასიის ისტორიაში დამკვიდრებული შეხედულებანი და ქრონოლოგიური ნორმები, რომ მისი გამომხეურების გადადება აღარ შეიძლება. დროა ამ მასალამ უშუალო ზეგავლენა მოახდინოს მეცნიერულ კონცეფციებზე, მუზეუმებში თავმოყრილ კოლექციათა ინტერპრეტაციაზე და შემდგომი არქეოლოგიური კვლევა-ძიების მიმდინარეობაზე. გარდა ამისა, ჩვენ მიერ აღმოჩენილმა, დღემდე უცნობმა კულტურულმა ფენებმა უნდა მოიპოვონ საკუთარი და გარკვეული ქრონოლოგიური ადგილი ისტორიულ პროცესში, ვიდრე ისინი ისტორიული შემეცნების საგნად იქცეოდნენ. მაგრამ ქრონოლოგიის საკითხები არქეოლოგიის, როგორც ისტორიული მეცნიერების უპირველესი და სპეციფიკური ამოცანაა, ხოლო ისეთი ქვეყნის მიმართ, როგორც არის კავკასია, ეს ამოცანა განსაკუთრებით ძნელი გადასაწყვეტი ხდება.

მრავალგვარი ეთნიკური ტიპებისა და სტადიალურ მდგომარეობათა რთული ხლართი გვიძულებს ზედმიწევნით ფრთხილად მივუდგეთ ცალკეულ კულტურულ გამოვლინებათა ტიპოლოგიურ სინქრონიზაციას და მთლიანად მოვიშველიოთ არქეოლოგიური ანალიზის რთული და მრავალმხრივი მეთოდიკა. მართლაც, თუ არ გავითვალისწინებთ ცალკეულ საზოგადოებათა კულტურული მონაცვლეობის გზები და მიმართულება და ურთიერთ-ზემოქმედების ფორმები, ხშირად გადაუწყვეტელი დარჩება საკითხი: სხვადასხვა ტერიტორიებზე აღმოჩენილ მოვლენათა ჯგუფების მსგავსება სტადიალურ შესატყვისობათა პროლექტია თუ საზოგადოებათაშორისი ურთიერთობისა. სხვანაირად რომ ითქვას, ვერ გავარკვევთ. განხილული ფაქტები ქრონოლოგიურად ერთმანეთისაგან დამოუკიდებელი არიან, ერთმანეთის მომდევნო თუ ერთდროული.

* ექსპედიციის მუშაობაში ჩემი ხელმძღვანელობით სხვადასხვა დროს მონაწილეობდნენ: დ. პ. გორდევანი (1937 და 1940 წწ.), მ. მ. ივაშვიტი (1936—37 წწ.), ი. დ. კირიკა (1938 წ.), ს. ი. ნადიმაშვილი (1936 და 1940 წწ.), ლ. ნ. სკლიფასოვი (1938—40 წწ.), ვ. ხ. დლოტი (1938—40 წწ.).

საქართველო და საერთოდ სამხრეთ კავკასიის ტერიტორია არქეოლოგიურად ჯერ სუსტადაა შესწავლილი და საკმაო ოდენობით ვერ გვაძლევს საყრდენ პუნქტებს. აქ მომუშავე არქეოლოგს უხდება ხელახლა მონახოს თუ გადასინჯოს ეს პუნქტები და ხშირად გადალახოს უკვე დამკვიდრებული, ზოგად-ისტორიული თუ კერძო ხასიათის წინააღმდეგობა.

ამიტომ ჩვენ ვეცდებით მეტი დამაჯერებლობა მივცეთ იმ მასალათა ქრონოლოგიური თანმიმდევრობით მიმოხილვას, რომელნიც თრიალეთის კულტურული კერის აყვავების პერიოდს ეკუთვნიან. ამ მიზნით ჩვენ, უპირველეს ყოვლისა, განვიხილავთ რამდენსამე დებულებას, ჩვენ მიერ შემუშავებული საქართველოს სხვა არქეოლოგიური ძეგლების ქრონოლოგიისა და შედგენის შედეგად და ვეცდებით დავძლიოთ ის ტენდენცია სამხრეთ კავკასიის წინასიტორიისა და მის რეალურ გამოვლენათა „ახალგაზრდაობისა“, რომელიც ჯერ კიდევ არსებობს.

საქართველოში და ამიერ-კავკასიაში სპილენძ-ბრინჯაოს ადრეული ხანის ძეგლების დადგენის საკითხისათვის

ბოლო ხანებში დიდად გაფართოვდა არქეოლოგიური კვლევა საქართველოს, აზერბაიჯანისა და სომხეთის ტერიტორიაზე. ამ კვლევა-ძიებამ უკვე საგრძობლად გადაახალისა ძველი არქეოლოგიური მასალა, რომელსაც ეყრდნობოდა სახელმძღვანელო კონცეფციები ევრაზიის არქეოლოგიაში საქართველოსა და საერთოდ სამხრეთ კავკასიის ადგილის შესახებ. მაგრამ ამ ახალი ფაქტების უმეტესობა ჯერ კიდევ არ შესულა მეცნიერებაში. ჯერაც დაუძლეველია შანტრის (2), ვირხოვის (3) და—სხვაგვარი გარდატეხით—უაკ დე მორგანის (4—9) დებულებანი იმის შესახებ, რომ კავკასიაში ლითონის ინდუსტრიის გაფურჩქვნა იწყება ანაზდეულად, რკინის გაჩენასთან ერთად, და რომ სულ ან თითქმის სულ არ ყოფილა წმინდა ბრინჯაოს ინდუსტრიის განვითარების პერიოდები. დღემდე ვერ ბედავენ საქართველოსა და სამხრეთ კავკასიის მთელი რიგი ძეგლების დათარიღებაში ყოვლად უკუპირი კულტურისათვის დადგენილ ქვედა სახლავის გადაბიჯონ, მიუხედავად იმისა, რომ ეს ძეგლები უეჭველად ბრინჯაოს ხანის უფრო ძველ სტადიებს ეკუთვნიან. ბოლო ხანებში ამ გაუბედობას ისიც ხელს უწყობს, რომ სამხრეთ კავკასიის არქეოლოგიის პერიოდიზაციაში რამდენადმე გაზვიადებულ მნიშვნელობას ანიჭებენ ვანის ეპოქის წერილობით წყაროებს და ლურსმულ წარწერთა მტკიცე ქრონოლოგიური მონაცემებით ბორკავენ ამ პერიოდიზაციას. ამის შედეგად იქმნება აშკარა და დიდი შეუსაბამობა: ჩრდილო კავკასიაში გვაქვს კულტურული ფენების უწყვეტი წყება (ნეოლითიდან სკვითური საზოგადოების გაფორმებამდე), ხოლო კავკასიონის სამხრეთით კი მარტოდენ გვიან ბრინჯაოს და რკინის ხანა. ეს მაშინ, როდესაც ჩრდილო კავკასიის კულტურას უდაოდ და ყოველთვის ასაზრდოებდა სამხრეთიდან მიმდინარე ნაკადი.

იმავე ტენდენციას ვხედავთ სამხრეთ კავკასიის ძველი მოხატული კერამიკის დათარიღების საკითხში. მიუხედავად იმისა, რომ პრეჟევოსკიმ (20) გაბედულად (თუმცა არა მთლად მარჯვდ) სცადა მისი ასაკი ელამური კერამიკის ორი სტილისტური ტიპისათვის შეეფარებინა, დღესაც ლამობენ მოხატულობის წმინდა ფორმალური ნიშნების მიხედვით ეს კერამიკა ქრონოლოგიურად „ახალგაზრდა“ ჯგუფად გააერთიანონ. სრულიად უგულვებელჰყოფენ იმ გარემოებას, რომ როგორც ტექნიკის, ისე სტილის მიხედვით ისინი სხვადასხვა დროს ეკუთვნიან და მათში ძალიან აშკარად გამოირჩევა შემდეგი ტიპები: ა) თახაქენდი (31, 33), კერამიკის თანხლები ლითონის ინვენტარის ჩათვლელად; მოხატულობა ერთფეროვანია, ორნამენტულ მოტივს წარმოადგენს ორმაგი ჩუგლუგები და ხვიების არშია; ბ) ყიზილვანქი I (32) ალბათ შუა ბრინჯაოს ხანისა; მოხატულობა ორფეროვანია, სახეები მეტროპიურად განწყობილი, მოტივები ზოომორფული (სურ. 2); გ) ყიზილვანქი I bis, გვიანი ბრინჯაოს ხანისა; მოხატულობა აქაც ორფეროვანია, მაგრამ უფრო დაუდევრად ნაკეთები. სხვაგვარია ჭურჭლის ფორმებიც: სკარბობს პატარა სურები, „ჩაიდნები“ და სხ. (სურ. 1 და 2); დ) ყიზილვანქი II (34), ძველი რკინის ხანისა; ჭურჭლის ქვედა ნაწილი წითლად მოხატული ლენტური ორნამენტითაა შემკული (სურ. 3); ე) მილის სტეპის სამარხ ქვევრებში აღმოჩენილი, უკვე ელინისტური ხანის ჭურჭელი (სურ. 4) და სხ.

ამიტომ სამხრეთ კავკასიისა და კერძოდ საქართველოს არქეოლოგიის უახლოეს ამოცანას წარმოადგენს ყობანისა და მის სინქრონულად სამხრეთ კავკასიაში არსებულ ბრინჯაოს კულტურათა ქრონოლოგიური და სტადიალური წინამორბედთა დადგენა.

ამ ამოცანის განხორციელება ჩვენ იმით დავიწყეთ, რომ სისტემაში მოვიყვანეთ საქართველოს სახელმწიფო მუზეუმის არქეოლოგიური ფონდები და გამოვიკვლიეთ ცალკეულ აღმოჩენათა ადგილები. ამრიგად, საჩხერეში გავთხარეთ ათი სამარხი (73) და ამ საკონტროლო გათხრებმა დაგვანახა, რომ მუზეუმში ექვთ. თაყაიშვილის მიერ 1910 წელს ჩამოტანილი საინტერესო კოლექცია, რომელსაც მასში გამოჩენილი რომაული ხანის რამდენიმე ნივთის მიხედვით „სკვიტურ-ბიზანტიურ ეპოქას“ აკუთვნებდნენ, სინამდვილეში ძირითადად დასავლეთ ევროპის Aunjetitz-ის მახლობელ ეპოქის ემხრობა (66, 77). ამას გვაფიქრებინებს თვით ლითონის რაგვარობა, მილ-ყუიანი ცულები (სურ. 14), ბრტყელი სატევრის პირები, თავნასკვიანი საკინძები—ე. წ. Schleifennadel (სურ. 11 და 12), წვრილი თავკვერა საკინძები (სურ. 11 და 13), მრგვალი, 1,5-სპირალიანი ხეიბი და სხ. მეორე მხრით საჩხერის ძველ კომპლექსში შემავალი ზოგი ნივთი მსგავსი აღმოჩნდა ჩრდილო ოსეთის აულებში—ქუმბულთაში, რუთხაში, ფასკაუში და სხვაგან ნაპოვნი, კარგად ცნობილი ნივთებისა, რომელთაც ჩვეულებრივ აკუთვნებენ ყობანის შემდგომ ხანას. ასე რომ საჭირო შეიქნა ამ უკანასკნელთა დათარიღების საკითხის გადასინჯვა.

ჩვენ მიერ 1934 და 1937 წწ. აფხაზეთში გათხრილი დოლმენების შესწავლამ საშუალება მოგვცა ამ დოლმენების, როგორც სამარხი საკნების გამოყენების სამი პერიოდი დაგვედგინა. ზედა ფენა თარიღდება კოლხური მონეტებით. შუა ფენა ზედსაგან გამოყოფილია თიხის სტერილური ფენით და შეიცავს ბრინჯაოს ნივთების კომპლექსს, რომელიც ზემოთაღნიშნულ ჩრდილო-ოსურ კომპლექსს უახლოვდება და თან უფრო ძველია, ვიდრე ყობანური ფორმები, ნაპოვნი იქვე, მაგრამ დოლმენთა გარეშე მდებარე სამარხებში. დასასრულ, ქვედა ფენა შეიცავს სპილენძის (80—85% Cu, 5—10% Sn) იარაღს: ცულებს, გრებილი ორნამენტით შემკულ კავებსა და ბრტყელ სატევრის პირებს, რომელნიც ჩრდილო-კავკასიური ლითონის წარმოების პირველი საფეხურისაკენ გარდამავალ ტიპებს წარმოადგენენ (ეს „პირველი საფეხური“ გულისხმობს, კერძოდ, სტანიცა „პროლეტარსკაიას“, ყოფ. „ცარსკაიას“ ყორღანში ჩადგმული დოლმენური სამარხების ინვენტარს) (50).

ეს დაკვირვებანი სათანადო ქრონოლოგიურ ადგილს მიუჩენენ ჩრდილო ოსეთის იმ ფენებს, რომელნიც ყობანური ფენებისაგან განსხვავდებიან. იმავე დროს გადასასინჯავი ხდება საკითხი, თუ სადაა წარმოშობილი ყობანური კულტურა, რომელიც თავისი გეოგრაფიული გავრცელებით აშკარად უკავშირდება ძველი კოლხეთისა და ლაზიკის ტერიტორიას (12).

ჰანჩარი (79) ცდილობს ყობანური ბრინჯაოს ცულის უშუალო პროტოტიპად ჩრდილო კავკასიის ქვის ცულები დასახოს, მაგრამ ეს ცდა სავსებით ფუჭია. ქრონოლოგიური შეუსაბამობის გარდა ჰანჩარის ცდას ხელს უშლის კიდევ ერთი გარემოება: ფორმალურად ვერ აიხსნება, თუ რატომა აქვს ყოველ ყობანურ ცულს ოვალური სატარე ნახვრეტი, ხოლო წინა სტადიის სპილენძის ცულებს (ყუა-დაშვებულსა და მილ-ყუიანს) და ქვის ცულებს ყოველთვის მრგვალი ნახვრეტი. მეორე მხრივ დასავლეთ საქართველოში მოპოვებულ ნიმუშებში გამოიყოფა ერთი წყება თავისებური ცულები, რომელთაც თბილისისა (სურ. 20) და ლურისტანის ცულების (80) მეშვეობით შორეული კავშირი უნდა ჰქონდეთ თეფე-გავრას (81) ცულებთან. მათ შორის ვარჩევთ 2 სახეს: მრგვალ-ნახვრეტი-ანსა და ოვალურ-ნახვრეტიანს (სურ. 19). ამიტომ სწორედ ეს ჯგუფი უნდა ჩაითვალოს ყობანური ცულების ფორმათა გენეტურ პროტოტიპად. მაშასადამე ყობანური ცული წარმოშობითაც კოლხურია და არა მარტო გავრცელების ტერიტორიით.

მაგრამ ეს კიდევ ცოტაა, საქართველოში შესაძლო ხდება დადგენა ლითონის წარმოების კიდევ უფრო ძველი საფეხურისა, რომელთანაც დაკავშირებულია ჩრდილო კავკასიის ბრინჯაოს პირველი საფეხურის კულტურა, წარმოდგენილი ყუბანის დიდ ყორღანებში. 1928 წელს ზაჰესთან აღმოჩენილი სპილენძის ცული (სურ. 5) და შუბი, რომელსაც მასიურად და ბოლო-მოკაული ღერო აქვს (სურ. 7), უძველესი სუმერული და ირანული პროტოტიპებიდან მოდიან (49—53). გარდა ამისა, ზაჰესისა და ერთი-სხვა (საქ. მუზეუმში ადგილის აღუნიშნავად დაცული) შუბები ძალიან ჰგვანან კიპროსის შუა ბრინჯაოს პერიოდის ზოგ ნიმუშს (სურ. 8), ხოლო მოსკოვის ისტორიულ მუზეუმში თბილისიდან ჩატანილი შუბი (სურ. 9 ნ) სავსებით ისეთივეა, როგორც კარქემისის ქვაყუთებში ნაპოვნი სპილენძის შუბები (ძვ. წ. III ათასწლეულის დამდეგი) და მათი სუმერული

პროტოტიპები. იმავე ფენას, ე. ი. ადრეული ლითონის ხანას უნდა მიეკუთვნოს სოფ. ზეკარში ნაპოვნი და ქუთაისის სამხარეთმცოდნეო მუზეუმში დაცული ტიპური ფორმის მასიური საქრეთელი (სურ. 10), რომელსაც უნდა იმ დროისათვის ჩვეული წესითა აქვს მოწახანგებული. ზემოთაღნიშნული, ჯერჯერობით ცალკეული ფაქტები, ავსებენ რა ერთმანეთს, გვაფიქრებინებენ, რომ საქართველოში ძვ. წ. III ათასწლეულის ბოლოს მაინც უეჭველად არსებობდა სპილენძის წარმოების ადრეული საფეხური.

I. თრიალეთის რძინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანათა ჩვეულებრივი სამარხების ინვენტარის მიმოხილვა

საქართველოს ძველ თემში, თრიალეთში ჩატარებული სისტემატური მუშაობაც იმავე ძირითად ამოცანას ისახავდა: საქართველოს ტერიტორიაზე ბრინჯაოს ადრეული საფეხურების კულტურულ ფენათა აღმოჩენას.

თრიალეთს მცირე კავკასიონის ვრცელი ზეგანის ჩრდილო ნაწილი უკავია. იგი ჩვენს ყურადღებას იპყრობდა, უპირველეს ყოვლისა, როგორც ძველად ობსიდინის მოპოვებით ერთ-ერთი უმდიდრესი რაიონი (83), ვინაიდან ლითონის შემოღებამდე ძველი აღმოსავლეთის ქვეყნების სავაჭრო ურთიერთობაში ობსიდინის დიდი მნიშვნელობა ჰქონდა. მეორე მიზეზი ის იყო, რომ თრიალეთში მრავალადა გამოურკვეველი ასაკის ციკლოპური ციხე-სიმაგრეები (ტაბ. I, II) (82), დაკავშირებული მრავალრიცხოვან და მრავალგვარ ყორღანებთან, ხოლო ეს უკანასკნელნი, როგორც პირველივე ჩვენ მიერ გათხრილი გაძარცვული ყორღანის შინაარსმა დაგვანახა, ძველი მოხატული კერამიკის ხანას ეკუთვნიან (სურ. 89). ყორღანებს გარდა ვთხრიდით რკინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანათა სასაფლაოებსაც. ამგვარად დაგროვილი მასალა თითქმის უხარვეზოდ და მჭიდროდ თავსდება დროის დიდ მონაკვეთში, რომელიც ადრეული ლითონიდან სასანიანთა ეპოქამდე აღწევს. ეს მასალა საშუალებას გვაძლევს მეტ-ნაკლებად დაძლივით სამარხთა კომპლექსების ქრონოლოგიური პერიოდიზაციის სიძნელე, რაც იმითაა გამოწვეული, რომ ამ სამარხებს თითქმის სულ არ გააჩნიათ შესატყვისი მასალა კულტურული ფენების მქონე ძეგლებში.

სწორედ ამიტომ სამარხთა ინვენტარის განხილვისას ჩვენ უკულმა, უახლესი სამარხებით ვიწყებთ და თანდათან უფრო ღრმად შევდივართ, რათა ძეგლთა უწყვეტი მწყობრით შევავსოთ მთელი ის პერიოდი, რომელიც გვიანი და ადრეული რკინისა და გვიანი ბრინჯაოს ხანებს შეიცავს და ბოლოს მივებნოთ იმ იდეალურ ყორღანულ კულტურას, რომელიც არ ენათესავება სამხრეთ კავკასიის ბრინჯაოს წარმოების არცერთ ტიპს, ამათუმი მხარეში გავრცელებულს.

1. სასანიანთა ეპოქის სამარხებმა (სურ. 21—23) მოგვცა ინვენტარი (სურ. 25), რომელიც დათარიღებულია კვად მეფის მონეტით. ამან, თავის მხრით, გააადვილა შესატყვისი მასალის გამოყოფა ბაიერნისა და თაყაიშვილის მიერ მცხეთა-სამთავროში დაგროვილ კოლექციებში.

2. უფრო ღარიბულადაა გამოვლენილი რომაული ეპოქა, მაგრამ თრიალეთში ჩვენამდე წარმოებულნი გათხრებით მოპოვებულ მცირე მასალასთან ერთად ჩვენ მაინც მივიღეთ გარკვეული კომპლექსები, რომელნიც შეესაბამებიან ზოგიერთ ყორღანში „ჩაშვებულ“ სამარხთა კომპლექსებს, დათარიღებულს რომაული მონეტებითა და სარდიონის გემშიანი ბეჭდებით (სურ. 27).

განსაკუთრებით საყურადღებოა აღმოჩენა ღია ლურჯი, ღრმა ჭიქურით დაფარული თიხის ამფორისისა (ტაბ. XX₂), რომელშიც იყო იმპ. ავგუსტეს დენარის მიბადვით მოჭრილი ვერცხლის მონეტა და თეთრად მოხატული სარდიონის მძივები.

აგრეთვე სხვებზე ნაკლებად შესწავლილი დაგვიჩა გვიანი ელინისტური დროის სამარხები. მათ ეკუთვნის სოფ. როზენბერგის მახლობლად და სოფ. მანგლისში ნაპოვნი ბრინჯაოს ბალთები ამოჭრილი ფანტასტიკური ცხოველების გამოხატულებით (სურ. 28—30)—კავკასიონის მთავარი ქედის რაიონში აღმოჩენილი, კარგად ცნობილი ბალთების ტიპისა (102—119).

3. შემდგომ ქრონოლოგიურ ჯგუფს ეკუთვნის სოფ. სანთას მახლობლად, ნერონ-დერესიში აღმოჩენილი აქემენიანთა ეპოქის სამარხები. ეს სასაფლაო (ტაბ. III₇) ნაწილობრივ ქვეშ ექცევა მერმინდელი მცირე „ციკლოპური“ ციხე-სიმაგრის კედლებს, რომელნიც მსხვილი ქვით მშრალად ნაგები და უფრო წვრილი ქვის საძირკველზე დაყრდნობილი არიან. ამგვარად, სასაფლაო

წარმოადგენს terminus post quem ამ ყაიდის ნაგებობათათვის, რომელნიც წალკაში, ეტყობა, შემდეგშიც დიდხანს შენდებოდნენ ამ წესით. საყურადღებოა, რომ ეს გარემოება კარგად ეფარდება ქართული მემატიანის, ლეონტი მროველის ცნობას, საქართველოში ქვიტიკით შენება პირველად ძვ. წ. IV საუკუნეში შემოიღეს...

რაც შეეხება თვით სასაფლაოს, მისი დამახასიათებელი ისაა, რომ აქ ქვაყუთები მცირე ზომისა არის და თითქმის კვადრატული, ხოლო მათში ჩამარხულთა ჩონჩხები ძლიერ მოკრუნხული (ტაბ. III₂). ინვენტარი (სურ. 33) ძალიან უახლოვდება სოფ. დაბლაგომის (126) (სამტრედიის რაიონი) სამარხი ქვევრების ინვენტარს, რომელთაც კოლხური მონეტები ათარიღებს (სურ. 34). ესეც რომ არ იყოს, ამ სამარხთა ასაკი დამოუკიდებლად ირკვევა ერთ-ერთ ასეთ სამარხში ნაპოვნი გულქანდის შემადგენელი ლურჯი მინის გემმა-მძივების მიხედვით (ტაბ. V). ეს აგურაკისებრი მძივები, რომელთაც ზემოდან ხუთ-ხუთი ფაცეტი აქვთ, ბერძნულ-სპარსულ ქვის მოდელებთან შედარების მეშვეობით თარიღდება ძვ. წ. V—IV საუკუნეებით (სურ. 32).

4. ასაკით ამავე ჯგუფს უახლოვდება ის საინტერესო ნივთები, რომელნიც 1940 წლის ზაფხულში იპოვნეს ს. წინწყაროს კოლმეურნეებმა მდ. ალგეთზე. მათ მიერ საქ. მუზეუმში ჩამოტანილი მასალის ერთი ნაწილი მაინც ემსგავსება „ახალგორის განძს“ (141) და ამიტომ უნდა ვიფიქროთ, რომ კოლმეურნეებს აქემენიანთა დროის დედაქალაქის სამარხი გაუთხრიათ. აღსანიშნავია შემდეგი ნივთები: მიცვალებულის ბავშვზე და თვალზე დასაფარებელი, ოქროს ფურცლისაგან გამოჭრილი, ორნამენტირებული ფირფიტები (ტაბ. IX), მსგავსი კიპროსზე (163) და ტელ-პალაფში (სურ. 37) (162) ნაპოვნი ბრინჯაოს ეპოქის ასეთივე ფირფიტებისა; ვერცხლის ბეჭდები (ტაბ. XI); ელექტროს სამაჯურები (ტაბ. X); ოქროს ბალთები, რომლებზედაც ქალღმერთის სახეა ამოტვიფრული (ტაბ. IX); ვერცხლის პინაკები (ტაბ. VII); ახალგორული ტიპის ბრინჯაოს ლაგმები (ტაბ. XII და XII bis) და სხ. აქვე ნაპოვნი ბრინჯაოს სამფეხი (სანათის საყრდენი) წარმოადგენს ადამიანის 3 ფარსად გაშლილ ფეხს (ტაბ. X₂). იგი ურარტული კანდელობების (158) მეშვეობით უკავშირდება ეტრუსკულ კანდელობებს, რომლებშიც იგივე მოტივია გამოყენებული (სურ. 36).

5-6. აშკარად უფრო ძველია ის სამარხები, რომელნიც ბეშთაშენის ციხის მახლობლად გავთხარეთ (ტაბ. XIII—XVI). ისინი ადრეულ აქემენიდურ ეპოქას უნდა მივაკუთვნოთ (სურ. 38—40 და 43). მოპოვებულ კრამიკაში ღია ფერის, ოქროს შემოგლესილი ქურქელი (ტაბ. XV) სკარბობს შავ ქურქელს, რომელიც უფრო ქვედა ფენისათვის არის დამახასიათებელი (ტაბ. XVII, XVIII). ეს ქვედა ფენა ასაკით შედარებით ახლა იმ სამარხებთან, რომელნიც ჟაკ დე-მორგანმა (207—210) გათხარა ლელვარში (სომხეთი) და რომელთაც ახასიათებს მასიურნი „საკინძები“. ასეთი ინვენტარი (სურ. 46) ჩვენც ვიპოვეთ ბეშთაშენის სასაფლაოს ძველ (ჩრდილო) ნაწილში და მდ. გერაქა-ჩაის გაღმა, კიდევ უფრო ძველ სასაფლაოზე.

7. რიცხვით ყველას სკარბობს სოფ. წინწყაროსთან და თუფია-ყალასთან გათხრილი ინდივიდუალური სამარხები—უხეში ქვაყუთები (ტაბ. XXVI—XXXI), რომელნიც ძველი რკინის ხანის განვითარებულ სტადიას ეკუთვნიან (სურ. 51—56). მათი ძირითადი ინვენტარი რამდენაღვე უფრო ახალია, ვიდრე ის კულტურა, რომელსაც ხოჯალის XI ყორღანი განსაზღვრავს. ეს ინვენტარი შეიცავს რკინის შუბის პირებს, დანებს, ბრინჯაოსკოტიან სატყერებს, ყუნწიანსა და გრძელ-კაპებთან ბრინჯაოს ისრის პირებს, ბრინჯაოს გუმბათისებურ კვერთხისთავებს (ტაბ. XXXIV, XXXV), ბრინჯაოს ლაგმებსა და მძივების ტიპურ ასორტიმენტს (ტაბ. XXXII, XXXIII), რომელიც ამ საფეხურის დამახასიათებელს, ადგილობრივ თავისებურებას წარმოადგენს (სარდიონისა და ცისფერი პასტისა—სხვადასხვა ფორმისა, შტრიხოვანი ორნამენტით შემკული და თეთრი ტალკისა—ცილინდრული ან პრიზმული, თვალზე-ჩასმული, „დომინოს“ ტიპისა).

ქრონოლოგიურად ამათ უახლოვდება მარალინ-დერესის სამარხებიც (სურ. 50). მათში ნაპოვნი ყობანური ტიპის ნივთები, სახელდობრ ის ვარიანტი, რომელსაც შეიძლება კოლხური ეწოდოს. არის აგრეთვე ტიპური თოხები, ცალმხრივ ყალიბში ბრინჯაოსაგან თუ სპილენძისაგან ჩამოსხმული (ტაბ. XXIII და XXIV).

ამ სამარხების დამახასიათებელ ინვენტარს თან ახლავს, გარდა ზემოთაღნიშნული „დომინო“-მძივებისა, მსხვილი და „მეჭკვიანი“ მძივები, მოთეთრო-მოყვითანო მინისებრი მასისაგან გაკეთებული (ტაბ. VI). ერთ-ერთ სამარხში სხვათაშორის ნაპოვნია თხის თასი, რომელსაც ღია მწვანე ქიქურა აქვს სქლად მოსხმული (ტაბ. XX) და ბრინჯაოს სარტყელი, რომელზედაც ფაქიზად

ამოჭრილია რთული, ორსართულიანი კომპოზიცია სანადირო-მიოლოგიური შინაარსისა (ტაბ. XXV და სურ. 49). ნივთების ეს ჯგუფი სულ ადვილად მიეკუთვნება ვანის ექსპანსიის ეპოქას.

დაახლოვებით ამავე დროისა ერთი სამარხი ქვაყუთი, რომელშიც ნაპოვნია ბრინჯაოს მასრიანი ორთითა ფიწლები (ტაბ. XXX). ასეთები ხშირად უნახავთ სამხრეთ ამიერ-კავკასიის ყორღანებში (238—244), სადაც მათ ჩვეულებრივ თან ახლავს ბრინჯაოს ლაგმები მისაშვები საყბურებით (სურ. 56—57). საფიქრებელია, რომ ეს ფიწლები გენეტურად უკავშირდება ირანულ ნიმუშებს, რომელთაც მასრები არა აქვთ, რომელნიც ალბათ უფრო ძველი არიან (თეფე სიალქი III, თეფე ჰისარი III და სხვ.) და რომლებსაც აგრეთვე თან ახლავთ ხოლმე ისეთივე ლაგმები, კარგად ცნობილი ლურისტანის (246, 254), დასავლეთ მცირე აზიისა და მიკენის (249—252) გათხრების მიხედვით. თუ ამ ლაგმებს (სურ. 57) განვიხილავთ და დავუპირისპირებთ მერმინდელ ქართულ ლაგმებს, რომელთა ტიპი გაცილებულია ასურეთ-ეგვიპტიდან ვიდრე ათენამდე (სურ. 58), შეგვიძლია მოვინახოთ ქრონოლოგიური საფუძვლები (253—254) სხვადასხვა კომპლექსის XI—VII საუკუნეთა (ძვ. წ.) ბერიოდიისათვის მისაკუთვებლად.

რამდენადმე განკუთვნილია ს. კუშის სასაფლაოს ნიადაგისეული სამარხები (ტაბ. XXXVI). აქ ნაპოვნი რკინის მახვილი (სურ. 59), რომელსაც ბრინჯაოს თავისებური, ორკაპა ტარი აქვს, ალიგრიხის (სომხეთი) (257) და შავულა-დერეს (ტალიში) (256) ტიპს ეკუთვნის და ადვილად შეიძლება მისი შეფარდება ლურისტანულ ფორმებთან (258) (სურ. 63).

8. უფრო ძველია ბეშთაშენის სასაფლაო, რომლის ღრმად ჩათხრილი ნიადაგისეული სამარხები სრულიად არ შეიცავენ რკინის ნივთებს (ტაბ. XXXIX—XLII). ამ სამარხთა ინვენტარი (ტაბ. XLIII—LII) ჰგავს სამთავროს სასაფლაოს ქვედა სართულის ინვენტარს (სურ. 74—76) (262), მაგრამ უფრო „ხნიერია“ (ვიწინადან, როგორც უკვე აღვნიშნეთ, რკინის სულ არ შეიცავს; გარდა ამისა, მასში არც ბრინჯაოს მახვილები ჩანს და მძივებიც მხოლოდ სარდიონისაა) მას ურევია ყობანური (სურ. 69, 70, 72, 77, 78₁₋₂) და სამხრეთ ამიერ-კავკასიის საწარმოო ცენტრებში დამზადებული ნივთები (სურ. 71, ტაბ. L). არის ამიერ-კავკასიისათვის ნაკლებ ჩვეული ელემენტებიც: ოქროს და აგრეთვე ვერცხლის სამკაული (სურ. 84 და ტაბ. L) და სპილენძ-ბრინჯაოს ნამგლები (ტაბ. XLII და XLIII). უცნაურია, მაგრამ ეს უკანასკნელი სამხრეთ კავკასიის არქეოლოგიურ მასალებში დღემდე თითქმის უცნობი იყვნენ.

ამ სამარხთა ინვენტარი ტიპურია. მთავალითა, ერთ-ერთში ბრინჯაოს ნამგალს გარდა ვნახეთ: ბრინჯაოს ორი ლაგამი ირმის რქისაგან გაკეთებული საყბურებით (ტაბ. XLVI), ბრინჯაოს ფურცლისაგან შეკერილი კონუსური ჩაფხუტი ორი გრძელი ყურსაფარით (ტაბ. XL) და ბრინჯაოს ვიწრო სარტყელი. რაც შეეხება კრამიკას, ბევრგან ვნახეთ კონუსური სასმისები, მაღალი და ღრუ-ფეხიანი (სურ. 65). ამავე ტიპის სასმისები ნაპოვნი აქვს სამთავროში ბაიერის (სურ. 67), მაგრამ ბეშთაშენისა უფრო დიდებია და უფრო მდიდრულიდ ორნამენტირებული. ორნამენტი ღრმად ამოკვეთილია, სწორხაზოვან-გეომეტრიულია და შეიცავს ირმებისა და თხების სტილიზებულ ფიგურებს (ტაბ. LIII).

განსაკუთრებით უნდა აღინიშნოს, რომ ბრინჯაოს ინვენტარის გარდა ამ სამარხებში ნაპოვნია კაყის-კბილებიანი ნამგლები (ტაბ. XLIII და XLIV). ხშირად მოხერხდა მათი პრეპარაცია იმგვარად, რომ პირველადი რკალური განლაგება არ დაჰკარგოდათ, თუმცა ხის ნაწილები მთლად დაშლილი ჰქონდათ (ტაბ. XLII). ამ ტიპის ნამგლები ეგვიპტეში და სირიაშიც იმავე ხანამდე, ე. ი. ძველი წელთაღრიცხვის XII საუკუნემდე არსებობდა.

9. უფრო ძველია ზუსტი ქრონოლოგიური ადგილის მიჩენა და გენეტური ფესვების პოვნა იმ სამარხებისათვის, რომელნიც ირგვლივ დაწყობილი ქვებით არიან შემოფარგლული (ტაბ. LIV), ლითონის ინვენტარს ცოტას შეიცავენ და ხასიათდებიან თავისებური კერამიკით, რომელიც ხშირადაა შემკული რელიეფურად შედნაძერწი გრძილი ორნამენტით (ტაბ. LVII და სურ 88). ის გარემოება, რომ ინვენტარში გამოიყვანა ბრინჯაოს საკინძი ჩუგლუგისებრი თავითა და ცხვრის პატარა ქინდაკებით (სურ. 87 და ტაბ. LVIII) და აგრეთვე ფილაქნით გადახურული ნიადაგისეული სამარხების რაგვარობა (ტაბ. LV და LVI) ამ ჯგუფს ნაწილობრივ აკავშირებს წინა ჯგუფთან.

II. თრიალეთის ყორღანული კულტურა შუა ბრინჯაოს ხანისა და ძველი ბრინჯაოს ხანის გვიანი სტადიისა

თრიალეთის ყორღანულ სამარხებს ყველას ერთი საზოგადო თავისებურება ახასიათებს და განასხვავებს ცენტრალური ამიერ-კავკასიის ასეთივე სამარხებისაგან: მათში, მსგავსად აქაურივე ქვაყუთებისა, დაკრძალვა ხდებოდა ინდივიდუალურად და არა კოლექტიურად, თუმცა მოგვიანებით მათ მეორადი დაკრძალვისთვისაც იყენებდნენ. მეორე და უფრო არსებითი თავისებურება ისაა, რომ მათში ჩამარხული ნივთები მკვეთრად განირჩევა ყველა შემოთავანხილულ ეპოქათა სამარხების ინვენტარისაგან, ხოლო აზერბაიჯანისა და სომხეთის ყორღანთა ნივთები, პირიქით, მეტწილად იმავე ასაკისა და ტიპისა არის, რაც ყორღანთა მეზობლად გათხრილი უბრალო ქვაყუთების ინვენტარი.

მაშასადამე ჩვენ საქმე გვაქვს ქრონოლოგიის ერთგვარ წყვეტასთან, რომელიც ძნელი ასახსნელია და აფერხებს თრიალეთის ყორღანულ სამარხთათვის სათანადო ადგილის მიჩენას.

განსაკუთრებით აღსანიშნავია კერამიკის თავისებური ტიპი. ყორღანული კომპლექსები საკმაოდ მრავალფეროვანი და ნაირსაკოვანია, მაგრამ თიხის ჭურჭლის ფორმა და კეთების ტექნიკა ყველა კომპლექსში ინარჩუნებს საერთო თავისებებს. ეს არის გამოძერწვისა და გამოწვის წესი და განსაკუთრებით კი ტენდენცია ჭურჭლის ზედაპირის ანგობით დაფარვისადმი, რასაც სრულიად ვერ ვხედავთ სხვა სამარხთა კერამიკაში (ვერც თრიალეთში და ვერც სამხრეთ კავკასიის დანარჩენ რაიონებში).

ჩამოთვლილი ფაქტები გვაძლავს ყორღანულ სამარხთა მთელი ჯგუფის ქრონოლოგიური ადგილი ვეძიოთ იმ ფარგლებს გარეშე, რომლებშიც შემოთავანხილულ სამარხთა ჯგუფები ექცევა. მართლაც, ყორღანული ინვენტარის მხატვრულ-ტექნიკური დონე მჭიდროდ არის დაკავშირებული სამეურნეო დონის არქაულობასთან. დამახასიათებელია არა მარტო ის, რომ რკინის გამოყენების არაერთი ნიშნები არა ჩანს, არამედ ისიც, რომ არც ბრინჯაო არის სრულად გამოყენებული. მაგალითად, ყველა სხვა სამარხში ისრის პირები ბრინჯაოსია, ყორღანებში კი—მხოლოდ ობსიდიანისა და კაჟისა. კიდევ უფრო სიმპტომატური ისაა, რომ ყორღანებში ნაპოვნ შინაურ ცხოველთა ძვლებში გამოიკნობა ხარი, ძროხა, თხა, ცხვარი, ღორი, მაგრამ სრულიად არ ჩანს ცხენის ძვლები. ეს განსაკუთრებით მკვეთრად განასხვავებს ყორღანებს იმ სამარხთაგან, რომლებშიც სხვადასხვა ტიპის ლაგმები ეპოვნეთ და რომლებიც, მაშასადამე, ცხენთა ნივთების კულტურას გვაგულისხმებინებს. ერთ-ერთ ყორღანში აღმოჩენილ ეტლში ალბათ ხარებს აბამდნენ, ისევე როგორც ურში გათხრილი მეფის სამარხის ეტლში.

ყველა ამ ფაქტს ბრინჯაოს ეპოქაში ღრმად გადაჰყავს წალკის ყორღანები, მაგრამ უფრო მკაფიო ქრონოლოგიური ლოკალიზაციისათვის საკმარის მასალას კი ვერ გვაძლევს.

ყორღანული სამარხები სრულიად არ არის ერთგვაროვანი და ქრონოლოგიურად მათში ორი მთავარი ჯგუფი მაინც უნდა გამოვყოთ. ეს გარემოება თავის მხრივ გვისახავს მეორე ძნელ ამოცანას—სხვადასხვა ტიპის ყორღანთა შეფარდებითი ასაკის სწორ შეფასებას. საჭიროა მოშველიება ადგილობრივი ძეგლების და მათში ბუნებრივად დამარხული კულტურული ფენებისა, მაგრამ სამწუხაროდ ეს უკანასკნელი სუსტად არიან შესწავლილი (ვინაიდან კულტ. ძეგლთა დაცვის განყოფილების მიერ გამოღებული თანხების გამოყენება მკაცრად იყო შეზღუდული: ისინი მხოლოდ იმ იბიექტებს უნდა მოხმარებოდა, რომელთაც ხრამჭის ტიპის შეფუბება განადგურებას უქადადა). ამ მხრივ მხოლოდ ის მოხერხდა, რომ ბეშთაშენის ციკლოპური ციხე-სიმაგრის რაიონში საკვებით აშკარად დავადგინეთ უძველესი ენეოლითური ფენა, წარმოდგენილი ძლიერ განვითარებული კერამიკის უაღრესად დამახასიათებელი ფაციესით, რომელიც კეთების წესით არქაულია, მაგრამ შესრულებით კი თავისებურად სრულყოფილი.

ამ ფენასა და ყორღანულ კომპლექსებს (განსაკუთრებით კი ერთი ყორღანის კომპლექსს) შორის გარკვეული ტიპოლოგიური კავშირის აღმოჩენის შესაძლებლობა გვაძლევს ერთგვარ დადებით საფუძველს ყორღანთა ტიპების თანამიმდევრობაზე მსჯელობისათვის. ისიც შეგვიძლია ვთქვათ, რომ საერთოდ ყორღანები და თუნდაც უახლესნი უფრო ძველი უნდა იყვნენ, ვიდრე თრიალეთის სხვა სამარხთა შორის უძველესნი.

სული წლის განმავლობაში ჩვენ ორმაცდარი ყორღანი გავთხარეთ. ეს სამუშაო საერთოდ ძალიან შრომატევადია; მაგალითისათვის საკმაო იქნება აღნიშნოთ, რომ XXXVI ყორღანს 5 მეტრი სიმაღლე ჰქონდა (ტაბ. LX₂) და მის შიგნით აღმოჩნდა ქვით ნაგები, უხარმარაი „დასაკრძალავი დარბაზი“, რომლის ფართობი 175 კვ. მეტრს, ხოლო კედლების სიმაღლე 4 მეტრს უდრიდა (ტაბ. LXII₂ და LXIII₁). ზოგი სამარხი ორმო ნიადაგის ზედაპირიდან 8 მეტრის სიღრმეზეა ამოთხრილი, ხოლო მათი დიამეტრი 3,5—5 მეტრს უდრის (სურ. 107 და ტაბ. CXIII). არის ორმოები, რომელთა სიგრძე 14 მეტრია, სიგანე 8,5, ხოლო სიღრმე 6 მეტრი. ცხადია, რომ ასეთი ყორღანის თუნდაც მხოლოდ ორმოს გათხრა და მისი ძირის პრეპარაცია დიდ ღროსა და დაძაბულ მუშაობას მოითხოვს.

I. ყორღანული სამარხები, რომელნიც ეკუთვნის მცირე აზიისა და მესოპოტამიის დიდი სახელმწიფოებრივი წარმონაქმების ხანას

ჩვენ მიერ ამ ჯგუფში გაერთიანებულ ყორღანებს ის ახასიათებს, რომ მათს დასაკრძალავ ინვენტარში წარმოდგენილია ძვირფასი ლითონის ნაკეთობანი: ოქროსა და ვერცხლის სასმისები, მიცვალებულის პირადი მოკაზმულობის ნაწილები, სამკლოვიარო აღამის ოქროს-სახოვანი შემოსაფენი, ხის ნაკეთობათა (კერძოდ არქტიქტურული დეტალების) ოქროს გარსაკრავები. აგრეთვე დამახასიათებელია იარაღის სიმცირე: სულ ნაპოვნია რამდენიმე ობსიდიანისა და ერთი კაჟის ისრის პირი, ერთი მშვენიერად ნაკეთები ბრინჯაოს შუბის პირი და სამიც სატყერის პირი (ერთი ვერცხლისა და ორი ბრინჯაოსი).

სამარხთა რაგვარობის მიხედვით ამ ასაკის ყორღანები იყოფა ორ ტიპად: ორმოიანი და უორმოო. ერთშიცა და მეორეშიც მხოლოდ თითო მიცვალებული იმარხებოდა.

ყორღანთა ყრილი ჩვეულებრივ შესდგება რიყის ქვისა და მიწისაგან, ხოლო ზოგჯერ, მაგ. ზედა წალკაში და ტაბისყურის ტბასთან—მხოლოდ რიყის ქვისაგან (ტაბ. LIX₂).

ამ ეპოქის სამარხ ორმოებს ოდნავ მოგრძო სწორკუთხების ფორმა აქვთ და მათი გრძელი ღერძი აღმოსავლეთიდან დასავლეთისაკენაა მიმართული (ტაბ. LXXII₂).

ძალიან ხშირად ორმოში ჩასასვლელად აღმოსავლეთ კედლის მხრიდან გაკეთებულია სპეციალური ქანობი, ე. წ. „დრომოსი“ (ტაბ. LXX). ხის ხრწნილი ნაშთების, ხოლო ერთ შემთხვევაში (ბიუქ-თეფეს ყორღანი) უხრწნელად დაცული მუხის ძელების მიხედვით შეიძლება ვიფიქროთ, რომ სამარხ ორმოებს ძელჭერს ახურავდნენ, ძელჭერის ზემოდან აყრიდნენ მიწას და ამრიგად აღიმართებოდა ყორღანი. ძელების დაღობის შემდეგ მიწა ჩაწვებოდა და შიგ ჩაიქცეოდა: ჩვენ მიერ გათხრილი ორმოები პირთამდე იყო სავსე ყრილის ქვებით. ამიტომაც რომ ყორღანში ნაპოვნი თიხის ჭურჭელი ყველა დაღეწილია და უმეტესობა იმდენადაც, რომ მათი აღდგენა 200—250 ნატების შეკოწიწებას ნიშნავს.

ამ დროის არცერთ დიდ ყორღანში არ გვინახავს ადამიანის ძვლები— მიუხედავად გულმოდგინე პრეპარაციისა; მხოლოდ აქა-იქ გადაჩენილი კბილის მინანქარის მიხედვით შეგვიძლია დავასკვნათ, რომ მიცვალებულის დასაფლავება ინჰუმაციის სახით ხდებოდა და ძვლები სულ იხრწნებოდა. მაგრამ შეიძლება დავუშვათ, რომ კრემაციაც იყოს, როგორც ამას ადგილი ჰქონდა ხეთის სამეფო სამარხებში ხატუშაშე-ში (287). ამ მხრივ გამოჩენილი წარმოდგენა მხოლოდ XXII, პატარა ყორღანი, რომელსაც თავისებური ჰქონდა აგრეთვე მოწყობილობა და ინვენტარი (ოქროს ქინძისთავი, მინიატურული პირი ჩრდილო კავკასიაში ნაპოვნი, ბრინჯაოს დიდი, ბრტყელი, ორვალუტიანი ქინძისთავისა). აქ ჩონჩხი შენახული იყო და ისე იდო, თითქოს მიცვალებული ჯერ მუხლმოყრილი და უსვენებიათ და მერე თავდაღმა დამხობილია (ტაბ. CX₁).

ჩვენ გვაქვს საბუთი ვიფიქროთ, რომ დიდ-ორმოიან ყორღანებში მიცვალებული ან დამწვარი მისი ფერფლი „დრომოსის“ გზით შექონდათ ხოლმე ხის ეტლზე დასვენებული და ამ ეტლიანად მარხავდნენ. XXIX ყორღანში, რომელიც ზღვის დონიდან 1800 მეტრის სიმაღლეზე, საბით-ახჩას (ყოფ. „საბიტახშო“) მახლობლად მდებარეობდა, აღმოვაჩინეთ ხის ოთხ-თვლიანი ეტლი (ტაბ. CVII), რომელიც ყორღანში მკონავი წყაროს წყლის მეშვეობით (ტაბ. CVIII) თითქმის მთლიანად იყო გადაჩენილი. გარდა ამისა, ზოგი ყორღანის ორმოს ფსკერზე ჩანდა ღრმა ნაკვალევი და შიგ ჩარჩენილი ხის ნაშთები.

ორმოს ნაპირებზე ხშირად დაგროვილი იყო. მსხვილფეხა თუ წვრილფეხა საქონლისა და ღორის ძვლები, ხოლო ძირზე, კედლებს გასწვრივ ჩამწკრივებული იყო თიხის დიდი ჭურჭელი (ტაბ. LXVII).

უორმოლო ყორღანთა დასაკრძალავი ბაქნის მოწყობილობა საკვებით შეესატყვისება ორმოთა ძირის მოწყობილობას. ზემოთნახსენები დასაკრძალავი დარბაზის მიხედვით (XXXVI ყორღანი სოფ. კუშჩისთან) უნდა დავასკვნათ, რომ შენობას უორმოლო ყორღანშიც აგებდნენ ნიადაგის ზედაპირზე და ამ შენობაში დაასვენებდნენ ხოლმე მიცვალებულს (ტაბ. LXIII). ასეთი დარბაზი ჯერჯერობით მხოლოდ ერთი შეგვხვდა. იგი ორიენტირებული იყო აღმოსავლეთიდან დასავლეთის მიმართულებით. მისი დასაკრძალავი მოწყობილობაცა და ინვენტარიც სრულიად ისეთი იყო, როგორც ორმოიან სამარხებში. აქ გვაქვს ობსიდიანის ისრები, ბრინჯაოს შუბის ნატეხები, ვერცხლის საკინძები მდიდრულად ორნამენტირებული ოქროს თავებით, ოქროს-სახოვანი გარსაკრავები (ტაბ. CII) და ტიპური, ოსტატურად მოხატული სახეებით შემკული კერამიკა. საოცარი მხოლოდ ისაა, რომ ამოდენა დარბაზში მხოლოდ ერთი მიცვალებული იკრძალვოდა. ჩანს, ეგვიპტური „მასტაბა“-ს მსგავსად, პატრონი სიცოცხლეშივე იწყებდა მის შენებას, რათა მიცვალების შემდეგ ღირსეული ძეგლი დასდგმოდა დიდი ყორღანის სახით. დარბაზს აშკარად ჰქონია სვეტებზე დანდობილი ხის სახურავი, ხოლო იატაკზე ნაპოვნი, რაღაც ხის დეტალის (კიბურად ქრილი სვეტის?) ოქროს გარსაკრავი (ტაბ. CIV) გვაფიქრებინებს, რომ თავის დროზე დარბაზი მდიდრულად და ფუფუნებით იქნებოდა მორთული.

ამ სამარხების კერამიკა უმთავრესად დიდრონი ჭურჭლითაა წარმოდგენილი. ორი ტიპია: „პითოსი“-მხრებზე შებმული ორი პატარა ყურით ან უყურო (ტაბ. LXXIII, LXXVII და LXXX) და „პიდრაია“-უყურო, ყელდაბალი, ლამაზად პირ-გადმოკეცილი (ტაბ. LXXIII, LXXV, LXXXI და LXXXII). თვით თიხის, მისი გამოწვისა და ზედაპირის ორნამენტაციის მიხედვით ყორღანთა კერამიკაში რამდენიმე ჯგუფი გამოიყოფა. ეს ჯგუფები ხან ყველა ერთად გვხვდება, ხან სხვადასხვა ყორღანებში. პატარა ჭურჭელი ძალიან იშვიათია და თუ არის, წარმოდგენილია თხელკედლიანი ფორმებით, რომელთაც ტანი სფერული აქვთ და ყელი ცილინდრული (ტაბ. LXXXIV და სურ. 916).

საკვებით განსაკუთრებულ ჯგუფს შეადგენს წითლად შეღებილი ჭურჭლის კომპლექსი (ტაბ. LXXXI—LXXXIII). ეს ჭურჭელი მოხატულია მხრებზე გადმოშვებული „შეგრონებით“, რომელნიც შიგნიდან ტეხილი ხაზებით (ელამური კერამიკისათვის ტიპური „წყლის სქემა“) და ცალკეული სახეებით (სვასტიკა, ბატის ფიგურა) არიან შევსებული. ამავე კომპლექსს ეკუთვნის შავპეწიანი ჭურჭელი, რომელიც ზოგჯერ დატვიფრული და მინამერწი ორნამენტითაა შემკული.

მეორე ჯგუფს შეადგენს ის საუცხოო ჭურჭელი, რომელსაც მოთეთრო თიხით ანგობირებული, გაკრიალებული და მოშავო-წაბლისფერი, პეწიანი საღებავით მოხატული ზედაპირი აქვს. რთულ-სახოვანი ორნამენტის ელემენტებს შორის ვხედავთ მრუდხაზოვან მებნდრებს, სპირალურ ვოლუტებს, კლაკილ ხაზებს, კადრაკულ არეებს და სხ. (ტაბ. LXXVII—LXXX). ამავე ჯგუფში შედის შავპეწიანი კერამიკა, რომელსაც უფრო ღია ფერის სარჩული აქვს და რომელიც შემკულია სწორ-ხაზოვან-გეომეტრიული, წვრილპუნქტირიანი (სავარცხლისებრი) ორნამენტით. მთავარი სახეებია: ლენტური კუთხეები და მათ შორის ჯვარი, სვასტიკა და ტრაპეციისებრი ფიგურები (ტაბ. LXXIV). ამავე ჯგუფს თან ახლავს თავისებური დიდრონი ჭურჭლები, რომელთა მონატეხი რბილია და გრაფიტივით სწერს (ტაბ. LXXV) და იშვიათად პატარა, სფერული მოყვანილობის ჭინკილები (სურ. 91, ტაბ. LXXXIV).

დასასრულ, მესამე ჯგუფში მოექცევა მოტლანქო კერამიკა ღრმად ამოჭრილი ორნამენტით და მისი თანამყოფი შავპეწიანი ჭურჭელი, რომლის ორნამენტი შესდგება მსხვილად ამოჭრილ-ჩაღრმავებული, ტალღებრივი სახეებისაგან (ტაბ. LXXXV).

არსებობს კანონზომიერი ურთიერთობა ასეთ დაჯგუფებასა და თვით ყორღანულ სამარხთა მოწყობილობის სხვადასხვაგვარობას შორის. მაგალითად, პირველი ჯგუფის ჭურჭელი გვხვდება მხოლოდ ისეთ ყორღანებში, რომლებშიც სამარხი ორმოებია; მეორე ჯგუფისა ორივე ტიპის ყორღანებში, ხოლო მესამე კი მხოლოდ ისეთ ყორღანებში, რომელთა ყრილს ქვეშ ნიადაგში გამოკვეთილია დასაკრძალავი ბაქნები.

ჯერჯერობით არ ხერხდება ამ ტიპების ქრონოლოგიური თანმიმდევრობის ზუსტად დადგენა. ამ ისტორიულად საპასუხისმგებლო საკითხის გადასაწყვეტად აუცილებელია უფრო გარკვეული საფუძვლები, სახელდობრ, ძეგლებისა და მათი კულტურული ფენების შესწავლა, კერამიკის თანამ-

ყოფი ლითონის ინვენტარის ტიპოლოგიის ჩამოყალიბება და თრიალეთის მეზობლად მდებარე წინა აზიის რაიონების განვითარების რიგთა პარალელიზმების აღმოჩენა. სამწუხაროდ, სამხრეთ კავკასიის უახლოესი მომიჯნავე მხარეები—ვანის ტბის, ურმიის ტბისა და ევერატის სათავეთა რაიონები სრულიად უქმარისად არის შესწავლილი, ხოლო უფრო შორეული ქვეყნების—სირიის, მესოპოტამიისა და ირანის კერამიკული ფილიაციები ერთმანეთისგანაც კი ძალიან განსხვავდება და მითუმეტეს ძალიან მცირედ ემსგავსება ჩვენს მასალებს, თუ კი ყოვლად ფართო ანალოგიებს არ გამოვეყიდეებით (მაგ. ზემოთაღნიშნული პარალელი ელამური კერამიკის მე-2 სტილთან ან ტელ-ჰალაფისა და ალიშარის (291) მოთეთრო ანგობასთან).

რაც შეეხება ყორღანებში აღმოჩენილ ლითონის ინვენტარს, იგი წარმოდგენილია უმთავრესად ძვირფასი ნივთებით. ეს კომპლექსი შინაარსობრივად იმდენად ახალი და მრავალფეროვანია და მოულოდნელად ოსტატობის ისეთ მაღალ დონეს გვიმტავლებს ყოველთვის, რომ შეუძლებელი ხდება მასში გენეტიური რიგების უშუალოდ გამოყოფა, ხოლო წინა აღმოსავლეთის სხვა ქვეყნებში კი მათი შესატყვისი ძვირფასი ნივთები ჯერჯერობით ძალიან ცოტაა აღმოჩენილი.

ჩვენ მხოლოდ ორი ნიმუში გვაქვს სახვითი ხელოვნებისა, რომელთა ურთიერთ-მონაცვლეობის შესახებ ასე თუ ისე კიდევ შეიძლება მსჯელობა. ეს არის V ყორღანში ნაპოვნი ვერცხლის სასმისი (ტაბ. LXXXIX) და XVII ყორღანში ნაპოვნი ვერცხლის პატარა სარწყული, ოქროთი შემკული (ტაბ. LXXXVIII). ორივე დაფარულია რელიეფურად ამოჭედილი ორნამენტით.

სასმისი ვერცხლის მთლიანი ნაჭრიდან არის გამოჭედილი და წარმოდგენს ცილინდრულს, ძირ-მორგვალბულსა და ღრუ-ფებიან ჭურჭელს. ზედაპირზე არის ბრტყლად ამოკვეთილი, ლოტოსისებრი როზეტი და ორი ნაქედი ფრიზი. ზედა ფრიზზე გამოხატულია მხეცის-თავიანი, კუდიანი და ტუნე-კით მოსილი 23 არსების მსვლელობა (სურ. 94). ეს არსებანი წამდგარან სკამზე მჯდარი ასეთივე არსების წინაშე. ხელში მათ სათითაო დიდრონი სასმისი უჭირავთ. სკამზე მჯდარი არსების ზურგთ უკან ვხედავთ „სიცოცხლის ხეს“, ხოლო წინ სამფეხა სამსხვერპლოს, მალალ ჭურჭელსა და ორ ცხოველს (ტაბ. XCII). ქვედა ფრიზზე ცხრა ერთმანეთის მიმდევარი ირემია გამწკრივებული. ხარ-ირმებს მძიმე რქები აქვთ, ფურ-ირმები ურქო არიან.

ირმების სრულიად ასეთივე რიგია გამოხატული ვერცხლის სარწყულის ზედაპირული კომპოზიციის ქვედა სართულში, მაგრამ აქ გამოხატულება უფრო ცოცხალია, ხოლო სასმისზე შედარებით უფრო დუნე და უსიცოცხლო. ამიტომ უნდა ვიფიქროთ, რომ სარწყული რამდენადმე უფრო ადრინდელი ეპოქის მხატვრული შემოქმედების ნაყოფია, ვიდრე სასმისი (სურ. 93). სამწუხაროდ შენახულია სარწყულის მხოლოდ ცალი გვერდი და ისიც ნაკლული. მისი აღდგენილი ნაწილი მთლად დაფარულია ნაქედი ფიგურებით, რომელნიც პროფილში ასახავენ სხვადასხვა ადგილობრივ ნადირებს ბუჩქებსა და ხეებს შორის (ტაბ. XC, XCI). ეს ნადირებია: თხები, ქურციკები, შვლები, ორი სხვადასხვა ჯიშის ირმები და ტახები. ეს ფიგურები ისევე მჭიდროდ აესებენ ჭურჭლის ზედაპირს, როგორც ამას ეგვიპტურ პალეტებზე, კაჟის დანის ოქროს ტარზე და სხვა მსგავს ნივთებზე ვხედავთ. ზოგ ნადირს მკერდში ისარი აქვს განწონილი, ასე რომ აქ ნადირობის სცენის ერთ ნაწილთან უნდა გვექონდეს საქმე.

თუ სარწყულზე ასახული ნადირობის სცენა და სასმისზე ასახული მსვლელობა და ირმებიანი ფრიზი მართლაც ეკუთვნიან რელიგიურ წარმოდგენათა ერთსადაიმევე ჯგუფს, უფრო ბუნებრივი იქნებოდა აქ საკულტო სცენა გვეგულისხმებინა. თავდაპირველად კულტი ალბათ დაკავშირებული იყო ტყის ნადირობის ღვთაებასთან, ხოლო შემდეგ ეს უკანასკნელი ბუნების აღორძინებისა და ნაყოფიერების ღვთაებად გარდაიქმნა და ამასთან დაკავშირებით მოხდა მცენარეულის ზრდის ფუნქციის წინ წამოწევა (297—299).

მაშინ მხეცისთავიან არსებათა კუდები უნდა მივიჩნიოთ სამოსელში გადმონაშის სახით შემო-ნახულ რიტუალურ ატრიბუტად და პარალელისათვის მოვიგონოთ, რომ ეგვიპტის ფარაონთა სამოსელის ერთ-ერთ ნაწილს მგლის კუდი წარმოადგენდა.

ყველა ეს ფაქტი გვანიშნებს, რომ ჩვენ საქმე გვაქვს მონადირის მსოფლმხედველობის ძლიერ რღვევასთან. იმავე დროს უეჭველი ხდება, რომ პირველდაწყებითი საფუძველი, რომელზედაც აღმოცენდა ეს საყურადღებო სურათები, იყო მგლის ტოტემი. ამის გამო ისმის საკითხი: ხომ არ ეკუთვნის ეს ჭურჭელი მცირეაზიელ ლუვიელებს ანუ „მგლის ხალხს“? საქმე იმაშია, რომ ამ ხალხის იდეოგრაფიული აღნიშვნა—UR-BAR-RA სუმერულად წაიკითხება როგორც „მგელი“ ანუ,

სიტყვა-სიტყვით, „უცხო, გარეული ძალი“, ხოლო ხეთურ-ნესური ფონეტიკური სახელწოდება ლუვიელისა—lu-u-i-li—ეტიმოლოგიურად უახლოვდება ლათინურ lupus-ს („მგელი“), ისევე როგორც მეორე მცირეაზიელი ხალხის, ლიკიელის სახელწოდება ბერძნულ λυκίαι-ს („მგელი“) (303). მაგრამ ჩვენი სასმისის მიკუთვნება ამ ხალხებისადმი, რომელნიც უმთავრესად მცირე აზიის დასავლეთ და სამხრეთ ნაწილებში ბინადრობდნენ, მაინც არ იქნება სავსებით მართებული: ჯერ ერთი იმიტომ, რომ ეს სასმისი მჭიდროდაა დაკავშირებული თრიალეთის ყორღანული კომპლექსის დანარჩენ ნაწილთან და აშკარად წარმოადგენს ადგილობრივს, არა-იმპორტულ ნაკეთობას; მეორე იმიტომ, რომ მგლის ტოტემის გადმონაშთები ძალიანაა გავრცელებული მცირე აზიისა და ამიერ-კავკასიაში და ბევრად სცილდება ლუვიელ-ლიკიელთა საცხოვრისის ფარგლებს. ამ მხრივ ჩვენთვის განსაკუთრებით საყურადღებოა ის ფაქტი, რომ დასავლეთ საქართველოს რამდენიმე ტომის სახელწოდებებში შემონახულია ძირი ger—gwer, რაც მეგრულ-ქანურში ახლაც „მგელს“ ნიშნავს. ასე მაგ., სიტყვა „გურული“ შეიცავს ძირს gur—gwer, „მეგრული“ თავდაპირველად me-ger უნდა ყოფილიყო, ხოლო „იმერი“—iber—“hiber—hwer—gwer. ამიტომაც, რომ მეგრული ზღაპრების გმირი „გერია“, ნ. მარის აზრით, უბრალო კნინობით „მგელია“-ს კი არ ნიშნავს, არამედ მეგრული ხალხის ეპონიმს წარმოადგენს, რამდენადაც ამ სიტყვის ფორმა სავსაშუალო და სატომო სახელწოდების ფორმაა (304—314).

მხეცისთავიან არსებათა ტანსაცმელის სრული ერთგვარობა უდავოდ იმის მომასწავებელია, რომ ამ სასმისის შემქმნელი საზოგადოების სოციალური დიფერენციაცია სუსტი იყო. ამ დასკვნას ისიც გვიდასტურებს, რომ ამდროინდელ დაკრძალვის წესში ვერ ვხედავთ ვერავითარ ნიშნებს წარჩინებული მიცვალებულისათვის მისი მონების ჩაყოლებისა, რასაც ადგილი აქვს ურის სამეფო აკლდამებში, ე. ი. ჯერ კიდევ დინასტიების წინა დროის ეგვიპტეში. მაშასადამე, მიუხედავად იმ პირობა აშკარა ქონებრივი უპირატესობისა, რომელთაც ძვირფას ნივთებს ატანდნენ და მიუხედავად იმ ფაქტისა, რომ ოქრომჭედლობა და თიხის ჭურჭლის მონატვის ხელოვნება მაღალ დონეზე იდგა, ჩვენ საქმე გვაქვს ჯერ კიდევ წინაქალაქობრივ, გვაროვნულ-ტომობრივ საზოგადოებასთან. მაგრამ, შეიძლება, კრეტა-მიკენის საზოგადოების მსგავსად აქაც უკვე იყო გვაროვნული არისტოკრატია და ტომის მეთაური—„გმირული პერიოდის“ ბერძენთა ბაზილევსის, ან ძველი მექსიკის ატტეკების მხედართმთავართა ტიპისა (340).

რაც შეეხება უფრო ახალგაზრდა ყორღანებს, მათი დათარიღებისათვის შეიძლება გამოვიყენოთ, უპირველეს ყოვლისა, მათში ნაპოვნი ოქრო-ვერცხლის ინვენტარის შედარება ურის (320) სამეფო სამარხში და ურუქში (321) (ძვ. წ. III ათასწლეულის 1-ლი ნახ.) აღმოჩენილ ინვენტართან. IX ყორღანში ნაპოვნი ოქროს პატარა ფიალას (ტაბ. CIII) პირი ისე აქვს დამუშავებული, რომ მეფე მესკალამდღვის მცირე ოქროს ფიალას მოგვაგონებს. ზემოთაღწერილი ვერცხლის სარწყულის ტარის ანჯამები იმგვარადვეა ვერტიკალური მილაკებით კედლებზე მიმაგრებული, როგორც ურის ოქრო-ვერცხლის ჭურჭლებზე ჩამოსაკიდებ მირჩილული წყვილი მილაკები.

V ყორღანში ნაპოვნი ოქროს ცხოველი (შეიძლება ტანმორჩილი ცხენი ან ირემი) ისეთივე ტექნიკით არის შესრულებული, როგორცაა ურში ნაპოვნი, ხისაგან გამოკვეთილი და ოქროთი შეჭედილი, უკანა ფეხებზე მდგარი თხის პატარა ფიგურები (323) (სურ. 100, ტაბ. XCVII და XCVIII). ჩვენს ქანდაკებას თვალები ნიჟაროვან ფუძეზე აქვს გაკეთებული. ეს ტექნიკაც ნამდვილი სუმერულია და მას ვხედავთ ურის თხის ფიგურებზედაც (სურ. 101). აგრეთვე მახლობელი ანალოგია მოგვოვება სუმერულ ხელოვნებაში (სურ. 99) ჩვენს სასაფეთქლე ოქროს ხეებს (ტაბ. XCVIII და CIX). სუმერში გავრცელებული სამკაულის ტიპს ეკუთვნის ის ორკაბა კულონიც, რომელიც აქატის ბრტყელი ფირფიტისა, ოქროს ჩარჩოლისა და ოქროს კაპსულებისაგან შესდგება (სურ. 97, ტაბ. XCIV). განსაკუთრებით საყურადღებოა ჩვენი კულონის შედარება ურუქში (321) 1926 წ. ნაპოვნი გულქანდზე ჩამოკიდებულ კულონთან. ამ გულქანდის ერთ-ერთ მძივზე არის წარწერა, რომლის მიხედვით გულქანდი ეკუთვნოდა ქურუმ ქალს აბაბაშტის (სურ. 98). ისინი საერთოდაც ჰგვანან ერთმანეთს და ტექნიკური დეტალებითაც, ოღონდ ურუქის კულონის ოქროს ბუდეებში მინანქარია ჩასმული და არა ფერადი ქვები. საოცრად ჰგვანან ისინი ერთმანეთს იმიტომაც, რომ გულქანდის ძაფზე ასაგებად აქატის თხელი ფირფიტები ორივე შემთხვევაში ერთიდაიმავე, ძალიან ძნელი მეთოდითაა გაზერეტილი, მიუხედავად იმისა, რომ ასაგებად შეიძლოა მათზე ჩამოკიდებული კაპსულებიც გამოიყენებინათ.

დასასრულ, ვერცხლის სატევრის პირი (ტაბ. CV) მოგვაგონებს სამეფო იარაღის ძვირფასი ლითონებისაგან გამოჭედვის სუმერულ ჩვეულებას (325).

როგორც ვხედავთ, მსგავსება საკმაოდ დიდია, მაგრამ უფრო მეტია განსხვავება და ეს მოწმობს ჩვენ მიერ აღმოჩენილი კულტურის დამოუკიდებლობას და გაცილებით უფრო „ახალგაზრდულ“ ასაკს, მიუხედავად იმისა, რომ მისი კავშირი ნაწილობრივ ელამის მე-2 სტილის მსგავსად მონატულ კერამიკასთან თითქოს უფრო „ხნიერი“ ასაკის მანიშნებელი უნდა იყოს. სრულიად წარმოუდგენელია, რომ ურის სამეფო სამარხთა ხანაში ან მის მახლობელ ხანაში შესძლებოდათ გაკეთება ისეთი საოცარი ოქროს სასმისისა, როგორც ჩვენ XVII ყორღანში ვიპოვეთ. ამ სასმისს ჭვირული („აქურული“) ფეხი აქვს და ფილიგრანისა, თვლებით მოჭკვილი ოქროს ვოლუტები (ტაბ. XCII), ხოლო ძველი სუმერის ფილიგრანული და მარცვლური ტექნიკა გაცილებით უფრო დაბალ დონეზე იდგა. იგივე შეიძლება ითქვას ოქროს ბურთულა, თვლებით მოჭკვილ მძივთა შესახებ, რომლებზედაც „8“-სებური, სუმერულ საყურეთა ტიპის (320) ხეებია გამოხატული (ტაბ. XCV). მათ სუსტ ანალოგიას ვხედავთ მხოლოდ ვაფოს გუმბათოვან აკლდამაში აღმოჩენილი მძივის სახით (სურ. 96) და ეს აკლდამა კი ეკუთვნის II ათასწლეულის შუას (318), როდესაც მთელ რიგ ქვეყნებში მარცვლური ტექნიკა უკვე საკმაოდ განვითარებული იყო (319). ახალი და სუმერული ტორეტიკისათვის უცხოა ჭურჭლის ქედვისას ფსკერზე დანდობილი ფარგლით მისი სწორეის ტექნიკა, რის მაგალითებსაც ვხედავთ ოქროს და ვერცხლის პატარა ფიალებში და ვერცხლის ფინჯანში (ყორღანები: IX, XV და XVI; იხ. ტაბ. CII).

დასასრულ, სტილის მხრივაც არაფერი აქვთ სუმერულ ნივთებთან საერთო ვერცხლის სარწყულზე და სასმისზე ამოჭედილ სურათებს, რომელთაც ერთმანეთთან მჭიდროდ აკავშირებს საზიარო მოტივი და მიმავალი ირმების ერთიდაიმავე ხერხით გამოხატვა. სამწუხაროდ, ამ საუცხოო ნივთებს სრულიად არ მოუპოვება შესაძარბებელი პარალელები; მაგრამ მაინც საკლებით ცხადია, რომ მათ ასურული, ე. ი. უფრო ახალი დროისა არაფერი სცხაათ და რომ ისინი მოგვაგონებენ მცირე-აზიული, „ხეთური“ ხელოვნების უძველეს ნიმუშებს. ზუსტად ერთგვარი, პარატაქტულად განწყობილი ფიგურების გრძელი მწკრივის ანალოგია შე ვიძლია ვეძიოთ იაზილი-ყაიის ბარელიეფებში. მოკლე, ფოჩიანი ტუნკები (ან უკეთ ხიფთანები) (300) და მაღალქვინტიანი ფეხსაცმელიც (301) ხეთური ტიპისაა. მაგრამ მეორე მხრით ჩვენს გამოხატულებას ახასიათებს რამდენიმე თავისებურება: მიძღვნის კომპოზიციის საერთო ხასიათი, ღვთაების ჯდომა, ტანსაცმლის ატრიბუტი—მგლის კუდები, „სიციცხლის ხის“ ტიპი (ყდარი ან რომელიმე სხვა წიწვიანი ხე უნდა იყოს), ცხოველებისა და ხეების რამდენსამე სიბრტყეში გამოსახვა. ამგვარი თავისებურება იმის ნიშანია, რომ ჩვენ საქმე გვაქვს საკმაოდ დამოუკიდებელ ხელოვნებასთან, რომელიც რაღაც განსაკუთრებული არქაული ტრადიციებით სარდლობს.

რომ ეს ნივთები უფრო გვიანი დროისაა, ვიდრე მათი სუმერული ანალოგები, ამას განსაკუთრებით დამაჯერებლად ამტკიცებს XV ყორღანში ნაპოვნი, მშვენიერი, მასრიანი შუბის პირი, ბრინჯაოსაგან გაკეთებული და ვერცხლით გაწყობილი (ტაბ. CVI). ცნობილია, რომ მასრიანი შუბის პირი წინა აღმოსავლეთში და კიპროსზე სრულიად არ გვხვდება (51—55, 380) და გამონაკლის წარმოადგენს ტროას მე-6 ქალაქში ნაპოვნი ერთადერთი ცალი. კრეტაზე ნაპოვნი თავისებური, არატიპური ფორმები იმავე დროისა (LMIII). უფრო ჩვეულებრივ მოვლენად იქცევა მასრიანი შუბები მხოლოდ მიკენში. პირველი ამგვარი შუბის პირი, კონტა მოყვანილობისა, გვხვდება მიკენის მე-4 შახტურ სამარხში, რომელიც ძვ. წ. XVII საუკუნით თარიღდება (331—333). სამაგიეროდ ეს შუბები დაახლოებით იმავე ხანაში ფართოდაა გავრცელებული დასავლეთ ევროპაში (მონტელიუსის მე-2 პერიოდი), ხოლო ჩრდილო კავკასიაში მხოლოდ ბრინჯაოს ეპოქის მიწურულში ჩნდება (მაგ. სტანიცა „კრიმსკაია“). ამიტომ ცხადია, რომ წალკაში ნაპოვნი შუბის პირი არავითარ შემთხვევაში არ ჩაითვლება მიკენის მე-4 შახტურ სამარხზე და ტროის მე-6 ქალაქზე უფრო ძველად. ეს უნდა იყოს terminus post quem ჩვენი ახალგაზრდა ყორღანების მთელი ჯგუფისათვის.

მეორე მხრით, როგორც უკვე დავრწმუნდით, არავითარი საბუთი არა გვაქვს უფრო გვიან ეპოქას მივაკუთვნოთ ეს ახლად აღმოჩენილი კულტურა, რომელიც მკვეთრად განსხვავდება სამხრეთ კავკასიის ჩვენთვის ცნობილი გვიანი ბრინჯაოს კულტურისაგან. მართლაც, ჩვენ მიერ განხილული თრიალეთის არაყორღანული სამარხები (უძველესი, სპილენძ-ბრინჯაოს და კაყის ნამკვების შემცველი სამარხებით გათავებული) მათი მძივების, ე. ი. ყველაზე უფრო მოძრავი საქონლის ასორტი-

მენტის მიხედვითაც კი აბსოლუტურად არ ემთხვევა ყორღანებს. ეს გარემოება თავის მხრით მტკიცე არგუმენტი აგრეთვე ყორღანული კომპლექსებისა და ჩვენ მიერ შესწავლილი ამა თუ იმ სასაფლაოს სინქრონიზაციის საწინააღმდეგოდ; მითუმეტეს, რომ თრიალეთის ყორღანებში აღმოჩენილ მხატვრულ ნაკეთობათა სტილისტური თავისებურებანი მკვეთრად განიჩნევიან აქემენიდური, ვანური და ასურული ხელოვნებისა და მხატვრული წარმოების სტილისაგან.

ამიტომ თრიალეთის გვიანდელ ყორღანთა ნივთების კომპლექსი უნდა განვიხილოთ, როგორც საკმაოდ არქაული კულტურა, რომელიც საკმაოდ დაშორებულია სამხრეთ კავკასიის გვიანი ბრინჯაოს ეპოქის მეტნაკლებად ერთგვაროვანი და ურთიერთთან დაკავშირებული მასალის სხვადასხვა ვარიანტებსა და სახეებს.

აღმოჩენილი დასაკრძალავი მოწყობილობისა და მეტნაკლებად მრავალფეროვანი ინვენტარის მიხედვით კულტურული ავლა-დიდება იმ ტიპისაა, რომ უეჭველად წინაკლასობრივ საზოგადოებასთან უნდა ვეჭონდეს საქმე. მაგრამ ეს საზოგადოება პროგრესული და უკვე საკმაოდ დაწინაურებული უნდა იყოს. „ენგელის ტერმინოლოგია“ რომ ვიხმაროთ, იგი „ბარბაროსობის“ საკმაოდ მაღალ საფეხურზე დგას (340). ამ მხრივ განსაკუთრებით საყურადღებო იყო აღმოჩენა დასაკრძალავი დარბაზისა (სურ. 90 და ტაბ. LXIII), რომელშიც ხის არქიტექტურული დეტალების (ან ეგებ ხის სარეცელის თუ ტახტის) ოქროს გარსაკრავის ნაშთები ვნახეთ (ტაბ. CIV). წარჩინებული მიცვალებული სრულიად მარტო, უმოწონოდ დაემარხათ და მისთვის ჩაეტანებინათ დიდძალი (3000-დე ლიტრის ტევადობის) ჭურჭელი, რაც სავსებით იმარება დიდი საგვარეულო კოლექტივის მიერ საკულტო ქელების გადახდისათვის.

ბინადარი მოსახლეობის ყოფაცხოვრება და მეურნეობა დამყარებული იყო მიწათმოქმედებაზე და მწყემსურ მესაქონლეობაზე. აშენებდნენ მსხვილფეხა და წვრილფეხა რქოსან პირუტყვსა და ღორებს. შესაძლებელია, ცხენი ჯერ კიდევ არ ჰყავდათ მოშინაურებული, მაგრამ უკვე ჰქონდათ სუმერული ტიპის ხის ეტლი (326—330), ღერძებზე მბრუნავი ოთხი თვალით (ტაბ. CVII), რომელშიც ალბათ ხარებს აბამდნენ (სურ. 102). ლითონის წარმოება ნამდვილი ხელოვნების დონეზე იყო აყვანილი. ხელოსნები დაოსტატებული იყვნენ სპილენძის, ბრინჯაოს, ვერცხლისა და ოქროს ჩამოსხმაში, რჩილვაში და შედნობაში. განვითარებული იყო ფაქიზი იუველირული ტექნიკა (ფილიგრანი, გრანულაცია), ქედვა, ტვიფრვა, ლითონთა პლასტიკა—ფურცლებისაგან რელიეფებისა და მრგვალი ქანდაკების კეთება (ტაბ. LXXVIII—CV). კერამიკაც ისეთია, რომ მისი მკეთებელი ოსტატები დახელოვნებული უნდა ყოფილიყვნენ თიხის ცომის სხვადასხვა, უკვე შემუშავებული ტიპების ხმარებაში, მის სხვადასხვანაირად (დამყვანავი თუ აღმადგენელი ალით) გამოწვაში და ჭურჭლის სხვადასხვანაირად დამუშავებაში თუ შემკობაში (ფაქიზად ხეხვა, ანგობა; ფერადი მოხატულობა) (ტაბ. LXXVI—LXXXIII). ეტყობა უკვე ცნობილი ყოფილა ხის სახარატო დაზვა (მოხარატებული და ოქროს ფურცლით დაფარული ხის სვეტი), ხელით საბრუნო კერამიკული მორგვი, ლითონის ჭურჭლის (ტაბ. CII) გასაფორმებელი საბრუნო ხელსაწყო და ფარგალი. ჭურჭლის ორნამენტირებისას წრეს ჰყოფდნენ 5, 7 ან 9 თანასწორ ნაწილად, რაც ალბათ წინააზიის უძველეს კოსმიურ წარმოდგენებთან იყო დაკავშირებული (341).

ობსიდიანსა და კაქს უმთავრესად ისრის პირების დასამზადებლად ხმარობდნენ. ტექნიკა იყო ნეოლითური, მაგრამ უალრესად სრულყოფილი და გაფაქიზებული (ტაბ. CVI bis). სარდიონისა და აქატის ფაქიზად დამუშავება, როგორც მათგან ნაკეთები ნივთების იუველირულ ტექნიკასთან მჭიდრო კავშირი გვიჩვენებს. აგრეთვე ადგილობრივ წარმოება და დიდი ტექნიკური სიძნელეების გადალახვას მოითხოვდა (მაგ. აქატის თხელი ფირფიტების ხვრეტა გრძლად, სიბრტყეზე).

ჯერჯერობით ვერ ვიტყვით, ქაშანურის მძივების (ტაბ. XXII) მოქიქვა ადგილობრივ ხდებოდა თუ ყველა ამგვარი მძივი საიდანმე მოჰქონდათ. ერთი რამ კი უდავოა: ზოგ მათგანს იმგვარი მუქლურჯი ტიქურა აქვს მოსხმული, რომ უნდა ვიგულისხმოთ მათი კავშირი ეგვიპტურ სახელოსნოთა პროდუქციასთან, რომელიც იმ დროს ფართოდ იყო გავრცელებული.

საქსოვ მასალას მატყლის ძაფი წარმოადგენდა. ნაპოვნია ორგვარი ძაფი: მსხვილი, ბუსუსიანი და ძალიან წვრილი, მჭიდროდ ნასთავი.

ვერცხლის სასმისზე გამოხატული ფიგურების მიხედვით ჩანს, რომ მოკლე ხიფთანების კალთებს ფოჩებით რთავდნენ, ხოლო მკერდზე ქობას უკეთებდნენ.

საოცარია იარაღის სიმცირე, სამი სატევრის პირის (1 ბრინჯაოსი და 2 ვერცხლისა), ბრინჯაოს შუბის პირისა და ობსიდიანის წვრილი ისრის პირების გარდა ყორღანებში არავითარი იარაღი არ აღმოჩენილა. ნიშნავს თუ არა ეს, რომ იმდროინდელ თრიალეთში არ იყო მებრძოლი მოსახლეობა და ცხოვრება მშვიდობიანად დიოდა? ამ კითხვაზე პასუხის მიცემა ძნელია, სანამ დასახლების სათანადო ადგილებს არ გამოვიკვლევთ.

2. ძველი ბრინჯაოს ხანის ყორღანული სამარხები

ამ განყოფილებაში ვაერთებთ თრიალეთის ყორღანების ორ სრულიად სხვადასხვაგვარ ჯგუფს. პირველი ჯგუფის ყორღანები მომთაბარე ხალხს უნდა მივაკუთნოთ, ვინაიდან მათში სულ არაა კერამიკული ინვენტარი (თუმცა უნდა აღინიშნოს, რომ ჯერ მხოლოდ ერთი შემთხვევა გვაქვს გამოკვლეული). ასეთი ყორღანები ვნახეთ წალკის რაიონის სამხრეთ, მაღლობ ნაწილში, ფარავანის ტბისკენ გადასავალ უღელტეხილთან, ზღვის დონიდან 2200 მეტრის სიმაღლეზე. ერთ-ერთ მათგანში ყრილის ქვეშ აღმოჩნდა ნიადაგზე მდებარე ძვირფასი სამარხი (ტაბ. CXV). ამ სამარხში ნაპოვნი ნივთების სია ასეთია: სპილენძის ბრტყელი სატევრის პირი მოკლე და ფართო, კოტის დასამაგრებლად გახვრეტილი ყუნწით; სპილენძის ბრტყელი შუბის პირი სუსტად გამოყოფილი ვიწრო ყუნწით; სპილენძის აბჯრის ნაწილები (ექვსი ბურცობი, წვრილწვრილი კოპებით შემკული და შუაში თასმის გასაყრელად გახვრეტილი); ობსიდიანის ხუთი ფართო ისრის პირი, ფუძეებთან ამოღარული (ღარი შუა ნაწილსაც კი სცილდება); ოქროს სამი ცილინდრული (შერჩილული) გადასაკრავი რაღაც მრგვალი წვეპლისათვის (დიამ. 2,5 სმ). ეს გადასაკრავები რკალურად არის განლაგებული ისრებით მახლობლად და ამიტომ შეიძლება „წეკლა“ ხის მარტივ შვილდასაც კი წარმოადგენდა. დასასრულ უნდა აღინიშნოს ჰემატიტის ლახტი, რომელიც მშვენიერი ნახელავია, წესიერი ცილინდრულ-კონუსური ნახვრეტი აქვს და მოგვაგონებს სირია-პალესტინის ენეოლითურ ფენებში და ამჟამის ბორცვის (სურ. 110) მე-2 ფენაში აღმოჩენილ ლახტებს, რომელნიც d. წ. III ათასწლეულის მიწურულს ეკუთვნიან (342—344).

ძველი ბრინჯაოს ეპოქის ყორღანთა მეორე ჯგუფს შეადგენენ ორმოიანი ქვა-მიწა-ყრილი ყორღანები. ისინი წინა პარაგრაფში განხილულ ყორღანებთან მორიგეობით მდებარეობენ მდ. ხრამისა და მის შენაკადთა ხეობებში. გარეგნულად ისინი ხშირად არც კი გამოირჩევიან (ტაბ. LIX), მაგრამ დიდი განსხვავებაა შინაარსში: ამ ჯგუფის ინვენტარი ძალიან ღარიბულია. ლითონის ნივთებიდან მათში სულ არაფერია ყურადღების ღირსი (სურ. 109) და თიხის ჭურჭელიც ჩვეულებრივ თითებზე ჩამოთვლება (ტაბ. CXI და CXII). ეს ნივთიერი სიღატაკე არ შეესაბამება ყორღანის ყრილის სიდიადეს და ერთადერთი მიცვალებულისათვის ამოთხრილ ღრმა ორმოს, რაზედაც ბევრი შრომა იქნებოდა დახარჯული. ერთ შემთხვევაში (X ყორღანი) ორმო ნიადაგის ზედიპირიდან 7,5 მ სიღრმეზე აღმოჩნდა (სურ. 107), ხოლო ყრილის თავიდან ორმოს ძირამდე 9 მეტრი იყო (ტაბ. CXIII). მეორე შემთხვევაში (IV ყორღანი) ყრილის სიმაღლე 5 მეტრს (სურ. 108), ხოლო დიამეტრი 45 მეტრს აღწევდა (ტაბ. LXI—LXII). ადამიანის ძვლის ნაშთები, მსგავსად წალკის უფრო ახალი ყორღანებისა, აქაც იშვიათია. მიუხედავად ამისა ერთ-ერთ ყორღანში მაინც მოხერხდა მიცვალებულის პოხის გამოკვლევა: იგი გვერდზე წოლილა და ფეხები მოკეცილი ჰქონია (ტაბ. CX₂). თიხის ხელდას და ფინჯანს მიცვალებულს თავით უდგამდნენ ხოლმე. ლითონის ინვენტარის ნაშთები მხოლოდ ორ შემთხვევაში ვიპოვეთ: XIX ყორღანში—სპილენძის ბრტყელი იარაღის პირი, ძლიერ დაშლილი და XXIV ყორღანში პაწია, ბრტყელი, ოთხკუთხა-ღეროანი საკრეთელი (345) (სურ. 109). გარდა ამისა, IV, დიდი („კარანტინის“) ყორღანის ყრილში ვნახეთ ვერცხლის მასივური ხვია; აქ ორმო გაძარცვული იყო და ხვიაც ალბათ მძარცველებს თუ დაუფარდათ, როდესაც ამოდიოდნენ. იგი მრგვალია, 1,5—სპირალური (ტაბ. CXIV) და ფორმა-სიდიდით ემსგავსება სტანიცა „ლეტნიცკაის“ (ჩრდ. კავკ.) დიდ ყორღანში აღმოჩენილ ხვიას, რომელიც ძველი ბრინჯაოს ეპოქის ქვისა და სპილენძის ინვენტართან ერთად იყო.

მხოლოდ ერთგან, XIX ყორღანის სამარხ ორმოში ჩაყრილ მიწაში (რომელიც ურარტულ ხანაში აუშლიათ მეორადი დამარხვით) ვნახეთ ორი ისრის პირი, ორივე ობსიდიანისა და ნუშისებრ მოყვანილი (ტაბ. CVI bis).

ამ ყორღანების ქრონოლოგიური ადგილი, წინა ჯგუფთან შეფარდებით, უმთავრესად კერამიკის ტიპოლოგიური ანალიზის მეშვეობით უნდა გამოირკვეს. მათ კერამიკას ახასიათებს ისეთი თავისებურება, რომელიც შეესატყვისება ძველ ენეოლითურ ფენას, ჩვენ მიერ თრიალეთში აღმოჩენილსა და სამუხეუმო მასალების საოცრად ერთგვაროვან ფორმათა მიხედვით სამხრეთ კავკასიის მნიშვნელოვან სივრცეზე გავლელულს.

ამ ყორღანთა კერამიკა მკვეთრად განსხვავდება შუა ბრინჯაოს ეპოქის კერამიკის ყველა ზემოთაღნიშნული ტიპისაგან. თუ ძვირფას-ნივთებიან ყორღანთა კერამიკის მთავარ კონტინენტს პითოსები და ჰიდრიები წარმოადგენდნენ, აქ გვაქვს ხელაღები და ყურიანი ფინჯნები, რომელნიც აშკარად ხელით, უმორგვოდ, მაგრამ დიდი ოსტატობით არიან გამოძერწილი. ისინი მძიმე არიან, კედლები სქელი, მაგრამ შიგნითაც და გარეთაც გაპრიანებული აქვთ, ხოლო ზედაპირი გულდასმით დამუშავებული (ტაბ. CXIV). დამახასიათებელია, რომ ხშირად ჭურჭლის კედელი გარედან შავია და შიგნიდან წაბლისფერი. ასე რომ თითქოს ორი, სისქეზე ერთმანეთთან შეწყობილი შრისაგან შესდგება. თავისებურია ჭურჭლის არქიტექტონიკაც: ფსკერი ძალიან ვიწროა, მუცელი გაბერილი და მსხლისებრ მოყვანილი (სურ. 111—114).

სწორედ ნაძერწობისა და პროფილის თავისებურებათა მიხედვით ენათესავება ეს ჭურჭელი ადგილობრივი ენოლითური ჭურჭლის ერთ ჯგუფს, რომელიც მრავალფეროვანი, მაგრამ მაინც რაღაც საერთო კომპოზიციური ნიშნების მქონეა. ძველ-ყორღანული და ენეოლითური ჭურჭლის ნათესაობას კიდევ უფრო აძლიერებს მათი ორნამენტაცია. ერთსადაიმევე ჭურჭელზე ხშირად შეხმატებულია შემკობის ორი ტექნიკურად სხვადასხვანაირი წესი. მაგ., ჭურჭლის მუცელზე ამოზურ-ცულ-ჩაზნეკილი, ან, ყოველ შემთხვევაში, ღარული ორნამენტია, ხოლო ყელზე კი ფაქიზად ამოკვეთილი. თვით ნახატსა და სახეთა მოძრაობას ორივე შემთხვევაში ერთნაირი და მკაფიოდ გამოხატული ხასიათი აქვს: ჭურჭლის ირგვლივ რომელიმე მეტ-ნაკლებად რთული მოტივის უბრალო განმეორებას კი არ ვხედავთ, არამედ შეკრულ გეომეტრიულ კომპოზიციას. ეს კომპოზიცია რიტმულად კანონზომიერია, მაგრამ სიმეტრიის სისტემა განზრახ არის დარღვეული ცალკე ელემენტების კომპოზიციური გადაადგილებითა და გადაბრუნებით (სურ. 121). ეს მსგავსება უკვე საკმარისია იმისათვის, რომ უძველესი გახადოს გენეტური ნათესაობა და ამ ჯგუფის ყორღანთა კავშირი ადგილობრივ, უძველეს პალეოპეტალურ ფენასთან.

ამიტომ უაღრესად დიდი მნიშვნელობა ექნება საქართველოში და სამხრეთ კავკასიის სხვა რაიონებში ბრინჯაოს ძველ სტადიათა კერამიკული მასალის—ჩვენთვის ჯერ კიდევ უცნობის—დაგროვებას. ამგვარად უნდა მოიხაზოს ტერიტორიულური გავრცელება და გამოირკვეს მიმართულება კულტურული მონაცვლეობისა კავკასიის გვაროვნული საზოგადოების განვითარების ისტორიის ამ კრიტიკულ პერიოდში. კერძოდ უნდა ვცადოთ გამოვსვინოთ იმისა, თუ რა პირობებში წარმოიქმნა თრიალეთზე შუა ბრინჯაოს ეპოქაში გაფურჩქნული კულტურის კერა, რომლის დახასიათებაც წინა პარაგრაფში იყო მოცემული.

III. ენეოლითური ხანის სამარხები და ციკლოპური ციხე-სიმაგრეთა ძეგლები კულტურული ი ფენა

ამ ჯგუფის ძველთა განხილვით ჩვენ ვხეებით თრიალეთის არქეოლოგიის ერთ-ერთ ყველაზე უფრო ილუმინალ ფურცელს. ილუმინალი იგი მიუხედავად იმისა, რომ ჩვენ სწორედ ეს მასალა გვაქვს დაგროვილი ერთდროულად სამარხებიდანაც და ნაბინავართაგანაც და მისი ცალკე, ძველი კულტურული ფენის სახით, გამოყოფა დასაბუთებულია არა მარტო თრიალეთის მონაპოვართ (როგორც ყორღანებისა), არამედ სამხრეთ კავკასიის სხვა ადგილებში მოპოვებული მასალებითაც.

აქ ჩვენ საქმე გვაქვს, უპირველეს ყოვლისა, განსაკუთრებულ კერამიკულ კომპლექსთან (233). ეს უკანასკნელი თავისი გავრცელების ვრცელ ტერიტორიაზე ყველაგან უცვლელად ინარჩუნებს ბერძნის მთქმელ სპეციფიკას, მაგრამ თავისებურსა და მდიდარ ფორმებს კი შეიცავს (სურ. 120). იმავე დროს

მისი თანამყოფი არა-კერამიკული ინვენტარი საოცრად მწირია (სურ. 115, ტაბ. CXIX). ამიტომაც ეს კომპლექსი სავსებით შეუცნობელი და ჯერჯერობით სუსტად აღრიცხული მიუხედავად იმისა, რომ ამას ძალიან დიდი მნიშვნელობა ექნებოდა საქართველოში და მის მეზობელ ქვეყნებში მკვიდრი ბინადობრივ, მიწათმოქმედებით, მესაქონლეობითა და მეტალურგიით დახასიათებული სამეურნეო-კულტურული ფორმების ადრეულ საფეხურთა გარკვევისათვის.

ამ ფენის კერამიკა თრიალეთზე პირველად ე.პჩელინამ (347) აღმოაჩინა (სოფ. კიკეთის მახლობლად). ჩვენ იგი შევისწავლეთ სოფ. ბეშთაშენში, ციკლოპური ციხე-სიმაგრის ნანგრევებზე (სურ. 64).

ციხის შიგნით ჩვენ რამდენიმე ქრილი გავაკეთეთ და აღმოვაჩინეთ ოთხკუთხედიანი სადგომები და თვითუღის თითო კედლის გასწვრივ დერეფნისებრი გასასვლელი. საძირკველი ქვისაა. შიგ შენობაში შენახულია თიხატექნილი თორწე (ტაბ. CXVII). სადგომებს ქვეშ მდებარე კულტურულ ფენაში ვიპოვეთ კაყის ნამგლის კბილები და კერამიკა, ტიპური მეზობლად გათხრილი, ბრინჯაოს ხანის სამარხებისათვის. შემდეგი ფენა ყველაგან კარგად ჩანს და შეიცავს თავისებურ შავფეროვან კერამიკას, რომელზედაც სწორხაზობრივ-გეომეტრიული, ლენტოვანი და შტრიხოვანი ორნამენტია ამოკვეთილი (ტაბ. CXXII). სულ ქვედა ფენა ბეშთაშენის ციხე-სიმაგრის ფარგლებში სამგან, ხოლო მის შორიახლოს კიდევ ორგან აღმოჩნდა. ამ ფენამ მოგვცა: კაყის ისრის პირები—სამკუთხოვანი, ყუნწიანი, და კაპებიანი (ქუთაისის რაიონში, სოფ. თეთრამიწას ნეოლითურ სადგომში ნაპოვნი ისრის პირების ტიპისა); კაყის დანა, ფართო, ორმხრივ დამუშავებული, წვერ-გალუნული (ტაბ. CXIX), ოვალური ფორმის ხელსაფეკვი გრძელი, გარდიგარდმო მბრუნავი, ნავისებრი კურანტებით (ტაბ. CXVIII); ხარის თუ ცხვრის პატარა ქანდაკება, თიხისაგან გაკეთებული (ტაბ. CXX) და ხელით ნაძერწი ჭურჭელი დამახასიათებელი „შრეებრივი“ აგებულებისა და ორივე მხრივ გულმოდგინედ დამუშავებული კედლებით. ხელთ გვაქვს ამ ჭურჭლის ორი სხვადასხვაგვარი კომპლექსი, რომელთა სტრატაგრაფიული ურთიერთობა ჯერჯერობით გაურკვეველია.

ერთი კომპლექსი (სურ. 122) შეგროვილია საცხოვრებელ ფართობზე (სურ. 119), კარგად დაცული ბუხრისებრი კერის გარშემო (ტაბულა CXVIII). იგი წარმოადგენს ვარიანტს იმ კერამიკისა, რომელიც დიდუბეში (სურ. 123), კიკეთში (347) და ეილარში (სომხეთში) (352, 360) არის აღმოჩენილი და რომელიც უფრო მასიურია. ეს ჭურჭელი ხან სრულიად უორნამენტოა, ხან კი მსხვილი, ლაკონური და რელიეფური ორნამენტით არის შემკული (ნალისებრი, სპირალური და სხვა ელემენტები). თვით ჭურჭელს ბრტყელი ძირი, მაღალი და განიერი ყელი აქვს და წვრილი, მასიური ყურები ახსია (ტაბ. CXXIII).

მეორე კომპლექსის ჭურჭელი (სურ. 124) ხშირად მშვენიერადაა დამუშავებული. ეს კომპლექსი ფორმით, ვიწრო და შედრეკილი ძირებით, ნახევარსფერული ყურებით (სურ. 117—118) და ტექნიკურადაც და კომპოზიციურადაც თავისებური, „ჩალარულ-ამოზურცული“ ორნამენტით (სურ. 120, CXX) ძალიან მოგვაგონებს პ. ფ. პეტროვის მიერ 1914 წელს იგდირის რაიონის სოფ. მალაქლუში, არარატის ლავის ზეწარს ქვეშ აღმოჩენილ ჭურჭელს (233) და ლალაიანის მიერ ნახჭევანის რაიონში, ქულთაფაში აღმოჩენილ შავ კერამიკას, რომელიც მრავალფერად მოხატული კერამიკის შემცველ ფენას ქვეშ იყო (354). სავსებით თანხვედება ჩვენი კომპლექსი აგრეთვე შრეშ-ბლურის გორაკზე, ქულთაფაში (ეჩმიადინ-ვალარშაფათის რაიონი) და შენგავითში (ერევნის ახლოს) (352) აღმოჩენილსა და ამასწინათ გამოქვეყნებულ ნიმუშებს. მსგავსება ჩანს აგრეთვე ამ ტერიტორიაზე აღმოჩენილი კერამიკის თანამყოფ დეტალებსა (თიხის მრგვალი სარქველები, ნალისებრი და ყურიანი სადგარები კერისათვის და სხ.) და ნახჭევანში, მალაქლუში, ძველ არმავირში, ყარაქურთაში (სარაყამიშის რაიონი) და სხვა ადგილებში აღმოჩენილ ასეთსავე დეტალებს შორის. ყველაგან გვხვდება აგრეთვე ნახშირი, ნაცარი, წიდა, გამომწვარი თიხის ლესილი და სხ.

ჩვენ მიერ შეგროვილს შავი ჭურჭლის ნატეხებს, რომელნიც გარედან მშვენიერად ბრწყინავენ, ხშირად შიგა, ღია ფერის ზედაპირზედაც აქვთ საგანგებოდ წასმული წითელი, მტკიცე ანკობა.

ამავე ფენაში მოიპოვება ფეხ-მაღალი ჭურჭლის ნატეხები გაპრიანებისას შესრესილი წითლად მბრწყინავი ფერადით დაფარული (ტაბ. CXXIV), და ნატეხები, რომელთაც წითელი ან შავი, ლაკიანი საღებავით მოხატულობის კვალი შერჩენიათ (ტაბ. CXXI).

ამგვარი კერამიკის შემცველი კულტურული ფენის (ტაბ. CXXV, სურ. 126) შესაბამისი სამარხები წარმოდგენილია ქვაყუთებით, რომლებშიც თითო მიცვალებულს მარხავდნენ (სურ. 125).

ენეოლითური ძეგლების განხილვით ჩვენ უკვე მივღწიეთ თრიალეთის კულტურული კერის განვითარების ისტორიული პერსპექტივის ერთგვარ ზღვარს. ამ ზღვარს ის გარემოება სდებს, რომ ისევე როგორც მცირე აზიის უძველესი ნასახლარი გორაკების უმეტესობა (პისარლიყი, ალიშარი, საქსეგოზი და სხ.) (365), ჩვენი რაიონიც არ გვაძლევს არავითარ ნიშნებს ნეოლითური სადგომებისა, რომელნიც ძალიან ტიპურად არიან წარმოდგენილი დასავლეთ საქართველოში (თეთრამიწა, სათაფლია, ოდიში და სხ.) (369).

ლითონისწინა პერიოდმა თრიალეთში დაგვიტოვა მხოლოდ ეპიპალეოლითური ასაკის ნახევრად-მღვიმური სადგომები (ტაბ. CXXVI). ეს უკანასკნელი წარმოდგენილი არიან ადგილობრივი და ფრიად თავისებური ფაციესით (127, 128), რომელშიაც ტრადიციული კაქის მაგიერ სანახელო მასალად გამოყენებულია ვულკანური მინა ანუ ობსიდიანი, ქვა კაქზე უფრო ფიცხი და ნაკლებ მაგარი.

ჩვენ ჯერჯერობით არ შეგვიძლია კონკრეტულად გავაკვიროთ ის სქემა, რომელიც ეაკ დე-მორგანმა მოგვცა ლითონისწინა და ადრეული ლითონის ეპოქებში სამხრეთ-კავკასიური ობსიდიანის ძველი აღმოსავლეთის ქვეყნებში გავრცელების საილუსტრაციოდ. ამასთან დაკავშირებით უნდა აღინიშნოს, რომ ინგლისურ-ამერიკულმა ექსპედიციამ, რომელიც ამ ბოლო ხანებში ვანის ტბის რაიონში აწარმოებდა გათხრებს (482), შამირამალთის ნეოლითურ ფენაში ტელ-ჰალაფურ მოხატულ კერამიკასთან (486) ერთად აღმოაჩინა რამდენიმე ასეული დანისებრი ფირფიტა, გაკეთებული სამხრეთ-კავკასიური ობსიდიანისაგან. ვანის მცირე ციხეში გათხრილ ენეოლითურ კერაზე მათვე აღმოაჩინეს ობსიდიანის იარაღები, გულდასმით დამუშავებული. ამ მხრივ მიმართული კვლევა დიდად საინტერესო იქნება, ვინაიდან ლითონის წინა ხანაში ობსიდიანის ექსპორტი შეიძლება თრიალეთისა და მისი მეზობელი ვულკანური რაიონების კულტურული დაწინაურების ერთ-ერთი პირობა ყოფილიყო. ამ ხანაში ობსიდიანის ნივთები განსაკუთრებით ხშირდება მესოპოტამიის, სუ-მერისა და ელამის კულტურულ ფენებში, ხოლო მეორე მხრით თვით მტკვარ-არაქსის ხეობების ტერიტორიაზე ხდება ინდივიდუალიზაცია ზემოთაღწერილი (ნაცრიანი ნაბინავარების) კულტურისა, რომელსაც ახასიათებს საუცხოო მხატვრული, განსაკუთრებული სტილის, თუმცა ტექნიკურად ჯერ კიდევ არასრულყოფილი კერამიკა. ახლა სწორედ ამ ფენის შესწავლა და მისი წარმოშობის წყაროს მიგნება უნდა დავსახოთ სამხრეთ კავკასიის წინაისტორიისა და ეთნოგენეზის ერთ-ერთ ძირითად პრობლემად, ვინაიდან მასში უკვე ჩანს ფესვები იმ ბრწყინვალე გაფურჩქვნის პერიოდისა, რომელიც საქართველოს და კერძოდ თრიალეთის კულტურას ძვ. წელთაღრიცხვის II ათასწლეულში დაუდგა.

ზემოთაღნიშნული ფაქტები მართლაც სრულიად ახალ შინაარსს ანიჭებენ იმ ისტორიულ წარმოდგენას, რომელიც ძველი აღმოსავლეთის განვითარებისათვის კავკასიის მნიშვნელობის შესახებ არსებობდა დღემდე. ახლა სულ სხვა თვალსაზრისით უნდა შეხედოთ ვანის სამეფოს ისტორიას, ვინაიდან მის წარმოშობას ჩრდილოეთით მდებარე მთიანეთში—თანამედროვე საქართველოს ტერიტორიაზე—ბევრით წინ უსწრებდა გვაროვნულ-ტომობრივი საზოგადოების წიაღში არსებული, განსაკუთრებით განვითარებული ყოფაცხოვრების ფორმები, დიდად დიფერენცირებული ხელსნობა და გაბატონებულ გვართა მიერ მნიშვნელოვანი დოვლათის დაგროვება. იმავე დროს მთელი რიგი ახალი ნაშრომი (382) დამაჯერებლად არკვევს, რომ ურარტუ ქვეყანაში გაბატონებული ენა ახლო ენათესავება ხურის ენას (სახელწოდების ფუძე იგივეა, მაგრამ მას გარდა შემონახულია საწყისი მფშვი-ნავი ბგერაც). ამ უკანასკნელის წერილობითი ძეგლები აღმოაჩინა ბოლო ათი წლის მანძილზე ჩატარებულმა გათხრებმა იმ ფენებში, რომელთა ასაკი ძვ. წ. III ათასწლეულისაკენ გადადის (383—386). ყოველ შემთხვევაში, ასე ათარიღებენ მათ მესოპოტამიასა და სირიაში, სადაც, როგორც ზემოთ აღვნიშნეთ, ჯერ კიდევ წინა ეპოქაში იყო გაბატონებული კერამიკის მოხატულობის ის სტილი (ტელ-ჰალაფური), რომელიც ვანის ტბის გათხრებშიც ამოაშვეურა (482—487). ამ უძველეს კულტურულ სისტემაში ვანის სამეფოს ამრიგად ჩართვა ფრიად არსებითი ფაქტია, ვინაიდან ეს კონკრეტულად აყენებს საკითხს ჩრდილოეთში ამ კულტურისა და აღმოსავლეთ აზიის პროტოხეთური სისტემის კონტაქტისა. პროტოხეთურ სისტემას კი სულ სხვაგვარი კერამიკული ფილიაცია, არქიტექტურული ფორმები და მხატვრული სტილი ახასიათებს. სულ სხვა იყო მისი ისტორიული სეე-ბედიც (488).

ამჟამად არ იქნებოდა მაზანშეწონილი იმ რთული პრობლემების განხილვა, რომელნიც აუცილებლად წამოიჭრებოდა ჩვენ წინაშე, როდესაც არქეოლოგიური ფაქტების ისტორიულად და ეთნიკურად გააზრებას მოვიწოდებთ. მაგრამ უკვე ამ წინასწარ ნარკვევში შეგვიძლია განვაცხადოთ, რომ თრიალეთის ყორღანთა ბრწყინვალე კულტურა უშეკვლად ეკუთვნის ქართველ ტომთა წინაპრებს, რომელნიც ალბათ მკიდროდ იყვნენ დაკავშირებული ამ ტერიტორიასთან, როგორც ამაზე მიუთითებენ აკად. ს. ჯანაშიას ისტორიული მოსაზრებებიც. გარდა ამისა, ჩვენ მიერ მოპოვებული მასალები გვიმტკიცებს, რომ სამხრეთ კავკასიაში არსებული უძველესი ფესვები ქართული კულტურისა მოქცეული ყოფილა სუბარული და ხათურ-მცირეაზიური ეთნიკური სისტემების ურთიერთ-ზემოქმედების ზონაში. ეს მით უმეტეს სარწმუნოა, რომ ქართველურსა და ჩრდილო-კავკასიურ ენებს, გარდა ადრევე შენიშნული ნათესაობისა ელამურ (491) და ხური-მიტანურ ენებთან (490, 501—508), აგრეთვე აქვთ მძლავრი ტენდენცია ხათური ენობრივი ფენისათვის დამახასიათებელი პრეფიქსული წარმონაქმებისადმი (496). მაგრამ დღემდე დაგროვილი არქეოლოგიური მასალის ცალმხრივობა ძალიან აძნელებს მსჯელობას თრიალეთის შუა ბრინჯაოს ხანის სამარხთა შესანიშნავი იუველირული ოსტატობის მომდევნო ფაზათა მონაცვლეობის შესახებ. ერთი შეხედვით ისეთი შთაბეჭდილება იქმნება, რომ შუა ბრინჯაოდან გვიანი ბრინჯაოს და შემდეგ რკინის ხანაზე გადასვლას თუ არ რეგრესი, ყოველ შემთხვევაში საზოგადოებრივი ნიველირება მაინც სდევდა თან: ოქრო-ვერცხლს ვეღარც დასაყრდელავ ინვენტარში ვხვდებით და ვეღარც განძებში, ისე რომ აქემენიანთა ეპოქით დათარიღებულს ახალგორულ განძს თითქოს უშუალო წინამორბედი არსად უჩანს. მაგრამ მიზანდასახული იმისა, რომ საქართველოში იუველირული ხელოვნება აქემენიანთა წინა ეპოქაშიც არსებობდა. მაგალითად, ყაზბეგის ცნობილი განძი შეიცავს ვერცხლის პინაკსა და მშვენიერ იუველირულ ნაწარმს—ოქროს ექვს-სხივოსან საყურეს (სურ. 42). ფორმით ერთი და მეორეც ადგილობრივ პროდუქტად უნდა ჩაითვალოს. ამ მხრივ კიდევ უფრო საინტერესო და დამახასიათებელია კოლხიდაში, სოფ. ნოსირში ნაპოვნი საუცხოო, მაგრამ მხოლოდ ნაწილობრივ გადარჩენილი განძი (ოქროს იუველირული ნაკეთობანი და ელექტროს ტურქლის ფრაგმენტი, რომელზედაც ჩანს ამოჭედილი და ზენჯირლის ხეთური ბარელიეფების მსგავსად სტილიზებული ლომის თავი). ჭუბურის-ხინჯის (სამურზაყანო) განძი (540) გვიანი ბრინჯაოს ხანას ეკუთვნის (სურ. 129—131). მასში გამოიჩინება ოქროს და ვერცხლის ნივთები, განსაკუთრებით კი ბოლოებ-გაბრტყელებული 2 ოქროს ხეია. როგორც ნოსირის, ისე ჭუბურისხინჯის განძები შეიცავდნენ სპილენძის ზოდებს. ამ ზოდებს ლინზისებრი დისკოების ფორმა ჰქონდათ, ე. ი. ისეთივე, როგორც ვალლობილი ლითონის სასამელო ფოსოებს ექნებოდათ თავის დროზე. ზოდებს თან ახლდა რამდენიმე ასეული დიდ-პატარა (უდიდესი—კაკლის ოდენა) მძივი, მშვენივრად თლილი, წესიერ-ბურთისებრი ფორმისა. მასალა იგივე სარდიონია, რომელიც ძალიანაა გავრცელებული თრიალეთის მდიდრულ ყორღანთა ინვენტარში. სრულიად ამგვარი მძივები ნახულია აგრეთვე ეშერის (აფხაზეთი) ოსუაროშეთა კოლხურ-ყობანურ ინვენტარში (541) და 1940 წელს ერეგნის მახლობლად, კარმირ-ბლურში გათხრილ ურარტულ სასახლეში (ერმიტაჟისა და მეცნ. აკად. სომხ. ფილიალის ექსპედიცია). უფრო ახალ კომპლექსებში ასეთი მძივები თითქმის აღარც გვხვდება, ისინი ძ. წ. I ათასწლეულის მეორე ნახევრამდეც კი არ აღწევენ (28).

ასაკით ჭუბურისხინჯის განძს უახლოვდება 1868 წელს სოფ. ფარცხანაყანეში (ქუთაისთან) აღმოჩენილი ნივთები (544), რომელნიც ჯერ კიდევ უვაროვამ აღწერა კავკასიის მუზეუმის კატალოგში (№ 2540 და № 2541). იქვე გათხრილია სამარხი ქვევრები, რომლებშიც იყო კოლხური ფულები. მაგრამ ზემოთაღნიშნული ნივთები გვაფიქრებინებენ, რომ ფარცხანაყანეში სამარხ ქვევრებზე ადრე მდიდარი ნეკროპოლიც უნდა ყოფილიყო (ყორღანული ხომ არა?). სხვათაშორის ნაპოვნია გულქანდი, რომელიც შესდგება სრულიად იმ ფერისა და ისევე თლილი სარდიონის მძივებისაგან, როგორიც ნოსირის განძში გვაქვს (სურ. 131). უვაროვას ეს სარდიონი შევტომით გრანატად მიუჩნევია. გულქანდიც იქმარებდა მთელი კომპლექსის დათარიღებისათვის, მაგრამ ამ უკანასკნელში არის აგრეთვე ოქროს სასაფეთქლე ხეიბები, ფორმითა და სპირალური ბოლოებით ძველ-ყობანური ხეიბების მსგავსი (545).

მას შემდეგ, რაც თრიალეთში ძველი მდიდარი ყორღანული კულტურა აღმოჩნდა, ნოსირის განძისა და ფარცხანაყანეის კომპლექსის ასეთი დათარიღება აღარ უნდა მოგვეჩვენოს გაზვიადებუ-

ლად; პირიქით, აშკარა ხდება კიდევ უფრო მკიდრო ურთიერთობა ამ კოლექციებისა იმ იუველირულ ხელოვნებასთან, რომელიც საქართველოში ჯერ კიდევ შუა ბრინჯაოს ხანაში ყვაოდა.

ამასთანავე ისახება სახელმძღვანელო გეზი იმ მონაცვლეობის გაკვლევისა, რომელიც გვარწმუნებს, რომ საქართველოში შუა ბრინჯაოს ეპოქის შემდეგაც არ მოშლილა ის საზოგადოებრივი და კულტურული პირობები, რომელნიც ბადებდნენ ძვირფასი ლითონებისაგან მდიდრული და ფაქიზი ნივთების კეთების მოთხოვნილებას. ეს პირობები უნდა ვიგულისხმოთ რკინისაგან გარდამავალ ხანაშიც, მიუხედავად იმისა, რომ პოლიქრომული სტილის ყორღანული მასალა ჯერ არსად აღმოჩენილა. იუველირული ოსტატობის მაღალმა დონემ (გრანულაცია და ფიგურული ქედვა) შეუმზადა ნიადაგი სტილისტურად ახალ აღმავლობას ახალ ისტორიულ ვითარებაში და ახალ კულტურულ ურთიერთობათა ხანაში. ეს იყო იბერიის სამეფოს წარმოშობის მიჯნა, ე. ი. ძველი წელთაღრიცხვის IV საუკუნე (ახალგორის განძი, ალგეთის სამარხი) და მომდევნო პერიოდი (უკვე ახალი წელთაღრიცხვის პირველი საუკუნეები). ამ უკანასკნელს ეკუთვნის სოფ. ბორისა და არმაზის ნეკროპოლთა საუცხოო ინვენტარი, რომლის დეკორატიულ სიმდიდრესა და ნატიფობას ბევრი რამ აქვს საერთო პანტიკაპეის ოქროს, ფერადი ქვებისა და მინანქარის პოლიქრომიასთან.

B. A. KUFTIN

ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN TRIALETI

I

AN ATTEMPT TO PERIODIZE THE ARCHAEOLOGICAL MATERIALS

SUMMARY

The present outline is a preliminary report of the work carried out by the Tsalka Archaeological Expedition, organized by the Committee for the Preservation of Monuments of Culture, of the Board of Art of the Georgian Socialist Republic, on the territory of the ancient Georgian province of Trialeti. The possibility of carrying out excavations on a large scale was afforded by the construction on the river Hram of a gigantic hydro-electric station which meant the flooding of a considerable area, thus rendering necessary a quick archaeological investigation. During the five years 1936—1940, the expedition succeeded in collecting material of great scientific importance, throwing an entirely new light on the ancient past of Georgia and of South Caucasia.

Being at the stage of treatment and preparation for detailed publication, this material however ought not, by reason of its exceptional importance, sharply changing as it does the historical notions and chronological norms customary for Georgia and South Caucasia, to stay so long without influencing the scientific conceptions, the interpretation of the accumulated museum collections and the course of further archaeological investigations. At the same time, the hitherto unknown cultural layers, discovered by us, before becoming a part of historical knowledge, must find their definite chronological place in the historical process. But questions of chronologization, being a most important and specific problem of archaeology, as of the science of history, become particularly difficult to solve for such a country as Caucasia.

The complicated interlacing of different ethnical types and of the stages of gradual development, compels an especially careful approach here to the typological synchronization of separate cultural phenomena and demands the use of every possible complicated and mansided method of archaeological analysis. Indeed, without a calculation of the directions and paths of cultural succession and the form of interaction of separate societies, one on the other, it seems to be often impossible to decide whether we must see in analogous groups of phenomena in different territories simple products of conformities due to the same stage of development, or products of inter-social relations, in other words, how far the facts under observation are chronologically independent, consecutive or simultaneous.

Georgia and in general the territories of South Caucasia are too inadequately studied in archaeological relation and do not give us points of support. It is necessary to find these and make a

re-examination, often overcoming a rooted prejudice, both of a general historical and also of a private character.

Therefore, in order to make a more convincing survey of the materials connected with the time of the prosperity of the Trialetian cultural hearth, in their chronological order, we shall dwell, first of all, on several statements obtained by us as a result of the chronologization of a series of archaeological monuments of Georgia, keeping it our aim to overcome all tendencies, still existing, to rejuvenate the South Caucasian prehistory in its real manifestations.

INTRODUCTION

Concerning the question about ascertaining monuments of the early time of the copper-bronze industry in Georgia and in general in South Caucasia

A great increase in the last few years in the archaeological investigations in the territory of Georgia, Azerbaijan and Armenia, succeeded to a considerable extent in restoring the old archaeological material on the foundation of which was set up the leading conception of the place occupied by Georgia and South Caucasia in general in the complete picture of the archaeology of Eurasia. Nevertheless these new facts have not yet, for the most part, succeeded in entering into scientific habit. The statements of Shantre, Virhow and in some aspects those of J. de Morgan, that the flourishing of the metallic industry in the Caucasus range and in the South Caucasus begins suddenly together with the appearance of iron and that the preceding periods of development of pure bronze and copper did not exist here, remain irrefutable. Up to this time we see hesitation in transferring beyond the lower limit established for Koban, many monuments known for a long time in Georgia and South Caucasia, undoubtedly belonging to a more ancient stage of bronze. Recently, to this hesitation has contributed some exaggeration of the role played by the written sources of the Van epoch on the chronologization of archaeological materials of the South Caucasus drawn to the support of the cuneiform witnesses. As a result, there is a great contradiction: undoubtedly, being dependent on southern cultural movements, the North Caucasus seems to possess an uninterrupted train of cultural layers from the neolithic up to the formation of the Scythian society, but to the south of the Caucasian range we have only to deal with the late bronze and iron age.

Even in spite of the daring although not altogether successful attempt of Pzevorsky to connect the ancient painted ceramics of the Kura-Araks basin with the two stylistic groups of Elam, there is a tendency to join them, by a pure formal sign of painting, into one chronological late group, although the types, technically and stylistically different and of different epochs, are easily distinguished: (a) Tazakend type, without a metallic inventory accompanying it—monochromic with an ornamental motive in the form of double axes and a border of volutes; (b) Kizilvank I type, evidently of the epoch of middle bronze, bichromic with a metopic position of the design and zoomorphic motives (ill. 2); (c) Kizilvank I bis type, of the late bronze age also bichromic with more slip-shod painting and other forms of vessels: jugs, kettles, «tea-pots» (ill. 1, 2); (d) Kizilvank II type of the old iron age, with red band painting on the lower parts of the vessels (ill. 3); (e) type of jug tombs of the Milskian Steppe of the Hellenistic age etc.

Therefore the immediate problem of all Transcaucasian and, in particular, of Georgian archaeology ought to be the examination of the predecessors of Kobanian bronze and the bronze of the South Caucasus synchronous with it, from the point of view of chronology and also of the stage of development.

This work was begun by us with the systematization of the archaeological funds of the State Museum of Georgia and with the investigation of the places of the separate findings. Thus we succeeded in establishing by control excavations of ten tombs in Sachkhere, that the curious collection conveyed in the year 1910 to the Museum by Takaishvili and imputed there, because of the articles of Roman time, to the «Scytho-Byzantian epoch», actually, in its most essential features (the

character of the metal, the form of the tubular butts of the axes (ill. 14), the flat blades, knob-headed pins (ill. 11, 13), helical lock-rings, etc.), more inclines to an epoch near to the West-European Aunjetitz. Inasmuch as the Sachkherean ancient complex, in its separate parts, also revealed proximity to the well known form from the entombments of North Osseti, in the auls of Kumbuly, Rutkha, Faskau and others, usually assigned to the post-Kobanian period, it was necessary to re-examine the grounds for fixing this date also.

The excavations carried out by us in the dolmens of Abhazia in the years 1934 and 1937 enabled us to establish three different periods in the use of dolmens as burial chambers. The upper layer proved to be dated by coins from Colchis, the middle one, separated from it by a sterile layer of schistose clay, contained a complex of bronze wares, near to those mentioned above from North Osseti and earlier than the Kobanian forms which were observed there in tombs outside dolmens and finally, the lower layer included weapons of copper with an admixture of antimony from 5 to 10%, axes, crooks in cord-technique or with a laced string, flat wedges representing traditional types to the first stage of metal production in the North Caucasus, in particular to the inventory of the barrow of the village Proletarskaya (formerly Tsarskaya) with dolmen tombs. These observations assign to its chronological place the above mentioned layer of North Ossetian tombs, distinct from the Kobanian layer, and at the same time make it necessary to re-examine the question of Kobanian culture, which by its geographical extension evidently turns out to be connected with the territory of ancient Colchis and Lazika.

Hančar's attempt to trace the origin of the Kobanian bronze axe directly to the stone prototypes of the North Caucasus was absolutely unsuccessful. Apart from chronological contradictions, we see a formal impossibility of explaining in such a way the necessary oval form of hole for the handle in all Kobanian axes and not round as in stone axes, whilst in the battle axes with a cast shaft-hole of the foregoing stage this hole is always round. On the contrary, amongst the findings in West Georgia, remotely connected with the axe from Tepe Gawra through the Tbilisi and Luristan ones, stands out an original group of axes in two variants, with round and oval holes (ill. 19), which group might just be the genetic predecessor of the Kobanian form of axe, appearing to be therefore Colchian not only by the place of location but by the place of origin.

But in Georgia it is possible to witness also the presence of a still more considerably ancient degree of metallic production, with which is connected the North Caucasian culture of the large Kubanian barrows of the first stage of the bronze age. A copper battle axe (ill. 5) and spear (ill. 7) with a massive shank bent at the end into a hook, found in the year 1928 in ZAGES, comes from the ancient Sumerian and Iranian prototypes. Besides, the ZAGES'ian spear, together with another similar spear, preserved in the Georgian Museum (without any indication as to the exact origin) closely approaches a somewhat Cyprian form (ill. 8) of the middle bronze period, whilst the spear from Tbilisi in the Moscow Historical Museum is identical with the copper spears of the box tombs in Karkhemish of the beginning of the III thousand years before our era, and with their Sumerian prototypes. To this same layer of early metal in Georgia we must impute also the characteristic massive chisel (ill. 10 a) from the village of Zekari, in the Kutaisi Museum, with a faceted spike typical of this period. Thus the findings mentioned, although still solitary, yet each completing the other, show the undoubted existence in Georgia of an early time of copper production also, in any case at the end of the third thousand years before our era.

I. SURVEY OF THE INVENTORY OF A SERIES OF TOMBS OF THE IRON AND LATE BRONZE AGE IN TRIALETI

Systematic work carried out by us in the ancient Georgian province of Trialeti set the same fundamental problem of searching on the territory of Georgia for the cultural layer of the early stages of bronze.

The territory of Trialeti, occupying the northern part of the vast tableland of the Lesser Caucasus attracted our attention, firstly, as one of the richest ancient centres of obsidian quarrying,

thereby playing an important role in the trade relations of the Ancient East on the eve of the appearance of metal, secondly, as a region where are distributed cyclopean fortresses (pl. I, II) of a puzzling age, connected here with a large collection of diverse barrows related, as our first excavations of a plundered barrow show, to the epoch of ancient painted ceramics (ill. 89). Alongside the barrows were also excavated tombs of the iron and late bronze age. The material thus collected is closely packed, almost without gaps, in a long interval of time from the early metal up to the Sassanian epoch, thus making it possible to overcome, to a certain extent, the difficulty of dividing, according to chronological periods, tomb complexes almost devoid of the support of monuments with cultural layers.

It was just this circumstance which obliged us to consider the inventory of tombs not in chronological order, but backwards, beginning from the newest graves and gradually going deeper, thus filling up by an uninterrupted chain of monuments the whole period of time of the late and early iron age and of the late bronze age, in order finally to approach the puzzling barrow culture which does not come near to any of the provincial types of bronze production of the South Caucasus well known to us.

1. Graves of the Sassanian epoch (ill. 21—23) gave an inventory (ill. 25) dated by the coins of Kavad. This made it possible, in its turn, to distinguish corresponding material from the excavations of Bayern and Takaishvili at Samtavro (Mtskheta).

2. The Roman epoch proved to be poorer, but it also gave, along with the small material from the former excavations in Trialeti, definite complexes similar to those of graves thrust later into ancient barrows and dated by Roman coins and rings with Cornelian stones (ill. 27).

Special interest was aroused by the finding of a clay amphora covered with a deep light-blue glaze (plate XX₂) and comprising a silver coin, an imitation of the denarius of the Emperor Augustus, and cornelian beads with white painting.

The tombs of the later Hellenistic period also prove to be less studied than the others. To them belong openwork bronze plates found here near the village of Rosenberg and in Manglisi, and having pictures of fantastic animals (ill. 28—30) of a type well known by the findings in the region of the Main Range.

3. To the following chronological group belongs the tomb of the Achaemenid epoch near the village of Santa in the locality of Neron Deresi. This tomb (plate III) hidden under the thick walls of a small late cyclopean fortress, built without mortar, of large stones with rubble work of smaller stones, thus seems to be the terminus post quem for a series of similar constructions, practised evidently in Trialeti and still later, which curiously enough tallies with the evidence of the Georgian chronicler Leonti Mrobeli, «that the first construction in Georgia of stones and lime» belonged to the IV-th century before our era. For the grave itself is characteristic a somewhat square form of box, of small size, with the skeleton very much doubled up (plate III₁). The inventory (ill. 33) coincides closely with the jug tombs in the village of Dablagomi (valley of the river Rion), dated by Colchian coins (ill. 34). Independently of this, the time of the grave was determined by the pierced gems of blue glass found in the necklace of one of the tombs (plate V). These beads, in the form of bricks with five facets above, are easily dated on the basis of Greco-Persian stone models of the IV century before our era (ill. 32).

4. Very closely adjoining on this with respect to time is an interesting finding made in the year 1940 by a peasant of the village of Tsintskaro on the river Algeti. The contents of the inventory obtained, although not fully, show a resemblance to the «Akhalgorian Treasure» and make us suppose to have been found the tomb of a woman of the Achaemenid epoch, with covers of gold leaf on the mouth and eyes of the dead (plate IX) as in the bronze age in Cyprus and in Tell-Halaf (ill. 37) with silver rings (plate XI), electrum bracelets (plate X), gold embossed with the picture of the head of a goddess, plates, silver dishes (plate VII), bronze bridle-bits (plate XII and XII bis) of the Akhalgorian type etc. The bronze tripod of a lamp, found in the tomb and having the form of three human legs, can be compared through the Urartean chandelier with the Etruscan, utilising the same design (ill. 36).

5 and 6. Undoubtedly older than this is the tomb excavated by us near Beshtasheni fortress (plates XIII—XVI). It must be imputed to the early Achaemenid age (ill. 38—40 and 43). In it light coloured earthen ware vessels with a coating of ochre (plate XV) predominate over black, characteristic of the next layer below (plates XVII, XVIII), comparatively near, in point of time, to those tombs with characteristic massive pins which were excavated by Jacques de Morgan in Lelvar in Armenia. A similar inventory (ill. 76) was found by us in the ancient northern part of the Beshtasheni tomb and in the still more ancient tomb on the other side of the river Keriak-Chai.

7. The greatest group numerically is composed of rough box-like individual tombs (plates XXVI—XXXI) belonging to the developed stage of the old iron age (ill. 51-56). The fundamental inventory of these tombs, excavated in Tsintskaro and Gunia-Kala, somewhat later than the culture defined by the Hojaly barrow № 11, consists of iron spear-heads, knives, daggers with bronze heads, bronze barbed arrow-heads, cupola-like bronze knobs (plates XXXIV, XXXV), bronze bridle-bits and a typical assortment of beads (plate XXXII, XXXIII) of cornelian, of blue paste, of various forms, with shaded ornamentation and white calcose, cylindrical and prismatic with eyes (of the type «domino») representing a characteristic, local, peculiarity of this phase.

Chronologically near to this is the tomb in the district of Maralyn Deresi (ill. 50), comprising things of the Kobanian type, besides of that variant which may be called Colchian, with the presence in the inventory of typical bronze or copper hoes cast in one-sided form (plates XXIII, XXIV).

The characteristic inventory of these graves, besides the above mentioned beads «domino», is accompanied by still larger, pale-yellow, warty, beads of a glass-like mass (plate VI). In this tomb by the way was found an earthenware goblet with a thick light-green glaze (plate XX) and a bronze belt with a complicated hunting-mythological scene, finely engraved, in two rows (pl. XXV, ill. 49). All this group of monuments is easily placed as belonging to the epoch of the expansion of Van. Near this, in point of time, belongs also the grave in a stone box, with bronze socketed forks (plate XXX) well known from the many findings in the barrows of South Transcaucasia, usually accompanied by huge bridle-bits with let in snaffles (ill. 56, 57). Genetically these are probably connected with the possibly earlier Iranian forms of bronze forks without sockets (Tepe Sialk, Tepe Hissar etc.), also found with similar bridle-bits, well known by the findings in Luristan in the West of Asia Minor and in Miken. The examination of these bridle-bits in contrast to their other later Georgian type, also traced from Assyria and Egypt to Athens (ill. 58), gives chronological support for placing a series of different complexes in the interval between the XI and XII centuries before our era.

A somewhat special place belongs to the grounded tomb in the Kushchian grave in Tsalka (plate XXXVI), where there was found an iron sword (ill. 59) with a special type of bronze double-funnel-shaped handle (type of handle from Aligrykh in Armenia and from Shagula-Dere in Talysh), which easily compares with the Luristan forms (ill. 63).

8. The Beshtasheni grave appears to be the next monument in age, with its deep grounded tombs, not comprising any iron things (plates XXXIX—XLII). The inventory (plates XLIII—LII) reveals a similarity to the lower floor of the Samtavro grave (ill. 74—76), but it is older (there is no iron, no bronze swords; the beads are cornelian only) and contains a mixture of things of Koban (ill. 69, 70, 72, 77, 78_{1—3}) originating from the South Transcaucasian industrial centres (ill. 71, plate L). Alongside this is recorded in the tombs a series of features unusual for Transcaucasia: the presence of gold and also silver ornaments (ill. 84 and plate L) and the presence in the tombs of copper-bronze sickles (plates XLIII and XLII), up to this time, strangely enough, almost unknown in the archaeological material of the South Caucasus. The inventory of these tombs is typical. Thus, in one of the tombs containing a bronze sickle, were found two bronze bridle-bits with snaffles from the horn of a deer (plate XLVI), a cone-shaped bronze helmet sewn from bronze leaf, with long ear flaps at the sides (plate XL), a narrow bronze belt and amongst the ceramics, characteristic for a whole series of such graves, a cone-shaped goblet on a hollow leg (ill. 66) of the type found by Bayern in Samtavro (ill. 67), but of a larger size and more richly ornamented with a deeply cut, rectilinear, geometrical, ornament, with conventionalized figures of deer and goats (plate LIII).

Especially remarkable was the presence also in these tombs, together with a bronze inventory, of sickles formed of serrated flint flakes (plates XLIII and XLIV) which were found in a number of graves in their natural arch-shaped form being preserved after the decomposition of the wooden foundation (plate XLII), of a type of Egyptian and Syrian model, surviving up to that time, i. e. up to the twelfth century before our era.

9. It is more difficult to give an exact chronological place to, and to find a genetical root for, the tombs poor in metallic inventory, in stone circles (pl. LIX) with original ceramics often ornamented with a relief band fastened on (ill. 88, pl. LVII). A bronze pin in the form of an axe with the sculptured figure of a sheep (pl. LV, LVI), and the character of the grounded tombs under stone slabs, connects them partly with the preceding group.

II. THE TRIALETIAN BARROW CULTURE OF THE MIDDLE AND LATE STAGE OF THE ANCIENT BRONZE AGE

The barrow tombs in Trialeti are distinguished by one general peculiarity. Compared with the majority of barrow tombs of Central Transcaucasia, Trialetian barrows, like the local box-graves, were intended not as collective but as individual tombs, although they were used during a later epoch for secondary burials. Another of their peculiarities, even more essential, is the sharp distinction between the contents comprised by them and the inventory of all the graves of the above epochs examined by us, whilst the tomb inventory of the barrows of Azerbaijan and Armenia, on the contrary, in the majority of cases is not separable in time and character from the simple box-tombs adjoining the barrow territory.

There is thus created a break somewhat difficult to explain, which does not make it possible to determine the chronological place, to which the barrow tombs of Trialeti belong.

Especially remarkable is the distinction in the type of ceramics, which by their considerable variety in complexes of barrows of different times, both by their form and by their technical mode of manufacture, bear features of the community, namely, in the method of modelling and kilning and especially a tendency to a slip of the upper surface, which is not noticed at all in the ceramics of the graves, either local or of corresponding time, in other parts of the South Caucasus.

All this obliges us to search for the chronological place for the group of barrow tombs on the whole outside these temporary bounds in which is included the series of graves examined above. Indeed, the height of artistic technique displayed by the inventory of the barrows is closely connected with the archaism of the agricultural level. Not only is the complete absence of acquaintance with iron characteristic, but even bronze is not in full use as for example in the making of arrow-heads, which, in barrows, in contrast to all the local graves, are made solely of obsidian and flint. A still more essential circumstance is the complete absence of the remains of horses amongst the bones of other domestic animals, the bull, goat, sheep and pig, found in the barrows. This puts a sharp distinction between the horse culture of graves, giving us various types of bridle-bits, and the barrows where a four-wheeled chariot found by us was moved apparently by the help of an ox or bull harness as in the kings' tombs in Ur. All this, putting the Trialetian barrows further into the depths of the bronze age, does not by itself give us enough material for a more definite chronological localization.

Barrow tombs do not at all represent one homogeneous group, but may be sharply divided into at least two main chronological divisions, containing further sub-divisions. In connection with this we meet with a second great difficulty, that of evaluating correctly the relative age of various barrow types. Local monuments with natural tomb culture layers must come to the assistance, but unfortunately the latter have still been too little studied, owing to the fact that the funds devoted by the Committee for the Preservation of Monuments of Culture to monuments threatened by destruction, were strictly kept for their original purpose. We succeeded only in establishing with complete definiteness the most ancient eneolithic layer in the region of Beshtasheni cyclopean fortress, where this layer is represented by the extraordinarily characteristic fashion of

highly developed ceramic production, simultaneously archaic in its method and of its kind and perfect in its execution.

The possibility of discovering the well-known typological connection of the barrow complexes and especially of one of them from this layer, gave some grounds for judging about the sequence of barrow types and about the general gravitation, even of the chronologically younger of them downwards rather than upwards to the comparatively new culture of the most ancient Trialetian graves.

The number of barrows discovered by us during five years reached forty two. Their excavation is extremely difficult. It is enough to point out that barrow № XXXVI with a height of 5 m, comprised a colossal «sepulchral hall» with an area of 175 sq. m. with stone walls up to 4 m in height (pl. LXII, LXIII₁), that some sepulchral holes were sunk to a depth of 8 m below the surface of the soil, with a diameter from 5—3,5 m (ill. 107, pl. CXIII), that the measurements of other holes reached up to 14 m in length and 8,5 m in width and 6 m in depth. It is understandable that the cleaning of only one hole of such barrows and the preparation of the bottom, demanded a lot of time and intense work.

Barrow Tombs of the Epoch of Large Scale State Organisations in Asia Minor and Mesopotamia

The barrows included by us in this group are differentiated by the presence in the tomb inventory of objects made of special metals, namely, gold and silver goblets, parts of personal attire, golden ornamented facings of a tomb standard, golden upholstery of wooden articles, in particular of architectural details. The rarity of arms is one of the characteristic features of the inventory of the Trialetian barrows: there was found altogether, a few obsidian and one flint arrow-head, one bronze spear of splendid workmanship and three dagger blades, one silver and two bronze.

By the character of the internments, the barrows of this age are divided into two types, barrows with pits and barrows without pits. Both types are intended for the burial of only one person.

Cobble stones usually serve as the material for the mound in both types of these barrows, either with earth or as in upper Tsalka and at Lake Tabistskhuri, alone (pl. LIX₃).

Burial pits in the barrows of the period mentioned are in the shape of a slightly elongated quadrangle, oriented by a long axis from east to west (pl. LXXII₂).

Very often there was observed an inclined slope into the hole, the «dromos», from the side of the eastern wall (pl. LXX). By the decayed remains of wood and, in one case, (in barrow Biyuk Tepe) by the many preserved oak beams, it is possible to suppose that the burial holes were covered with a beam sub-flooring from one side of the hole to the other. Above the beams was strewn the barrow which, due to the rotting of the wood, sank in. The hole was quite filled with the stone of the mound. Not a single earthen ware vessel therefore was met with in the barrows to any degree whole. The majority of vessels recovered needed to be restored from 200—250 pieces.

In not a single one of the large barrows of this time, during all the carefulness of preparation, have human bones been discovered. Only crowns of teeth, sometimes found, bear witness to the fact that the burying was carried out by inhumation, but the bones proved to have completely decayed. However it is also possible to suppose there was cremation as in the burial of the Hittite kings in the Hattushash. Only in one barrow № XXII (differing in inventory and circumstances from the rest), a gold pin, in miniature, reminiscent of the gigantic double volute flat-headed bronze pins of the North Caucasus, was found a skeleton in the position of a man placed on his knees and then having toppled over backwards (pl. CX₁).

There are grounds for thinking that the corpse or its ashes was conveyed into the large pit barrows along the dromos and was buried in a wooden chariot. In one case, in barrow № XXIX, in the district of Sabit-Akcha (Sapitiakhsho) at a height of 1800 m above sea level, a burial four-wheeled chariot has been preserved practically in entirety, thanks to a spring having percolated into the barrow; in other cases there have been noticed, at the bottom of the barrow pits, deep ruts with remains of wood from the wheels (pl. LXVII).

Piles of bones of large and small cattle and pigs often proved to be filling the pit up to the brim. Along the walls, the pit is furnished with rows of large earthenware vessels.

The furnishing of the burial space of pitless barrows fully corresponds to the bottom of those with pits. Judging from the above-mentioned sepulchral-hall in barrow № XXXV, in the village of Kushchi, and in pitless barrows, there was built a room above the surface of the ground (plate LXIII). The orientation of this hall, unique of its kind, is from east to west, the inventory (obsidian arrows, a fragment of a bronze spear, a silver pin with a richly ornamented golden head, golden figured upholstery (pl. CII) and ceramics with a typical skillfully executed design) and the whole character of the tomb furnishing correspond fully to pit tombs. The grandeur of the burial chamber, intended for one person, is striking only in the given case. Evidently this construction like the Egyptian mastaba was erected already in the life-time of the dead, who wished to leave after himself a suitable monument in the form of a barrow. The hall had, without fail, a wooden covering on pillars. A golden covering (pl. CIV) with some kind of wooden detail (of a step-fretted column) found on the floor of the hall, show its sometime luxurious decoration.

Ceramics are represented in the tombs chiefly by large vessels either in the form of «piphoes» with two small handles on the shoulders and without handles (pl. LXXVII, LXXIII, LXXX), or «hydries» without handles and with a short neck, passing into a beautifully bent back corona (pl. LXXIII, LXXVI, LXXXII). According to the character of the clays, to the kilning, to the finish of the surface, to the ornament, all ceramics are divided into separate groups, sometimes occurring together and sometimes characterising different barrows. Small vessels occur very rarely, thin-walled pitchers with a spherical body and a cylindrical neck (ill. 91 b, pl. LXXXIV).

An entirely definite ceramic group is formed by a complex of vessels (pl. LXXXI—LXXXIII) ornamented with red, painted, hanging from the shoulders by chevrons, filled up inside by zig-zag lines typical of Elam ceramics («scheme of water») and with separate figures (swastika, figures of geese) and of vessels with a black polished surface with a stamped ornament fastened on.

Remarkable vessels of slipped, whitish earthen ware and with a glossy surface, ornamented with dark brown glossy paint in a complicated design constitute another group consisting of a series of different elements, of curved meander, spirals, wavy lines, chess squares etc. (plate LXXVII—LXXX) and together with them again such black polished ceramics with a lighter lining, covered with a geometrical pattern of straight dotted lines (crustate) in the form of band corners and signs of the cross, swastikas and trapezium-shaped figures between them (pl. LXXIV). To this group belongs also special large grey ware with a soft, writing sherd and now and then small spherical pitchers (ill. 97 and plate LXXXIV).

Finally a third group is formed of somewhat coarse ceramics with deeply cut ornament and black glossy ware with a large concave-convex wavy pattern accompanying them (pl. LXXXV).

To the groups thus distinguished correspond to a considerable degree the peculiarities in the construction of the barrow tombs. Thus, the first group was met with only in barrows with tombs in grounded pits, the second was noticed in both barrows with pits and in barrows with a space beneath the grave mound on the ground, finally the third group, evidently accompanies only barrows not having pits.

I shall not undertake yet to establish with certainty the exact chronological sequence of these types.

In order to decide this question, responsible in a historical connection, it is necessary to have a more definite support, on the one hand, in the direct evidence of the monuments with cultural layers and, on the other hand, in the typology of the metallic inventory accompanying the ceramics, and finally in the discovery of parallel rows of development in neighbouring territories of the Near East. As for the latter, it must be said that unfortunately the nearest regions to the South Caucasus, those of Lake Van, of Urmia, and of the upper Euphrates, are too little studied, but the ceramic filiation of more distant places of Asia Minor, Syria, Mesopotamia, and Iran, differing considerably from one another, give little synchronism with our monuments, if only the most broad analogy in the sense of the above mentioned correspondences with the Second Elamic style or with the whitish slip of Tell-Halaf and Alishar is included.

The metallic inventories of the barrows, represented chiefly by precious wares are so new and varied in their contents and show such an unexpected level of workmanship in all cases, that to place them in genetical rows immediately does not seem to be possible, and there are too few precious findings in other countries of the Near East.

Only two monuments of a pictorial character in our barrows perhaps allow one to speak to a known degree about the succession of one after the other. These are the silver goblet from barrow № V (plate XXXIX) and the silver bucket with gold ornament from barrow № XVII (plate LXXXVIII). Both objects are covered with embossed ornament in relief. The goblet, wrought from a whole piece, is a cylindrical vessel with a rounded bottom and a hollow leg, decorated flatly with an engraved lotus rosette and with two embossed friezes, of which the upper consists of the picture of a procession of twenty three people dressed in smock-frocks and with animal-like heads and tails, (ill. 94) with large goblets in their hands, standing in front of a similar figure sitting on a chair, with the tree of life behind his back, with a three-legged altar for sacrifices, with a tall vessel and two animals in front (pl. XCII), and the lower—a row of nine deer following one after the other, bucks with heavy horns and does without horns.

An exactly similar row of deer is drawn also on the lower part of the composition on the bucket, whilst the great vitality and freshness of the treatment of the animals here, compared with the lifelessness of these same details on the goblet, makes us suppose that the bucket is a somewhat earlier artistic production than the goblet (ill. 93). Unfortunately, only one side of the bucket is preserved and that not completely. The part of the side which has yielded to restoration is covered continuously with figures in profile of various local hunted animals amongst bushes and trees, goats, chamois, roes, deer of two kinds, wild boars, thickly filling the whole surface similar to what we see on Egyptian palleys, with a gold handle of a flint knife and other similar monuments. Arrow-heads, driven into the breasts of several animals, show that we are dealing with part of a hunting scene (pl. XC, XCI).

If indeed the picture of hunting on the bucket and the procession on the goblet, accompanied by the frieze of deer, belong to one group of religious performances, then it is most natural to see here a cult scene, connected originally with a wood divinity, who was transformed by the regeneration of nature into the divinity of fertility, with the promotion of the function of vegetable growth.

In that case the tails with which all the people are provided, have the character of being preserved as a survival of a ritual attribute, as the wolves' tails on the priestly vestments of the Egyptian kings.

All this, showing the decay of the world outlook in hunting, at the same time does not leave any doubt about the original wolf totem foundation, which has given rise to the cult picture which interests us. On this basis rose the question, does not the goblet belong to the so-called wolf people of Asia Minor, the Luvians, the ideographic symbol of whom «UR-BAR-RA in Sumerian is read «wolf», literally «other dog», all the more so since the Hittite-Nesite phonetical denomination of the Luvians lu-u-i-li is etymologically near the Latin lupus—wolf, as also in the name of another West Asia Minor nationality the Lykians from the Greek Λύκος, also wolf. The fixing of the date of the goblet we are examining, by referring to these nationalities localised chiefly in the western and southern parts of Asia Minor is hardly justifiable inasmuch as, on the one hand, closely connected with the whole remaining rich Trialetian complex, it appears to be a purely local ware and not an imported one, and on the other hand, the wide spread survivals of the wolf totem in Asia Minor and in Transcaucasia issue from beyond the place of residence of the Luvians and Lykians. In this connection there is a special interest for us in the fact that the base of the ethnical names of the South Georgians: of the Gurians (gur—*gwer), of the Megrelians (primarily me-ger) and of the Imerians (iber—*hiber—hwer—gwer) ger—*gwer has kept in Megrelo-Chanian the meaning wolf. Consequently, in the fabulous Megrelian hero Geria also, according to N. J. Marr, we must see not the simple appellative «wolf-cub» but the eponym of the Megrelian people, inasmuch as the form of this word is that of surnames and tribal names.

The complete uniformity of costume, both in all the personages who are standing and also the one sitting, undoubtedly bears witness to the weak social differentiation in the society which left these monuments; this conclusion is also confirmed by the character of the burial ceremony, devoid of any kind of intimations of the existence of slaves following their lord to the grave, which is observed in the chamber (Kings') tombs of Ur and already at the end of the pre-dynastic period in Egypt, and in spite of the clearly expressed economic superiority of a group of people, buried with a rich inventory, and in spite of the high standard of the art of jewellery and of vase painting, we have here a pre-class, still clan-tribal society, similar perhaps to the Creto-Miken with a distinguishing tribal aristocracy and a tribal leader, after the ancestral type of the basileus of the «heroic period» of Greece, and of the military chief of the Aztecs in ancient Mexico.

As for the age of the barrows of the younger group, it is possible to approach its determination by means of a comparison of the gold and silver inventory of these barrows with the inventory of the Kings' tombs in Ur and with the findings in Uruk, of the first half of the III thousand years before our era. The work on the upper rim of a gold cup from barrow № IX (plate CIII) is closely reminiscent of the similar rim of the small gold cup of King Meskalamdug. The method of attachment of the rings for the handle of a silver bucket, by the help of vertical tubes soldered to the brim, resembles the method of suspending silver and gold vessels in Ur by means of pairs of tubular handle rings, soldered to their brims.

The technique of the making of the golden sculpture (pl. XCVIII) of an animal (pony or rock-goat) from barrow № V reminds one of the method of the gold plating of a wooden form in the well known figures of goats from Ur, standing by a tree on their hind legs. The technique of the construction of the eyes in our sculpture, by the help of a shell-like foundation, is absolutely Sumerian and coincides completely with the similar arrangement of the eyes in the above-mentioned golden goats from Ur (ill. 101). The golden helical lock-rings (pl. XCVIII, CIX) find a close analogy in the Sumerian ornaments. A pendant in the form of a flat agate in a gold setting and with gold capsules on the ends (ill. 97 and plate XCIV) belongs to a popular type of ornament in Sumer. Especially significant is the resemblance between our pendant and the agate pendant from the necklace found in the year 1936 in Uruk, and belonging, judging from the inscription on one of the beads, to the priest Ababashiti (ill. 98). Besides the resemblance in the general character and technical details, with this difference that in the pendant from Uruk coloured stones in the sockets are replaced by enamel, both pendants bear a striking resemblance to one another in the archaic method of their attachment to the necklace by means of difficult boring along thin agate plates instead of gold capsules being used for this.

Finally a replica of the Sumerian custom of making the kings' weapons from precious metals is found in our silver dagger blade (pl. CV).

Nevertheless, besides the features of resemblance indicated, there is a more noticeable difference, bearing witness to the independence and the comparatively greater youth of the culture discovered by us, in spite of the fact that its connection with the painted ceramics, in part near to the Second Elamite style, might indicate a more venerable age. It is absolutely out of the question, that the amazing golden goblet from barrow № XVII with an open-work leg and with gold volutes, ornamented with filigree work and set with stones (pl. XCHH), could be made in an epoch near that of the Kings' tombs in Ur with the considerably lower level of technique in filigree work and granulation in ancient Sumer. The same may be said of the spherical beads with figure-of-eight helices (pl. XCV) of the type of the Sumerian earrings, and with stones, a slight analogy for which we find only in the bead (ill. 96) from the cupola-shaped tomb in Vafio of the middle of the II thousand years before our era, when granulation underwent in many countries a considerable development. New and unknown for Sumerian toreutic is the use of the circular correction of the walls of a wrought vessel by a support on the bottom; examples of which we have in our gold and silver cups and silver mug from barrows IX, XV and XVI.

Finally, there is nothing in common with the Sumerian in the stylistic character of the embossed pictures on the silver bucket and on the silver goblet which are closely connected with one

another in the general motive and method of treatment of the moving deer. Unfortunately, there is no absolute parallel for these wonderful objects so as to have material for comparison. But in the absence of later Assyrian features, the resemblance to the most ancient pictures of Asia Minor Hittite art is absolutely evident. The numerous absolutely similar paratactically arranged figures find an analogy in the bas-reliefs in Iazili Kai. The garments of the people—short tunics (more correctly kaftans wrapped tightly) with a fringe, shoes with turned up toes, are similar in character to those of the Hittites. At the same time there are observed in our monuments individual features: the general tenor of offering of the composition, the character of the seat, the wolves tails as an article of costume, the type of holy tree on the bucket showing the considerable independence of this art and some of the archaic traditions which have nourished it.

The finding in barrow No XV of a splendid bronze spear with a socketed head, set in silver, shows very convincingly a later date for our monuments than do the Sumerian analogies (plate CVI). As is well known, the socketed spear-head is an absolutely necessary article for all the Near East and Cyprus. From Troy (only from the VI town) comes only one single example. In Crete only divergent, not typical forms of this time are met with. And only in Miken socketed spear-heads seem to be more usual, beginning from the IV pit tomb, from which comes a spear of elegant form, attributed to the XVII century before our era. On the other hand these spears are widely distributed over Western Europe approximately at this time (the period II of Montelius). Since in the North Caucasus socketed spear-heads make their appearance only at the very end of the bronze age (e. g. in the village of Crimskaya) then it is absolutely natural that the Trialetian finding of a spear cannot by any means be imputed to a period earlier than the IV pit tomb in Mikens and the VI town of Troy. That is the terminus post quem for the whole young group of our barrows.

At the same time, as we have already seen, there are absolutely no grounds for drawing still nearer to our times the epoch of the newly discovered culture, sharply distinct from all the late South Caucasian bronze known to us. Indeed, the series of local tombs examined by us, finishing with the most ancient with copper-bronze and flint sickles, displays complete inconformity with the barrows also in the assortment of beads, these most easily transportable goods. The latter is, for its part, a weighty argument against the possibility of synchronizing the barrow complexes with any of the groups of tombs examined by us, all the more so that the peculiarities in style of the works of art of the Trialetian barrows are sharply distinct from all that we know in the art and in the art industry of Achaemenid Iran, Van and Assyria.

All that has been said obliges us to consider the complex of wares of the latest Trialetian barrows as a culture quite archaic and considerably separated from the more or less uniform and mutually connected material of the late South Caucasian «bronze» in its different variants and forms.

The general type of cultural property, inasmuch as it is drawn from the tomb furnishing and inventory, imagined from a sufficient number of angles, shows that we are dealing with a society, although undoubtedly pre-class, yet progressive and standing already at quite a high degree of «barbarism», according to the terminology of Engels. In this connection particularly significant are the discoveries of the sepulchral hall with the remains of golden upholstery of some wooden building parts or perhaps of a wooden box, of a throne and the like, where the illustrious dead was buried absolutely alone without slaves, accompanied by a vast number of vessels with a capacity of not less than 3000 litres, sufficient for the cult funeral feast of a large party of the clans.

Agriculture and pastoral cattle-breeding with the rearing of large and small-horned cattle and pigs, but probably without acquaintance yet with the horse, was the chief settled occupation and mode of life. A wooden chariot with four wheels (pl. CVII), revolving on axles, of the Sumerian type (ill. 102), was already in use. Metallic production developed to the degree of art, was in the hands of craftsmen, specializing in casting, forging, soldering, in the making of alloys of copper, bronze, silver, gold, in the fine technique of jewellery (filigree work, granulation), in embossing, stamping, in metallic plastic art with the making of reliefs and rounded sculptures of leaf metal (pl. LXXXVIII—CV). The pottery trade also

oblige us to suppose that skilled artisans also took part in it, employing various established types of clay putty, various ways of firing in an oxidizing and restoring fire, various ways of working and ornamenting the vessels: fine polishing, slip, painting (pl. LXXVI—LXXXIII). There was already known evidently a turning lathe for wood (carving of a column inlaid with gold leaf) a hand potter's wheel, and a revolving apparatus for shaping metallic vessels (pl. CII); the artisans also used compasses. For the ornamentation of vessels the circle was divided into an uneven number of parts: into five, seven, nine which was evidently connected with the most ancient cosmical ideas of the Near East.

Heads of arrows were chiefly made from obsidian and flint by neolithic methods, developed to a fine state of perfection (pl. CVI bis). The fine working of cornelian and agate, as is shown by the close connections between the forms of these wares and jewellery technique, took place on the spot and overcame great technical difficulties, as for instance the boring of thin agate plates with long holes lengthwise.

Whether these were local glazed faience beads or whether they were brought from another place, we cannot decide yet. But without a doubt, some examples show a connection in character with the deep blue glaze from the products of Egyptian masters, which were widely distributed at this time.

Wool served as material for cloth. Thread of two kinds was found, thick and fluffy, and very closely spun. Judging by the picture on the silver goblet, the kaftans were decorated at the border down the fronts and apart from this along the hem was a broad fringe. Besides all this, the small number of arms is astonishing. Apart from three dagger blades, one bronze spear and small obsidian arrows, no other weapon whatever was found in the barrows. Whether this was a sign of the unwarlike character of the population and the peaceful conditions of life in Trialeti at this time, it is difficult to say without an investigation of the corresponding habitations.

Barrow Tombs of the Ancient Bronze Age

In this division of the Trialetian barrows we include two absolutely different groups. The first group comprises those barrows which may be counted as nomadic, since they are, judging certainly by one case investigated, absolutely devoid of a ceramic inventory. These barrows were observed by us in the southern high part of Trialeti, in a pass towards Lake Paravan, at a height of 2200 m above the sea-level. In one of them turned out to be a rich tomb placed under the mound on the ground. The tomb (plate CXV) comprised a flat copper dagger blade with a wide short tongue, provided with a hole for the hilt, flat spear-heads of primitive copper work with a slightly differentiated narrow pin and fragments of copper armour in the form of six protuberances, covered with a knobby pattern and with a hole in the middle for allowing strengthening bands, five large obsidian arrows with a groove at the base, going round the middle of the arrow, three thin golden cylindrical (soldered) covers for a round wooden rod of diameter 2,5 cm, possibly judging by their arrangement in an arch, in the region of the arrows, of a simple wooden bow and finally a beautifully worked haematite mace-head with a straight cylindro-conical hole identical with those of the Syro-Palestine eneolithic layers and with the mace-head (ill. 110) from the second layer of the Alishar mound, i. e. of the end of the III thousand years before our era.

The second group of barrows of the old bronze age is composed of pit barrows with a stone-earth mound, situated in the valley of the Khrum and its tributaries, intermittently with the barrows examined above of the prosperous period. Outwardly these barrows are often not differentiated from the latter (plate LIX₁) but are characterised, in contrast to them, by the extreme poverty of the inventory. We have from here not only no amazing metallic articles (ill. 109) but the earthenware vessels in these barrows are usually limited to solitary examples (pl. CXII). The poverty of articles is in strange contradiction with the enormous amount of labour spent on the building of the tomb, with a large and sometimes colossal barrow mound and an unusually deep grave pit, intended for the burial of one person. In one case, in barrow X, the pit turned out to be a depth of 7,5 m from the surface of

the ground (ill. 107) and altogether the bottom was 9 m from the top of the mound (plate CXIII); in another case, the measurement of the mound of barrow IV reached 5 m in height and 45 m in diameter (pl. LXI, LXII). The traces of the bones of a man, as is usual in Trialetian barrows and even in younger barrows, are rarely preserved, but in one barrow of this type we succeeded in tracing the position of the dead, on the side with the legs bent under (pl. CX₂). An earthenware pitcher and an earthenware mug were found at the head. Traces of a metallic inventory were noticed by us only in two cases. In one there was a badly rotted flat copper blade (barrow No XIX), in the other (barrow No XXIV) a miniature flat chisel with a four-sided body (ill. 109). Besides this, in the mound of the large barrow (No IV „Karantin“) with a plundered pit, was found, possibly lost by robbers, a massive silver spiral lock ring with one and a half turns (plate CXIV), identical in form and size with the electrum lock ring from the large North Caucasian barrow in the village of Letnitskaya, with a stone and copper inventory of the ancient bronze epoch.

Only in one case, in barrow No XIX, disturbed by a secondary burial in the Urartean epoch, two obsidian almond-shaped arrow heads were discovered (plate CVI bis).

The chronological position of these barrows relative to the barrows of the previous division is founded chiefly on the typological analysis of the ceramics, which by their peculiarities are drawn to the ancient eneolithic layer discovered by us in Trialeti and traced by museum material in strikingly homogeneous forms in a wide spread area of the South Caucasus.

The ceramics of these barrows are sharply differentiated from all the above mentioned types of barrow vessels of the middle bronze age. Instead of «hydries» and «piphoses» comprising the chief contingent of the ceramics of the barrows with a rich inventory, we find here, modelled undoubtedly by hand and without a potter's wheel, but with great skill, pitchers and mugs with handles. In spite of the thickness of the walls and the weight of the articles, there is noticed an elaborate finish to the surface with a smoothing off and polishing inside and outside (pl. CXIV). Two sharply distinct layers of the walls, often observed, are characteristic, outside black and inside light brown, giving such an impression as though the thickness had been increased inside. The architectonics of the form of this vessel is original, with a very narrow bottom and a swollen belt round the body of a distinct pear-shaped form (ill. 111 - 114).

Just because of its singular, characteristic, moulding and the outline of its form, the vessel we are observing, conforms, as said above, to one local group of eneolithic vessels, which in the large variety of its forms displays several general features of composition. The connection is further confirmed by the character of the ornamentation of the ancient barrow and eneolithic vessel, with the combination on one vessel of two technically different methods of ornamentation: of the concave-convex or in any case, of the grooved design on the protruding part of the body and the finely carved design on the neck. The drawing itself and the movement of the design in both cases possess a similar character, clearly expressed: namely, we see here not as usual, a repetition round the vessel of some more or less complicated ornamental motive or other, but a close geometrical composition, regular, and rythmical, but with a deliberate violation inside of the system of symmetry because of compositional displacement and reversal of the separate elements (ill. 121). This correspondence alone is enough, not to doubt the genetical closeness of both these ceramic productions and the connection of the barrows described with the ancient local paleometallic layer.

This makes extraordinarily important the accumulation of ceramic material, almost unknown up to the present time, of the ancient stage of bronze, from various regions of Georgia and the South Caucasus, in order to trace the territorial range and thus establish the direction of cultural succession in this critical period of the history of the development of the clan society in the Caucasus and, in particular, to make clear the conditions of the rise of the prosperous cultural hearth of the middle bronze age in Trialeti.

III. TOMBS OF THE ENEOLITHIC EPOCH AND THE LOWER CULTURAL LAYER OF THE CYCLOPEAN FORTRESSES

With the monuments referred to in this group we touch upon the most puzzling side of the Trialeti archaeology, in spite of the fact that just this material proved to be obtained by us both from the tombs and from the settlements and even the possibility itself of distinguishing it as a special old cultural layer was, contrary to the foregoing barrows, based on the comparison of Trialeti findings with a whole series of others, coming from various parts of the South Caucasus (ill. 120).

We are here first of all concerned with singular ceramics, possessing extremely significant homogeneous peculiarities in the originality and richness of forms, over the whole wide territory where it is distributed, but amazingly poor in the non-ceramic inventory connected with it (ill. 115 and plate CXIX). The latter circumstance to a great extent makes clear why this complex has been absolutely inexplicable and even little studied up to this time, in spite of its great importance in explaining the early stages of the building of agricultural cultural forms with durable settlement in farming, cattle-rearing and metallurgy in Georgia and the bordering countries.

In Trialeti, ceramics of this layer were first discovered by E. Pchelina near Kiketi and studied by us in Beshtaseni on the site of a ruined cyclopean fortress (ill. 64).

A series of sections made by us inside the fortress revealed a four-cornered dwelling with a corridor-like passage along one of the walls, with a stone foundation and with a pisé building work «torne» (a pit oven for bread) inside the building (pl. CXVII). The cultural layer below these habitations included flint sickle-teeth and ceramics, typical of a neighbouring tomb of the late bronze epoch. The following layer, not well expressed everywhere, contained original black polished ceramics with a cut, shaded ornamentation of various rectilinear, geometrical bands (pl. CXXII).

Finally the lowest layer was discovered within the bounds of Beshtaseni fortress in three places and also at two points in the neighbourhood of the fortress. This layer gave three-cornered, flint tanged arrow-heads of the neolithic type from the site in Tetramitsa near Kutaisi, a broad flint knife, worked on both sides and with the end bent back, oval-shaped grain-scrapers with long boat-shaped upper stones moving across, an earthenware statue of a bull or ram (plate CXX) and ceramics with the characteristic stratified formation of the ware and with both surfaces elaborately worked although the vessel is moulded by hand, in two complexes of different form of which the stratigraphy is not clear yet.

One of these complexes (ill. 122) studied in a dwelling area (ill. 119) with a well preserved hearth like a fireplace (pl. CXVIII₂), presents a variant of more massive ceramics, approaching those found near Tbilisi in Didube (ill. 123), in Kiketi and in Armenia, in Eilar; without ornament or with a well expressed laconic ornament in relief (horse-shoes, spirals) and the form of the vessels flat-bottomed, broad-throated with tall necks, and small solid handles (pl. CXXIII).

The other complex by the character of the vessels (ill. 124), often beautifully worked, by their shape, a narrow caved in bottom, the handle in the form of a hemisphere (ill. 117, 118) and finally by the originality in technique and composition, «concave-convex» ornament (ill. 120, pl. CXX), is not different from the findings of P. F. Petrov in the year 1914 in the village of Malaklu (in the region of Igdyr) below the layer of Ararat lava and from the black ceramics found by Lalaian in Kül Tapa (in the region of Nakhichevan) below the layer with polichrome painted ceramics. These ceramics also fully coincide with the examples, recently published, from the mounds: Shresh Blur, Kül Tapa (in the region of Echmiadzin-Vagarshapat) and also Shengavit near Erivan.

Several peculiarities accompanying these ceramics in all these areas, also coincide; as for instance the presence of disc-like earthenware lids, original earthenware horseshoe-shaped stands (for the hearth) with a handle, which have been obtained from nearly all the places where there are these ceramics, from Nakhichevani, Malaklu, ancient Armavir, Karakurt (in the region of Sarykamysh), abundant traces of fire (charcoal, ashes, slag, burnt clay putty) etc.

Black ware with a wonderfully bright upper surface has often in our findings a special red durable slip on the light inner surface of the vessel. Besides this, there are mixed in this layer frag-

ments of vessels on tall pedestals, completely covered with bright red paint polished by rubbing (pl. CXXIV), and ware with traces of red painting and also with black varnish paint (pl. CXXI).

Tombs belonging to the cultural layer with similar ceramics (pl. CXXV and ill. 126) have been traced in the form of single tombs where the dead were in a contorted position in stone boxes (ill. 125).

CONCLUSION

With the eneolithic monuments examined under the last heading we have finally reached, in a certain sense, the limit of the cultural historical perspective in the development of the Trialetian cultural hearth, since here it is not possible to discover, as in the majority of the ancient inhabited hills of Asia Minor (Hissarlık, Alishar, Sakjegözü) any signs of neolithic settlements, typically represented in the sites of West Georgia (Tetramitsa, Satapli, Odishi).

From the period preceding metal in Trialeti exist authentically only half-cave settlements (plate CXXVI) of the epipaleolithic age. These latter are of the very singular local fashion (ill. 127—128), the traditional flint not being used as the basic material for work but volcanised glass, obsidian, more brittle and less hard than flint.

We cannot yet trace concretely the progress of South Caucasian obsidian, established by Jacques de Morgan in a country of the Near East in the pre-metallic and early metallic epochs, although recent excavations of the Anglo-American expedition at Lake Van have revealed in the neolithic layer of Shamiramalti together with painted ceramics of the Tell-Halaf type, hundreds of knife-like plates of South Caucasian obsidian and also elaborately finished off obsidian weapons in an eneolithic hearth, discovered there in the small Van citadel. Investigations in this direction should present great interest since the movement of obsidian might be one of the conditions of the rise of culture in Trialeti and the neighbouring volcanic regions, indirectly before the appearance of metal, when, on the one hand, obsidian ware becomes especially plentiful in the cultural layers of Mesopotamia, Sumer, Elam and when on the territory of the Kura-Araks basin the above mentioned culture of ash barrows with wonderful, artistic, ceramics of a special style because of the lower level of technical equipment, is unique. The study of just this layer and the distinguishing of the sources of its rise, ought to be at the present time one of the cardinal problems in the prehistory of the South Caucasus and in the solution of the questions concerning its ethnogenesis, since in this layer seem to be already set the roots of the brilliant cultural prosperity of Georgia in Trialeti in the middle of the II thousand years before our era.

Indeed, the circumstances indicated above give an entirely new content to the historical conception, existing up to the present time, of the place occupied by the Caucasus in the development of the ancient eastern world. The history of the Kingdom of Van is drawn from an entirely different point of view, inasmuch as its appearance was already preceded in a more northern mountainous zone, on the territory of contemporary Georgia, by exceptionally developed forms of living and by highly differentiated handicrafts in the bosom of a tribe-clan society, with a considerable accumulation of wealth inside the prevalent clans. At the same time by a whole series of new works it is convincingly being established that there is a near kinship between the prevalent language of the country of the Urartians and the language from Hurri (with the same base in the denomination, but with the preservation of the initial aspirate), the written monuments of which have been revealed by the excavations of the last decade in the layers left in the III thousand years before our era, at least, in west Mesopotamia and Syria where, as was said above, there reigned still in the preceding epoch that same style of ceramic painting (Tell-Halaf) as was revealed at Lake Van. The inclusion of the Van region also in this ancient cultural system is an extraordinarily significant fact, since it places concretely the question of its zone of contact here in the north, with another eastern Asia-Minor system distinguished by an absolutely different ceramic filiation, architectural forms, artistic style and historical fortunes.

It is not the place, however, in the present case to enter into a consideration of these complicated problems, which inevitably confront us when we want to comprehend historically and ethnically the archaeological facts discovered by us. But we may mention in this preliminary communication both the indubitable appurtenance of the brilliant prosperity of the barrow culture of Trialeti to the indirect ancestors of the Georgian peoples, evidently closely connected with this territory, and the fact that our combined findings bear witness in general to the ancient roots of Georgian culture in the South Caucasus, in the zone of reciprocal action of the Subar and of the Hatti ethnical system of Asia Minor, since Kartvelian and North Caucasian languages along with connections, noticed long ago, with the Elamic language on the one hand, and with the Hurri-Mitanni languages on the other, reveal at the same time a strong tendency to prefix formation typical of the Hatti language layer.

But the onesidedness of the archaeological material collected so far, makes it extremely difficult to judge about the succession of the following phases of development in Georgia of the wonderful craftsmanship in jewellery revealed in the monuments of Trialeti of the middle bronze age. At the first glance we receive an impression of some regression or, at any rate, of social levelling during the transition to the late bronze age and later on to the early iron age. The precious metals gold and silver cease to be met with not only in tomb inventories but in treasures of the corresponding age, the Akhagorian treasure of the Achaemenid epoch appears to have no immediate predecessors. Nevertheless this impression ought to be dispelled by determined investigations. Already the well-known inventory of the Kazbek treasure with a silver cup and gold six-radial ear-ring (ill. 42) of fine workmanship of the local form, denotes the existence in Georgia of pre-Achaemenid monuments of this kind. In this connection, great interest is presented by the preserved part of a wonderful treasure (golden jewellery and a fragment of an electrum vessel with an embossed head of a lion similar in style to the Hittite base-reliefs from Zenjerli) from Colchis (the village of Nosiri). The contents of the treasure are characteristic (ill. 129—131) and resemble the Samurzakan treasure from Chuburiskhinji of the late bronze age also with gold and silver wares (in particular a pair of gold lock rings with flattened ends) and comprising lens-shaped discs of various sizes, made by cooling the melted metal at the bottom of rounded cavities. Together with these ingots a few hundred finely polished spherical beads were found, of various sizes reaching the size of a walnut, of the same characteristic cornelian which is used in the rich barrows of Trialeti. Exactly similar beads both in material and in finishing off, well known from the ossuaries with the Colchian-Kobanian inventory in Abkhazia (Esheri) and found this year during the excavations of the Uraitean palace in Karmir Blur near Erivan by the Ermitage and ARMEAN archaeological expedition. In later complexes such beads are almost not met with and do not occur at all in the second half of the first thousand years before our era.

Near in point of time to this treasure is the old finding of the year 1868 from the town of Par ts khanakanevi near Kutaisi, described already by Uvarova in the catalogue of the Caucasian Museum (No 2540 and 2541) and indicating the existence in Par ts khanakanevi of a more ancient necropolis preceding the jug tombs (is it not of barrows?). In the contents of this finding occurs a necklace of absolutely the same kind of finely spherical, dark brown cornelian beads, incorrectly taken for garnet by Uvarova, as in the necklace from Nosiri (ill. 131). This circumstance is sufficient to show the age of the whole complex. But together with the necklace there also belonged to the complex golden lock-rings in the form of spirals repeating the form of the ancient Kobanian bronze ones, with spiral endings.

Now, after the discovery of the ancient rich barrow culture in Trialeti, the above-mentioned dating of the treasure from Nosiri and of the complex from Par ts khanakanevi not only ceases to appear to be exaggerated, but, on the contrary, there begins to be evident a still closer connection between these collections and the preceding stages of the prosperous art of jewellery-making in Georgia already in the middle bronze epoch. Together with this can be seen the first signs of the paths by which can be traced the succession pointed out, bearing witness to the fact that the social and cul-

tural conditions creating the demand for the production of fine and rich jewellery from precious metals, continued to exist in the territory of Georgia also in the epoch transitional between the bronze and the iron ages, although not revealing yet examples of the polychrome style of barrows, but with a high level of craftsmanship (granulation and figured embossing), paving the way for the new rise in style in the new historical situations and the cultural interactions on the verge of the rise of the Iberian kingdom in the IV century before our era (the «Akhagorian treasure» and the Algetian tomb) and later, in the first centuries of our era, in the luxurious inventory of the necropolis in the village of Bori and especially of Armazi, with the decorative splendour of the polychrome of gold, coloured stones and enamel, similar to Pantikapea and Taksila (India).

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Существующая у Байерна в Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885, на стр. 19—26 потабличная опись инвентаря Редкина Лагерь с указанием номеров погребений, не использованная никем из изучавших ранее могильник, потеряла ныне связь с коллекциями, поскольку при передаче коллекций в Аз. Гос. Музей таблицы не были зафотографированы.
2. Chantre Ernest. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. I, Paris-Lyon, 1885, стр. 188—211.
3. Virchow Rud. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten, Berlin, 1883, стр. 126—142; его же, Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus, Berlin, 1895, стр. 59—65.
4. Morgan J. (de). Mission Scientifique au Caucase, Paris, 1889, t. I, стр. 37, 203; t. II, стр. 38.
5. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 34; т. II, стр. 220.
6. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 37, рис. 1 и 2.
7. Morgan J. (de). La préhistoire orientale, t. III, Paris, 1927, стр. 285.
8. Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, t. III, Paris, 1931, стр. 1615 (сводная таблица хронологических систем).
9. Morgan J. (de). 4, т. I, стр. 203, 205.
10. Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 432.
11. Фармаковский Б. В. Архаический период на юге России. Материалы по Археологии России, вып. 34, СПб, 1914, стр. 48, 50.
12. Przeworski Stef. Der Grottefund von Ordu. Arch. Orientalny, Bd. VII, 1935, стр. 406, 408, 412.
13. Hančar F. Kaukasus-Luristan. Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem Alten Orient. Eur. Sept. Ant., Bd. IX, Helsinki, 1934, стр. 64.
14. Мещанинов И. И. Ассирийская бусина из Азербайджана, Баку, 1926, отт. из Изв. о-ва обследования и изучения Азербайджана № 2; его же, К вопросу об ассирийской бусине из Ходжалинского могильника. Изв. о-ва обл. и изуч. Азербайджана № 3, Баку, 1926, стр. 107—111.
15. Пассек Т. и Латынин Б. Ходжалинский курган № 11. Оттиск из Изв. о-ва обл. и изуч. Азербайджана № 2, Баку, 1926.
16. Иессен А. А. Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье. Сборник аспиранта. Акад. Мат. Культ. I, 1929, стр. 27—40.
17. Пахомов Е. А. Статуетка из Молла-Исакинского сельбища и ее датировка. Изв. Азерб. Фил. Ак. Наук, № 2, Баку, 1937, стр. 24.
18. Tallgren A. M. Рец. на статью Шарифова Eur. Sept. Ant. III, Helsinki, 1928, стр. 199.
19. Hančar Franz. 13, стр. 83.

20. Przeworski Stefan. Zagadnienie wpływów bliskiego Wshodu w kulturze Fatjanowskiej Rosji Środkowej (Das problem der vorderasiatischen Einflüsse in der Fatjanowo-Kultur Central-Russlands). Światowit, XV, 1933, стр. 24—60.
21. Пассек Т. и Латынин Б. Очерк доистории Северного Азербайджана. Изв. о-ва обслед. и изуч. Азерб. № 3, Баку, 1926, стр. 141.
22. Meek J. Theophile. Bronze Swords from Luristan. Bull. of the Am. Sc. of Or. Res № 74, 1939, стр. 9—11 (сп. полукруглые загибы у основания плоских рукоятей).
Иессен А. А. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 162—163 (находки переднеазиатских кинжалов на Ю. Кавказе).
23. Wesendonk O. G. (v). Archäologisches aus dem Kaukasus, Archäologisches Anzeiger, XL 1—2, Berlin, 1925, стр. 55.
24. Пчелина Е. в. Отчет о раскопках близ деревни Сагурамо, Bull. du Musée de Géorgie, t. III, Tiflis, 1927, стр. 129—163.
25. Помогильное распределение коллекций Байерна из нижнего этажа могильника в Самтавро (Мцхета) удалось мне провести в 1934 году совместно с Л. В. Мухелишвили, на основании списков Байерна (в Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885) и сохранившихся частично на предметах миниатюрных наклеек с порядковой нумерацией Байерна и номером погребения, не учтенных ни в инвентарных списках Отдела археологии Гос. Музея Грузии, ни в каталоге Уваровой. Упомянутая булава (Вауерн, цит. соч. табл. XII,) относится к погр. 582 с орнаментированным треугольником прекрасным темно-серым кувшином (Уварова № 1726).
26. Woolley C. L. Carchemish. Part. II. The town defences, Lond., 1921, стр. 133—134.
27. Wesendonk O. G. (w). 23, стр. 54, рис. 3 и 4.
28. Куфтин Б. А. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодалной Абхазии. Отчет о работе отряда Абхазской археологической экспедиции 1934 г. Тбилиси 1936, гл. II (в печати).
29. Такайшвили Е. Краткий отчет о раскопках, произведенных в 1902 г. близ станции Мцхет. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. I, Тифлис, 1904, стр. 83.
30. Единственный предмет из Сагурамо, смутивший несколько С. Пржеворского, 20 (табл. Vd, стр. 47—48) отсутствием древних соответствий, спиральный браслет, скорее всего остального, мог бы, напротив, говорить о древности могильника, по аналогии со спиральными браслетами из Сачхера, если бы таковой действительно существовал, а не был бы принят Пржеворским за браслет перстень, опубликованный Е. Пчелиной, 24, стр. 133, табл. I, рис. 27.
31. Дневник раскопок П. В. Чарковского и его личная коллекция, о существовании которой не было известно, в количестве 350 предметов, полученных в результате раскопок в „Эриванской губернии“, были случайно обнаружены мною у одного частного лица в Киеве и приобретены для Гос. Музея Грузии, где и хранятся в настоящее время. См. также Уварова, П. С. Коллекции Кавказского Музея. Археология, Тифлис, 1902, стр. 119—120.
32. Спицын А. А. Некоторые Закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПб, 1909 г., стр. 1—2, 7—10, рис. 1—22.
33. Zakharov A. A. Etudes sur l'archéologie de l'Asie Mineure et du Caucase. Revue Hittite et Asiatique, fasc. 4, Paris, 1931, табл. 4, стр. 115.
Frankfort H. Studies in early pottery of the Near East, t. I, London, 1924, табл. V₁, стр. 38, примеч. 1.
Pottier, Edm. L'art hittite, fasc. 2, Paris, 1931, стр. 26, рис. 15₂.
34. Мещанинов И. И. Краткие сведения о работах археологической экспедиции в Нагорный Карабах и Нахичеванский край. Сообщения ГАИМК, I, Ленинград, 1926, стр. 236—240.
Миллер А. А. Археологические исследования в Нахичеванской республике летом 1926 года. Там же, стр. 326.

35. Данилевский В. В. Историко-технологическое исследование древних бронзовых и золотых изделий с Кавказа и Северного Урала. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935, стр. 228, рис. 131, табл. VI.
36. Спицын А. А. Некоторые Закавказские могильники. Изв. Арх. Ком., вып. 29, СПб, 1909 г. стр. 3—5, 11—15, рис. 23—63.
37. Коллекции Аз. Гос. Музея, инв. 1523, 1524 и 1530 (полев. №№ 87, 88 и 126).
38. Pimpelly R. Explorations in Turkestan, v. I, Washington, 1908, стр. 139, табл. 12.
39. Schmidt E. F. Tepe Hissar excavations 1931. The Museum Journal, v. XXIII, № 4, Philadelphia, 1933, стр. 399, табл. CXVI, Н. 420, 502.
40. Montelius O. La Grèce préclassique, 1-re partie, Stockholm, 1924, табл. 38₁; 53_{6, 7}; 60₉.
Marinatos S. Les origines de l'art Minoen, Cahiers d'art, 1931, № 3, рис. 19.
41. Ghirshman R. Repport préliminaire sur les fouilles de Tépé Sialk, pres de Kashan, Syria, XVI₃, 1935, стр. 243—246.
42. Бронзовых и железных кинжалов обе вскрытые А. А. Миллером гробницы, судя по его полевой описи и коллекциям Аз. Гос. Музея, не содержали и указание А. А. Иессена, 22 (стр. 148, рис. 30 и стр. 226 № 96) относится к кинжалу VIII₁₀ (полевой нумерации), который является недокументированной погребением находкой.
43. Алекперов А. Материалы по археологии и этнографии Азербайджана. Изв. о-ва обслед. и изуч. Азербайджана, № 4, Баку, 1927, табл. I₃, стр. 242. Колл. Аз. Гос. Музея инв. 1333. Приведенный нами рис. 4 является лишь схематичной передачей формы сосуда и характера его орнаментации.
44. Osten (von der), Schmidt E. The Alishar Hüyük, seas. of. 1927, t. I, Pl. III, VI, № 3243, 3284.
45. Speiser E. A. Excavations of Tepe Gawra, vol. I, levels I—VIII, Philadelphia, 1935. Его же, Excavations of Tepe Gawra during the Season of 1936—37. Bulletin of the Am. Inst. for Iranian Art and Archaeology, v. V, № 1, 1937.
46. Pfeiffer Robert. II. The excavations at Van in 1939. Bull. Am. Sc. of Or. Res., № 78, 1940, стр. 31—32.
47. Mackay Ernest. Report an excavations at Jemdet Nasr. Field Museum of Nat. Hist., Anthr. Mem., v. I₃, Chicago, 1931, табл. LXXV₇, стр. 266.
Childe G. Neu light on the most Ancient East, London, 1935, стр. 141. Его же, Eurasia shaft-hole axes. Eur. Sept. Ant., IX, Helsinki, 1934, стр. 159.
48. Веселовский Н. И. Арх. раскопки в Кубанской обл. Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПб, 1900, стр. 15—16, рис. 53.
49. Childe G., 47², стр. 192, рис. 65, № 3.
50. Отчет Археологической Комиссии за 1898 г. табл. IV, рис. 49.
Childe G. The Dawn of European Civilization, London, 1927, стр. 138—143.
51. Schmidt E. F. 39, стр. 367, № 1040. К этому же слою принадлежит и булава (Н 585) с петлевидно-завязанной головкой, типа Негады и Трои II (у нас рис. 12_{1, 3}). Датировку и синхронизацию слоев см. у него же Excavations at Tepe Hissar Damghan, Philadelphia, 1937, стр. 320 сл.
52. Bode (de) C. I. A., Smith C. H. R. On a recently opened Tumulus in the neighbourhood of Asterabad forming part of ancient Hyrcania and the country of the Parthians. Archaeologia, v. XXX, London, 1844, стр. 248—255.
53. Wulsin R. Fr. Excavations of Tureng Tepe near Asterabad, Supplement to the Bulletin of the Am. Inst. for Persian Art and Archaeology, v. 2, № 1 bis, New York, стр. 12, табл. XX₁.
54. Naue J. Die vorrömischen Schwerter aus Kupfer, Bronze und Eisen, München, 1903, стр. 2—3.
Gjerstad Einar. The Swedish Cyprus Expedition, 1927—1931, vol. I, Stockholm, 1934, Pl. XXXIV₃, CXLII_{1-3, 9}, стр. 93, 139.
55. Dussaud René. Les civilisations préhelléniques, Paris, 1910, стр. 172, рис. 118, № 2.

- Совершенно такого же типа копье известно и среди находок ранней бронзы в Венгрии (см. прим. 66).
56. Hogarth D. G. Kings of the hittites, London, 1926, рис. 26.
Christian V. Altertumskunde des Zweistromlandes, Leipzig, 1940, Bd. I, табл. 324, стр. 385.
57. Иессен А. А. 22², стр. 85.
58. Chantre E. Quelles sont les données anthropologiques et archéologiques pour la connaissance de l'histoire ancienne de la population du Caucase? Congr. Int. d'arch. et d'anthr. préhist., t. II, Moscou, 1893, стр. 87—88.
Chantre E. 2. t. III, Paris, 1887, стр. 5—31, табл. I, VI;
Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, вып. III, СПб, 1890, стр. 104, 109—115;
Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII, Москва, 1900 г., например разделение материала из аула Чми на пять эпох, стр. 114—119.
59. Иессен А. А. 22², стр. 99—100, карта III.
60. Tallgren A. M. Caucasian monuments. Eur. Sept. Ant. V, Helsinki, 1930, стр. 175, 177.
61. Hančar Fr. 13, стр. 102, 105—106.
62. Результаты этой работы, получившей свое отражение на выставке Археологического Отдела Гос. Музея Грузии, не опубликованы.
63. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., в. III, Тифлис, 1913 г., стр. 167.
64. Almgren O. Studien über nordeuropäischen Fibulformen, Stockholm, 1897, т. VII, стр. 156.
Фармаковский Б. В. Раскопки некрополя древней Ольвии в 1901 г. Изв. Арх. Ком., вып. 8, СПб, 1903, стр. 61, рис. 69.
Arne T. I. Det gotiska väldet i Sydryssland, Stockholm, 1917, стр. 10. Его же, Stendösar fran järnaldern. Fornvännen, 1919, стр. 138—139.
65. Morgan J. (de). 7, t. 2, Paris, 1926, стр. 213—214, рис. 267 (у нас рис. 12₁).
Petrie Flinders. Naqada and Ballas, London, 1896, табл. LXV, № 19.
Childe G. 47², стр. 72.
66. Déchelette J. Manuel d'archéologie, t. II, Paris, 1910, стр. 47, 320, рис. 124 (у нас рис. 12_{1, 2, 3}, Саксония, Богемия и Кипр).
Schmidt H. Troja-Mykene-Ungarn. Zeitschr. für Ethn., Bd. XXXVI, Berl. 1904, стр. 624.
Кипрского типа медные копья см. в книге: Pulsky Franz (v) Die Kupfer-Zeit in Ungarn, Budapest, 1884, стр. 76—79, рис. 3, 5—7 (из них копье 7 особенно близко по форме и величине (21 см) загэсскому).
67. Bittel Kurt. Prähistorische Forschungen in Kleinasien, Istanbul, 1934, табл. XIX, рис. 26, стр. 17.
68. Сальдау П. Я. и Гущина А. Ф. Применение металлографии в археологии, Сообщения ГАИМК, 1932, № 3/4, стр. 50, рис. 3.
69. Городцов В. А. Культура бронзовой эпохи Средней России, М. 1916, стр. 57.
Гёрнес М. Культура доисторического прошлого, часть II. Москва, 1914, стр. 75, рис. 33, по Montelius'у (La civilisation primitive en Italie depuis l'introduction des métaux, Stockholm, 1904).
Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 348.
70. Oguz Arik Remzi. Les fouilles d'Alaca Höyük, Ankara, 1937, стр. 96, CCXXVIII, Al. 1012.
71. Лалаян Е. Раскопки курганов в Северной Армении (на арм. яз.), Ереван, 1931, стр. 71, рис. 135.
Байбуртян Е. Орудия труда в древней Армении (на арм. яз.). Вестник Инст. Ист. и Литер. Арм. ССР, Ереван, 1938, кн. 1, стр. 212, 231, рис. 112.
72. Ivašenko M. M. Beiträge zur Vorgeschichte Abchasiens, Eur. Sept. Ant. VII, Helsinki, 1932, рис. 1.

- Иващенко М. М. Исследование архаических памятников материальной культуры в Абхазии. Тифлис, 1935, стр. 29, рис. XI₁.
73. Куфтин Б. А. К вопросу о ранних стадиях бронзовой культуры на территории Грузии. Краткие сообщения Инст. Ист. и Мат. Культ. Ак. Наук СССР, VIII, 1940, стр. 8—12.
74. Иессен А. А. 22², стр. 103, рис. 10. Недоверие Е. И. Крупнова (Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии. Сб. статей по арх. СССР. Москва, 1939, стр. 39, прим. 1) к утверждению А. А. Иессена, в отношении именно этой формы, о принадлежности ее к топорам не кобанского типа вряд ли основательно.
75. Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очемчирского порта в Абхазии. Материалы по истории Абхазии, Сб. 1, Сухуми, 1939, стр. 38, 49, табл. IX₂.
76. Schmidt Hub. Vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen 1909/10 in Cucuteni Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XLIII, Berlin, 1911, стр. 594, 601, рис. 15.
77. Antoniewicz, VI. Der in Stublo in Wolhynien aufgefangene Bronzeschatz. Eur. Sept. Ant. IV, Helsinki, 1929, стр. 135—147.
78. Godard André. Les bronzes du Luristan. Ars Asiatica, XVII, Paris, 1931, стр. 47—48, табл. XV_{45, 46}.
79. Hančar Franz. Beile aus Koban in der Wiener Sammlung Kaukasischer Altertümer. Wiener Praehist. Zeitschr., XXI, 1934, стр. 19—21.
80. Godard André. 78, стр. 49, табл. XVI₅₀.
81. Speiser E. A. Excavations at Tere Gawra, vol. I, Philadelphia, 1935, стр. 106, табл. XLVIII₂.
82. Меликсет-Бекоев Л. М. Новая проблема в истории Грузии (на груз. яз.), Мнато-би, Тифлис, 1925, № 2, стр. 222, 223. Его же, Из материалов поездки на Цалку в 1924 г. Изв. Кавк. Ист.-Археол. Инст., т. IV, Тифлис, 1926, стр. 133 и ряд статей в 1935 году на груз. и русск. языках в газете „Ударник Храмгеса“: № 32 „К охране археологических памятников в районе строительства Храмгеса“, № 33 „Тикматаш“ (на груз. яз.), № 35 „Ташбаш“ (на груз. яз.).
83. Иоакимов А. Я. Выписка из дневника археологических работ на Цалке. Изв. Кавк. Общ. Ист. и Археол., т. I, в. 1, Тифлис, 1882, стр. 7—9.
Уваров А. С. Об обсидиановых орудиях найденных на р. Цалке А. Я. Иоакимовым. Протокол засед. 20.IX, Тр. V Арх. Съезда в Тифлисе, стр. LXXXV, табл. XXXIX.
Уварова П. С. Коллекции Кавказского Музея, т. V, Археология, Тифлис, 1902, стр. 100—101, №№ 2329—2340 (сборы Е. Такайшвили), 2345—2354 (коллекция А. В. Комарова) и 2359—2376 (сборы Иоакимова).
84. Такайшвили Е. (Выдержки из отчета о раскопках). Отч. Арх. Ком. за 1896 г. СПб, 1898 г., стр. 110—112.
Уварова П. С. 83³, стр. 100, 101 с ошибочным отнесением №№ 2355—2357 к сборам Иоакимова.
85. Niogradze G. Das Gräberfeld von Karssnis Chewi (на груз. яз. с нем. резюме), Tiflis, 1926, табл. II₂₈, стр. 31.
86. Байерн Фр. Исследование древних гробниц близ Мцхета. Сб. свед. о Кавказе, т. II, Тифлис, 1872, стр. 330.
87. Такайшвили Е. Краткий отчет о раскопках, произведенных по поручению Арх. Комиссии летом 1902 г. близ станции Мцхет. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., вып. I, Тифлис, 1904, стр. 79—89. Его же (археологический отчет). Отчет Арх. Ком. за 1902 г. СПб, 1904, стр. 96, рис. 201.
88. Ермаков Д. И. Каталог фотографических видов и типов Кавказа, Персии, европейской и азиатской Турции, Тифлис, 1896, стр. 202—204. См. фотоснимки №№ 2169, 2150, 2193, 2194 (фототека Гос. Музея Грузии).
89. Уварова П. С. 83³, стр. 80 (Колл. Гос. Муз. Грузии, картоны Байерна XLVIII и LI).

90. Такайшвили Е. 87¹, Краткий отчет, стр. 88.
91. Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. Материалы по Археологии Кавказа, т. VIII, Москва, 1900 г., стр. 310.
Захаров А. А. Геммы и античные перстни Гос. Ист. Музея. Труды секции археологии, III, Москва, 1928, стр. 110, рис. 6, табл. V, № 35 (человек с шарфом над головой), табл. VI, № 90 (четвероногий крылатый грифон).
92. Такайшвили Е. 90, пряжка, рис. 203 и наконечник ремня, рис. 205.
Саханеев В. В. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—12 годах. Изв. Арх. Ком., вып. 56, СПб, 1914, пряжка, рис. 22, № 6, наконечник ремня, рис. 20, № 4.
Репников Н. И. Некоторые могильники крымских готов, Изв. Арх. Ком., вып. 19, СПб, 1906, пряжка, табл. V₃, наконечник ремня, табл. V₁₅, стр. 14—15.
93. Саханеев В. В. 92, табл. I, № 14, рис. 21, № 1, стр. 128, 129, 95 и 158—159.
94. Макалатия С. Археологические находки в сел. Даблагоми и Агаяни. Советская Археология V, 1940, стр. 270.
95. Contenau G. Manuel d'archéologie orientale, t. I, Paris, 1931, рис. 165, стр. 33⁷.
Hunger Joh. Altorientalische Kultur im Bilde, 1912, стр. 172.
96. Уварова П. С. Коллекции Кавказ. Музея т. V, Археология, стр. 90, № 2232 а, б. Пятый Археологический Съезд. Труды Предв. Комитета, Москва, 1879, стр. 63.
97. Придик Е. М. Новые кавказские клады. Матер. по арх. России, № 34, Петрогр., 1914 г., стр. 95, прим. 1.
98. Уварова П. С. 91, стр. 126, 175, 321.
Уварова П. С. 96, стр. 23, № 457—460.
99. Уварова П. С. 96, стр. 98.
100. Мещанинов И. И. Рец. на работу: Т. Ивановская. Закавказские поясные пряжки. Сообщ. ГАИМК, 1931 г., № 1, стр. 33—37. Прделанный по моей просьбе Хим. Инст. Ак. Наук Груз. ССР анализ одной из подобных блях (вариант с конем) показал полное отсутствие цинка: Sn—3,26 и Рl.—0,43, т. е. сплав резко отличающийся от обычных сплавов употребляемых теперь литейщиками.
101. Меликсет-Беков Л. М. Манглисский некрополь (на груз. яз.) Чвени Медниереба, № 1 (13), Тифлис, 1924, стр. 82—87.
102. Rostovtzeff M. Bronze belt-clasps and pendants from the Northern Caucasus. Bull. of the Metropol. Museum of Art, vol. XVII₂, 1929, стр. 36.
103. Такайшвили Е. (Доклад). Протокол 53. Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ. вып. III, Тифлис, 1913, стр. 48.
104. По инвентарю Музея Искусств Грузии бляхи поступившие от Такайшвили из Сачхере значатся за № 140, из Кацхи за №№ 141 и 157. Кроме указанной бляхи, из сел. Сачхере происходит еще хранящийся там же небольшой погребальный комплекс, состоящий из подобной бляхи (с двойным животным в верхнем углу), браслета бронзового и бронзовой подвески в виде бараньей головки (инв. 3230—3233).
105. Chantre Ernest. 2, t. II, стр. 54.
106. Недавние раскопки асп. Г. Гобеджишвили (Отчет о раскопках произведенных в сел. Геби, на груз. яз., в Изв. ИЯИМК, IV₃, Тбилиси 1939, стр. 345—361) разрушают сомнение П. С. Уваровой о происхождении ее коллекции из сел. Геби, где действительно обнаружился содержательный ящичный могильник с подобными бляхами, наряду с другим бронзовой эпохи, типа Фаскау и Кумбулта.
107. Ивановская Т. Кавказские бронзовые поясные пряжки. Мистецтвознавство, Збірн. I, Харьков, 1928, стр. 11—27. Ее же, Бронзовая прямоугольная пряжка с изображением бегущего зверя. Науков. Зап. Научно-Дослід. Катедри Історії України, вып. III, 1928, стр. 417—423. Сравни бляху с четырьмя быками из Мгвима у Dubois de Montpéreux Fr. Voyage au Caucase, atlas, IV série, Neuchatel-Paris, 1843, табл. XXXIII, t. IV, стр. 276.
108. Имеются в виду: фигурки из Рутхи у Уваровой П. С. 91, табл. CV₃; из Бори (инв. Гос. Муз. Гр., 9—31) и из „клада“ по Военно-Осет. дороге (инв. Гос. Муз. Гр., 5—31:1).
109. Уварова П. С. 91, стр. 177, табл. LXX₃.
110. Daremberg et Saglio. Dict. des antiquités, Paris, под словом Amuletum, t. I, рис. 310.
111. Wesendonk O. G. 23, стр. 54.
112. Makalathia S. Notice sur les dates des nécropoles decouvertes en Géorgie de 1920—1924 (на груз. яз. с фр. резюме). Bull. du Musée de Géorgie, Tiflis, 1928, табл. VIII₁₀, стр. 167—171.
113. Rostovtzeff M. 102, стр. 40.
114. Hančar Fr. Einige Gärtelschliessen aus dem Kaukasus. Eur. Sept. Ant., VI, Helsinki, 1931, стр. 157. Его же, Eine kaukasische Gärtelschnalle aus Bronze im Wiener Völkerkundemuseum. Wiener Prähist. Zeitschrift, Bd, XVIII, Wien, 1931.
115. Толстой И. и Кондаков Н. Русские древности в памятниках искусства, т. III, СПб, 1890, стр. 120.
116. Отч. Арх. Ком. за 1893 г., стр. 33, рис. 20.
117. Tallgren E. M. Zu der nordkaukasischen Bronzezeit. Eur. Sept. Ant., VI, Helsinki, 1931, стр. 139, рис. 50.
118. Tallgren E. M. Etudes archéologiques sur la Russie orientale durant l'ancien âge du fer. Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 30.
Mühlestein Hans. Die Kunst der Etrusker. Die Ursprunge, Berl. 1929, стр. 84, 225—226, рис. 142.
119. Мещанинов И. И. Закавказские поясные бляхи, Махач-Кала, 1927, стр. 1—38.
120. Куфтин Б. А. Материалы к истории культурного и этнического оформления дофеодальной Абхазии. Отчет о работе отряда по родовому обществу Абхазской Археологической экспедиции 1934 года (печатается), гл. 1.
121. Коллекции Арх. отд. Гос. Музея Грузии, картон Байерна LIV, инв. 8—02:514 (по каталогу Уваровой повидимому 2084 а).
122. Уварова П. С. 91, стр. 183, табл. CXXVII₄₃.
123. Furtwängler Adolf. Beschreibung der geschnittenen Steine in Antiquarium, Berlin, 1896, стр. 19, табл. VIII, №№ 185 и 184.
Его же, Die Antiken Gemmen. Leipzig-Berlin, 1900, стр. 55—59, 118, рис. 78, табл. XI_{7, 9}, XII_{13, 20, 21}.
- Из указанных здесь образцов обращают между прочим внимание геммы XI₇ и ₉, где использована для изображений не только нижняя плоскость, но боковые и верхние грани. Это заставляет подозревать возможную генетическую связь подобных призматических гемм с древнейшими критоминойскими четырехугольно-фасеточными трехгранными резными печатями (Evans A. J. Cretan pictographs and pre-Phaenician Script. Journ. of Hell. Stud. t. XIV, 1894, стр. 270 сл. и там же, t. XVII, 1897, стр. 327 сл., табл. IX₁₀; Furtwaengler, Antik. Gemmen, стр. 27, 32 табл. IV_{22, 25, 26, 28} и Beschreibung, №№ 57 и 58), бытовавшими, видимо, в самостоятельных формах и в Малой Азии, если согласиться с Н. Schmidt'ом (The archeological excavations in Anau and Old Merv. R. Pumpelly, 38, 1908, стр. 182, табл. XLV) именно оттуда выводить подобную печать из кургана в Анау с изображением льва, грифона и грубой человеческой фигуры на трех фасетках. Во всяком случае в III и в начале II тысячелетия до н. э. уплощенные трехгранные, четырехугольно-фасеточные геммы с резьбой лишь на нижней стороне и с двускатным верхом имели распространение в Малой Азии и Сев. Сирии (Contenau G., 293, стр. 177—179 и 93, табл. X₄₈, XLVI₃₄₈).
124. Maximova M. Griechisch-persische Kleinkunst in Kleinasien nach den Perserkriegen. Archeol. Anz., 1938, 3—4, рис. 15, стр. 658, 652—653.

125. Махимова М. 124, стр. 660—668.

Однако местопроисхождение каменных прототипов этого рода надо связывать скорее с более западными районами Передней Азии, где, как мы упоминали (прим. 123), издавна имели распространение четырехугольно-фасеточные трехгранно-призматические печати. Здесь следует только еще обратить внимание на интересную в этом отношении луврскую четырехугольную гемму, датируемую Perrot et Chipiez (Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IX Paris, 1911, стр. 13 табл. П₁₂) VII веком до н.э. с типичной для Древнего Востока композицией коленопреклоненного охотника, стреляющего в козла, в окружении астральных знаков, солнца, месяца и звезды. К сожалению у меня не имеется данных для суждения о полной форме этой геммы.

126. Куфтин Б. А. Некрополь в Колхиде. Заря Востока, Тбилиси 1939, № 3, рис. погребальной урны. Его же, Археологические раскопки в Даблагоми. Стенограмма доклада 1938 г. (хранится в архиве ИЯИМК имени Н. Я. Марра Акад. Наук Груз. ССР), стр. 39—40 (браслеты), 16, 49, 56—57 (колхидки); См. также, 73, стр. 12.
Макалатия С. 94, стр. 264—267.
127. Напсаг Ф. 13, стр. 82—83.
128. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-Тапа, Баку, 1927, табл. I₂.
129. Пахомов Е. А. 17, стр. 24.
130. Придик Е. М. 97, табл. VI, рис. 30.
131. Данилевский В. В. 35, рис. 130, № 9, стр. 227.
132. Данилевский В. В. 35, рис. 129, № 16, табл. анализ IV, стр. 226.
133. Филимонов Г. Д. О доисторической культуре Осетии, Изв. Общ. Люб. Ест. Антр. и Этногр. т. XXXI, приложение, Москва, 1878, стр. 28—29.
Уварова П. С. 91, № 8, стр. 84, табл. LXIV₂.
134. Уварова П. С. 91, табл. XII₁₃.
135. Антонович В. Б. Дневник раскопок. Кобань. Пятый Арх. Съезд в Тифлисе. Протоколы Предв. Комит., Москва, 1879, стр. 253.
136. Bayer F. Untersuchungen über die ältesten Gräber- und Schatzfunde in Kaukasien, Berlin, 1885; перечень вещей из Степан-Цминда, № 1387 (карт. XIII).
Уварова П. С. 96, стр. 15, № 266, табл. IV.
Chantre E. 2, t. III, табл. XXIV₇ (ошибочно отнесен вместе с другими вещами таблицы к верхнему ярусу Самтавро).
137. Уварова П. С. 91, стр. 152, рис. 144, 143.
138. Спицын А. А. Серогозские курганы. Изв. Арх. Ком., вып. 19, СПб, 1906 г., стр. 167, табл. XIV.
139. Vouga Paul. La Tène. Leipzig, 1923, стр. 55, табл. XVI_{30, 31}.
Déchelette J. 66, t. II, рис. 71₁₀.
140. Bittel Kurt. 67, стр. 63, 29, табл. II_{3, 4}.
Его же, Ein Gräberfeld der Yortankultur bei Babaköi. Arch. für Orientforschung, Bd. XIII_{1—2}, 1939, рис. 4 и 18.
141. Смирнов Я. И. Ахалгорийский клад, Тбилиси, 1934, стр. 53—54.
142. Бронзовые удила и другие бронзовые предметы „Ахалгорийского клада“ числятся в инвентаре Арх. Отд. Гос. Муз. Грузии, как происходящие из раскопок Лалайна в 1905 г. на берегу Севанского озера. Поэтому при издании „Ахалгорийского клада“ в 1934 г. эти коллекции не были обнаружены и фотографии с них не вошли в издание (ср. примечание на стр. 56). Однако сличение „лалайновских“ удил с изданными рисунками удил ахалгорийских позволило мне в 1935 году поместить ахалгорийский бронзовый инвентарь в археологической экспозиции на своем месте.
143. Фармаковский Б. В. Отчет о раскопках, произведенных в некрополе древней Ольвии и на о. Березани в 1896 г. Отч. Арх. Ком. за 1896 г., стр. 210 (?), рис. 330, стр. 80.

144. Montelius O. La Grèce préclassique, I part. Stockholm, 1924, табл. 23₂.
Blinkenberg Chr. Fibules grecques et orientales. Historisk-filologiske Meddelelser, XIII₁, Kobenhavn, 1926, стр. 150—155, 163—164.
Perrot et Chipiez. Histoire de l'art dans l'antiquité, t. VII, стр. 252, рис. 118.
145. Morgan J. (de). Délégation en Perse, t. VIII Recherches archéologiques, 3-e partie, Paris, 1905, стр. 43 и 57.
146. Lehmann-Haupt C. F. Materialien zur älteren Geschichte Armeniens und Mesopotamiens. Abh. d. K. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen, Ph.-Hist. Kl. NF. Bd. IX₃, Berl. 1907, стр. 100, рис. 71. Его же, Armenien einst und jetzt, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, рис. на стр. 506.
147. Gjerstad Einar. 54², vol. II, стр. 583, № 81 (датировка стр. 626).
148. Schaeffer, Claude F. A. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Syria, XVI₂, Paris, 1935, стр. 150, рис. 7.
149. Лебедянская А. Михалковский клад. Изв. Арх. Ком., вып. 53, Петроград, 1914, стр. 34, табл. IV.
150. Hoernes-Menghin. Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa, Wien, 1925, стр. 840, прим. 16.
Reinecke P. Die Goldfunde von Michalkow und Fokorn. Zeitschr. für Ethnol., Verhandlungen, Bd. XXXI, Berlin, 1899, стр. (510)—(527) (принадлежность золотой чаши к кладу стр. 512; датировка клада ранним Гальштаттом стр. 523 сл.).
Спицын А. А. Дополнение к статье о Михалковском кладе, Изв. Арх. Ком., вып. 53, Петр., 1914, стр. 135—136.
151. Смирнов Я. И. Восточное серебро, СПб, 1909, табл. III, рис. 13, стр. 6.
Tallgren A. M. The Kasbek treasure. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, стр. 116—118, 150, рис. 4.
Калитинский А. П. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov, Prague, 1926, стр. 53, табл. V.
Poulsen, F. Der Orient und die frühgriechische Kunst, Berlin, 1912, стр. 87.
Schlottmann K. (Письмо В. Ф. Миллеру о финикийско-арамейской надписи). Изв. Общ. Люб. Ест. Антроп. и Этногр., т. XXXV, Москва, 1879, стр. 34—35.
152. Dalton O. M. The treasure of the Oxus with other examples of early oriental metal-work, London, 1926, табл. VIII₁₈, стр. 8, рис. 43.
Herzfeld Ernest. Khattische und khaldische Bronzen. Fest-Schrift Lehmann-Haupt, Wien, 1921, стр. 154 (автор видит в этой золотой чаше Амударьинского клада урартскую продукцию).
153. Kinch. Fouilles de Vrouliä (Rhodes), Berlin, 1914, стр. 226, рис. 76 d. Perrot et Chipiez (Histoire de l'art dans l'antiquité, t. IX стр. 455) указывают на влияние узоров восточных тканей и ковров на орнаментацию этой керамики, но возможно предполагать, как делает F. Poulsen, 151, стр. 83, и заимствования с чеканки и резьбы на металлической посуде.
154. Ростовцев М. И. Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Материалы по археологии России, № 37, Петроград, 1918, стр. 24, табл. I_{1, 2}.
Коковцев П. К. О надписях на серебряных блюдах. Там же, стр. 82—83.
155. Dalton O. M. 152, табл. XXIII, № 180, стр. 44.
156. Gjerstad Einar. 54², t. II, табл. XXXVIII₂₃, стр. 209.
157. Gjerstad E. 54², t. II, табл. XLIX₄₈, стр. 27₂, 274.
158. Lehmann-Haupt C. F. Armenien einst und jetzt, Bd. II, Berlin Leipzig, 1931, стр. 531, 917, 963, рис. на стр. 533.
Szeligowska I. M. L'art décoratif étrusque. Bull. Intern. de l'Académie polonaise de sciences et des lettres, cl. philologie, № 4 (Supplémentaire), Cracovie, 1938, табл. XXIX₈₂ (подобного же характера этрусский канделябр IV века из Виллы Джулиа в Риме).

159. Dalton O. M. 152, табл. XIII, № 47, стр. 18—19.
 160. Dalton O. M. 152, табл. X, № 24, стр. 13.
 161. Lehmann-Haupt C. F. 158, рис. на стр. 858.
 162. Oppenheim M. Freiherr (von). Der Tell Halaf, Leipzig, 1931, стр. 192 и 196, красочн. табл. III.
 163. Gjerstad E. 54², vol. I, Stockholm, 1934, LXXXIV¹⁹⁸, XCII⁷⁷ (Энкоми погр. 2 и 19) стр. 521, 558 и 524—525, 568 (хронология).
 164. Отчет Арх. Ком. за 1891, стр. 144, рис. 173; за 1892, стр. 20—21, 110 и 119, рис. 10, 11, 68; за 1896 г., стр. 58, рис. 283.
 165. Придик Е. М. 97, стр. 102, № 13, табл. I.
 166. Смирнов Я. И. 141, стр. 56, примеч. 1 и рис. на стр. 64.
 167. Stassoff W. Études sur les monuments géorgiens photographiés par M. Jermakof, et sur leurs inscriptions par M. Brosset. Mélanges Asiatiques, t. VI, St. Pétersb., 1873, стр. 493—523. Lehmann-Haupt E. F., 158, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 489—495 и 863—867.
 168. Herzfeld Ernest. 152², стр. 145 сл.
 169. Спицын А. А. 32, стр. 6, рис. 69, 64. Розендорф Г. О. (раскопки в Елизаветпольской губ.), Отчет Арх. Ком. за 1903, СПб, 1906, стр. 97, рис. 184.
 170. Бобринский А. Курганы близ Смелы, т. I, стр. 68, 75, 76.
 171. Рёслер Е. (извлечение из отчета), Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПб, 1900 г., стр. 153.
 172. Bayern Fr. 136, стр. 39, табл. № 1080.
 173. Ивановский А. А. По Закавказью. Материалы по археологии Кавказа, вып. VI, Москва, 1911 г., стр. 120, табл. VIII^{353 36}.
 174. Bayern Fr. 136, стр. 35, табл. VII¹¹.
 175. Rau Paul. Die Gräber der frühen Eisenzeit in unteren Volgagebiet, Pokrowsk, 1929, стр. 13—40.
 176. Woolley C. L. Carchemish, part. II, The town defences, London, 1921, стр. 125—126.
 177. Schmidt E. Anatolia through the ages. Discoveries at the Alishar mound 1927—29, Chicago, 1931, стр. 138, рис. 196 и 166.
 178. Reichel W. Homerische Waffen, Wien, 1901, стр. 115. Tsountas. The Mycenaean Age, London, 1903, стр. 206, рис. 92, 93. Иначе чем W. Reichel понимает термин Гомера Hub. Schmidt (The archeological excavations in Anau and Old Merv. R. Pumpelly, Explorations in Turkestan, v. I Washington, 1908, стр. 185—186), относя его не к плоским треугольным, а трехгранным втульчатым стрелам, давно известным в греко-эгейском мире, однако не ранее после-микенской эпохи, а большею частью значительно позднее; сравни Helbig. Das homerische Epos, 2 Aufl, рис. 134; Furtwängler A. Die Bronzen von Olympia, Berlin, 1898, табл. LXIV, №№ 1083—1092. Wrede W. Bericht über die Ausgrabungen in Olympia. Jahrb. d. D. Arch. Inst. Bd. 52, H. 3/4, 1937, рис. 20, № 1077—1090 дает новый материал из IV слоя Олимпии.
 179. Rau Paul. 175, стр. 31.
 180. Спицын А. А. Курганы скифов пахарей. Изв. Арх. Ком., вып. 65, СПб, 1918, стр. 99, 101.
 181. Прушевская Е. О. Родосская ваза и бронзовые вещи из могилы на Таманском полуострове, Изв. Арх. Ком. вып. 63, Петроград, 1917, стр. 56—58.
 182. Граков Б. Н. Техника изготовления наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр. секции Археологии Инст. Арх. и Искусствозн., V₁ Сборн., „Техника обработки камня и металла“, Москва, 1930, рис. 8, табл. V₁, стр. 77, 79. Tallgren A. M. L'époque dite d'Ananino dans la Russie orientale. SMJA. Bd XXXI, Helsinki, 1919, стр. 132, рис. 102. Dmitriew P. Über die Gusstechnik auf dem Burgberge Irtjaš im Uralgebiete, Eur. Sept. Ant., VI, Helsinki, 1931 стр. 121—123.

183. Древности Приднепровья. Собрание Ханенко, вып. III. Киев, 1900, приложение, стр. 7. Граков Б. Н. 182, стр. 77.
 184. Woolley C. L. 176, стр. 130, табл. 23 b.
 185. Филимонов Г. Д. 133, стр. 31, № 12.
 186. Tallgren A. M. The Kazbek Treasure. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, стр. 113, 181.
 187. Bayern Fr. (Отчет) Zeitschr. f. Ethn., 1882, Verh., стр. [343].
 188. Bayern Fr. 136, стр. 47 и список вещей стр. 51, № 1376.
 189. Bissing F. W. Sur l'histoire du verre en Egypte. Revue d'Archéologie, 1908, fasc. 1, стр. 216.
 190. Déchelette J. 66, t. II, Paris, 1910, стр. 1316—1318.
 191. Придик Е. М. 97, табл. II, рис. 16.
 192. Уварова П. С. 98, стр. 155, рис. 155. Bayern Fr. 136, стр. 51—52, №№ 1375 и 1385, табл. VI₂.
 193. Schaeffer, Claude F. A. 148, стр. 150, рис. 7.
 194. Morgan J. (de). 4, t. I, Paris, 1889, стр. 63.
 195. Bayern Fr. 136, стр. 47, 52, №№ 1379 и 1383. Уварова П. С. 98, стр. 154, рис. 147.
 196. Меликсет-Беков Л. М. Манглиский некрополь (на груз. яз.) ზვბო მდებარეობდა, № 1 (13), Тбилиси, 1924, стр. 84—86.
 197. Wesendonk O. G. 23, стр. 49—50, рис. 1.
 198. Bayern Fr. 136, стр. 32, рис. 11. Его же, Neue Ausgrabungen in Samthawro. Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., Berlin, 1883, стр. [304].
 199. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris, 1927, стр. 287, 294—295, 304.
 200. Morgan J. (de). 4, t. I, Paris, 1889, стр. 119—123.
 201. Pösta Béla (de). Description de la collection archéologique. Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, II, Budap., 1897, стр. 495—496, рис. 32₁₄. Эти стрелы близко стоят к поздне-галльштаттской, опубликованной еще Ed. v. Sacken'ом (Das Grabfeld von Hallstatt in Oberösterreich und dessen Alterthümer, Wien, 1868, табл. VII₁₀). Сравни ее также у Janse Oliv. Quelques antiquités chinoises d'en caractère halstattien 1930. Другие галльштаттские этого типа стрелы известны из Ваача (Denkschr. d. k. Ak. d. Wiss. zu Wien, Math.-Nat. Kl. Bd. XLII, табл. XI₁₃), из С. Маргаретена (M u c h M. Kunsthistor. Atlas, табл. LVI₁₅) и проч.
 202. Ивановский А. А. 173, стр. 107—113, табл. I₂.
 203. Фармаковский Б. В. 11, табл. XVI, стр. 45 и 48. Так как этот пояс самый развитой по стилю, автор полагает VI век до н. э. как terminus ante quem для подобных поясов Южного Кавказа.
 204. Virchow Rudolf. Über die culturgeschichtliche Stellung des Kaukasus unter besonderer Berücksichtigung der ornamentierten Bronzegürtel aus Transkaukasischen Gräbern, Berlin, 1895. Abhandl. d. k. Pr. Akad. d. Wiss., 1895, стр. 32 сл., 38 сл., табл. I₂ и II₃.
 205. Ивановский А. А. 173, табл. III₃, стр. 108, 120 и 185 (объяснение фототипий).
 206. Ниорадзе Г. К. Могильник „Стеклянного завода“. Пробл. Истории Докапиталистич. Обществ, СПб, 1934, № 3, стр. 99.
 207. Morgan J. (de). 4, t. I, стр. № 74 (Муси-Иери). Его же, 7, t. III, рис. 293 b.
 208. Fougier E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique. Journ. As., t. CCXVII, стр. 242—243. Приводятся египетско-лувийские словарные соответствия, указывающие по мнению автора, на присутствие лувийского элемента в Африке. Сравни по этому поводу F. Hommel'я, Ethnologie und Geographie des Alten Orients, München, 1926, стр. 70—72.
 209. Morgan J. (de) 4, t. I, стр. 57. Его же, 7, t. III, стр. 295—296.
 210. Morgan J. (de). 7, t. III, стр. 122.
 211. Schmidt E. T. Tepe Hissar Excavations 1931. The Mus. Journ. XXIII, Philadelphia, 1933, стр. 367, № H. 1200.

212. В Центр. Муз. Нардоведения в Москве в коллекции собранной автором в 1926 году в Сев. Осетии имеются такой выпрямитель для косы из оленьего рога, между прочим близко напоминающий предмет из рога (в коллекции Н. Я. Марра Гос. Муз. Грузии), который Уварова 99, стр. 127 № 2834, определила неверно, как рукоять для топора, и склепанный из медных листов огромного размера котел.
213. Уварова П. С. 93, стр. 35—37, рис. 39 и 40.
214. Chantre Ernest. 2, t. II, табл. IV.
215. Rösler E. Ausgrabungen bei Chodshali, 1895. Zeitschr. f. Ethnol. Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. (178), рис. 14.
216. Рёслер Е. 171, стр. 153.
217. Schmidt Hubert. Zu den Kleinfunden. Oppenheim (v) F. Der Tell Halaff, Leipzig, 1931, стр. 262.
218. Bayern Fr. 136, стр. 34.
219. Lehmann-Haupt. C. F. 146, стр. 105.
220. Morgan J. (de). Mission scientifique en Perse, vol. IV, partie I, Paris, 1896, табл. V₆, стр. 105.
221. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris, 1927, стр. 282—283.
222. Morgan H. Recherches au Talyche persan. Mém. de la Délégation en Perse, t. VIII, Paris, 1905, стр. 270.
223. Contenau G. 8, t. III, Paris, 1931, стр. 415—416.
Genouillac H. (de). Fouilles de Telloh, t. I, Époques présargoniques, Paris, 1934, стр. 36—37.
224. Rösler E. Archäologische Untersuchungen in Transkaukasien, 1894, Zeitschr. f. Ethn., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. [83]—[84].
225. Ghirshman R. Rapport préliminaire sur les fouilles de Têpe Sialk, près de Kashan. Syria, t. XVI₃, Paris, 1935, стр. 239.
По вопросу о стрелах (стр. 68) см. 255.
226. Contenau G. 8, t. II, Paris, рис. 564.
227. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 101.
228. Makarenko N. La civilisation des Scythes et Hallstatt. Eur. Sept. Ant., V, Helsinki, 1930, рис. 1, 13—17, стр. 27, 40—43.
Sommerfeld Wanda. Naczynie miedziane halszackie z Ukrainy. Światowit, t. XVII, Warszawa, 1938, стр. 307.
Бобринский А. 170, t. I, 1886, стр. 34.
229. Джанашвили Мосе. Страна ингилойцев (на груз. яз.). Сборник „Древняя Грузия“ т. II, Тифлис, 1911—1913 г., стр. 106.
Орбелиани Саба. Грузинский лексикон (на груз. яз.), Тбилиси, 1928, стр. 381, слово „гули“ (გული) переводится как „пилообразный серп“, что соответствует греч. ἄρκυ καρχαρόδου (Гезиод, Теог. XVIII 363).
Джавахишвили И. А. Экономическая история Грузии (на груз. яз.) т. II, Тбилиси, 1934; слово გული с ссылкой на серпы упомянуто только в опечатках на стр. 708. Серп этого типа вышел видимо ныне в Грузии совсем из употребления и о названии его почти забыли. По материалам, собранным мною, он сохранился еще в Хевсуретии в качестве „женского серпа“ для травы (сравни араб. غلي резал траву).
230. Модестов В. И. Введение в римскую историю, часть I, 1902, табл. XXIII.
Mortillet G. et A. Musée préhistorique, Paris, 1881, табл. XC, № 109.
231. Спицын А. А. 180, стр. 89, 95.
232. Клад из Лечхуми (инв. 4059—4088, Муз. О-ва Ист. и Этн.) был мною выставлен в 1935 году в экспозиции Гос. Муз. Грузии и датирован урартской эпохой на основании сопоставления бронзовых кружек клада и фрагментированной кружки из погре-

- бения в Малакю (близ Игдыря) с обнаруженной там среди бус столбчатой ванской печатью VII в. до н. э. (см. примеч. 233).
233. Куфтин Б. А. „Колумбарий“ эпохи Ванского царства у подошвы Арарата и нижний культурный слой зольных холмов Южного Кавказа. Bull. du Musée de Géorgie, t. XII, Tbilisi (печат.). Найденные здесь фрагменты бронзовой кружки и ручка от нее с головкой зверя и шнуровидным литым стержнем полностью совпадают с одной из кружек из Лечхуми (см. 232) с кобанского типа инвентарем.
234. Lehmann-Haupt C. F. 158, Bd. I, Berlin, 1910, стр. 358; Bd II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 583.
235. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 118. Его же, 158, Bd. II₂, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 576—580.
236. Przeworski Stefan. Ceramika i brzozy staroiranskie w zbiorach polskich. Bron i Barwa, 1936, № 1, рис. 8.
Godard André. 78, табл. XIII 32—34, стр. 45 (описаны, по своей большой величине, как наконечники дротиков).
237. Bayern Fr. 136, стр. 25, табл. VIII₁₀.
238. Belck W. (о раскопках Рёслера) Zeitschr. f. Ethnol. Verhandl., Bd. XXVI, Berlin, 1894, стр. [224] сл.
Рёслер Е. 171, стр. 156.
Rösler E. Dritte Reise nach Dawschanli-Artschadsor. Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. [90]—[95], рис. 26 и 27.
239. Гуммель Я. И. Погребальный курган (№ 1) около Еленендорфа, Баку, 1931, стр. 1—55.
240. Belck W. Archäologische Forschungen in Armenien. Zeitschr. f. Ethnol. Verhandl., Bd. XXV, Berlin, 1893, стр. [62]; сравн. стр. [235].
241. Лалаян Е. Нор-Баязетский уезд (Археологические раскопки) (на арм. яз.) Азгагран Хандес XIV, 1906, № 2, стр. 8, рис. 2 (погребение). Его же, 257, стр. 100, 170, рис. 134.
Его же, Археологические раскопки по берегам озера Гокчи в Новобаязетском уезде Эриванской губернии. Памятная книжка Эриванской губ., на 1910 г., стр. 235.
Байбуртян Е. 71, рис. 106.
242. Rösler E. 233³, стр. [101]—[107], рис. 72.
243. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 году. Изв. Аз. Фил. Ак. Н. СССР, Баку, 1939, № 4, стр. 77—82.
244. Morgan J. (de). 4, t. I, Paris, 1889, стр. 135.
245. Ghirshman R. 41, стр. 244—245.
246. Legrain Leon. Luristan Bronzes in the university Museum. Museum Journal, Catalog., Supplement № 1, Philad. 1934, табл. XXI, рис. 57. Сравни также луврский экземпляр у Godard A., 78, табл. XL, № 166.
247. Tallgren A. M. 186, стр. 115, 167.
248. В инвентаре Кутаисского Музея оба экземпляра удила рассматриваемого типа значатся, как доставленные одновременно в 1927 и 1928 году одним лицом, Михелем Мхецадзе. Однако место происхождения первых (инв. 2356:1) записано с речки Дзеврули Чхарского района, тогда как другие (инв. 2524:1) отмечены селением Свири. Поскольку оба экземпляра удила несомненно одного происхождения, их может быть следует относить к месту, указанному первой записью.
249. Reichel W. 178, стр. 142—144.
250. Lechat Henri. Mors antiques en bronze. Bull. de Correspondance Hellénique, 1890, стр. 385.
251. Hunger Ioh. Altorientalische Kultur in Bilde, Leipzig, 1912, рис. 164.

- Полностью повторяют эти удила другие, также хранящиеся в Британском Музее за № 91209 (см. Guide to the Babyl. and Assyr. Antiquities) с оз. Вана из Тушпы. Согласно описанию Eckhard Unger'a (Trense, в Ebert. RLV. Bd. XIII, стр. 430) они еще ближе напоминают грузинские этого рода и афинские, поскольку концы трензелей снабжены, по его словам, с одной стороны конической сосулькой, с другой лошадиным копытцем.
252. Wolff Max und Opitz Dietrich. Jagd zu Pferde in der altorientalischen und klassischen Kunst. Archiv für Orientforschung, Bd. X, 1936, рис. 15 и 16, стр. 338. Другой известный тип бронзовых удила в Египте из Телл Амарны (Porprow U. Pferd und Wagen in Alten Orient, Berlin, 1934, рис. 46, стр. 70) эпохи гиксов отличается несгибающимся стержнем и колесовидными трензелями, напоминающими по внешности ассирийские и севанские на Южном Кавказе, но снабженные шипами, как на железных скифских. Сравни новую находку Fl. Petrie (Ancient Gaza, vol. IV. Publ. of the British School of Arch. in Egypt, 1934): рец. Barrois, Syria, t. XVII, стр. 87—88 и рисунок там.
253. Annals of Archeol. and Anthropologie, VII, Liverpool, 1914, табл. 24. Цит. по Tallgren'u, 186, стр. 167.
254. Przeworski Stef. 236, рис. 11, стр. 15—16. Сравни также Godard A. 78, табл. XI, № 165, стр. 79.
255. Уварова П. С. 98, стр. 127, табл. LVII₃₋₅, стр. 276, табл. CXXI₃. Montelius O. 144, 1-re partie, Stockholm, 1924, стр. 161, рис. 566 и 568. Стрелы близкого типа найденные близ Афин с инвентарем LMIII.
256. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris 1927, стр. 270. Hančar F. 13, стр. 78, рис. 25 и 26.
257. Лалаян Ерванд. Раскопки курганов в Советской Армении (на арм. яз.) Ереван, 1931, стр. 156, рис. 112.
258. Pore A. U. Exposition internationale d'art persan à l'Académie Royale de Londres. Cahiers d'art, Paris, 1931, № 1, стр. 34.
259. Morgan J. (de). 4, стр. 119—123.
260. Bayern F. 136, табл. XIII_{10, 4}.
261. Makalathia S. Découverts archéologiques en Géorgie en 1930. Mitteil. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, Bd. LXII, 1932, стр. 103, рис. 2, 3.
262. Makalathia S. L'ancienne nécropole de Phlavismani (на груз. яз., с франц. рез.) Bull. du Musée de Géorgie, t. V, Tiflis, 1930, стр. 229—230 (копье, клинок кинжала) рис. 10, 11; стр. 232 (маслобойка) рис. 14 (об употреблении подобных маслобок в Мтиулетии см. Makalathia S. Einige ethnographisch—archeologische Parallelen aus Georgien. Mitt. d. Anthropol. Gesellsch. in Wien, LX, 1930, стр. 364—365, рис. 4—6. Сравни F. Bayern, 136, стр. 11.
263. Munro Rob. Les stations lacustres d'Europe aux ages de la pierre et du bronze. Paris, 1908, стр. 106, табл. 14₂₂₋₂₆. Mortillet G. et A. 230, табл. LXXXIII, №№ 929—931. Датировку дает например находка таких стрел в пятом слое Les Roseaux Morges (см. Ebert. RLV, Bd. XI, стр. 392, табл. 126) в сопровождении узкого тесла с закраинкой и выемчатой пяткой; ср. Ebert RLV. Bd. X, стр.: 102 сл.: Pfeilspitzen. Wilke G. (Archäologische Parallelen aus dem Kaukasus und den unteren Donauländern. Zeitschr. f. Ethn., Bd. XXXVI, Berlin 1904, стр. 78) сопоставляет эти стрелы с кавказскими, минуя хронологию.
264. Bayern F. 136, стр. 37, табл. XII₁₆.
265. Уварова П. С. 98, стр. 276. Куфтин Б. А. 28, о бронзовом шлеме в кобанском комплексе Абхазии, гл. II; конические шлемы этого типа резко отличаются от ассирийских, как это видно из сравнения их с ассирийским бронзовым шлемом Британского Музея из дворца Нимруда (Hunger Joh., 251 рис. 169, стр. 54) и ближе стоят к северо-итальянскому из Оппеано (Pigorini L., Bulletino di Paletnol. Ital., IV, 1878, стр. 105,

- табл. VI) с греко-восточным орнаментом, поздней ступени Вилланова. Ср. Bertrand A. et Reinach S. Les celtes dans les vallées du Pô et du Danube, Paris, 1894, стр. 97, рис. 68.
266. Сагателов М. Я. Археологические находки в ур. Джелал-Оглы. Изв. Кавк. отд. Моск. Арх. Общ., в. I, Тбилиси, 1904, стр. 52 („бронзовый шарик с сквозным отверстием“). Коллекция из раскопок Сагателова в арх. отд. Гос. Музея Грузии, как мне удалось выяснить, числится по инвентарю неверно: происходящей из раскопок Лалаяна на Севанском озере (20—05 : VI и 20—05 : VIII₁).
267. Пассек Т. и Латынин Б. 15, рис. 6 с.
268. Ивановский А. А. 173, стр. 128, табл. IV₆ (топор-тесло); стр. 164 табл. XVII₁₇₋₂₀ (привески в форме сосок).
269. Декаприлевич Л. Л. и Менабде В. Л. Пленчатые пшеницы Западной Грузии. Труды по Прикладной ботанике, генетике и селекции серия V, № 1, Зерновые культуры, 1932, стр. 25—26. Их же, К изучению полевых культур З. Грузии. I Рача, Тифл., 1929, стр. 233. Джавакишвили И. А. Экономическая история Грузии (на груз. яз.) т. I, Тбилиси, 1930, стр. 345, т. II, 1934, стр. 80.
270. Virchow Rud. 3⁴, стр. 99. Сравни также находки золотых изделий этого времени у Rössler'a: Zeitschr. f. Ethnol., Verhandl., 1894, стр. [233]; 1898, стр. [455], табл. 34, стр. [444], рис. 60 и 61 (а—с).
271. Tallgren A. M. Eur. Sept. Ant., VII, Helsinki, 1932, стр. 97 примеч. Сцепление крючьев с удилами на рис. 10 (стр. 89), произвольно, как это видно из сравнения с ранее опубликованной фотографией у S. Makalathia, 261, рис. 6 (стр. 103), где удила оказываются свободными от крючьев. Самое строение последних исключает, мне кажется, возможность отношения их к уздечному набору.
272. Байбуртян Е. 71, рис. 113—115.
273. Belck W. (раскопки Рёслера), 238.
274. Рёслер Е. (раскопки). Отч. Арх. Ком. за 1899 г., стр. 89, рис. 184.
275. Пассек Т. и Латынин Б. 21, стр. 128 и 149, примеч. 1. Хранящиеся в Аз. Гос. Музее образцы этой керамики, между прочим типичная широко-открытая коническо-бортная чаша (инв. 57 : 1088) с пеглевидным выступом края и орнаментом из ленточных углов и W-образных штрихов, происходят из Кашана (близ Кума, к югу от Тегерана). Пользуюсь случаем принести благодарность администрации Института Истории АзФАН'а и И. Джафар-заде за предоставленную возможность ознакомиться с материалами Музея.
276. Rickard T. A. The primitive smelting of Iron. Amer. Journ. of Arch., XLIII, 1939, стр. 85—88.
277. Lehmann-Haupt C. F. 146, стр. 101.
278. Thomsen Peter. Eisen; Palästina-Sirien. Ebert, Reallex. d. Vorgesch., Bd. III, Berlin, 1924, ст. 67.
279. Winkler H. Vorderasien im 2. Jahrtausend auf Grund archivalischer Studien. Mitt. d. Vorderas.-Ägypt. Gesellschaft, Bd. 18, H. 4, Leipzig, 1913, стр. 61. Lehmann-Haupt C. F. 158, Bd. II, Berlin-Leipzig, 1931, стр. 891—892.
280. Hančar F. 79, стр. 12—44. Przeworski St. Der Grottefund von Ordu. Archiv Orientalni, VII, Praha, 1935, стр. 396—408.
281. Blinkenberg Chr. 144, стр. 13—25, 58—59.
282. Калитинский А. Из истории фибулы на Кавказе. Recueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov, Prague, 1926, стр. 50, 57 и 61.
283. Tallgren E. M. Miscellanea archaeologica. Varia. Eur. Sept. Ant. VI, Helsinki, 1931, стр. 175—177, рис. 1 (фибула двухпружинная, смычковидная, датируемая 1000 годом до н. э.). В скифских курганах фибулы очень редки: сравни Бобринский А. Курганы близ Смелы, т. I, стр. 75 (кург. XXVIII, Холодный Яр) и стр. 104 (кург. XXXVIII, Гулай-Город) табл. IX₅; т. III, табл. I. Обе эти фибулы принадлежат к типу тонкопроволочных одночленных с S-видной дужкой.
284. Morgan J. (de). 7, t. II, Paris, 1926, стр. 300—301.

285. Blanckenhorn Max. Über die Steinzeit und die Feuersteinartefakte in Syrien-Palästina. Zeitschr. f. Ethnol., 1905, стр. 460—462, рис. 15—17. Ссылка на Леман-Гаупта см. 235.
286. Herzfeld E. Archaeologische Mitteilungen aus Iran, Bd I, Berlin, 1929.
Godard André. Les bronzes du Luristan, Paris, 1931, табл. XXIV, №№ 69 и 72, стр. 59—60.
British Museum. A guide to the antiquities of the bronze age, London, 1920, рис. 187 (бронзовый топор с оз. Вана).
287. Otten Heinrich. Ein Bestattungritual hethitischer Könige. Zeitschr. f. Ass., NF. Bd. XII (XLVI), Berlin, 1940, стр. 221—224.
288. Меликсет-Бекон Л. М. К изучению топонимики и остатков материальной культуры Триалети-Цалка (на груз. яз.) „За марксистское языковедение“, Тбилиси, 1934, стр. 37.
289. Рёслер Е. (Археологические исследования в 1901 г.). Изв. Арх. Ком., вып. 12, СПб, 1904, стр. 48, рис. 8. Прекрасная коллекция образцов посуды подобного типа имеется в Аз. Гос. Музее (инв. 1593—1602) из случайной находки у ст. Хорадиц при постройке Джульфинской железной дороги. Это широкие низкогорлые кувшинчики с тонко-лощеной и разнообразно каннелированной поверхностью и выступающими над бортом венчика двумя или тремя тонко-петельчатыми ручками.
290. Genouillac Henri (de). Céramique Cappadocienne, inventoriée et décrite avec un introduction. Musée du Louvre, t. I, Paris, 1926, стр. 34—36.
Herz Amelia. Le decor des vases de Suse et les écritures de l'Asie Antérieure, Rev. d. Arch., 1929, стр. 217—234.
Dussaud René. Motifs et symboles du IV millénaire dans la céramique orientale, Syria, XVI, Paris, 1935, стр. 377—378.
291. Frankfort H. Studies in Early Pottery of the near East, t. II, London, 1927, стр. 77—83, 161 сл. устанавливает роль Анатолии, а затем Сирии в появлении и распространении этой техники. Pottier (L'Art hittite, Fasc. 2, Paris, 1931, стр. 42) полагает возможным увести ее истоки к беловатым ангобам еще I-го эламского стиля (бокалы из раскопок R. de Mesquenem'a в Сузах). Но во всех случаях характер росписи, окраска и формы сосудов совершенно иные, чем в Триалети.
292. Contenau G. La civilisation des Hittites et des Mitanniens, Paris, 1934 стр. 184—185 (Миф о Телепине).
Götze A. Kleinasien. Kulturgeschichte des Alten Orients, III, München, 1933, стр. 134—135.
293. Contenau G. La glyptique Syro-Hittite, Paris, 1922, стр. 75—76, табл. VII₂₇.
294. Отч. Арх. Ком. за 1894 г., стр. 17, рис. 8.
Rösler E. 242, стр. 92 и 93.
Virchow Rud. 204, стр. 55, рис. 5.
295. Kauchtschischvili S. Georgica, Scriptorum byzantinorum excerpta ad Georgian pertinentia, t. III (на груз. яз.) Тбилиси, 1936, стр. 41, 311—316.
296. Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI века о народах Кавказа. Вестн. Др. Ист., 1939, № 1, стр. 111.
297. Frazer J. G. Adonis Attis Osiris. Studies in the history of orientale religion, London, 1922 (=Golden Bough, part IV), t. I, стр. 277 сл., т. II, стр. 107 сл.
Фрезер Джемс. Золотая ветвь, вып. III, 1928 г., стр. 63—63, 94.
Сравни также священный кедр Таммуза у Langdon, S. Tammuz and Ishtar, Oxford, 1914, стр. 11.
298. Викентьев В. М. Древне-египетская повесть о двух братьях, Москва, 1917, стр. 38 сл., 59 сл.
Франк-Каменецкий И. Г. Грузинская параллель к древне-египетской повести „о двух братьях“. Яфетич. сб., IV, Ленинград, 1926, стр. 48, 60 сл.

299. Струве В. В. Иштарь-Исольда в древне-восточной мифологии, Труды Инст. Яз. и Мышления, II, Ленинград, 1932, стр. 66—69.
300. Rostovtzeff M. Dieux et chevaux. A propos de quelques bronzes d'Anatolie, de Syrie et d'Arménie. Syria, t. XII, Paris, 1931, стр. 53—54.
301. Schmidt E. 177, рис. 126, стр. 87 (глиняная модель обуви с узким загнутым вверх носком из II слоя Алишарского холма).
Прушевская Е. О. Две древне-восточные бронзовые статуэтки. Изв. ГАИМК, т. V, Ленинград, 1927, стр. 478.
Читая Г. С. Этнографические параллели. 1. Грузинская обувь с „носом“ (на груз. яз. с русск. рез.). Сообщения Груз. Фил. Ак. Наук СССР, т. I, № 4, Тбилиси 1940, стр. 309—316.
302. Herzfeld Ernst. Archaeological History of Iran, London, 1935, стр. 6 и 4.
303. Ungnad Arthur. Luwisch—Lykisch. Zeitschr. f. Assyriol., NF, Bd. 1, 1924, стр. 1—8.
Hommel Fritz. Ethnologie und Geographie des Alten Orients, München, 1926, стр. 998.
Bleichsteiner R. Die Subaräer des Alten Orients im Lichte der Japhetitenforschung. Festschrift P. W. Schmidt, Wien, 1928, стр. 9.
Ostir K. Kleinasiatische Terrakotten die Wolfischen, Razprave, V—VI, Ljubljana, 1930.
304. Марр Н. Я. Крещение армян, грузин, абхазов, аланов святым Григорием. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XVI₂₋₃, СПб, 1905, стр. 166—169.
305. Васильевский В. Г. Хождение апостола Андрея в стране Мирмидонян. Труды, том II, вып. 1, СПб, стр. 254—255.
306. Марр Н. Я. К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических. Матер. по Яфет. Языковед., V, СПб, 1912, стр. 17, 18=Сборник: Марр Н. Я. О языке и истории абхазов, М. Л., 1938, стр. 14.
Шанидзе А. Г. Два чахо-мингрельских суффикса в грузинском и армянском языках. Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., т. XXIII₃₋₄, Петр., 1916, стр. 368.
307. Патканов К. П. Армянская география VII в. по РХ. СПб, 1877, стр. 16 и 38.
Kiessling. 'Εγκυκλιου ἁόρου. Pauly-Wissowa Real-Enc., Bd. V, Stuttgart, 1905, стр. 2216.
308. Джанашиа С. Н. Тубал-табал, тибарен, ибер (на груз. яз. с русск. рез.) Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. им. Н. Я. Марра, т. I, Тбилиси, 1938, стр. 189.
309. Ушаков П. Н. Хеттская проблема. К вопросу о генезисе и взаимоотношениях индоевропейских и картвельских языков. Тр. Тбил. Гос. Универс. им. Сталина, т. XVIII, 1941, стр. 111.
310. Кипшидзе И. Грамматика мингрельского (иверского) языка, СПб, 1914, стр. 217, (слово ობჯუბო-Ингур).
311. Götze Albrecht. 292², стр. 126.
312. Марр Н. Я. 304, стр. 169. Его же, Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык, Москва, 1931, стр. 113.
313. Шанидзе А. Г. 306, стр. 366.
314. Марр Н. Я. История термина „абхаз“. Изв. Акад. Наук, 1912, стр. 700—701.
315. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 45—46.
Джавахишвили И. А. Сравнительный строй и родство грузинского и кавказских языков. Введение в историю грузинского народа, т. II (на груз. яз.), Тбилиси, 1937.
Джанашиа С. Н. Черкесский (адыгейский) элемент в топонимике Грузии (на груз. яз. с русск. рез.). Сообщ. Груз. Фил. Ак. Наук СССР, т. I, № 8, Тбилиси, 1940, стр. 623—628.
316. Гуммель Я. И. 239, стр. 20.
317. Марр Н. Я. Грамматика древнего литературного грузинского языка, Ленинград, 1925, стр. 39.

318. Τροβύτης. Ἐφημερίς Ἀρχαιολογική, 1890, табл. 7 (правый рис. сверху).
Rosenberg Marc. Geschichte der Goldschmiedekunst auf technischer Grundlage. Granu-
tion. Frankf. a/M., 1918, стр. 33—34, рис. 49₁₀.
319. Rosenberg Marc. 318, стр. 27—28, 33.
320. Woolley C. Leonard. The royal cemetery (Ur excavations, vol. II) New York, 1934,
табл. 138 (инв. 11584), стр. 571.
321. Nöldeke A., Haller A., Lenzon H. und Heinrich E. Achter vorläufiger Bericht über
die von der deutschen Forschungsgemeinschaft in Uruk-Warka unternommenen Ausgrabungen.
Abh. d. Preuss. Akad. der Wissensch., Jahrgang 1936, Phil.-Hist. Kl., № 13, Berlin, 1937,
стр. 23, табл. 39₂. Ссылка на Чайлда см. 331³.
322. Woolley C. Leonard. 320, табл. 146 (инв. 12467), стр. 583.
Childe Gordon. 49, стр. 348.
Oğuz Arik Remzi. 70, табл. CLXXVII, №№ А1. 254—255.
323. Woolley C. L. 320, стр. 264—266, табл. 87—90. В нашей фигурке возможно видеть
по форме корпуса и шеи также и лошадь.
324. Förrer E. Quelle und Brunnen in Alt-Vorderasien, Glotta, XXVI^{3/4}, 1938, стр. 197.
325. Woolley, C. L., 320, стр. 303.
Montelius Oscar. 144, 1-re partie, Stockholm, 1924, стр. 21—22, табл. 6₄.
326. Woolley C. L. 320, стр. 64, 108—109.
327. Mackay Ernest. A sumerian palace and the «A» cemetery at Kish, part II. Field Mus. of
Nat. Hist., Anthr. Mem., v. I₂, Chicago 1929, стр. 209—211, табл. XLVI₈.
328. Przeworski St. Altorientalische Altertümer in Skandinavischen Sammlungen, Eur. Sept. Ant.
X, Helsinki, 1936, стр. 88—89, рис. 14.
329. Джавахишвили И. А. История грузинского народа³ (на груз. яз.) т. I, Тбилиси,
1928, стр. 68.
330. Лалаян Е. 257, стр. 100 и 194—199. Реконструкция автором колесницы, как трех-
колесной тачки (рис. 192), неубедительна и не вытекает ни из материала, ни из истори-
ческих параллелей.
331. Montelius Oscar. 144, 2-e partie, Stockholm, 1928, стр. 215, табл. 15₂₂.
Childe Gordon. 50, стр. 38, рис. 17.
332. Schaeffer F. A. Claude. Les fouilles de Minet-el-Beida et de Ras-Shamra. Troisième
campagne. Syria, XIII₁, Paris, 1932, стр. 19, табл. XIII_{1,2} (втульчатые копья в погребен-
ниях второго яруса, который датируется первой половиной II тысячелетия).
Его же. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Neuvième campagne 1937. Syria, t. XIX₃, Paris, 1938,
стр. 222, 224, 240, рис. 27 и 28 (в склепах LV, LVI не древнее XVII—XVIII в. до н. э.).
Goldman Hetty. Excavations at Gözli Kule, Tarsus, 1938. Am. Journ. of Arch., vol. XLIV,
1940, стр. 82, рис. 44.
333. Schmidt E. F. Tere Hissar excavations 1931. The Museum Journal, vol. XXIII₄, Phila-
delphia, 1933, табл. CXVIII—CXIX, стр. 400.
334. Вопрос о возможных изменениях в путях передвижения олова в древнем мире во II
тысячелетии до н. э. рассмотрен мною в Материалах по истории культурного и этни-
ческого оформления дофеодалной Абхазии, гл. II, 1936 (печатается).
335. Могильник в Узуняре на р. Дебеда-Чай был обнаружен случайно при постройке
школы. Ряд предметов, в том числе золотые и серебряные обивки, ромбического се-
чения бронзовый кинжал, фрагментированное каменное блюдо (№№ 1485—1489) были
доставлены в Гос. Музей Армении, где и хранятся.
336. Отчет Арх. Ком. за 1897 г. СПб, 1900, стр. 22, рис. 82.
337. Montelius Oscar. 144, 1-re partie, Stockholm, 1924, стр. 106, табл. 9₁.
338. Алекперов А. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. Со-
ветск. Арх. т. IV, М. Л., 1937, стр. 255. Золотая бляха из упомянутого погребения

- хранится в коллекциях Аз. Гос. Музея и представляет собою небольшой бронзовый
или медный диск, плакированный золотом с штампованным круговым выпуклым ор-
наментом.
339. Naue J. 54, табл. III, V₃.
Déchelette J. 66, t. II₁, Paris, 1910, стр. 213, рис. 65₁, и рис. 66.
340. Энгельс Фр. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Москва,
1932, стр. 25, 105—107 и 165.
Морган Л. Г. Древнее общество. Ленинград, 1934, стр. 109 сл.
341. Jeremias Alfred. Handbuch der altorientalischen Geisteskultur, Berl.-Leipz., 1929, стр.
195—193 и 266—267.
342. Mallon A., Koeppl R. et Neuville René. Teleilat Ghassul, I, Compte rendu
des fouilles de l'Inst. Bibl. Pontifical 1929—1932, Rome, 1934, стр. 71, табл. 35₃.
343. Jirku A. Einige Kleinfunde aus Palestina und Syrien. Zeitschr. Deutsch. Morg. Gesellsch.,
NF, Bd. XIII₂, 1934, стр. 168, 169.
344. Schmidt Erich F. 177, стр. 91, рис. 138.
345. Oğuz Arik Remzi. 70, табл. CCLXIV—CCLXV, Al. 1825.
346. Уваров А. С. Исследование местности, на которой предполагались развалины Ар-
мавира. Труды Предварительного Комитета. V Арх. Съезд в Тифлисе, Москва, 1879,
стр. 439—449. Его же (отчет о поездке по Эрив. губ.), там же, стр. 332.
Уварова П. С. 31, стр. 128. Среди перечисленных образцов керамики имеются
фрагменты со следами росписи в две краски (№№ 2903—2910), с красным блестящим
покровом (№№ 2903—2907) и грубоватым ангобом (№ 2 78 сосуд типичный для урарт-
ского слоя) и наконец керамика энеолитического слоя (№№ 2884—2886, 2896, 2920—
2922 и пр.).
347. Пчелина Е. Археологическая разведка в районе Триалетского хребта близ гор.
Тифлиса. Bull. du Mus. de Géorgie, t. V, 1928, стр. 156—159.
348. Джанашиа С. Н. Общественные науки в Советской Грузии к 20-ой годовщине
Великой Окт. Соц. Революции (на груз. яз.). Изв. ИЯИМК им. Марра, I, Тбилиси,
1937, стр. XXXII.
349. Ниорадзе Г. К. Раскопки в Алазанской долине (на груз. яз.), Тбилиси, 1940, стр.
49, рис. 60. Сосуд 163—16 : 10 относящийся к энеолитическому слою включен в
„тип“ XI ялойлутапинской керамики римской эпохи.
350. Лалаян Е. А. Раскопки в сел. Ниж и Варташен, Нухинского уезда. Изв. Кавк. Отд.
Моск. Арх. Общ., в. V, Тифлис, 1919, стр. 38, 43, 44.
351. Байбуртян Е. Псевдоэнеолитические поселения Армении, Проблемы ГАИМК, 1933,
№ 1—2, Ленинград, стр. 39, 40.
352. Байбуртян Е. По поводу древней керамики из Шреш Бура, Советская Археоло-
гия III, 1937, стр. 210—213.
353. Hummel I. Zur Archaeologie Azebaidshans. Eur. Sept. Ant., VIII, Helsinki, 1933, стр.
232, 233.
Гуммель Я. И. Археологическая разведка на Киликдаге. Изв. Аз. ФАН, 1938,
№ 2, Баку, стр. 23, 24, табл. I и II, №№ 6—18.
354. Лалаян Е. А. Нахичеванский район (на арм. яз.) Азаграхан Хандес, т. XIII, 1906,
вып. 1, стр. 208. Его же, Археологические раскопки в Эриванской губ., Изв. Арх.
Ком. Прибавл. к вып. 14, СПб, 1905, стр. 48.
355. Bittel Kurt. 67, стр. 65, табл. IV₁, табл. XI₁.
Schmidt E. F. 333, табл. LXXXI, XCVII.
356. Джавахишвили И. А. 329, стр. 68.
357. Джавахишвили И. А. 315, стр. 48. В указанной связи следует также вспомнить
и о соседних с колхами либистинах Диофанта (III в. до н. э.) у Стефана Византийского.

358. Morgan J. (de). 7, t. II, Paris, 1926, стр. 146, рис. 187.
359. Götze Albrecht. 292², стр. 29.
Bittel Kurt. 67, стр. 35, 36.
Frankfort H. Studies in early pottery of the Near East, t. II, London, 1927, стр. 63 сл. (вопрос о технических приемах обжига).
360. Лалаян Е. 257, стр. 36—58. Материал из раскопок Е. Лалаяна хранится нашитым на картонах в Гос. Музее Армении. Пользуюсь случаем принести благодарность администрации и сотрудникам Музея за предоставленную мне возможность ознакомиться как с этим материалом, так и с другим, из энеолитических холмов Армении и из погребений с расписной керамикой.
361. Пчелина Евг. 347, стр. 156—157. Сравни с этим глинобитным сооружением, в котором Е. Г. Пчелина предполагала возможным видеть и наполненный золой саркофаг, глиняный саркофаг особой формы, найденный Я. И. Гуммелем (Археологические очерки, Баку, 1940, стр. 111—112, рис. 45) в соответствующем слое «Культового кургана» № 36 в Ханларе в 1937 году, наполненным золой.
362. Growfoot G. M. Mat impressions on pot bases. Annual of Archaeology and Anthropology, vol. XXV₁₋₂, Liverpool, 1938, стр. 3—11.
Mallon A. 342, стр. 91, 92, табл. 39, рис. 40.
363. Bittel Kurt. 67, стр. 63.
364. Гуммель Я. И. Раскопки в Нагорно-Карабахской Автономной области в 1938 г., Изв. АзФАН, № 4, Баку, 1939, стр. 84—85, табл. V.
Его же. Из памятников материальной культуры древнего Азербайджана, Вестник Древн. Истории, Москва, 1940, № 1, стр. 211—213.
365. Frankfort Henri. 359, t. II, London, 1927, стр. 57 сл.
Bittel Kurt. 67, стр. 105.
366. Morgan J. (de). 4, t. II, Paris, 1889, стр. 4, 5.
367. Потапов А. К вопросу о путях распространения обсидиановых изделий в каменном веке из Закавказья на север. (Доклад на 2-ом Краеведч. Съезде Черноморск. побережья и Зап. Кавказа).
Его же, Передисторичный Кавказ. Східний Світ, № 2, Харьков, 1928, оттиск, стр. 5—12.
368. Breuil H. Les subdivisions du paléolithique supérieur et leur signification. Congr. Int. d'anthr. et d'arch. préhist., Compte Rendu de la XIV^m ses., Geneve, 1912, стр. 178 сл. рис. 1.
369. Каландадзе А. Н. Культура мезолита и неолита на территории Грузии (на груз. яз.). Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. им. Марра Груз. Фил. Ак. Наук IV°, 1939, стр. 163—171.
370. Такайшвили Е. 84, стр. 110—112.
371. Грен А. Отчет по археологической поездке в Цинцкaro. (I Палеолитический каменный век на Цалке), Изв. Кавк. Отд. Моск. Арх. Общ., т. II, Тифлис, 1907, стр. 29—36.
372. Вопрос о краниологическом типе древнейшего населения Южного Кавказа еще совершенно неясен за полным отсутствием, до самого последнего времени, антропологических остатков, относящихся к эпохам древней и средней бронзы. Наиболее полно изученная проф. В. В. Бунаком (Черепка железного века из Севанского района Армении. Русский Антропол. журнал, т. 17, вып. 3—4, Москва, 1929, стр. 64—87) серия из 37 черепов, добытых Е. А. Лалаяном (Археологические раскопки в Новобаязетском уезде ССР Армении, там же, стр. 59—63) преимущественно из ящичных курганов Ванской эпохи на западном берегу Севанского озера, обнаруживает господство здесь в это время не арменоидного, а долихоцефального антропологического типа. Такой же характер

- выказывает материал (средн. головн. индекс для семи мужск. черепов 71, 15), добытый А. А. Ивановским (173, стр. 171—176), на той же приблизительно территории из погребений того же возраста.
373. Virchow Rud. 3, стр. 92, рис. 35. Сравни Zeitschr. f. Ethn., 1881, Verhandl., стр. (415).
374. Ефименко П. П. Мелкие кремневые орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста. Русский Антропологический журнал, т. 13, вып. 3—4, Москва, 1924, стр. 218.
375. Morgan J. (de). Les stations préhistoriques de l'Alagheuz (Arménie Russe). Revue de l'Ecole d'Anthropologie de Paris, 1909, стр. 189—203, рис. 72 (кремневое острие с зубчатостью).
376. Morgan J. (de). 7, t. III, Paris, 1927, стр. 19 сл.
377. Ефименко П. П. Костенковская палеолитическая стоянка. Ежегодн. Русск. Антроп. О-ва, т. IV, 1915, стр. 19.
378. Замятин С. Н. Новые данные по палеолиту Закавказья, Советск. Этногр., 1935, вып. 2, стр. 118.
Ефименко П. П. Первобытное общество, 1938, стр. 617—619.
379. Morgan J. (de). 7, t. III, стр. 26.
380. Remonchamps A. E. Griechische Dolch- und Schwertformen. Ein Beitrag zur Chronologie der Europäischen Bronzezeit. Intern. Archiv für Ethnographie, Bd. XXVIII, Leyden, 1927, стр. XXV, рис. 2—4.
Montelius Oscar. 144, 1-e partie, Stockholm, 1924, стр. 106, табл. 15₁₂. Амаргосские и троянские колья с боковыми отверстиями в клинке близки по типу кольям Al. 1086 и 1087 из Аладжа Эйюк, см. Oğuz Arik Remzi, 70, табл. CCLXXV, а также Goldman Hetty. 322² стр. 67, рис. 19, вместе с образцами керамики, несущей выпукло-вогнутый крупный спиральный мотив.
381. Meyer Ed. Geschichte des Altertums, Bd I, Stuttgart, 1926 стр. 704, 801, указывает также на возможность этимологической связи амаргосских Lukki, егип. Rku (чит. Luki-u), эгейск. Ruka с индоевроп. корнем * W(u)rk. Сравни. Н o m m e l F. 303, стр. 998.
Марр Н. Я. (Сена, Сона, Лютеция и первые обитатели Галлии—этруски и пеласги. Избр. раб. т. I, стр. 147) находил возможным сопоставлять Lukki с урартским Luhiuni.
382. Ungnad Arthur. Subartu, Berl.—Leipzig, 1936, стр. 164—166.
Speiser E. A. Studies in Hurrian Grammar. Journ. of Amer. Orient. Soc., vol. 59, № 3, 1939 стр. 316 (прим. 76) и 323.
Friedrich J. Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik, Leipzig, 1939, стр. 59—62. Это подтверждает и A. Götze в рецензии на работу Friedrich'a (Language, 1939, vol. 15 № 4, стр. 254).
Götze A. 359, стр. 174—180.
383. Albright W. F. New light on the history of Western Asia in the second millenium B. C. Bull. of the Amer. Schools of Oriental Research, № 77, febr., 1940, стр. 20—21.
Thureau-Dangin F. Tablettes Hurrites provenant de Mari. Rev. d'Assyriologie, t. XXXVI, 1939, стр. 1—24.
Dossin Georges. Les archives économiques du palais de Mari. Syria, t. XX₂, Paris, 1939, стр. 102, 103.
384. Thureau-Dangin F. Tablette de Samarra. Rev. d'Assyriologie, t. IX, 1912, стр. 1 сл.
Contenau G. 292, стр. 77, 78 и 84.
385. Ungnad Arthur. 382, стр. 106, 135—151.
Falkenstein A. (рец. на книгу Ungnad'a), Orient. Literat. Zeitung, 1938, № 12, стр. 243—246, возражая против тезы о монолитности и автохтонности субаров, приводит дополнительные данные о древнейших следах населения с хурритскими именами.
Meyer Rudolf. Die älteste Erwähnung des hurritischen Wettergottes Tešup. Arch. f. Orientforsch. XII_o, 1939, стр. 366—371.

- Forrer E. Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique. Journ. As., t. CCXVII, Paris, 1930, стр. 236—238.
386. Грозный Б. Протоиндийские письмена и их расшифровка. Вестн. Древн. Ист., 1940, № 2, Москва, стр. 30.
387. Moorgat A. Die bildende Kunst des Alten Orients und die Bergvölker, Berlin, 1932.
388. Götze Albr. Hethiter, Churriter und Assyrer. Hauptlinien der vorderasiatischen Kultur-entwicklung im II Jahrtausend, Oslo, 1936.
389. Speiser E. A. Ethnic movements in the Near East in the second millenium B. C. Annual of the Amer. Schools of Oriental Research, vol. XIII, 1933, стр. 46—53.
- Contenau G. 292, стр. 121 сл.
- Вообще проблема этнического происхождения гиксов решается в различных направлениях. René Dussaud, Quelques précisions, touchant les Hyksos. Revue de l'histoire des religions, t. CIX, 1934, стр. 113 сл., признавая связи гиксов с митанийцами и хеттами, защищает старую гипотезу, подобно Montet P. (Les nouvelles fouilles de Tanis. 1929—32, Paris, 1933) о семитическом их происхождении. Однако Wolf W., указавший в своем ценном обзоре (Der Stand der Hyksosfrage. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., NF, Bd. 8, 1929, стр. 67—79) на несомненный семитический элемент в составе гиксов, склоняется более к мнению Ed. Meyer'a (Das Hethiter-Reich) о родстве основного их ядра с харийцами-хурритами, но в предполагаемом ими арийском их слое. Чисто арийскую гипотезу защищает N. D. Mironow (Aryan vestiges in the Near East of 2 millenium B. C. The Hyksos. Acta Orientalia, t. 11, 1933, стр. 150—170). Более всего способен в настоящее время пролить свет материал из Рас Шамры, обнаруживающий, согласно F. A. Schaeffer'u, тесную связь экспансии гиксов с историей хурритов в северной Сирии (Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Neuvième campagne 1937, Syria, XIX₃, Paris, 1938, стр. 251 сл.).
390. Schäfer H. Armenisches Holz in ägyptischen Wagen, Sitzungsber. Preuss. Ak. Wiss., ph. hist. Kl., Berlin, 1931, стр. 430—438. Сравни также Dittmann K. H. в „Germania“ Bd. XVIII, 1934, стр. 249—252 по рец. в Am. Journ. of Arch., 1939₂, стр. 314.
391. Götze Albr. 388, стр. 103.
392. Speiser E. A. 389, стр. 49, 50, примеч. 119.
393. Contenau G. 292, стр. 82, 83.
- Speiser E. A. 389, стр. 24, 25.
- Brandenstein C. G. (v) (Zum Churrischen Lexikon. Zeitschr. f. Ass., NF, Bd. 12, Berlin, 1940, стр. 83—84) указывает однако на отсутствие в данный момент языковых свидетельств хурритского этнического слоя (если не считать позднего урартского языка) и в северной горной полосе, где, по его мнению, находилась однако родина хурритов и где следует искать корни их языка. Сравни A. Götze, 388, стр. 105, 106.
394. Speiser E. A. Excavations at Tere Gawra, vol. I, Philadelphia, 1935, стр. 183 (хронологическая таблица) и 160, 161.
- Его же, 389, стр. 28, примеч. 61.
395. Frankfort H. 291, t. II, London, 1927, стр. 167.
- Speiser E. A. 389, стр. 47, 49.
- Goldman Hetty. A note on two painted sherds from Tarsus with representations of birds. Bull. of the Am. Sch. of Or. Res, № 76, Dec., 1939, стр. 2—5.
396. Ungnad A. 382, стр. 1—196.
397. Speiser E. A. Mesopotamian Origins. The basic population of the Near East, Philadelphia, 1930, стр. 1—175.
398. Friedrich Johannes. Ras Schamra. Jaarbericht van het Vooraziatisch-Egyptisch Gezelschap. Ex Oriente Lux, № 5, Leiden, 1937—1938, стр. 341, 342.

- Schaeffer C. F. A. Les fouilles de Ras Shamra-Ugarit. Dixième et onzième campagnes 1938—1939. Syria, XX₄, Paris, 1939, стр. 292.
- Его же, Syria, XIX₃, стр. 255.
- Evans Arthur. The chronological place of the vaulted tombs at Knossos, in relation to those of Ras Chamra, Mau, Des., 1937, № 221 (краткий отклик на письмо Schaeffer'a о минойской колонизации Северной Сирии, ПММ).
399. Schmidt Hubert. The archeological excavations in Anau and old Merv. R. Pumpelly Explorations in Turkestan, v. I, Washington, 1908, стр. 177—186.
400. Tomashek. Caspiae. Pauly-Wissowa Real-Enc., Bd. III, Stuttgart, 1899, стр. 6534.
401. Gelb Ignace. Inscriptions from Alishar and vicinity, Chicago, Orient. Inst. Publ., v. XXVII, 1935, стр. 20, прим. 4.
402. Forrer E. Ausbente aus den Boghazköi-Inschriften, Mitteil. d. Deutschen Orient-Gesellschaft, № 61, Berlin, 1921, стр. 26.
- Его же, Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique. Journal Asiatique, t. CCXVII₂, Paris, 1930, стр. 230.
403. Bleichsteiner Robert. Zum Protochattischen, Berichte des Forschungs-Institutes für Osten und Orient, Bd. III, Wien., 1923, стр. 104, 105.
- Mészáros Julius (v). Die pākhy-Sprache, Chicago, 1934, стр. 32 (ча-šхоа в значении громового удара, а также бога у убыхов).
- * * * Из кабардинских сказаний о нартах, I, Сосрыко. Сборн. свед. о Кавк. горцах, вып. V, Тифлис, 1871 г. отд. II, стр. 53, прим. 4.
- Шанаев Джантемир. Осетинские народные сказания, там же, вып. III, Тифлис, 1870, отд. II, стр. 39, 40.
- Миллер Вс. Осетинские этюды, часть 2, Москва, 1883, стр. 259.
404. Hüsing G. Der Zagros und seine Völker. Der Alte Orient, Bd. IX, Leipzig, 1908, стр. 25.
- Его же, Die Elamische Sprachforschung. Memnon, IV, 1910, стр. 22 сл.
- Его же, „Kaspisches, V“. Orient. Liter.-Zeitung, Leipzig, 1918, стр. 43, а также, 1917, стр. 106, 178, 205.
405. Марр Н. Я. Грамматика древне-литературного грузинского языка, Ленинград, 1925, стр. 35, 36, 123 и 124.
- Кипшидзе И. 310, стр. 025.
406. Hrozny Bedrich. Sur les peuples Caspiens. Archiv Orientalni, Bd. XI₂₋₃, Prag, 1940, стр. 208.
407. Bleichsteiner Robert. Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache. Anthropos XXIII₁₋₂ 1928, стр. 172.
- Дирр А. М. Цахурский язык. Сборн. мат. для описания местн. и плем. Кавказа, вып. XLIII, Тифлис, 1913, стр. 13, 14.
408. Forrer Emil. Die Inschriften und Sprachen des Hetti-Reiches. Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., NF. Bd. I, 1922, стр. 232.
- Hüsing G. Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I, Leipzig, 1916, стр. 43.
- Eisler Robert. Das Qainszeichen und die Qeniter, Le Monde Oriental, vol. XXIII, Uppsala, 1929, стр. 78, примеч. 3.
409. Śmieszek Antoni. O nazwie chettytów i kilku innych nazwach jej pokrewnych. Rocznik Orjentalistyczny, t. II, Lwow. 1925, стр. 157, 158.
410. Шанидзе А. Г. 306, стр. 365—369.
- Мещанинов И. И. Язык Ванской клинописи, II, Структура речи, Ленингр. 1935, стр. 187, 188 (урартская параллель этого суффикса местопроисхождения).
411. Pöebel A. Grundzüge der Sumerischen Grammatik, Rostock, 1923, стр. 213—255.
412. Bork Ferd. Das Sumerische—eine Kaukasische Sprache. Orient. Lit.-Zeitung, 1924, стр. 169 сл.
413. Forrer Emil. 208, стр. 231—234.

414. Bork F. Weitere Beiträge zur Genealogie des Sumerischen, Arch. f. Orientforsch., XI₅₋₆, 1938, стр. 369—372. (Вопрос о соответствии шумерского числительного четыре числительному три в митанийском и других кавказских языках, в связи с переменной в системе счета у шумеров).
415. Bork F. 412.
416. Poebel Arno. 411, стр. 17, 18, § 37.
Autran C. Sumérien et Indo-Européen. L'aspect morphologique de la question, Paris, 1925, стр. 47.
417. Bork F. Skizze des Lükischen, Leipzig, 1926, § 1—35, 62 и 80 цит. по его же, Die Sprache von Alasija, Leipzig, 1930, стр. 11, 20, 29.
418. Bork F. Der Mitani-brief und seine Sprache. Altkaukasische Studien, I (литограф. изд.), Königsberg, 1939, стр. 110.
Bork F. Die Sprache von Alasija. Mitt. d. Altorient. Gesellsch., Bd. V₁, Leipzig, 1930, стр. 10.
419. Trubetzkoy N. Les consonnes latérales des langues caucasiennes septentrionales. Bull. de la Soc. Linguistique de Paris, Bd. 23, стр. 184 сл.
420. Hüsing G. Die Sprache Elams, Jahresberichte der Schlesischen Gesellschaft für vaterländische Kultur, 1910, Breslau, стр. 10.
Его же, Die einheimischen Quellen zur Geschichte Elams, I, Leipzig, 1916, стр. 91, 92.
421. Bork Ferd. 418¹, стр. IV.
422. Förster Emil. Die Inschriften und Sprachen des Hatti-Reiches, Zeitschr. d. Deutsch. Morgenl. Gesellsch., NF, Bd. I, 1922, стр. 229.
423. Śmieszek Antoni. Bezdziwiczne i w języku elamskim i proto-chettyckim. Rocznik Orientalistyczny, t. II, Lwow, 1925, стр. 146, 147 и 149.
Speiser E. A. 397, стр. 166.
424. Gelb Ignace. 401, стр. 13 и 27.
Speiser Ephraim. 397, стр. 166.
425. Казанский Б. В. К истолкованию лидийских надписей, Изв. Ак. Наук, 1935, № 3, стр. 295, 296.
426. Durr A. M. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen, Leipzig, 1928, стр. 358—361 (числовые обозначения в кавказских языках), сравни схему F. Bork'a, 414, стр. 369.
427. Bork F. Strichinschriften von Susa, Königsberg, 1924, цит. по Ушакову П. Н., 309, стр. 106, прим. 5.
428. Bork F. 418¹, стр. VI, 108, 109 и 110.
Его же, Studien zum Mitanni. Arch. f. Orientforsch., Bd. VIII, Berlin, 1933, стр. 314.
Oppenheim Leo. Studien zu den nichtsemitischen Nuzi-Namen. Arch. f. Orientf., Bd. XII, Berlin, 1937, стр. 37, 38.
429. Poebel Arno. 411, стр. 30, § 83.
Autran C. 416, стр. 111, прим. 2.
430. Förster Emil. 422, стр. 234.
Gelb Ignace. 401, стр. 13 и 51.
431. Bopp Fr. Über das Georgische in sprachverwandtschaftlicher Beziehung (Gelesen in der Ak. der Wiss. am 11 Dec, 1842). Abh. d. Berl. Ak. Philos.-Hist. Kl., 1846, Berlin, 1848, стр. 275 („адьюнктивное восприятие“ генетива в грузинском).
432. Finck F. N. Die Haupttypen des Sprachbaus, Leipzig, 1910, стр. 141.
433. Bork Ferdinand. 418², стр. 18.
434. Hüsing G. Zur elamischen Genetivkonstruktion. Orient. Liter.-Zeitung, 1905, стр. 549 сл.
Его же, Zur Struktur des Elamischen, там же, 1905, стр. 50 сл.
Bork F. Elam. Ebert, Real-Lexik. Vorg., Bd. III, Berl., 1924, стр. 75.
Bleichsteiner Robert. 407, стр. 169.
435. Messerschmidt L. Mitanni-Studien. Mitt. d. Vorderas. Gesellsch., Bd. IV₄, Leipzig, 1899, стр. 3 сл.

436. Bork Ferd. 418¹, стр. 111.
Friedrich Johannes. Kleine Beiträge zur churritischen Grammatik, Mitt. d. Vorderasiatisch-Aegypt. Gesellsch., Bd. 42₂, Leipzig, 1939, стр. 3.
437. Мещанинов И. И. 410, стр. 188, 189, 325 и 326.
438. Poebel A. 411, стр. 60.
Bork F. 412.
439. Hüsing G. Völkerschichten in Iran. Mitt. d. Anthropol. Gesellsch., Wien, Bd. XLVI, 1916, стр. 220 сл.
Bleichsteiner R. Überblick über kaukasische Völker und Sprachen. Berichte des Forsch. Inst. f. Osten und Orient, Wien, 1918, стр. 67.
Vallois H. V. Notes sur les têtes osseuses. Contenau G. Fouilles du Tepe Giyan, Paris, 1935 (Musée du Louvre, Série Arch., vol. III) стр. 131. В противоположность Hüsing'у и др., автор правильно рассматривает темноцветный расовый элемент в современном населении Сузианы не как негроидный, а веддоидный.
440. Bork F. 434, стр. 82, 83.
441. Brown Georg W. The Possibility of a Connection between Mitanni and the Drawidian Languages. Journ. of the Am. Or. Soc., New Haven, 1930, стр. 273—305.
Bork F. 418¹, стр. 108—114.
442. Luschan Felix. The early Inhabitants of Western Asia. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., t. XII, London, 1911, стр. 221 сл.
443. Keith Arthur. Report on human remains. Ur excavations, vol I (Hall, H. R. and Woolley, C. L. Al-'Ubad) Oxford, 1927, стр. 214 сл. и vol. II (Woolley, C. L., 320) стр. 400—409.
Buxton L. H. D. (Report on human remains) Langdon St. Excavations at Kish, vol. I, Paris, 1924, стр. 115 сл.
Buxton L. H. D. and Rice D. Th. Report on the Human Remains found at Kish. Journ. of R. Anhr. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol. LXI, London, 1931, стр. 57 сл.
Kappers Ariëns C. U. and Parr Leland W. An Introduction to the anthropology of the Near East in ancient and recent times, Amsterdam, 1934, стр. 107—112.
444. Erich Robert W. Preliminary notes on Tarsus crania. Am. Journ. of Arch., vol XLIV, 1940, стр. 87—92.
Angel J. L. The Babaköy Skeleton, Arch. f. Orientf., Bd. XIII₁₋₂, Berlin, 1939, стр. 28—31.
445. Krogman Wilton M. Cranial types from Alishar Hüyük and their relations to other racial types, ancient and modern Europe and Western Asia. Osten (von der), Hans Henning, The Alishar Hüyük, seasons 1930—1932, Or. Inst. Publ., vol. XXX, Chicago, 1937, стр. 213—293. Сравни также Krogman W. M. у Schmidt E. F. The Alishar Hüyük, seasons 1928—1929, part II, там же, том, XX, 1933, стр. 122 сл.
Schmidt E. F. 177, стр. 53.
446. Krogman Wilton M. Racial types represented at Tepe Hissar, Iran, from the mid-fourth to the mid-second millennium, B. C., 1939 (рукопись). Частично издана в выдержках у Henri Field'a, 455, стр. 258—262.
447. Бунак В. В. Crania armenica. Тр. Антропол. Научн. Иссл. Института при И. М. Г. У., вып. II, Москва, 1927, стр. 173, 178, 179, 187, 199, 200, 203, 221 сл.
448. Keith S. A. The bronze age invasion of Britain. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol. XIV, 1915, стр. 21.
449. Peake Harold. Racial elements concerned in the first siege of Troy. Journ. of R. Anthropol. Inst. of Gr. Br. and Ir., vol XV, 1916, стр. 57, 161 и 162.
450. Осборн Генри. Человек древнего каменного века, Ленинград, 1924, стр. 372—374.
451. Virchow Rud. Alttrojanische Gräber und Schädel. Abh. d. Pr. Akad. d. Wissensch., Berlin, 1882, стр. 24, 27, табл. I.
Его же, (Alfred Körtes Funde aus dem nordwestlichen Phrygien bei Bos Öjak). Zeitsch. f. Ethn., Verhandl., Bd. XXVIII, Berlin, 1896, стр. 123—126.

452. Smith Elliot P. The ancient egyptians, London, 1923, стр. 122.
453. Quatrefages et Hamy. Crania ethnica, Paris, 1884, цит. по Peake Harold, 449, стр. 160.
454. Hooton Earnest A. Apes, men and morons, New York, 1937, стр. 171, 172, цит. по Field H. 455, стр. 486.
Бунак В. В. 447, стр. 219.
455. Field Henri. Contributions to the anthropology of Iran, Chicago, 1939, стр. 507 и 534.
456. Keith S. Arthur. 443 (Woolley, C. L., 320), стр. 408.
457. Bork F. 418¹, стр. 110.
458. Bleichsteiner Robert. 439², стр. 74.
459. Brown Georg W. 441, стр. 297.
Bork F. 418¹, стр. 113.
460. Руденко Б. Т. Грамматика грузинского языка, М. Л., 1940, стр. 49, прим. 1.
Dirr A. M. 426, стр. 59, 60.
461. Hüsing G. Behandlung des Sachurischen, Memnon, Bd. IV, 1910, стр. 35.
Bork F. 434², стр. 75.
462. Дирр А. М. 407², стр. III. Сравни, однако, его же, 426, стр. 354, 355 (адъюнктивное восприятие генетива).
463. Spreiser E. A. Studies in Hurrian Grammar, Journ. of Am. Or. Soc., vol. 59, № 3, New Haven, 1939, стр. 301, 302.
464. Schiefner A. Versuch über die Thusch-Sprache oder die khistische Mundart in Thuschetien. Mémoires de l'Acad. des Sciences de St. Pet., VI série, t. IX, St. Pet., 1856, стр. 68.
465. Bugge Sophus. Lykische Studien, t. II Christiania, 1901, стр. 8 и 81.
Meriggi Piero. Der Indogermanismus des Lykischen. Festschrift für Herman Hirt, Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 260, 262.
466. Śmieszek Antoni 408, стр. 159.
467. Friedrich Johannes. 436², стр. 3 и 48.
468. Bugge Sophus. 465, II, Christiania, 1901, стр. 94. Однако в первой части того же труда (Christiania 1897, стр. 77), автор приводит созвучное аварское thladi „жена“ и кабард. thly „муж“, отрицая все же реальность этих соответствий с кавказскими языками.
469. Марр Н. Я. Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван, Петербург, 1922, стр. 39.
470. Hüsing G. 439, стр. 220 сл.
Oštir K. 303², предлагает совсем иную этимологию ликийского tmili, рассматривая t- в качестве префикса коллективности от ед. * mili, откуда название ликийцев Milyas (из * milyas).
471. Kretschmer P. Die protoindogermanische Schicht, Glotta, Bd. XIV, 1925, стр. 319, прим. 1.
Eisler Robert. Die „Seevölker“ Name in den altorientalischen Quellen, Caucasia, fasc. 5, Leipzig, 1928, стр. 80 и 113, прим. 82.
472. Spreiser Ephraim. 397, стр. 9.
473. Hüsing G. 420², стр. 1—2 и 10—14.
Herzfeld E. Archeologische Mitteilungen aus Iran, Bd. II, 1930, стр. 132—203.
Его же, Deutsche Forsch., V, 1928, стр. 225—284.
474. Luschan Felix. Zur alten Bevölkerung Kretas, Zeitschr. f. Ethnol., Bd. XLV, Berlin, 1913, стр. 320 сл.
Его же, 444.
475. Ушаков П. Н. Древнейшее население М. Азии, Кавказа и Эгеиды. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 54, 55.
476. Eisler Robert. 471², стр. 91.
477. Herzfeld Ernest. Archeological History of Iran, London, 1935, стр. 2.
Bork Ferd. Elamische Studien. Mitt. der Altorient. Gesellsch., Bd. VII, Leipzig, 1933, стр. 8.

478. Brandenstein W. Die Sprachgeschichten im Bereich der Ägäis. Festschrift für Herman Hirt, Bd. II, Heidelberg, 1936, стр. 30.
Его же, Die Erforschung der Ortsnamen in Alt-Kleinasien. Zeitschr. f. Ortsnamenforschung, Bd. XI, 1936, стр. 68, цит. по Forrer'y.
Forrer Emil. 324, стр. 196, 197, 189 и 190 (по протохеттски источник, вероятно, -ura).
479. Autran C. 416, стр. 78, прим. 3. Вспомним также, что в древней Греции это название применялось как для обозначения гор, богатых источниками, напр. Агене в Пелопоннесе (соответственно горам Aḡnanda в Арцаве), так и городов, как например, гомеровский (II, II, 507; VII₉) город Agene, который согласно Страбону (I 18) был поглощен озером.
480. Forrer E. 324, стр. 191, 192. Его же, 402¹, стр. 27 и 422, стр. 218 сл. Сравни Götze A. 311, стр. 53, 54.
Gelb Ignace J. 401, стр. 15.
Brandenstein W. 478¹, стр. 30—31, 35—37, считает только окончания на -ass- лувийскими (при чем суффикс -s выводит из протохеттского -š), а окончания anda(a) приписывает всецело протохеттам; в засвидетельствованном же каппадокийскими надписями -at, напротив, видит ассирийскую переделку древней формы (сравни город Bursahanda похода Саргона Аккадского и Bursahad(um) каппадокийских табличек, Gelb I. 401, стр. 5—6).
481. Джавахишвили И. А. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. Вестн. Др. Ист., 1939, № 4, стр. 47.
482. Pfeiffer Robert H. The excavations at Van in 1939, Bull. of Am. Sch. of Or. Research № 78, 1940, стр. 31, 32.
483. Bittel Kurt. Beiträge zur kleinasiatischen Archäologie. I Die prähistorische Siedlung bei Ahlatlibel. Arch. für Orientforsch., Bd. XI₁₋₂, Berlin, 1936, стр. 41—46, рис. 5, 6. Его же, 67, стр. 11, 12, 35, 36, 112.
484. Christian Viktor. Altertumskunde des Zweistromlandes, Bd. I, Leipzig, 1940, стр. 91, 94, 95.
485. Jenny W. A. Schamiramalti. Wien. Preh. Zeitschr., Bd. XIX, 1928, стр. 287 сл.
486. Oppenheim (v) F. 162, стр. 178.
487. Mallowan M. E. and Cruikshank Rose. Prehistoric Assyria, the excavations at Tall Arpachiyah, London, 1935. Их же, Excavations at Tall Arpachiyah in Assyria. Iraq, vol II, 1935, стр. 1—178, стр. 25—34 (синхроничная таблица и круглопланные дома). Их же, The Excavations of Tall Chagar Bazar, Iraq, III, 1936, стр. 10 сл.
Herzfeld Ernst. Die Vorgeschichtliche Töpfereien von Samarra. Forsch. zur Islamisch. Kunst, II, Die Ausgrabungen von Samarra, Bd. V, Berlin, 1930.
Speiser E. A. The Beginnings of Civilization in Mesopotamia. Suppl. to the Journ. of the Am. Or. Soc., 1939, № 4, Philadelphia, 1940. Его же, Closing the Gap at Tepe Gawra. Asia, vol. XXXVIII, 1938, стр. 536—543. Его же, Progress of the joint expedition to Mesopotamia. Bull. of the Am. School. of Or. Research, 1938, № 69, стр. 5—7.
Tobler A. J. Progress of the joint expedition to Mesopotamia. Bull. of the Am. School of Or. Research, 1938, № 71, стр. 22, 23. Его же, Arch. f. Orientforsch. Bd. XII₆, Berlin, 1939, стр. 401—404.
Woolley Leonard C. The prehistoric pottery of Carchemish, Iraq, vol. I, 1934, стр. 146—162.
Christian Viktor. 484, стр. 91—169.
488. Moorgat A. Bildwerk und Volkstum Vorderasiens zur Hethiterzeit, Leipzig, 1934, стр. 2.
Müller Valentin. Types of Mesopotamian House (Stud. in orient. arch. III), Journ. of Am. Or. Soc., vol. 60₂, стр. 151—180.

489. Brown Theodore Burton. Anatolian relations with the Aegean before 2400 B. C., *Annals of Archaeology and Anthropology*, vol. XX, Liverpool, 1933, стр. 43, 44 сл. Przeworski Stef. 280, стр. 390—395.
490. МАРР Н. Я. Наридательное значение термина „цера“ в „митанских“ женских именах. *Изв. Рос. Ак. Наук*, 1920, стр. 121—127. Bleichsteiner R. 303, стр. 1—18. (Есть русский перевод: Блейхштейнер Р. Субары Древнего Востока в свете изучения яфетидов. *Сборн. Язык и История I*, Ленинград, 1936, стр. 182—202). Сравни также Bork F. 418¹, стр. 16, 17.
491. МАРР Н. Я. Определение языка второй категории Ахеменидских клинообразных надписей по данным яфетического языкознания. *Зап. Вост. Отд. Рус. Арх. Общ.*, т. XXII₁₋₂, СПб, 1914, стр. 31—106. Bleichsteiner Robert. Beiträge zur Kenntnis der elamischen Sprache. *Anthropos*, Bd. XXIII₁₋₂, Wien, 1928, стр. 167 сл.
492. Bork Ferd. Studien zum Mitanni. *Arch. f. Orientforsch.*, Bd. VIII, Berlin, 1933, стр. 308—314. Его же, *Mitannsprache. Mitt. d. Vorderas.-Aeg. Gesellsch.*, Bd. 14, Leipzig, 1909, стр. 78—82. Его же, 418¹, стр. I—III и стр. 52, 112—115 (моменты отклонения друг от друга эламского и митанийского).
493. МАРР Н. Я. 491, стр. 48—50.
494. Friedrich Johannes. 436², стр. 2—6. Джанашиа С. Н. Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока (на груз. языке с русск. резюме). *Изв. Инст. Яз. Ист. и Мат. Культ. имени Н. Я. Марра*, т. V—VI, Тбилиси, 1940, стр. 693 (тождественность суффикса множественного числа в хуррийско-митанийском и в грузинском языках).
495. Śmieszek Antoni. 408, стр. 154.
496. Bleichsteiner R. *Kaukasische Sprachen. Ebert. Reallex. d. Vorgesch.*, Bd. VI, 1926, стр. 262. Его же, 403¹, стр. 102—104 (префикс мн. ч. le- в сванских названиях родства и префигирование в черкесско-абхазских языках). Сравни Джанашиа С. Н., 494² о возможности семантического соответствия сванского la- грузинскому префиксу sa-||o-. Ditt A. M. 426, стр. 128—130, 85—89 (словообразовательные префиксы). Mézáros Julius (v). 403², стр. 27, 28 сл.
497. Bleichsteiner Robert. 303, стр. 15—18 (русск. перевод стр. 197—202).
498. Gelb Ignace. 401, стр. 16. Gustavs Arnold. *Mitanni-Namen in altassyrischen Texten aus Kappadokien. Arch. f. Orientforsch.*, Bd. XI₃, Berlin, 1936, стр. 146—150 (указывается на значительно больший процент митанийских имен в ассирийских документах Каппадокии, чем это кажется с первого взгляда).
499. Bork Ferd. 418, стр. 6. Winkler H. *Kaukasische Sprachen. Zeitschr. für die Kunst- u. Kulturgesch. d. Alt-Orient („Memnon“)* Bd. VII, 1915, стр. 57. сл.
500. Deeters G. *Der abchasische Sprachbau. Nachrichten v. d. Gesellsch. d. Wissenschaften zu Göttingen, Ph.-Hist. Cl.*, 1931, Bd. 2, стр. 301.
501. Церетели Г. В. *Урартские памятники Музея Грузии*, Тбилиси, 1939, стр. 15—18.
502. Чикобава Арнольд. *Грамматический анализ чанского диалекта (на груз. яз. с русск. резюме)*, Тифлис, 1936, стр. 221.
503. Friedrich Johannes. 436², стр. 7—9.
504. Мещанинов И. И. 410, *Язык Ванской клинописи II, Структура речи*, Ленинград, 1905, стр. 139, 140, 143—145, 293, 294.
505. Friedrich Johannes. Beiträge zu Grammatik und Lexikon des chaldischen, *Caucasica*, fasc. 7, Leipzig, 1931, стр. 57, прим. 2. Его же, 436², стр. 42—44.
506. Goetze Albrecht. „To come“ and „to go“ in Hurrian. *Language, Journ. of the Linguist. Soc. of America*, vol. 15, № 4, 1939, стр. 220.
507. Speiser E. A. 382, стр. 308 и 319.
508. Goetze Albrecht. The Hurrian verbal system. *Language*, vol. 16, № 2, 1940, стр. 125, 140.
509. Джанашиа С. Н. 494², стр. 633—692.
510. Джавахишвили И. А. *История грузинского народа (на груз. яз.) том I²*, Тбилиси, 1913, гл. I и V.
511. Джанашиа С. Н. 308, стр. 234, 244.
512. Eisler Robert. Das Qainszeichen und die Qeniter. *Le Monde Oriental*, vol. XXIII, Uppsala, 1930, стр. 59—62.
513. Стешенко-Куфтина В. К. Древнейшие инструментальные основы грузинской народной музыки, I Флейта Пана, Тбилиси, 1936, стр. 78 (связь терминов „элегия“ и „флейта“).
514. Autran C. 416², стр. 45.
515. Speiser E. A. 397, стр. 39.
516. Джанашиа С. Н. 308, стр. 208—220, 242, 243. Его же, 494², стр. 693, 694.
517. Hrozny Bedrich. *Narām-sin et ses ennemis d'après un texte hittite. Archiv Orientalni*, vol I, Prague, 1929, стр. 75. Meyer Eduard. *Geschichte des Altertums*, Bd. I, Stuttgart—Berlin, 1926, стр. 526.
518. Gelb Ignace. 401, стр. 5.
519. Gelb I. 401, стр. 11.
520. Dhorme E. Les peuples issus de Japhet d'après le chapitre X de la Genèse. *Syria*, t. XIII, Paris, 1932, стр. 37, 38.
521. Hüsing G. 439, стр. 220 сл.
522. Hüsing G. *Vorgeschichte und Wanderungen der Parsawa. Mitt. d. Anthrop. Gesellsch. in Wien*, Bd. LX, 1930, стр. 258.
523. Vullers A. I. *Lexicon persico-latinum*, t. I, Bonnae ad Rhenum, 1855, стр. 476.
524. Eisler Robert. 512, стр. 97 и 102, прим. 1.
525. Tallquist Knut. *Akkadische Götterepitheta*, Helsinki, 1938, стр. 512.
526. Радлов В. В. *Опыт словаря тюркских наречий*, том III, СПб, 1903, стр. 1121 и 1045.
527. Hrozny Bedrich. *Sur les peuples Caspiens. Archiv Orientalni*, vol. XI^{2/3}, 1940, стр. 206.
528. Götze Albrecht. 292², стр. 49.
529. Forrer Emil. 422, стр. 241.
530. Forrer Emil. *Die acht Sprachen der Bogazköi-Inschriften. Sitzungsberichte d. Preuss. Ak. d. Wiss.*, Bd. LIII, 1919, стр. 1037.
531. Eisler Robert. 471², стр. 91.
532. Friedrich Johannes. 436², стр. 60. Ungnad Arthur. 382¹, стр. 165 (сопоставляет хурри-угаритское pala с аккадским pal-gu).
533. Джавахишвили И. А. 315¹, стр. 41, 43—47. Джанашиа С. Н. 315², стр. 623—628.
534. Джавахишвили И. А. 315², стр. 251—257, 415—424, 569—581, 611—621.
535. Bleichsteiner Robert. 439², стр. 70, 71.
536. Hüsing G. 439. Hrozny Bedrich. 527, стр. 208. Грозный Б. *Протоиндийские письмена и их расшифровка. Вестник Древней Истории*, Москва, 1940, № 2, стр. 18.
537. Bleichsteiner Robert. *Kaukasische Forschungen I*, Wien, 1919, стр. XIII сл. Шор Р. *К вопросу о консонантизме яфетических языков Южного Кавказа. Учен. зап. Инст. этн. и нац. культур народов Востока*, I, Москва, 1930, стр. 195.

538. Meillet A. Esquisse d'une grammaire comparée de l'arménien classique, Vienne, 1903. Его же, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков (перев. с 7-го изд.) М—Л, 1938, стр. 109.
Autran C. 416², стр. 47 (указание что данная особенность произношения звонких второго ряда присуща даже греческим и турецким диалектам Каппадокии, а также и некоторым иранским).
539. Амиранашвили А. И. Новая находка в низовьях Ингура, Тифлис, 1935, 61—63, рис. 32.
540. Отчет Археолог. Комиссии 1890. Покупки и случайные находки (Кутаисская губ.), СПб, 1893, стр. 120, рис. 77, 78.
Иессен А. А. 22², стр. 126.
541. Ivaščenko M. M. 72, стр. 108, рис. 27.
542. Указанные бусы хранятся в Гос. Музее Армении, где я и имел возможность с ними ознакомиться.
543. Pottier Edmond. L'art hittite, 1-re fasc., Paris, 1926, напр. рис. 25, 79 и под.
544. Уварова П. С. 83³, стр. 109, 110.
545. Schmidt Hubert. 66³, стр. 691, прим. 2.
546. Erckert R. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. II Theil, Wien, 1895.

1. УКАЗАТЕЛЬ ПРЕДМЕТНЫЙ

- Абхазская экспедиция 32.
Агат 100.
Ададнирари 4, 52.
Адыгейские племена 131.
Ажурные головки кинжалов 68, 96.
Азианческие народы 126.
Акрополь (Афинский) 61.
Аладжа Эйюк 87, 94, 96, 102.
Алишар Эйюк 7, 43, 48, 87, 111, 118, 119, 126, 127.
Алтайцы 131.
Альпийская раса 126, 127.
Аменофис 130.
Аму-Дарьинский клад 30 (рис.) 32, 37, 39, 41.
Амулеты фаллические 27.
Амфоры греческие 32, 34.
Анау (курган) 125, 179.
Ангоб, ангобирование 8, 78 84, 85, 97, 100.
Андрюковская станица (курган) 99.
Аорист 130.
Апокрифическое хождение ап. Андрея 91.
Апликация 92.
Арамейская надпись 97, 132.
Аргонавтика 130.
Аристократия родовая 92.
Армавир-Блур 106, 108.
Армази Картаи 130.
Арменоидный тип 126.
Армянское Этнографическое Общество 26.
Арпачна (жилой холм) 129.
Артакеркс III 36.
Арчадзор (группа курганов) 59, 70, 88.
Археолит 121.
Аскос глиняный 33.
Ассирия 71, 127.
Ассирийская буса 4.
Ассирийское искусство 8.
Ассирийские свидетельства 131, 132.
Ассириодный тип 126.
Ассур 61, 62.
Ассурназирпал II и III 62, 71.
Астерабадский клад 11.
Астральные знаки 180.
Астрологические представления 100.
- Атис 89.
Атланти-медитеранский тип 126.
Ахалгорийский клад 33, 35, 36, 39, 132, 180.
Ахлатанбель (жилой холм) 129.
- Базилевс 92.
Баба, бабайский яз. 132.
Бараньи головки, фигурки 53, 68, 77, 179.
Бачбийский яз. 127.
Беотийские фибулы 35.
Береза 124.
Бешташенское городище (крепость) 49, 108, 115.
Библия 131.
Бисер пастовый голубой 110.
Битумное блюдо 53.
Битумные капсулы для глаз 94.
Блюда глиняные без поддонья 66, с поддоньем 49.
Бляхи золотые 39, 99, бронзовые прорезные со зверем 25, 26, 27, 29, 33.
Богазкейский архив 72.
Божество плодородия 90, 92; „Хозяин зверей“ 89.
Бокалы глиняные на ножках 111.
Борчалинский могильник 3.
Брагуи 126, 127.
Браслеты бронзовые:
 с выгибом 31, 33,
 из двойного прута 56,
 со звериными головками 42, 63, 64;
 железные 8;
 электроновые с выгибом 36.
- Брахицефальный тип 126, 127.
Бревна дубовые 81.
Бревенчатый накат 81.
Бронза ранняя 12, 101 сл., 132.
Бронзовые слитки 53.
„Буйвол“ 61.
Булава бронзовая 68, 74, 96; гематитовая 101, 104.
Булавки с золотыми головками 83, 93; золотая двухвалютная 81; с цветными камнями 22, 24.
Бронзовые молоточковидные 14, 104; с петлевидно-завязанной головкой 14, 16; с ромбическим щелевидным отверстием 5; секировидная 74; без отверстия 8; пирамидальные 65, 67.

„Булавки“ с массивными головками 47, 48, 49, 51.
Бурдюк глиняный 33.
Буса Ададирари 52, 69; ассирийская 4.
Бусы агатовые 40; гишеровые 6, 27, 40; золотые 93, 99, 135; каменная белая 110; пастовые 8, 56; сердоликовые шаровидные тонко-полированные 42, 133, 134 (рис.); резные в форме маковой головки 40, простые округлые 8, 27, 40, 56, с белым лаковым орнаментом 25; стекловидные опаловые шишечные 53, кручено-слоистые 27, глазчатые 6, лицевые 45, четчатые 25, пластинчато-квадратные 27, кораловидные 31, стеклянные прозрачные (синие, голубые) 6, 31, золоченные и серебряные 31; сурьмяные 57; тальковые „домино“ 56, 57, 65, цилиндрические мелкие 8; „фаянсовые“ глазурованные 100; янтарные 42.
Бусы-подвески из зубов оленя 27.
Бутафория погребальная 98.
Бык 79, 81, 95.
Биук Тепе (курган I) 80, 81.
Вавилоно-хурритский эпос 89.
Ваза бронзовая 85.
Ванские раскопки 10, 129.
Ванское царство 127.
Ванская экспансия 4, 19.
Ведро серебряное 87, 96.
Венгерская позняя бронза 37, 53.
Вилланова культура 53, 187.
Вилы бронзовые 59, 60, 61, 96.
Височные завитки 46, 94, 95, 102, 134, 135.
Височные кольца бронзовые с эмалью перетяжкой 5; серебряные 43, 46.
Взрывные глухие и звонкие звуки 125, 127.
Владыка леса 92.
Вождь 92.
Волк 91.
Воловь упряжь 79.
Волчи хвосты 89, 90.
Волютный орнамент 92, 93.
Вооружение 40, 79, 100.
Воронежский арибалл 36.
Втирание в глиняную поверхность красной краски 114, 116.
Вулканическая зона М. Кавказа 123.
Выемчато-выпуклый орнамент 84, 85, 116.
Выплавка железной руды 71.
Выпрямитель древков, кос 67.
Галька просверленная (подвеска) 52 (рис.), 76, 77 (рис.).
Гальштатская эпоха 37, 45, 53, 55, 183.
Ганджа-Карабахская культура 63, 68, 84.
Гармония гласных 125.
Гематит 101, 104.
Геммы сердоликовые 25, 27;
на сердоликовом перетне 22;
пастовая с изображением козла 28;
призматические греко-персидские 32; крито-минойские 179; луврская 180; из кургана в Анау 179; двускатно-верхие—каппадокийские 179; сине-стеклянные 31, 32.
Геометрический стиль 134.
Геракл 31.
Герия 91.
Героический период 92, 100.
Гильгамеш 31, 89.
Гиксы 96, 124, 186, 194.
Гилгская (чеченская) группа языков 127.
Гиссар I, III 74, 111.
Гишер 6, 27.
Глагол: активная и пассивная конструкция 130; суффикс прошедшего несовершенного в грузинском, дравидском, митанийском, урартском 127; аорист 130; префиксальное оформление в шумерском 125; грузинском, эламеком 130.
Глаза в скульптуре 94.
Глазурь 25, 52, 54, 100.
Глиняный саркофаг 24, 191, 192.
Глиняная обмазка 113, 192.
Глухость звонких взрывных звуков 125, 127.
Гогарена 2, 29.
Гомеровская эпоха 71.
Гончарный круг 76, 98.
Горные народы 124, 126.
Горшки с грибовидной кнопкой у венчика 69.
Готфрировка (керамика) 84, 85.
„Граветт“ 122.
Гравировка качалкой 16.
Гранатовое ожерелье 134.
Грануляция 93, 100.
Гребень бронзовый 52.
Греко-римский Египет 6, 27.
Гренидская раса 126.
Грифон крылатый 35, 179; львиноголовый 59.
Грузинский древний язык 128; „народный“ 125.
Грузинское общество грамотности 11.
Грузинские префиксы 91, 130, 200.
Грунтовые могилы 6, 49, 64, 65, 75.
Гулай Город (курганы) 187.
Дагестанские языки 125.
„Двушпные“ ручки у глиняных сосудов 55.
Деве Эйюк 48.
Деление круга на 5, 7, 9 частей 100.
Деметра 39.
Демократическое общество 92.
Дерево жизни 89.
Деревянные части в курганах 79, 81, 83, 100.
δέρμα ἀμφικόπτελλον III.
Деревянная основа скульптурных изделий 94.
Деревянная колесница 95, 97 (рис.).
Деформация черепов 21.
Джемдет Наср (эпоха) 10.
Долихоцефальный тип 192.
Долото медное 12, 13.

Дольмены 13, 15, 29, 132.
„Дольмены“ в Талыше 53.
Домашние животные 79.
Дравидский субстрат 126, 131.
Драгоценный погребальный инвентарь 34 сл., 40, 79, 83, 87, 92 сл., 132 сл., 135.
Драконовидный олень 28.
Древне-греческая колонизация Черного моря 72, 73.
Дромос 81, 83.
Дубовые бревна 81.
Дуб 95.
Дугообразная фибула 33.
Дужка ведерная 85, 94.
Дымход 113.
Евро-африканский тип 126.
Европейская бронза 16, 67.
Египетская глазурь 53; мастерски 45; печать VI дин. 93; скарабей 53.
Египет греко-римский 6, 27.
Жатва 69.
„Жезл военачальника“ 67.
Железная металлургия 70—72.
Железная руда 71.
Железные браслеты 8; князья 56, 67; мечи 56, 65; наконечники копий 42; ножи 8, 42.
„Железный бог“ 131.
Железо, 8, 55, 58, 67, 73, 131.
Женская богиня 39.
Женский костюм 33.
Жертвенник трехногий 87.
Жнище 108, 109, 112.
Завитки височные: бронзовые 134, 135; золотые 94, 95, 134, 135; медные 15; серебряные 102; электроновые 102.
Заклинания на серебро 132.
Зал погребальный 100.
Замыкатели уст и глаз 39, 40 (рис.), 41.
Зандури 69.
Зверь хищный 35.
Звуковая система 127.
Земледелие 100.
Зенджерли (барельефы) 90, 133.
Зеркальце из бронзового сплава 27.
Зернотерки каменные 106, 107, 119.
Зернь 85, 92, 93, 96, 133, 134, 135; имитация 23.
Змея 7, 74 (рис.), 133.
Знаки 85, 109.
Золотые булавки 81, 93; завитки 94, 95, 134, 135; изделия 28, 69, 74, 100, 133—135; кубки 79, 92, 98; обивки 79, 88 (рукояти египетского ножа) 83, 98; ожерелье 93, 94; накладки на рот и глаза покойнику 39, 40 (рис.); отделка ведерка 87, штандарта 79, 98; плакировка, 36, 99; перетень 24; чаша 97.
Зола 81, 106, 107, 108, 113.
Зольные холмища 107, 123.
Зубы человека (коронки) 81; оленьи (подвески) 27.

Иберия, Картли 130.
Иллиада 43, 199.
Инвентарь погребальный (ритуальная его порча) 66.
Ингумация 31, 81.
Индивидуальные погребения 73, 78.
Кабан 88.
„Кабир“ 132.
Кавказско-азиатические языки 126.
Кавбегский клад 45, 46, 61, 132; серебряная чаша 37.
Кавбегская тройная гробница 33.
Калакентское погребение № 56 Ивановского 69.
Калакентские пояса 4.
Календарный ход раскопки кургана 103 (чертеж).
Каменная утварь 106.
„Каменный дом“ (погребальный) 74.
Каменные ящики 5, 6, 8, 25, 41, 50, 56, 58, 85, 112, 116, 117, 118.
Канделябры урартские и этрусские 38, 41, 181.
Каппадокийские таблетки 130.
Капсийский инвентарь 119.
Карабулахский курган (№ 91) 70.
Кармир-Блур 133.
Картвельские языки 91, 129.
Картли Мокцева 130.
Каспи 125.
Касситы 125.
„Касситский“ топор 18.
Кашки 125, 130, 132.
„Квеври“ 34.
Кегритика 30, 91.
Кедр 89.
Керамика бело-виркрустированная 66, 69, 84, 187; глазурованная 25, 52, 53; груболепленная с обсидиановой дресвой 58; красно-лощенная 54.
Расписная, передне-азиатская 19, 86, 129; кургана Костромской станицы 11; кизилванская 7—9; Мильской стелы; 9—10; из Нареквани 132; тазакендская (Гая Хараба) 6, 7; триалетская курганная 19, 80 (рис.), 84, 85, 92, 93, 97, 98, 117, 131; энеолитическая 117.
Светлоглиняная 24, 25, 41—42, с красной обмазкой ахеменидско-эллинистич. эпохи 28, 41, энеолитической эпохи 113, 114, 116.
Темноглиняная 41, 42, 49, 57, 66, 67, остро-круглодонная 31, с налепными жгутами 76, 77 (рис.), с тканевой прослойкой 107, с отпечатками рогового плетения 115.
Чернолощенная с розовой и светло-бурой подкладкой 84, 85, 102, 111, 113, 116.
Керамические комплексы Триалети: сасанидской эпохи (отсутствие) 23, римской 23, 24; поздне-ахеменидской 31; мидо-персидской 49; ванской 55, 57, 58; поздне-бронзовой 66, 67; из погребений в каменных кругах 76; курганные средней бронзы 78, 84—87; древней бронзы 102—105; энеолитических поселений 114—117, погребений 117.
Керченские гробницы 27.
Кизил-Ванский могильник 3, 5, 7.

Кизилянскский стиль (керамика) 3, 9.
Кинеты 91.
Кинжалы бронзовые с ажурной головкой 68; с плоским шипом 99; передне-азиатского типа 5, 174, с рамчатой рукоятью 61;
Железные с бронзовой головкой 58.
Кинжалы клинки, см. клинки.
Кинокефал 91, 92.
Кипрская бронза 11.
Киркиджанский клад 60.
Кирпич воздушный 107.
Классовая структура общества 92.
Клипки медные плоские 8, 12, 101; кинжалные бронзовые 72, 80, 95; пламевидного контура 68; серебряные 95.
Кобанская бронза 16, 17, 29, 51, 52, 53, 54, 55, 62, 63, 68, 134, 135.
„Кобанский топор“ 17, 51, 68.
Ковка золотого кубка 98.
Кова 79.
Козел 87.
Косуля 87.
Колес от колес 81.
Колесница египетская 124, четырехколесная 79, 81, 95, 97, 98.
Колесо глиняное (модель) 98.
Коллективные гробницы 7, 8, 78, 96.
Колокольчики бронзовые, ажурные шнуровые 27; треугольно-прорезные 27, 28 (рис.); с расщелиной 25, 33.
„Колумбарий“ 54.
Колхи 130, 132.
Колхидско-кобанская бронза 16, 68.
Колхида (монета) 32.
Кольца бронзовые португальские 64.
Кольцевой курган 76.
Коневодство 41.
Конический женский головной убор 39.
Конная культура 79.
Конное погребение 47.
Копыта лошадиные (орнаментация удила) 61, 186.
Копье бронзовое-втульчатое 5, 67, 83, 85, 96, 97; -стерженное 10, 11, 12, 14, 193; примитивное с плоским язычком 101.
Космологические представления 100.
Косоги 132.
Кости, костяки (человека) 6, 81.
Костромская станица (курган) 11.
Костюм 24, 89, 92.
Котлы медные клепаные 53; кованые 83.
Краниология 192, 193.
Красная обмазка керамики 109.
Красно-окрашенная расписная керамика 80.
„Кратеры“ сферические 6.
Кремадия 81, 83.
Кремневый инвентарь 119, 122.
Кремневые стрелы 16, 80, 100.
Крепости 4; циклопические 18, 30, 108.
Крест 85.
Крито-микенский мир 41, 95, 99, 128.
Крышечка продукция 124.
Крот 90.
Круг (деление на части) 100.
Круги из камней 75.
Кружки глиняные 53, 57, 66, 67.
бронзовые 54.
серебряная 97.
Крышки глиняные 113.
Крючки медные с втулками 16, 29.
Крючья бронзовые 70.
Кубанские курганы 6, 10, 132.
Кубки глиняные с поддоном и петельчатой ручкой 53, 67; конические без ручек орнаментированные 66, 67.
Кубок золотой 79, 92, 93; серебряный 79, 87—92.
Кувшины глиняные с трубчатым носиком 41.
Кувшинные погребения 9, 10, 27, 28 33, 34.
„Кузнец“ 130.
Кулон агатовый 93, 94.
Кульобский арибалл 36.
Культовая процессия (на кубке) 88—92.
„Купольные“ навершия посохов 58, 63.
Курганные погребения Азербайджана и Армении 4, 78; скифские 42, 53; северо-кавказские 12, 102; триалетские 19, 25, 78—105.
Кюль Тапа (таблетки) 131.
„Лак“ (=глазурь) 52.
Латеральные звуки 125.
Латенская эпоха 45.
Латушь 33.
Латы медные 101.
Лев 133.
Лезвия плоские (ножей) 16, 99, 101.
Лезгинские языки 127.
Лелварские погребения 3, 46, 48, 63.
Летницкая станица (курган) 12, 112.
Лечхумский клад 70, 73.
Либистины 191.
Ливийцы 90.
Ликийцы 90.
Лотосовый орнамент 37; розетка 87.
Лошадь 79, 100, 122; дикая 122.
Лошадиные копыта, как мотив орнаментации удила 61, 186.
Лувийский язык 90, 128, 129.
Luhiani 193.
Lukka 90, 193.
Лук деревянный 101.
Лунницы 8.
Лупены 90.
Луристанский меч 64;
удила 29, 59 (рис.), 61, 62;
бронзовые „чайники“ 8.
Львиные изображения 98, 133;
головка скульптурная 65.
Ляпис лазурь (имитация стеклянная) 31.
Мадленские формы 121.
Майкопская серебряная чаша 88.

Майкопский курган 81.
Макролитические кремневые орудия 119.
Малоазиатско-сирийское искусство 41.
Maskenperlen 45.
Маски золотые микенские 39.
Маслобойка 57, 66, 67.
Мастерская кремнеобделочная 107;
ремесленные 29.
Матриархальные обычаи 128.
Меандровообразный орнамент 98, 134.
Мегалитические памятники 19, 30, 108.
Мегрельские фамилии 130.
Мегрело-чанский язык 91, 125.
Медитеранный тип 126.
Медная эпоха 12, 14.
Медная спиралька (из энеолит. слоя) 110.
Медные руды 55, 58; слитки 53, 133.
Медь 6, 108.
Медный инвентарь древней группы курганов Триалети 101, 102, 104 (рис.).
Мезолитическая эпоха 126.
Месхи 130.
Металлопластика 86, 98.
„Металлург“ 131.
Мехи кузнецкие 131.
Метопный узор 6, 7.
Мечи бронзовые 51, (бугафорский) 65, 69, 70; с четырехугольной двусторонней рукоятью 62—64; железные 49, 65.
Мечь-рапира крито-микенского типа 99, 132.
Микенские шахтовые гробницы 39, 96.
Микролиты геометрические 119, 123.
Милетские вазы 37.
Минийские сосуды в форме „чайников“ 8.
Миски колоколовидного профиля 115.
Митани 124, 129.
Михаковский клад 36.
Могила ящичная 6, 7, 8, 14, 20, 21, 23, 24, 25, 30, 34, 41, 49, 50, 65, 112, 114 (?), 117, 118; грунтовые 6, 49, 64, 65, 75; курганные, см. курганы.
Молоты каменные 106.
Монголо-тюркские народы 131.
Монеты колхидки 15, 45; Константина Великого 24; манглицкого комплекса Вейсенгофа 26; парфянские драхмы 27; римские имп. Августа 25; Адриана 26, республиканская 33; сасанидская царя Кавада 21; монеты в царском погребении в Сузах 36.
Мордвиновский курган 33.
Мотыжки бронзовые 52, 53, 63.
Мотыги железные 72.
Музеи 3; Азгосмузей 9, 59, 60; Антропологический Московский 63; Армении 98, 99, 106; Афинский 60, 61; Батумский 17; Берлинский 61, 62; Британский 37, 61, 186; Варшавский 62; Венский 51; Вилла Джулиа 181; Горийский 26; Грузинского о-ва распростр. грамоты 11; Зугдидский 24, 45, 69; Каирский 61, 62; Кутаисский 60, 61; Луврский 18, 36; Московский Исторический 11, 12, 48; Мюнхенский 38; Новороссийский 17; Общества История и Этнографии при Тифлисском Университете 60; Одесский 27; Пенсильванский 61; Сухумский 17; Стокгольмский 95, 98; Флорентийский 124; Ханларский 10; Эрмитаж 10, 12, 16, 17, 106.
Мул 79.
Мустьерские формы орудий 120, 121.
Мушки 130.
Мцхетский (Самтаврский) могильник 6, 31, 67, 69, 70, 71, 73.
Мцхетская экспедиция Груз. Ак. Наук 52, 70, 99, 132.
Наири 124.
Нарамсин 131.
Нардеванская крепость 30.
Насыпи курганов 80.
Нахари 124.
Небухаднесар 43.
Негады период 14.
Неолит 6, 119, 123, 126, 129.
Нимб лучевой 39.
Нимруд 53, 61, 62.
Ниневия 129.
Ножи бронзовые-уаколевийные 96, треугольные 99; железные 8; кремневые 107, 110.
Нуклеусы 122.
Обмазка глиняная (дымохода) 113.
Обмазка красная (керамика) 7, 84, 114, 116.
„Обейдский“ слой 129.
Обивка золотом деревянных изделий 79, 83, 94.
Обсидиан 6, 100, 111, 112; месторождения 120, 123, 129; присыпка курганов 101.
Обсидиановые изделия 19, 119; палеолитические 121—123; стрелы 8, 80, 100; диски 101.
„Овы“ (орнаментальный мотив) 37.
Овца 79.
Огузкий (малый) курган 33.
Ожерелье золотое 93, 94.
Окаменелость 117.
Олень 86, 87.
Оленьи зубы (привески) 27.
Оленьи рога (обрезы со сверлиной) 67, 75.
Олово 6, 16, 97.
Ономастика 124, 125.
Ориентализирующий стиль 41.
Ориньякские формы 121.
Орнамент „восьмерки (двухспиральные завитки) 94; розетки 36; плетеный передне-азиатский шнур 39.
Орнаментация гребенчато-пунктирная 85; внемчатая выпуклая волнообразная 84, 85; ломаная замкнутая с лестничными сдвигами 111, с Z-видным и W-видным движением 104, 109, 111, 116; рельефная шашками 85, спиральными, птицевидными, подковообразными фигурами 113, 114, 115.
Оружие 6, 100; из драгоценных металлов 95.
Осетинское имя божества 125.

Острия обсидиановые 122.
Отливка по утериваемой модели 29.
Охотничья композиция 88, 89.
Очаг 108, 112, 113.
Очемчирское селище 16.

Палайский язык 132.
Палеолитические стоянки 121—123.
Палетка египетская с ослами 88.
Пальметка веерообразная 37.
Памятники с культурными слоями 79.
Паросский камень 71.
Парфияне 91.
Парфянская драхма 27.
Патары 37.
Персидское государство 4, 41.
„Персидский мусор“ 61.
Перстни бронзовые пластинчатые разомкнутые 31, 33, спиральные 42, 50, 56; золотой 24, 25 (рис.); железный 25 (рис.) 27, 34; сердоликовый 22, 23; серебряные со щитками 35, 41.
Песты каменные 106, 107, 119.
Печати столбчатые ванские 54, 185.
Печати четырехугольные греко-персидские 30.
Печь для обжига посуды 113.
Пещерная верхне-палеолитическая стоянка 121—123.
„Пик“ 119.
„Пиктограммы“ 109.
Пилки кремневые от серпов 110.
Пинецаурский могильник 63.
Пинцеты бронзовые 67.
Плакировка золотом 36, 99.
Планоокципитальный тип 127.
„Погребальный зал“ 79, 82, 83, 93.
Погребальные ямы в курганах Триалети 79, четырехугольные 80, круглые 101.
Погребения кувшинные 32, 34; пепла в амфоре 34; скорченные 101; сидячие 56; с нарушенным расположением костей (вторичные?) 56; в глинобитных обожженных камерах 118; курганные 78—105; энеолитической эпохи 117, 118.
Погренок бронзовый в форме козла 96.
Подвески на цепочках 26.
Подтоки бронзовые 60, 68.
Поздне-хеттский слой в Сирии 62.
Покрытие курганных погребений 81, 83.
Полихромная керамика 8, 7.
Полихромная ювелирная 92, 93, 135.
Понто-закавказский антропологический тип 126, 127.
Портупей 75.
Порча ритуальная погребального инвентаря 66.
Послегалштатская эпоха 127.
Постромчатая упряжь 81.
Пояса бронзовые 48, 49, 50, 51, 53, 63.
Поясные пряжки из листовой бронзы прорезные 33, литые ажурные с фантастическим зверем 25—29, со скульптурной головкой барана 68.
Префиксальное строение языка 125, 126, 128, 129.

Префиксы абхазский, картвельский 91, 200, протохеттский 90, 128, 131, 200.
Привески бронзовые фигурные (баран, олень) 5, 26, 27, 28 (рис.), из оленьих зубов 6, сердоликовые 99, фаллические 27, в форме сосок 70.
Пролетарская станица (курган) 11, 12, 16.
Прогнатизм 126.
Пропизки стеклянные с геммами 31.
Прохоровская курганная серебряная чаша 37.
Протоагабский антропологический тип 127.
Протомедитеранная раса 126.
Протохеттский субстрат, язык 125, 126, 128, 130; бог весны 90.
Пряжки трехколычатые 25 (рис.), 27, 28 (рис.).
Псалли 29, 35, 59, 61, 62, см. тринзели.
Псевдородосские вазы 37.
Птица (орнамент) 8, 35, 39, 113, 124.
Пятигорский медный кинжал с литой шнуровой орнаментацией 29.

Рабы 92, 100.
Районы производственные бронзовых топоров Ю. Кавказа 68.
Рамзес II 72.
Раскопки курганов (календарный ход) 103.
Расписная керамика см. керамика.
Растканди 67.
Реликтовые формы 1.
Резцы кремневые и обсидиановые 122.
Ремесленники 100.
Ритуал погребальный хеттских царей 81; триалетских курганов 81, 100.
Родосские (псевдородосские) вазы 37.
Рогатый скот 110.
Рогожная плетенка 115.
Розетки 36, 40, 87.
Ролики бронзовые блоковидные 65, 70 (рис.), 73 (рис.); молоточковидные 68, 73 (рис.).
Роспись керамики 6—9, 84, 86, 87, 100.
Руса I 53.
Руставелевская эпоха (культ. слой) 30.
Ручки сосудов „полушарные“ 110, 111.

Сагайский диалект 131.
Салманасар II 131.
Самтаврский могильник 3; верхний ярус 22, 23, 31, 43; нижний ярус 6, 47, 65, 67, 70, 132; мог. (565) 57, 67, 71 (рис.); мог. (581) 42; мог. (582) 5; мог. (583) 67, 71 (рис.); мог. (591) 52, 67, 70 (рис.); мог. (600) 70 (рис.); мог. (601) 66, 67 (рис.).
Самурзаканский клад 133.
Сантверский (хатти) племенной массив 125.
Санскритский язык 128.
Саргон Аккадский 3, 10, 53, 131.
Саргон Ассирийский 62.
Саркофаги глиняные 24, энеолитические 192; деревянный (?) 100.
Сарматская культурная среда 29.

Сасанидская эпоха 20—24.
Сачхерский могильник средней бронзы 13—15, 104, 105, 132.
Сvastiческая фигура 85, 132, 134.
Сверление камня 98, 100.
Свиньи 56, 79.
Севанский производственный район поздне-бронзовой эпохи 68.
Северная раса 192.
Сельско-хозяйственные орудия 71.
Семитские языковые группы 127.
Серебро 69.
Серебряная посуда: фиалы, патары 36, 37, 46; кубок 79, 87, 89; чашечки, кружка 97, ведро 87, 88; фрагмент сосуда 133, 134 (рис.).
Клинок кинжала 80, 95, 100.
„Серебряные горы“ 131, 132.
Сердоликовые бусы см. бусы.
Сердоликовый перстень 22 (рис.), 23.
Серна 87.
Серпы бронзовые 69; железные 33, 72, 184; с кремневыми вкладышами 69, 75, 110.
Серьги 22 (рис.), 23, 25 (рис.), 43 (рис.), 45, 93, 132, 133.
Сидячие погребения 50, 56, на коленях (?) 81.
Сиккурат (башня) 94.
Сиренообразные ручки от котлов 41.
Сирийская богиня 39.
Сиро-месопотамская культура 129.
Сирхавандский курган 60.
Ситулы бронзовые 53, 54.
Скань 92, 134, см. филигрань.
Сканые нитки 100.
Скарабей 53.
„Скифо-Византийская эпоха“ 13.
„Скифос“ 85.
Скифский арибалл 36.
Скифский звериный стиль 29; кург. 39, 187; стрелы 43.
Скифы, Скифия 41, 43, 53.
Скорченные костяки 41, 56, 117.
Скотоводы 63, 100; кочевники 101.
Скрепки обсидиановые 119, 122.
Скульптура круглая 100.
Слезницы бородавчатые 22.
Слитки бронзы, меди 53, 133.
Смела (курганы) 42, 53.
Собакоголовые люди 91.
Собака 87.
Сожжение покойников 34, 39, 54.
Солютрейское острие 121.
Сосуды глиняные в форме бурдюков 33, ванночек 33, чайников 7, 8; с толченым обсидианом в глине 58.
Социальная дифференциация 92.
Спиральный мотив 7, 92, 98; 113, 124, 193.
Станок вращательный (металлопластический) 97; токарный (по бронзе) 98, (по дереву) 100.
Стеклоанный фиал 37.
Стеклоанные бусы, см. бусы.
Степанакертский курган 193.

Стрелы бронзовые плоские, зап.-европейские 67, субмикенские 43, ю. кавказские треугольные 67, 75 (рис.), 76 (рис.), язычковые 8 (Кизил-Банк) 68, 75 (рис.). Втульчатые 42, 43, 44 (рис.) 182, 183, с шипом 43, 48, двулезвийные 43, 48, трехгранные 28, 43, 182, 183, альпийские 43. Длинночеренковые (стерженьковые) 7, 8, 55 (рис.), 56, 58, 64, 70, 75 (рис.); зап. грузинский вариант шестигранночеренковый 56, 75 (рис.); трехгранные малоазийские 43.
Костяные плоские и призматические 67, 76 (рис.).
Кремневые с выемчатым основанием 80, черенковые 16, 110, 119, 120.
Обсидиановые миндалевидные 102, с выемчатым основанием 8, 70, 80, 83, с черенком 102, 120.
Стрелы-дротики (Луристан) 56.
Ступки каменные 106.
Субарейцы 130.
Субарская культура 124.
Субмикенская эпоха 4, фибулы 72.
Сурьма в медном сплаве 16, в бусах 57.
Суффиксальный тип языка 129, 130.
Суффиксы генетивные происхождения и принадлежности 125.
Suffixaufnahme 126, 127, 128.
„Схема воды“ 85.
Сырцовые гробницы 27, 42.

Tabula Peutingeriana 125.
Табуретка 89.
Таммуз 188.
Темпы развития 1.
Телл Амарна 186.
Телл Халаф 39, 52, 87, 129.
Теле Билла 124.
Теле Гавра 18, 124, 129.
Теле Гиссар 8, 10, 11, 15, 49, 126.
Теле Сиалк 8, 61.
Терка каменная ладьевидная 113.
Террамары 97.
Территориальные варианты 4, 8, 114, 115.
Тесло-топор бронзовые 64, 69, 75; каменное 119.
Тибарены 130.
Тканье 100.
Топ Кар 82.
Топоры медно-бронзовые 10, 15—18; трубчато-обушные 12, 15, 104; колхидско-кобанские 54, 68, 70, 72; секировидные восточногрузинские 68; топоры плоские 64, 69, 75; с животными фигурками на обушке 76; железные 42.
Топонимика 125, 128, 131.
Топрак Кале 36, 39, 52, 54.
Торевтика 37, 92, 96, 98.
Торня (хлебная печь) 109.
Трапеца поминальная 100.
Трезубец железный 33.
Тринзели бронзовые тростевидные и пластинчатые на петлях 35; напускные стержневые 53, 59—61, 62 и колесовидные 186; неподвижно-литые вместе с

удилами 61, 62; фигурные псаии 29; костя-
ные и роговые 63.
Треножник бронзовый 38.
Трехногая глиняная чаша 33.
Трехногий жертвенник 87.
Трехколычатая пряжка 25 (рис.), 27, 28 (рис.).
Трон 89, 100.
Троя нижний слой 119, 127, 129; второй город 14,
93; шестой город 96, 97.
Трубчатообушный топор орнаментированный 29.
Тубалкаи 130.
Тубалы 130, 131.
Тушпа 186.
Тушратта 130.
Тюрент Тепе 11.
Убыхи 195.
Уаила 79, ассирийские 61 (рис.), 62, афинские 60
(рис.), 61, ахеменидские 35, „гомеровские“ 61,
египетские 186, микенские 59 (рис.), 61, урарт-
ские 186, скифские бронзовые 53 и железные
186; с напускными трензелями 59, 60, 61, 62;
с трензелями отлитыми вместе 60, 61, 62, 186;
с колесиками и муфточками 35, 41; с крюч-
ьями 70.
Узор см. орнамент.
Унетидкая ступень бронзы 14, 16, 97.
Ур инвентарь царских погребений 10, 79, 87, 89, 94,
97, 126.
Урартское производство (искусство) 38, 41; печат-
ти 54.
Урновые (кувшинные) погребения 6, 9, 10, 27, 28,
32, 34.
Урны с пеплом 34, 39, 54.
Урук, драгоценный инвентарь шумерской эпохи
87, 94.
Фаллический амулет 27.
Фантастический драконо-олень, конь 28.
Фауна охотничья 87, 88.
Фаюмские стоянки 121.
Фестский диск 128.
Финалы глиняные 31, 42; серебряные 36, 37.
Фибулы бронзовые, дугообразные одночленные 52,
63, 69, 70, 72, двухпружинная 187, с привесной
иглой 33, 48, 49, 50, эсевидные с подвижным
приемником 14; железная 27.
Фигурки животных, глиняная неолитическая 94,
золотая 110, бронзовые 26, 28 (рис.), 96.
Филигрань 28, 29 („подражание“), 85, 94, 100, 133,
135.
Фляга расписная 108.
Фонетика 127.
Фригийский слой 43.
„Халды“ 91.
Хакасы 131.
Хаммураби (законы) 71.
Ханларские курганы 70, 92, 192.
Харрийцы 124, см. Хурриты.
Хатти (страна, язык) 125, 128, 131.

Хатти-сангверский племенной массив 125.
Хаттушаш 81, 100.
Хеттский ритуал погребения царей 81, 83.
Хетты, хеттский язык, неситский, иероглифический 91,
125, 126, 128, 131.
Холмы жилые 119.
Ходжалинские курганы 4, 42, 49, 52, 69.
Хронологическое место курганов Триалети цветущей
поры 97; древних курганов 102.
Хтоническая богиня 39.
Хумбаба 89.
Хурри-митани-урартская группа 126, 127.
Хурри (язык, культура) 10, 124, 125, 126, 127, 130, 194.

Цахурский язык 127.
Цепочки бронзовые 42, 46, 48.
Циклопическая кладка 108.
Циклопические крепости 19, 39, 79, 108, 119.
Цинк 33.
Цинковка 81.
Цинцаройский могильник 56—58.
Цова-тушинский язык 127.

„Чайники“ глиняные 7, 8, каменные 8, бронзовые 8.
Чаша бронзовая эллипсоидной формы 16.
Чаши золотая и серебряные 97.
„Чекан“ 29.
Черепичные гробницы 22.
Чернолаковая керамика 32.
Чернополированная керамика при розовом черепке 84,
111, 116.
Черкесские племена 91, 131, 132.
Черкесское имя божества 125.
Чечено-дагестанские племена 131.

Шамирамалти (жилой холм) 129.
Шамотовая примесь 84.
Шахтовые гробницы в Микенах 96, 97.
Шейная гривна 33.
Шенговитский холм 107, 108, 112, 116.
Шкуры бычачьи 83.
Шлак 107, 113, 114.
Schleifennadel 14.
Шлем бронзовый 68, ассирийский 186, конический
(итальянский) 186.
Шлимановский клад 93.
Шлифовальники 100, 119.
Шлифованный неолитический топор 119.
„Шнакви“ 69.
Шнуровая литейная орнаментация 12.
Шпага бронзовая 99, 132.
Шреш-Блур (жилой холм) 98, 107, 108, 116.
Штандарт погребальный 79, 98.
Шумер 95, 119, 123, 129, 131.
Шумерский глагол 125.
Щипцы деревянные жатвенные 69.
Щит урартский 39.

Эгейда 128.
Эгейская культура 96, 123, 124, 126.

Эгейские языки 128.
Эйлар (жилой холм) 108, 115.
Экономическое превосходство 92.
Экспедиция Мухетская Ак. Наук Гр. ССР 52, 70,
90, 132; Эрмитажа и Армфана 133.
Эламская глазурь 53, керамика 5, 7, 87, 97, обсе-
диан 120, 123.
Эламиты 91, 128.
Эламский язык 125, 126, 127, 129, 130.
Элегия 131.
Эллинистическая эпоха 5, 6, 26, 27, 28, 30, 107.
Эмаль (глазурь) 52.
Энеолитический слой Бешташенской крепости 79,
108—116; Ю. Кавказа 84, 102, 106—108, 112,
113, 114, 115, 116; Румынии 16; Передней
Азии 7, 101, 119, 129.
Энеолитические погребения Триалети 117, 118;
Кикеты 118, 192; Азербайджана 118, 191, 192;
Ремедделло Сотто 14.
Энкиду 89.
Элипалеолит 119.
Этимология 90, 91.
Этнография древняя 129.
Этрурия, этруски 38, 125, 126.
Этрусские изделия 29, 38, 41, 134.

Ювелирное мастерство 92—94, 100, 132, 133, 135.
Южно-понтский путь 129.

Язлы-Кая (барельефы) 89.
Языки абхазский 91, 130; греческий 125; грузинский
90, 91, 125, 127, 128, 130; дравидские 126, 127,
128; кавказские 126, 128; карийский 128; лидий-
ский 125, 128; ликийский 125, 128; протохеттский
хаттийский 90, 125, 126, 128, 129; римский 125;
урартский 125, 126, 127, 128, 130; хеттский не-
ситский, иероглифический 125, 126, 128, 131;
хурри-митаннийский 125, 126, 128, 129, 130; чан-
ский, чано-мегрельский 90, 125, 126; шумерский
90, 125, 126; эламский 125, 126, 128, 129,
130; этрусский 125, 126.
Ялойлу Тапа (керамика) 5, 27, 28, 33, 48.
Ямы курганные 79, 81, 101, 102, 103 (чертеж).
Янтарь 42.
Ярмо 95.
Ярославская станица (курган) 39.
Ясень 124.
Ящичные погребения 6, 7, 8, 14, 20, 21, 23, 24, 25, 30,
34, 41, 49, 50, 65, 112, 114 (?), 117, 118.

2. УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ

Абаран 8.
 Абхазия 15, 68, 72, 133.
 Авранло 108.
 Агаия 24.
 Агвесадор 69.
 Агнос Онуфрий 93.
 Agios Onuphrios 93.
 Аджария 91.
 Адиаман 60, 95.
 Азербайджан 4, 27, 33, 78, 84, 106, 107.
 Азия Малая 34, 61, 96.
 Алазано-Иорская территория 70.
 Алгети 34—40, 46.
 Александерсгильф (Розенберг) 25.
 Алигрех 62, 64.
 Амаргос 96, 99.
 Анаклия 91.
 Ани 63, 64.
 Адагез, см. Арагац.
 Арагац 106, 110, 119, 121.
 Арада (финик.) 32.
 Аракс 115.
 Арарат 54, 70, 108, 114, 129.
 Армази 135.
 Армения 4, 37, 69, 78, 91, 95, 106, 115, 132.
 Арчадор 88.
 Ассурети 29.
 Ахалкалакский у. 26.
 Ахалцихский р-н 60, 61.
 Ахтала 3, 49.
 Ацхури 60, 61.
 Байбурт-Чай 65, 75, 76.
 Бакуриани 19, 30.
 Бакурцихе 69.
 Биаланта 30.
 Бална-Маден 132.
 Башкев-Су 41, 108.
 Бармаксыз 21, 117.
 Белуджистан 126.
 Бешташени 25, 41, 65.
 Боржомское ущелье 30.
 Бори 26, 33, 45, 135, 179.

Борчало 63, 64.
 Ван 52, 87, 129, 186.
 Вафио 92, 93.
 Военно-Осетинская дорога 179.
 Воздвиженская станица 12.
 Волынь 16.
 Гагры 17.
 Галиция 36.
 Ганджинский район 24, 42, 84.
 Ганджа-Шамхор-Бамбакская территория 70.
 Гая Хараба 6.
 Геби 26, 178.
 Гезер 55, 71, 75, 127.
 Геленджик 23.
 Геряк 21, 22.
 Геряк-Чай 49, 108.
 Гиссарлык 14, 119.
 Гордион 48.
 Горийский район 16, 24, 50.
 Гостибе 66, 67.
 Греция 61, 71, 92, 100, 128.
 Грма-Геле 17.
 Грузия Западная 18, 48, 58.
 Гуджарети 2, 30.
 Гуниа-Кала 56—63.
 Гурджаани 33, 48.
 Гюмуш-Хане 132.
 Даблагоми 32, 34, 35, 39, 46, 56, 115.
 Давшанлы 59.
 Дагестан 95.
 Даланлар 60, 61.
 Дамган 8.
 Дарьяльское ущелье 119.
 Дебеда-Чай 99.
 Джава 26.
 Джебранльскый у. 60, 61.
 Джелал-Оглы 48.
 Джемдет Наср 10.
 Джони 53.
 Джульфиянская жел. дор. 188.

Дзеврули 185.
 Дигоми 27.
 Дигория 26.
 Дидубе 27, 47, 106, 108, 115.
 Дманиси 49, 51, 108.
 Дунайские страны 14.
 Душети 53.
 Европа 71, восточная 1.
 Египет 6, 14, 27, 61, 62, 72, 75, 92, 96, 120, 121.
 Еленендорф (Ханлар) 59, 118.
 Ереван 8, 98, 107, 116, 133.
 Ефрат 87, 124.

Жаботин 53.
 Загрос 124.
 ЗАГЭС 10, 132.
 Занга 6.
 Зауралье 131.
 Зекари (Маяк. р.) 12, 13, 15, 59.
 Земо-Авчала 27.
 Зугдиди 45, 119.

Иберия 81, 91.
 Игдыр 54, 106.
 Идалион 36.
 Икалто 50.
 Икоти 26, 45.
 Имеретия 26, 91, 123.
 Ингур 21.
 Индия 96 124, 127, 135.
 Ирак 127.
 Иран 5, 8, 61, 69, 87, 96, 111, 126, 127.
 Исфаган 187.
 Италия 26, 41, 96, 97, 186.

Кабарда 29.
 Кавказ Северный 5, 12, 26, 39, 96, 97.
 Калакент 43, 48, 49.
 Кала Тапа 9.
 Камунта 23, 26.
 Канев 33.
 Каппадокия 91, 126.
 Караклис 62, 64.
 Каркемыш 5, 12, 43, 44, 48, 55, 72, 133.
 Карсская область 15, 17.
 Каренис Хеви 22.
 Карталиния 63.
 Кашан 61.
 Кахетия 5, 33, 47, 48, 50, 63.
 Кацхи 26, 178.
 Кьемо-Сасирети 70.
 Квирила 13, 26.
 Киев 174, район 53.
 Кикети 106, 108, 113, 115, 118, 191, 192.
 Килиг Даг 107.
 Киликия 126, 131.
 Кипр 11, 36, 37, 38, 41, 48, 96, 99, 124, 125, 127.
 Кировакан 116.
 Киш 95.

Кобань 3, 4, 5, 51.
 Колхида 17, 29, 34, 45, 133.
 Корца 12, 27, 31, 32.
 Крит 93, 128.
 Кужутени 16.
 Кум 187.
 Кумбулта 3, 12, 26, 33.
 Кура 34, 132.
 Курдистан 76, 123.
 Кутаиси 34, 110, 119, 134, Музей 12, 13, 15.
 Куша 62, 64.
 Ксанское ущелье 61.
 Кция 19.
 Кюль Тапа (Нахичев.) 108.
 Кюр Дерё 17, 32.

Лазика 17.
 Лахиш 72.
 Лелвар 49, 50, 51, 63.
 Леникан 15.
 Лечкуми 54, 62, 69, 184.
 Луристан 59, 61, 123.

Малакю 54, 70, 106.
 Малая Азия 5, 126, 127, 128.
 Манглиси 26, 47.
 Манглиское шоссе 21.
 Маралын Дереси 50, 57, 66.
 Мари 124.
 Мариан 37, 38.
 Махария 69.
 Махенджо-Даро 124, 127.
 Махунцети 17.
 Маяковский район 12, 13.
 Меджврисхеви 16, 17, 18.
 Мексика 92.
 Мерв 8.
 Месопотамия 3, 7, 53, 71, 96, 120.
 Микены 39, 59, 61, 92, 93, 96, 97.
 Мильская степь 10.
 Молла Исаклю 33.
 Муси Иери 49, 65.
 Мхарт 63, 64.
 Мцхета 3, 119, 130, 132.

Нардеван 108.
 Нареквави 132.
 Нахичевань 108, 114.
 Нерон-Дереси 21, 30.
 Нигавенд 76, 89.
 Новороссийск 23.
 Нор Баязет 60, 69.
 Носири 133.
 Нуха 115.

Одиши 119, 123.
 Окуреша 54.
 Оплеано 186.
 Орду 4.
 Ордубадский р-н 5.

Осетия Северная 3, 12, 18, 48, 53, 67, 68, 69, 72, 135.
Очемчире 16.

Палестина 127.
Панжикапей 6, 33, 135.
Параванское озеро 2, 101, 123, 125.
Парцхаканяни 34, 134, 135.
Паташар 60.
Пинезаури 49, 51, 53.
Плависмани 17, 67.
Поволжье 123.
Понтийское побережье 125.
Поти 53.
Правобережье Куры 34.
Придунайские страны 96, 127.
Приуралье 29, 37.

Рача 26, 69.
Рас Шамра 46, 75, 96, 125.
Редкин Лагерь 3, 4, 6, 57, 69, 173.
Ремеделло-Сотто 14.
Рим 181.
Рионо-Терекский водораздел 18.
Рион, Рионская долина 26, 30, 115.
Розенберг 25, 26, 27.
Рутха 26, 54.

Сабит Ахча 81.
Сагурамо 5, 6, 174.
Сакчегёзи 119, 129.
Самарра 124.
Саномерская Хараба 24.
Санта 20, 21, 30, 50.
Сатаплиа 119.
Сачхере 13, 14, 15, 26, 104, 105, 132, 174, 178.
Свири 60, 61.
Севанское озеро 15, 49, 62, 64, 69, 95, 192.
Сирия 36, 41, 48, 62, 71, 75, 87, 95, 96, 98, 124.
Сицилия 128.
Смела 42, 53.
Средиземноморье 1, 14, 18, 45, 95, 125.
Степанакерт 107, 114, 118.
Стубло 16.
Суза 36, 121.
Сурами 41, 119.
Сухуми 32.

Табискури 2, 30, 80.
Тавриз 131.
Тагаворанаст 116.
Таганча 53.
Тавакенд 6.
Таксила 135.
Талыш 3, 53, 64.
Таш-Баш 23, 24, 117.
Тбилиси 17, 106, 114, 119.
Тегеран 187.
Тетрамица 110, 119, 120.
Тигр 124.
Тли 33.
Толебские горы (Чохатаурский хребет) 90.
Триалетский хребет 50, 58.

Троада 126.
Туркменистан 8.
Тушетия 63.
Узунляр 99.
Украина 53.
Уплис-Дике 5.
Ур 79, 87, 89, 94, 97, 126.
Уральские горы 131.
Урало-Алтайская территория 131.
Урбиси 24.
Урарту 38, 41, 124.
Урмия 87, 131.
Урук 87, 94.

Фарс 39.
Фоскау 3, 12.
Фест 93, 128.

Хагул Дере 64.
Хамадан 187.
Ханлар (Еленендорф) 10, 59, 60, 118.
Херсонес Таврический 39.
Хидистави 50.
Ходжалы 4.
Холодный Яр 42, 187.
Хорадиз 188.
Хорсабад 10.
Храмгэс 26.
Храмы 19, 119.

Цалка 2.
Цалкинское плоскогорье 119, 123.
Центрально-азиатское плоскогорье 126.
Цинандали 48.
Цинцкаро на Алгети 34.
Цинцкаро на Храмы 56.
Цихисдзири 69.
Цицамури 47.
Цхавати 60, 61.
Цюрих 99.

Черное море 72, 132.
Черноморское побережье 23, 34.
Чила Хане 53.
Чми 12.
Чорох 130.
Чохатаурский хребет 90.
Чубурискинджи 133.

Шах Тахты 5, 99.
Шуахеви 53.

Эйлар 108, 115.
Эрех 94.
Эриванская губ. 174.
Эрцинган 37.
Эчмиадзин 8, 116.
Эшери 32, 133.
Юго-Осетия 60.

Ялойлу Тапа 5, 27, 28, 33, 48.
Ярославская станция 39.

[214]

III. УКАЗАТЕЛЬ ИМЕННОЙ

Алекперов 175, 190.
Альмгрен О. 14 см. Almgren.
Амиранашвили (Болтунова) А. Н. 133, 202.
Антонович В. Б. 180.
Антоньевич Вл. 16 см. Antoniewicz VI.
Байбуртян Е. 107, 176, 185, 187, 191.
Байерн Ф. 5, 21, 31, 52, 57, 65, 66, 69, 173, 174, 177, 179, см. Bayern F.
Блейхштейнер Р. 127, см. Bleichsteiner R.
Бобринский А. 53, 182, 184.
Бопп Фр. 126, см. Bopp Fr.
Борк Ферд. 125, 126, 127, 129, 130, см. Bork F.
Бранденштейн В. 128, см. Brandenstein W.
Броун Г. 127, 128, см. Brown G.
Бунак В. В. 126, 127, 192, 197, 198.
Бэак В. 49, 60, 129, см. Belck W.

Васильевский В. Г. 189.
Вахушти 63.
Везендонк О. Г. 5, см. Wesendonk O. G. (v).
Веселовский Н. И. 175.
Викентьев В. М. 188.
Виленский Д. Г. 6.
Винклер Г. 72, см. Winkler H.
Вирхов Р. 3, 4, 53, 72, 120, 127, см. Virchow R.
Вуллере А. 131, см. Vullers A. I. 201.
Вулли 44, см. Woolley C. L.

Ганчар Ф. 4, 13, 17, см. Gančar F.
Гезиод 184.
Гельб И. 125, см. Gelb I.
Генко А. И. 128.
Гернес М. 4, 14, 176, см. Hoernes M.
Геродот 128, 130, 131.
Герцфельд Э. 10, 89, см. Herzfeld E.
Гётце А. 124, 130, см. Götze A.
Гобеджишвили Г. 178.
Гозалишвили Г. 50.
Гомер 111, гомеровский 199.
Городцов В. А. 176.
Граков Б. Н. 182, 183.
Грен А. 120, 192.
Грозный Бедерих 124, 131, 132, 194, 202, см. Hrozný B.

Гуммель Я. И. 10, 60, 92, 107, 185, 189, 191, 192, 193, см. Hummel I.
Гущина А. Ф. 176.
Дальтон 37, см. Dalton O. M.
Данилевский В. В. 175, 180.
Деетере 130, см. Deeters G.
Декаприлевич Л. Л. 187.
Дешелетт 14, см. Déchelette J.
Джавахишвили И. А. 3, 90, 128, 132, 184, 187, 189, 190, 191, 199, 201.
Джанашвили Мосе 184.
Джанашиа С. Н. 91, 130, 189, 191, 200, 201.
Дионис Галикарнасский 128.
Диофант 191.
Дирр А. М. 125, 127, 195, 198, см. Dirr A. M.
Дюссо 11 (рис.), см. Dussaud R.

Ермаков Д. И. 177.
Ефименко П. П. 122, 193.
Замятин С. Н. 123, 193.
Захаров А. А. 178, см. Zakharov A. A.

Ивановская Т. 26, 178.
Ивановский А. А. 43, 48, 50, 69, 70, 182, 183, 187, 193.
Иващенко М. М. 132, 177.
Иессен А. А. 5, 12, 13, 16, 173, 174, 175, 176, 177, 202.
Иоакимов А. Я. 119, 120, 177.

Казанский Б. В. 196.
Каландадзе А. Н. 70, 119, 192.
Калитинский А. П. 72, 181, 187.
Каукчишвили С. Г. 90, см. Kauchtschischvili S.
Квезерели Н. 49, 51.
Кипшидзе И. 189, 195.
Ките А. 126, 127, см. Keith S. A.
Кокорцев П. К. 37, 181.
Комаров А. В. 120, 177.
Кондаков Н. П. 176, 179.
Куфтина (Стешенко) В. К. 201.
Куфтин Б. А. 174, 177, 179, 180, 185, 186.
Кретчмер 128, см. Kretschmer P.
Круглов А. П. 95.
Крупнов Е. И. 177.

[215]

Лайард О. Г. 62.
Лалаян Ерванд 26, 95, 106, 107, 108, 115, 176, 185,
186, 190, 191, 192.
Латынин Б. 5, 173, 174, 187.
Лебединская А. 181.
Легрэн 59, см. Legrain L.
Леман-Гаупт 38, 54, 124, см. Lehmann-Haupt C. F.
Лукин А. А. 76.
Лушан Ф. 126, 128, см. Luschan F.

Макалатия С. И. 178, 180, см. Makalathia S.
Максимова М. И. 32, см. Maximova M.
Март Н. Я. 91, 106, 110, 189, 193, 195, 198, 200.
Мейе А. 202, см. Meillet A.
Меликсет-Бекон Л. М. 18, 47, 177, 178, 183, 188.
Менабде В. А. 187.
Мещанинов И. И. 4, 7, 29, 32, 173, 174, 178, 179, 195,
197, 201.
Миллер А. А. 7, 8, 174, 175.
Миллер В. С. 195.
Модестов В. И. 184.
Монтелиус О. 14, см. Montelius O.
Мооргат А. 124, см. Moorgat A.
Морган Жак 3, 4, 33, 36, 46, 48, 49, 55, 61, 65, 70,
120, 121, 122, см. Morgan J. (de).
Морган Л. Г. 191.
Мухомедов А. В. 108, 174.

Нюррадце Г. К. 106, 107, 183, 191.

Ольшевский К. И. 51.
Ониси Арсений 90.
Орбелиани Саба 184.
Осборн Генри 198.
Отран 125, см. Autran C.

Пассек Т. С. 5, 173, 174, 187.
Патканов К. П. 189.
Пахомов Е. А. 5, 33, 173, 180.
Пёбель 125, см. Pöbel A.
Петров П. Ф. 54, 106, 107.
Пигулевская Н. В. 188.
Планий Секунд 30, 90, 91.
Потапов А. 192.
Пржеворский Ст. 4, 7, 59, 62, 174, см. Przeworski S.
Придик Е. М. 25, 178, 180, 182, 183.
Прушевская Е. О. 182, 189.
Птолемей 29, 91.
Пумпелли 8, см. Pumpelly R.
Пчелина Е. Г. 5, 6, 106, 115, 174, 191, 192.

Радлов В. В. 201.
Рау П. 43, см. Rau P.
Реймерс Ф. 49.
Рейхель В. 61, см. Reichel W.
Репников Н. И. 178.
Рёслер Е. 4, 42, 49, 52, 59, 60, 84, 182, 184, 185, 187,
188, см. Rösler E.
Розендорф Г. О. 182.
Ростовцев М. И. 26, 181, см. Rostovtzeff M.
Сагатов М. Я. 187.
Сальдау П. Я. 176.

Саханеев В. В. 178.
Серджи Г. 127.
Смешек А. 125, см. Smieszek A.
Смирнов Я. И. 35, 37, 180, 181, 182.
Соловьев Л. Н. 177.
Спицин А. А. 7, 53, 174, 175, 180, 181, 182, 184.
Стещенко-Куфтина В. К. 201.
Страбон 128, 130, 199.
Струве В. В. 89, 189.

Такайшвили Еф. 21, 22, 23, 26, 120, 174, 177, 178, 192.
Таллгрэн А. М. 5, 13, 29, 61, 70, см. Tallgren A. M.
Толстой И. И. 176, 179.
Томашек В. 125, см. Tomascheck W.
Тураев Б. Н. 17.

Уварова П. С. 25, 26, 51, 54, 134, 176, 177, 178, 179,
180, 183, 184, 186, 191, 202.
Уваров А. С. 106, 119, 177, 191.
Унгнад А. 124, см. Ungnad A.
Ушаков П. Н. 90, 128, 189, 199.

Фармаковский Б. В. 4, 14, 48, 173, 176, 180, 183.
Филимонов Г. Д. 45, 180, 183.
Фильд Генри 126, 127, см. Field H.
Финк Ф. 126, см. Fink F. N.
Форрер Э. 90, 125, 128, 132, см. Forrer E.
Франк-Каменецкий И. Г. 188.
Франкфорт Г. 7, см. Frankfort H.
Фрэйзер Джемс 188, см. Frazer J. G.
Фридрих И. 130, см. Friedrich J.
Фуртвенглер 30, 32, см. Furtwängler A.

Ханенко (коллекция) 183.
Хогарт Д. 12, см. Hogarth D. G.
Христиан В. 129, см. Christian V.
Хутон Э. 126, см. Hooton E.
Хюзинг Г. 125, 126, 127, 131, 132, см. Hüsing G.

Церетели Г. В. 130, 200.
Цицишвили Д. Н. 51.

Чабукиани П. И. 119.
Чайлд Гордон 96, см. Childe G.
Чарковский П. В. 6, 174.
Чикобава Арнольд 201.
Читая Г. С. 27, 47, 189.

Шанаев Джантемир 195.
Шанидзе А. Г. 90, 91, 186, 196.
Шантр Э. 3, 4, 26, 72, см. Chantre E.
Шарифов Д. 173, 180.
Шмидт Губерт 52, 125, 134, см. Schmidt H.
Шмидт Э. 11, см. Schmidt E.
Шор Р. 202.
Шпейзер Э. 124, 130, см. Speiser E.
Шульд Л. Б. 25, 26, 29.

Эйслер Р. 131, см. Eisler R.
Энгельс Фридрих 100, 191.
Эрицов А. Д. 106.
Эркерт 127, см. Erckert R.

Agathias 90.
Albright W. F. 193.
Almgren O. 176.
Antoniewicz Vl. 177.
Arne T. I. 176.
Autran C. 196, 199, 201, 202, см. Отран.

Bayern F. 180, 182, 183, 184, 185, 186, см. Байэрн Ф.
Belck W. 185, см. Бэлк В.
Bertrand A. 187.
Bissing F. W. 183.
Bittel Kurt 176, 180, 191, 192, 199.
Blanckenhorn Max 188.
Bleichsteiner Robert 189, 195, 197, 198, 200, 201, см.
Блейхштейнер Р.
Blinkenberg Chr. 181, 187.
Bode Clement Augustus (de) 175.
Bopp Fr. 196, см. Бопп Ф.
Bork Ferdinand 196, 197, 198, 199, 200, 202, см.
Борк Ф.
Brandenstein C. G. (von) 194.
Brandenstein W. 199, см. Бранденштейн В.
Breuil H. 192.
Brown Georg 197, 198, 200, см. Броун Г.
Bugge Sophus 198.
Buxton L. H. D. 197.

Chantre Ernest 173, 176, 178, 180, 184, см. Шантр Э.
Childe Gordon 175, 176, 190, см. Чайльд Г.
Chiptez 180, 181.
Christian Viktor 176, 199, 200, см. Христиан В.
Contenau G. 173, 178, 179, 184, 188, 194.
Cruikshank Rose 199.

Dalton O. M. 181, 182, см. ДАЛТОН.
Darembert 179.
Déchelette Joseph 176, 180, 191, см. Дешелет.
Deeters G. 200, см. Деетерс.
Dhorme E. 201.
Dittmann K. H. 194.
Dirr A. M. 196, 198, 200, см. Дирр А. М.
Dmitriew P. 182.
Dossin Georges 193.
Dussaud René 175, 188, 194, см. Дюссо.

Eisler Robert 195, 198, 199, 201, см. Эйслер Р.
Erckert R. 202, см. Эркерт.
Erich Robert 197.
Evans A. J. 179, 195.

Falkenstein A. 194.
Field Henri, 198, см. Филд Г.
Fink, F. N. 197, см. Финк.
Forrer Emil 183, 190, 194, 195, 196, 199, 201, см. Фор-
рер Э.
Frankfort H. 174, 188, 192, 194, см. Франкфорт Н.
Frazer J. G. 188, см. Фрэйзер Джемс.
Friedrich Johannes 193, 195, 197, 198, 200, 201, см.
Фридрих И.
Furtwängler Adolf, 179, 182, см. Фуртвенглер А.

Gelb Ignace J. 195, 196, 199, 200, 201, см. Гельб И.
Genouillac Henri 184, 188.

Ghirshman R. 175, 184, 185.
Gjerstad Einar 175, 181, 182.
Godard André 177, 185, 188.
Goldmann Hetty 190, 193, 195.
Götze Albrecht 188, 189, 192, 193, 194, 199, 201, см.
Гётце А.
Growfoot G. M. 192.
Gustavs Arnold 200.

Heinrich E. 190.
Haller A. 190.
Hamy E. T. 198.
Hancar Franz 173, 176, 179, 180, 186, 187, см. Ганчар Ф.
Helbig 182.
Hertz Amelia 188.
Herzfeld Ernest 181, 182, 188, 189, 198, 199, см. Герц-
фельд Э.
Hoernes M. 173, 176, 181, см. Гёрнес.
Hogarth D. G. 176, см. Хогарт Д.
Hommel Fritz 183, 189, 193.
Hooton Earnest A. 198, см. Хутон.
Hrozny Bedrich 195, 201, 202, см. Грозный.
Hummel I. 191, см. Гуммель Я. И.
Hunger Joh. 178, 183, 186.
Hüsing G. 195, 196, 197, 198, 201, 202, см. Хюзинг.

Ivačenko M. M. 176, 202, см. Иващенко М. М.

Janse Oliv 183.
Jeremias Alfred 191.
Jenny W. A. 199.
Jirku A. 191.

Kappers Areëns 197.
Kauchtschischvili S. 188, см. Кауццишвили С. Г.
Keith S. Arthur 197, 198, см. Ките.
Kiessling 189.
Kinch 181.
Koepfel R. 191.
Kretschmer P. 198, см. Кретцмер.
Krogman Wilton 197.

Langdon S. 188.
Lechat Henri 185.
Legrain Leon 185.
Lehmann-Haupt C. F. 181, 182, 184, 185, 187.
Lenzen H. 190.
Luschan Felix 197, 199.

Mackay Ernest 175, 190.
Makalathia S. 179, 186, 187, см. Макалатия С. И.
Makarenko N. 184.
Mallon A. 191, 192.
Mallowan M. E. 199.
Manatt Irving J. 182.
Marinatos S. 175.
Maximova M. 179, 180, см. Максимова М. И.
Mecquenem R. (d) 188.
Meek J. Theophile 174.
Meillet A. 202.
Menghin Oswald 173, 176, 181.
Meriggi Piero 198.

- Messerschmidt L. 197.
 Mészáros Julius 195, 200.
 Meyer Eduard 193, 194, 201.
 Meyer Rudolf 194.
 Mironow N. D. 194.
 Montelius Oscar 175, 181, 186, 190, 193, см. Монтелиус.
 Montet P. 194.
 Moorgat A. 194, 200, см. Мооргат А.
 Morgan J. (de) 173, 176, 181, 183, 184, 185, 186, 192, 193, см. Морган Жак.
 Mortillet G. et A. 184, 186.
 Much M. 183.
 Munro Robert 186.
 Mühlestein Hans 179.
 Müller Valentin 200.
 Naue J. 175, 191.
 Neuville René 191.
 Nioradze G. 177.
 Nöldeke A. 190.
 Oguz Arik Remzi 176, 190, 191, 193.
 Opitz Dietrich 186.
 Oppenheim Leo 196.
 Oppenheim M. Freiherr (v) 182, 199.
 Osten (von der) Hans Henning 175, 197.
 Oštir K. 189, 198.
 Otten Heinrich 188.
 Peake Harold 198.
 Perrot 180, 181.
 Petrie Flinders 176, 186.
 Pfeiffer Robert 175, 199.
 Pigorini 186.
 Poebel Arno 196, 197, см. Пёбель.
 Pope A. U. 186.
 Popplow Ulrich 186.
 Posta Bela 183.
 Pottier Edmond 174, 188, 202.
 Poulsen F. 181.
 Przeworski Stef. 173, 174, 185, 186, 187, 190, 200, см. Пржеворский.
 Pulsky Franz 176.
 Pumpelly R. 175, 179, 182, см. Пумпелли.
 Quatrefages M. (de) 198.
 Rau Paul 182, см. Рай П.
 Reichel W. 182, 185.
 Reinach Solomon 187.
 Reinecke P. 181.
 Remonchamps A. E. 193.
 Rickard T. A. 187.
 Rosenberg Marc 190.
 Rösler E. 184, 185, 187, 188, см. Рёслер Е.
 Rostovtzeff M. 178, 179, 189, см. Ростовцев М.
 Sacken Ed. 183.
 Saglio 179.
 Schaeffer F. A. Claude 181, 183, 190, 194.
 Schäfer K. 194, 195.
 Schiefner A. 198.
 Schlottmann K. 181.
 Schmidt Erich F. 175, 182, 183, 189, 190, 191, 197, см. Шмидт Э.
 Schmidt Hubert 176, 177, 179, 182, 184, 195, 202, см. Шмидт Г.
 Smieszek Antoni 196, 198, 200, см. Смешек А.
 Smith Charles Roach 175.
 Smith Elliot 198.
 Sommerfeld Wanda 184.
 Speiser Ephraim E. A. 175, 177, 193, 194, 195, 196, 198, 199, 201, см. Шпейсер Э.
 Stasoff W. 182.
 Szeligowska J. M. 181.
 Tallgren A. M. 173, 176, 179, 181, 182, 183, 185, 186, 187, см. Тальгрэн А. М.
 Tallquist Knut 201.
 Thomsen Peter 187.
 Thureau-Dangin F. 193, 194.
 Tobler A. J. 199.
 Tomascheck W. 195, см. Томашек.
 Trubetzkoy N. 196.
 Tsountas Chrestos 182, 190.
 Ungnad Arthur 189, 193, 194, 195, 201, см. Унгнад А.
 Vallois H. V. 197.
 Virchow Rudolf 173, 183, 187, 188, 198, см. Вирхов Р.
 Vouga Paul 180.
 Vullers A. I. 201, см. Вуллерс.
 Wesendonk O. G. (v.) 174, 179, 183, см. Везендонк.
 Wilke 186.
 Winkler H. 187, 200, см. Винклер Г.
 Wolf W. 194.
 Wolff Max. 186.
 Wooley C. Leonard 174, 182, 183, 190, 200, см. Вулли.
 Wrede W. 182.
 Wulsin R. Fr. 175.
 Zakharov A. A. 174, см. Захаров А. А.
 Zichy 183.

IV. УКАЗАТЕЛЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ*

- ala, allada 128.
 agrwa 91.
 adəge 91.
 aʒaga 91.
 Арали 131.
 Arēne 199.
 Argvedī 91.
 Arinna, arinnailiš 125.
 arnas, arnavá 128.
 ašti, aštuhhi 128.
 gasgas 132.
 geri 41.
 gurzan, gurš 91.
 Gveria, gweri 41.
 dabaj, dabani, dabis, dabnis 90.
 deda 128.
 δισκος 125.
 dutu, zuzu 128.
 Eger, Egrewiki, Egrisi 91.
 Екритика, *Εκριτική* 30, 91.
 Enguri 91.
 Ergeta 91.
 зиги, зихи, ζιχχοί, ζυχοί 91.
 iber 91.
 Ингур, Inguri 91.
 Kaburanda, Kaburnat 128.
 kaskas 132.
 kāzāq 132.
 Каспи, Caspi 125.
 Кегритика, Cegritice 91.
 керхета! 132.
 katla, katru 125.
 kattah 128.
 Katte 125, 128.
 kaxuri, kaxeli 125.
 labarna 125.
 labu 125.
 lada 128.
 learinna 128.
 λέρνη 128.
 λισκος 125.
 Лулуби 128.
 Lybe, Lilybaion 128.
 manral, margali 91.
 mašhu 125.
 меррел 91.
 megypteli 91.
 meli 125.
 melia telepia (tulepia) 90.
 miliš, miriaš 125.
 muru 125.
 nahadi 127.
 odini, Odinari 91.
 пала, pala, palus 132.
 palgu 201.
 pinu (binu) 90.
 Пурсаханда 131.
 rinah 128.
 šabu, šamu 125.
 Сапитнахшо 81.
 Табалы 131, 132.
 tabari 131.
 tabarna 125.
 taberu 131.
 тавсакрани 24.
 tebir tengir 131.
 tibar 131.
 Telibinu, Telipinu 90.
 telepia (telepia) 90.
 Τηλεπια 90.
 tibira, Tibira 131.
 Tibira dingir 131.
 tipal 131.
 Tiura, Tiliura 90.
 tolebnis, tolebis mda 90.
 τριγλώχιν 43, 182.
 tubal, tupal 131.
 tulepia (tulepia) 90.
 Θοβελ, θοβερ 131.
 Thubal, Thubalkajn 131.
 uašho, uašhoa 125, 195.
 uštadi 127.
 φχοvi, φшavi 91.
 Halpirtip, Harirtip 128.
 Hatamti, hatamtira 125.
 Хилакку 131.
 hilani 125.
 hudun, hulun 125.
 quri, qušī, 125.
 eqali, eqari 128.
 Wašhaw 125.
 Wuru 125.

* Слова расположены в порядке русского алфавита без различия, как транскрибированные русскими, так и латинскими и греческими знаками. Транскрипцию цитат, по типографским условиям, не удалось выдержать.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ НА ОТДЕЛЬНЫХ ТАБЛИЦАХ*

- I. Циклопические крепости в Триалети: 1. Юго-западный угол циклопической крепости в сел. Нардеван; 2. Ворота циклопической крепости (верхний комплекс) у сел. Авранло.
- II. Циклопическая крепость селения Нардеван в Триалети: 1. Контрофорсе северо-западного угла крепости; 2. Забутованная камнем толща северной крепостной стены циклопической кладки.
- III. Могильник поздне-ахеменидской эпохи в урочище Нерон-Дереси: 1. Каменный ящик с погребением женщины и ребенка; 2. Часть могильника после раскопки.
- IV. Образцы керамики ахеменидской эпохи (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.) **: 1. Чернолощенный кувшинчик Ц² 334 (погреб. 6, мог. у Нерон-Дереси); 2. Сероглиняный кувшинчик Ц¹ 459 (погреб. 1, там же); 3. Глиняная чернолощенная фиала Ц² 335 (погреб. 6, там же); 4. Чернолощенное блюдо Ц¹ 460 (погреб. 1, там же); 5. Красноокрашенная глиняная фиала Ц⁵ 15 (погреб. 49, могильник у шоссе Гуниа-Кала—Даракев); 6. Красноглиняная чаша Ц² 403 (могильник у Нерон-Дереси).
- V. Геммы: 1—8, 10. Четыреугольные пронизки из синего стекла Ц¹ 472 и округлая из стеатита Ц¹ 473, ув. в 2 раза (погреб. 3, могильник у Нерон-Дереси); 9. Оттиск четырехугольной синестеклянной геммы из Мцхета, нат. вел. (Байерн, инв. 8—02: 514); 11. Оттиск птицы с сердоликового перстня Ц¹ 479 (см. табл. VI₂), увел. в 3 раза (погреб. 1, могильник у шоссе из сел. Санты).
- VI. Бусы разного времени: 1. Стекланный цветной бисер из могильника сасанидской эпохи у шоссе Санта—Джиниси Ц¹ 490 (погреб. 4); 2. Голубые пастовые и стеклянные золоченные бусы Ц³ 390 из под насыпи кургана XVIII; 3. Сердоликовый перстень Ц¹ 479 (погреб. 1, мог. у шоссе Санта-Джиниси); 4. Буса темнопастовая с инкрустированным изображением змеи (увел. в 2 раза) Ц¹ 605, из погребения ванской эпохи (могильн. Марал-Дереси, погреб. 2); 5. Бугорчатая буса из стекловидной пасты (в нат. вел.) Ц¹ 606, оттуда же; 6—7. Бусы из цветного стекла и стекловидной пасты Ц² 734, Ц¹ 471, поздне-ахеменидской эпохи (мог. у Нерон-Дереси, погреб. 8 и 3).
- VII. Серебряная посуда из Алгетского погребения ахеменидской эпохи (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.):

* Цветные таблицы выполнены по акварелям художницы Т. С. Шевяковой (табл. VI, XX₂, XXII, XXXIII, LXXVI—LXXXIII, LXXXVIII, XCIV₁, XCVII, CI, CVI, CXXI), Р. О. Шмерлинг (табл. XCIII, XCIV₂, XCVII₂), В. Г. Назаровой (табл. С) и Н. В. Васильевой (табл. XXI). Фотографии серебряного кубка (табл. XCI—XCII) сделаны фотографом В. И. Тулашвили, остального металлического инвентаря, бус и фрагментов керамики фотолaborаторией Гос. Музея Грузии, а цельной глиняной посуды фотографом Ю. Пахомовым.

Полевые фотографии выполнялись фотографом А. А. Куфтиным (табл. I, II, XL, XLI, LXV, LXVI, CVIII, CXVI, CXVII₂), О. Леонтьевым (LIX₁ и LXI₁) и остальные автором.

** Номерация предметов на таблицах: сверху вниз, по рядам слева направо.

1. Чаша (патэра) с омфалом и чеканной розеткой Т¹ 1; 2. Блюдо с резной рельефной розеткой по наружной поверхности Т¹ 2.
- VIII. Стекланная чаша-фиала Т¹ 4 из Алгетского погребения (в нат. велич.).
- IX. Штампованные пластины из бледного золота в $\frac{7}{8}$ нат. велич. (Алгетское погребение): 1. Накладка на рот покойника Т¹ 12; 2. Глазная накладка Т¹ 13; 3. Круглые нашивки с изображением женской головы в коническом уборе Т¹ 16 и 17.
- X. Инвентарь Алгетского погребения: 1 и 2. Проволочные браслеты из бледного золота Т¹ 10; 3. Плакированный золотом браслет из серебряного прута Т¹ 11; 4 и 5. Бронзовая и серебряная булавки Т¹ 22; 6. Бронзовая трехногая подставка от светильника, Т¹ 5 в $\frac{5}{6}$ нат. вел.
- XI. Серебряные перстни Т¹ 25 и 26 и геммы на них (Алгетское погребение).
- XII. Инвентарь Алгетского погребения: 1 и 3. Серебряные бляхи с петлями, в нат. вел. (типа миниатюрных фаларов); 2. Бронзовые удила, в $\frac{4}{5}$ нат. вел.
- XII bis. Инвентарь Алгетского погребения: 1. Бронзовые удила, в $\frac{4}{5}$ нат. вел.; 2. Фрагмент серебряной обивки, в нат. вел.
- XIII. Два погребения ранне-ахеменидской эпохи в могильнике у Бешташенской крепости: 1. Погреб. 39; 2. Погреб. 9.
- XIV. Погребения в могильнике у Бешташенской крепости: 1. Деталь погребения 17 с пятилучевой серебряной серьгой Ц⁴ 365; 2. Детское погребение 59 с остродонным сосудиком Ц⁴ 584.
- XV. Образцы керамики из могильника у Бешташенской крепости (в $\frac{1}{3}$ нат. велич.): 1. Пепельно-серый кувшин Ц⁴ 405 (погреб. 30); 2. Красноокрашенный розовоглиняный кувшинчик Ц⁴ 417 (погреб. 24); 3. Буроглиняная чаша-фиала Ц⁴ 514 (погреб. 20); 4. Буроглиняный кувшинчик Ц⁴ 525 (погреб. 61); 5. Красноокрашенный светлоглиняный кувшин с трубчатым носиком Ц⁴ 306 (погреб. 13); 6. Двуручный красноокрашенный кувшинчик розовой глины Ц⁴ 251 (погреб. 20).
- XVI. Железный инвентарь могильника у Бешташенской крепости: 1. Наконечник копья Ц⁴ 575 (мог. 48); 2. Серпообразный нож Ц⁴ 587 (погреб. 57); 3. Серпообразное орудие Ц⁴ 474 (погреб. 51); 4. Наконечник копья Ц⁴ 531 (погреб. 41); 5. Топор Ц⁴ 452 (погреб. 49).
- XVII. Грунтовые погребения мидийской эпохи могильника у дороги из с. Бешташени в Сафар-Харабу: 1. Погребальная площадка 1 с массивной „булавкой“ Ц⁴ 615 (центр) и глиняной посудой Ц³ 617—620 (см. табл. XVIII); 2. Головная часть грунтового погребения 10 с массивными „булавками“ Ц⁴ 651, железным копьем Ц⁴ 647 и бронзовым навершьем трости Ц⁴ 650 (там же).
- XVIII. Образцы керамики (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) из грунтовых погребений с массивными „булавками“ (могильник у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу): 1. Темноглиняная чаша Ц³ 619 (погреб. 1); 2. Сероглиняный узкогорлый кувшин Ц⁴ 676 (погреб. 73); 3. Горшок орнаментированный углами с выступами вместо ручек Ц³ 620 (погреб. 1); 4. Черноглиняное блюдо с поддоньем Ц³ 618 (погреб. 1); 5. Узкогорлый репчатой формы кувшин, ребристый Ц³ 617 (погреб. 1); 6. Блюдо с поддоньем Ц⁴ 671 (погреб. 73).
- XIX. Образцы керамики (в $\frac{1}{4}$ нат. велич.) из ящичных погребений могильника в урочище Марал-Дереси (с. Санта): 1. Узкогорлый сферический кувшин Ц¹ 587 (погреб. 2); 2. Пепельно-серый кувшинчик с витой ручкой Ц¹ 615 (погреб. 3); 3. Сероглиняный кувшин Ц¹ 627 (погреб. 4); 4. Темноглиняный полосато-лощенный сосуд с двумя ручками Ц¹ 663 (погреб. 5); 5. Кружечка с косо-канелированным корпусом Ц¹ 616 (погреб. 3); 6. Двуручный горшочек Ц¹ 664 (погреб. 5); 7. Кружка с ребристым поясом Ц¹ 613 (погреб. 3).

- XX. Образцы глазурованной керамики Триалети: 1. Глазурованный глиняный кубок Ц¹ 586 (в нат. вел.) урартской эпохи в форме горшочка с поддоньем и петлевидной ручкой (обломана) (погреб. 2 магильника Марал-Дереси); 2. Амфорисковидный сосудик Ц⁴ 70 (в нат. вел.) первых веков нашей эры (из под насыпи кургана XXIII) с денарием имп. Августа.
- XXI. Образцы бус урартской эпохи из могильника в Марал-Дереси (в нат. вел.): 1. Белый тальковый и светло голубой матовый пастовый бисер Ц¹ 617 (погреб. 3); 2а. Бусы из зеленоватой фарфоровидной пасты Ц¹ 638 (погреб. 4); 2б. Бусы стеклянные, темнозеленые, тонкостенные полые и бело-пастовые трубчатые Ц¹ 639 (погреб. 4).
- XXII. Образцы разновременных бус (в нат. вел.): 1. Сфероидные сердоликовые и фаянсовидные глазурованные бусы Ц³ 410, 412 из основного погребения в кургане XV (см. табл. LXVI); 2. Пастовые и сердоликовые бусы Ц² 869 (Цинцкар. мог. погреб. 60); 3. Бусы сердоликовые глазурованные веретенообразные и пастовые Ц³ 514—518 из под насыпи ямного кургана XIII; 4. Бусы сердоликовые, белая фарфоровидная боченочная, ромбические белая и голубая, глазурованные, и колесовидные пастовые Ц¹ 510, 511, 544 из-под насыпи кургана III.
- XXIII. Инвентарь погребения 4 могильника в Марал-Дереси (в нат. вел.): 1. Пара бронзовых браслетов Ц¹ 636; 2. Пуголка бронзовая Ц¹ 672; 3. Бронзовая мотыжка Ц¹ 630; 4. Подвеска из гальки Ц¹ 634; 5. Бусы сердоликовые; 6. Гребешок бронзовый, Ц¹ 632; 7. Фибула бронзовая Ц¹ 633.
- XXIV. Мелкий инвентарь из погребения 2 (в нат. вел.) в могильнике Марал-Дереси: 1 и 4. Бронзовые петли Ц¹ 596; 2. Хрустальная подвеска Ц¹ 602, бусы сердоликовые Ц¹ 604 и агатовая Ц¹ 603; 3. Бисер белый и голубой с шпичками Ц¹ 610; 5. Браслет бронзовый Ц¹ 594; 6. Розетка гнутая бронзовая Ц¹ 612; 7. Каменная цилиндрическая пронизка Ц¹ 601; 8. Браслет с змеиными головками Ц¹ 593; 9. Буса сердоликовая; 10. Раковина ужомка Ц¹ 609; 11. Слиток бронзы Ц¹ 600; 12—13. Бусы из стекловидной пасты с изображением змеи (в двухкратном увелич.) Ц² 605; 14—15. Бусы стекловидные палевые с бугорками Ц¹ 606, 635; 16. Кольцо бронзовое Ц¹ 599; 17—21. Круглые выпуклые бронзовые нашивки Ц¹ 597, 598.
- XXV. Бронзовый пояс из погребения 5 в могильнике Марал-Дереси: 1. Композиция рисунка (без каймы) (в 1/3 нат. велич.); 2 и 3. Фрагменты пояса Ц¹ 670 (около 1/2 нат. вел.) по фотографии.
- XXVI. Ящичные погребения древне-железной эпохи: 1. Погребение 55 Цинцкарской могильника с бронзовым поясом Ц² 915, купольной головкой посоха Ц² 914, бронзовыми стрелами Ц² 913 и железным кинжалом с бронзовыми головкой и обоями рукояти Ц² 912; 2. Погребение 20 „Так-Килисинского“ могильника у шоссе из Гуниа-Кала в Даракев.
- XXVII. Ящичные погребения древне-железной эпохи: 1. Каменный ящик с отсутствующей западной покровной плитой (след ограбления). Цинцкарский могильник, погребение 23; 2. Каменный ящик со скорченным погребением вне могилы на его борту. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа-Кала—Даракев) погреб. 1.
- XXVIII. Каменные ящики со скорченными погребениями древне-железной эпохи. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа-Кала—Даракев), погребение 15 и 16.
- XXIX. Образцы керамики из каменных ящиков древне-железной эпохи Цинцкарской и Так-Килисинской могильников (в 1/3 нат. велич.): 1. Темноглиняный сосуд с двумя ручками Ц² 1042 (Т.-К. могильник, погреб. 12); 2. Сероглиняный кувшин Ц² 489 (Цинцкар. мог. погреб. 20); 3. Маслосбойка буроглиняная Ц² 527 (Цинцкар. мог. погреб. 16); 4. Буроглиняный горшок с двумя ушками Ц² 589 (Цинцкар. мог. погреб. 23); 5. Темно-глиняная кружка Ц² 674 (Цинцкар. мог. погреб. 44); 6. Серо-глиняная кружка Ц² 660 (Цинцкар. мог. погреб. 28); 7. Светло-сероглиняный кувшинчик с узо-

- ром шевронами Ц² 959 (Цинцкар. мог. погреб. 76); 8. Грубо-лепленный сферический горшок из светлой глины с примесью обсидиановой дресвы Ц² 1012 (Так-Килисин. мог. погреб. 5).
- XXX. Сильно скорченное погребение с бронзовыми вилами в западном конце каменного ящика. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа—Кала—Даракев) погреб. 35.
- XXXI. Так-Килисинский могильник (шоссе Гуниа-Кала—Даракев): 1. Погребение лошади у каменного ящика 66; 2. Бронзовые удила с роговыми псалями Ц⁵ 117 в каменном ящике 67 (там же).
- XXXII. Белые тальковые бусы типа „домино“ и бусы из голубой пасты ящичного погребения 3 древне-железной эпохи могильника в Марал-Дереси.
- XXXIII. Пастовые и стеклянные предметы из погребений древне-железной эпохи: 1. Пуговицы пастовые в бронзовой оправе Ц² 558 (Цинцкар. могильник, погреб. 21); 2. Пастовые конические пронизки Ц² 806 (Цинцкар. могильн., погреб. 66); 3. Шаровидная стеклянная буса Ц² 1165 (Так-Килисинский могильник, погреб. 40); 4. Биконическая стеклянная буса Ц² 1115 (там же, погреб. 38); 5. Бусы: стеклянная цилиндрическая, голубые пастовые, зелено-синие стеклянные (одна с красными бородавками) из желтой стекловидной пасты; 6. Бусы пастовые голубые и слегка глазурованные, коралловидные и белые тальковые Ц² 568 (Цинцкар. мог., погреб. 22).
- XXXIV. Инвентарь ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцкарской и Так-Килисинской могильников (в 1/3 нат. вел.): 1—5. Бронзовые купольные навершья посохов Ц² 1098 (Т.-К. мог. 12), Ц² 718 (Цинцк. мог. 36), Ц² 956 (тоже, 76) Ц² 539 (тоже, 17) и Ц² 1109 (Т.-К. мог. 29); 6. Бронзовые удила Ц² 1090 (Так-Килисин. мог., погреб. 10); 7. Бронзовая ажурная подвеска с изображением секиры Ц² 1104 (Так-Килисин. мог., погреб. 25); 8. Массивная бронзовая подвеска в форме соски и сердоликовые бусы Ц² 721, 722 (Цинцкар. мог., погреб. 54); 9. Привеска в форме двойной секиры Ц² 986 (Цинцкар. мог., погреб. 51); 10, 11. Ажурные лапчатые привески Ц² 844 (Цинцкар. мог., погреб. 71); 12—16. Пять бронзовых стрел Ц² 1160, 1187 (Т.-К. мог. погреб. 40); 17. Бронзовое копье Ц² 1157 (оттуда же); 18—19. Шаровидные бусы—сердоликовая и стеклянная (оттуда же); 20—22. Браслеты двупроволочные и маленький ленточный Ц² 1188, 1189 (оттуда же).
- XXXV. Железные наконечники копий из ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцкарской и Так-Килисинской могильников (в 1/2 нат. велич.). Ц² 1067 (Т.-К. мог., погреб. 31), Ц² 1224 (Т.-К. мог., погреб. 45), Ц² 532 (Цинцкар. мог., погреб. 16), Ц² 941 (Цинцкар. мог., погреб. 51).
- XXXVI. Грунтовое погребение древне-железной эпохи в сел. Куца с плоскодонно-сферическим буро-глиняным сосудом Ц⁴ 358, темноглиняным кувшинчиками Ц⁴ 356, 357, железным мечом с бронзовой четырехгранной двураструбной рукоятью Ц⁴ 350, бронзовыми стрелами Ц⁴ 353, бронзовым купольным навершьем Ц⁴ 352.
- XXXVII. Инвентарь грунтового погребения в сел. Куца: 1. Бронзовое портупейное кольцо с шнуровой литой орнаментацией Ц⁴ 351; 2. Купольное навершье Ц⁴ 452 с четырьмя ромбическими выступами; 3. Бронзовая четырехгранная двураструбная рукоять железного меча Ц⁴ 350; 4—10. Бронзовые стрелы Ц⁴ 353.
- XXXVIII. Инвентарь погребений из каменных ящиков древне-железной эпохи (могильник у дороги из сел. Бешташени в сел. Сафар-Хараба): 1 и 2. Бронзовые крупные булавки Ц⁴ 29 и Ц⁴ 319 (погреб. 34 и 23); 3. Бронзовое куполовидное навершье Ц⁴ 25 (погреб. 34); 4. Бронзовое навершье ножа в виде скульптурной головки льва Ц⁴ 24 (оттуда же); 5. Бронзовый ролик для ремня Ц⁴ 26 (оттуда же); 6. Фрагмент железного лезвия вставленного в расщелину бронзового стержня Ц⁴ 27 (оттуда же); 7. Буса сердоликовая Ц⁴ 28 (оттуда же); 8. Основание железного ножичка с шипом для рукояти и бронзовой обоямой Ц⁴ 23 (оттуда же).

- XXXIX. Скорченные грунтовые погребения поздне-бронзовой эпохи (могильник у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: погребение 17 и погребение 21 (см. табл. LI)).
- XL. Грунтовое погребение 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи: направо бронзовый шлем Ц⁴ 163, бронзовый пояс (на блюде сердоликовые бусы и зубы покойника), булавы, серп, глиняный конический кубок; наверху удила, крючья, костяные пронизки, наконечник копья и согнутый клинок кинжала (см. табл. XLVI, XLVII).
- XLI. Деталь грунтового погребения 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи с намеренно поломанным инвентарем: два бронзовых кинжала, булава, пояс; наверху кобанский топор, наконечник копья, стрелы (см. табл. XLIX).
- XLII. Грунтовое погребение 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи: внизу у колен бронзовый серп и вкладыши кремневого серпа, сзади стрелы, у груди два кинжальных клинка, среди посуды следы черепа; в левом углу копье (см. табл. XLIV).
- XLIII. Детали погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Череп и ножки барана в погреб. 37 (см. рисунок 65); 2. Бронзовые удила с трензелями из оленьего рога в погреб. 13 (см. табл. XLVI).
- XLIV. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XLII): 1, 2. Бронзовые клинки Ц³ 590, 591; 3. Бронзовое копье Ц³ 596; 4. Стрелы Ц³ 592; 5. Бронзовый серп Ц³ 594; 6. Кремневый вкладыш серпа Ц³ 600; 7. Бронзовое височное кольцо с золотым рожком Ц³ 599; 8. Булавка Ц³ 598; 9. Сердоликовые бусы Ц³ 597.
- XLV. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 19, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. „Портупейное кольцо“ Ц⁴ 216; 2. Булава Ц⁴ 221; 3. Бронзовый ролик-пряжка Ц⁴ 217; 4. Восьмигранная булава Ц⁴ 222; 5. Копье Ц⁴ 215; 6. Полушарная бронзовая нашивка Ц⁴ 224; 7, 8, 9. Костяные и бронзовая стрелы Ц⁴ 220 а, б.; 10. Фрагмент бронзового клинка Ц⁴ 226; 11. Гнутая трехугольная розетка Ц⁴ 218; 12. Вкладыши кремневого серпа Ц⁴ 226; 13. Предмет из основания рога со сверлиной Ц⁴ 225.
- XLVI. Пара бронзовых удил с роговыми трензелями к одним из них и две пары бронзовых крючьев из погребения 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XL и XLII₂).
- XLVII. Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (см. табл. XL): 1. Костяной орнаментированный рожок Ц⁴ 156 (наконечник ножен?); 2. Бронзовый браслет Ц⁴ 149; 3. Бусы сердоликовые Ц⁴ 164; 4. Бронзовое копье Ц⁴ 150; 5. Фрагмент бронзового пояса Ц⁴ 162; 6. Бронзовая булава Ц⁴ 157; 7. Ролик Ц⁴ 146; 7. Согнутый клинок бронзового кинжала Ц⁴ 151; 8. Булавка Ц⁴ 158; 9. Бронзовый серп Ц⁴ 152; 10, 11. Завиток Ц⁴ 160 и пинцет Ц⁴ 159; 12. Брусок каменный Ц⁴ 154; 13. Костяные цилиндрические и большая кубическая пронизки Ц⁴ 155.
- XLVIII. Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около 1/6 нат. вел.): 1. Пепельно-серый кувшин с валиками вместо ручек Ц⁴ 165 (погреб. 13); 2. Темно-глиняная „маслобойка“ Ц⁴ 129 (погреб. 11); 3. Двуручный сосуд Ц⁴ 248 (погреб. 20); 4. Черноглиняное блюдо Ц⁴ 250 (погреб. 20); 5. Кружка Ц⁴ 131 (погреб. 11); 6. Темноглиняный горшок Ц⁴ 8 (погреб. 33); 7 и 8. Черноглиняные миски Ц⁴ 125 (погреб. 11) и Ц⁴ 169 (погреб. 13).
- XLIX. Инвентарь грунтового погребения 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Бронзовый топор Ц⁴ 109; 2. Пряжка с головкой барана Ц⁴ 114; 3, 6. Плоские бронзовые стрелы Ц⁴ 117; 7. Бронзовый пояс Ц⁴ 112; 8. Бронзовая

- булава Ц⁴ 110; 9. Бронзовый кинжал с ажурной головкой Ц⁴ 107, 108; 10. Бронзовый кинжал с бронзовой рукоятью Ц⁴ 106; 11. Бронзовое копье Ц⁴ 111; 11, 12. Сердоликовые бусы Ц⁴ 118; 13. Предмет из основания оленьего рога с бронзовой насечкой Ц⁴ 121.
- I. Инвентарь грунтового погребения 20, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1. Бронзовый плоский поперечный топор Ц⁴ 236, типа западно-грузинского (месхо-джавахетского) „пехечо“; 2. Бронзовая булава со сквозным отверстием Ц⁴ 241; 3. Височное кольцо плакированное серебром Ц⁴ 232; 4. Бронзовое копье Ц⁴ 234; 5. Бронзовый клинок Ц⁴ 237. 6. Золотое полое височное кольцо Ц⁴ 240; 7. Остаток деревянного стержня булавы; 8. Плоская бронзовая стрелка Ц⁴ 253; 9. Бронзовый подток к копы Ц⁴ 235; 10. Бронзовая четырехгранная булава с отверстием Ц⁴ 238.
- II. Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около 1/5 нат. вел.): 1. Тонкокошенный темноглиняный орнаментированный сосуд с парными шишками по корпусу Ц⁴ 206 (погреб. 18); 2. Сероглиняный кувшин с рельефным изображением змеи Ц⁴ 133 (погреб. 11); 3. Тонкокошенный орнаментированный горшок-кружка Ц⁴ 205 (погреб. 18); 4. Светло-буроглиняный горшок-кружка с обсидиановым окошечком на дне Ц⁴ 247 (погреб. 20); 5. Лощеный темноглиняный сосуд с двумя обломанными ручками Ц³ 649 (погреб. 8); 6. Темноглиняный горшок с выступающей площадкой вместо ручки Ц⁴ 246 (погреб. 20).
- III. Инвентарь из грунтовых погребений, поздне-бронзовой эпохи, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба: 1, 2, 4. Бронзовое копье Ц⁴ 259, кинжальный клинок Ц⁴ 258 и булава Ц⁴ 257 из погребения 21; 3. Бронзовая булава Ц⁴ 539 из погребения 26; 5. Сердоликовые бусы Ц⁴ 568 погребения 32; 6, 7. Бронзовый фрагментированный и костяной гребешки Ц⁴ 565, 566, оттуда же; 8. Четыре бронзовых булавы Ц⁴ 562—564, оттуда же; 9. Ожерелье из спиральных бронзовых трубочек Ц⁴ 567, оттуда же.
- III. Глиняные орнаментированные кубки с полой ножкой из грунтовых погребений, поздне-бронзовой эпохи, могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (в 1/3 нат. вел.): 1. Погребение 19, Ц⁴ 214; 2. Погребение 32, Ц⁴ 569; 3. Погребение 37, Ц⁴ 75; 4. Погребение 13, Ц⁴ 168.
- LIV. Большой каменный круг в урочище Байбурт на р. Геряк-Чай
- LV. Каменные покровы погребальных ям в центре каменных кругов, малого и большого, на р. Геряк-Чай.
- LVI. Погребения бронзовой эпохи могильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Геряк-Чай: 1. Погребальная яма в центре большого каменного круга; 2. Группа глиняных сосудов, галечная привеска, бусы и коронки человеческих зубов в погребении 4.
- LVII. Образцы керамики из погребений в каменных кругах на реке Геряк-чай (в 1/5 нат. вел.): 1. Светлобурый сосуд с жгутовыми налепными поясами Ц³ 568 (погреб. 3); 2. Темноглиняный сосуд Ц³ 562, орнаментированный резным пояском в „елочку“ (погреб. в „малом кругу“); 3. Темноглиняный горшок орнаментированный углами Ц³ 561, оттуда же; 4. Черноглиняный сосуд с зашипынными поясками Ц³ 558, оттуда же; 5, 6. Темноглиняные кувшинчик Ц³ 578 и чашка Ц³ 580 (погреб. 4).
- LVIII. Погребение 3 могильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Геряк-Чай: 1. Деталь погребения: отпечаток черепа, ручных костей и булава; 2. Булавка бронзовая секировидная с фигуркой барана Ц³ 570.
- LIX. Внешний вид курганов Триалети: 1. Курган IV, „Карантин“ с остатками старой церкви (вид с северо-запада); 2. Курган 1 „Биук-Тепе“ (вид с юго-востока); 3. Курган XXVIII с чисто каменной насыпью в урочище Сабит-Ахча.

- LX. Внешний вид курганов Триалети: 1. Курган XVII „Хошабкелен-Гонц“ (вид с запада); 2. Курган XXXVI „Топ-Кар“ (вид с северо-запада).
- LXI. Процесс раскопки кургана IV „Карантин“: 1. Снятие второго слоя насыпи; 2. Выемка засыпи из круглой погребальной ямы кургана.
- LXII. Процесс раскопки курганов Триалети: 1. Вынос земли из погребальной ямы кургана IV „Карантин“; 2. Препарировка дна в северо-восточном углу „погребального зала“ кургана Топ-Кар (каменная кладка стен).
- LXIII. Погребальные площадки безъямных курганов Триалети: 1. Западная половина „погребального зала“ в кургане Топ-Кар; 2. Отпрепарированная погребальная площадь кургана XVIII с остатками золотого погребального „штандарта“ в центре.
- LXIV. Раскопка курганов в Триалети: 1. Выемка засыпи из погребальной ямы кургана XV („Гюрджекелен-Гонц“): отпрепарированная северная стена ямы и медный котел на переднем плане; 2. Отпрепарированное костыще у южного обреза насыпи безъямного кургана VIII („Тумасын-Тепеси“).
- LXV. Раскрытая погребальная яма и дромос со скелетом быка в кургане XV (вид с востока).
- LXVI. Отпрепарированное дно погребальной ямы в кургане XV (вид с южной стороны). В средней части два черепа быка и ножные фаланги, около северного черепа бронзовое копье Ц³ 417 (см. табл. CVI); слева фрагментированный медный котел Ц³ 401 и севернее его серебряная чашечка Ц³ 420 (см. табл. СII₁); справа, фрагментированная бронзовая ваза с дужкой Ц³ 405 (см. табл. LXXXVII), золотой барабанчик, золотые трубки „штандарта“ Ц³ 407—409 (см. табл. С) и бусы Ц³ 410, 412 (см. табл. XXII₁).
- LXVII. Отпрепарированное дно погребальной ямы в кургане XVII (вид с запада). На первом плане справа и слева ребра быков и другие кости; между ними один из окрашенных сосудов; в средней части ямы сильно фрагментированные сосуды; в восточном конце справа богато расписной „пифос“ Ц³ 290 (см. табл. LXXVII), кости животных и, слева, чернолощенная орнаментированная „гидрия“ Ц³ 292 и ряд других сосудов (см. табл. LXIX₁).
- LXVIII. Детали отпрепарированного дна погребальной ямы в кургане XVII: 1. Фрагмент богато-расписного „пифоса“ Ц³ 290 (см. табл. LXXVII), серебряные булавки (две из них с золотыми головками) Ц³ 269, 270, (см. табл. XCVII_{1, 2}) и фрагментированное ведерко Ц³ 268 (см. табл. LXXXVIII); 2. Серебряный клинок кинжала Ц³ 286 (см. табл. CV₂), золотой рубчатый стержень Ц³ 284 и ребра быка.
- LXIX. Детали отпрепарированного дна курганных погребальных ям: 1. Юго-западный угол ямы кургана XVII: на переднем плане золотой кубок Ц³ 283 (см. табл. XCIII), далее ряд трех разбитых сосудов, расписного Ц³ 295 (см. табл. LXXVI) и двух чернолощенных орнаментированных Ц³ 292, 294; 2. Южная сторона ямы кургана VII: золотая чаша Ц³ 971 (см. табл. CI₁) вверх дном и ряд разбитых сосудов.
- LXX. Остатки животных частей в курганных погребениях: 1. Ножные фаланги быков и пять конечных хвостовых позвонков от шкуры, покрывавшей мясо, сложенное в северо-восточном углу ямы кургана VII; 2. Оленьи рога с частью черепа в насыпи кургана XXXIV, над погребальной ямой.
- LXXI. Детали препарировки курганов: 1. Поверхность древней стены ямы, освобождаемая от засыпи в кургане XVI; 2. Следы плетеной циновки на дне ямы кургана XVII.
- LXXII. Детали раскопки курганов: 1. Серебряная кружка Ц³ 208 (см. табл. СII₂) на дне глиняного сосуда в кургане XVI; 2. Внешний вид раскопанной четырехугольной погребальной ямы с дромосом в кургане XV (вид с юга).
- LXXIII. Курганные чернолощенные крупные сосуды типа гидрий и пифосов (в 1/7 нат. вел.): 1. „Гидрия“ Ц³ 293, орнаментированная накольно-ленточным орнаментом

- (см. табл. LXXIV) из кургана XVII; 2. „Гидрия“ Ц³ 291, орнаментированная циркульными кругами, шевронами и ромбами, отсюда же; 3. „Пифос“ с двумя ручками без орнамента Ц³ 227 из кургана V; 4. Низкогорлый сосуд орнаментированный шишками и елочными лентами Ц³ 297 из кургана XVII.
- LXXIV. Накольно-ленточная орнаментовка на чернолощеном с розовой подкладкой сосуде Ц³ 293 из кургана XVII: 1. Деталь плечика сосуда; 2. Развертка орнамента.
- LXXV. Образцы сероглиняной орнаментированной ленточными шевронами курганной керамики с пишущим черепком (в 1/3 нат. вел.): 1. Сосуд Ц³ 196 из кургана XVI; 2. Фрагменты плечика сосуда Ц³ 388 из кургана V.
- LXXVI. Красноглиняный с тонким светлым ангобом расписной сосуд Ц³ 295 в форме гидрии из кургана XVII (см. табл. LXIX) в 1/4 нат. вел.
- LXXVII. Красноглиняный с кремовым плотным ангобом богато расписной сосуд Ц³ 290 из кургана XVII (см. табл. LXXVII и LXXVIII) в 1/4 нат. вел.
- LXXVIII. Красноглиняные с легким светлым ангобом расписные вазы из кургана V (в 2/7 нат. вел.): 1. Реставрированная полностью Ц³ 279; 2. Реставрированное горло Ц³ 306.
- LXXIX. Фрагменты красноглиняного с кремовым ангобом расписного сосуда Ц³ 307 в форме пифоса из кургана V (в 1/3 нат. вел.).
- LXXX. Красноглиняный с кремовым ангобом расписной сосуд Ц³ 435 из кургана VI (в 1/4 нат. вел.).
- LXXXI. Красноокрашенная расписная керамика ямных курганов (в 1/3 нат. вел.): 1. Ваза с пятью шевронами и птицами Ц³ 885 из кургана VII; 2. Миска с луговым орнаментом по краю Ц³ 404 из кургана XV.
- LXXXII. Красноокрашенный расписной сосуд с семью шевронами Ц³ 970 из кургана VII (в 2/5 нат. вел.).
- LXXXIII. Фрагменты красноокрашенных расписных сосудов из ямных курганов Триалети (в 1/2 нат. вел.): 1—4. Из кургана 1 (Биюк-Теле); 5—7. Из кургана XV.
- LXXXIV. Мелкая глиняная посуда из курганных погребений (в 1/3 нат. вел.): 1. Чернолощенный орнаментированный кувшин Ц³ 299 из погребения в кургане XVII; 2. Сероглиняный бомбовидный кувшин с уплощенным дном Ц³ 300, отсюда же; 3, 4, 6. Бомбовидные сероглиняные кувшинчики Ц³ 257 и 258 из засыпи ямы того же кургана; 5. Чернолощенные тонкостенные с вогнуто-выпуклым орнаментом двуручные чаши из кургана XXV („Биюк Аю-Тепеси“).
- LXXXV. Фрагменты керамики с погребальной площадки безъямного кургана VII („Тумасын Тепеси“) в 2/3 нат. вел.: 1. Фрагменты чернолощеного трехручного сосуда с вогнуто-выпуклым орнаментом Ц³ 776; 2. Фрагменты грубоватого темнубурого сосуда с глубоко резным орнаментом Ц³ 764.
- LXXXVI. Фрагменты тонкоглиняной чернолощеной керамики с канелюрами и тонкорезным орнаментом Ц³ 582 из кургана XI (в 3/6 нат. вел.).
- LXXXVII. Бронзовая ваза на полой ножке с дужкой Ц³ 405 из кургана XV (см. табл. LXVI) в 2/3 нат. вел.
- LXXXVIII. Серебряное в золотой оправе ведерко, орнаментированное чеканкой Ц³ 268 (см. табл. LXVIII), в нат. вел.
- LXXXIX. Детали чеканки на серебряном ведерке (см. табл. LXXXVIII) в четырехкратном увеличении: 1. Олень и повернувшая голову лань; 2. Собака (?) и молодой олень.
- XC. Детали чеканки на серебряном ведерке (см. табл. LXXXVIII) в четырехкратном увеличении: 1. Бык с привязью и молодой олень со стрелой в груди; 2. Козел или серна.
- XCI. Серебряный кубок, орнаментированный чеканкой и резным узором, Ц³ 282, из кургана V („Корух Таш“), более чем в полуторном увеличении.

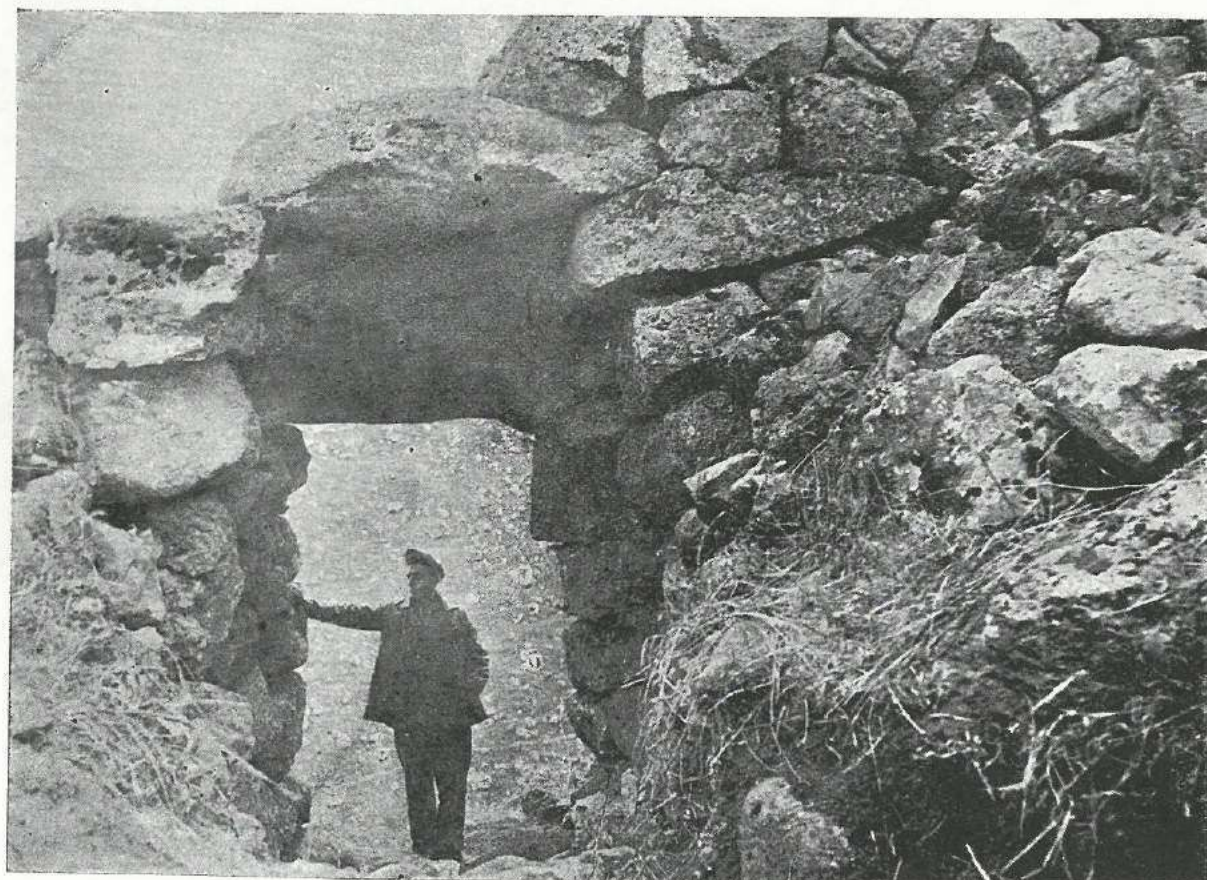
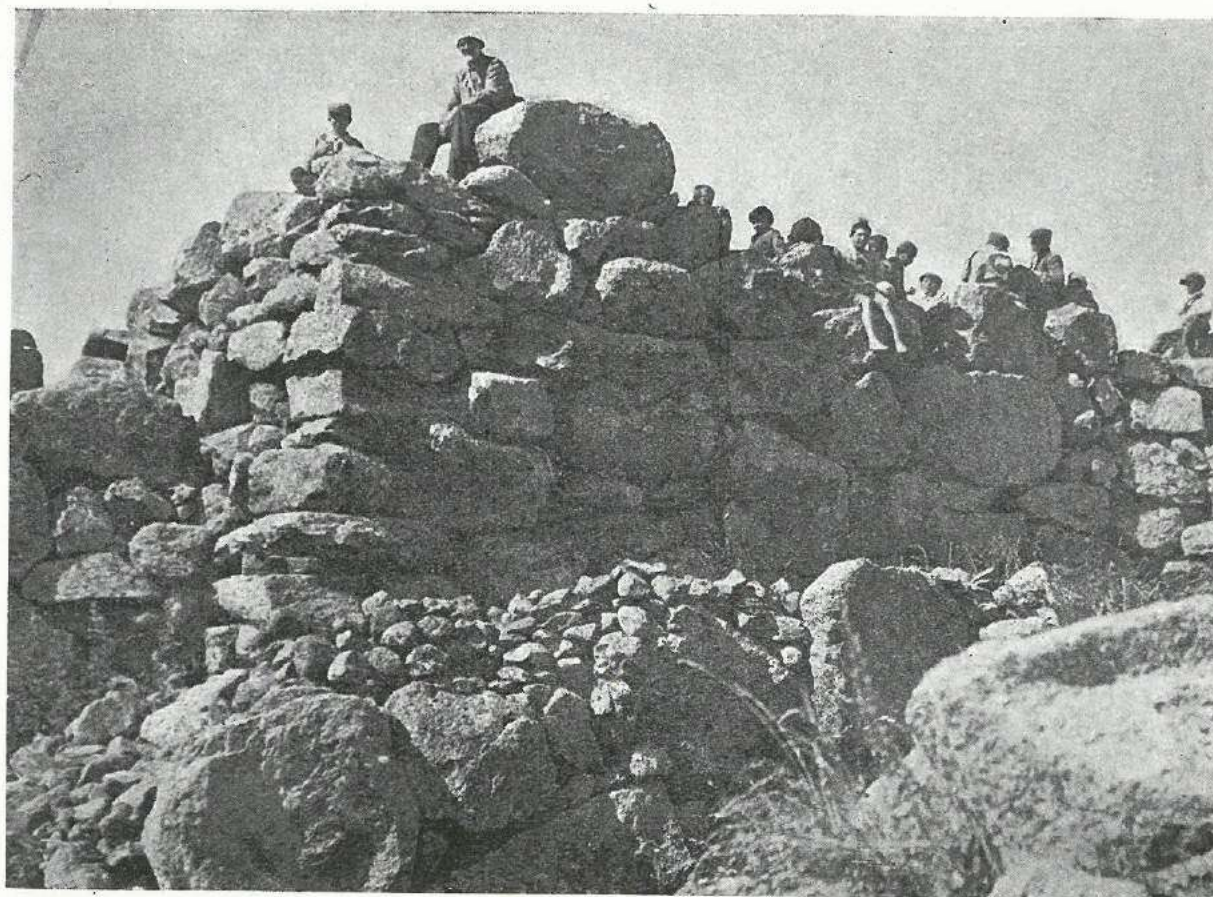
- ХСII. Деталь чеканки на серебряном кубке Ц² 282 из кургана V (увел. в 2^{1/2} раза).
- ХСIII. Кубок из червонного золота, украшенный аппликацией, филигранью и вставными камнями (бирюза, сердолик), Ц³ 283 из кургана XVII (см. табл. XIX₁), в натураль- ный размер.
- ХСIV. Детали золотого ожерелья (см. табл. ХСV) из кургана VIII („Тумасын Тепеси“) в натуральный размер: 1. Буса украшенная филигранью, зернью и вставными камня- ми Ц² 598; 2. Агатовый кулон в золотой оправе Ц² 595.
- ХСV. Золотое ожерелье (расположение бус произвольно) с агатовым кулоном, Ц² 598— 603, 595, из кургана VIII (в нат. вел.).
- ХСVI. Золотой инвентарь из безъямных курганов Триалети (в нат. вел.): 1—3. Золотые нашивные пластинки Ц² 597 из кургана VIII; 4—6. Золотые бусы Ц² 598 и 599 от ожерелья (см. табл. ХСV) из того же кургана (слегка уменьшены); 5. Золотой ажурный аграф Ц² 882 из кургана IX; 7,8. Золотые ленточные оковки Ц² 927 и 740 из кургана VIII; 9,11. Золотые трубочки Ц² 852, отсюда же; 10. Половинка по- лой золотой бусы Ц² 753 из кургана IX.
- ХСVII. Золотой инвентарь из курганов Триалети (слегка уменьшен): 1. Золотая фигурка животного (горный баран, олень или лошадь) из кургана V (см. табл. ХСVIII); 2. Ка- менная резная подставка в золотой обкладке; 3—5. Серебряные булавки с золоты- ми головками Ц³ 173 из кургана XXXVI („Топ Кар“) и Ц³ 270^{a,b} из кургана XVII.
- ХСVIII. Золотой инвентарь из курганов Триалети: 1, 2. Золотые полые паяные золотом завитки с погремками внутри Ц² 596 из кургана VIII (в нат. вел.); 3—10. Предметы из кургана V (слегка увеличены): цилиндрическая обкладка трости Ц² 283, укра- шенная зернью согнутая лентовидная пластинка с завернутыми краями Ц² 310, бусы гладкие и рубчатые Ц² 285 и 299, фигурка животного Ц² 272 и каменная под- ставка Ц² 284.
- ХСIX. Золотые орнаментированные барабанчики (около нат. вел.) для „штандартов“ (?): Ц² 406, из кургана VI, и Ц³ 407, из кургана XV (см. табл. С).
- С. Золотое убранство погребального „штандарта“ из кургана XV (см. табл. LXVI): трубки для шнуров Ц³ 408, 409^{a,b}, барабанчик Ц² 407 с выбивным орнаментом (две пары львов, меандр и валюты наверху) (см. табл. ХСIX₂), воронки для кистей Ц² 411.
- СI. 1. Золотая кованная чашечка Ц² 971 из кургана VII (см. табл. LXIX₂); 2. Аметистовая привеска в форме сердца Ц³ 520, агатовые привески, треугольные Ц³ 521 и в форме ноги Ц³ 522 (носок обломан), и цилиндрическая сердоликовая инкрустированная белыми полосками буска Ц³ 623, из под насыпи кургана XIII.
- СII. Серебряные сосуды из ямных курганов Триалети: 1. Чашечка Ц³ 406 (немного уменьшена) из кургана XV (см. табл. LXVI); 2. Кружка Ц³ 208 (в нат. вел.) из кургана XVI (см. табл. LXXII₂).
- СIII. Золотые пластинчатые изделия из кургана XVII (в нат. вел.) 1. Диск с остро- шишечным и кружковым давленным орнаментом Ц³ 272; 2—4. Три тонких полуша- рия Ц³ 271; 5. Полушарные нашивки с двумя отверстиями каждая Ц³ 282.
- СIV. Золотые предметы из кургана XXXVI („Топ-Кар“) в натуральный размер (за исклю- чением первого): 1, 3. Нижняя и верхняя стороны шаровидной булавочной головки (в полуторном увеличении), украшенной филигранью (три восьмерковидные спирали), зернью и камнями Ц³ 173; 2. Шаровидная полая буса Ц³ 206; 4. Фраг- мент орнаментированной кружковым штампом и гравировкой обивки Ц³ 178; 5. Шаровидная полая из двух полушарий с шишечным узором буса Ц³ 165 из кургана XXXIII; 6. Биконическая ребристая буса Ц³ 163; 7. Золотая обивка ступен- чато-резной, видимо, деревянной колонки Ц³ 170.
- СV. Кинжальные клинки и шило из курганных погребений Триалети (в нат. вел.): 1. Бронзовый кинжал Ц³ 417 из кургана XV; 2. Серебряный кинжал Ц³ 286 из

- кургана XVII; 3. Бронзовый кинжал Ц³ 462 из под насыпи безъямного кургана XVIII; 4. Четырехгранное бронзовое шило Ц² 418 из кургана XV.
- СVI. Бронзовое (великолепно патинированное) с серебряной обоймочкой копьё Ц³ 417 (в ⁸/₉ нат. вел.) из кургана XV (см. табл. LXVI).
- СVI bis. Obsидиановый инвентарь курганов Триалети (в нат. вел.): 1—5. Стрелы Ц⁵ 159 из погребения „воина“ в кургане XL; 6—9. Стрелы Ц⁵ 174—177 из „погребального зала“ в кургане XXXVI; 10 „Окошечко“ Ц³ 179, отсюда же; 11—14. Дисковидные „окошечки“ Ц² 257, 270, 290 из кургана V; 15—17. Стрелы Ц³ 421, 422 из кургана XV; 18—19. Стрелы Ц³ 225 и 236 из насыпи ямы в кургане XIX.
- СVII. Деревянная четырехколесная повозка Ц⁴ 614 in situ в кургане XXIX. Сзади рабочего виден сочащийся по стене родник.
- СVIII. Курганы в урочище Сабит-Ахча: 1. Общий вид раскопанных курганов XXIX (справа), XXX и XXXI; 2. Родниковое озерко в погребальной яме кургана XXIX (с деревянной колесницей).
- СIX. Инвентарь кургана XXIX (с колесницей) 1. Чернолощенный глиняный сосуд Ц⁴ 609 (в ¹/₃ нат. вел.); 2. Золотые полые завитки Ц⁴ 607 (в нат. вел.); 3. Золотая круглая спиралька Ц⁴ 608; 4. Клинок кинжала с намеренно обломанным и погнутом кончиком и язычком рукояти Ц⁴ 606 (в нат. вел.).
- СX. Погребения в курганных ямах с сохранившимися костяками: 1. Погребение покой- ника в сидячей позе с подогнутыми „по турецки“ ногами, в кургане XXII; 2. Скор- ченное на правом боку погребение эпохи древней бронзы в яме кургана XIII; в головах фрагментированный кувшин Ц³ 545 и глиняная кружка Ц³ 547.
- СXI. Курганные погребения эпохи древней бронзы в Триалети: 1. Вскрытая могильная яма (вид с запада) с детским погребением в кургане XXV („Дурна Тепеси“). Видны бедряные кости ребенка и за ними глиняная большая кружка Ц⁴ 275 (см. табл. СХIV). Следы откатившегося черепа заметны против середины северной стены; 2. Округло-четыреугольная погребальная яма (вид с запада) в кургане XIX (см. табл. СХII).
- СХII. Погребение эпохи древней бронзы в кургане XIX: 1. Дно курганный ямы (вид сверху с северной стороны). Налево виден глиняный кувшин Ц³ 321, в центре медное плоское лезвие Ц³ 323 (см. рис. 109, в тексте); 2. Чернолощенный орна- ментированный кувшин Ц³ 321 in situ.
- СХIII. Курган X эпохи древней бронзы: 1. Круглая погребальная яма (выемка насыпи ямы на глубине 8 метров); 2. Аппарель для очистки ямы от насыпи (на глубине около 7 метров).
- СХIV. Образцы керамики (в ¹/₃ нат. вел.) и серебряный завиток (в нат. вел.) из древней группы курганов: 1. Кувшин чернолощенный из кургана XIX, орнаментированный тонко-линейновдавленным узором Ц³ 321 (см. табл. СХII); 2. Большая глиняная кружка, орнаментированная линейнорезным и вогнутовыпуклым орнаментом Ц⁴ 275 из кургана XXIV (см. табл. СХI); 3. Массивная полутороспиральная подвеска Ц² 139 в двух положениях из насыпи кургана IV („Карантин“); 4. Глиняная округло-остродонная кружка Ц³ 547 с тонко-линейновдавленным узором из кургана XIII (см. табл. СХ₂); 5. Фрагментированный чернолощенный кувшин Ц³ 658 с тонко-линейновдавленным узором из основного погребения в кургане IV („Каран- тин“); 6. Чернолощенный кувшин Ц³ 545 с тонко-линейновдавленным узором из основного погребения в кургане XIII (см. табл. СХ₂).
- СХV. Медный инвентарь „воина“ из погребения в кургане XL (в нат. вел.): 1. Плоский наконечник копья Ц³ 256; 2, 4. Две, из шести, выпуклости с отверстиями для ремешков и шишечным орнаментом от „лат“ Ц³ 119; 3. Плоский клинок кин- жала Ц³ 255.

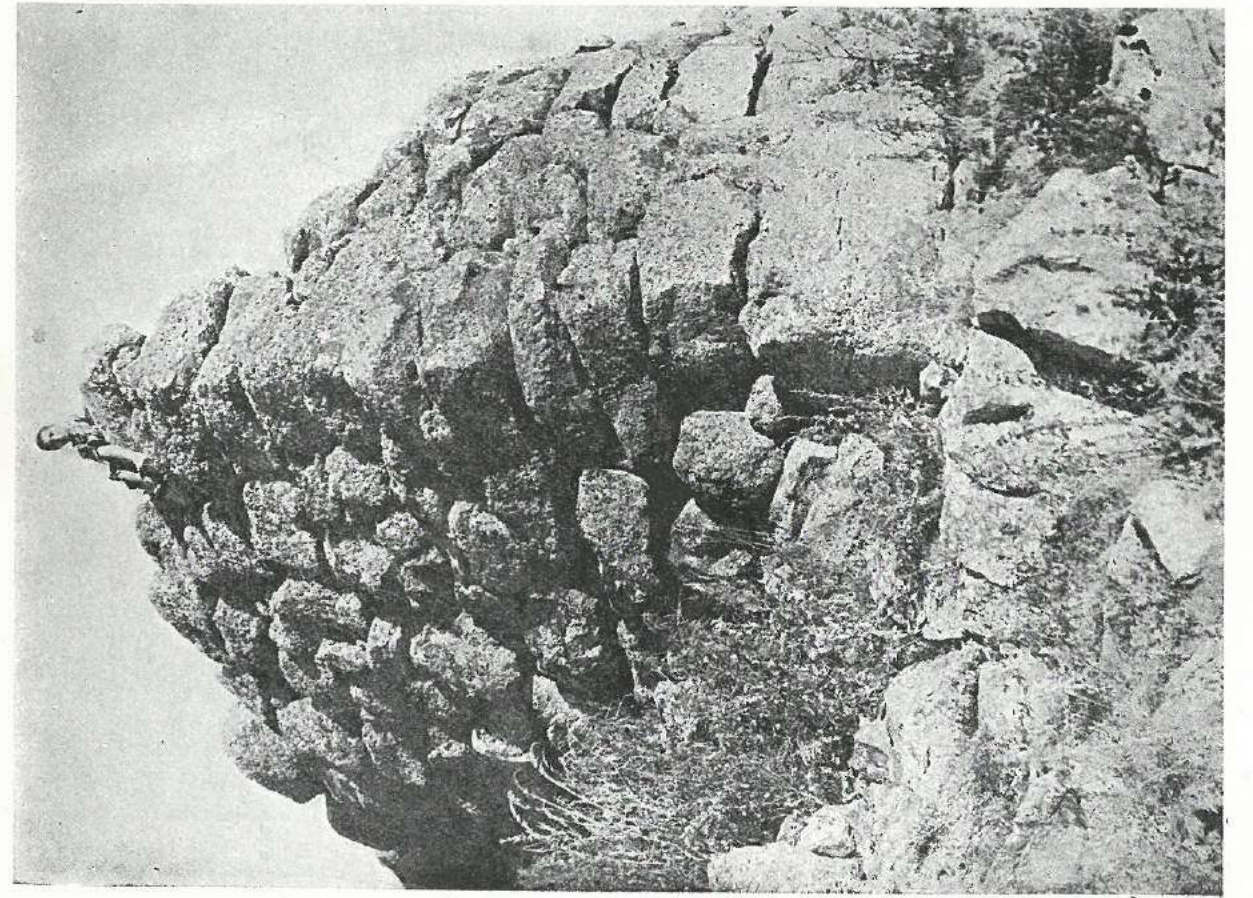
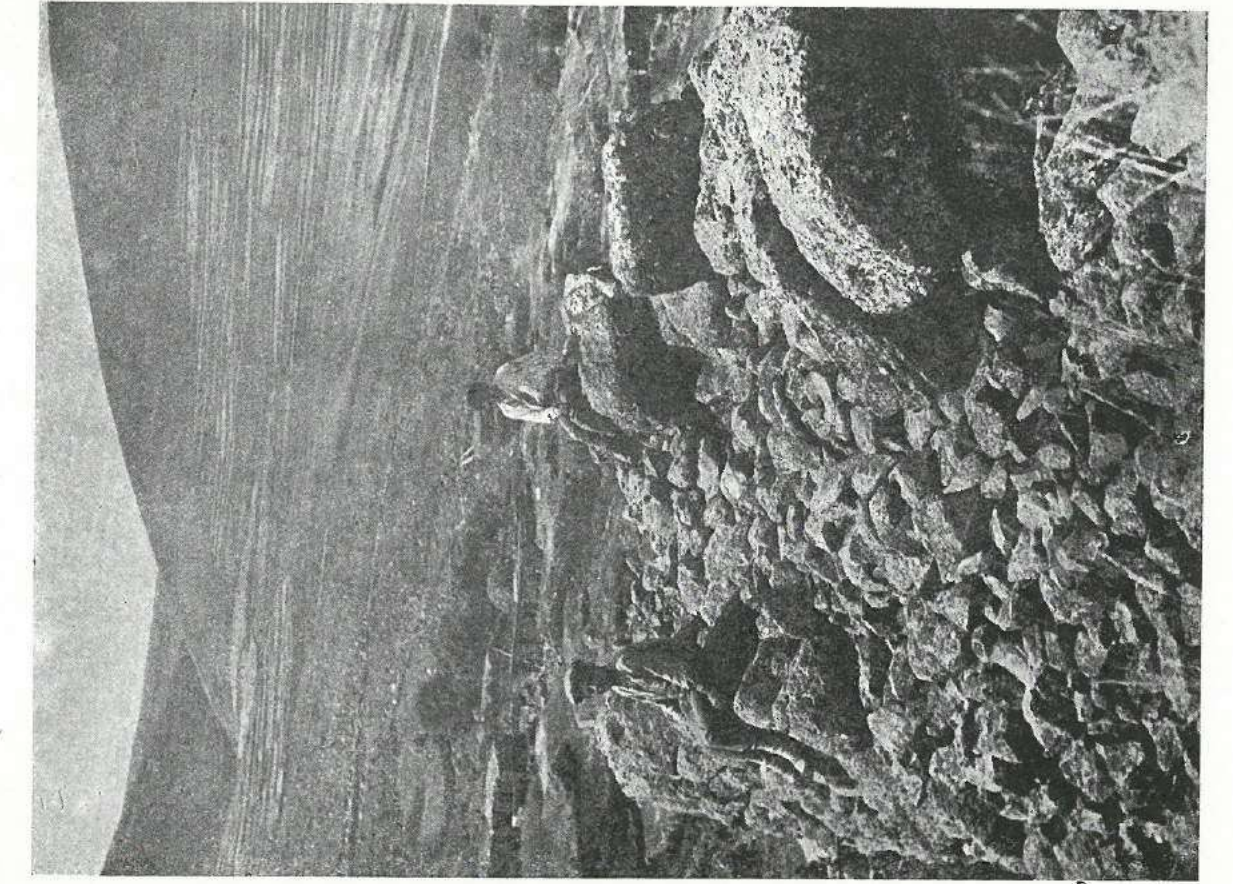
- CXV bis. Инвентарь воина из погребения в кургане XL (в нат. величину): 1. Гематитовая булава Ц³ 122; 2. Гематитовая булава из разграбленного кургана Биюк-Тумб в Бешташени Ц³ 209; 3. Золотые тонколистные спаянные золотом цилиндрические обкладки древка Ц³ 123.
- CXVI. Бешташенская крепость: 1. Общий вид на северо-восточный участок „крепости“ с энеолитическим культурным слоем (вид со стороны речки Башкев-Су); 2,3. Детали остатков северной стены циклопической кладки.
- CXVII. Культурный слой внутри Бешташенской крепости: 1. Четыреугольное жилище с глиняной „торней“ (круглой хлебной печью) в верхнем культурном слое; 2. Нижний энеолитический культурный слой под настилом из каменных плит.
- CXVIII. Энеолитический культурный слой вне стен Бешташенской крепости: 1. Энеолитический культурный слой (видно скопление фрагментов энеолитической керамики), нарушенный ящичными погребениями середины I тысячелетия до нашей эры; 2. Энеолитический очаг. Слева два камня зернотерки Ц⁴ 345 и 346, в центре скопление золы (после удаления фрагментов глиняной обмазки дымохода) и на переднем плане и справа три глиняных сосуда Ц⁴ 429, 430, 432 (см. табл. СХХШ). На заднем плане: фрагмент керамики с рельефной спиралью Ц⁴ 340 (см. табл. СХХ₅) и ручка сосуда.
- CXIX. Кремневый инвентарь энеолитического слоя и древней группы курганов (в нат. вел.): 1. Обсидиановая ножевидная пластинка Ц³ 243 из насыпи кургана XIX; 2. Ножичек из розового кремня (зубчатость края преувеличена в цинкографии) Ц⁴ 66 из под насыпи безъямного кургана XXIII; 3. Пилка из розового кремня Ц⁴ 142 из культурного слоя Бешташенской крепости; 4, 7. Наконечники стрел Ц⁴ 334, 438 из буровато-розового кремня, оттуда же; 5. Кривой нож из буровато-розового кремня Ц⁴ 183 оттуда же (энеолитический слой); 6. Основание такого же ножа Ц⁴ 677; 8. Обсидиановый откол из культурного слоя Бешташенской крепости.
- CXX. Образцы художественной керамики из энеолитического слоя Бешташенской крепости: 1, 2. Тонко-полированная черная с серой подкладкой керамика, орнаментированная вогнуто-выпуклым узором Ц⁴ 178 (в нат. вел.); 3. Чернолощенная керамика с широким линейным вдавленным узором Ц⁴ 190 (в нат. вел.); 4. Черная с розовой подкладкой керамика с рельефной спиралью Ц⁴ 339 (в нат. вел.); 5. Светло-бурая керамика с остро-рельефной спиралью Ц⁴ 340 (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.); 6. Фигурка животного из светло-бурой глины (головка отломана) Ц⁴ 335 (в нат. вел.).
- CXXI. Образцы расписной керамики из верхних частей энеолитического слоя Бешташенской крепости (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.): 1. Венчик сосуда с грубой красно-бурой росписью Ц⁴ 182^a; 2. Фрагмент с красным полированным покровом и черной росписью Ц⁴ 182^b; 3. Фрагмент со светлым ангобом и черной росписью Ц⁴ 328.
- CXXII. Образцы чернолощенной керамики с вдавленнорезным ленточным орнаментом из культурного слоя Бешташенской крепости на границе с энеолитическим (почти в нат. вел.).
- CXXIII. Керамика энеолитического очага и энеолитического культурного слоя Бешташенской крепости (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.): 1—3. Светлобурые сосуды Ц⁴ 429, 430, 432 из очага (см. табл. СХVIII₂); 4. Чернолощенная с розовой подкладкой миска Ц⁴ 174^a.
- CXXIV. Образцы керамики из энеолитического слоя Бешташенской крепости: 1. Ножка вазы с красным полированным покровом Ц⁴ 174^b (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.); 2. Двойная темносероглиняная лощеная кружка Ц⁴ 176 (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.); 3. Чернолощенная с розовой подкладкой высокая миска Ц⁴ 177^b (в $\frac{2}{7}$ нат. вел.); 4. Светлобуроглиняная кружка Ц⁴ 327 (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) с резным пиктограммообразным орнаментом (см. в тексте рис. 116); 5. Фрагменты плечиков черного с краснобурой подкладкой сосуда с рельефным подковообразным орнаментом и непроемной миниатюрной ручкой Ц⁴ 571 (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.).

- CXXV. Образцы керамики энеолитических погребений (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) и ручек из культурного слоя (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.): 1. Лощеная буроглиняная миска с парными шишковидными выступами вместо ручек Ц⁴ 723 из ящичного погребения у шоссе в Бармаксыз; 2. Лощеная буроглиняная кружка Ц⁴ 724, оттуда же; 3. Лощеная буроглиняная миска с двумя миниатюрными ручками Ц⁴ 818—819 из погребения у с. Таш-Баш; 4. Темнобурая лощеная миска с треугольным сосочковидным выступом Ц⁴ 825, оттуда же; 5. Фрагменты массивных ручек от бурых и чернолощенных сосудов с Бешташенской крепости.
- CXXVI. Пещеры Бармаксызского ущелья: 1. Правый борт Бармаксызского ущелья; 2. Площадка с эпипалеолитической стоянкой перед пещерообразным углублением в левом борту ущелья.

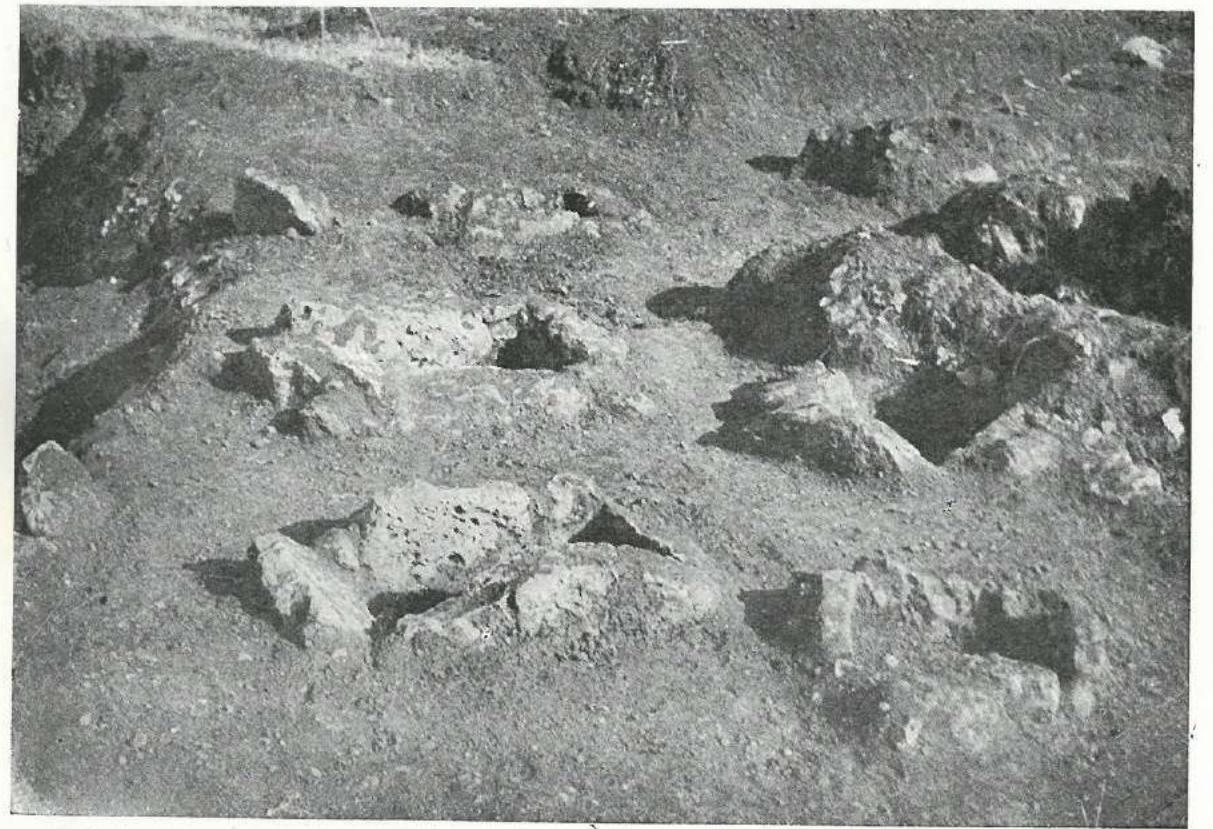
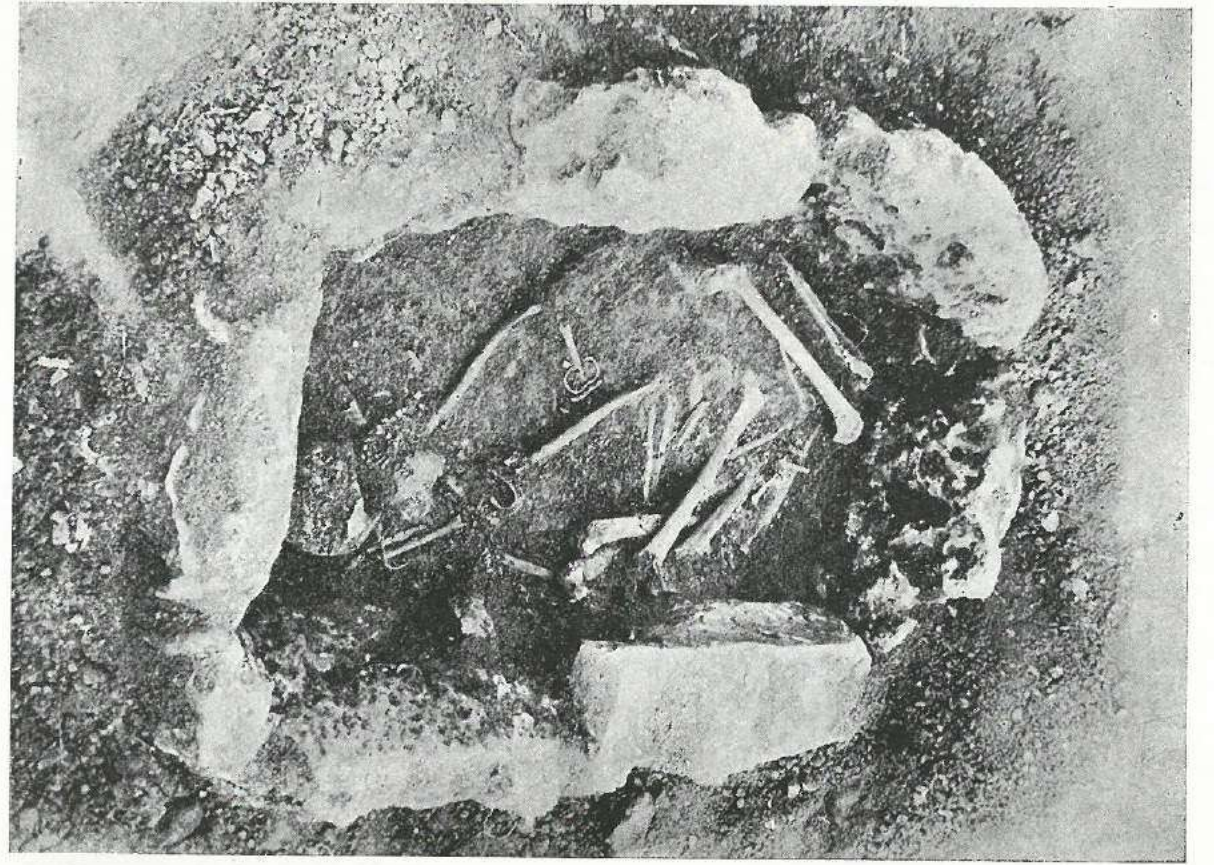
ТАБЛИЦЫ

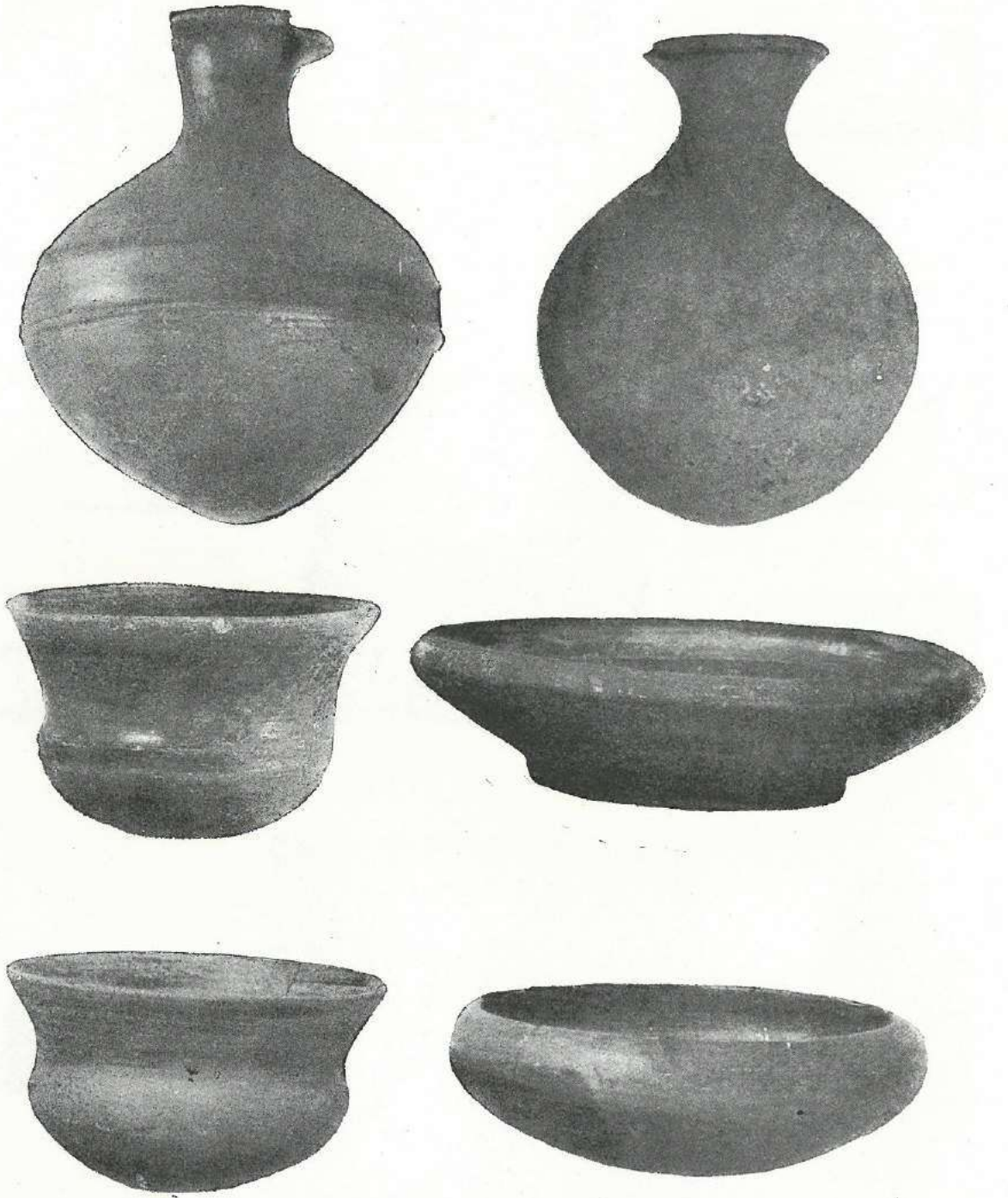
Циклопическите крепости в сел. Нардewan и Аеранло

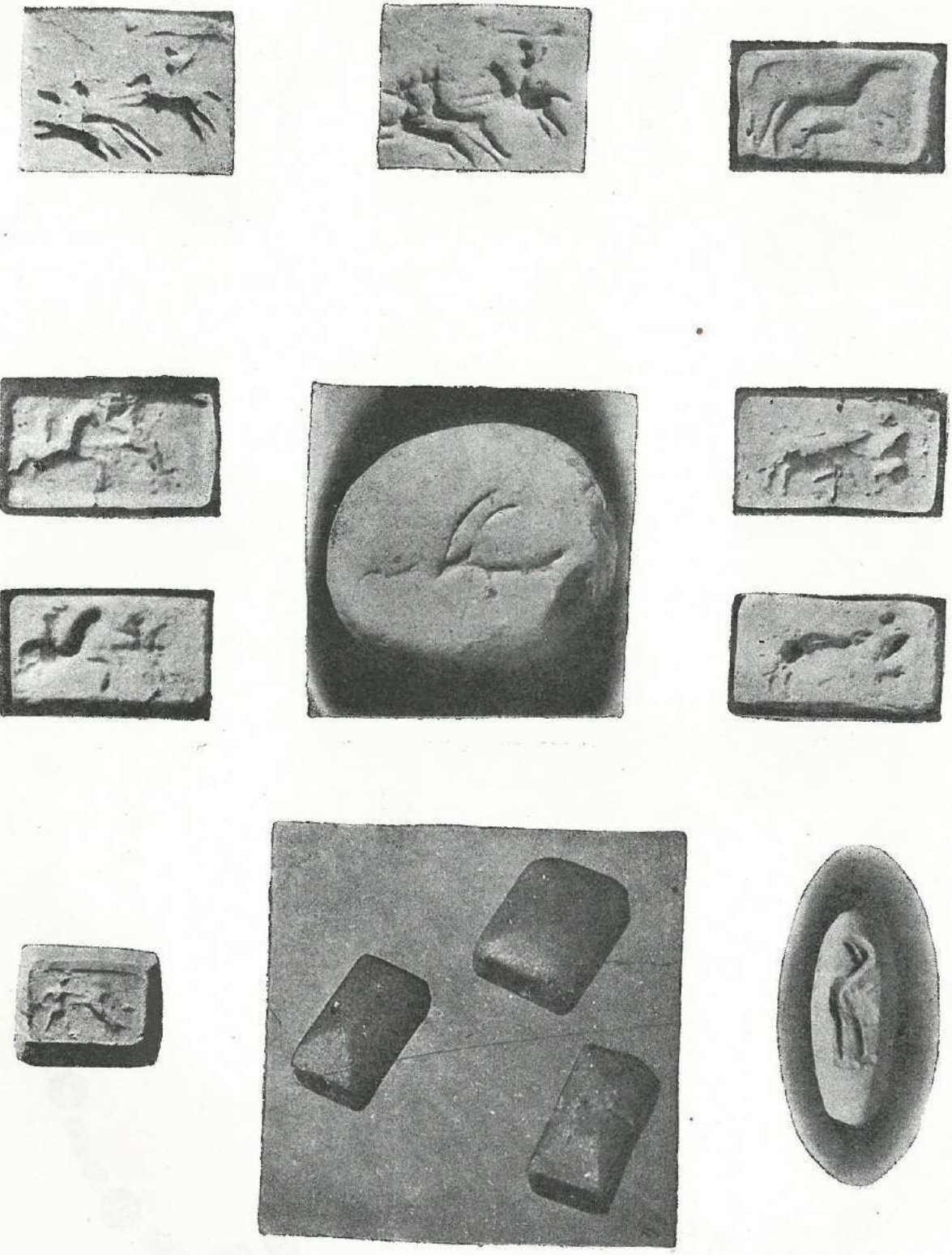
Детали циклопической крепости селения Нардеван: контрофорс и толща стен

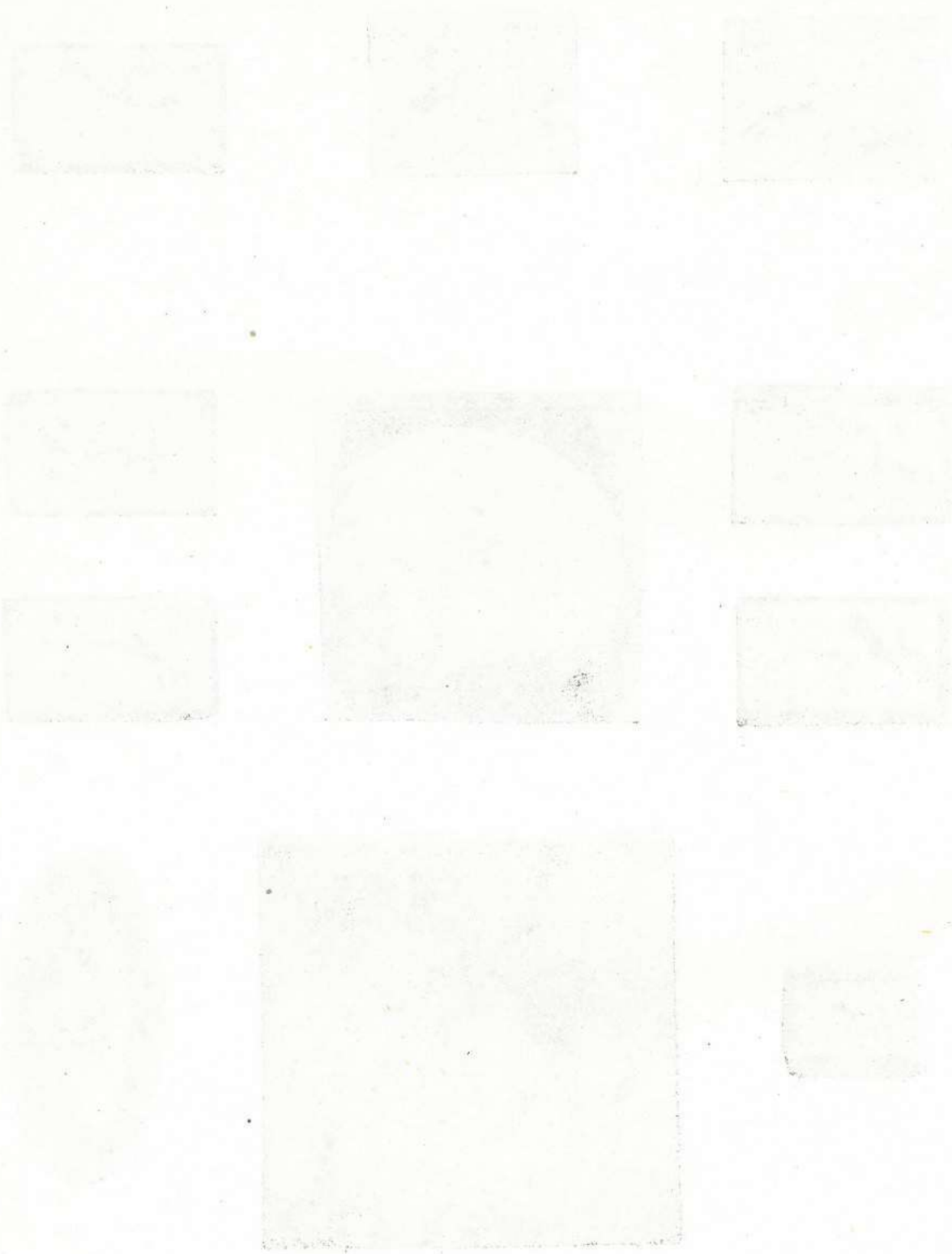
Могильник поздне-ахеменидской эпохи в урочище Нерон-Дереси

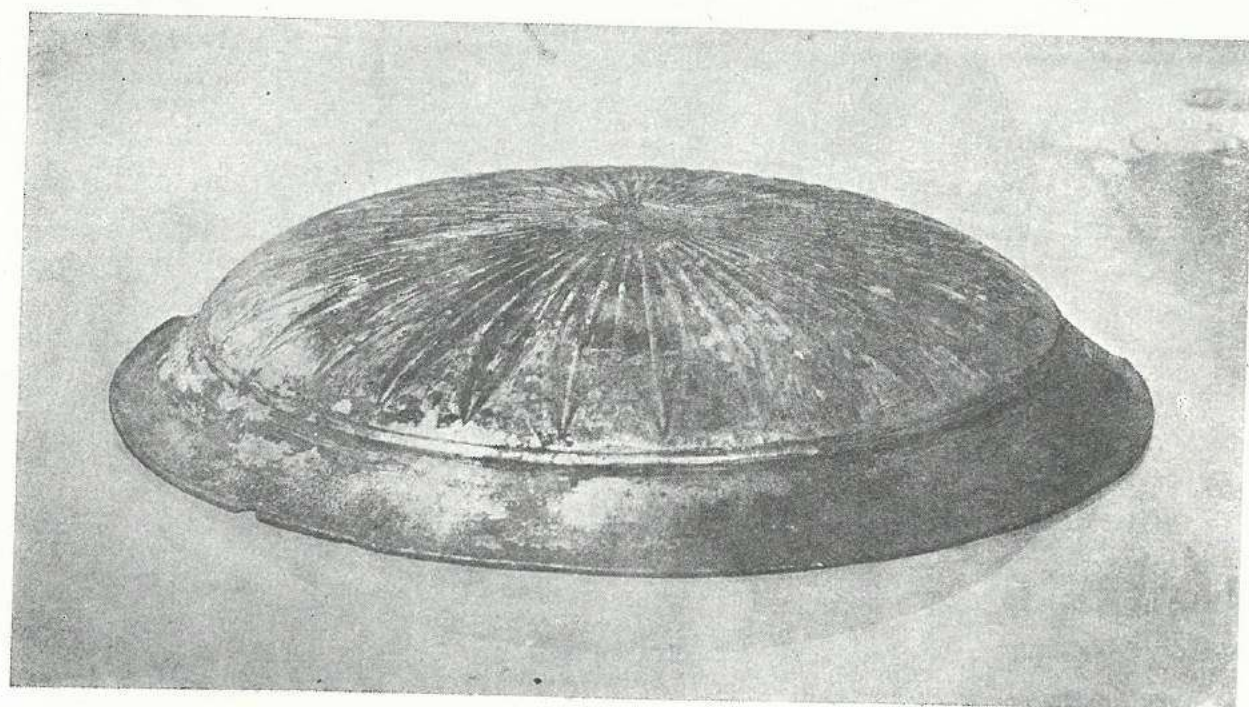
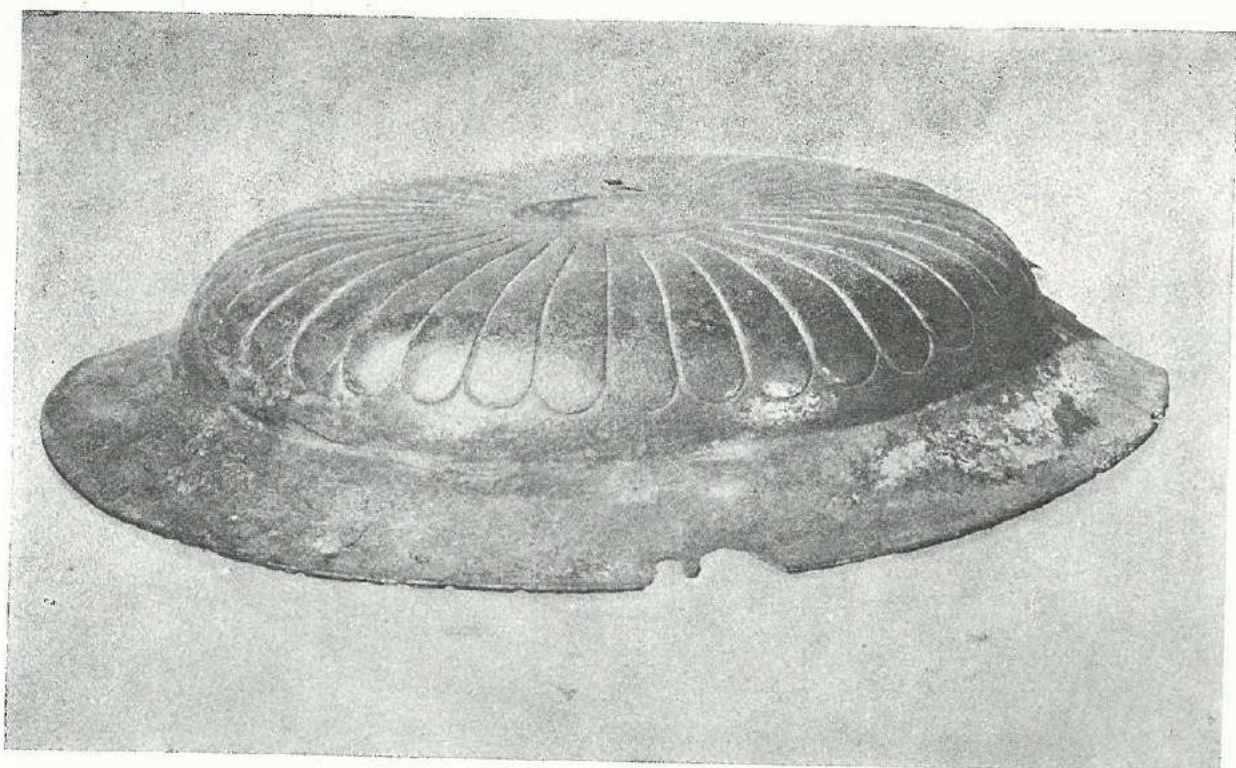
Образцы керамики ахеменидской эпохи (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.)

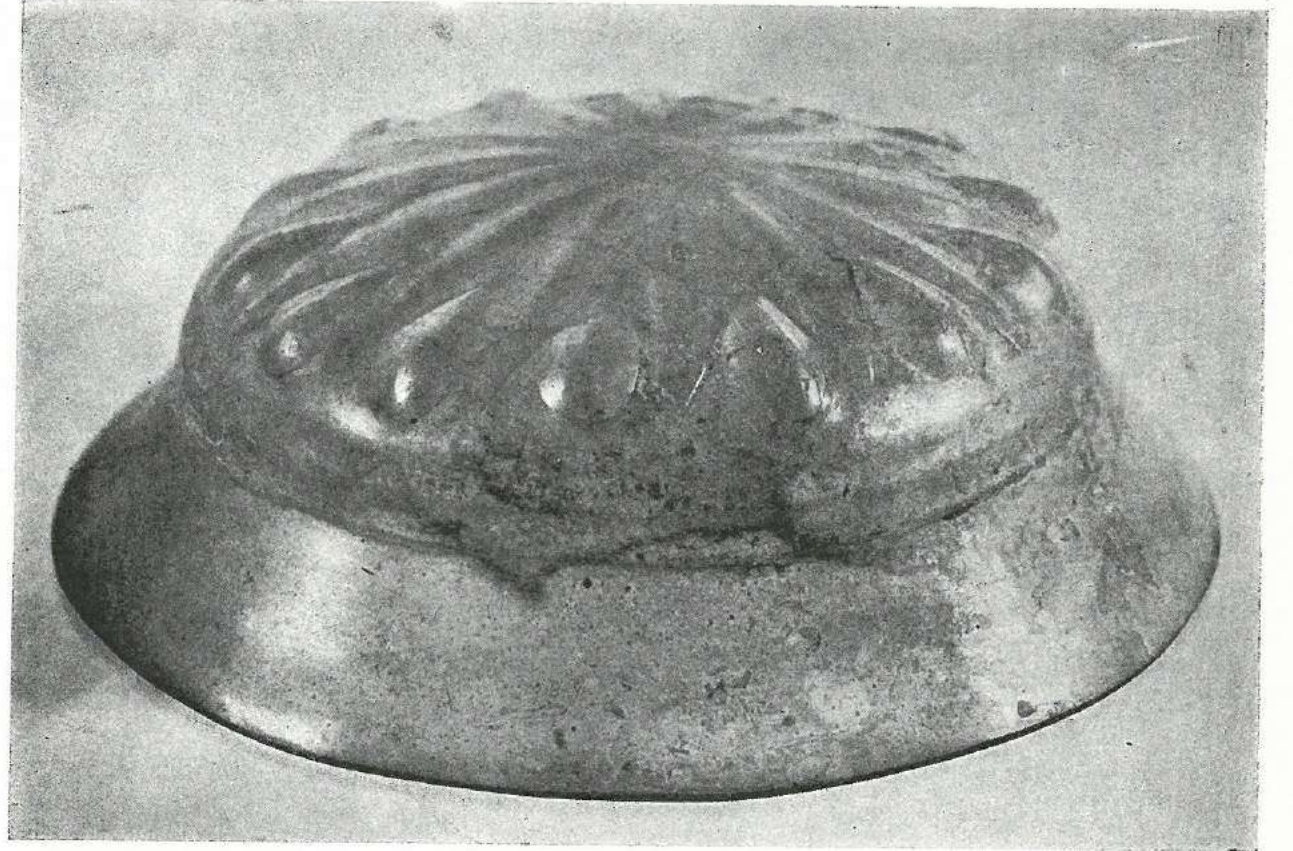
Четырехугольные пронизки из синего стекла и геммы на камне

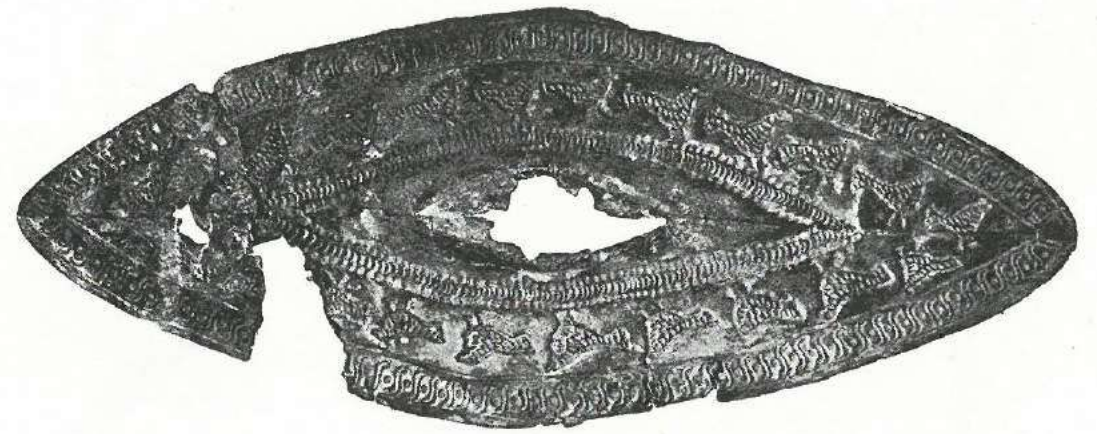
Бусы разного времени из погребений в Триалети

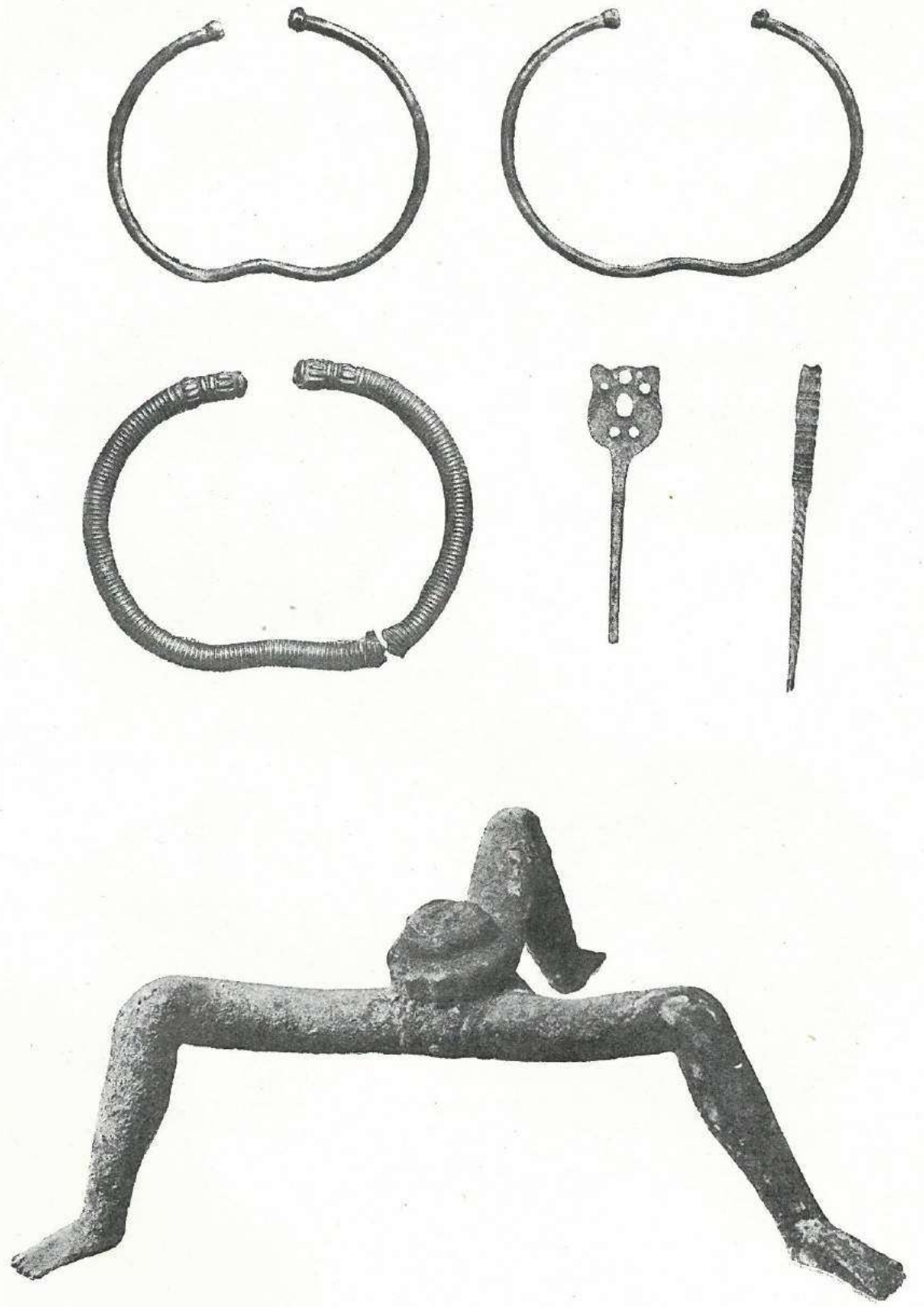
Серебряная посуда из Алгетского погребения ахеменидской эпохи (е $\frac{2}{3}$ нат. вел.)

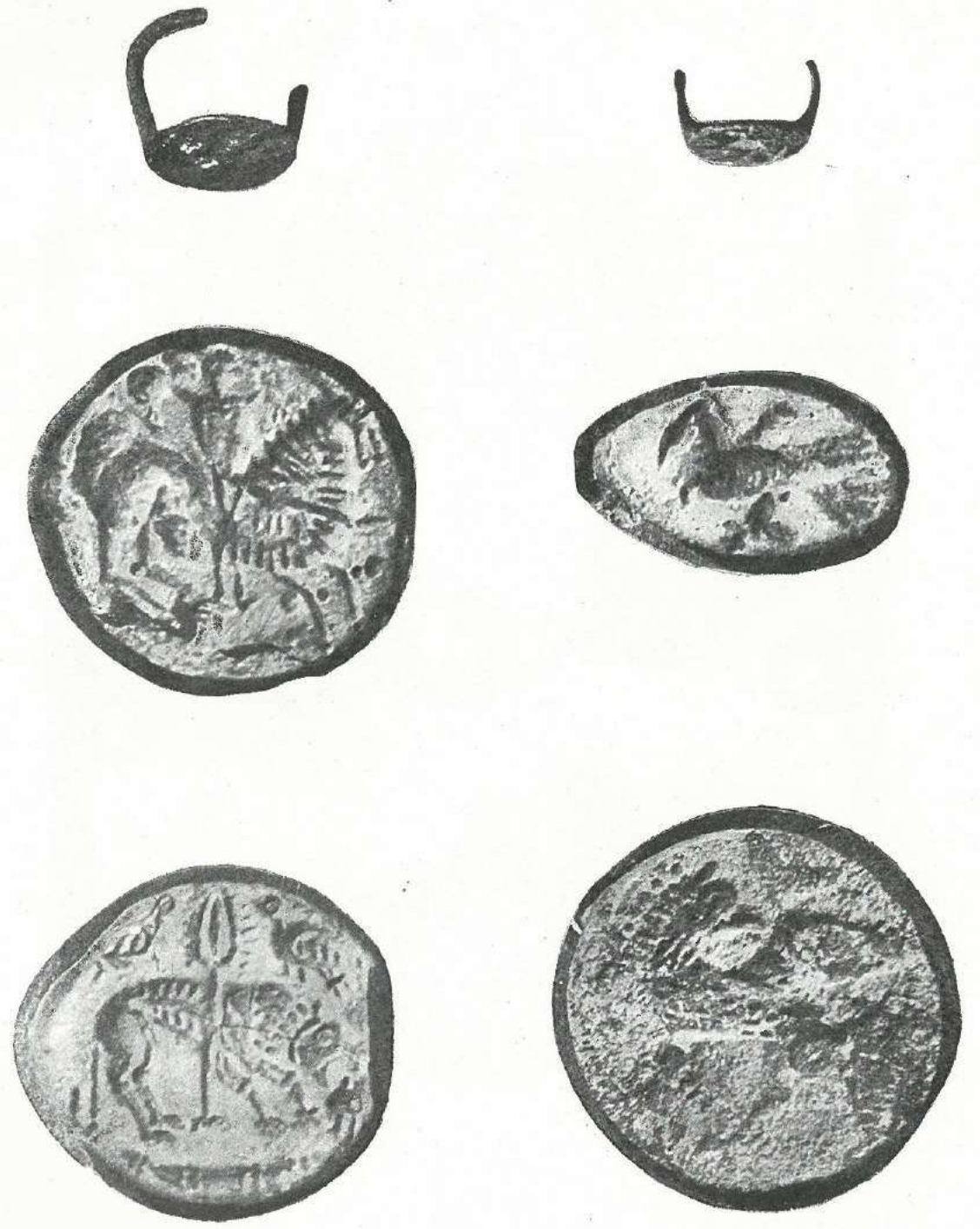
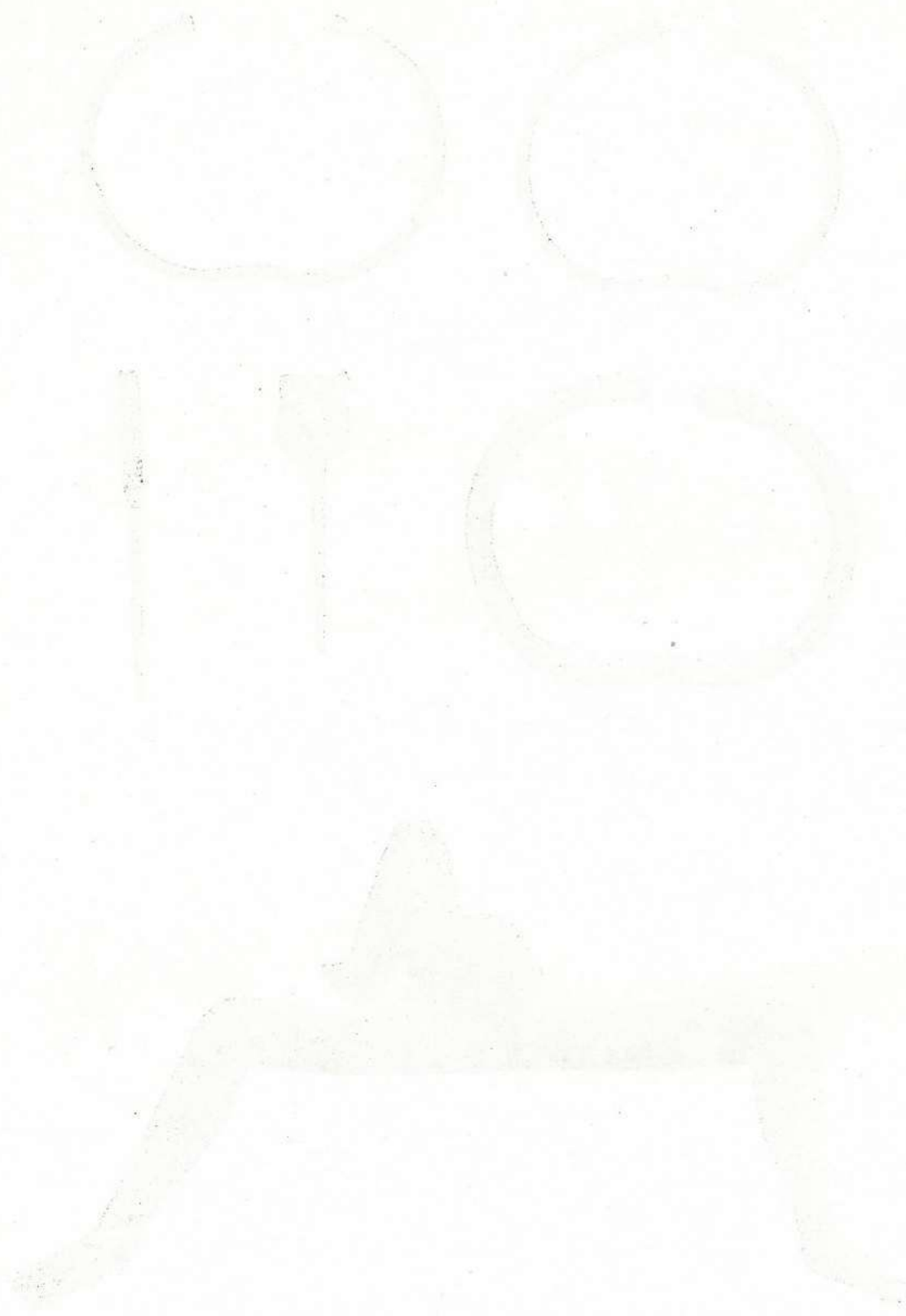
Стеклянная чаша-фиала из Алгетского погребения (в нат. вел.)

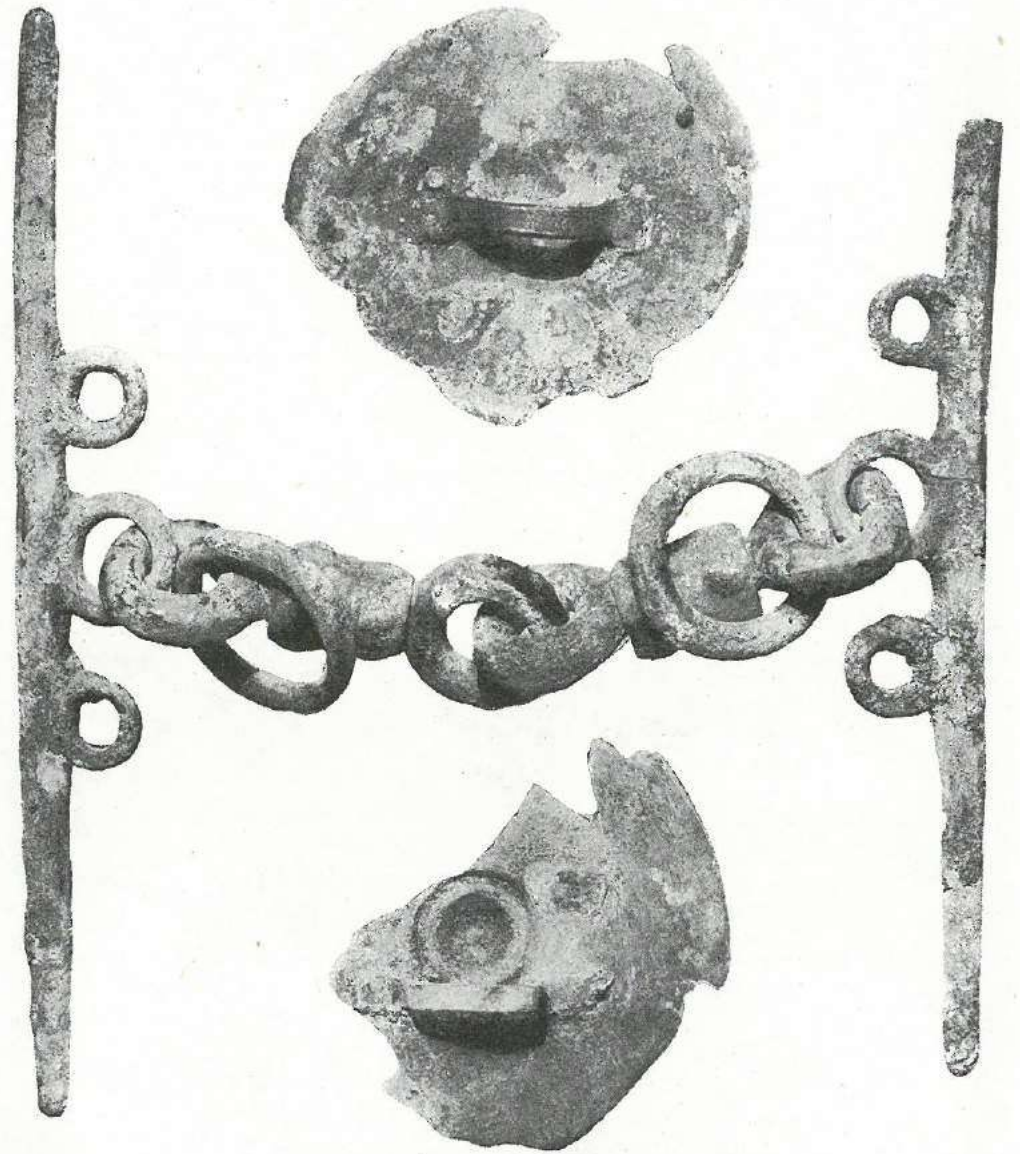
Штампованные накладки на рот и глаза покойника и нашивки из бледного золота
в $\frac{7}{9}$ нат. вел. (Алгвтское погребение)

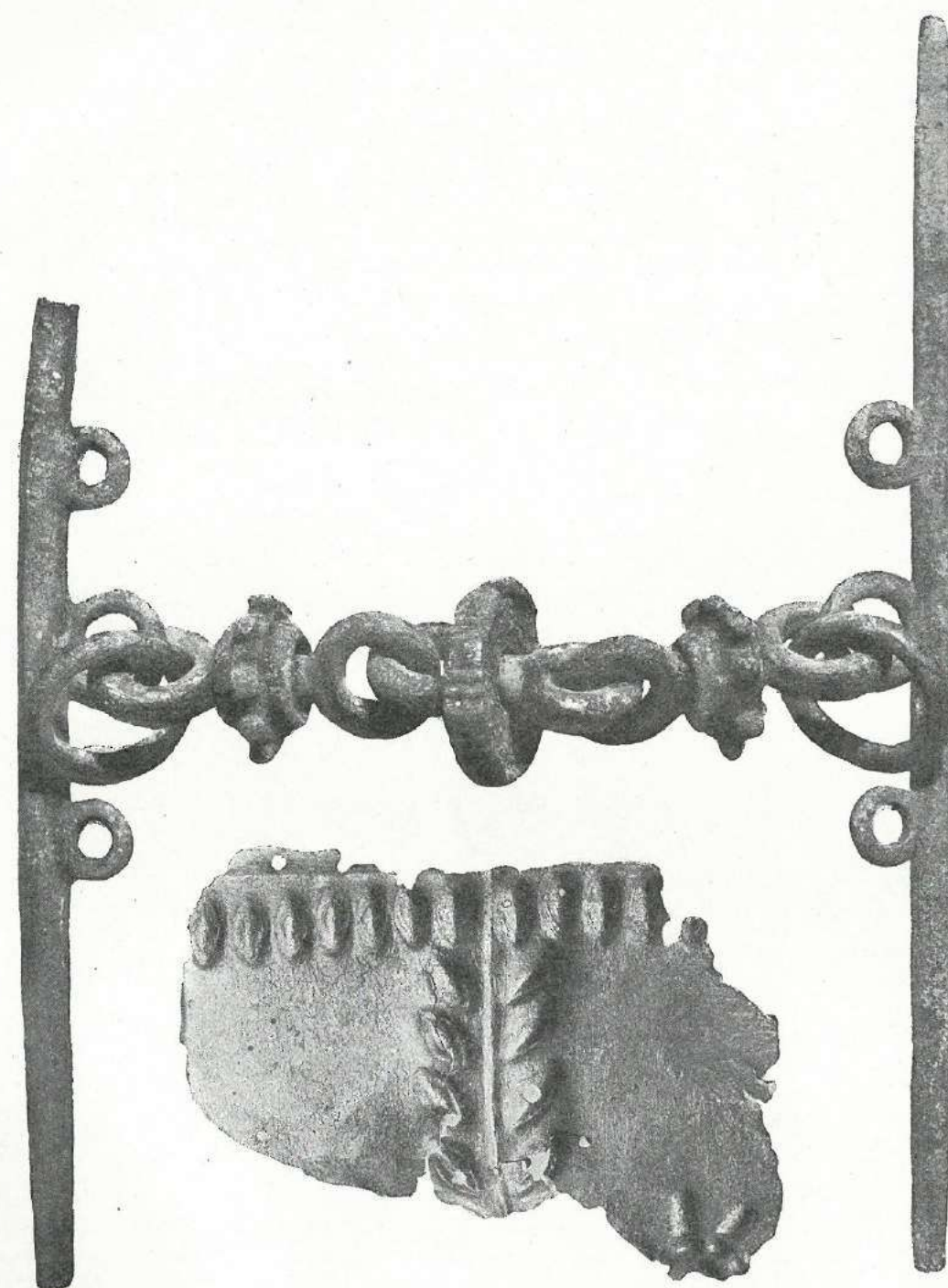
Электронные браслеты и бронзовый тренажник из Алгетского погребения

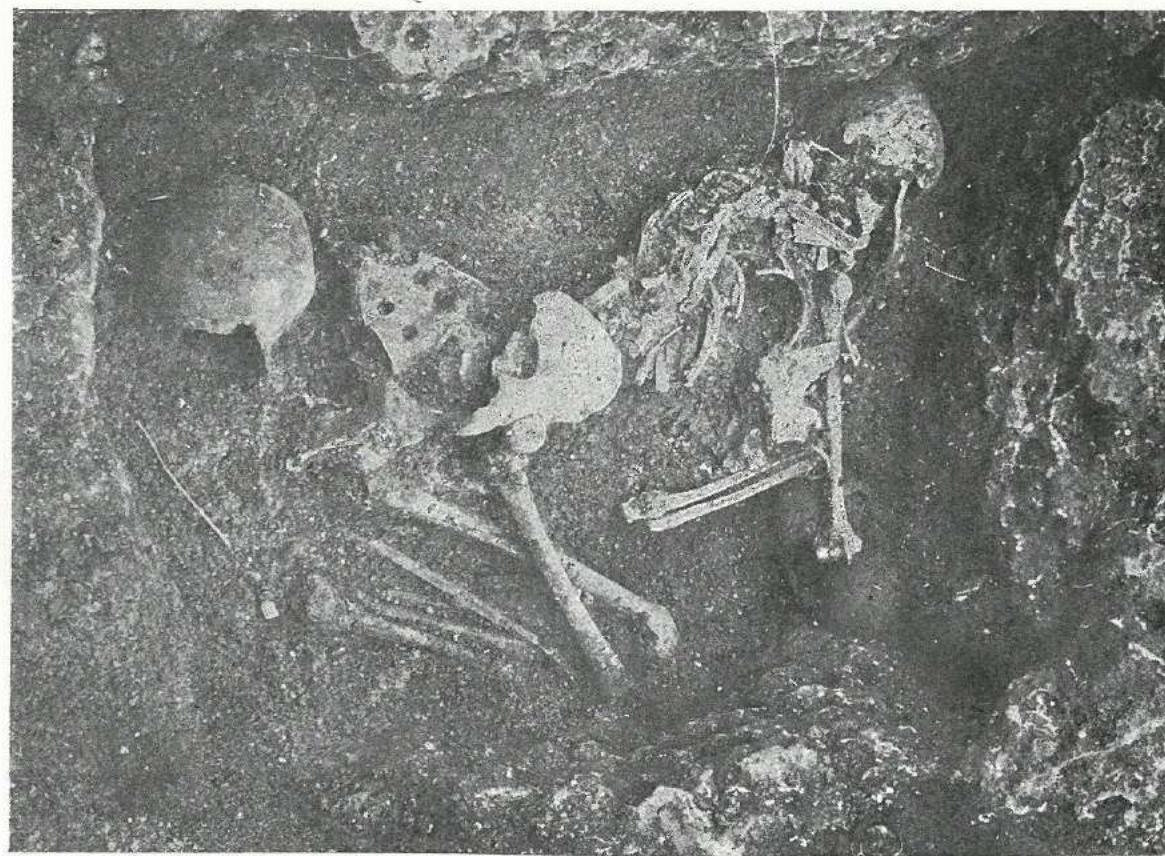
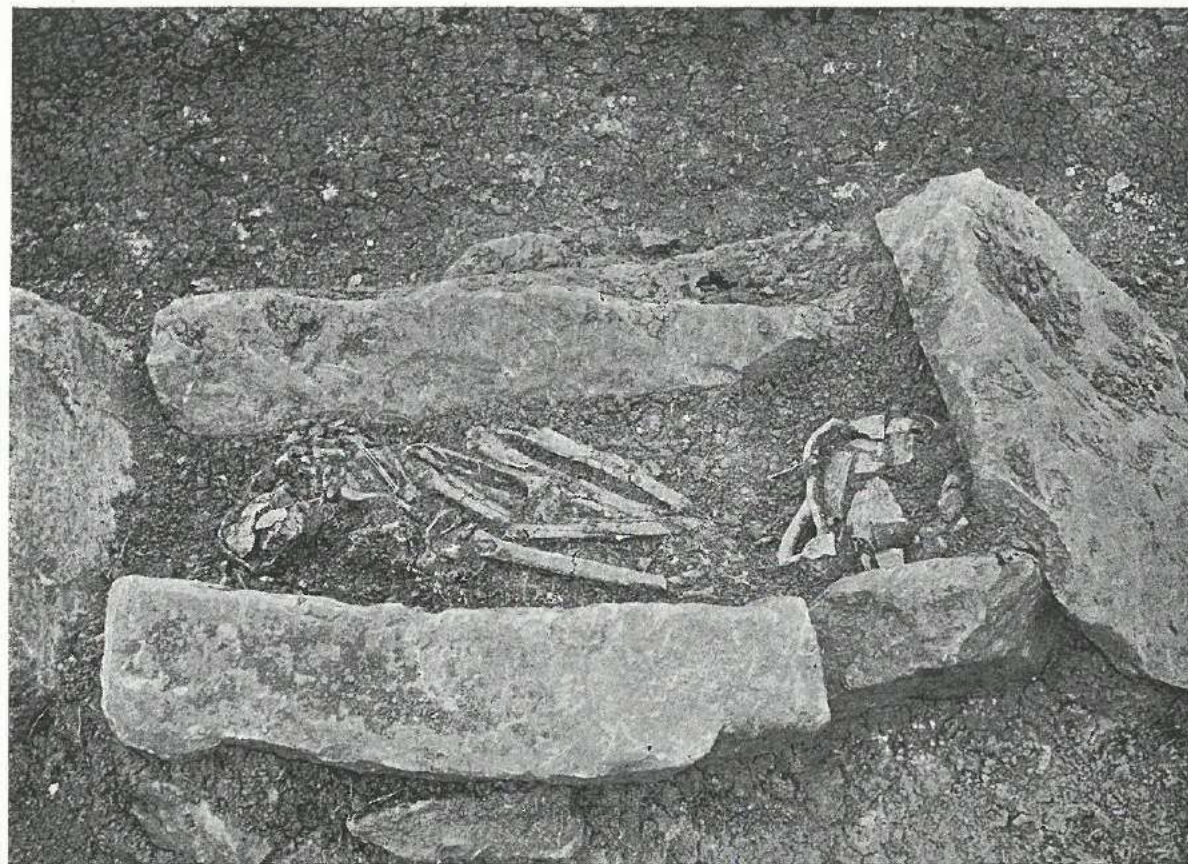
Серебряные перстни и печати на них из Алгетского погребения

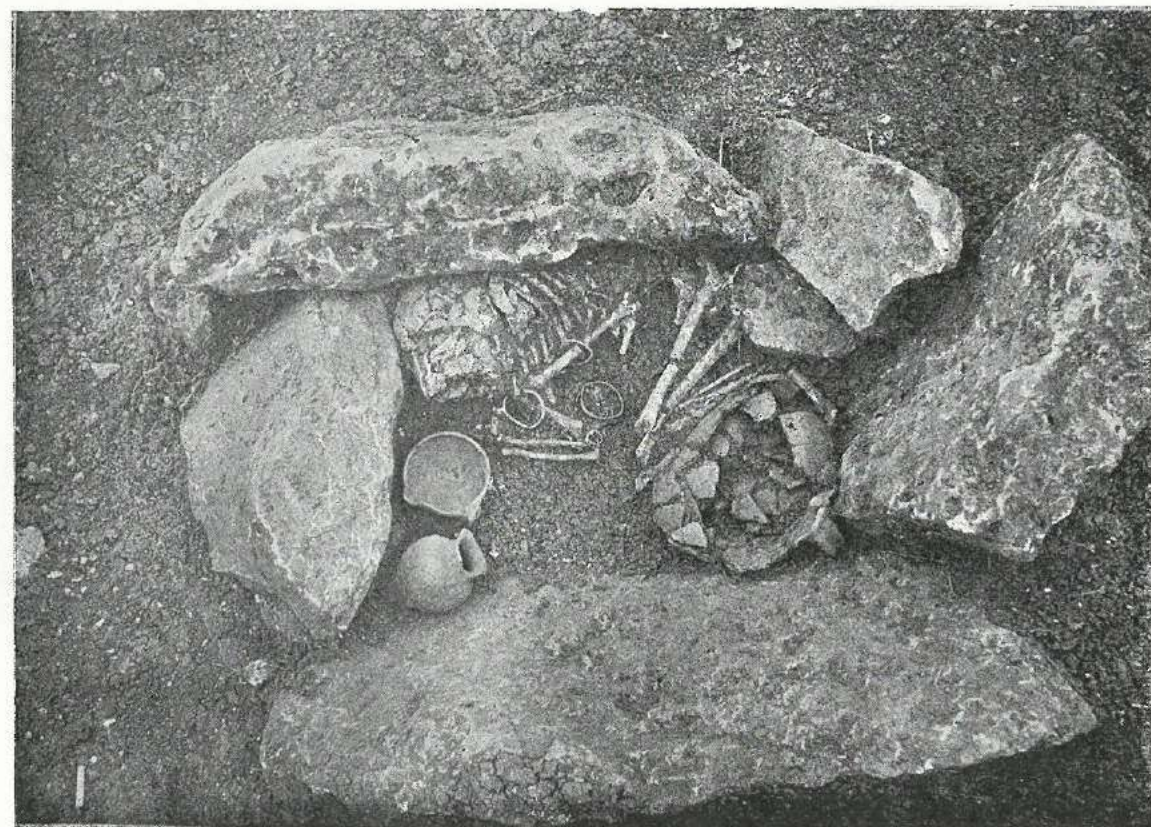
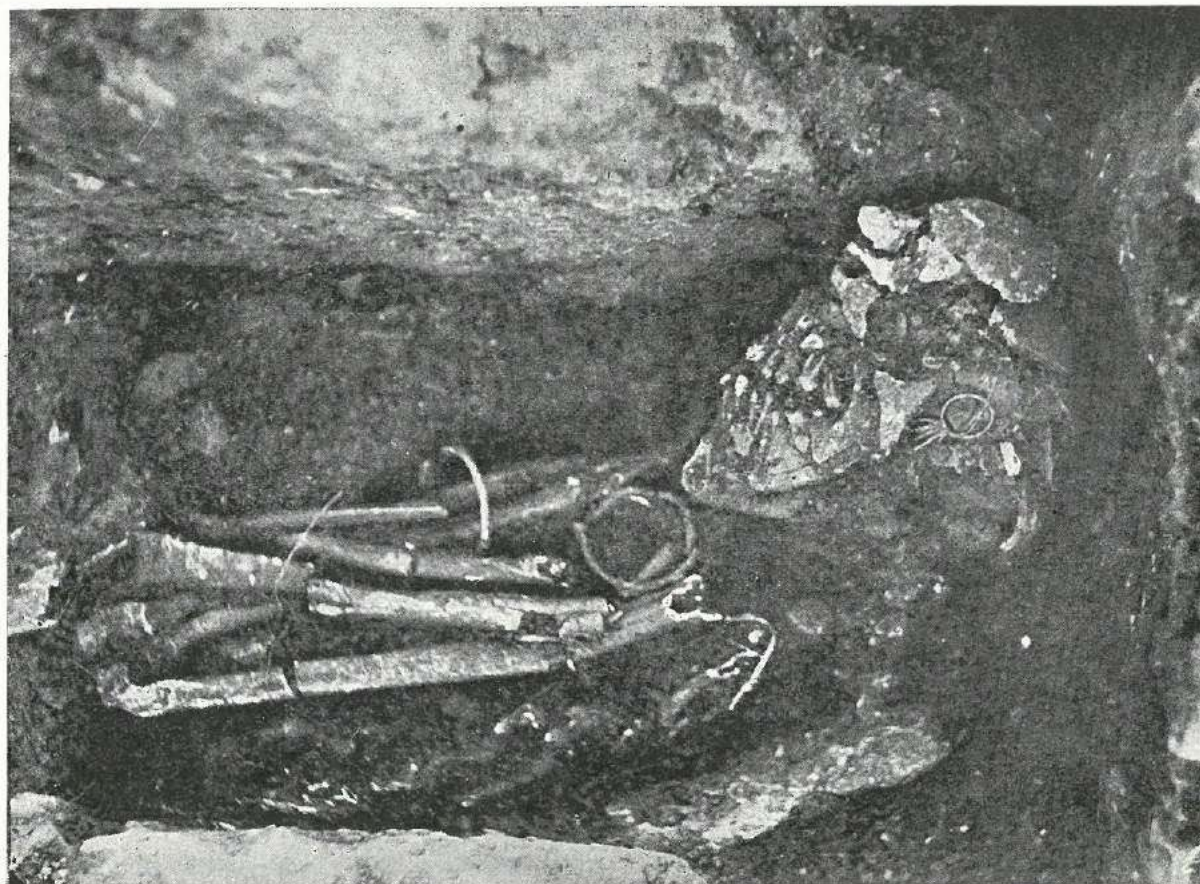
Бронзовые удила и серебряные вляхи из Алгетского погребения

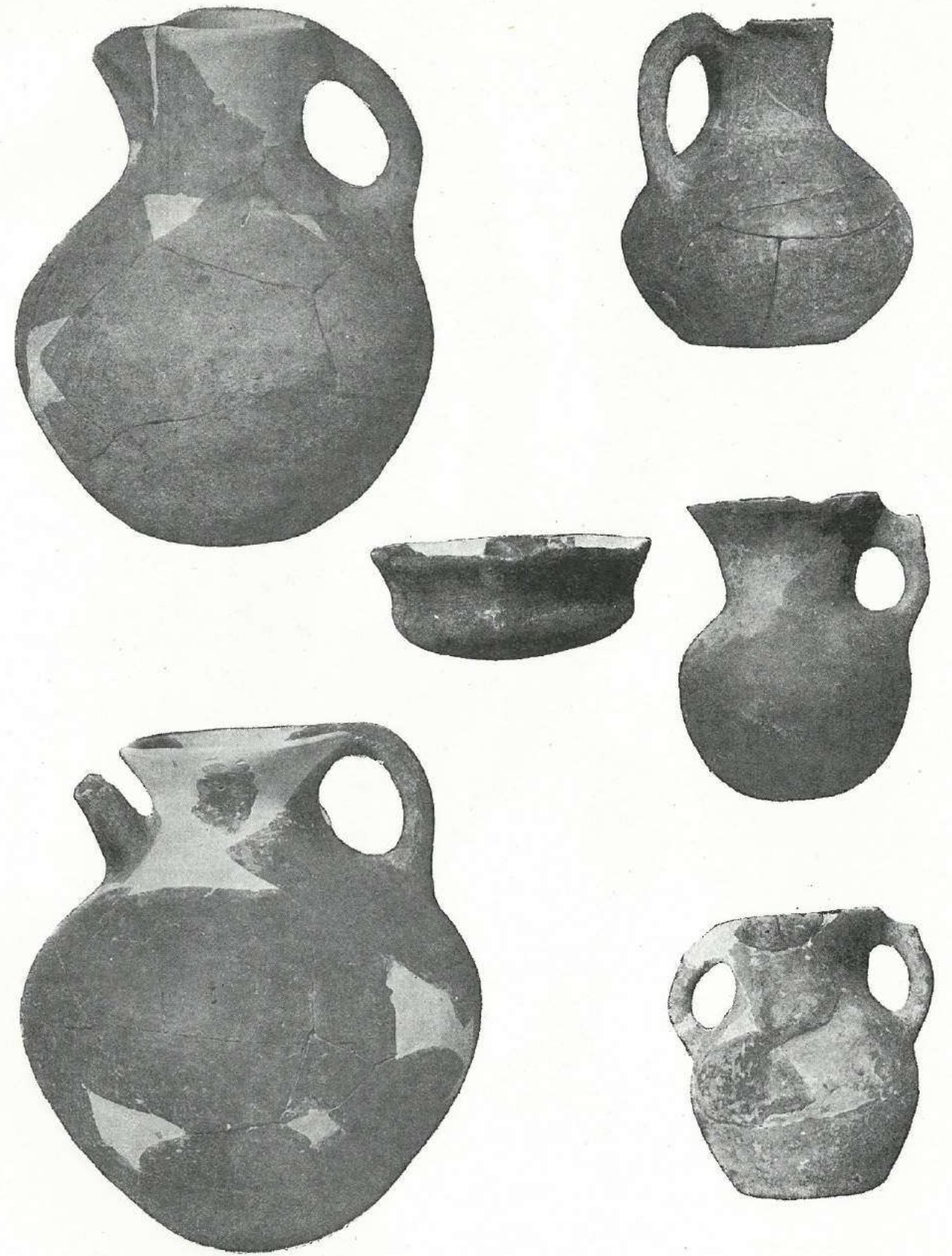
Бронзовые удила и фрагмент серебряной обивки из Алгетского погребения

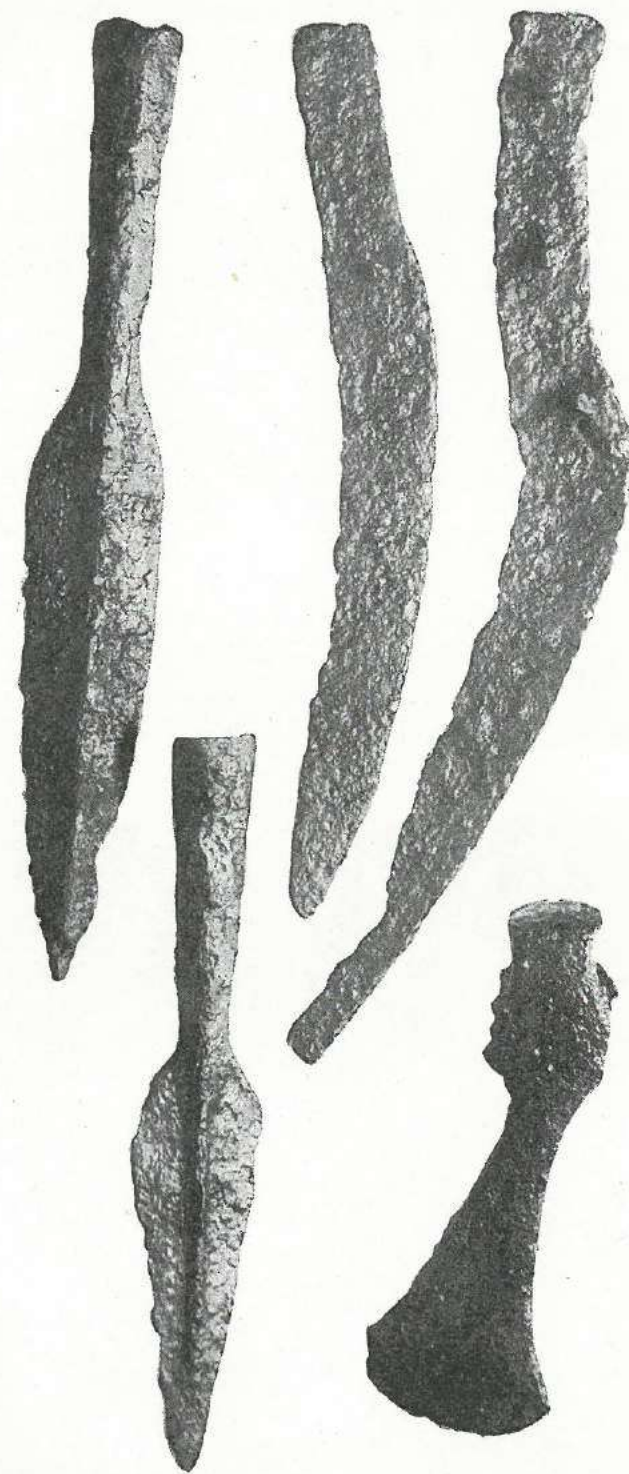
Два погребения ранне-ахеменидской эпохи могильника у Бвшташенской крепости

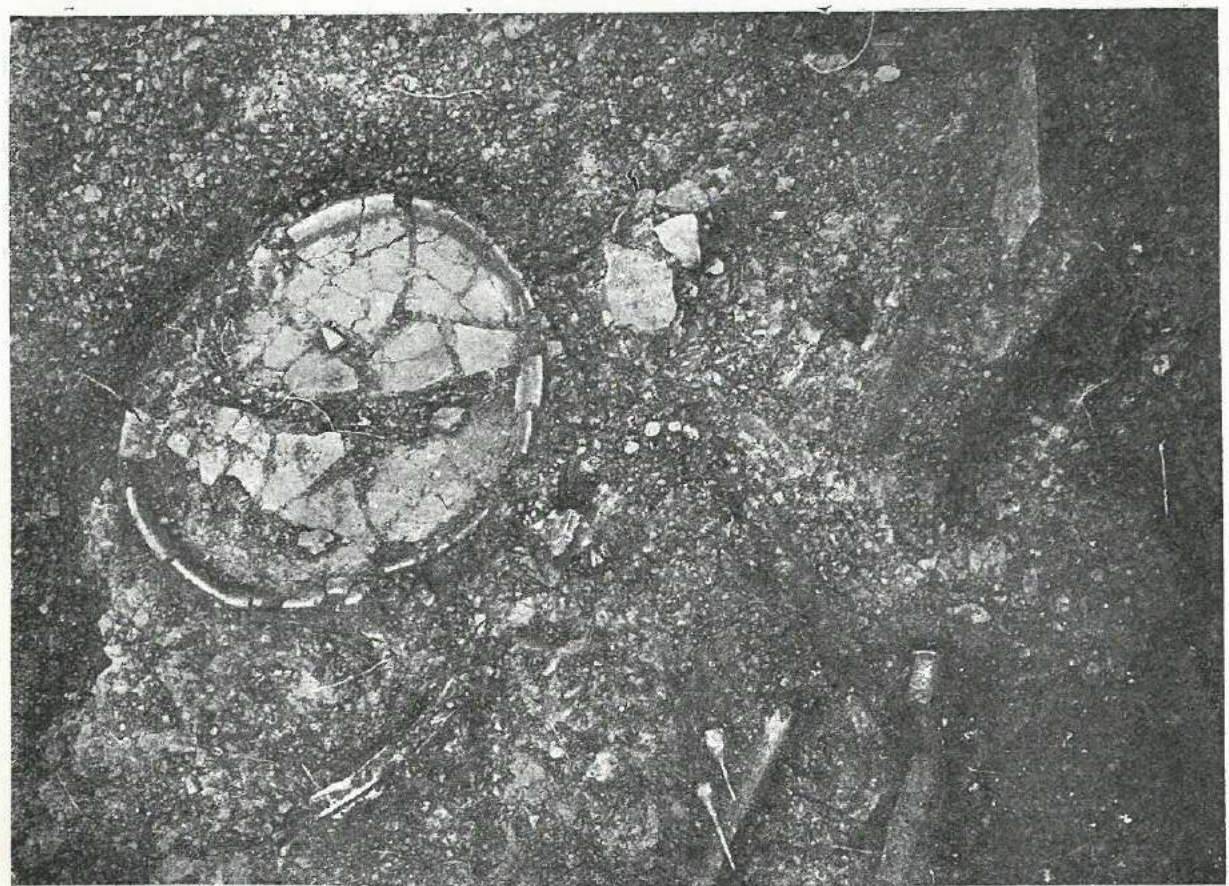
Погребения № 17 и № 39 в могильнике у Башташенской крепости

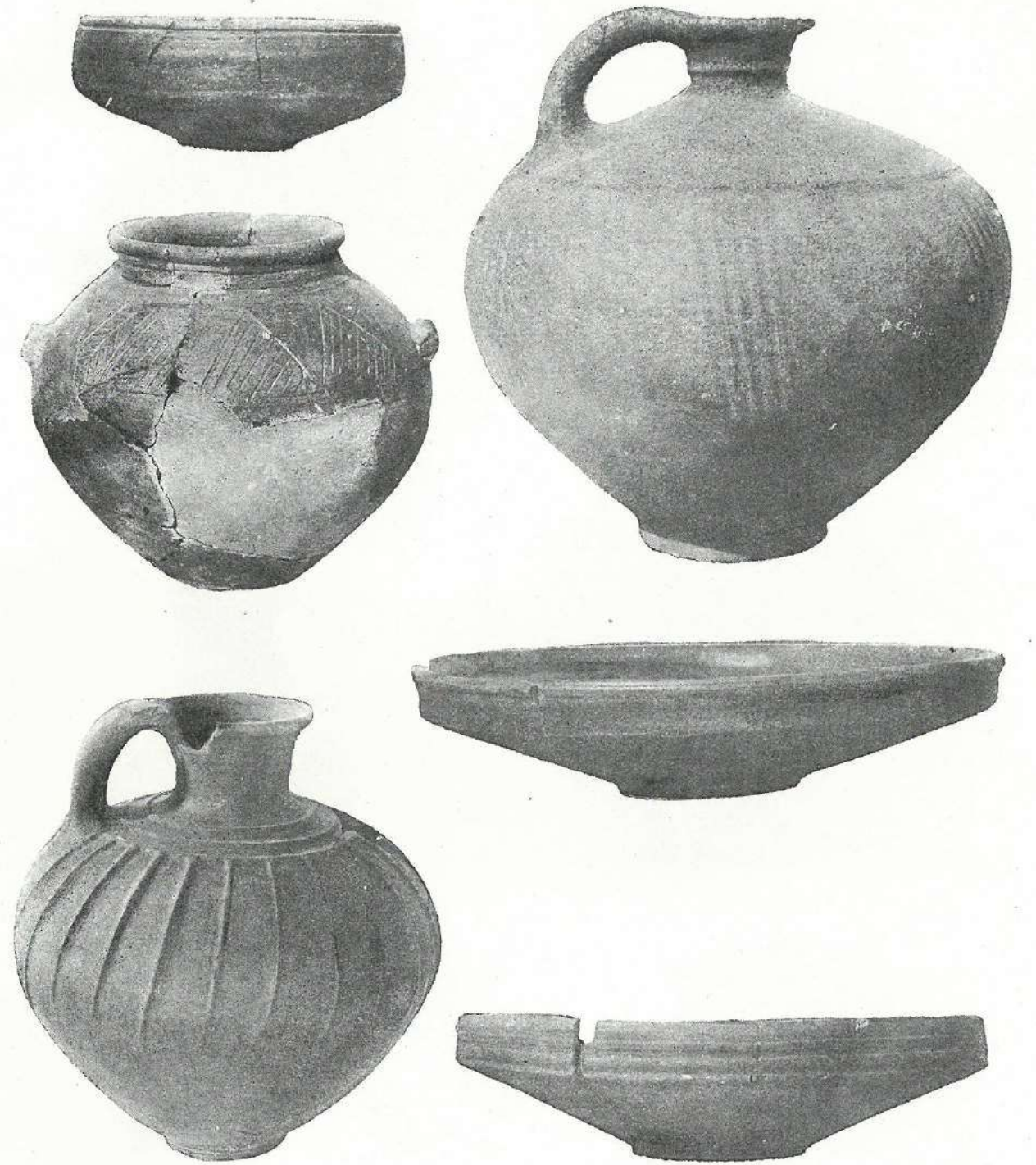
Образцы керамики из могильника у Баштаионской крепости (в $\frac{1}{3}$ nat. вел.)

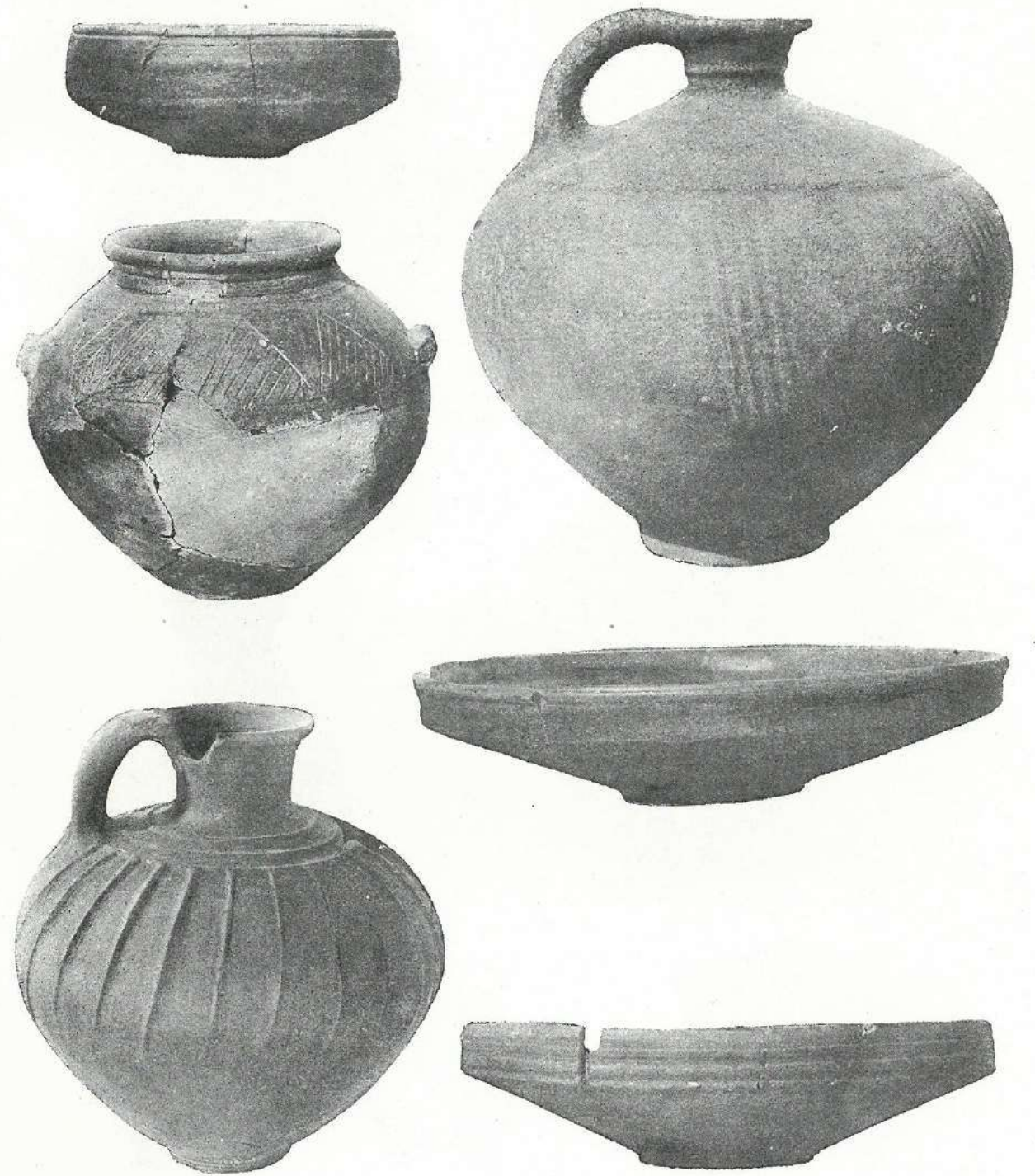
Железный инвентарь могильника у Быташенской крепости

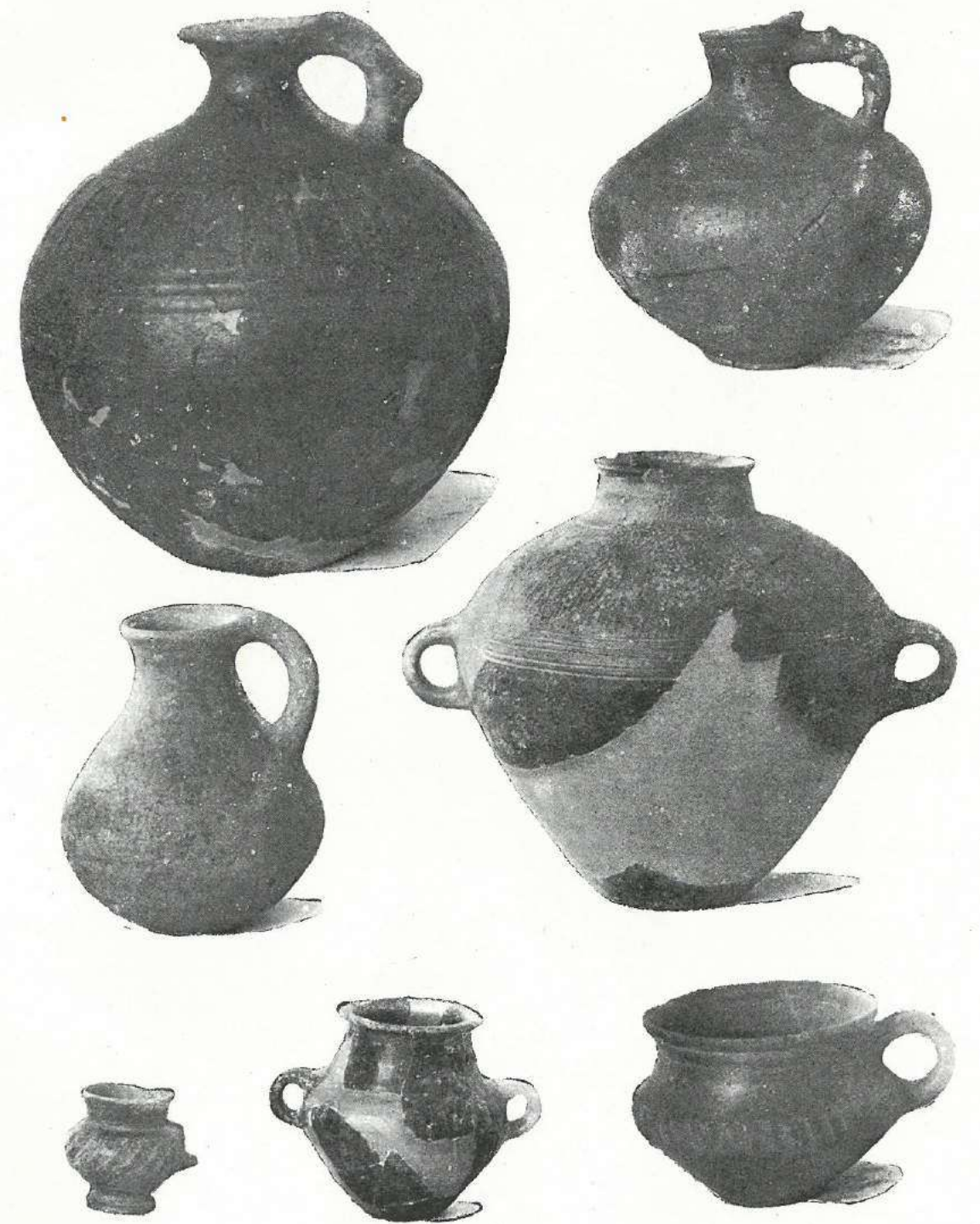
Гонимые погребения с массивными булавками у дороги из сел. Бешташени в Сафар-харабу

Образцы керамики из грунтовых погребений с массивными «булавами» у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу (в $\frac{1}{3}$ nat. вел.)

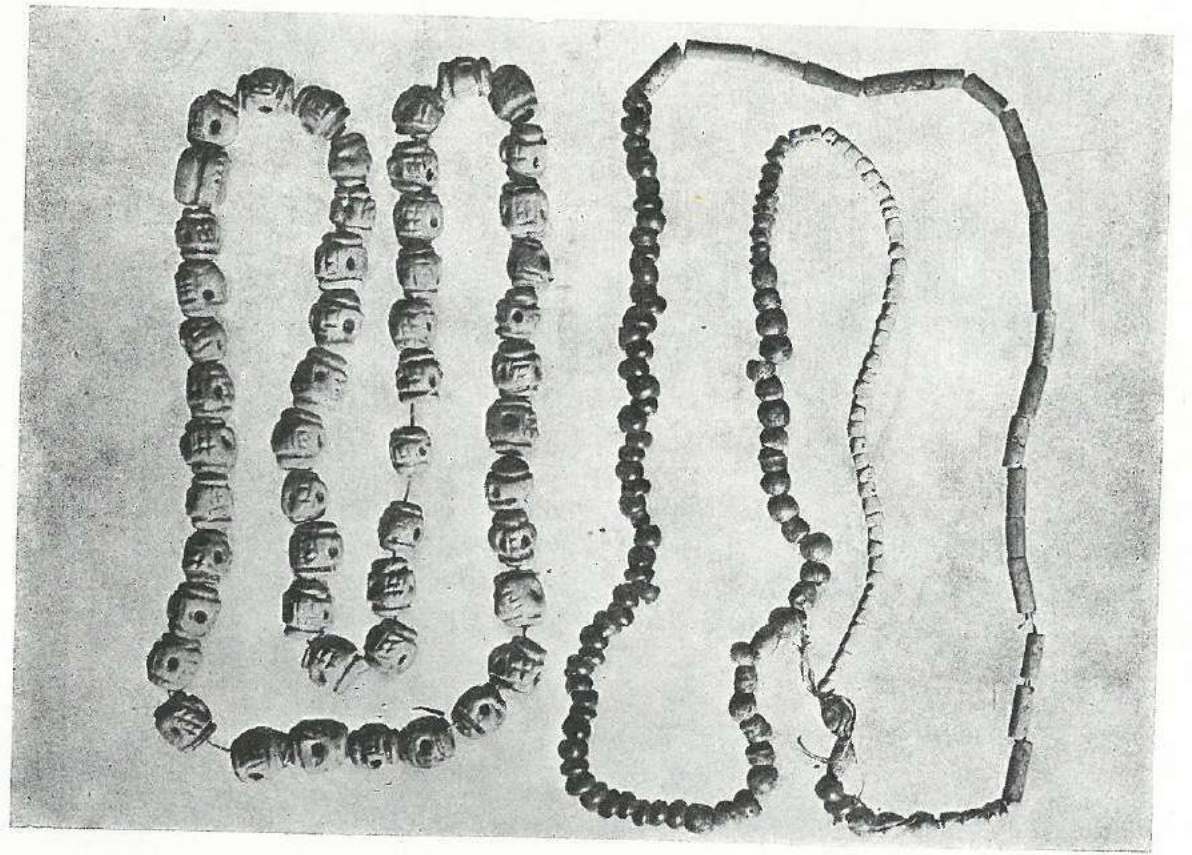
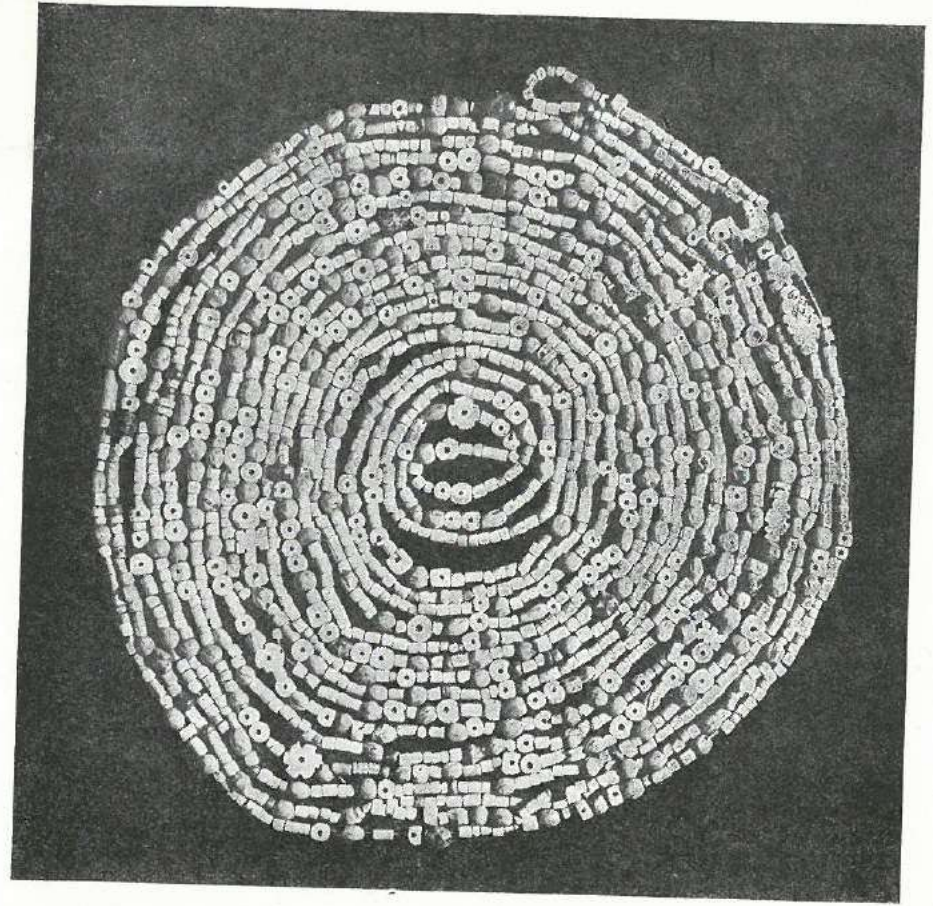
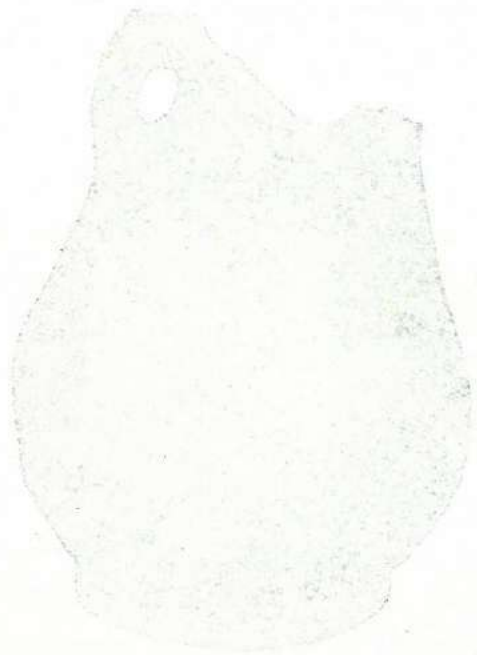
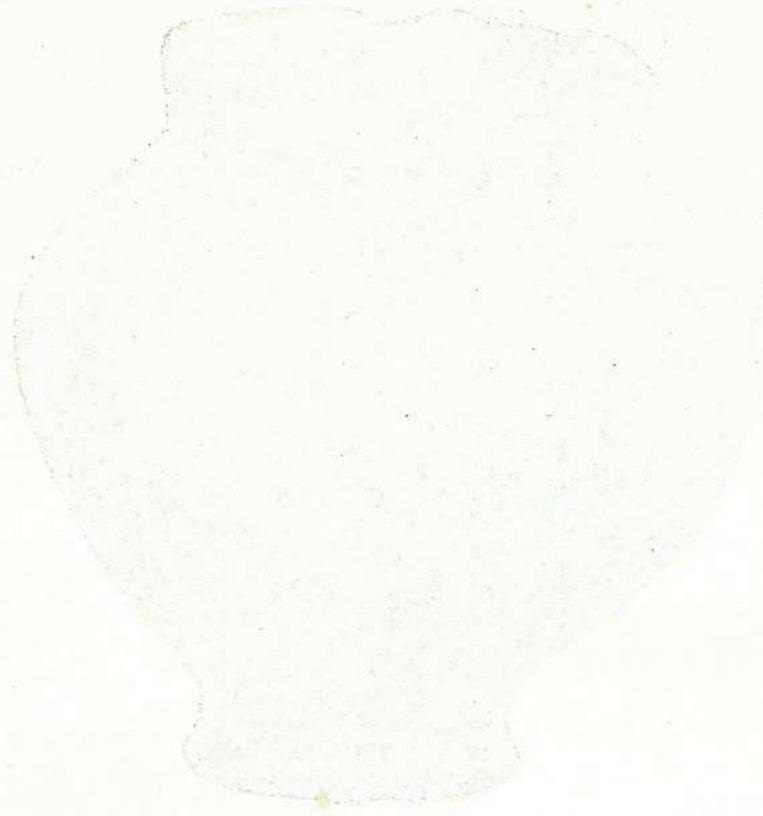
Образцы керамики из грунтовых погребений с массивными «булавками» у дороги из сел. Бешташени в Сафар-Харабу (в $\frac{1}{3}$ nat. вел.)

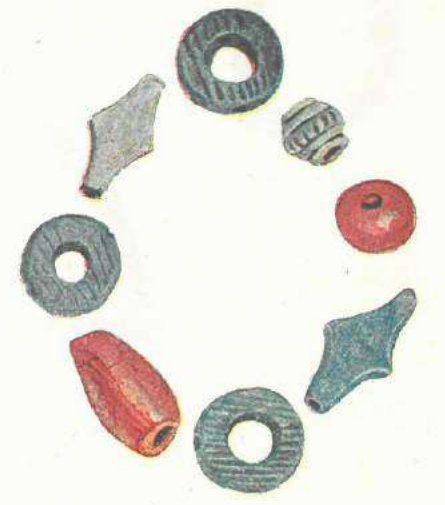
Образцы керамики из ящичных погребений могильника в урочище Марал-Дереси (в $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

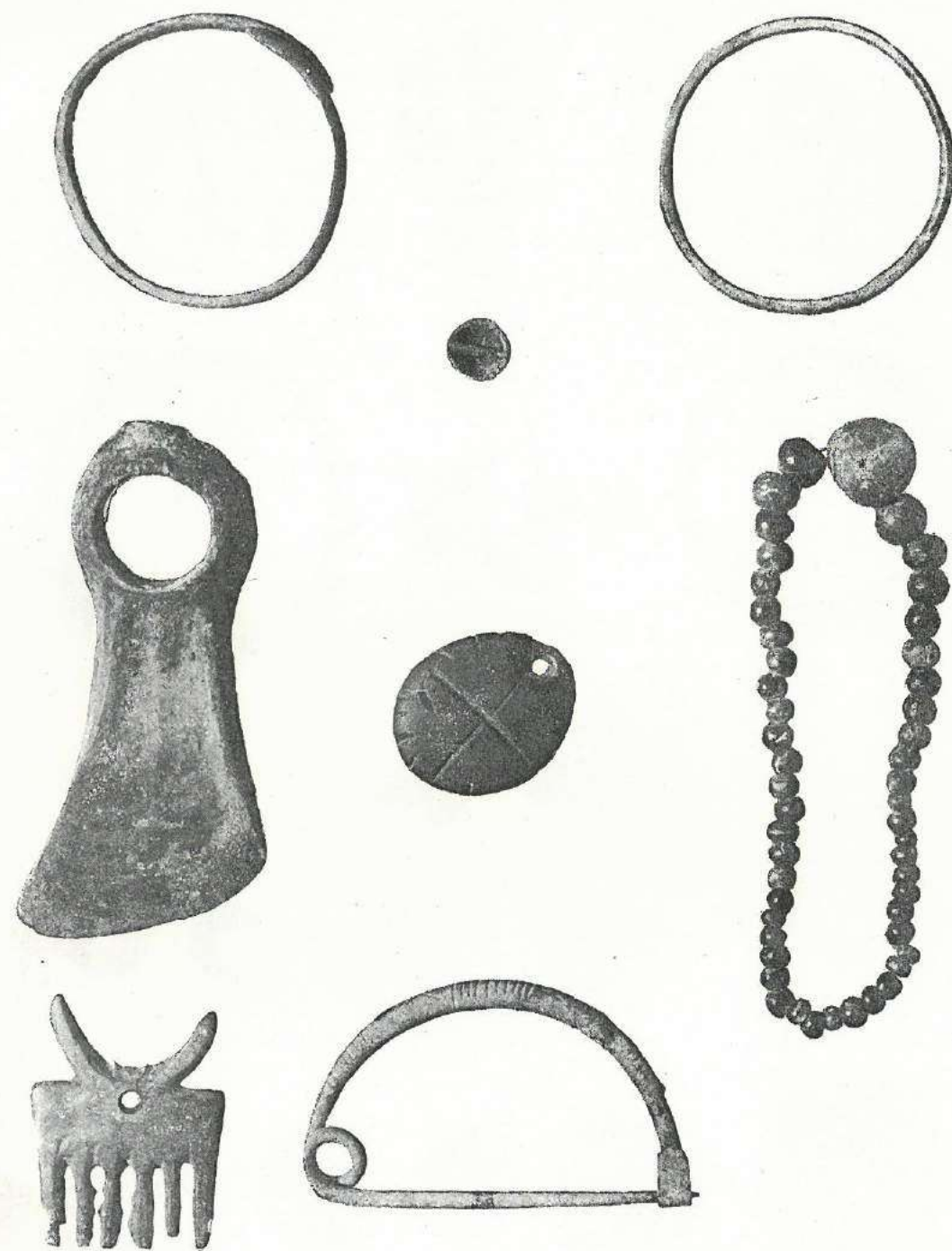
*Глазурованный глиняный кубок урартской эпохи из могильника Марал-Дереси и амфорискозидный
глазурованный сосудик первых веков нашей эры из кургана XXIII*

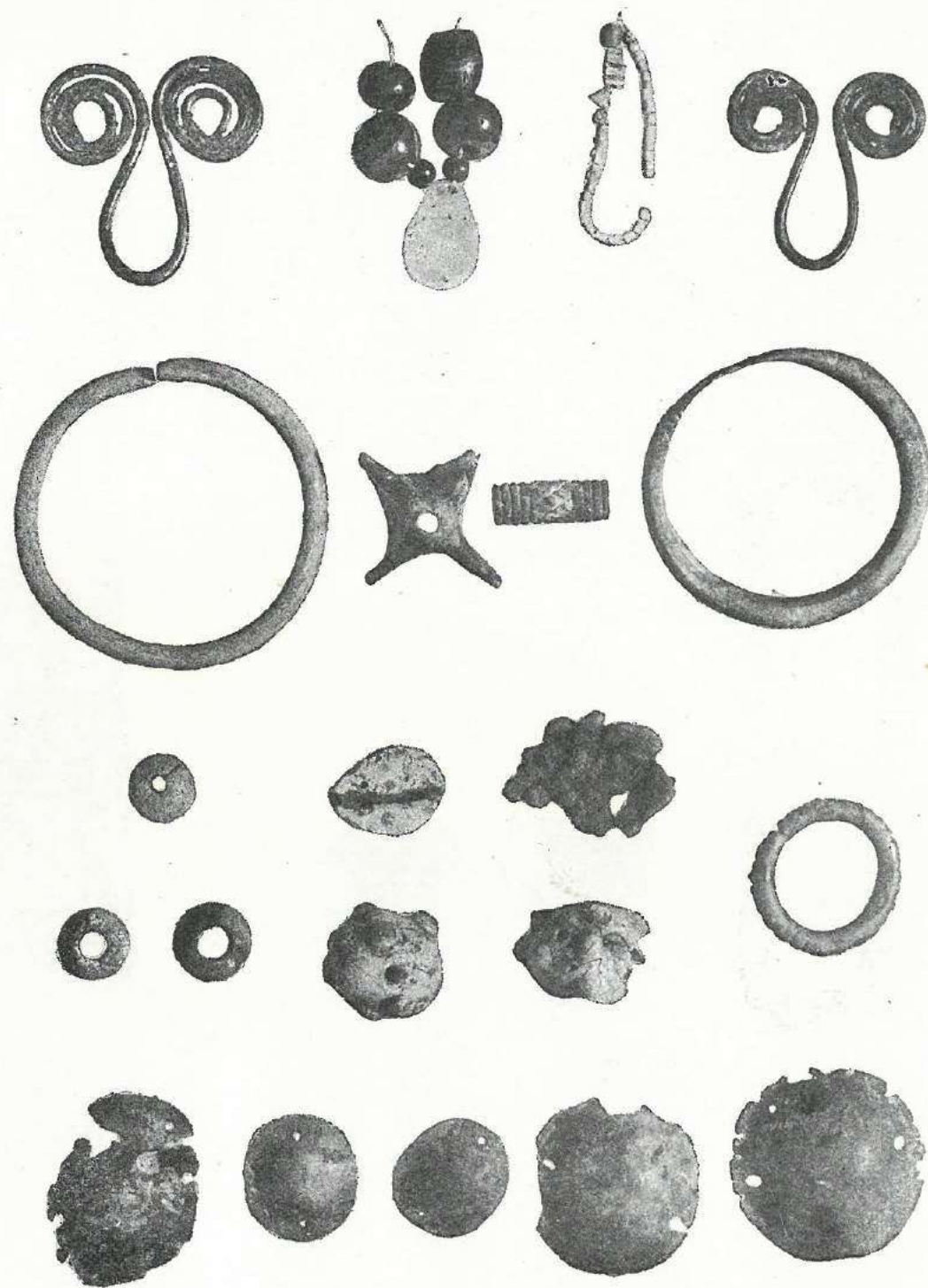
Белый тальниковый и светло-голубой матовый пастовый бисер и бусы урартской эпохи

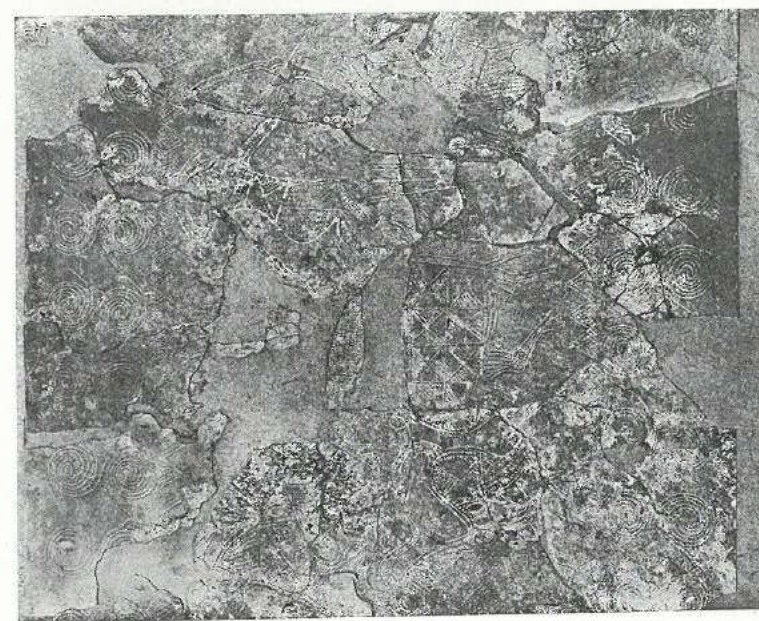
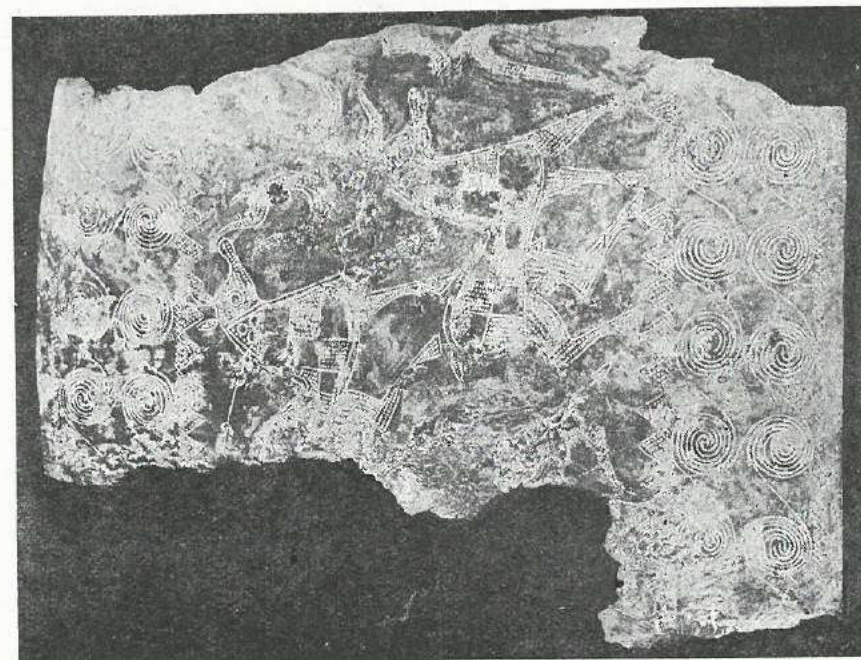
Бусы бронзовой и железной эпохи из погребений в Триалети (в нат. вел.)

Инвентарь погребения № 4 могильника в Марал-Дореси (в нат. вел.)

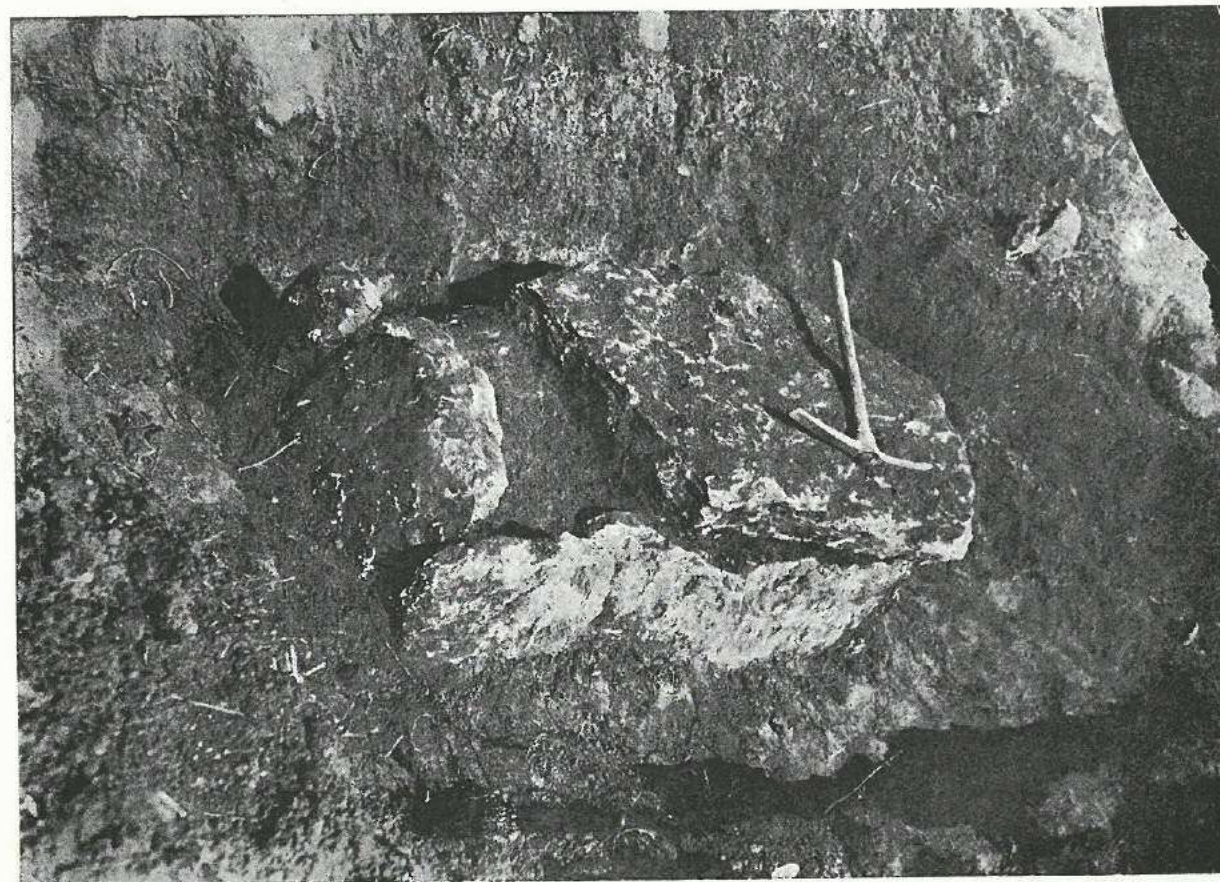
Мелкий инвентарь из погребения № 2 могильника Марал-Дереси (в нат. вкл.)

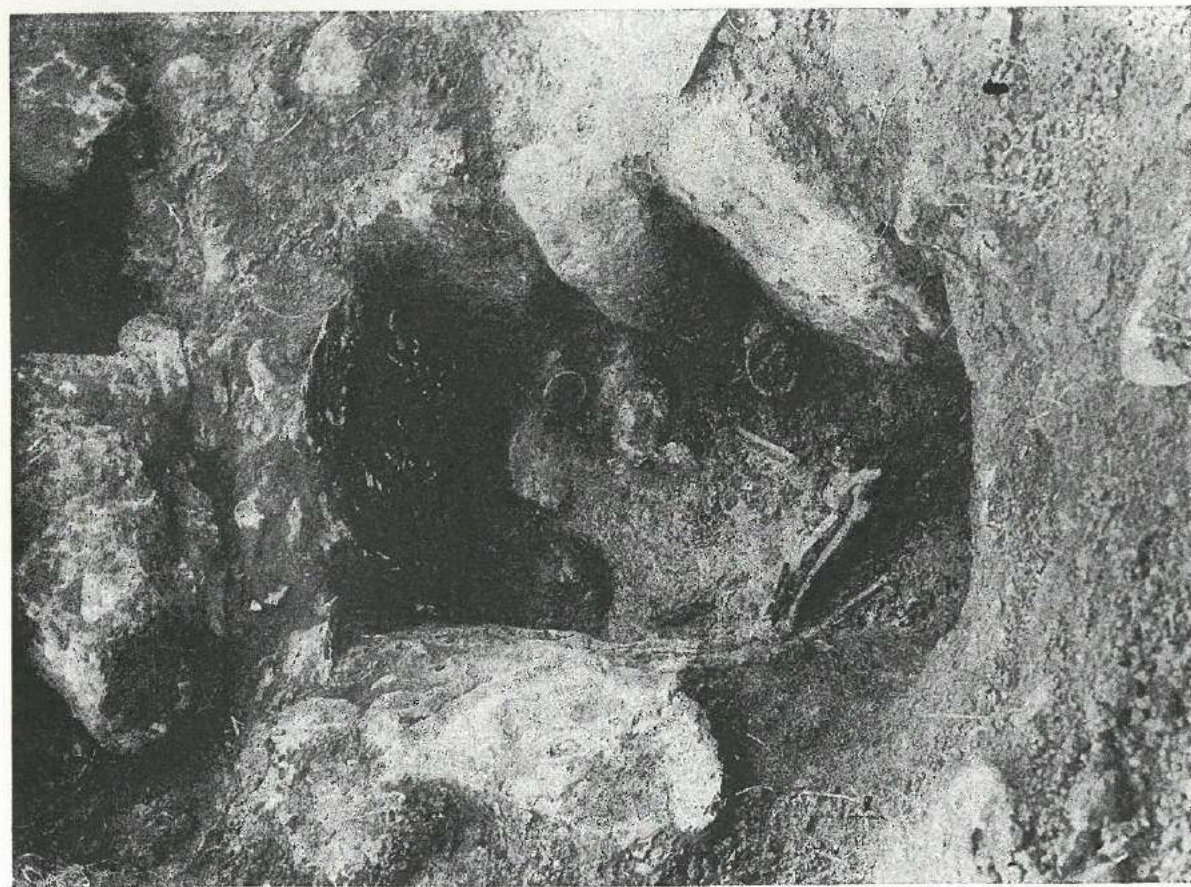
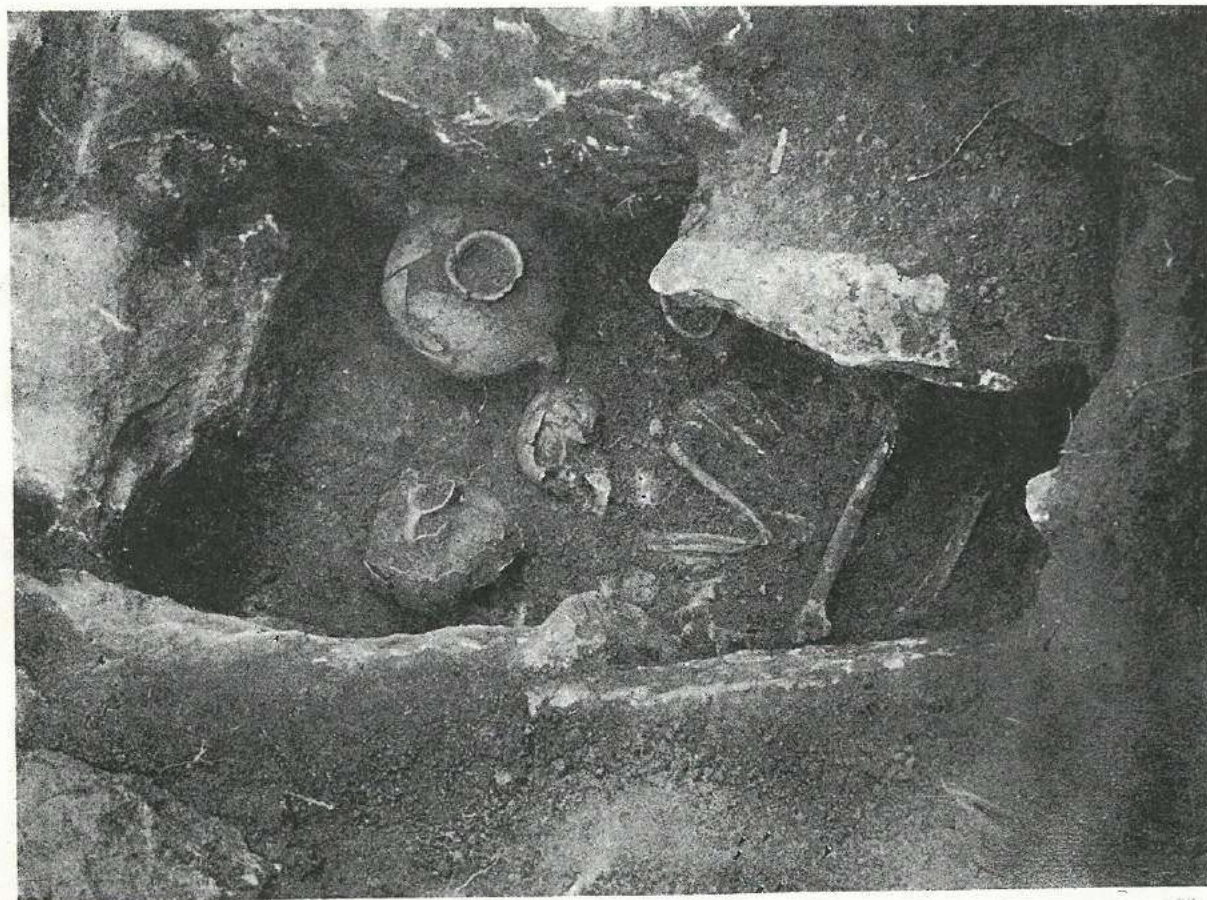
Бронзовый пояс из погребения № 5 могильника Марал-Дереси

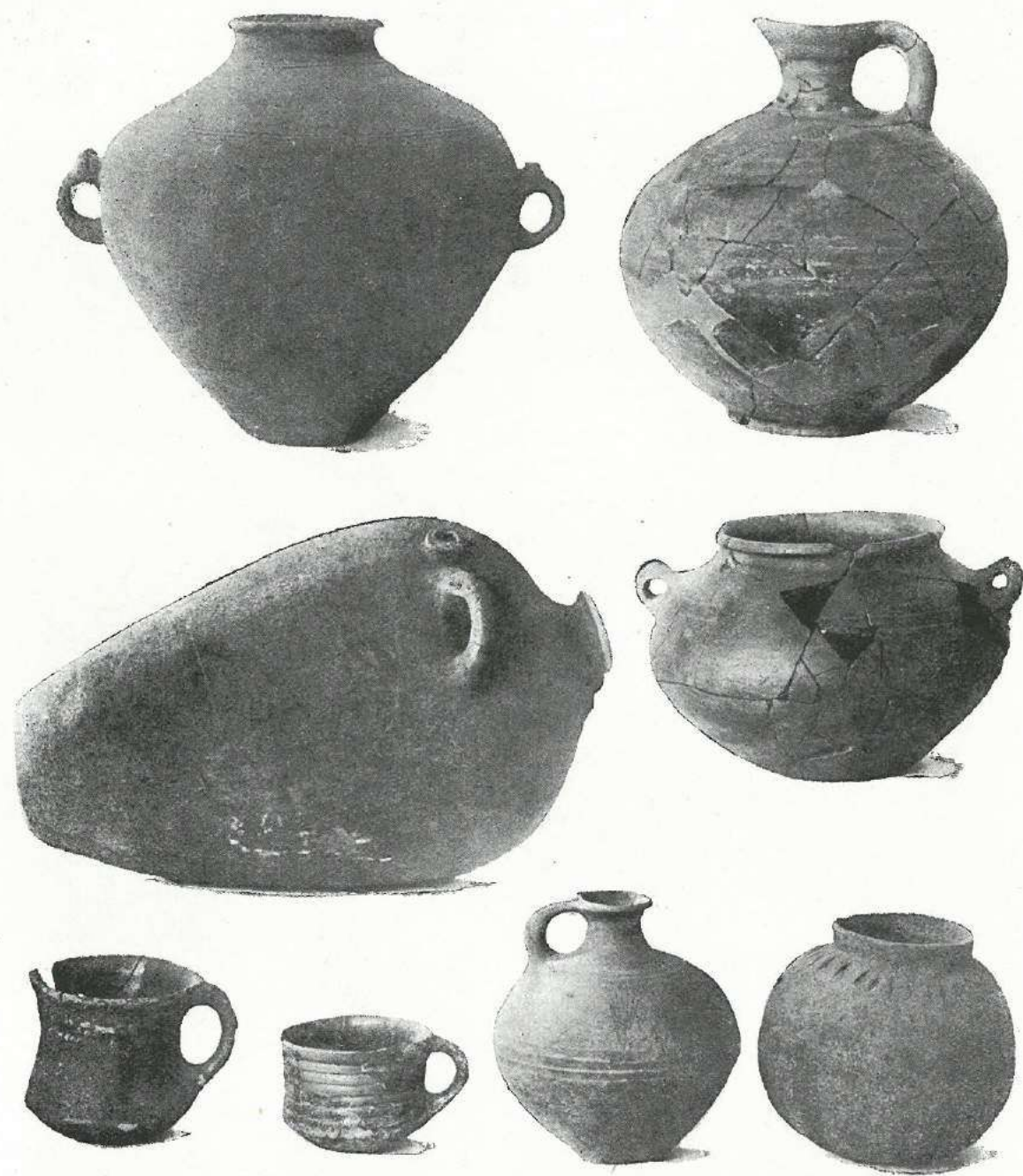
Ящичное погребение № 20 Тан-Килисинского могильника и № 55 Цинцаровского могильника

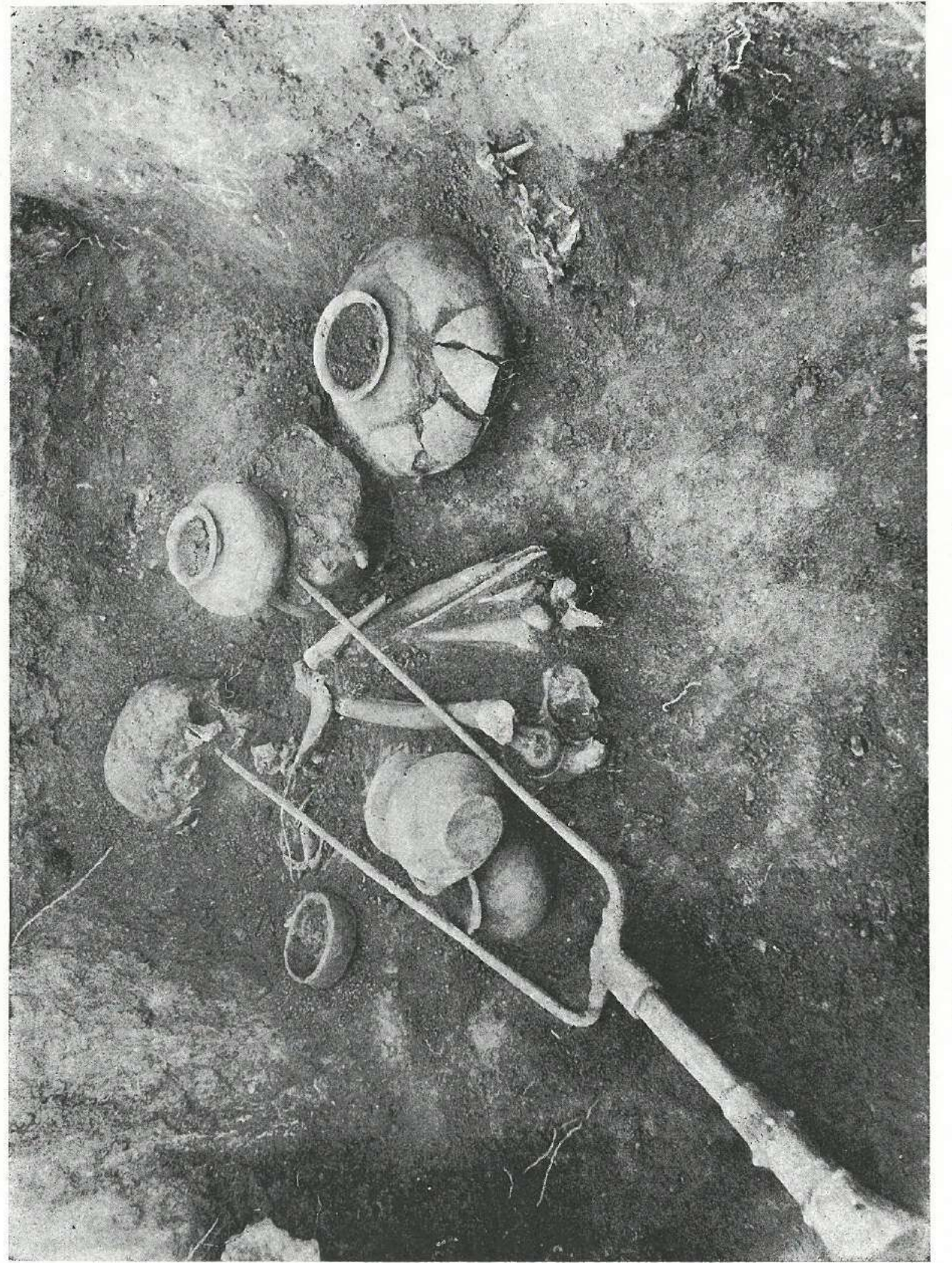
Ящичные погребения древне-железной эпохи не вскрытые и со скорченным костяком вне могилы

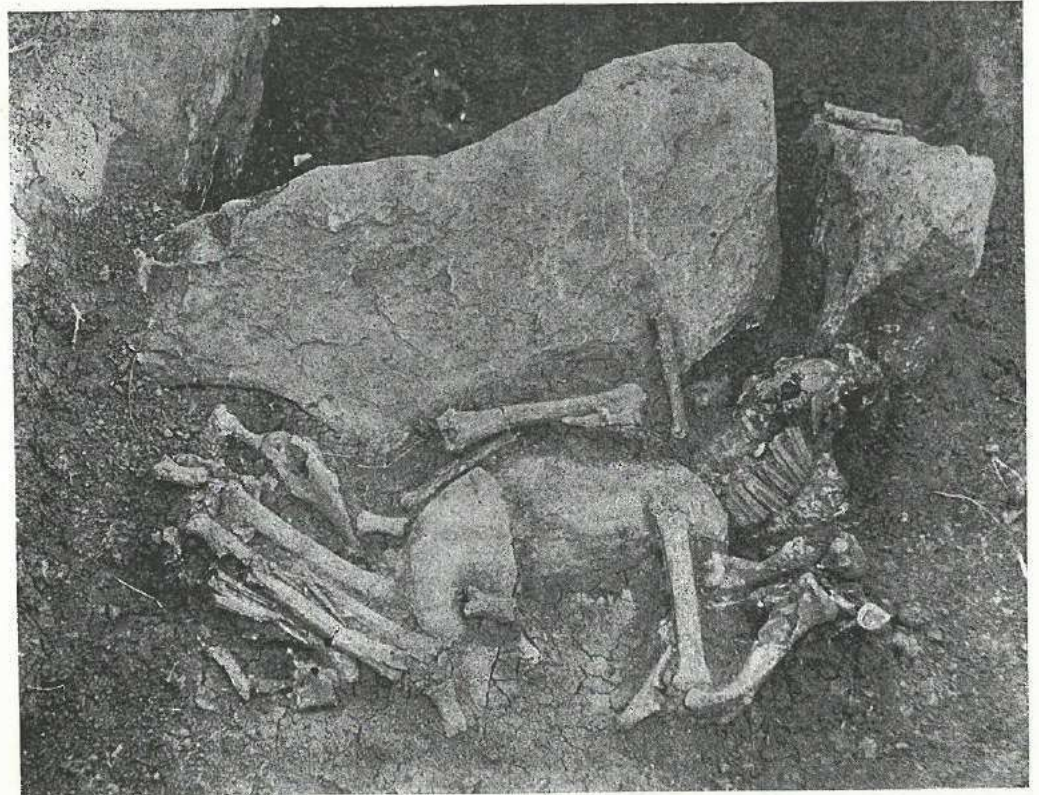
Каменные ящики со скрюченными погребенными древне-железной эпохи в Таг-Нилисинском могильнике

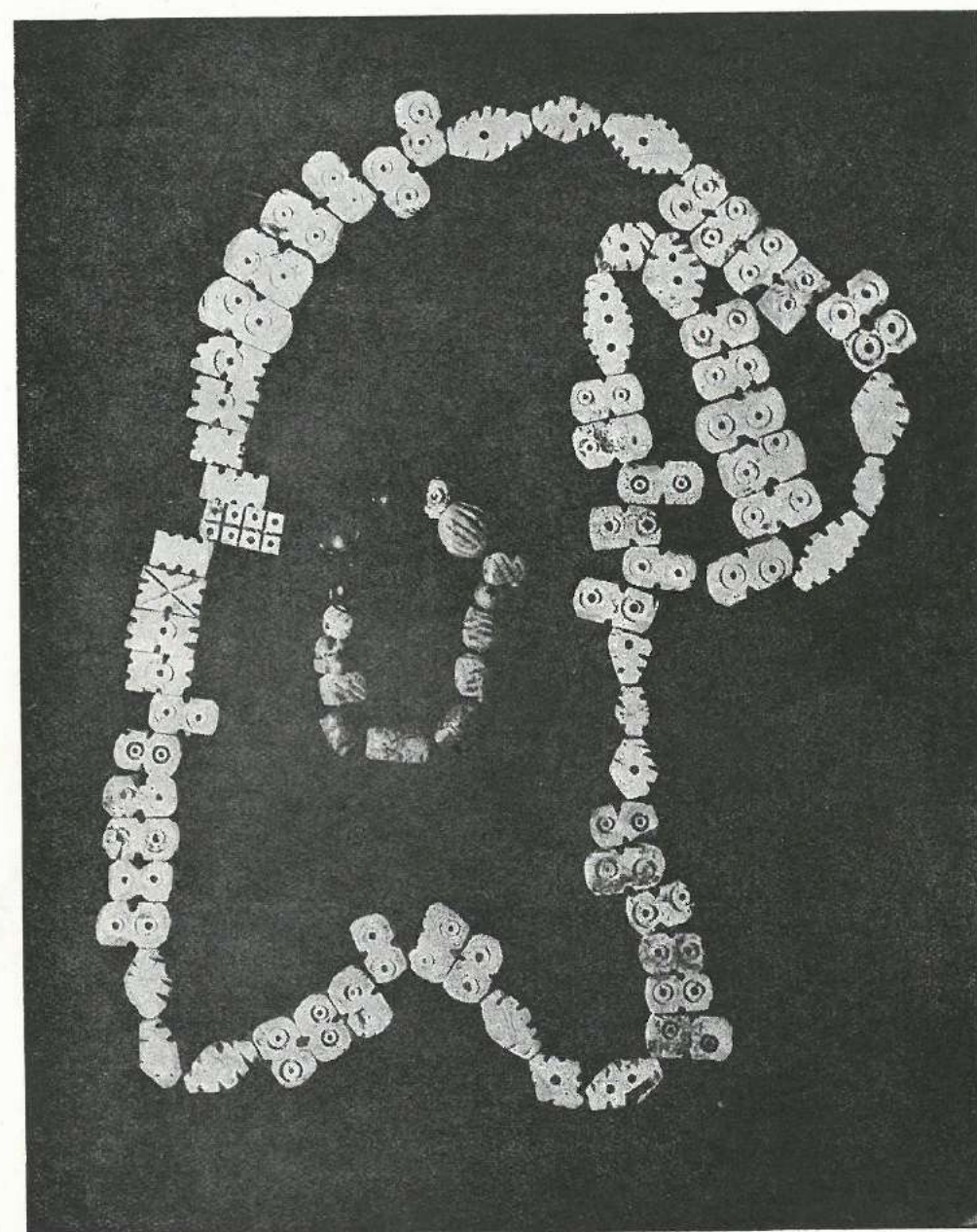
Образцы керамики из каменных ящиков древне-железной эпохи Цинцаройской
и Тан-Килсинского могильников (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

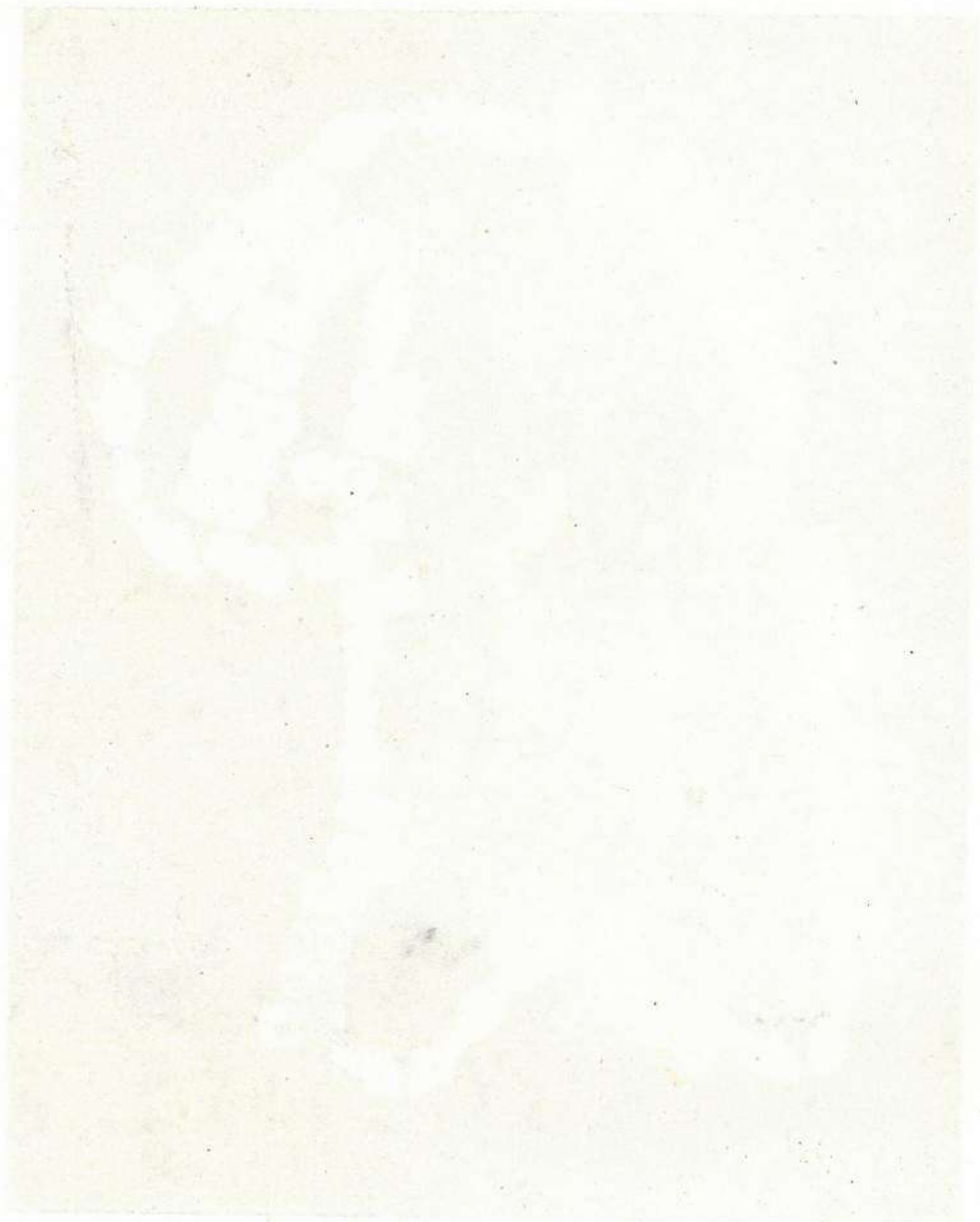
Сильно скорченное погребение с бронзовыми вилами в Так-Калисинском могильнике

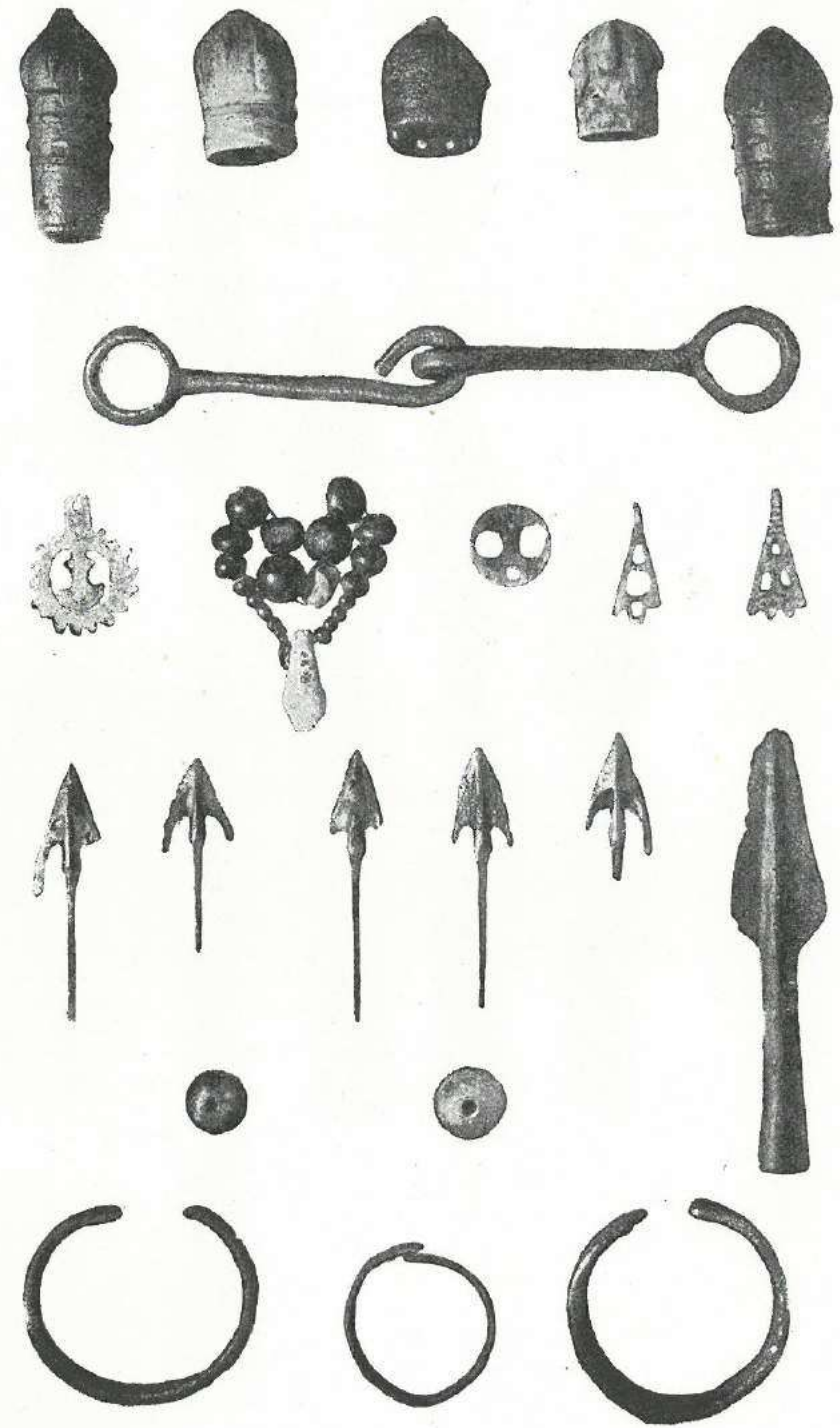
Погребение лошади и бронзовые удила с роговыми псалями в Так-Нилисинском могильнике

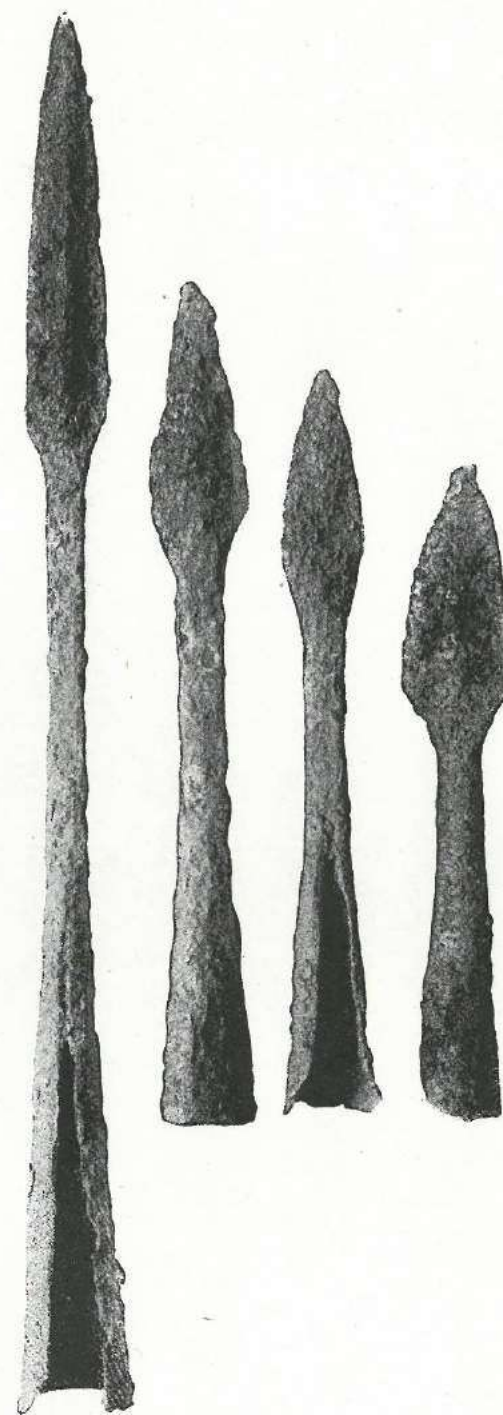
Белые тальковые бусы типа „домино“ и бусы из голубой пасты древне-железной эпохи

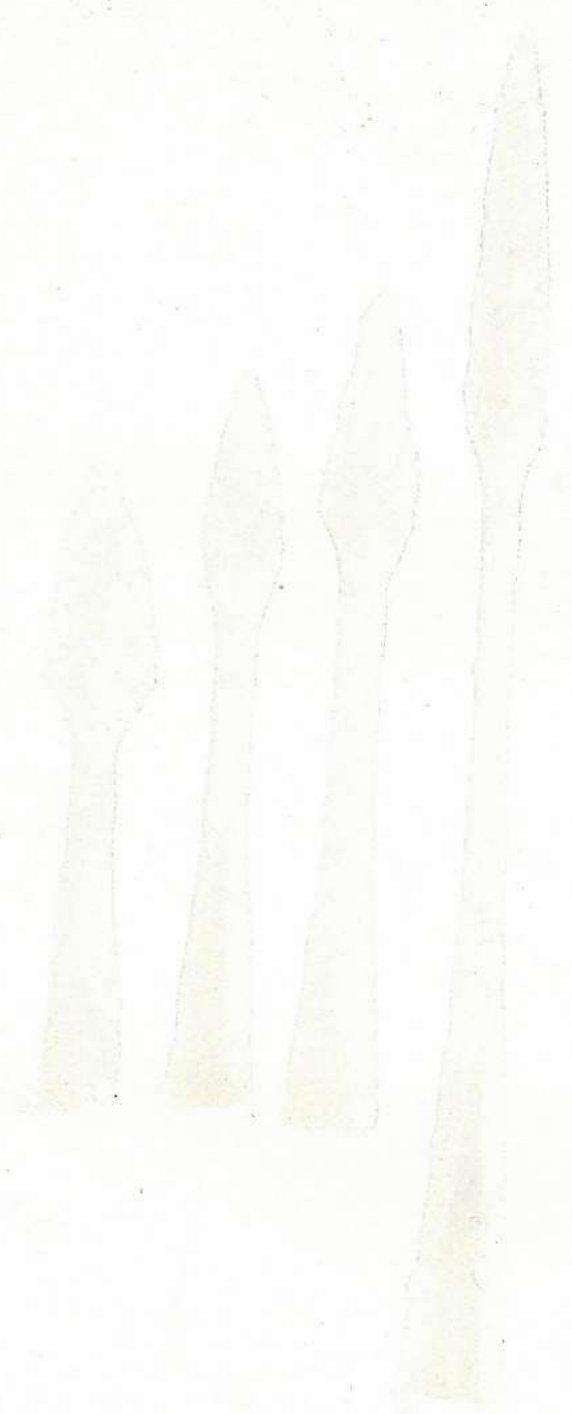
*Ластовые и стеклянные предметы из погребений древне-железной эпохи
Цинцаройского и Тан-Килсинского могильников*

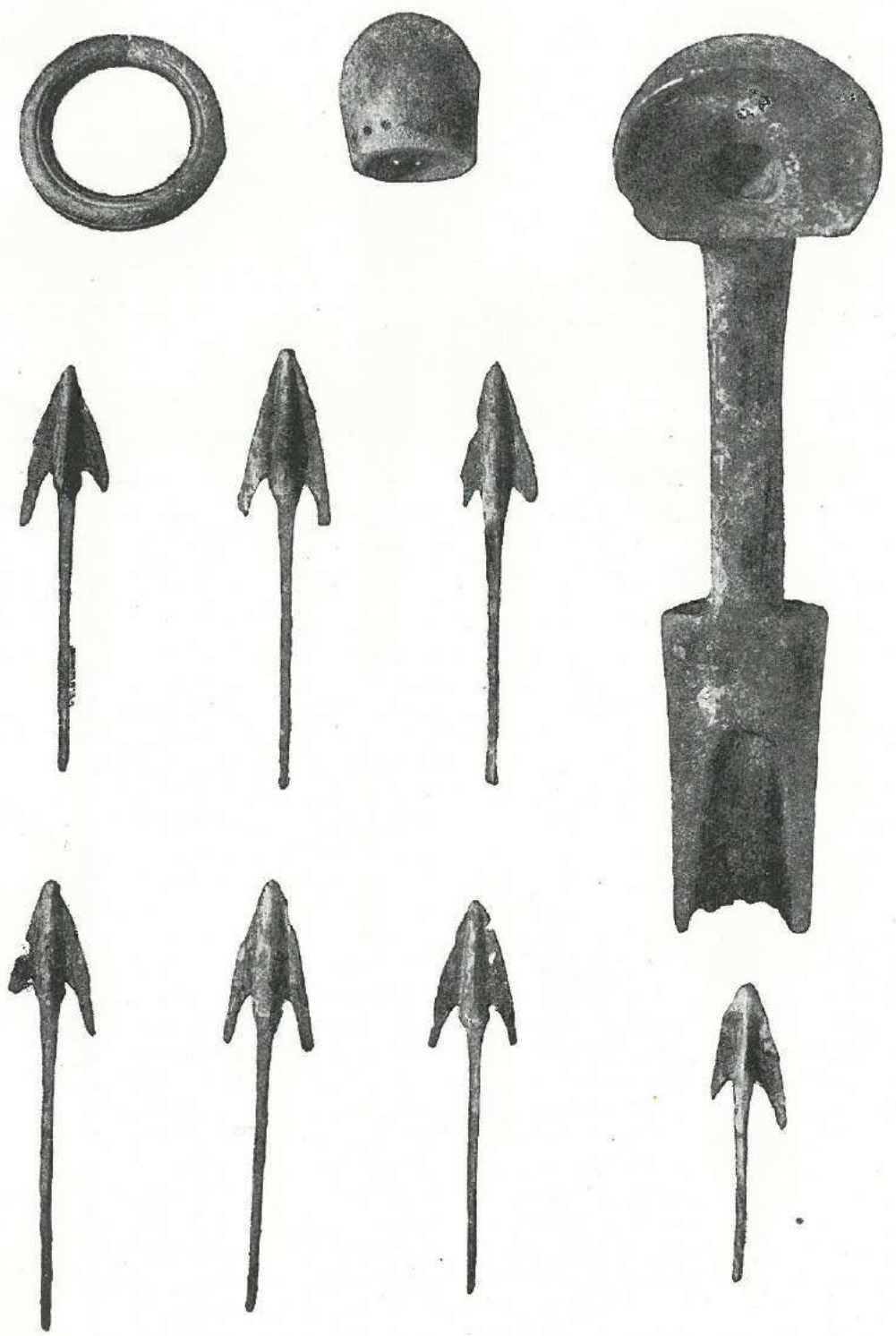
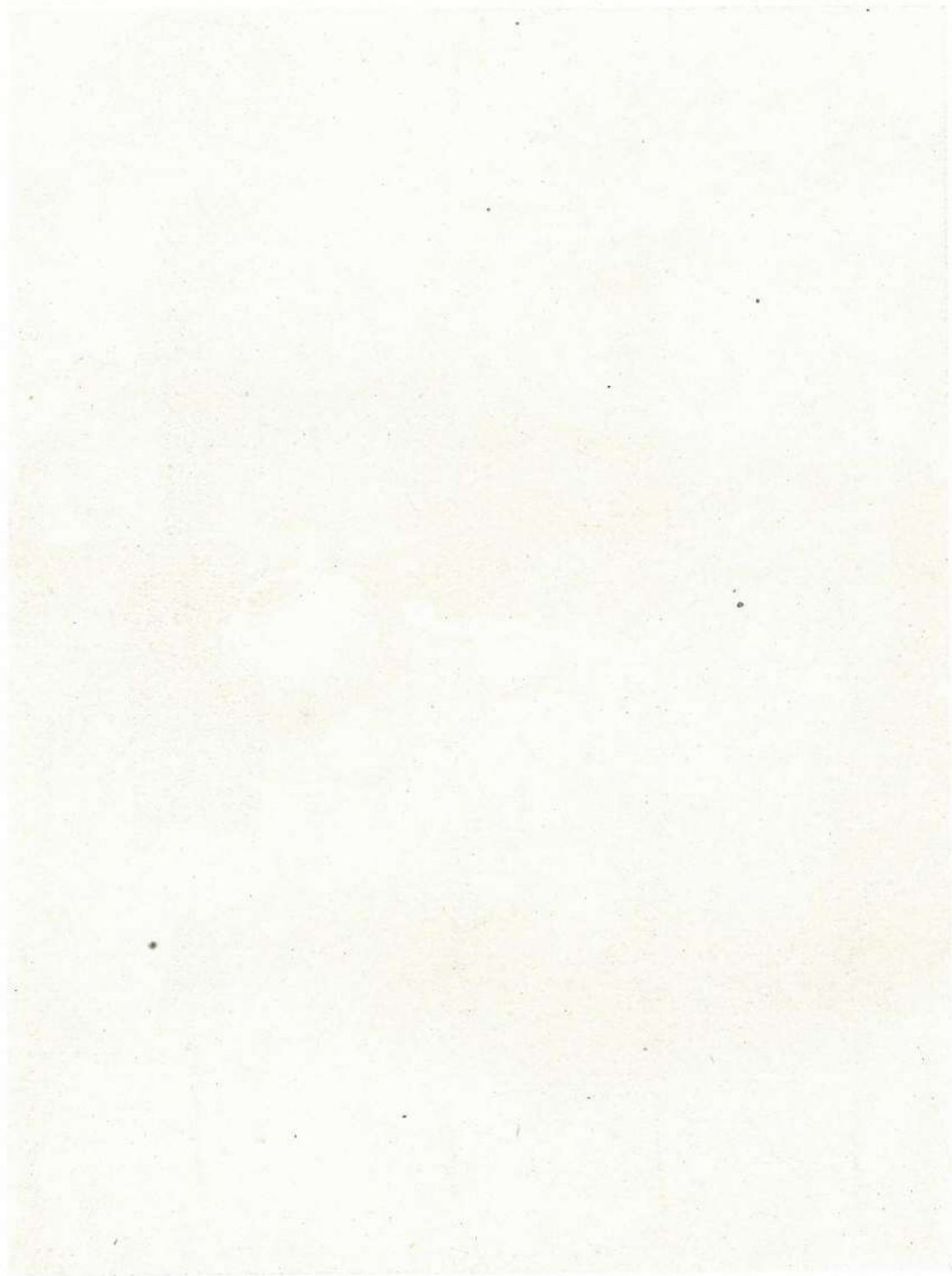
Инвентарь ящичных погребений древне-железной эпохи Цинцаройского и Тан-Килисинского могильников (в $\frac{1}{2}$ nat. вел.)

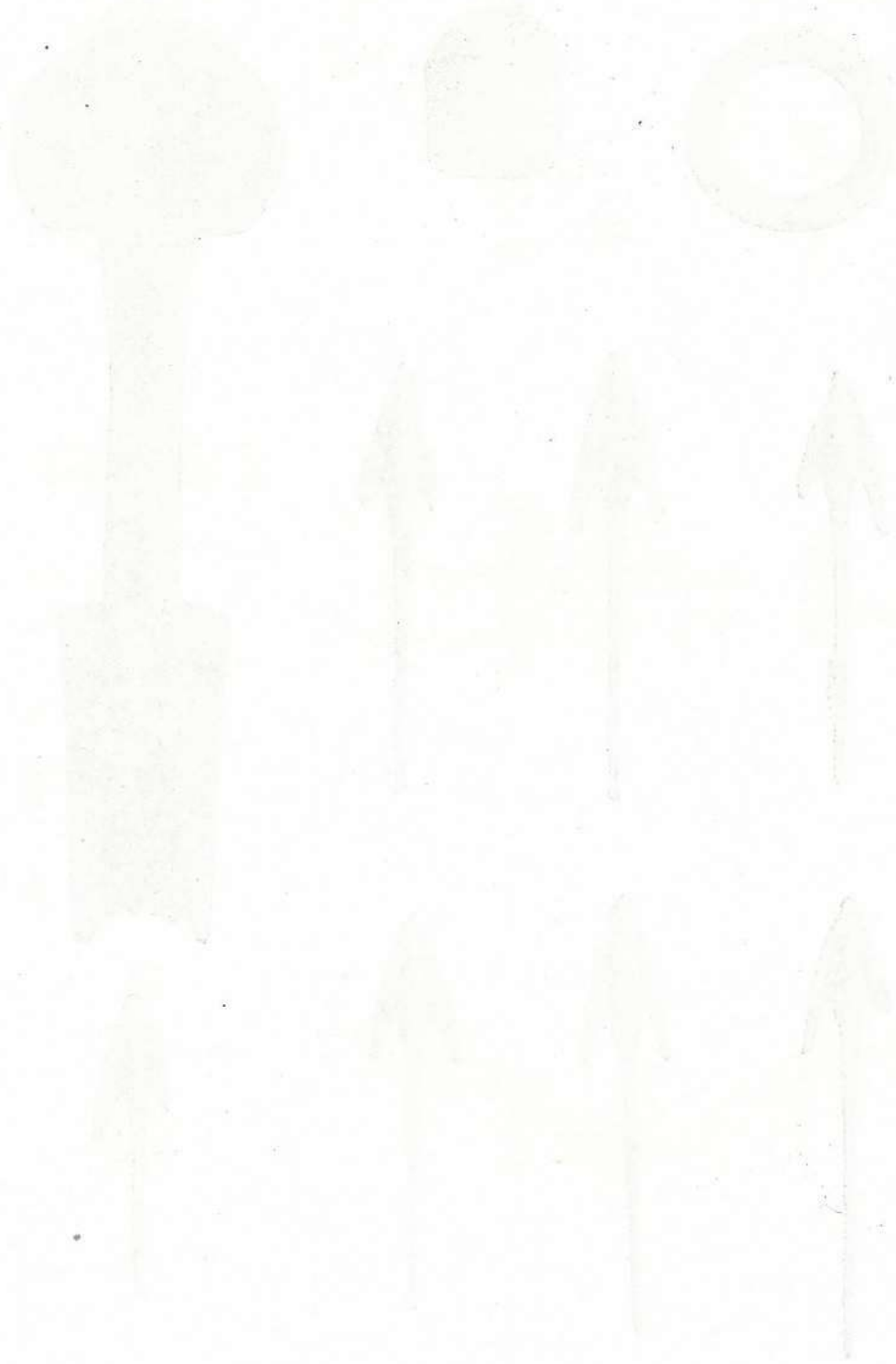
*Железные наконечники копий из ящичных погребений древне-железной эпохи
Цинцаройского и Тан-Килисинского могильников (в $\frac{1}{2}$ нат. вел.)*

Грунтовое погребение древне-железной эпохи в сел. Кущи

Инвентарь грунтового погребения в сел. Нуци

*Инвентарь погребений из каменных ящиков древне-железной эпохи
(могильник у дороги из сел. Бешташени в сел. Сафар-Хараба)*

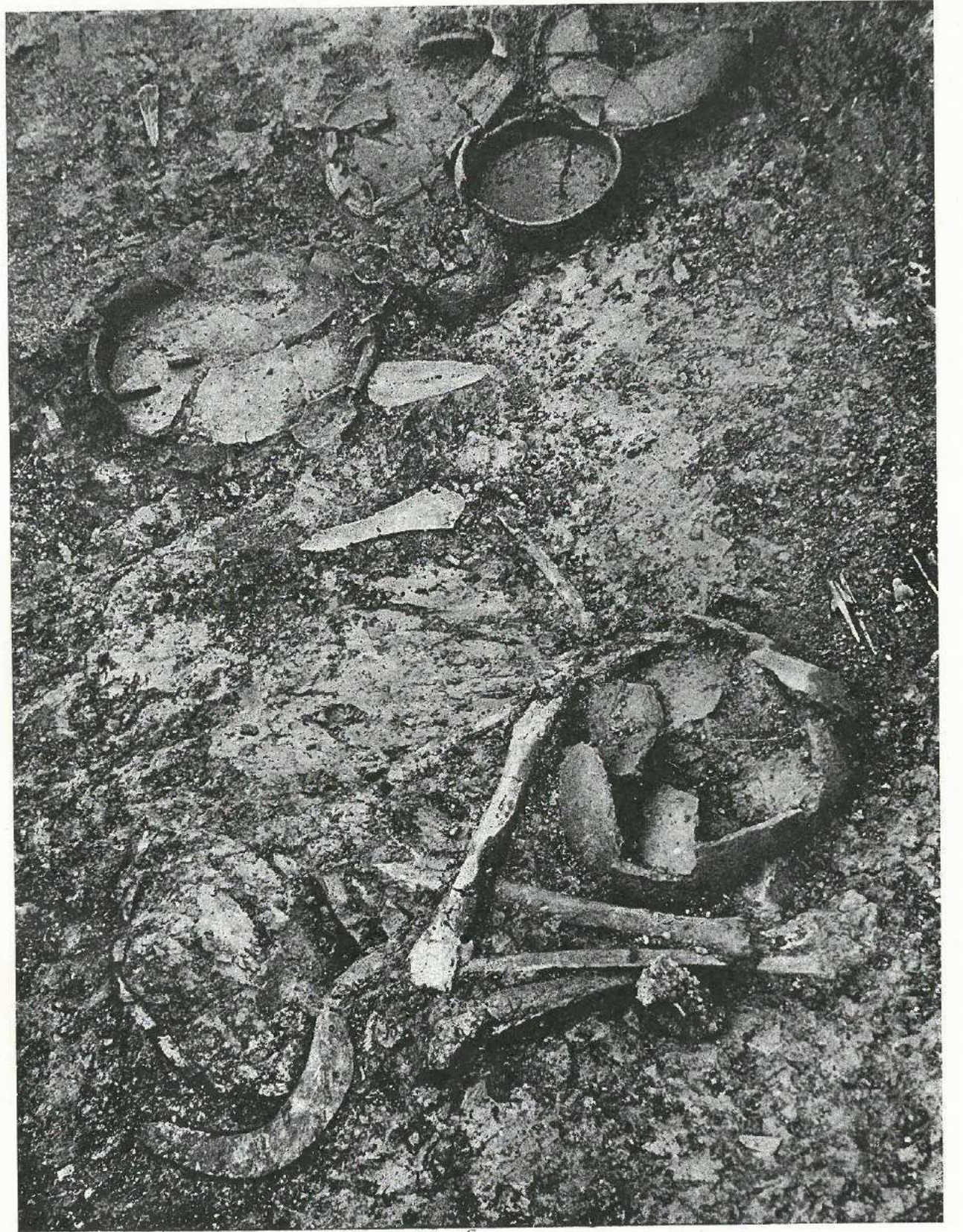
*Скорченные грунтовые погребения поздне-бронзовой эпохи в могильнике
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба*

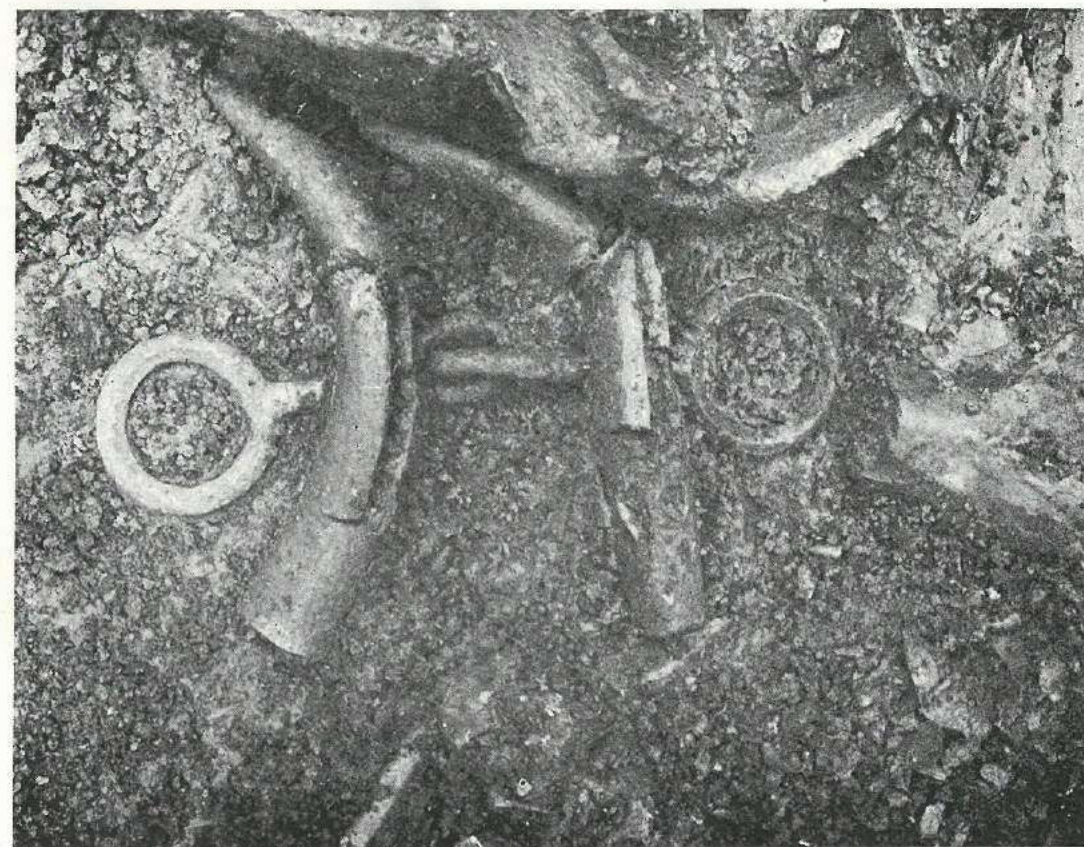
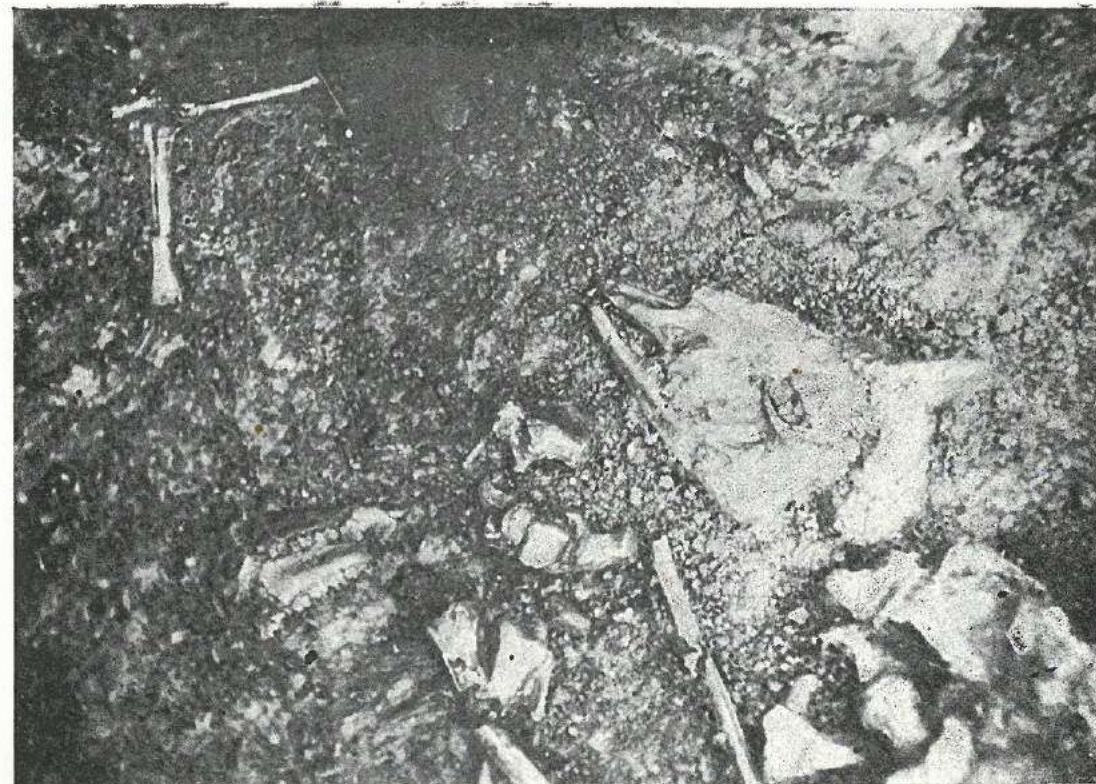
Грунтовое погребение № 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи

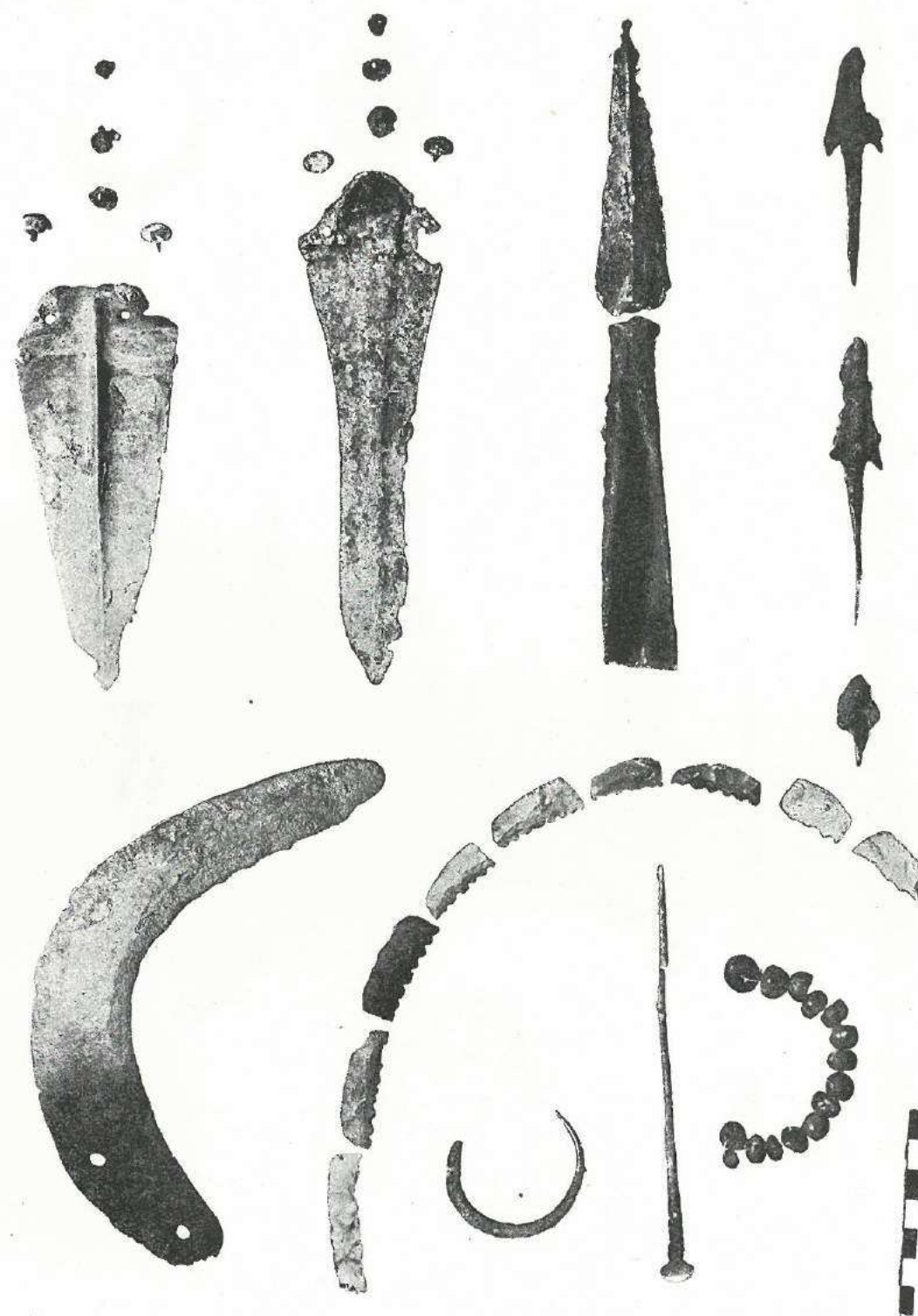
Деталь грунтового погребения № 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба,
поздне-бронзовой эпохи, с намеренно поломанным инвентарем

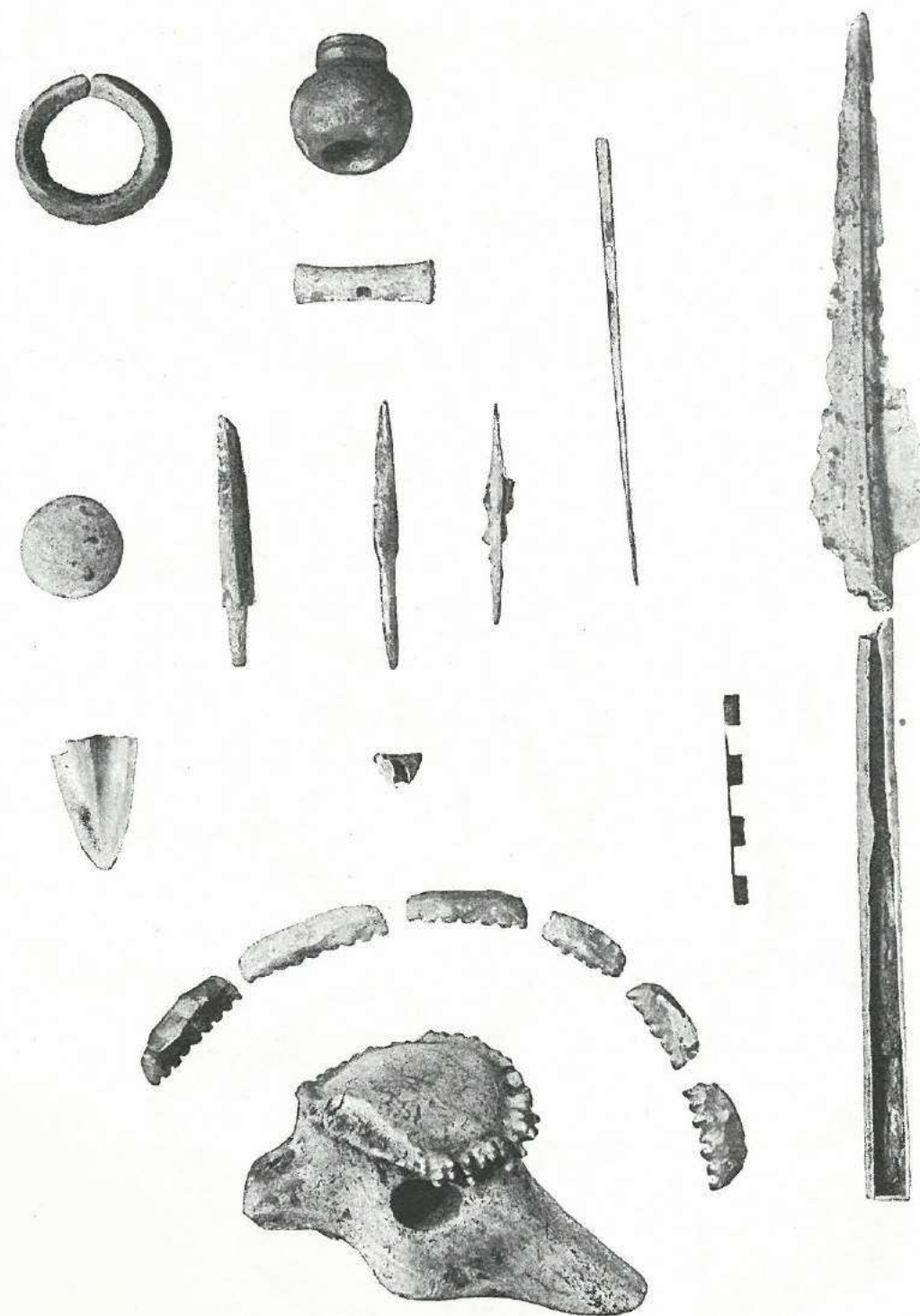
Грунтовое погребение № 4 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба, поздне-бронзовой эпохи

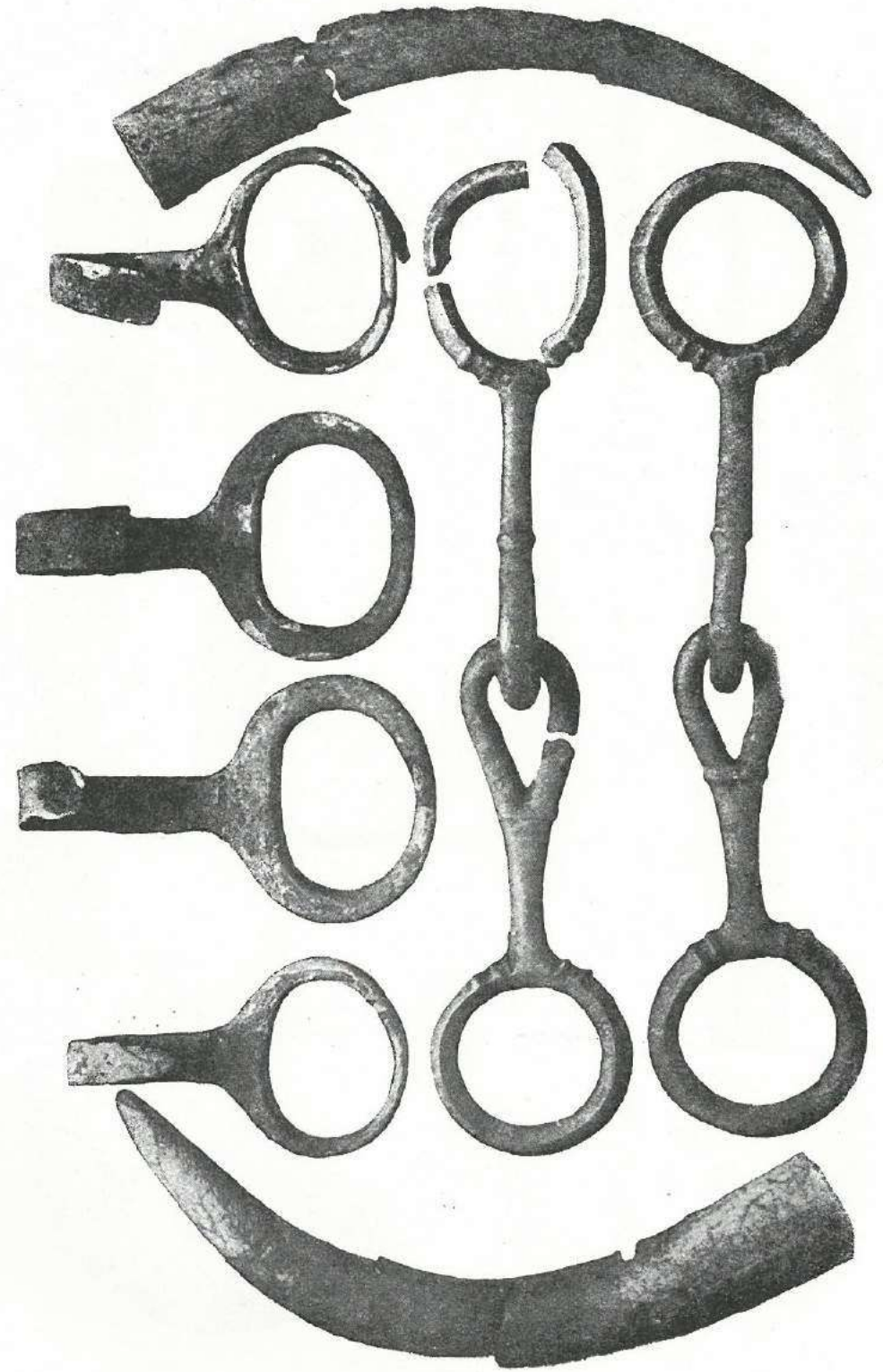
Детали погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

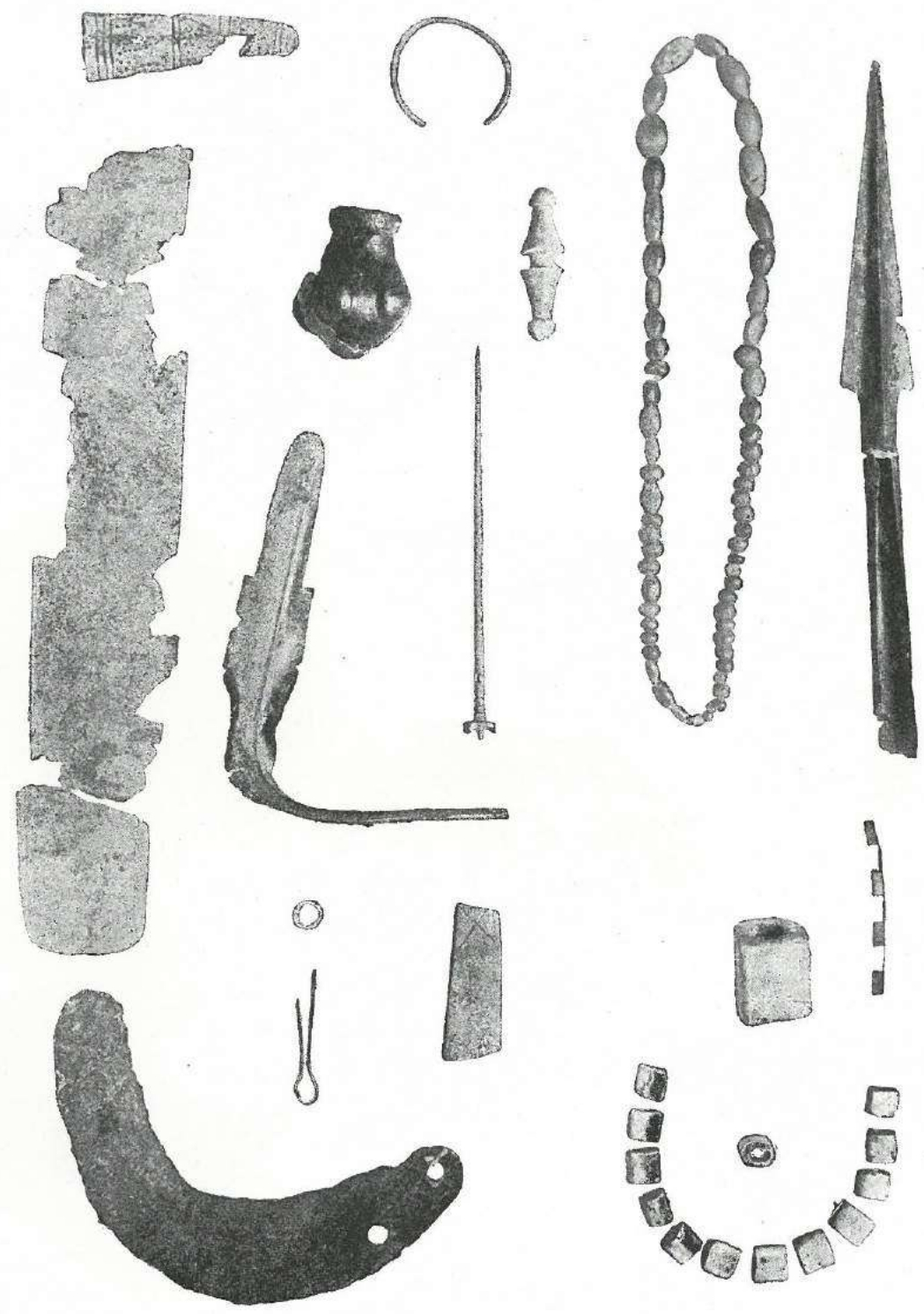
Инвентарь из грунтового погребения № 4 поздне-бронзовой эпохи
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

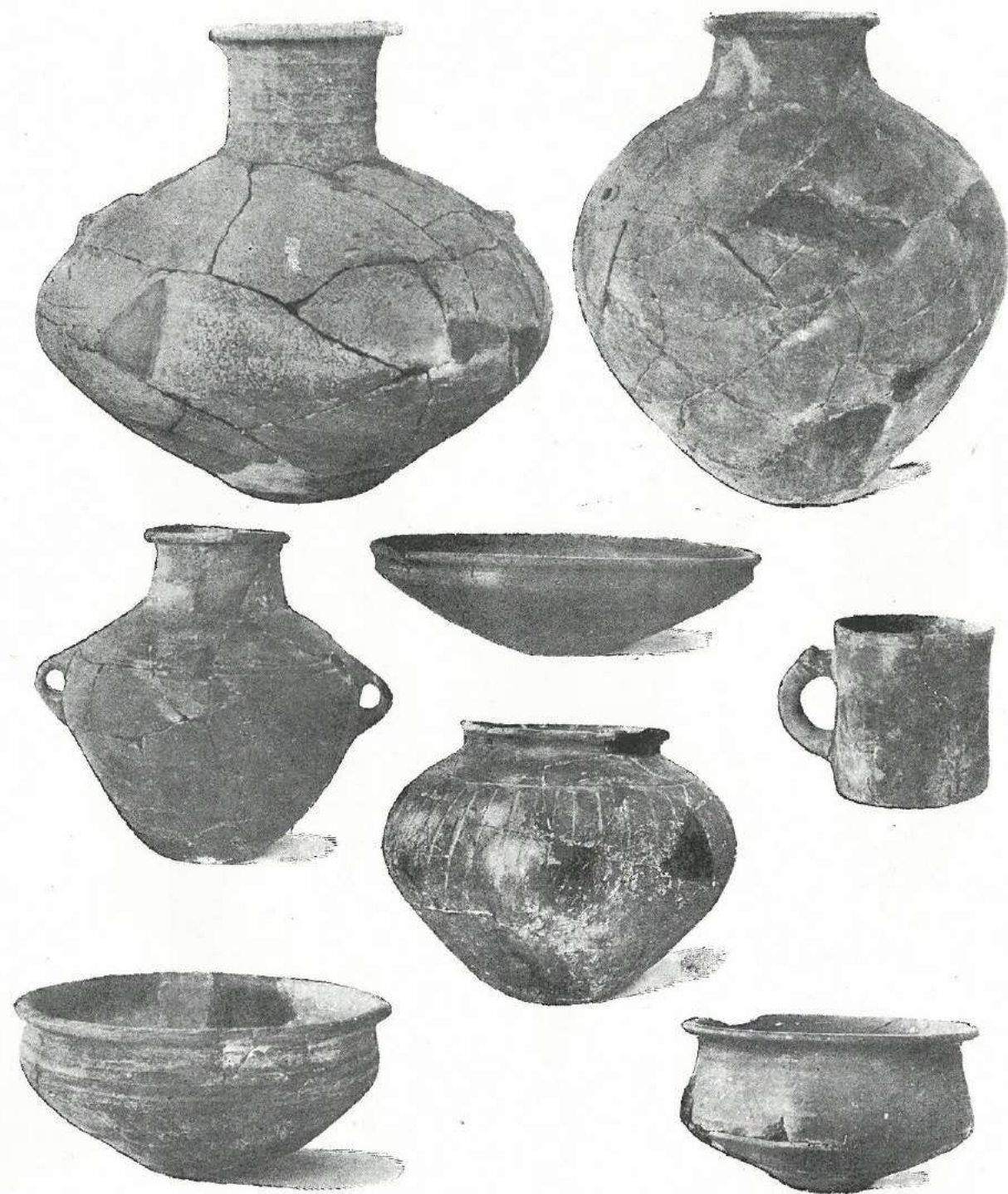
Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения № 19 могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

Пара бронзовых удил с роговыми трезелями и одним из них и две пары бронзовых крючков из погребения № 13 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

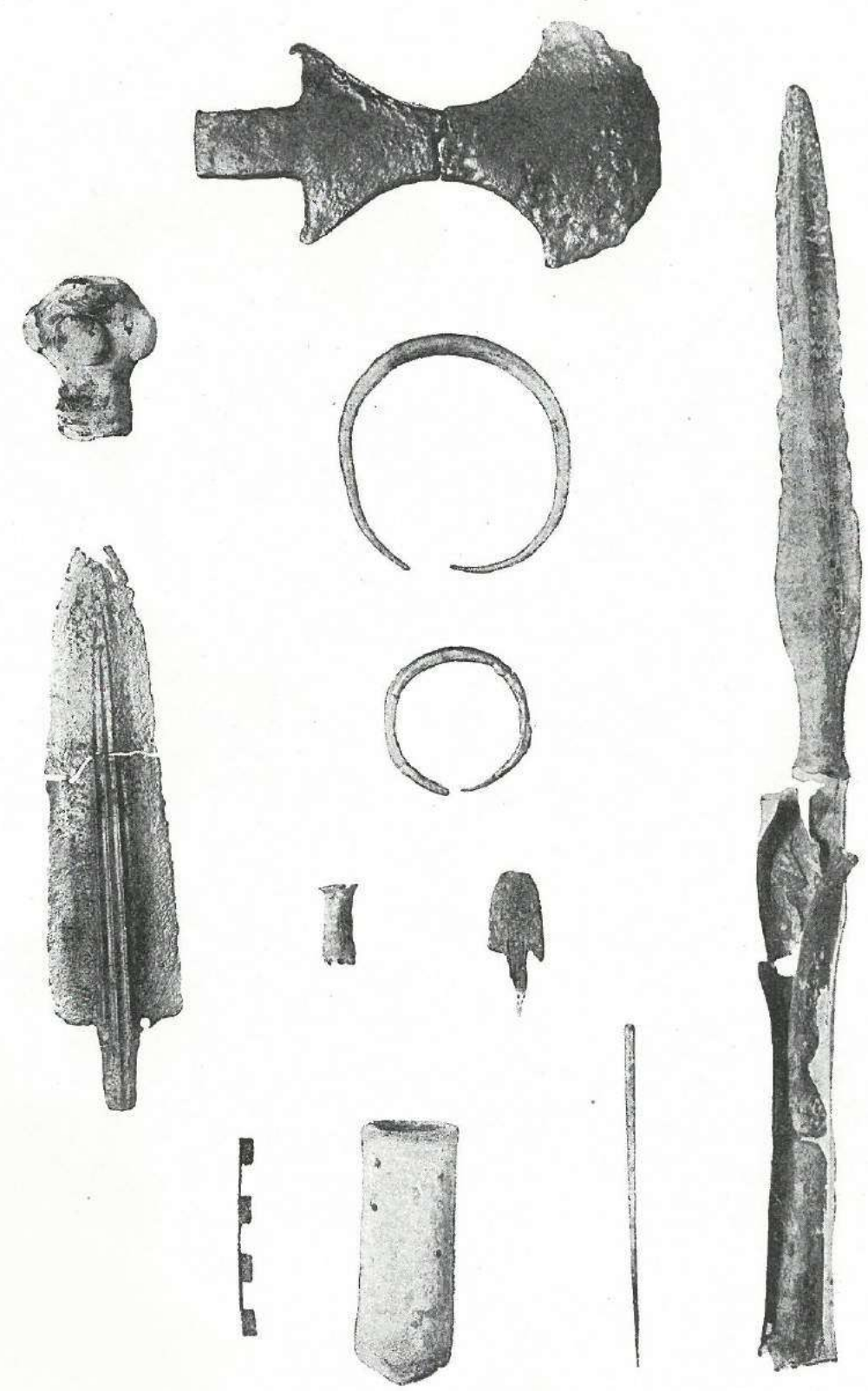
*Инвентарь поздне-бронзовой эпохи из грунтового погребения № 13 могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба*

Образцы керамики из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около $\frac{1}{8}$ нат. вел.)

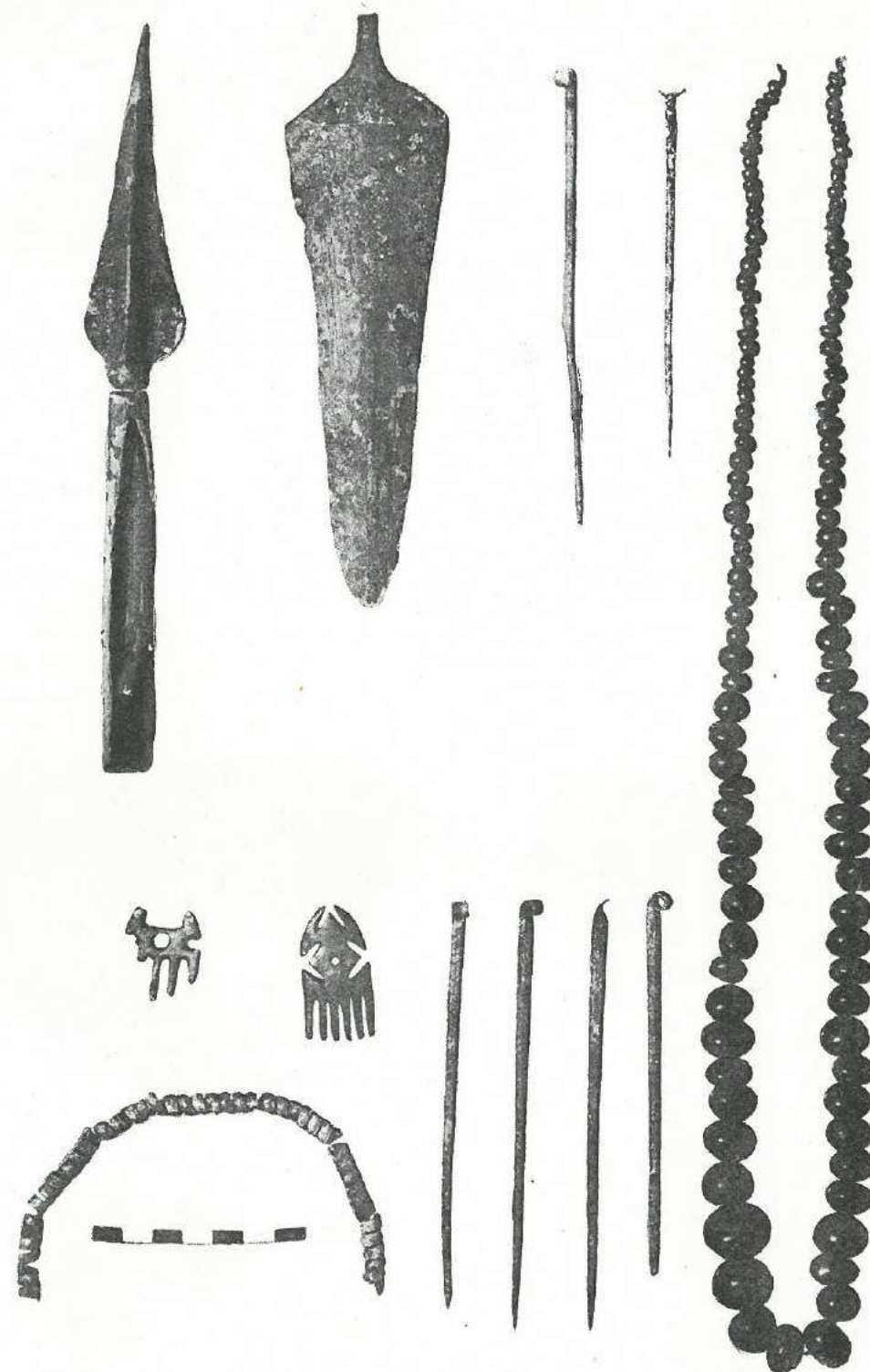
Инвентарь грунтового погребения № 11 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

Инвентарь грунтового погребения № 20 могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

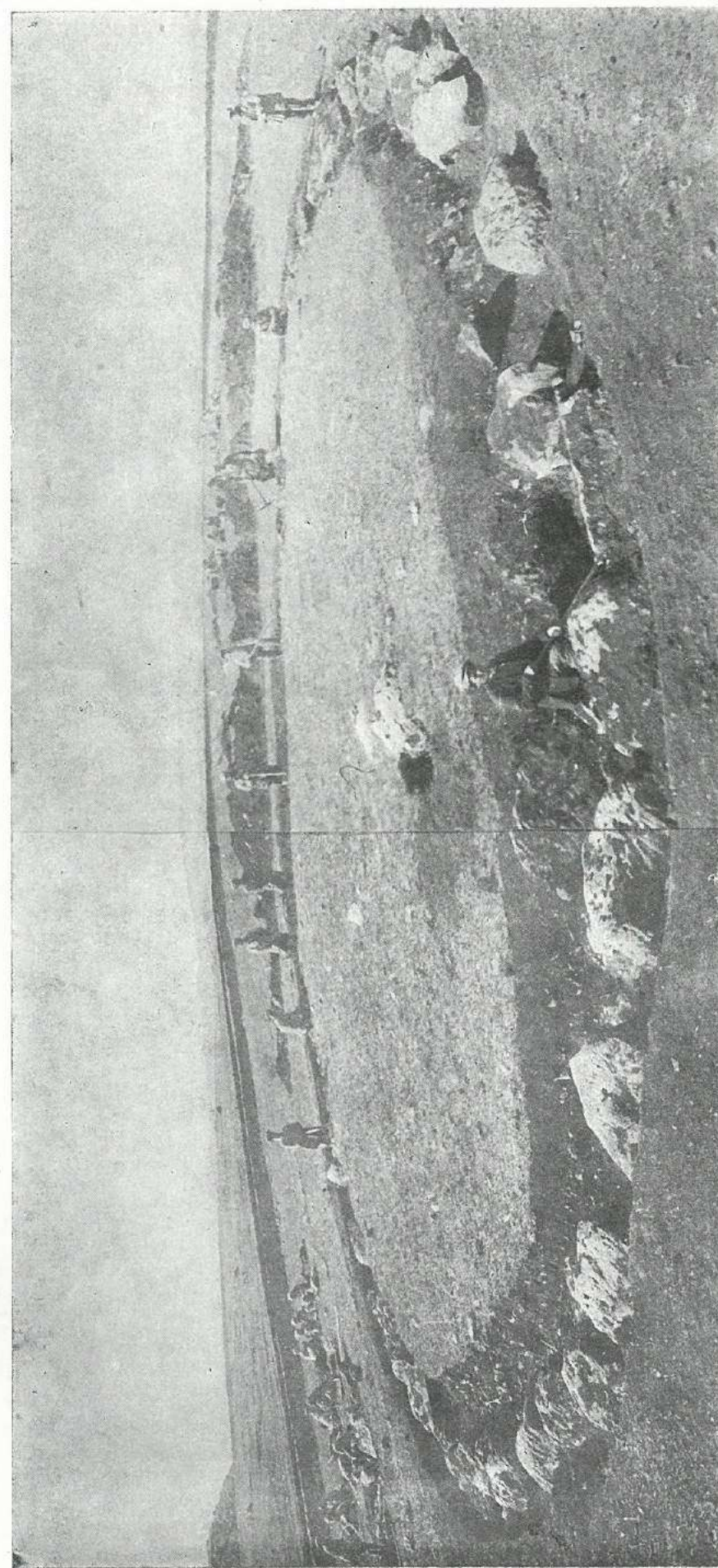
Образцы керамики из грунтовых погребений поздней бронзовой эпохи могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (около $1\frac{1}{2}$ н.э. в.в.)

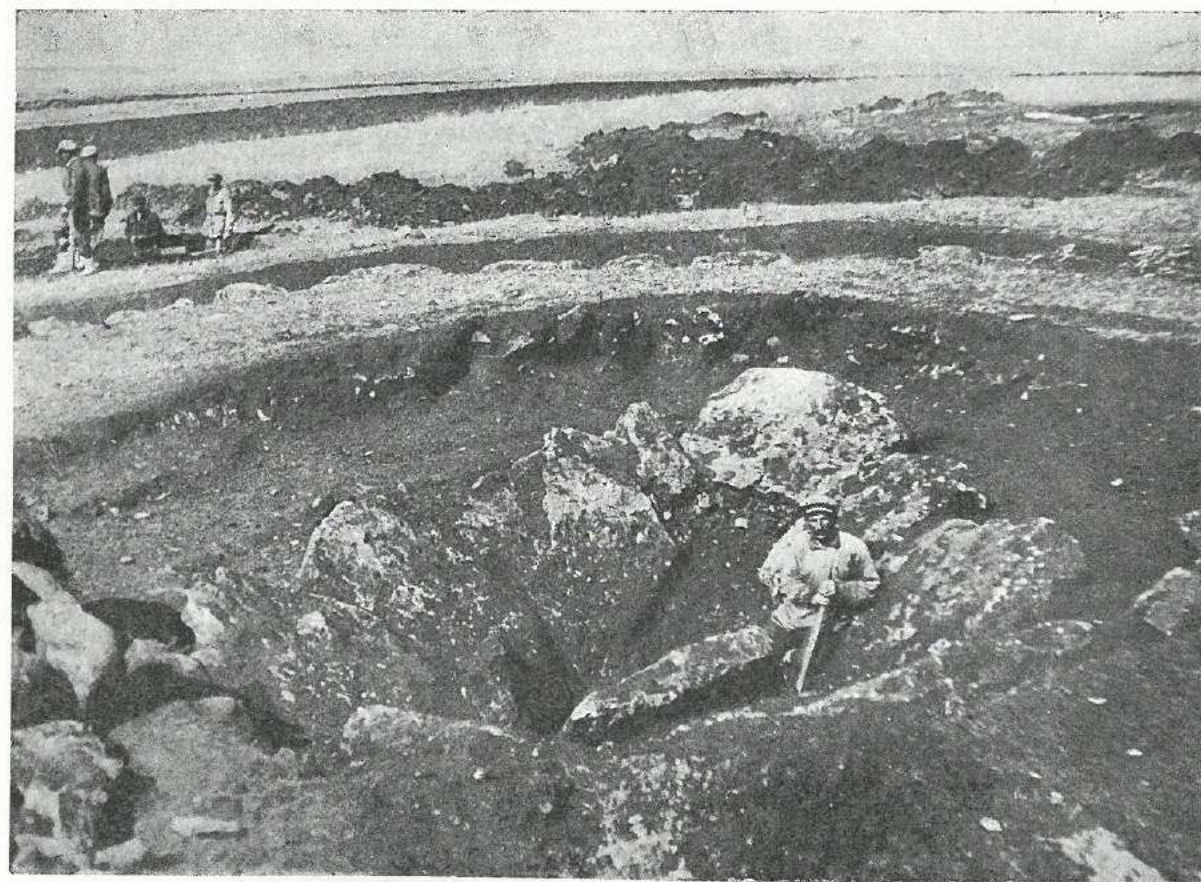
Инвентарь из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника
у дороги Бешташени—Сафар-Хараба

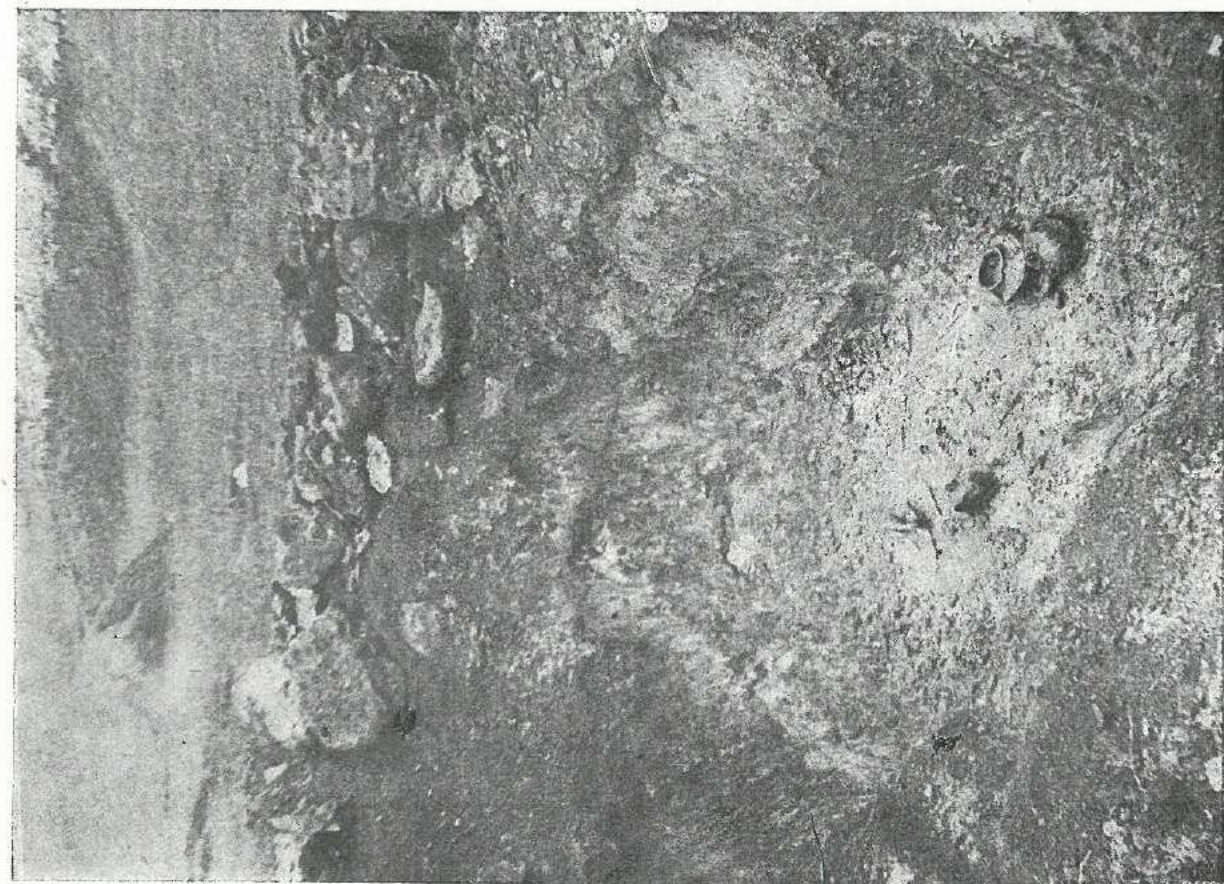
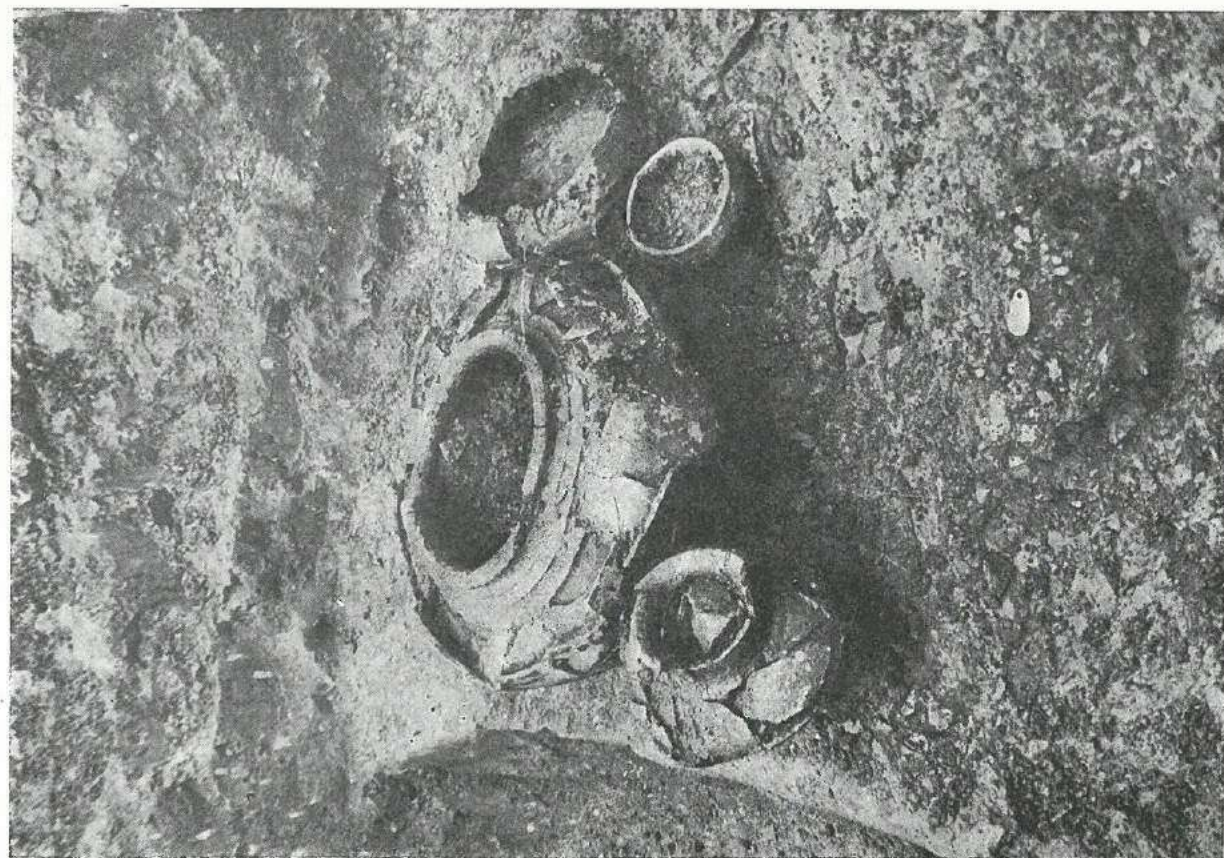
Глиняные орнаментированные кубки с полой ножкой из грунтовых погребений поздне-бронзовой эпохи могильника у дороги Бешташени—Сафар-Хараба (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

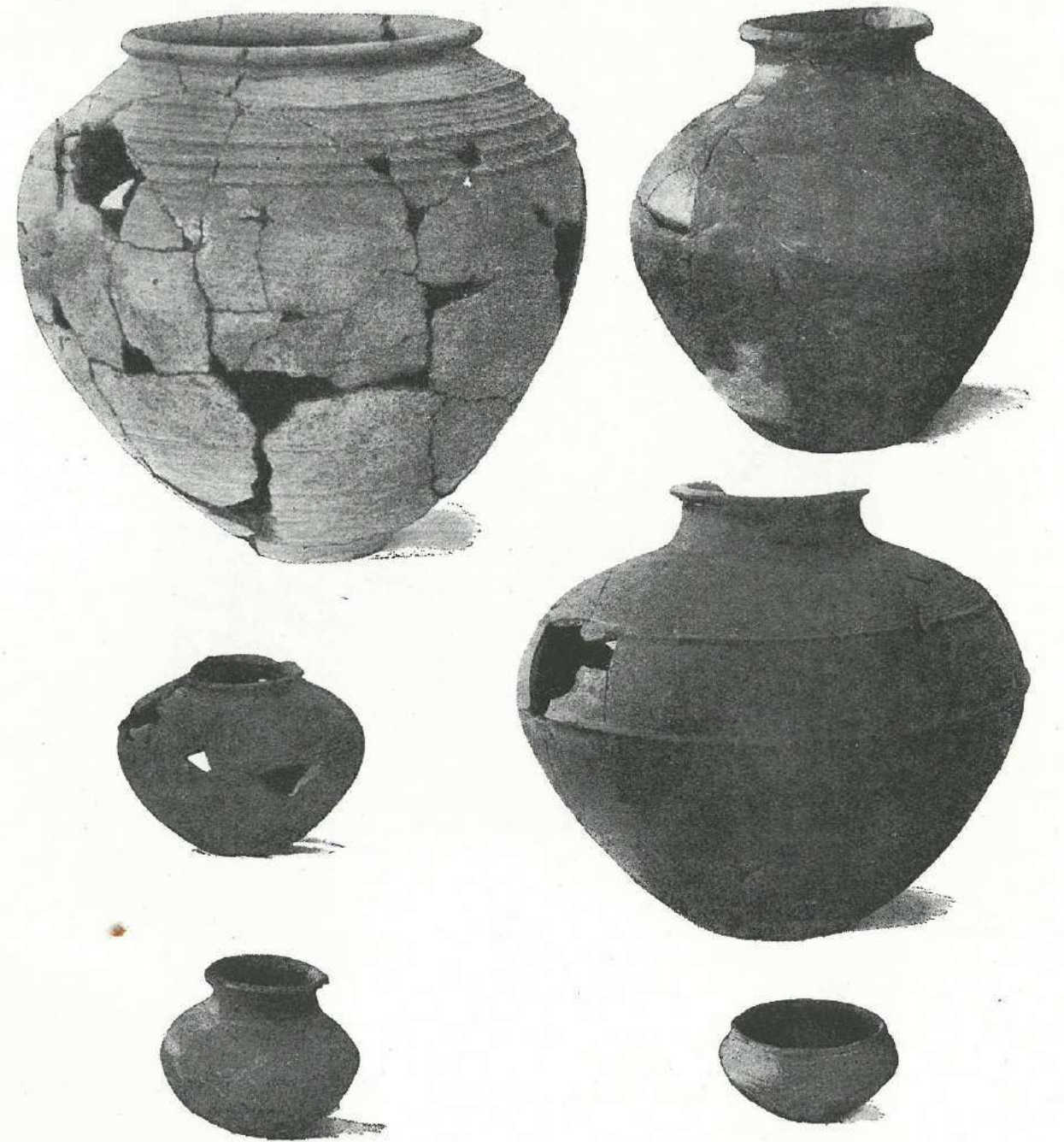
Большой каменный круг в урочище Байбурт на р. Герян-Чай

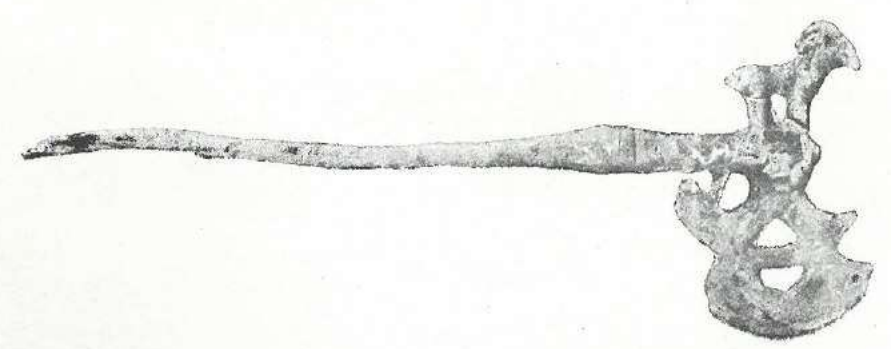
Каменные покровы погребальных ям в центре каменных кругов, малого и большого на р. Герян-Чай

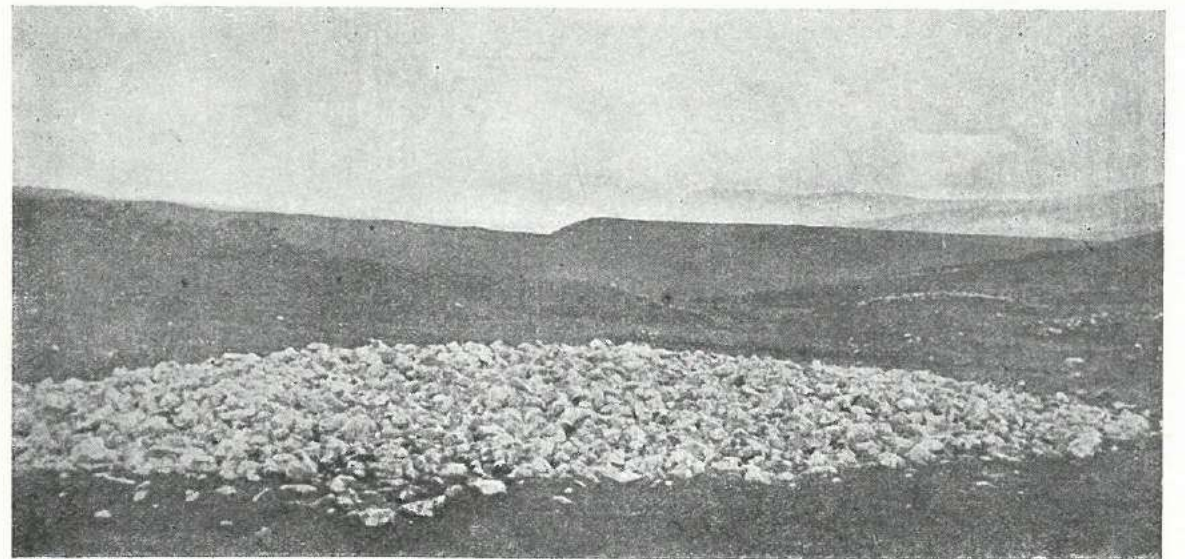
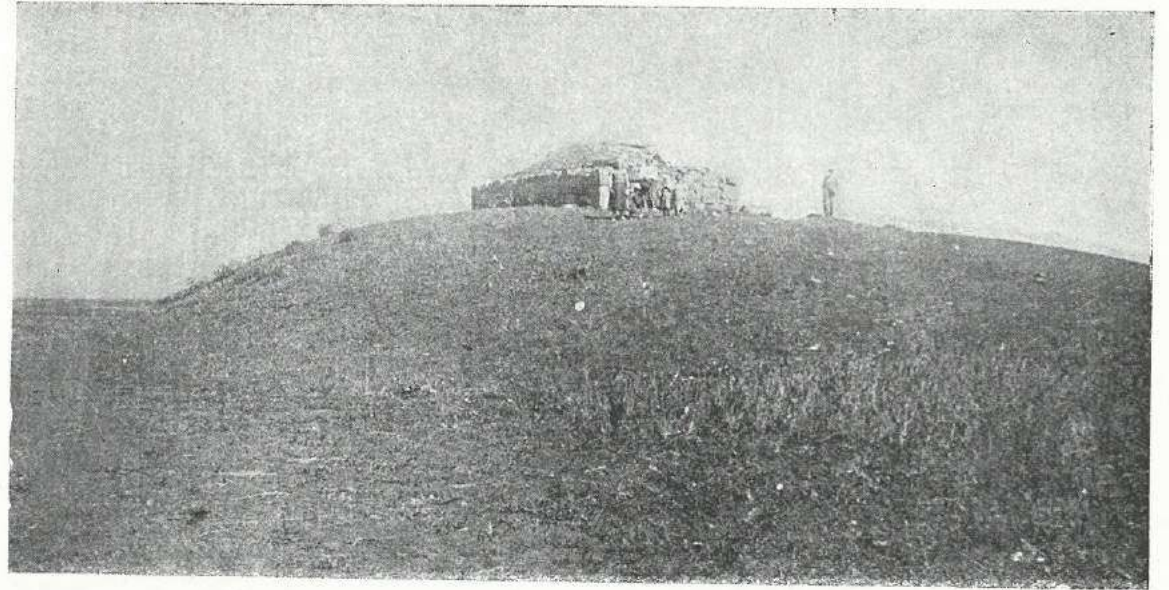
Погребения бронзовой эпохи мозильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Герань-Чая

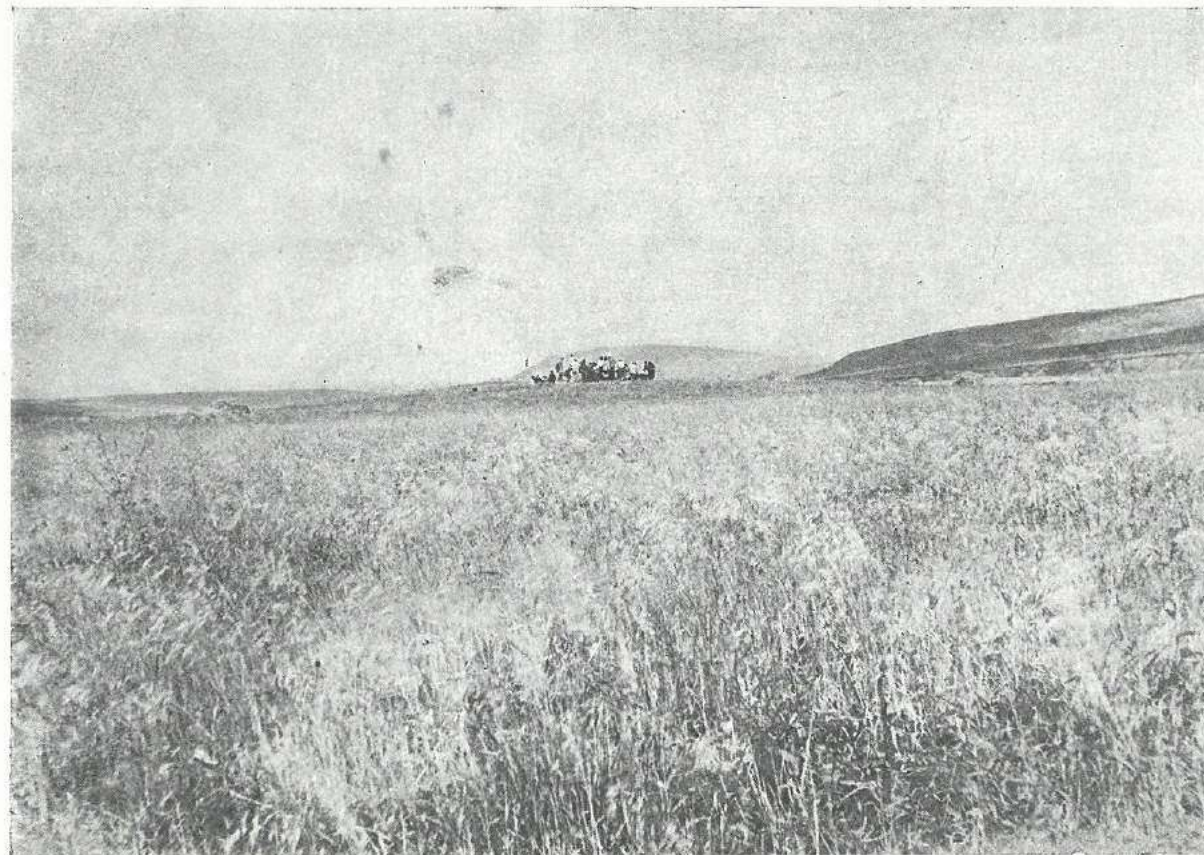
Образцы керамики из погребений в наможных кругах на р. Горняк-Чай (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

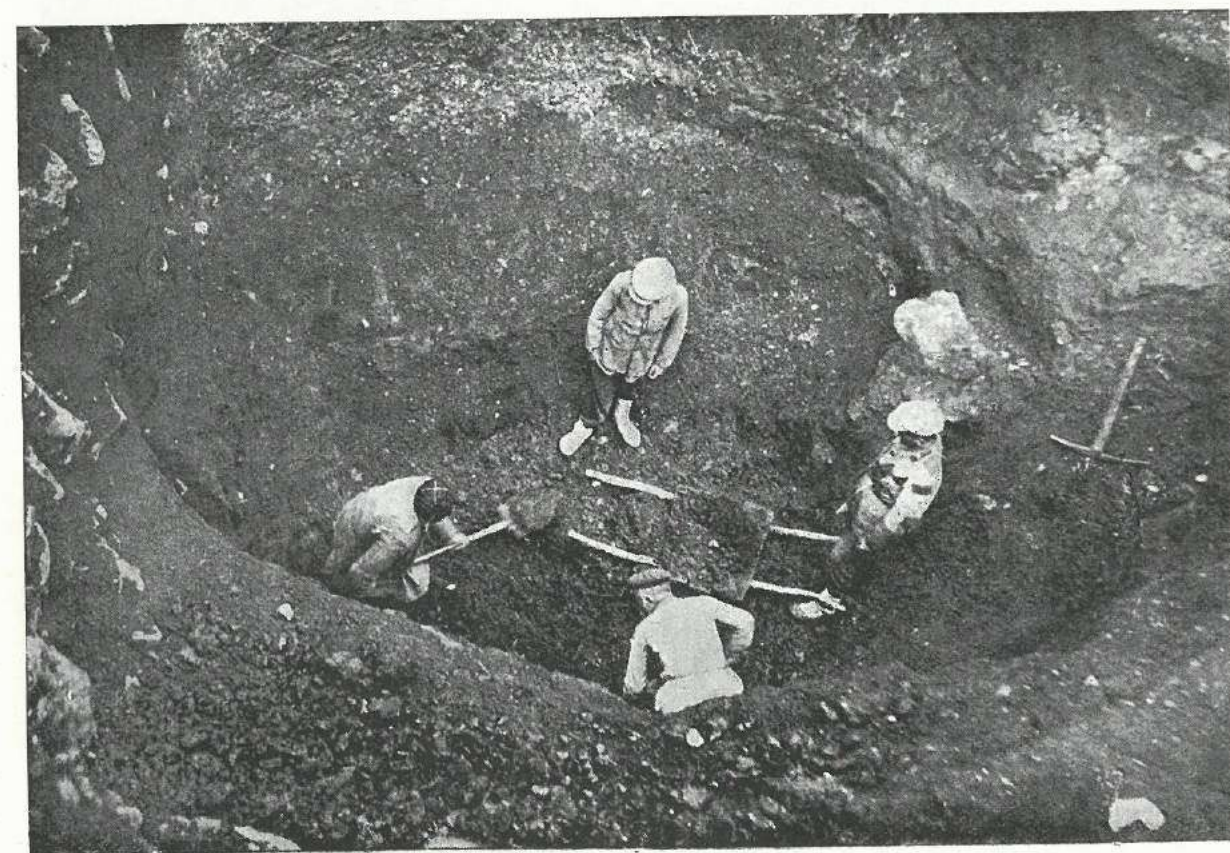
Погребение № 3 могильника с каменными кругами в урочище Байбурт на р. Горян-Чай

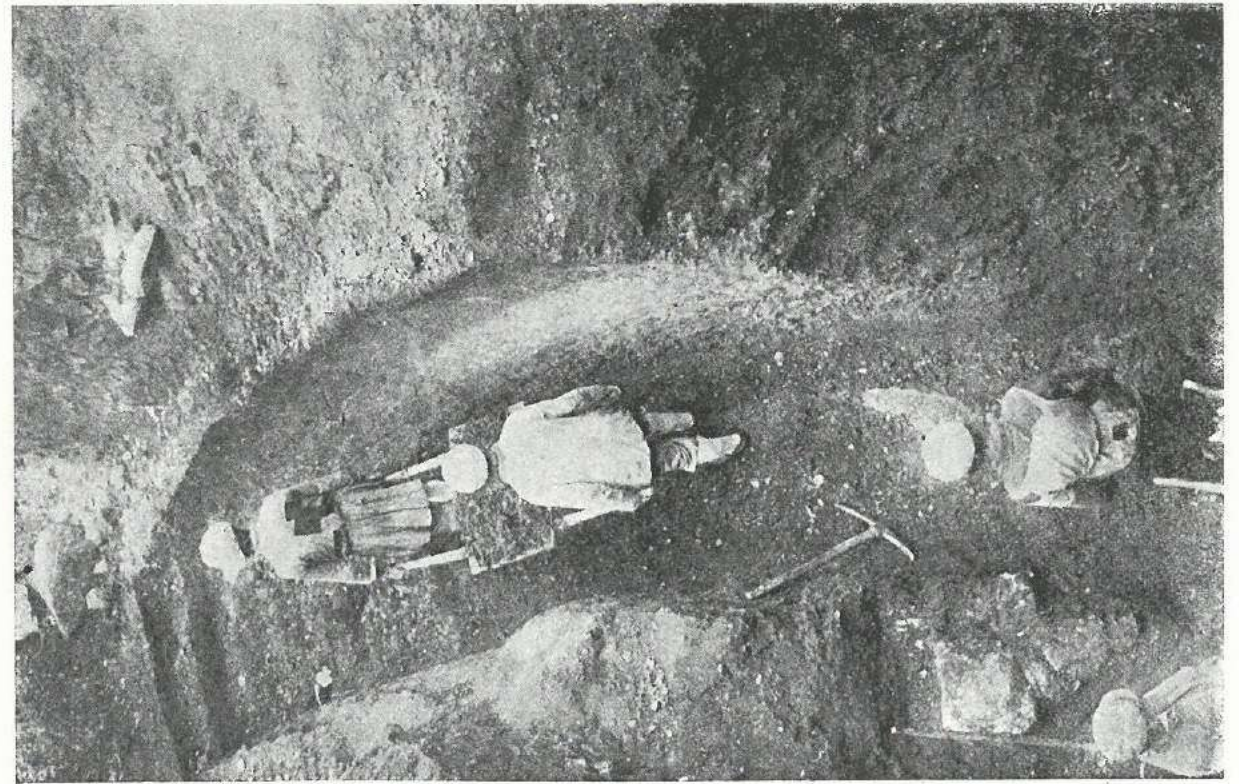
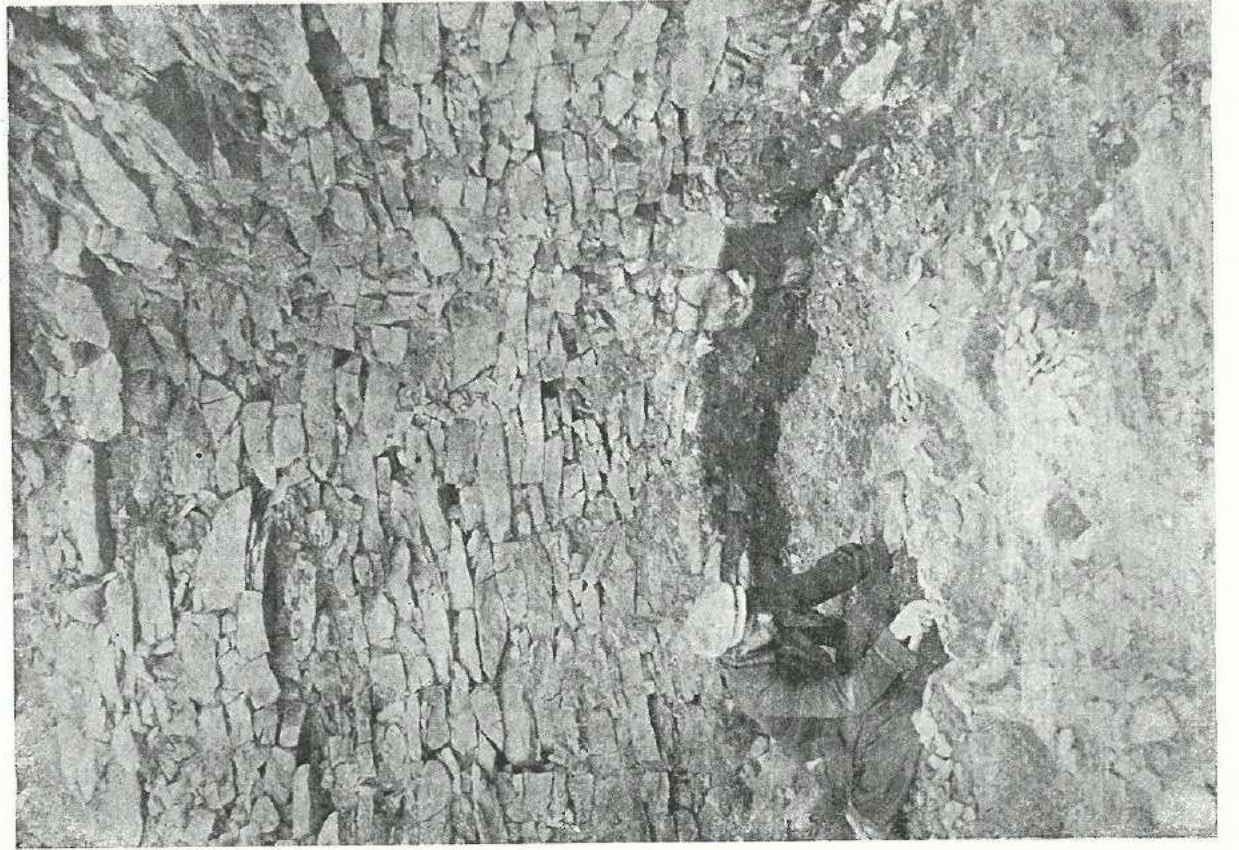
Внешний вид курганов „Карантин“, „Биюн-Тепе“ и кургана XXVIII в Триалети

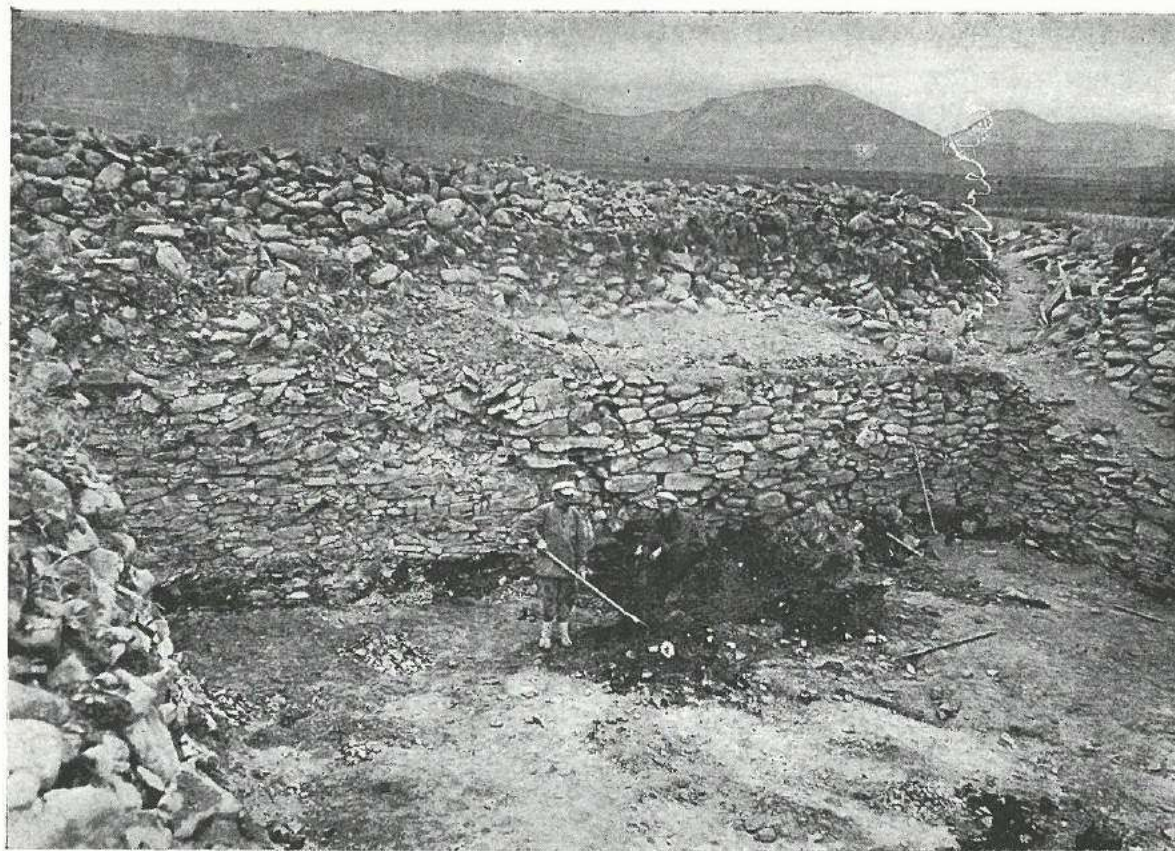
Внешний вид курганов XVII и XXXVI (Топ-Нар) в Триалети

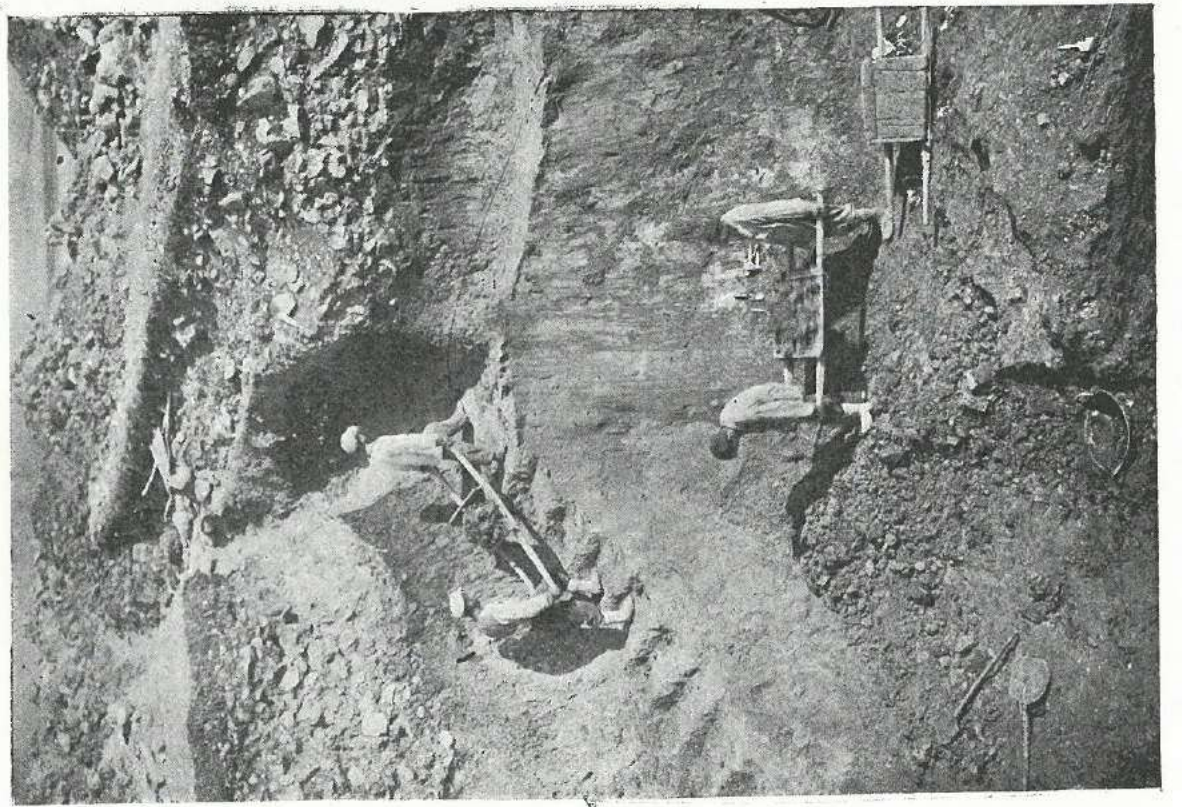
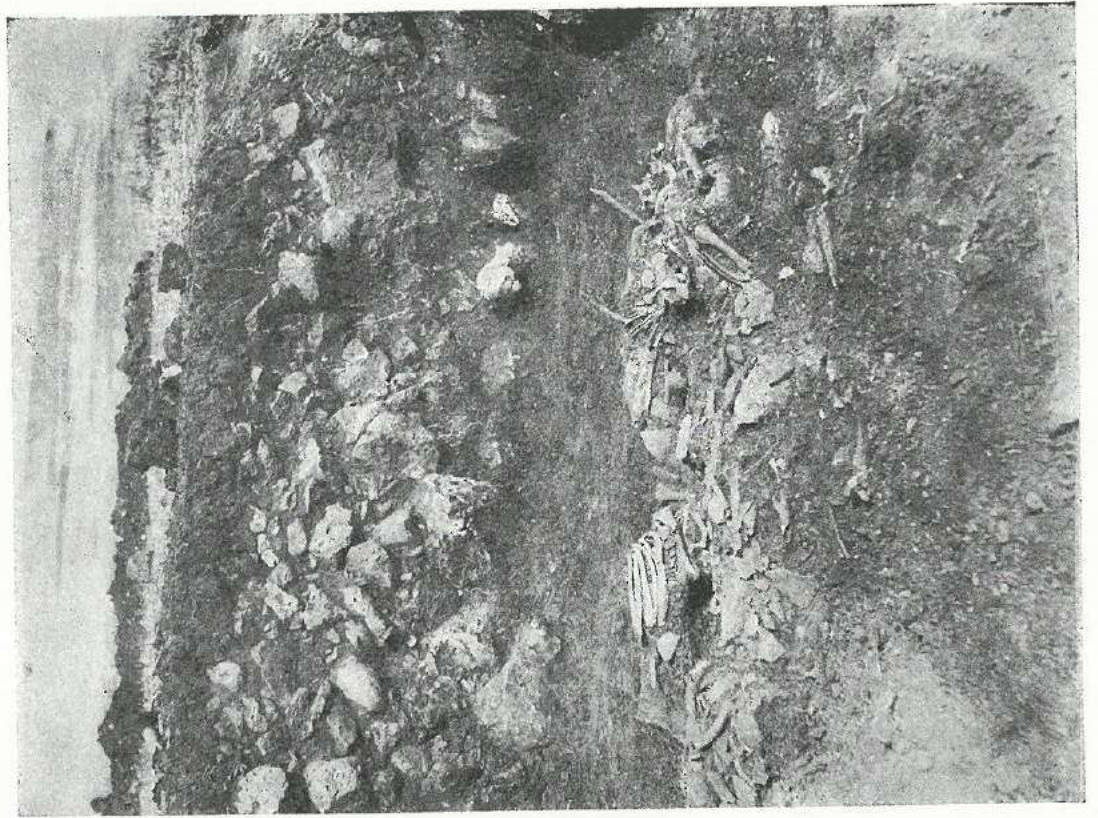
Процесс раскопки кургана «Карантия»

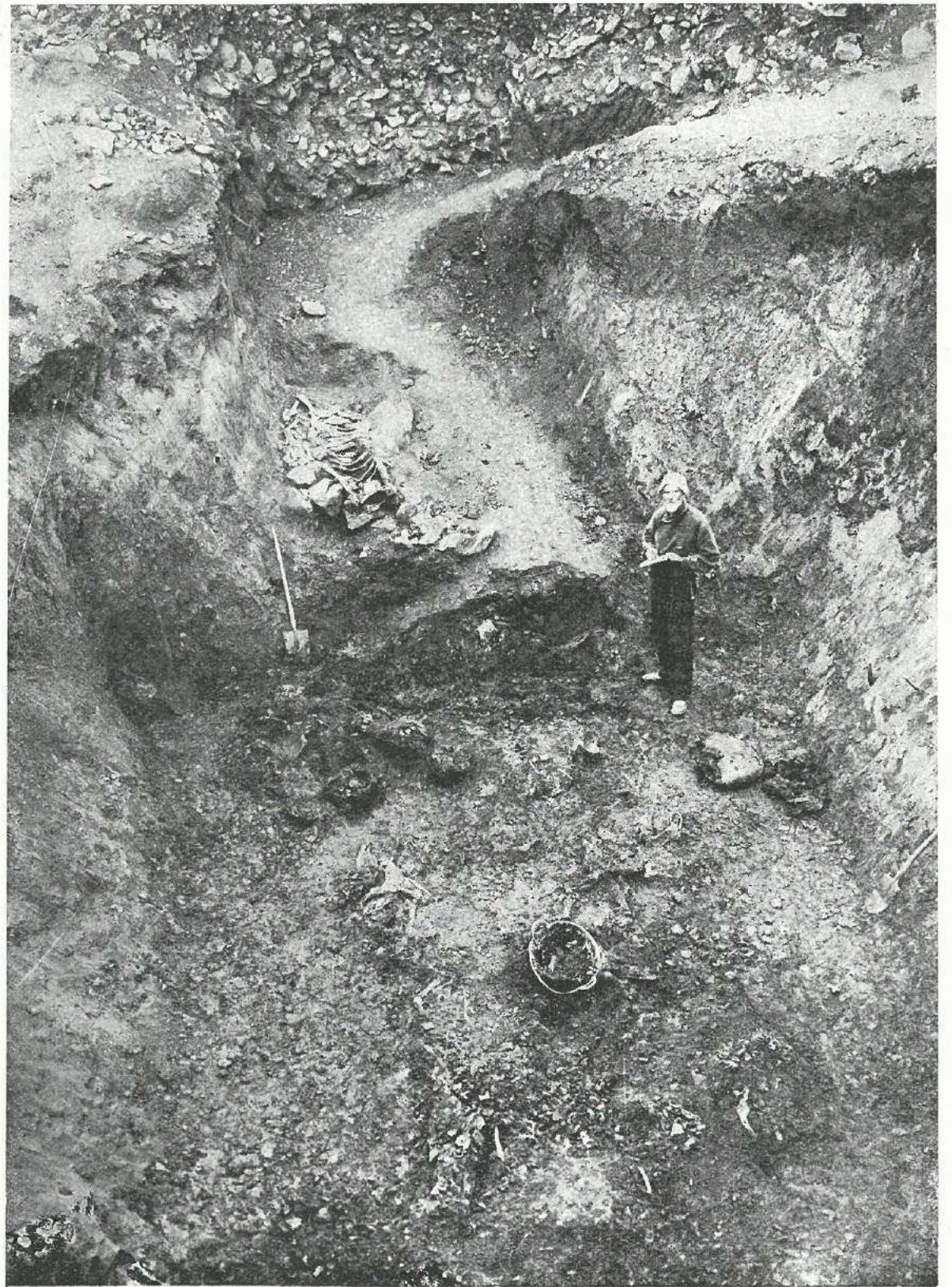
Процесс раскопки курганов «Керантин» и «Топ-Кер» в Триалети

Погребальные площадки безъямных курганов XXXVI (Топ-Нар) и XVIII в Триалети

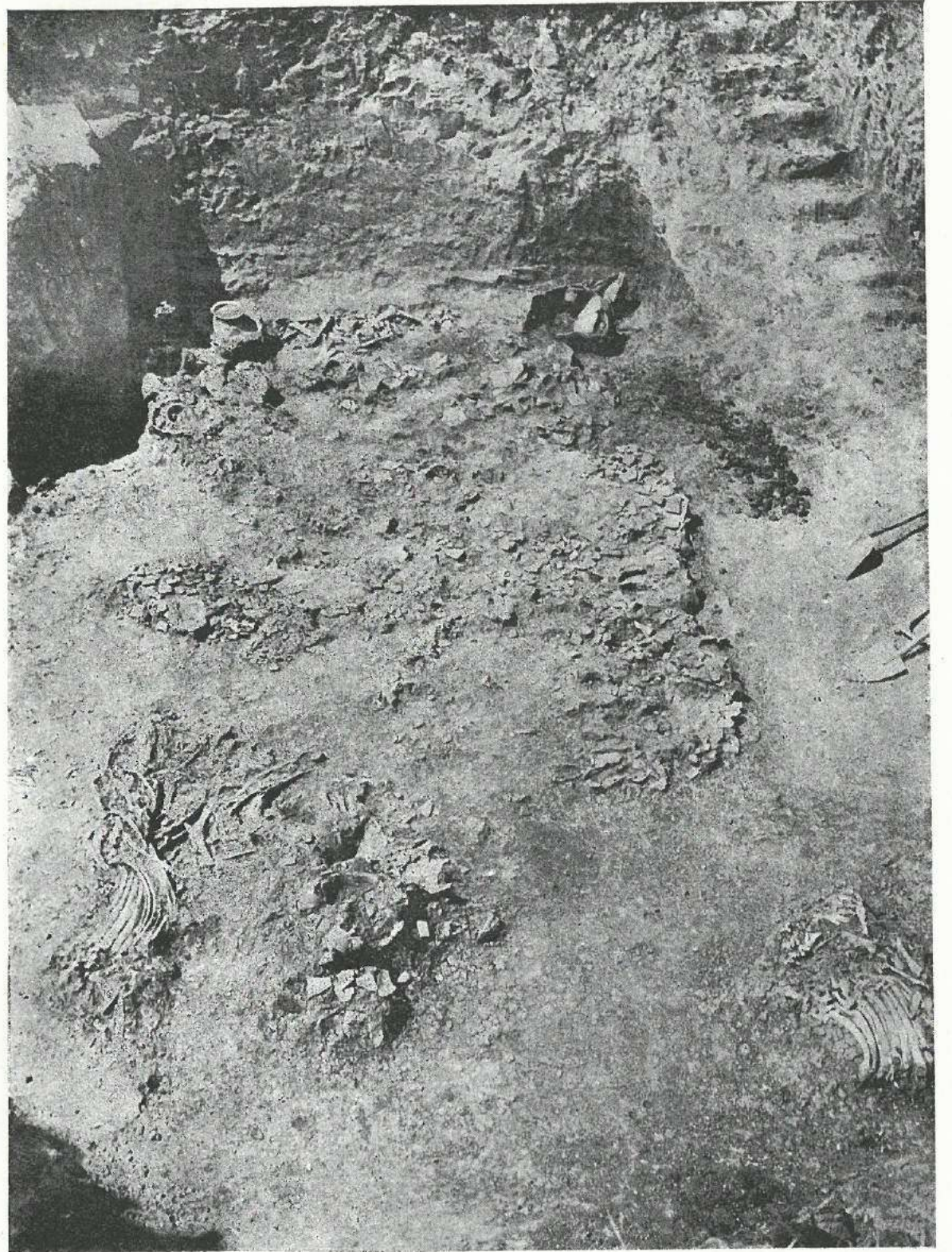
Раскопка курганов XV и VIII в Триолеми

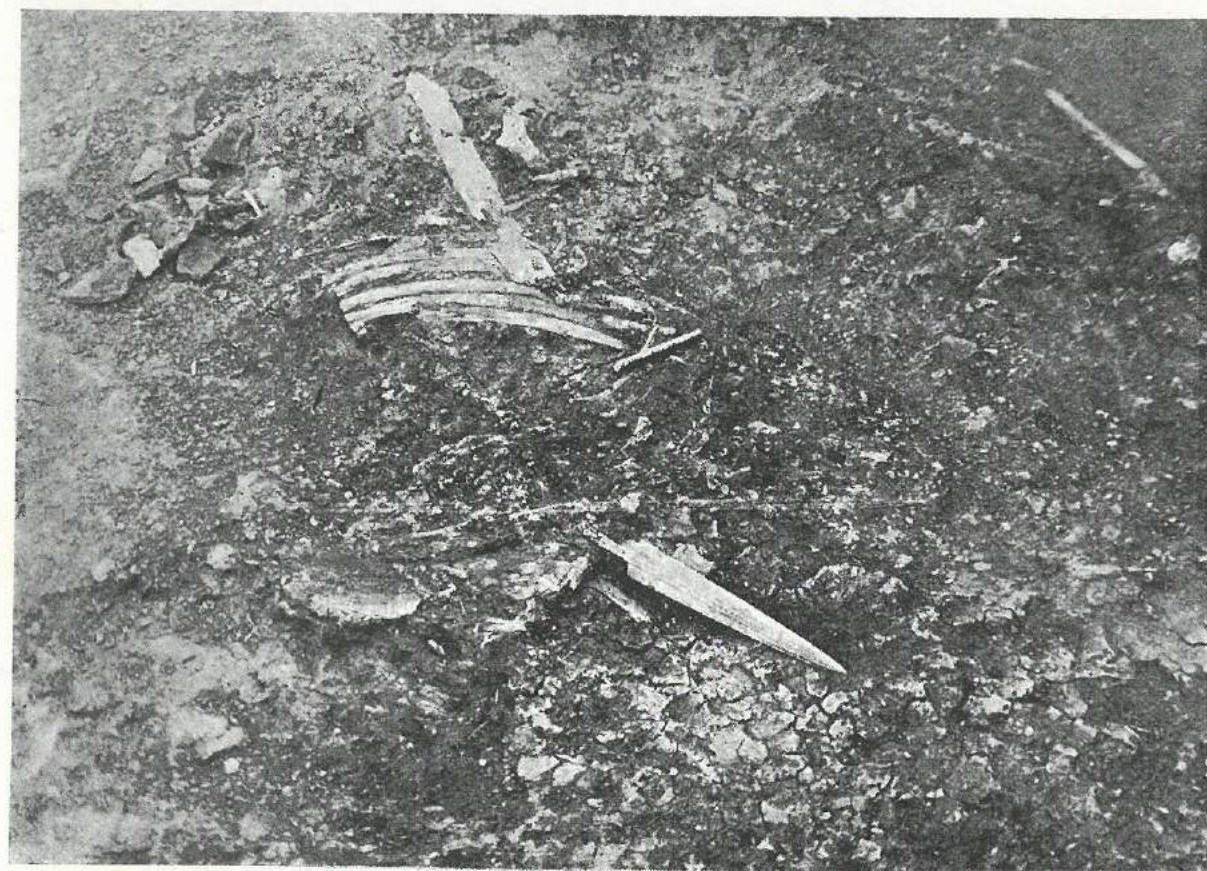
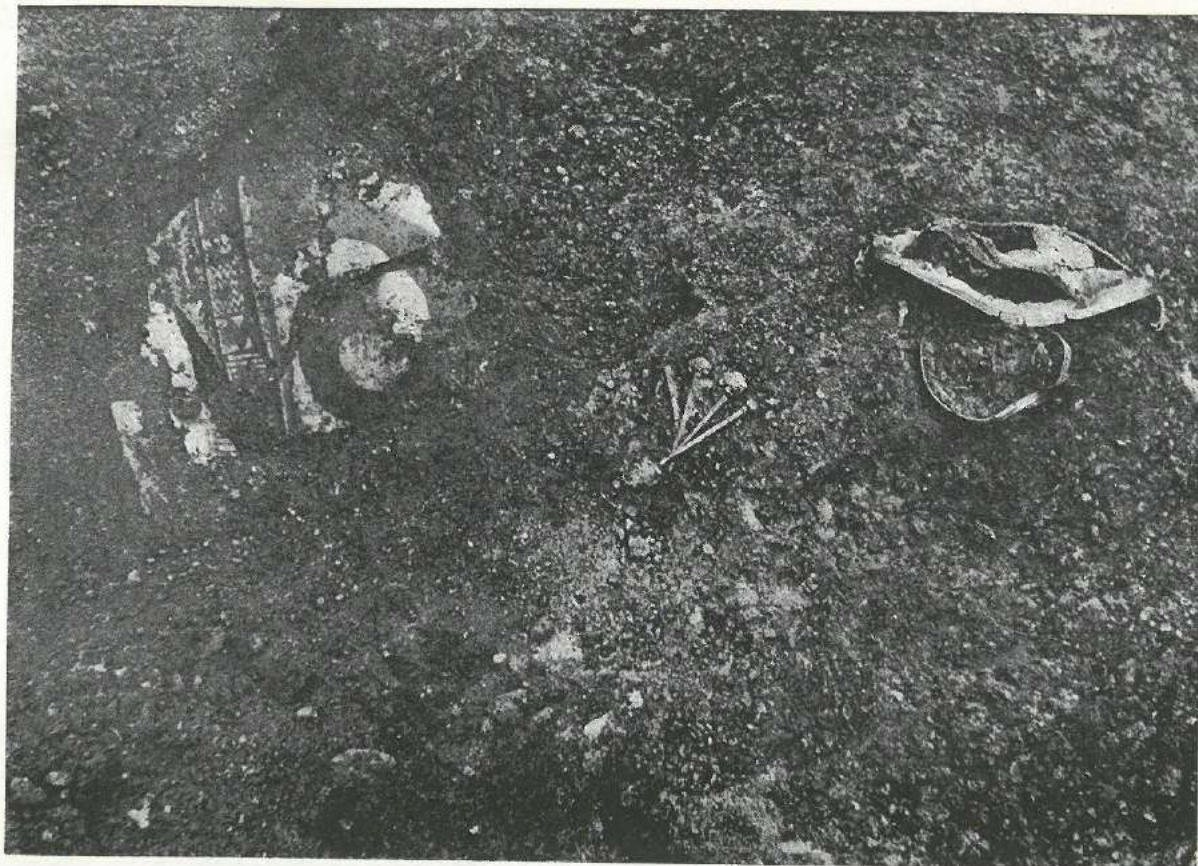
Раскрытая погребальная яма и дромос со скелетом быка в кургане XV (вид на восток)

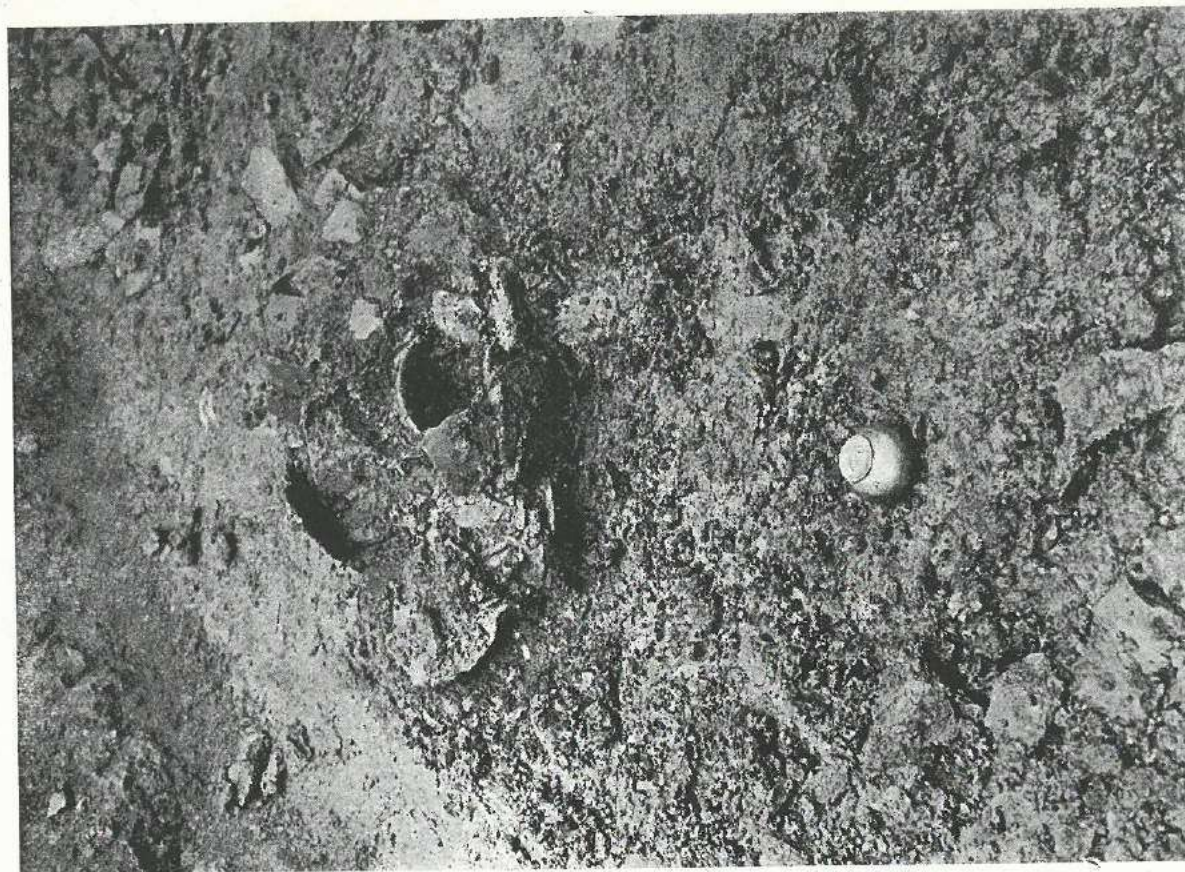
Отрепарированное дно погребальной ямы в кургане XV

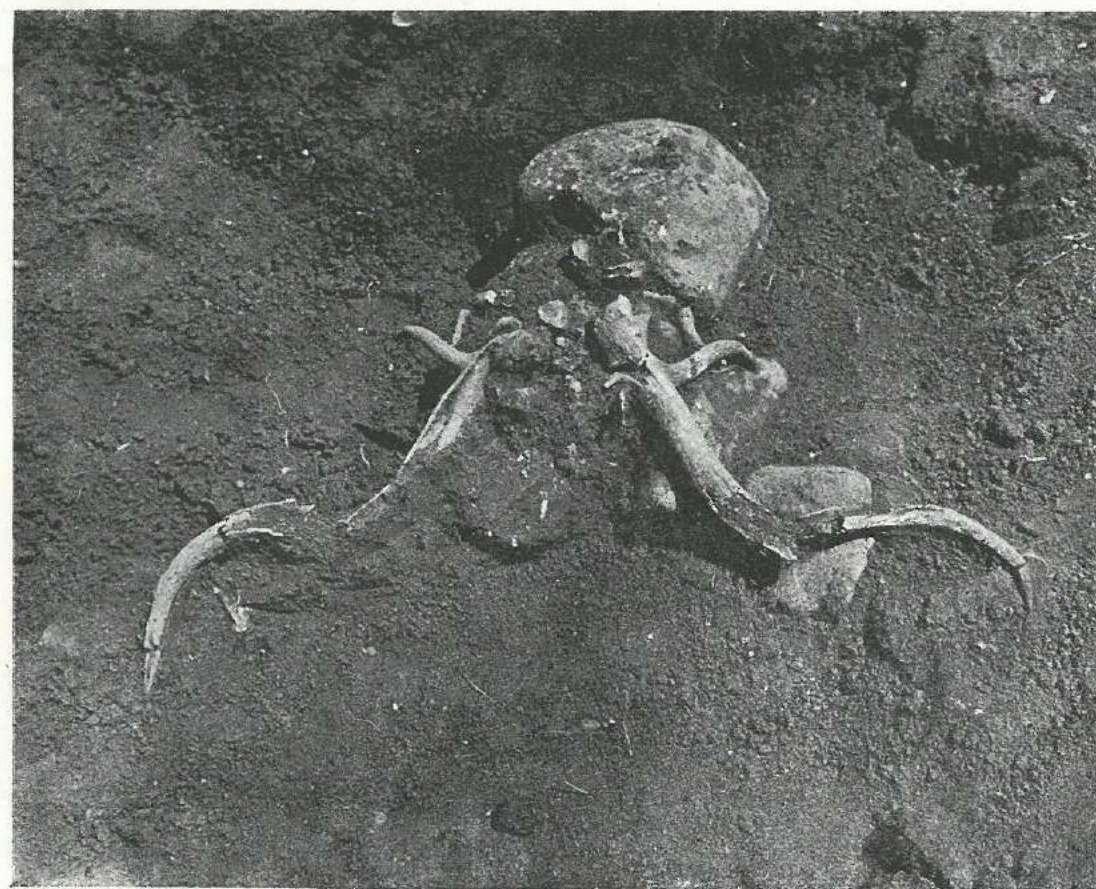
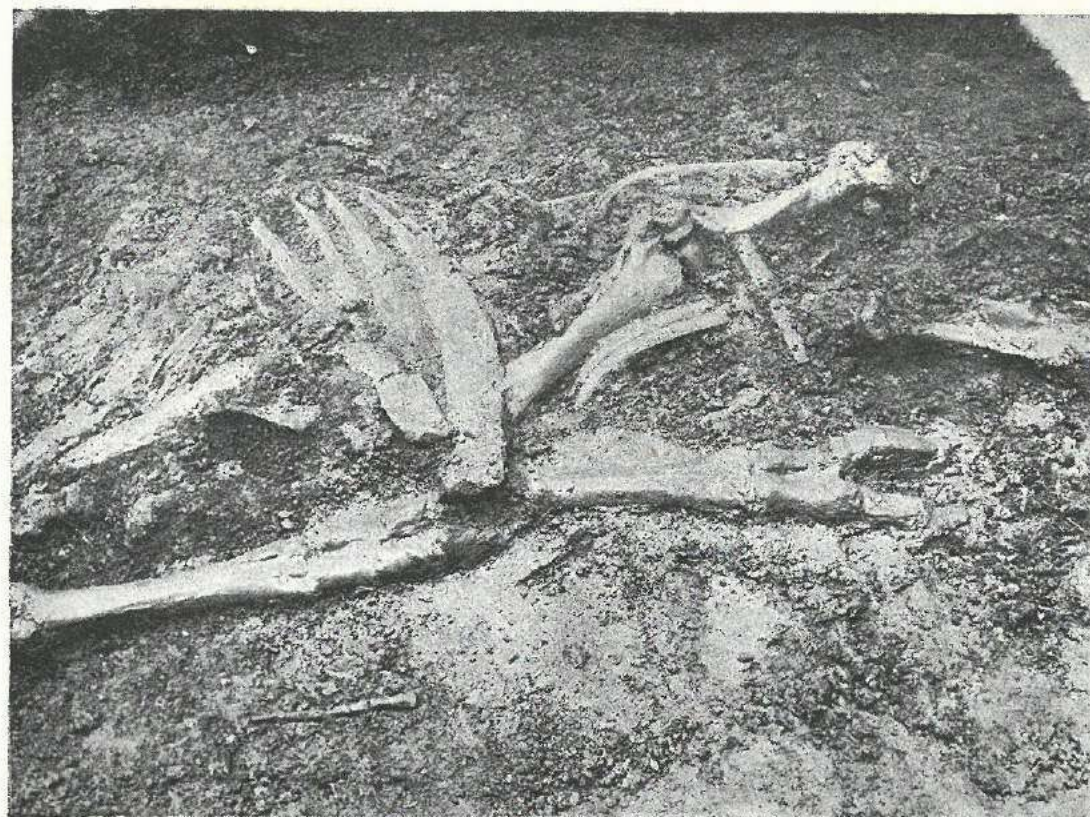
Отпрепарированное дно погребальной ямы в кургане XVII

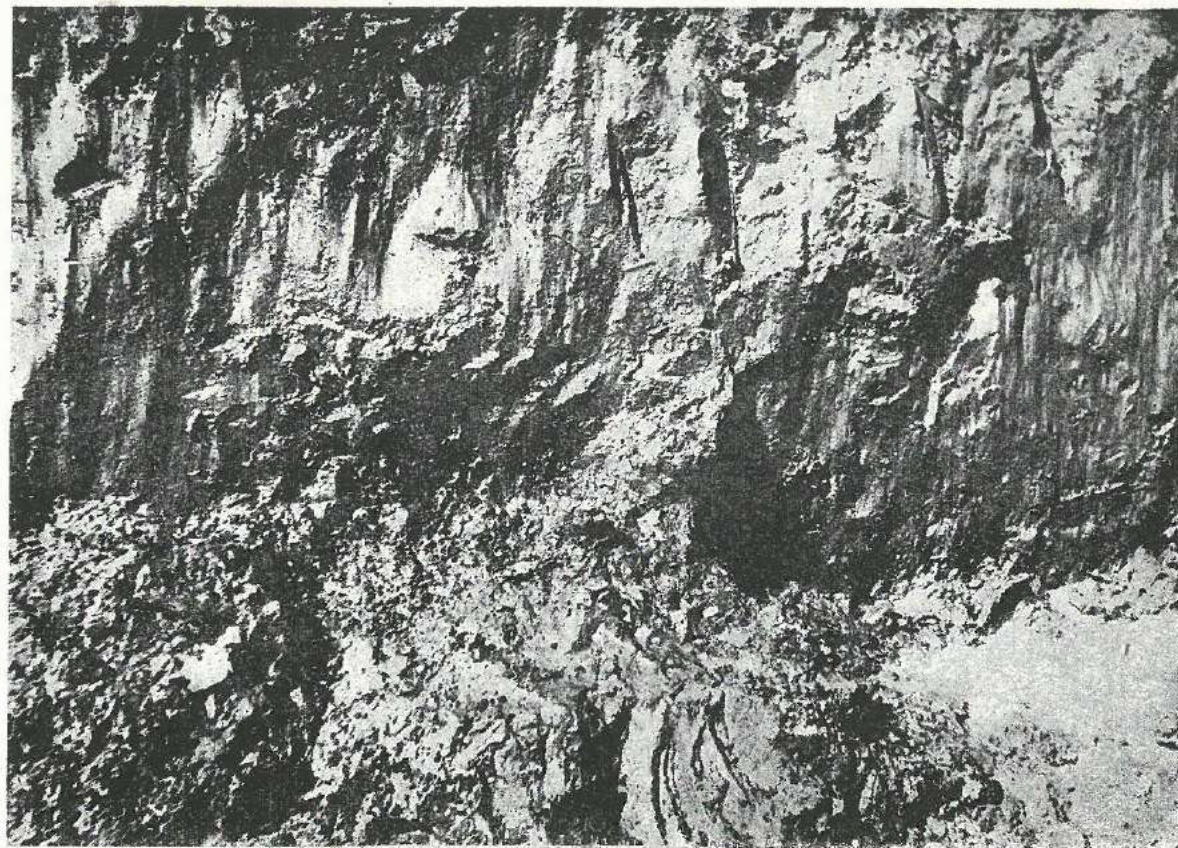
Детали отпрепарированного дна погребальной ямы в кургане XVII

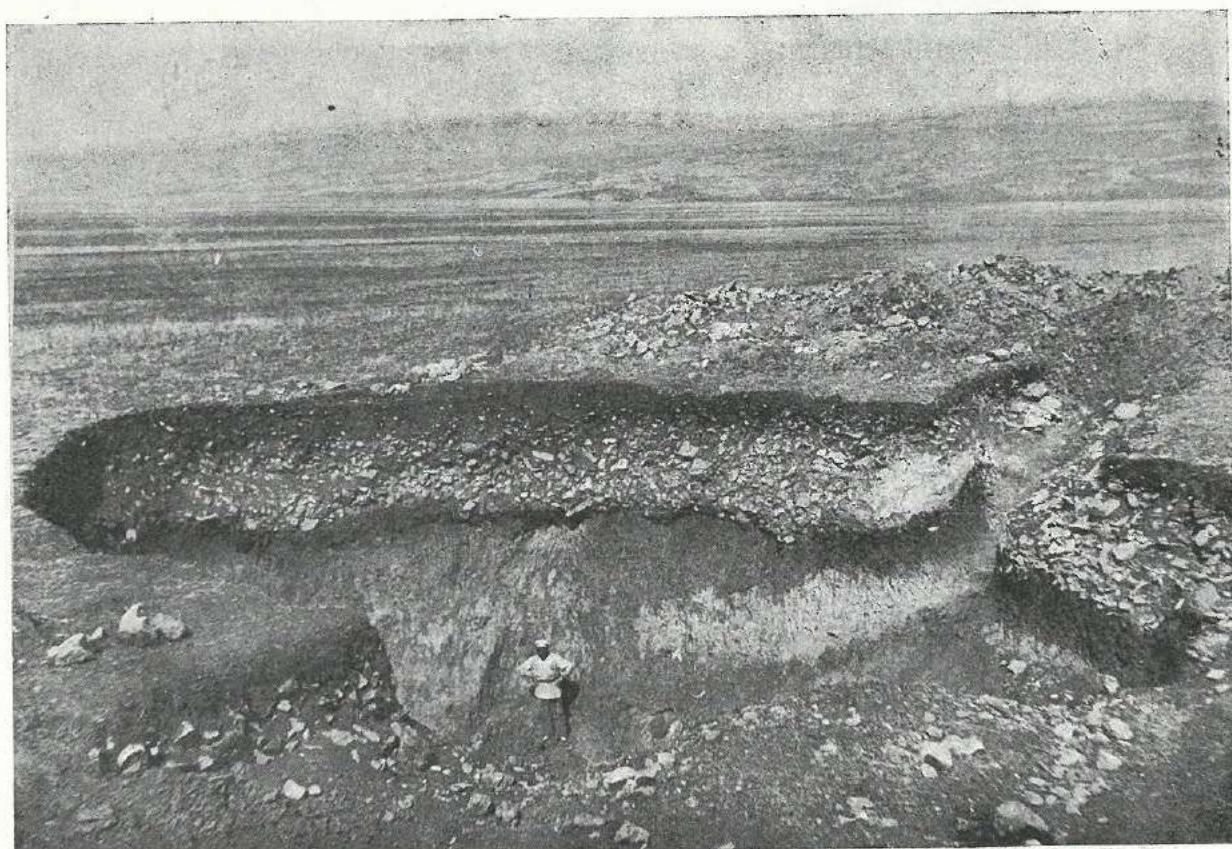
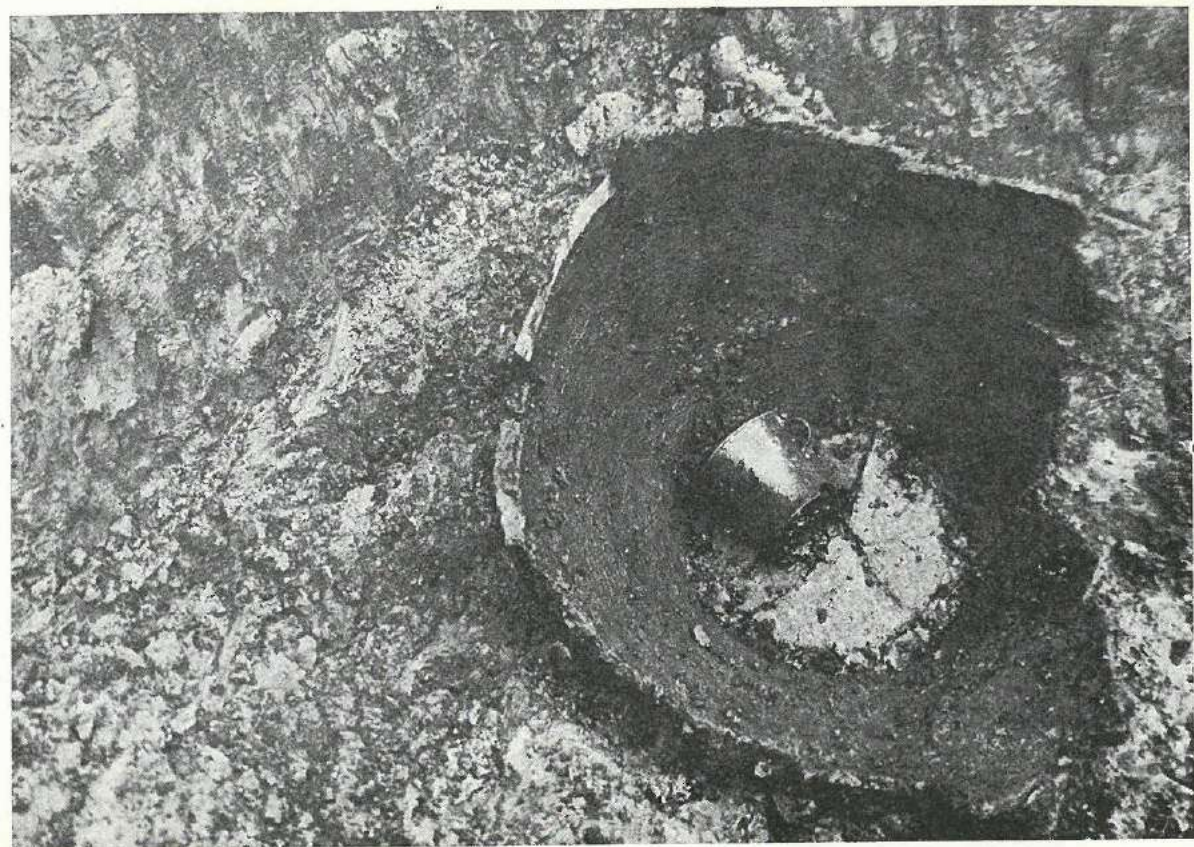
Детали отпрепарированного дна курганных погребальных ям с золотым кубком и чашей в курганах XVII и VII

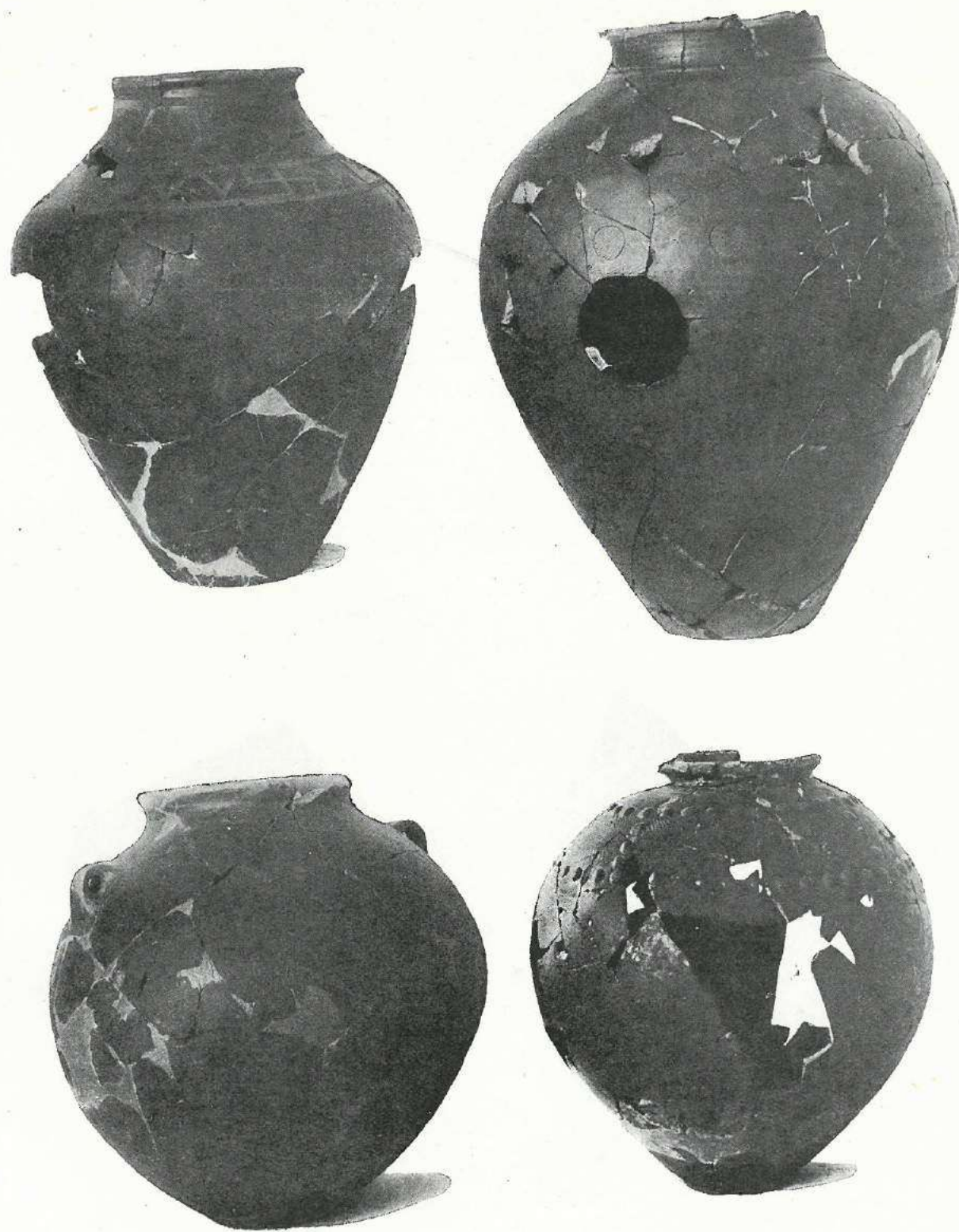
Остатки животных частей в нурганских погребениях VII и XXXIV

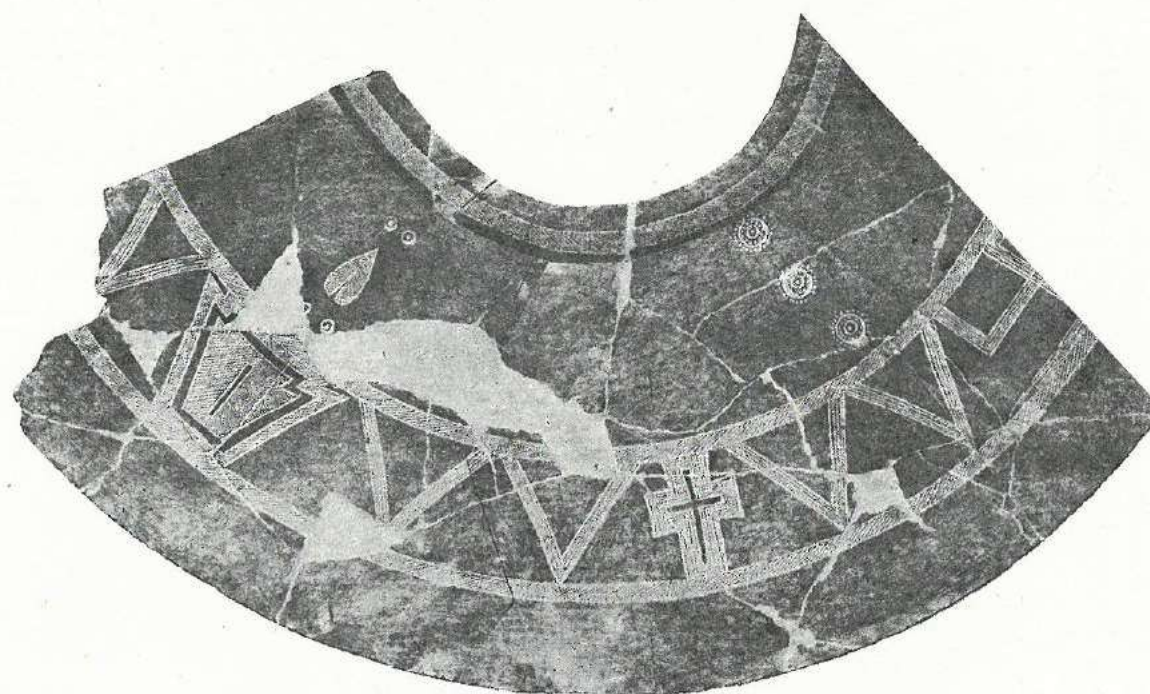
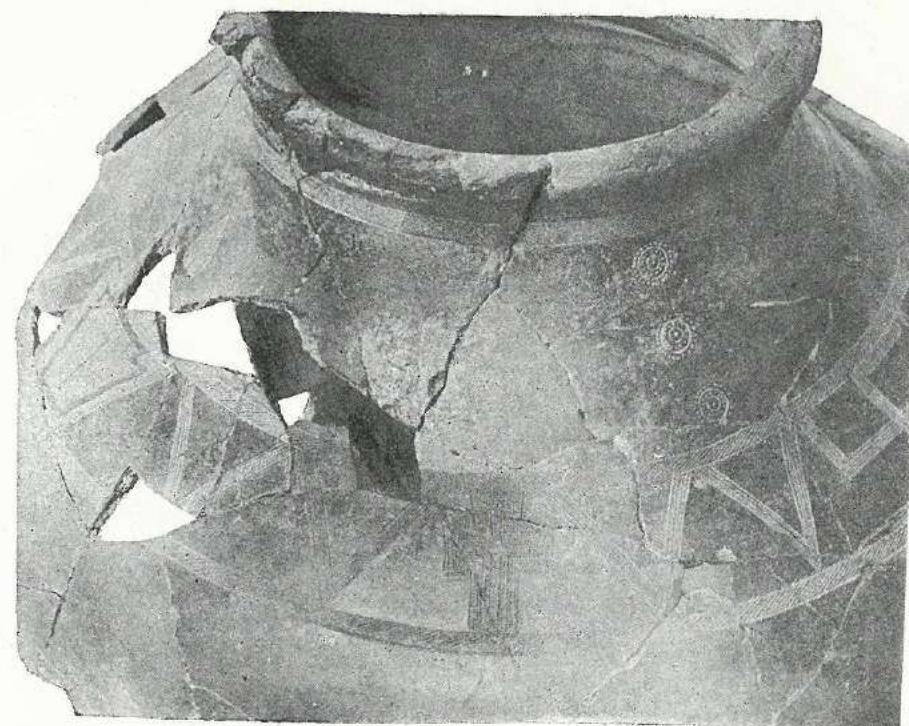
Детали препарировани нурганов XVI и XVII

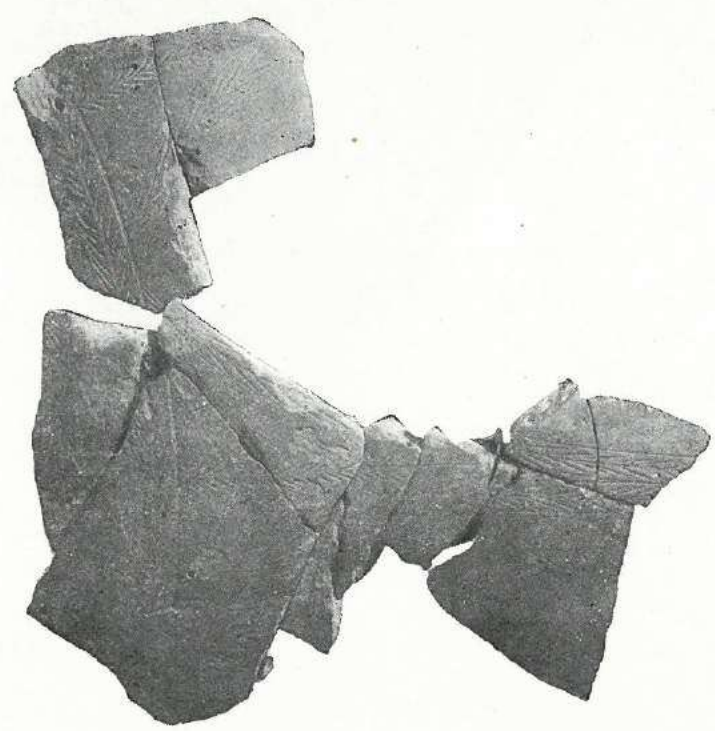
Серебряная кружка в нургане XVI и вид погребальной ямы в нургане XV

Ирганские чернолощенные крупные сосуды типа гидрий и пифосов (в $\frac{1}{6}$ нат. вел.)

Напольно-ленточная орнаментировка на чернолощеном с розовой подкладной сосуде из нургана XVII

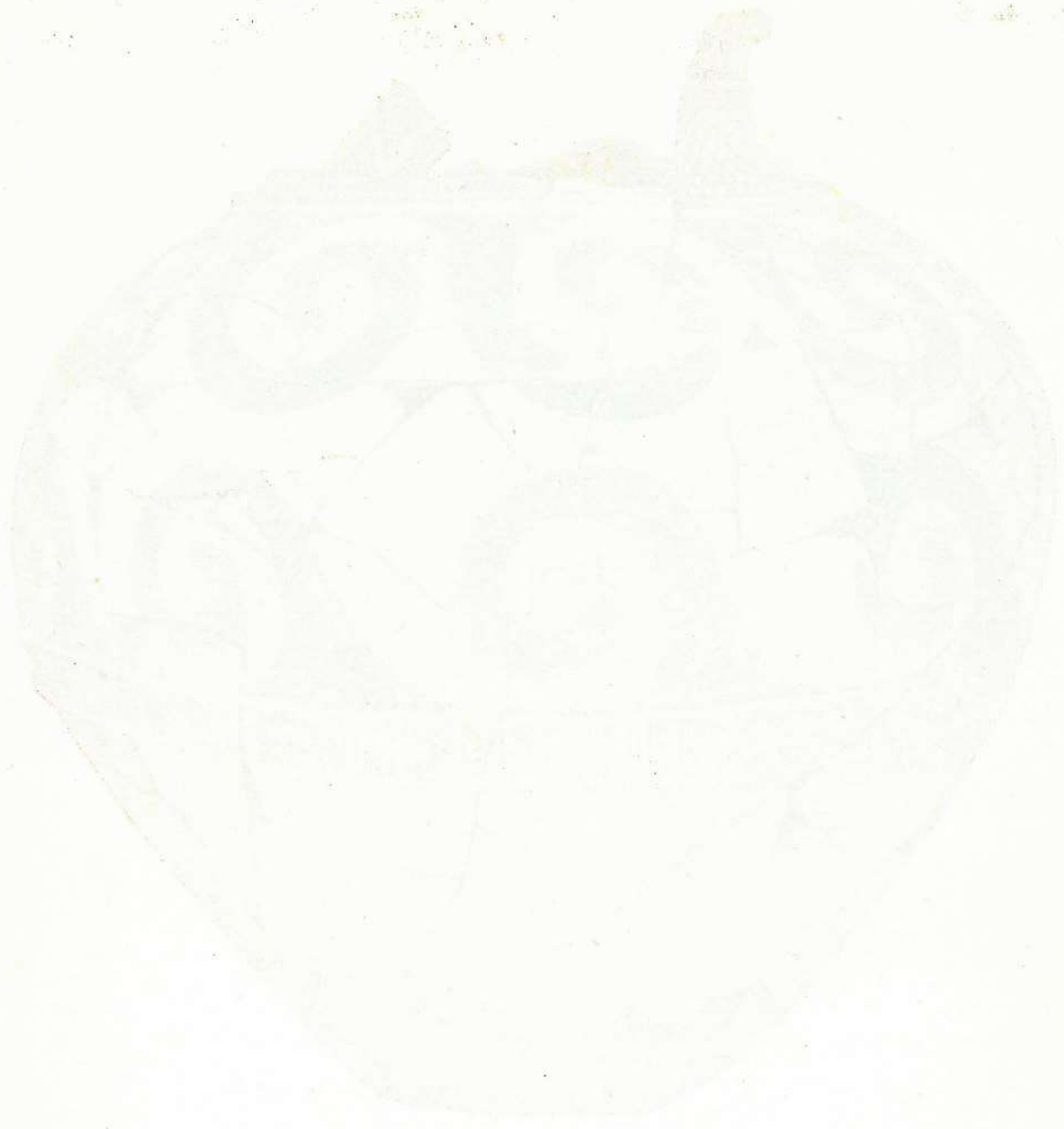
Образцы сероглиняной орнаментированной ленточными шевронными шевронами курганной керамики с пишущим черепком (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

Красноглиняный с тонким светлым ангобом расписной сосуд из нургана XVII (в $1/2$ нат. вел.)

Красноглиняный с кремовым плотным ангобом богато расписной сосуд из кургана XVII (оноло $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

Красноглиняные с легким светлым ангобом расписные вазы из кургана V (в $\frac{2}{7}$ nat. вел.)

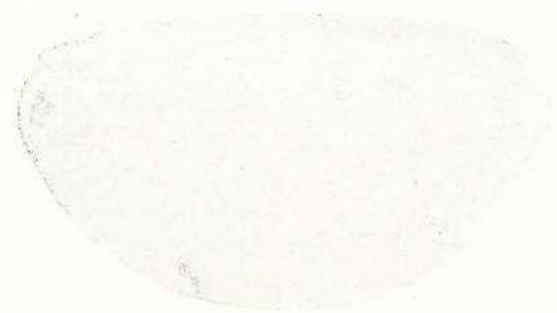
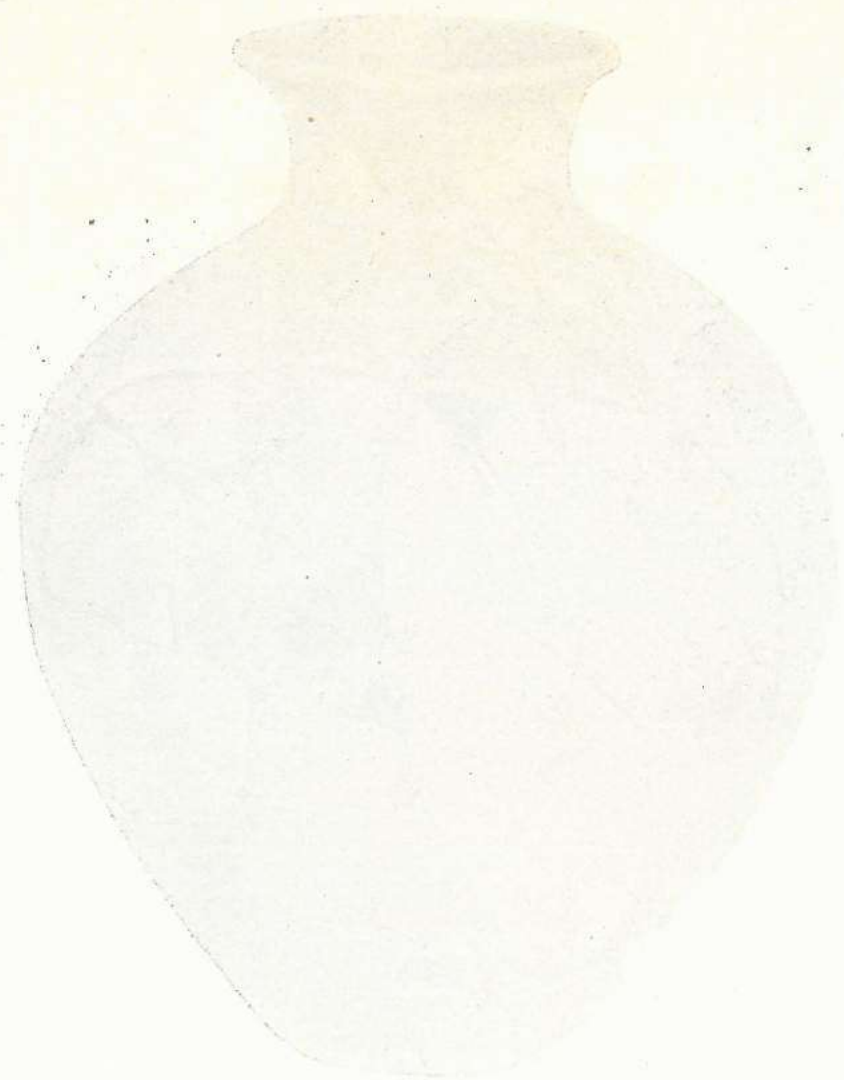
Фрагменты красноглиняного с кремевым ангобом расписного сосуда в форме пифоса из кургана V (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

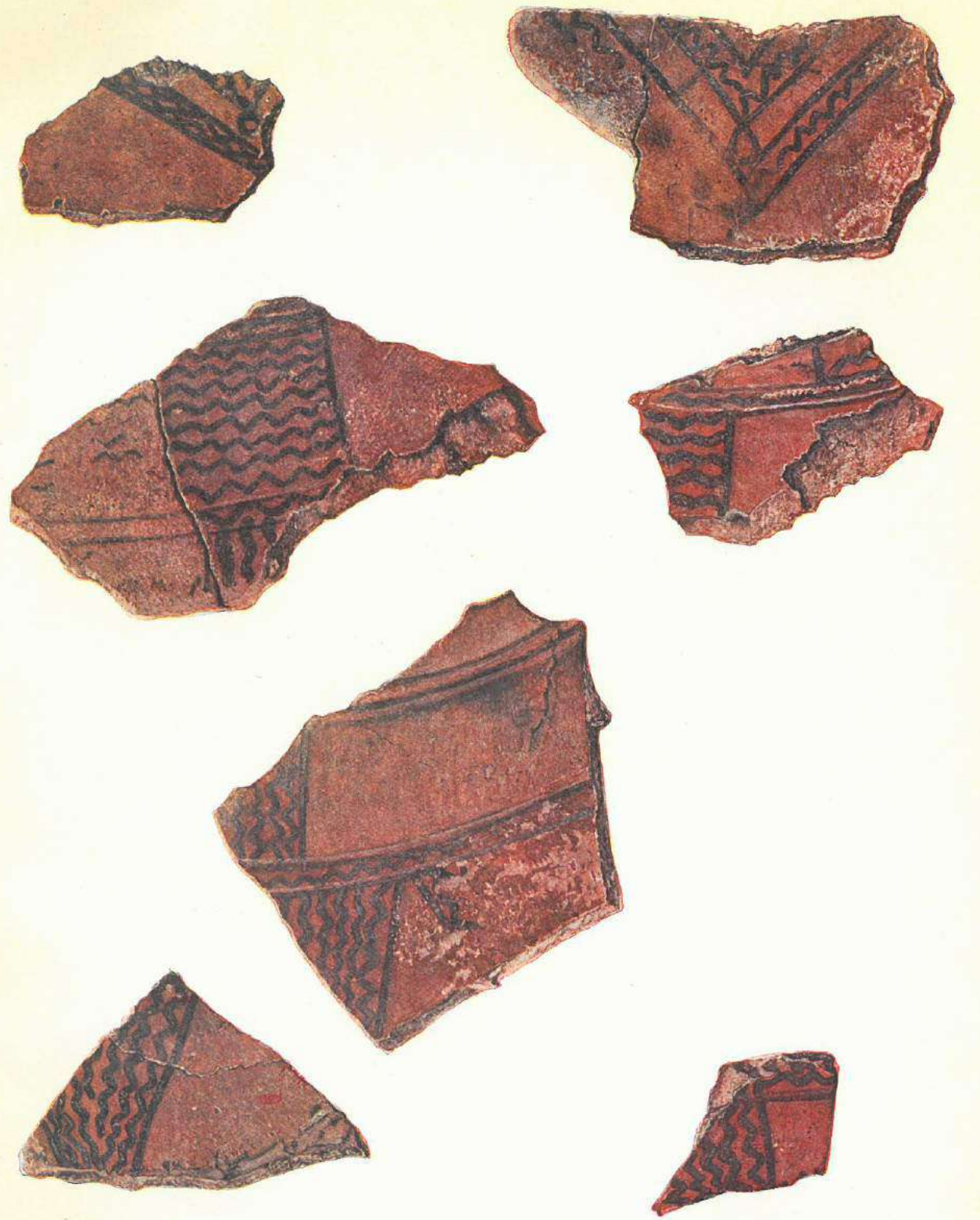
Красноглиняный с кремовым ангобом расписной сосуд из нургана VI (около $\frac{1}{4}$ нат. вел.)

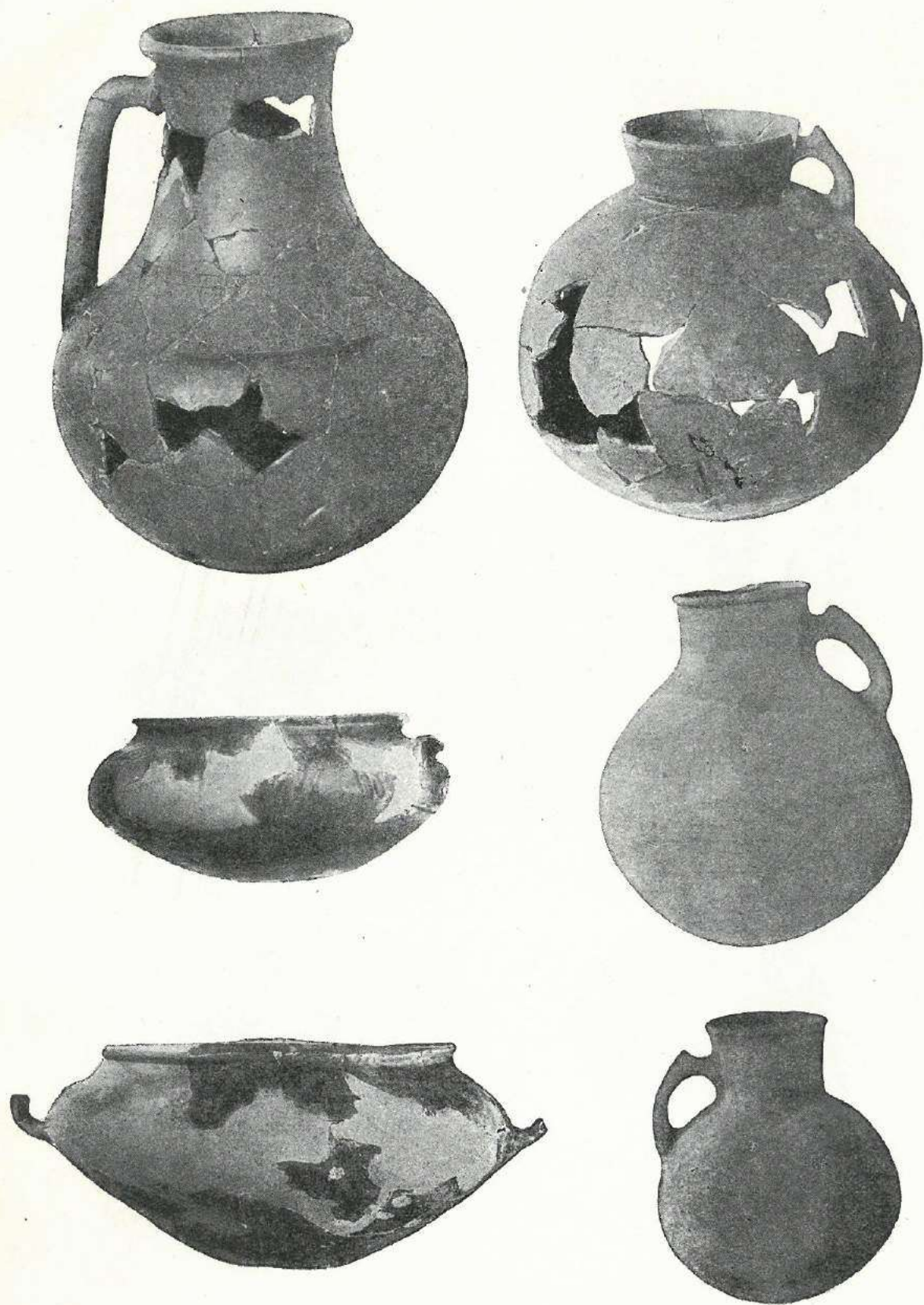
Красноокрашенная расписная керамика ямных курганов: ваза из кургана VII
и миса из кургана XV (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

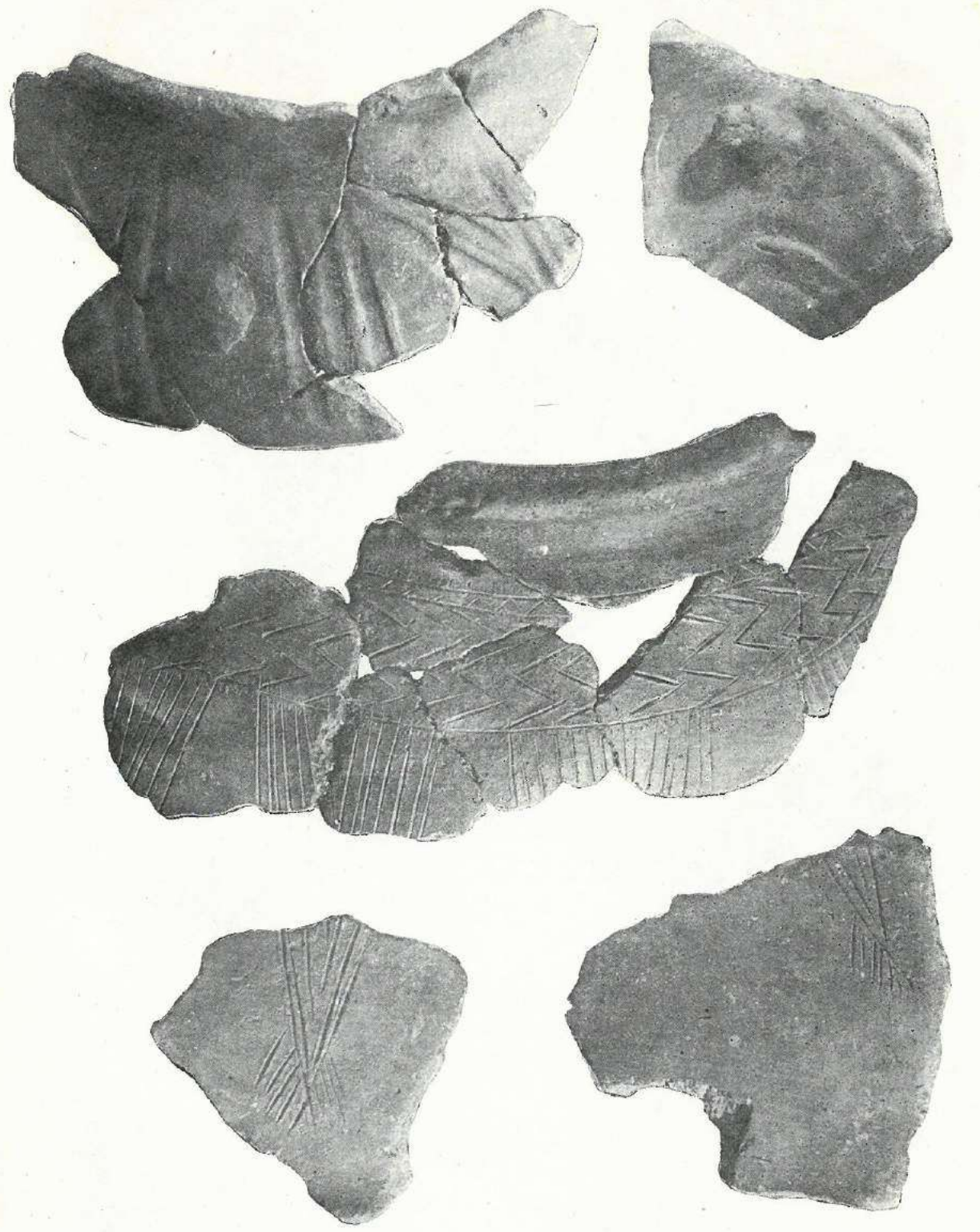
Красноокрашенный расписной сосуд из кургана VII (в $\frac{2}{5}$ нат. вел.)

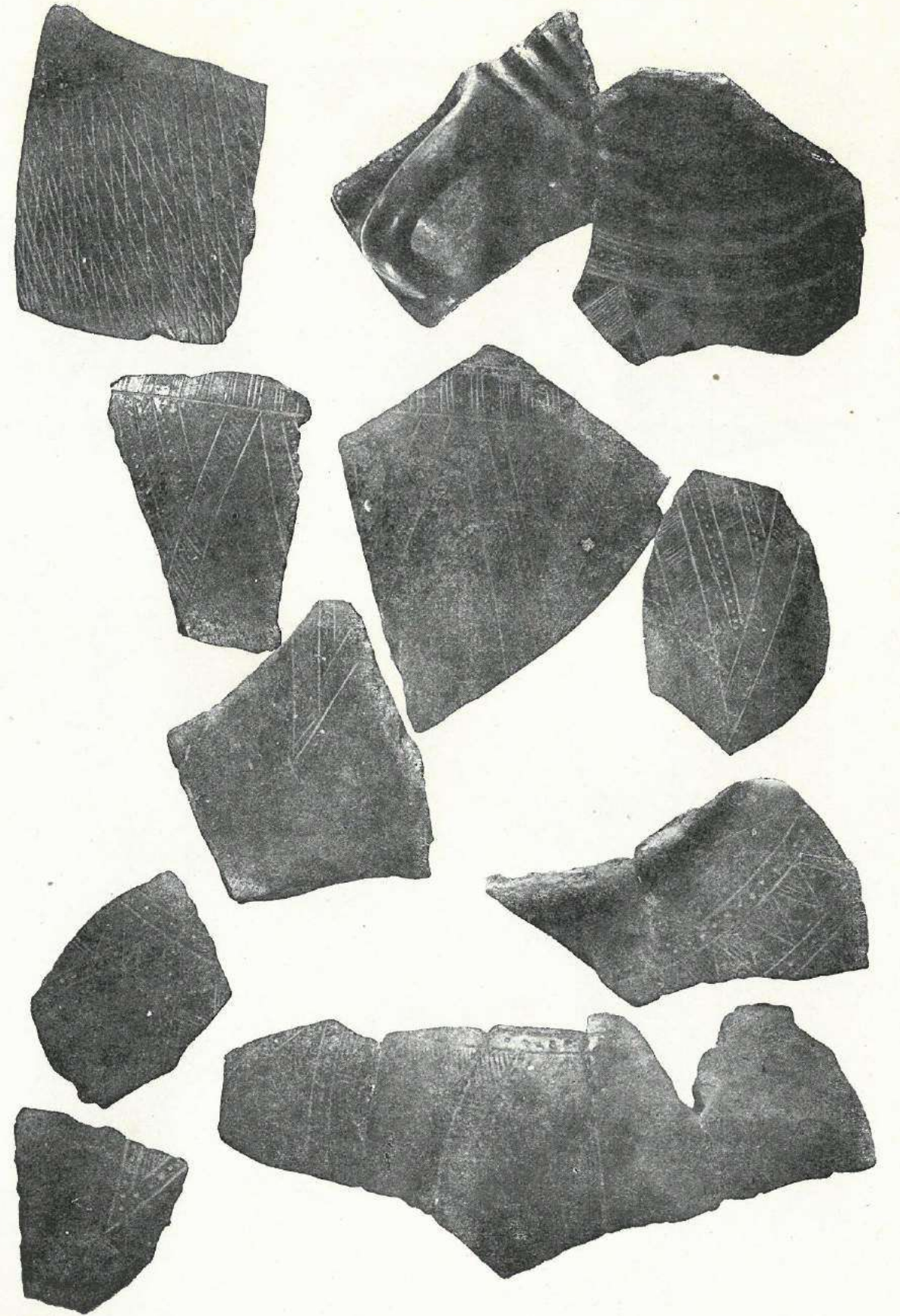
Фрагменты красноокрашенных расписных сосудов из ямных курганов Триалети (в $\frac{1}{2}$ nat. вел.)

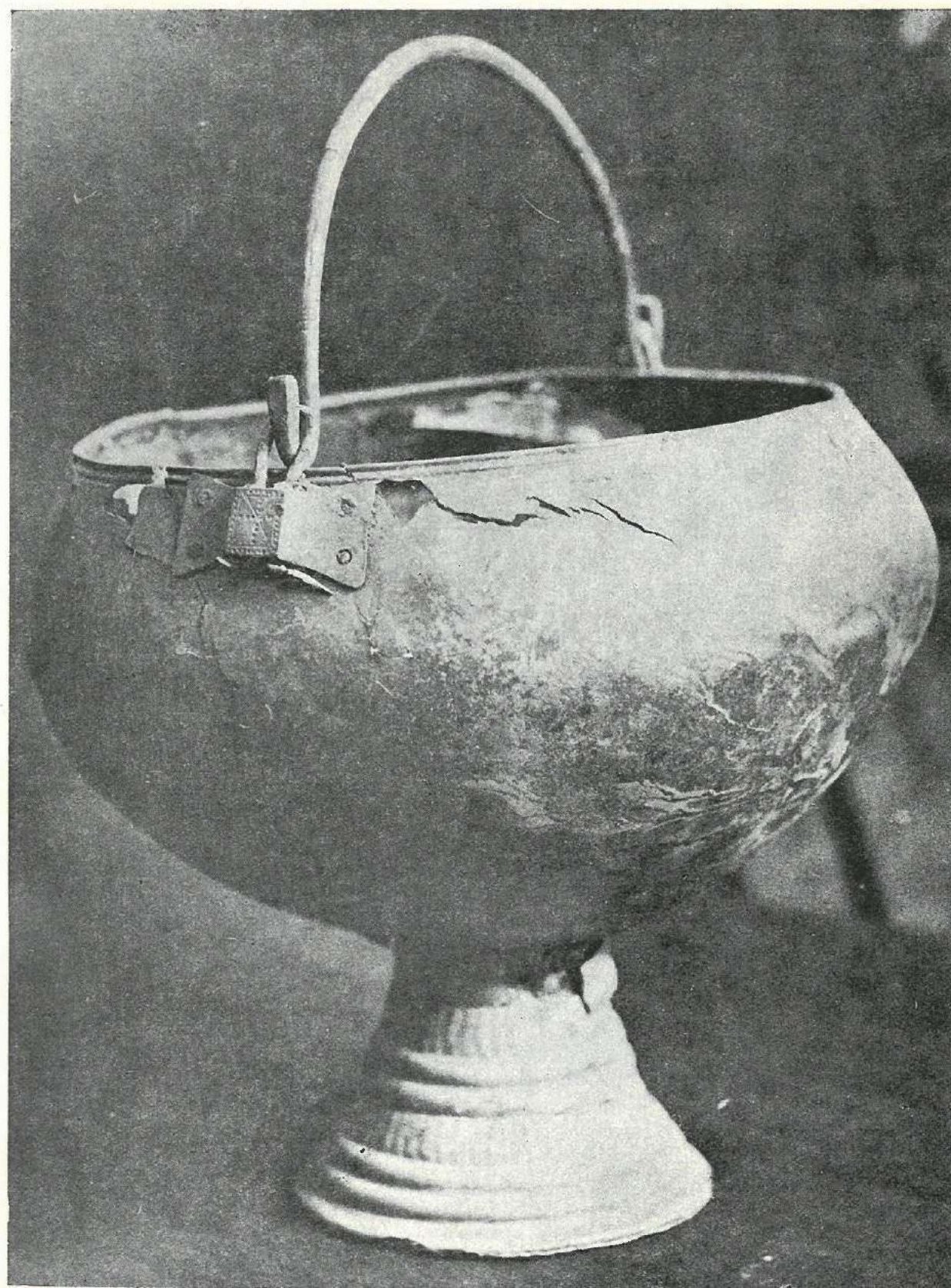
Мелкая глиняная посуда из курганных погребений (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.)

Фрагменты керамики с погребальной площадки безымянного кургана VII («Тумасын-Телеси»)

Фрагменты тонкоглиняной чернolощеной керамики из кургана XI (в $\frac{5}{6}$ нат. вел.)

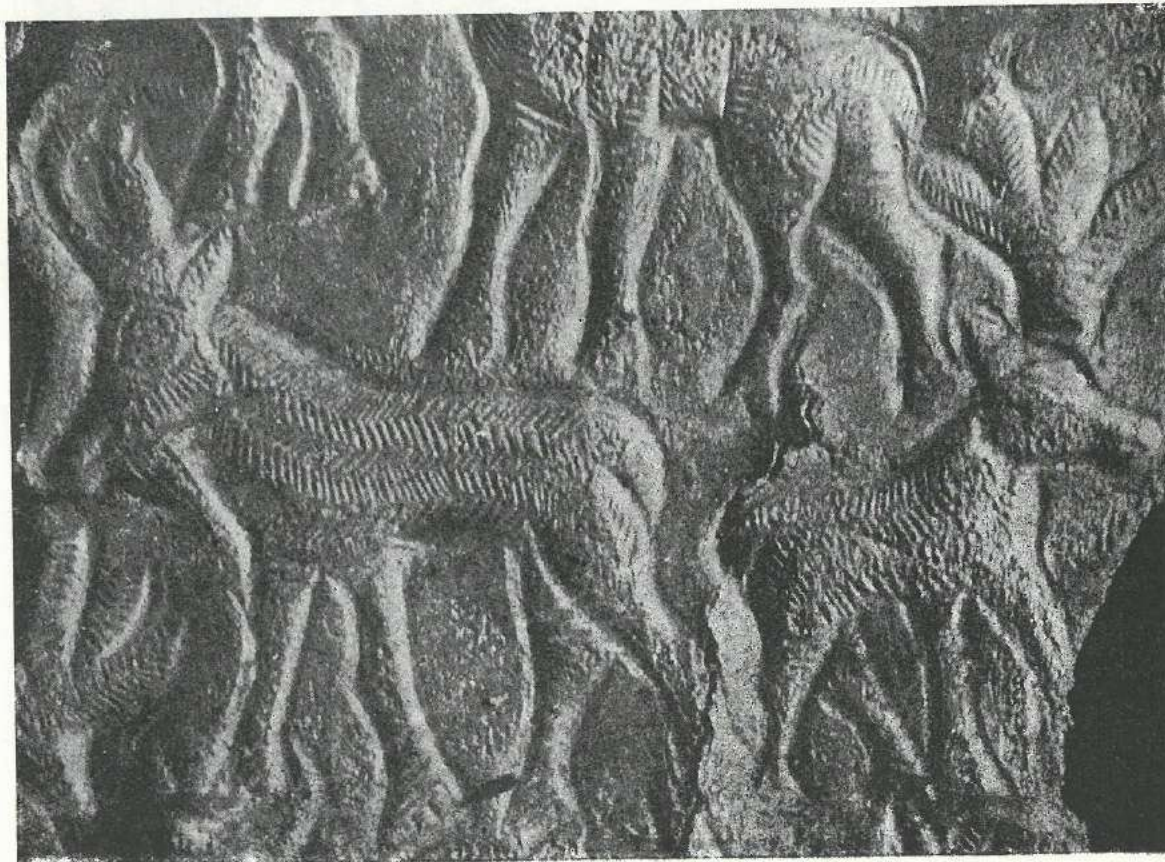
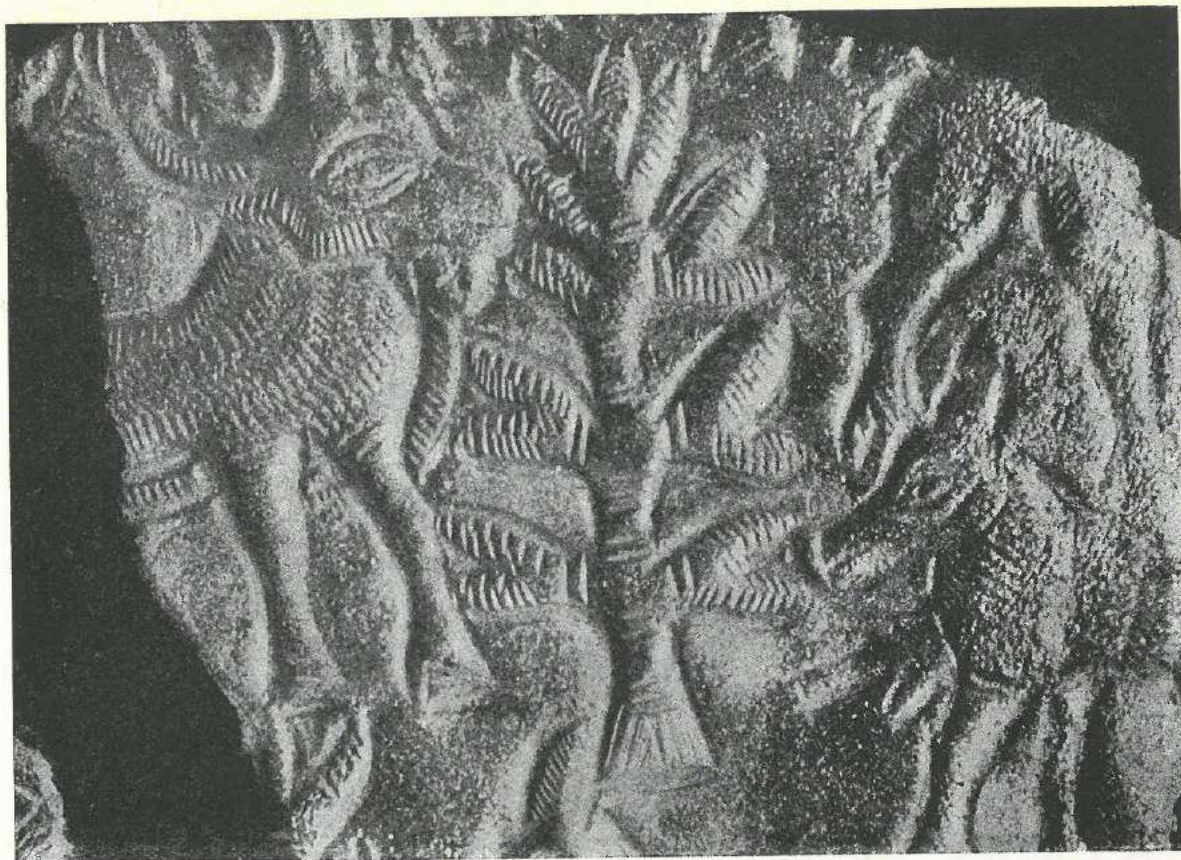
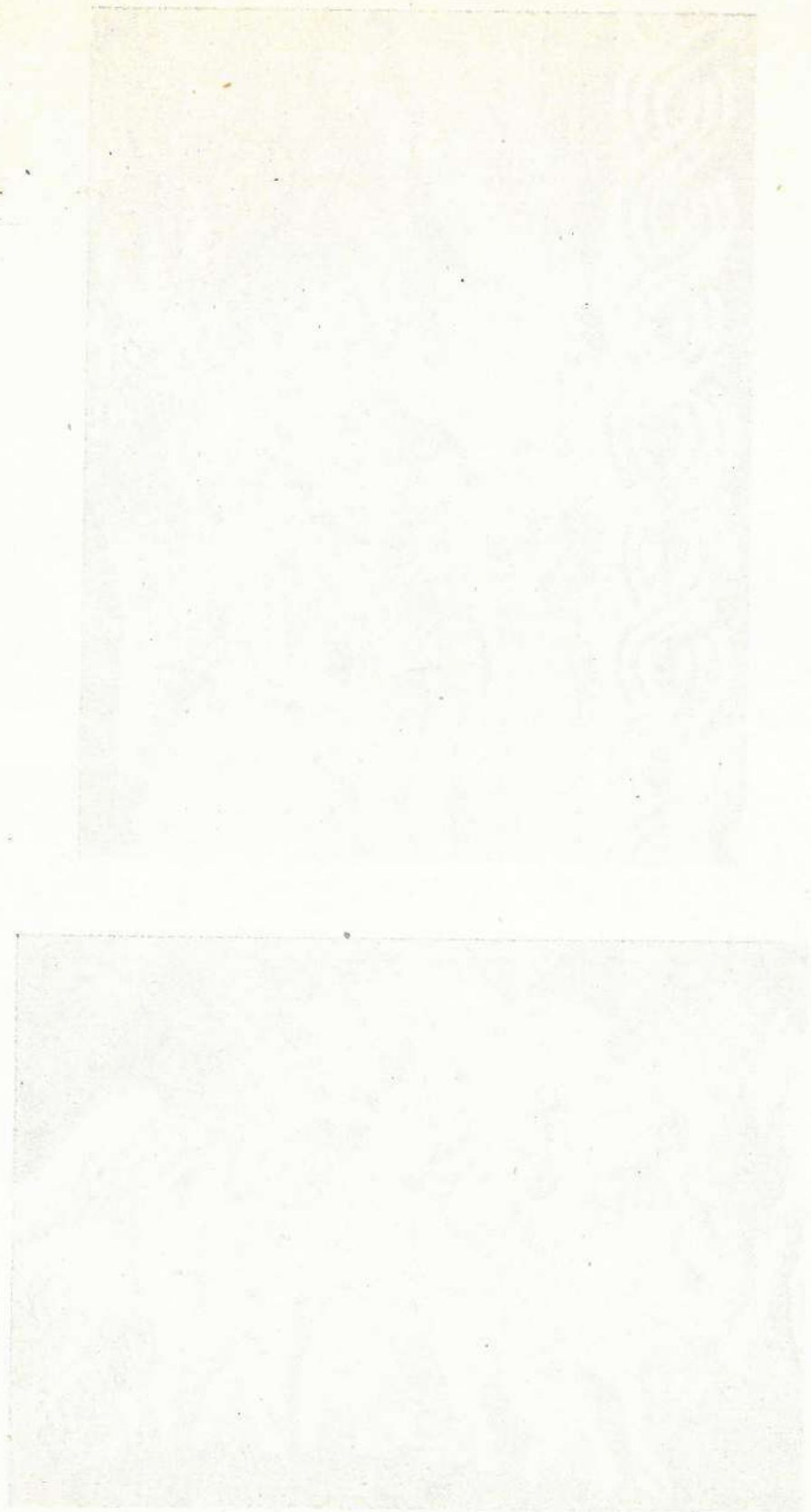
Бронзовая ваза на полый ножке из кургана XV (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.)

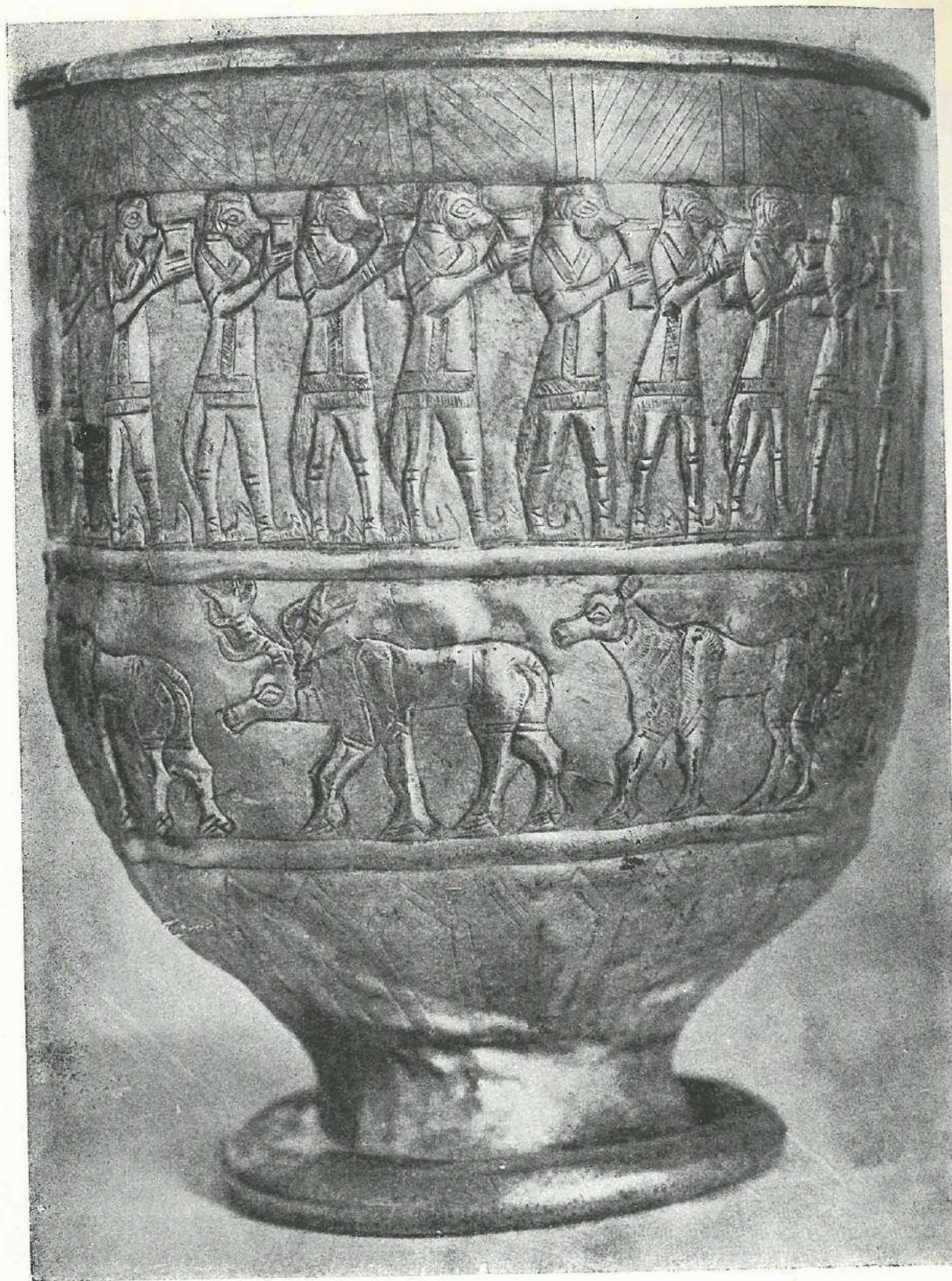
Серебряное в золотой оправе ведро, орнаментированное чеканкой (в нат. вел.)

Детали чеканки на серебряном ведре в четырехкратном увеличении

Детали чеканки на серебряном ведре в четырехкратном увеличении

Серебряный кубок орнаментированный чеканной из кургана V, больше чем в полторном увеличении

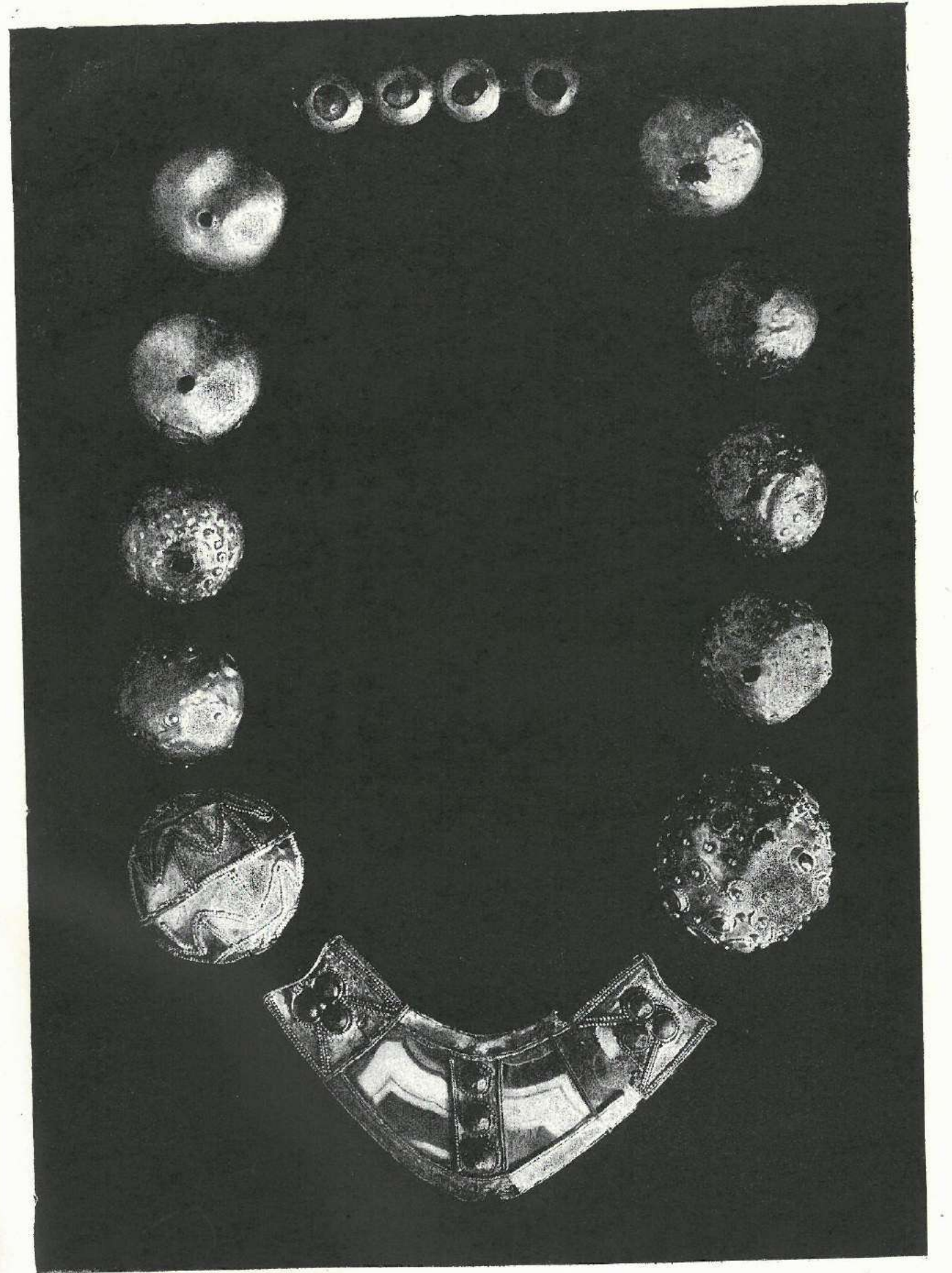
Деталь чеканки на серебряном кубке из кургана V (увеличено в 2 $\frac{1}{2}$ раза)

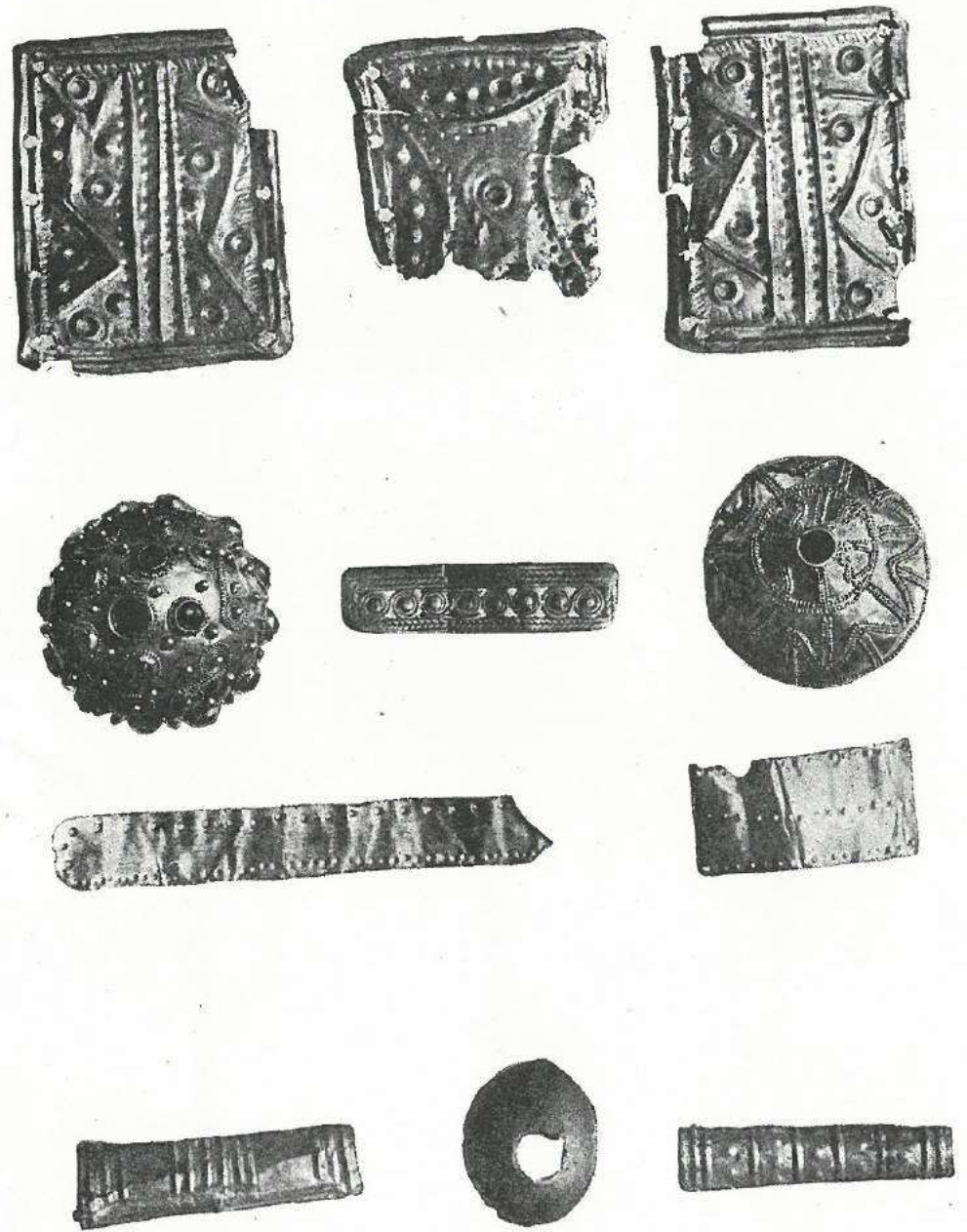
*Кубок из червонного золота украшенный аппликацией, филигранью и вставными камнями
(бирюза, сердолин) в натуральный размер*

Детали золотого ожерелья из нургана VIII (Тумасын-Тепеси) в натуральный размер

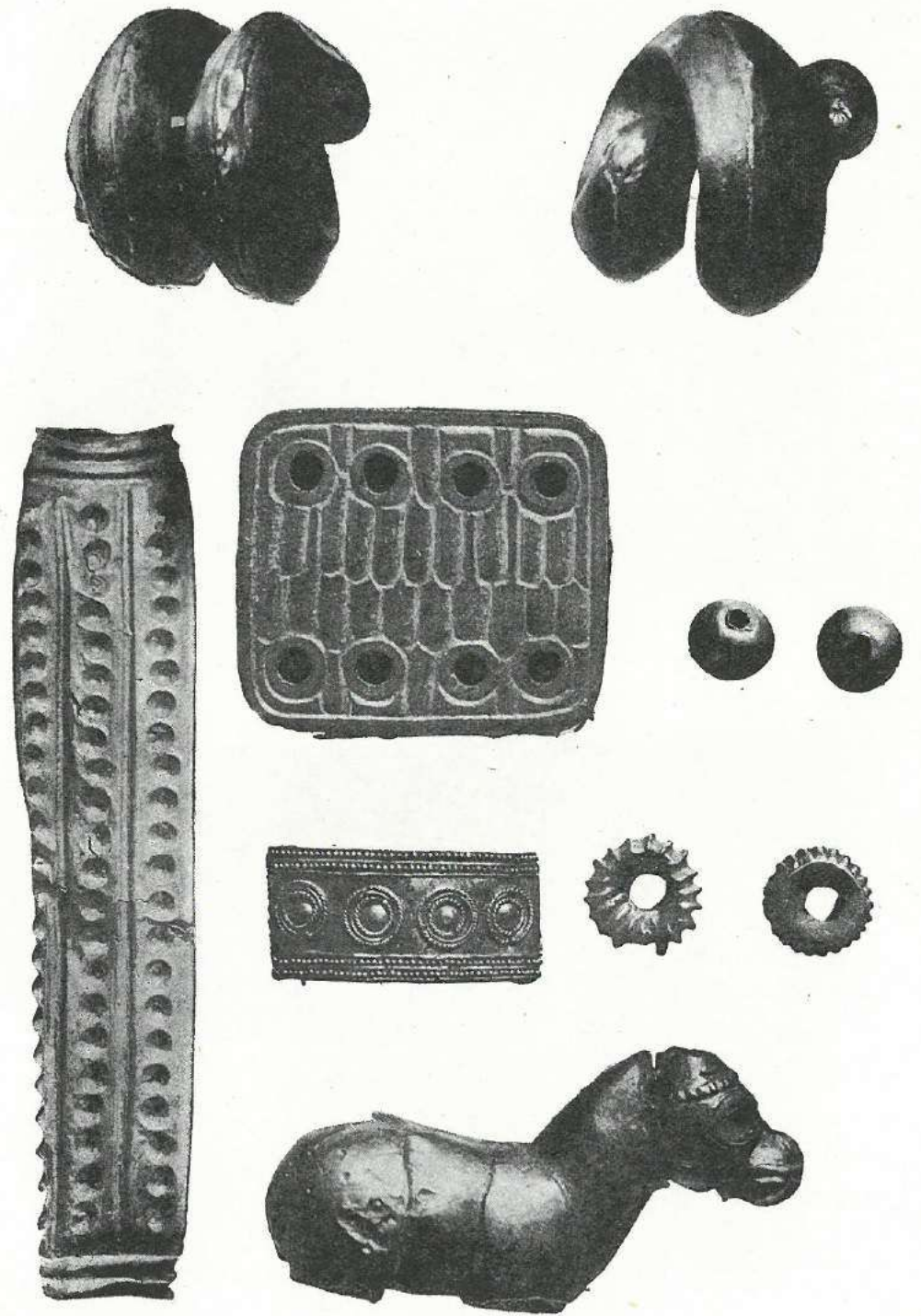
Золотое ожерелье с агатовым кулоном из нургана VII (в нат. вел.)

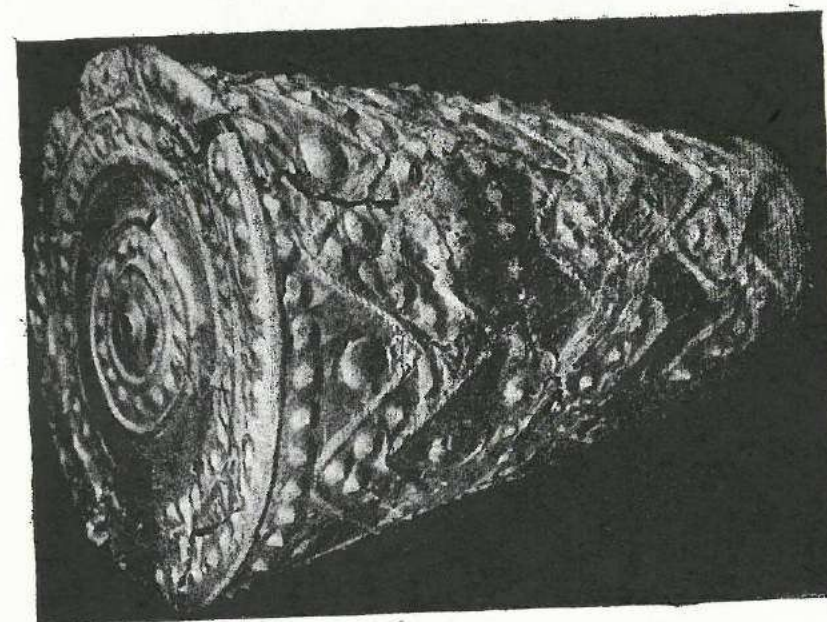
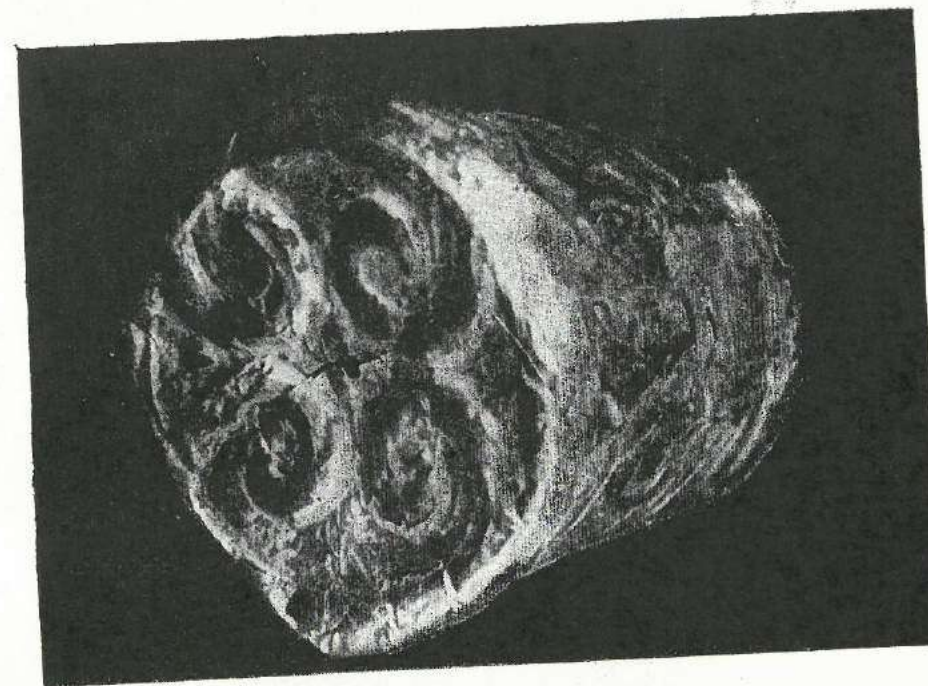
Золотой инвентарь из безымянных курганов Триалети (в нат. вел.)

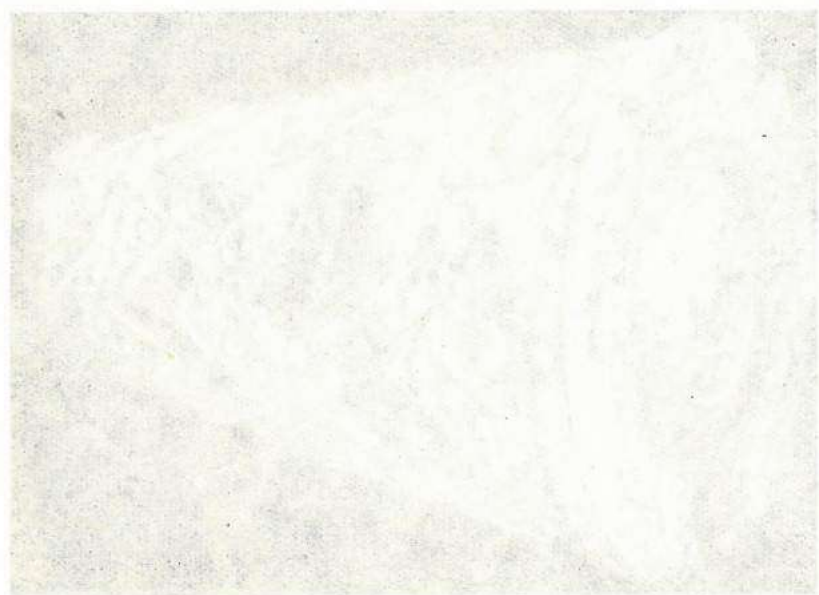
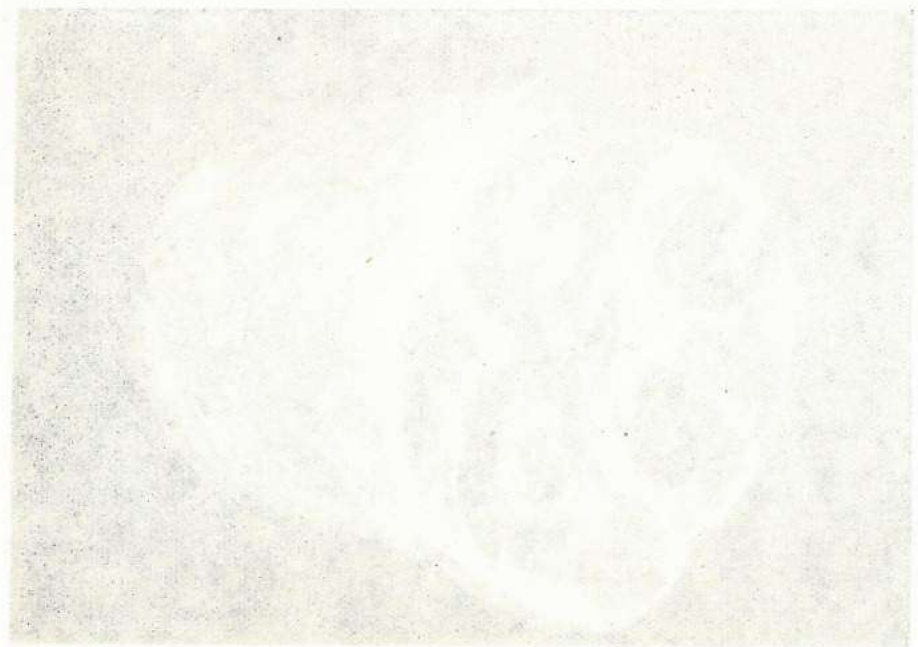
Золотой инвентарь из нурганов Триалети (слегка уменьши)

Золотой инвентарь из курганов Триалети

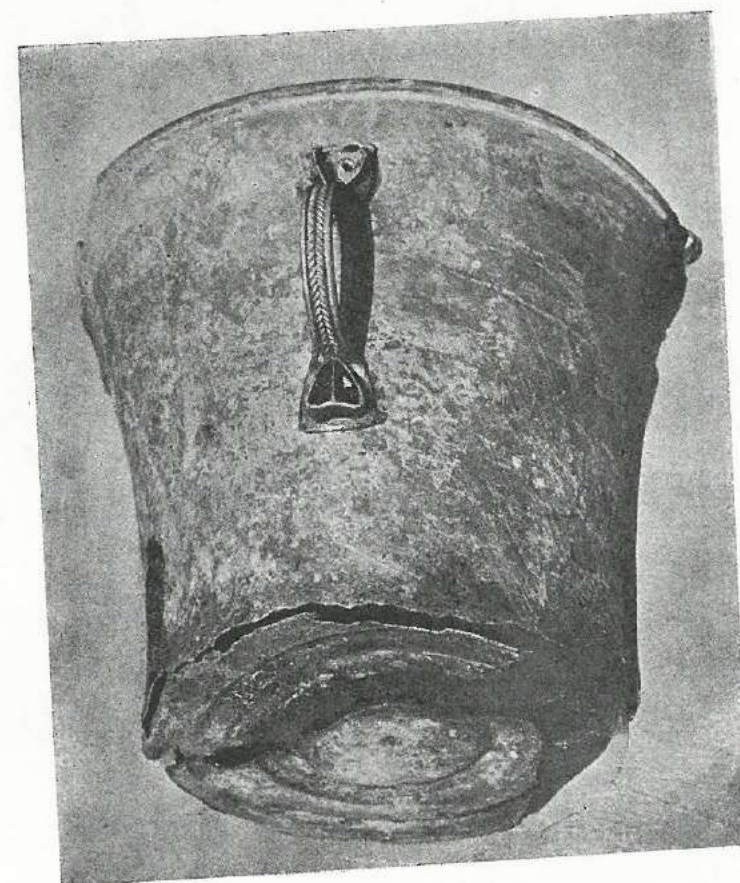
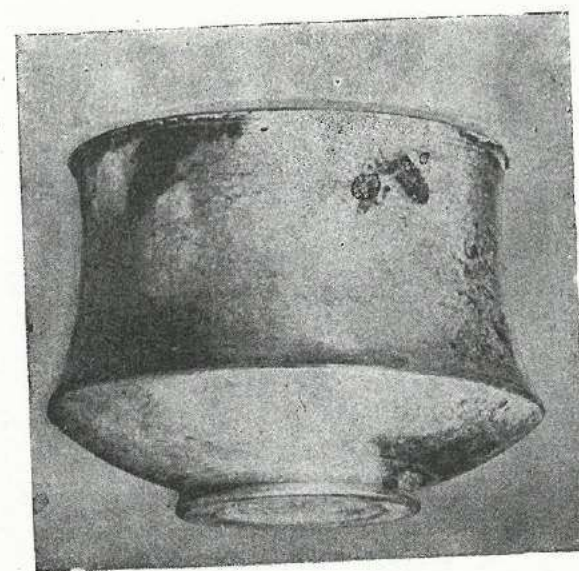
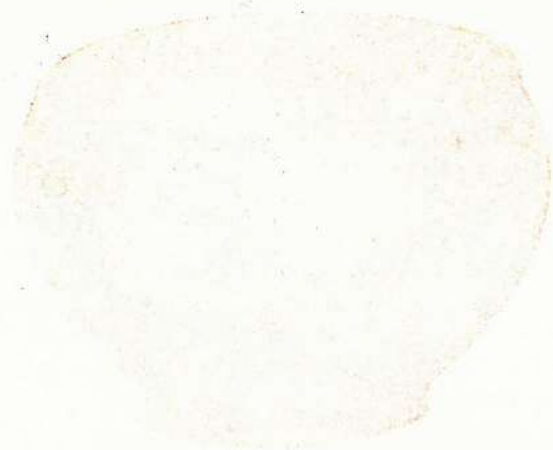
Золотые орнаментированные барабаны (около нат. вел.) для «итандартос» из нурганов VI и XV

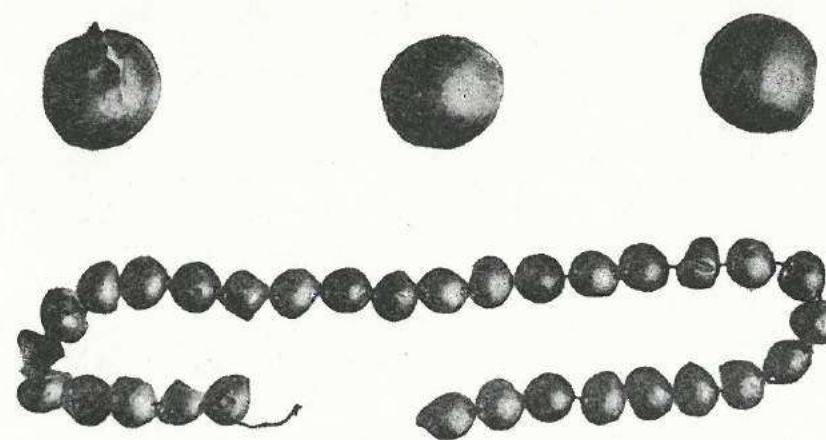
Золотое убранство погребального «штандарта» из кургана XV

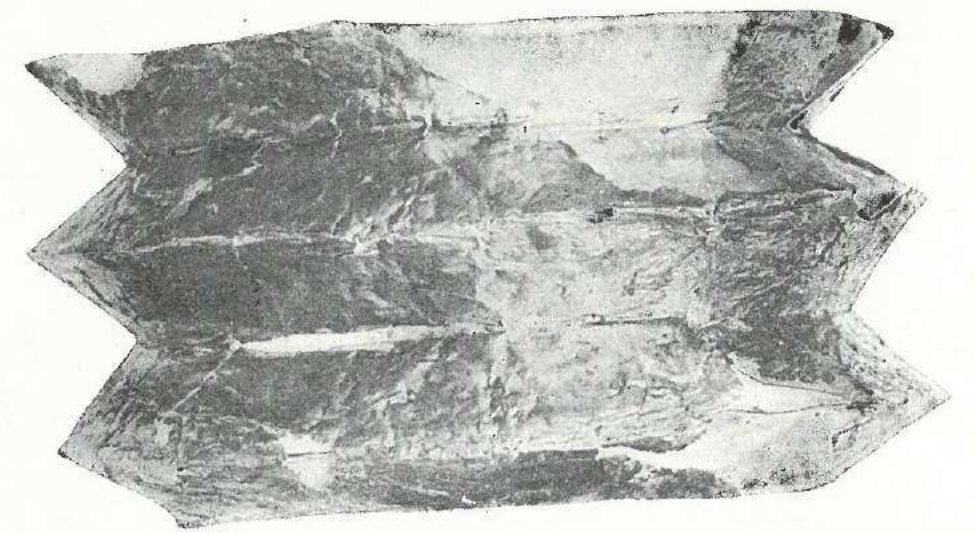
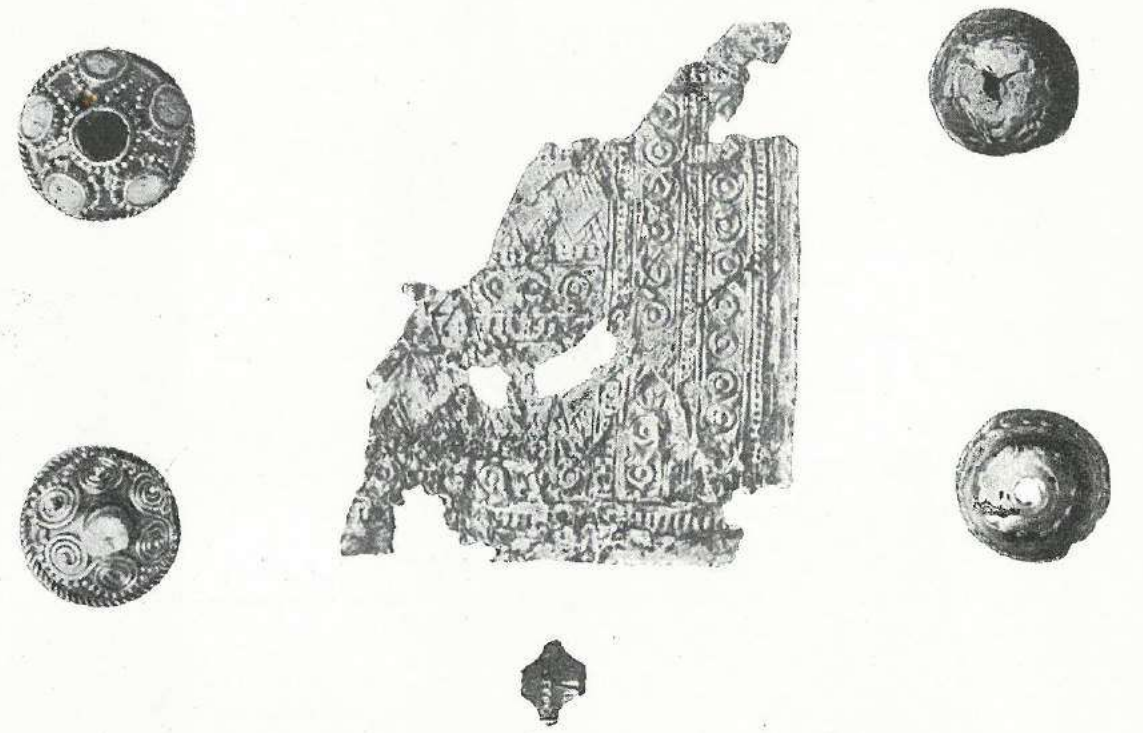
Золотая нованая чашечка из кургана VII и привески из кургана XIII

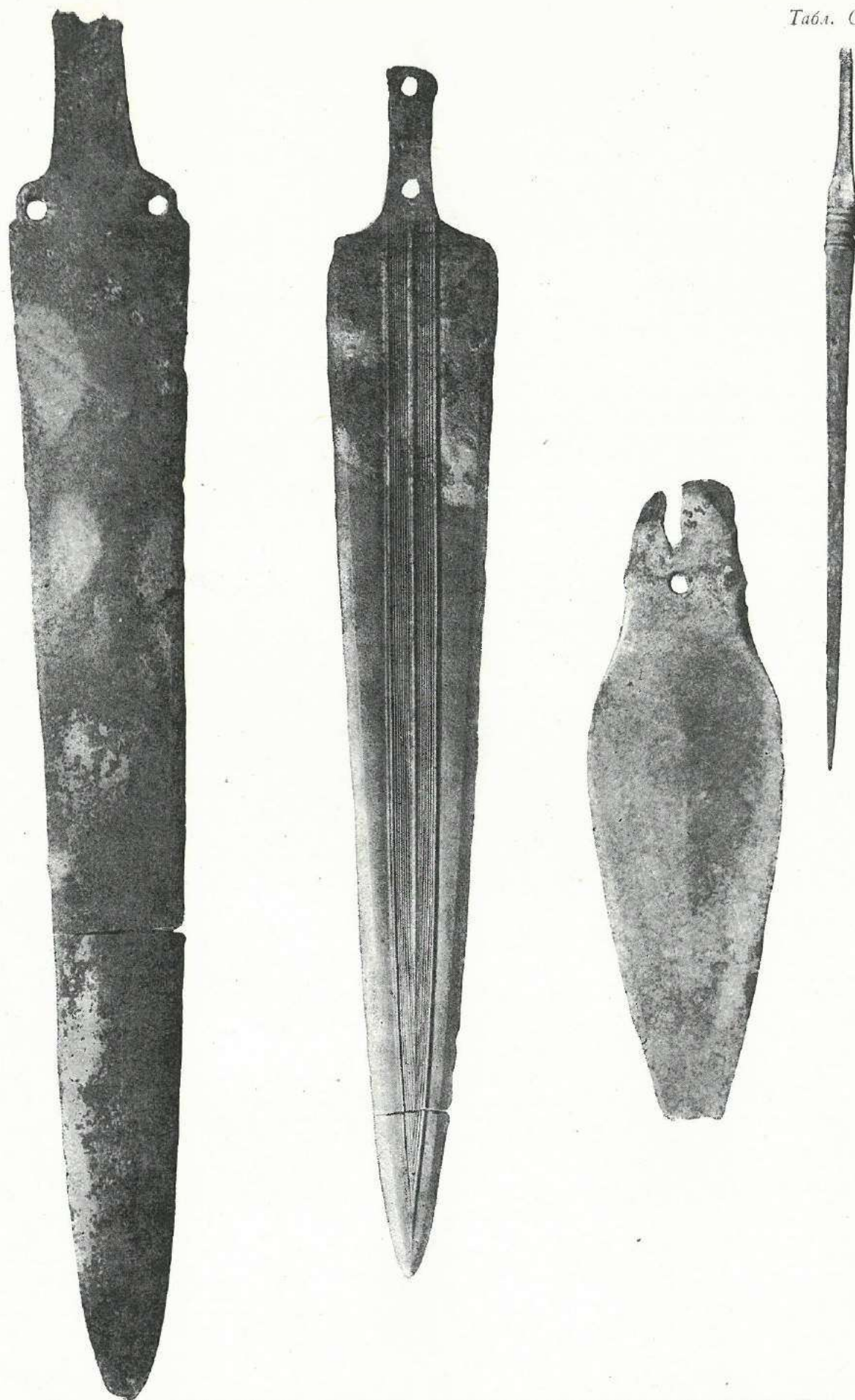
Серебряные чашечка (немного уменьшена) из нургана XV и кружка (в нат. вел.) из нургана XVI

Золотые пластинчатые изделия из кургана XVII (в нат. вел.)

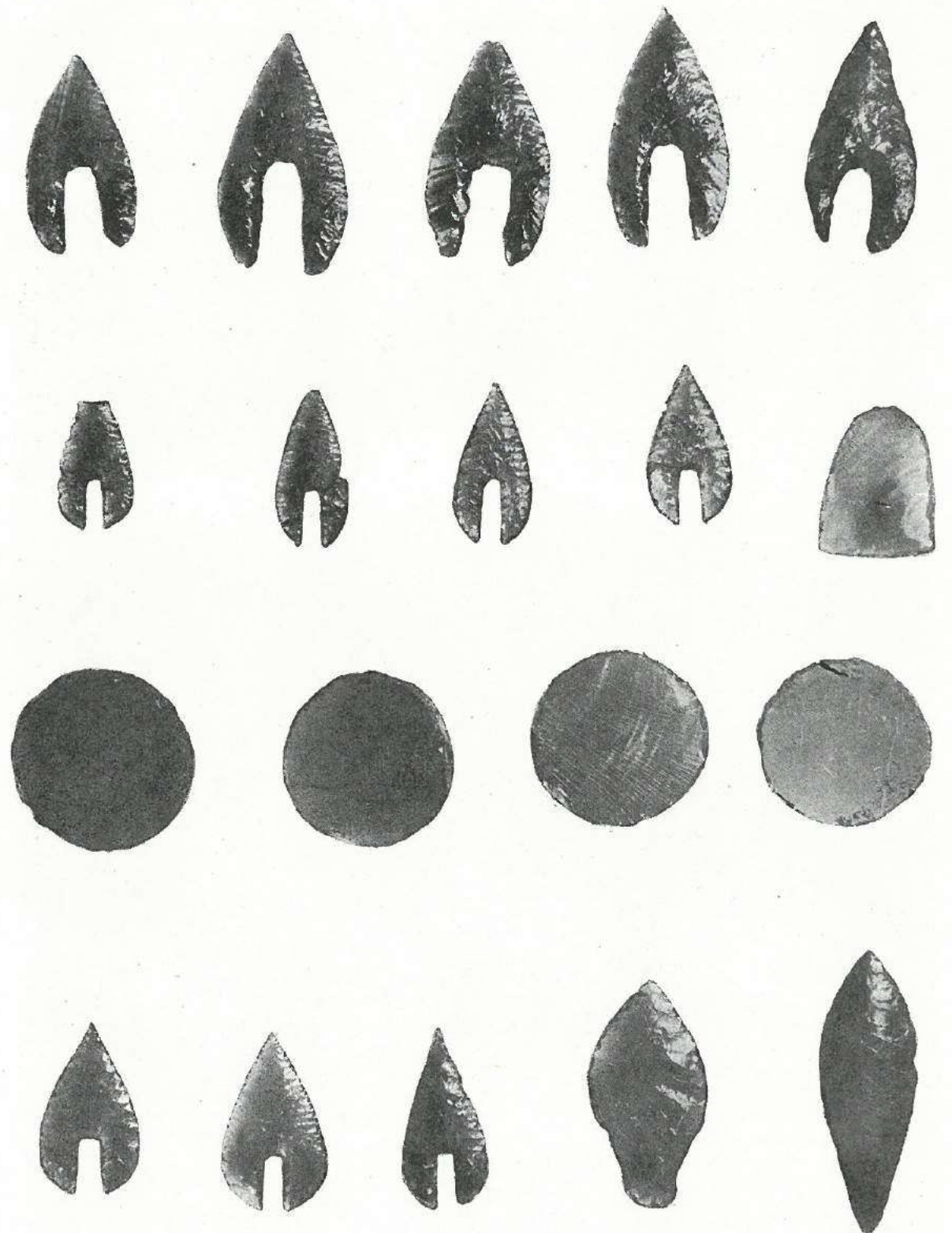
Золотые предметы из кургана XXXVI (Топ-Кар) в натуральный размер

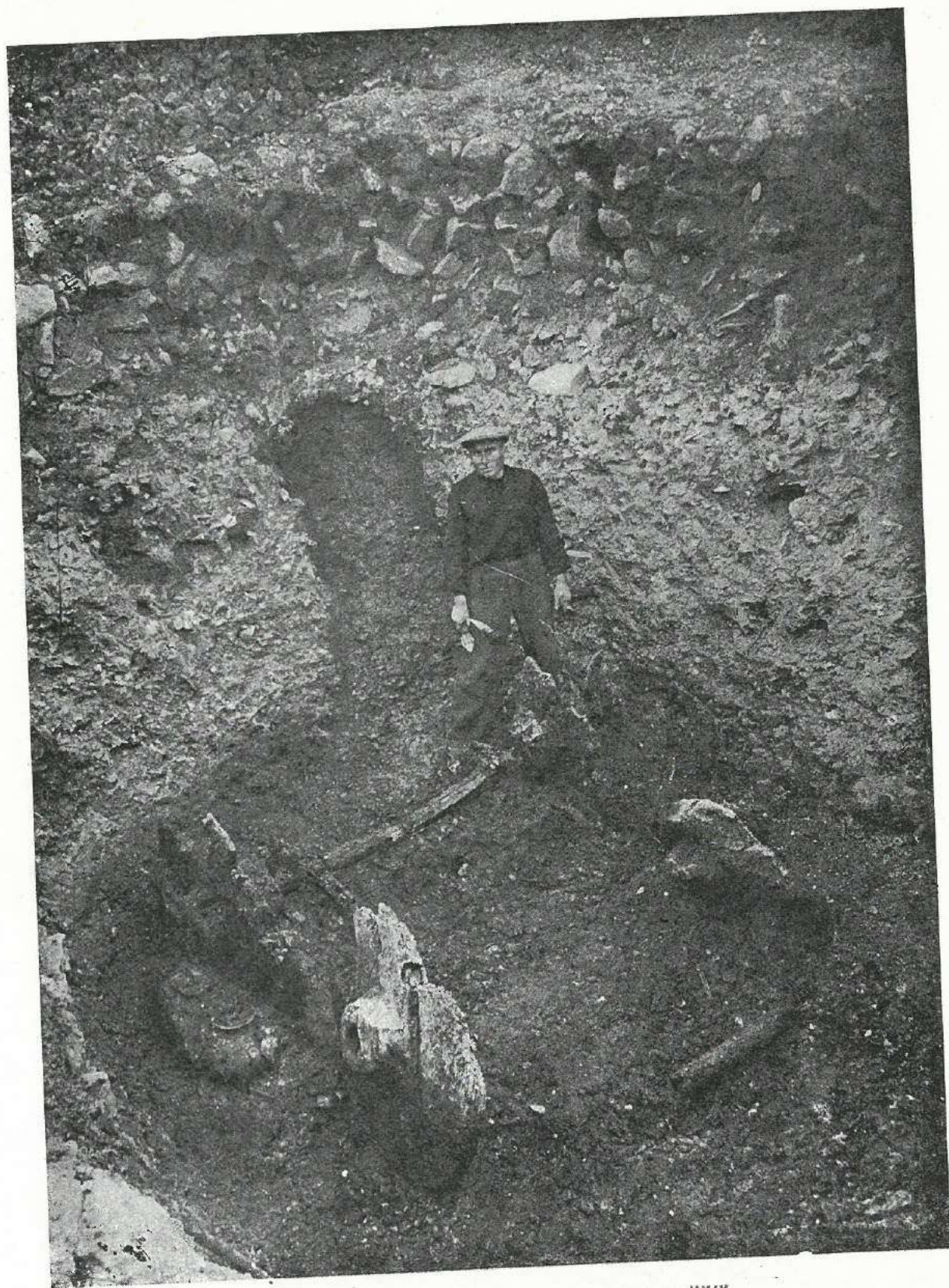
Бронзовый и серебряный нинжальные клинки и шило из курганных погребений XV и XVII

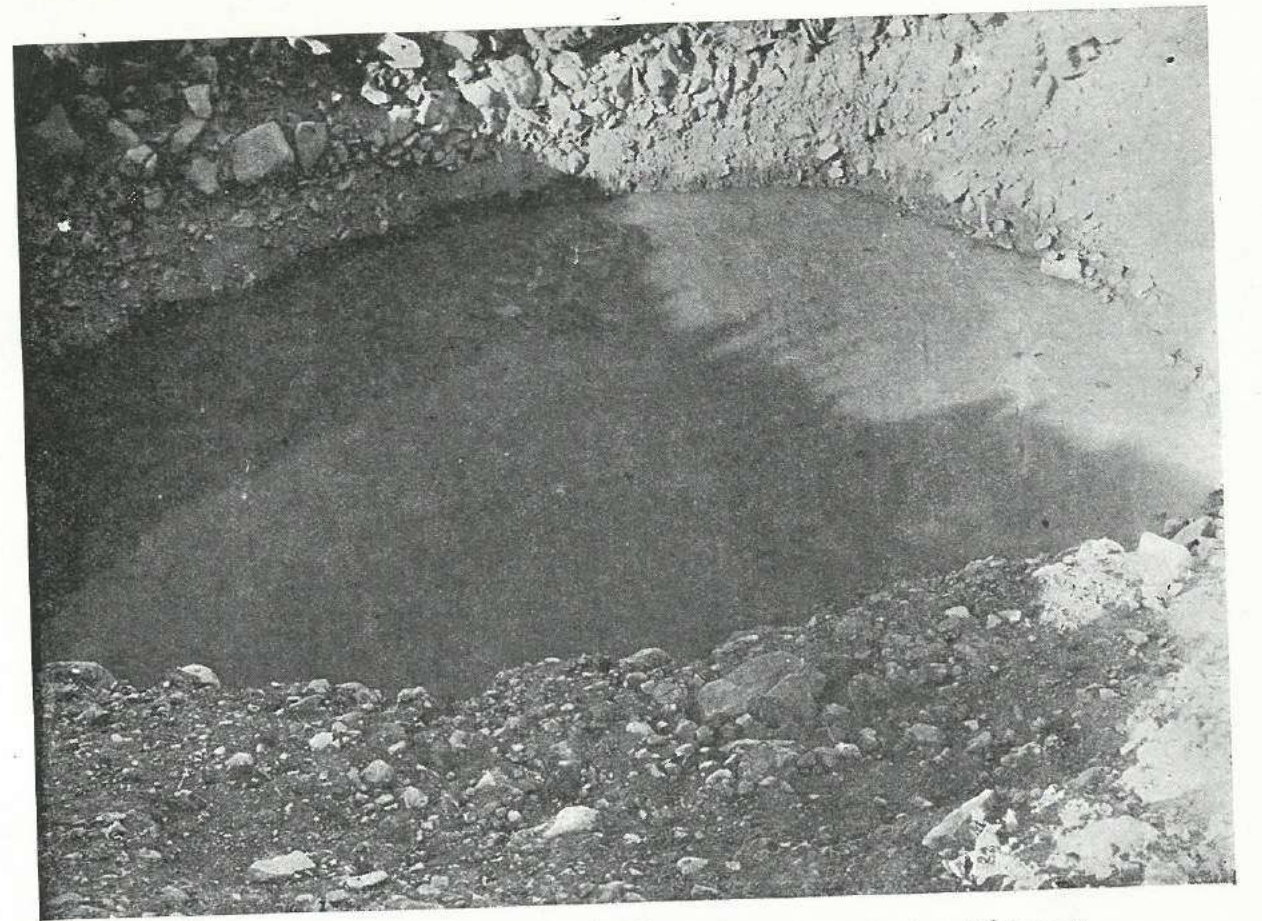
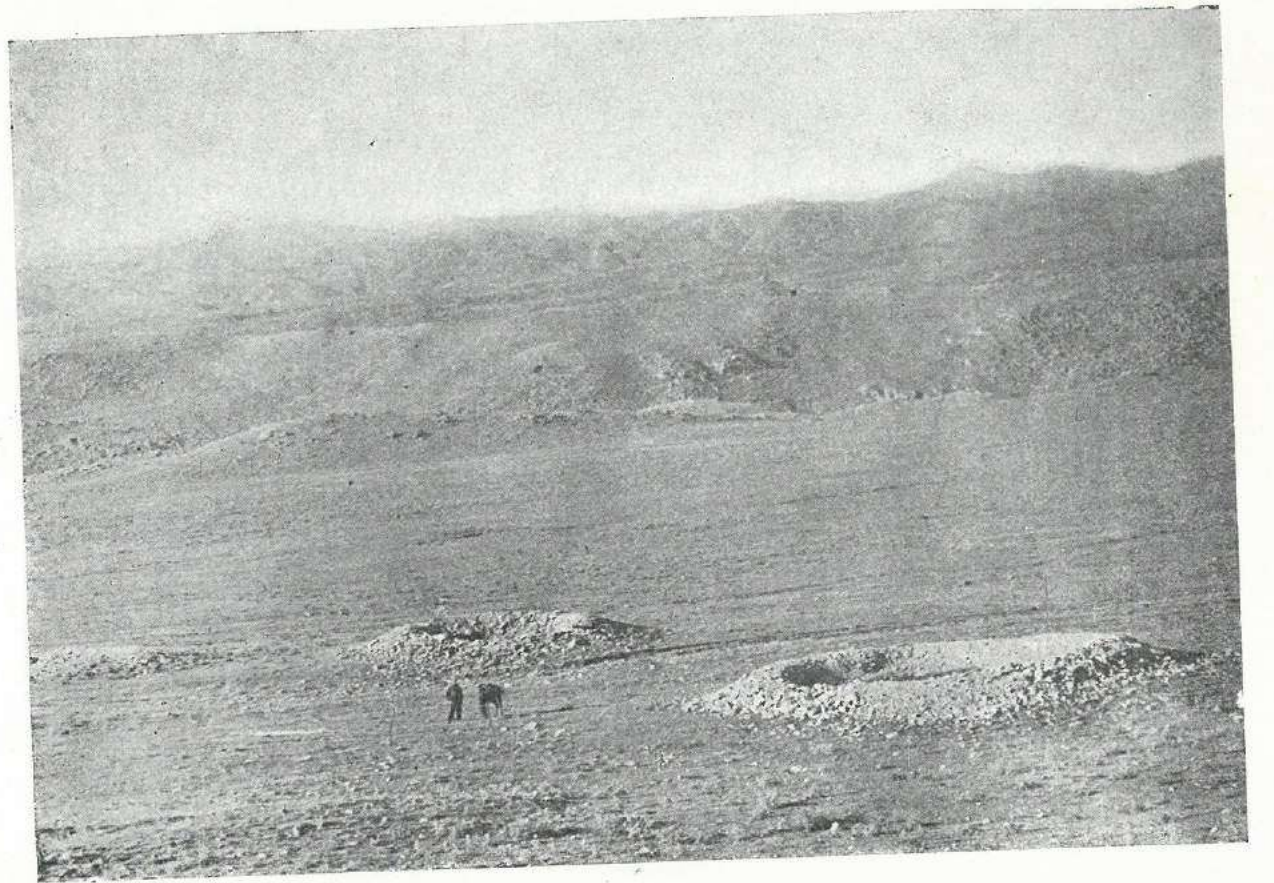
Бронзовое (великолепно патинированное) с серебряной обоймочкой копье из кургана XV

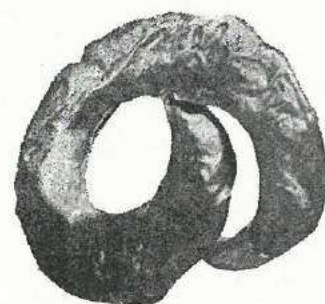
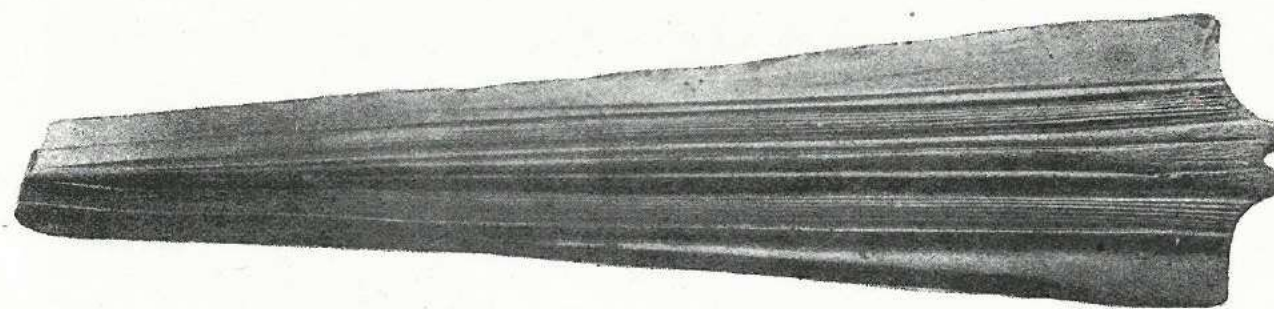
Обсидиановые наконечники стрел и «окошечки» из кургана Триалети

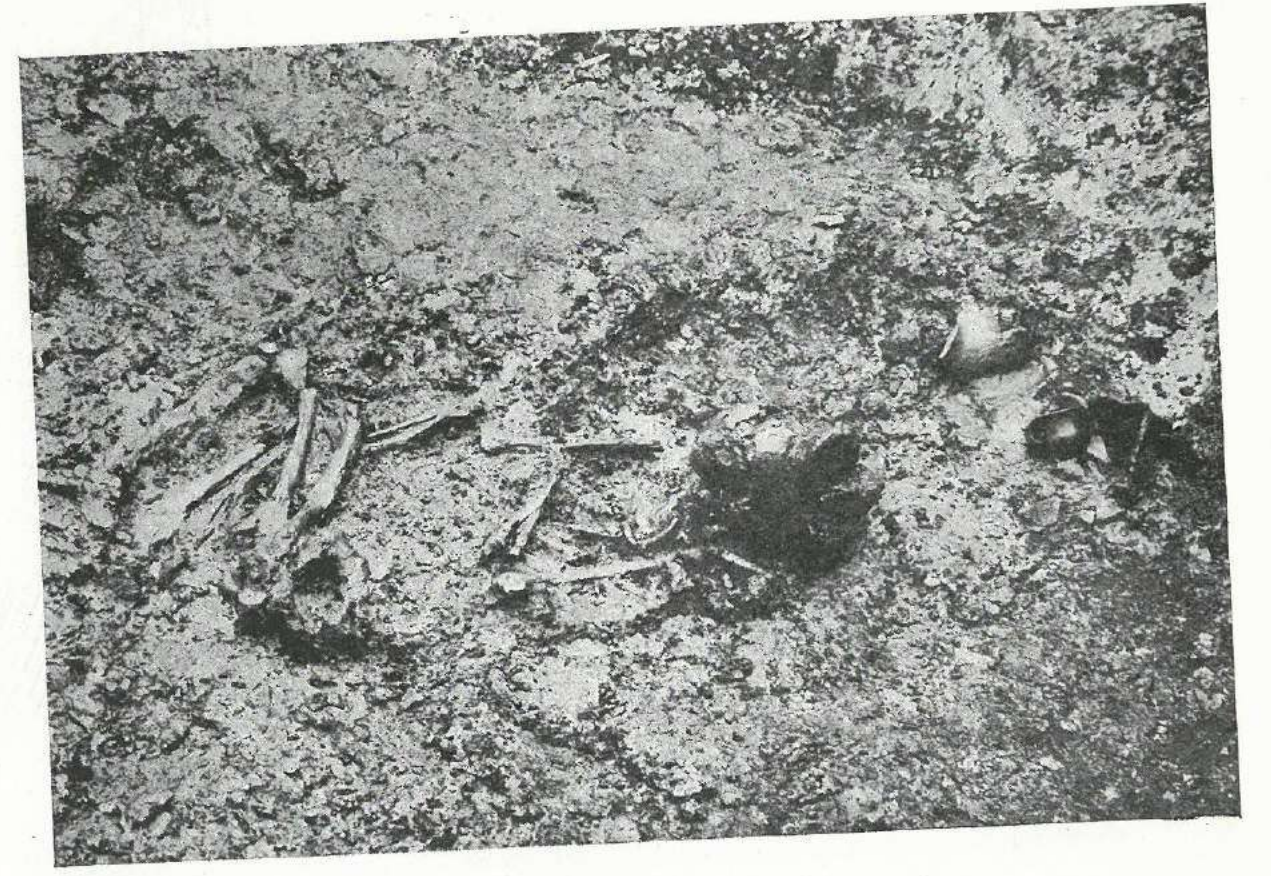
*Деревянная четырехколесная повозка в кургане XXIX.
Сзади рабочего виден сочащийся по стене родник*

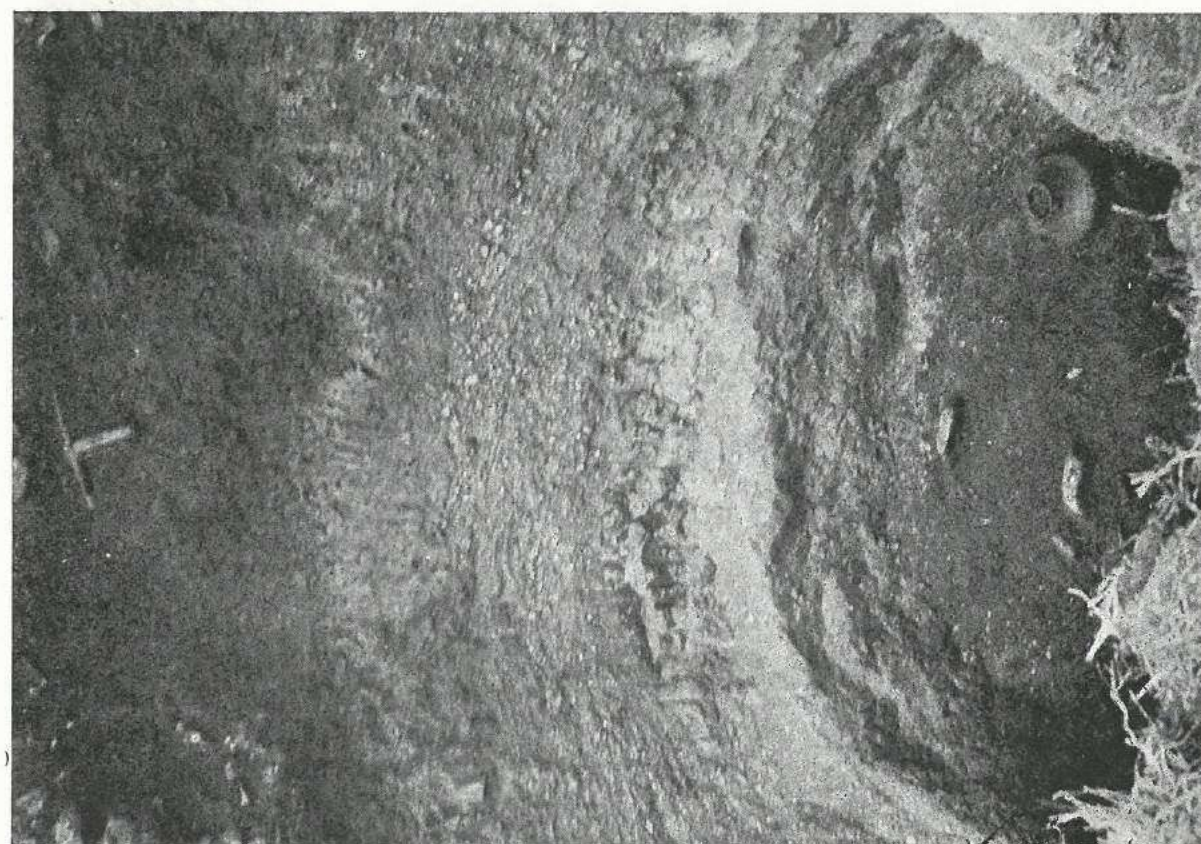
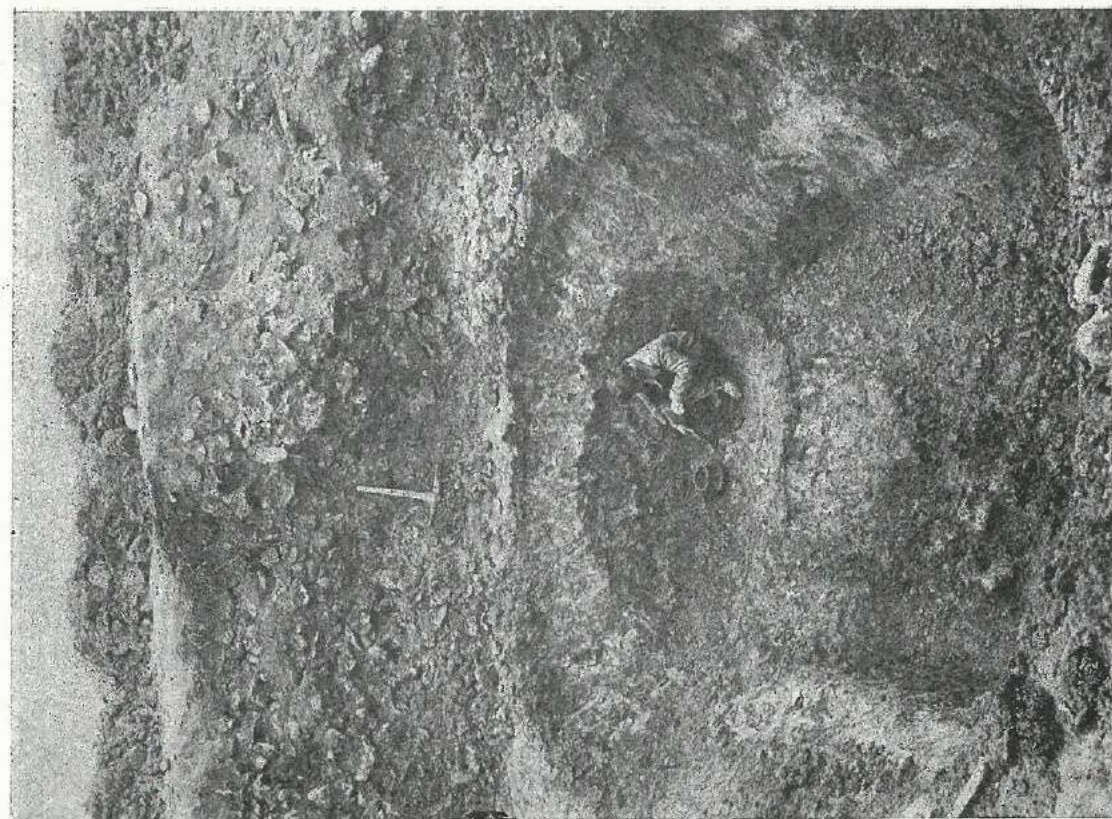
Курганы в урочище Сабит Ахча: общий вид раскопанных курганов и родниковое озеро в погребальной яме кургана XXIX

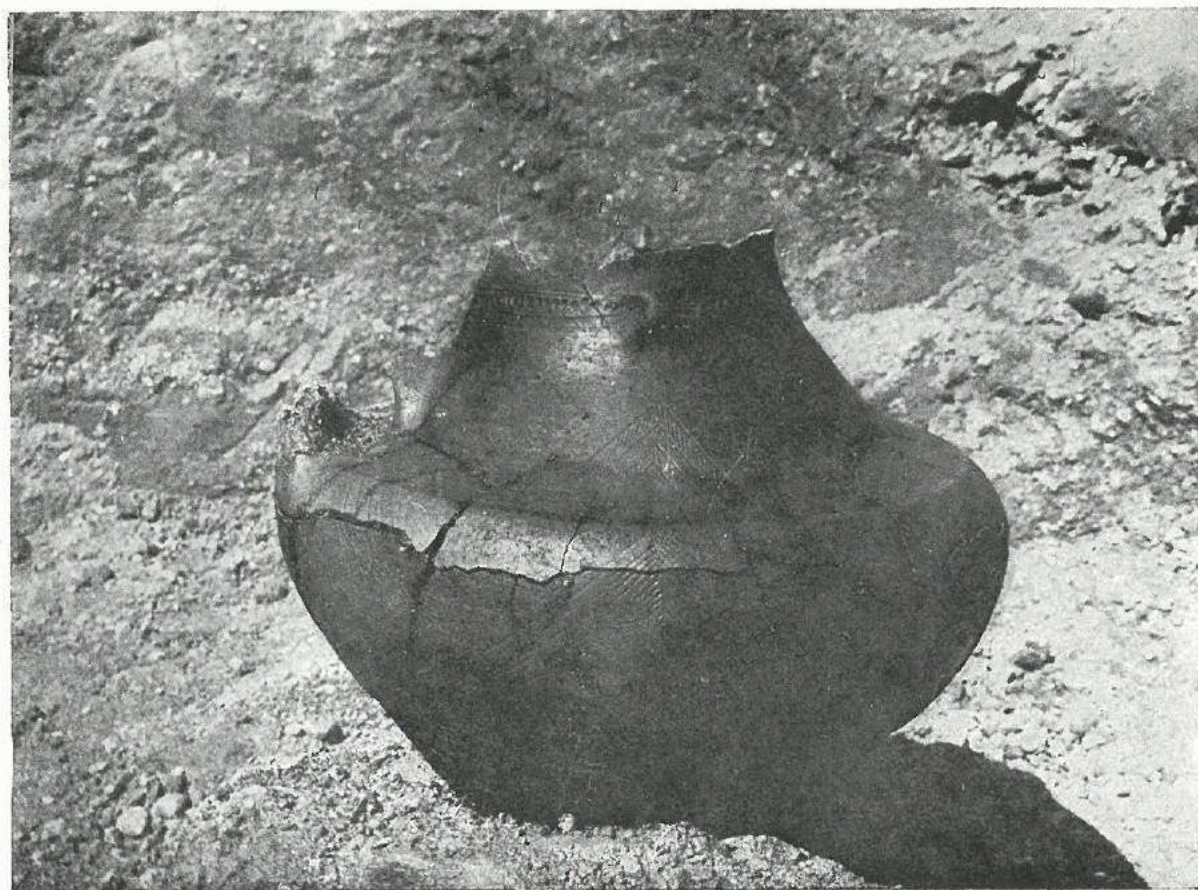
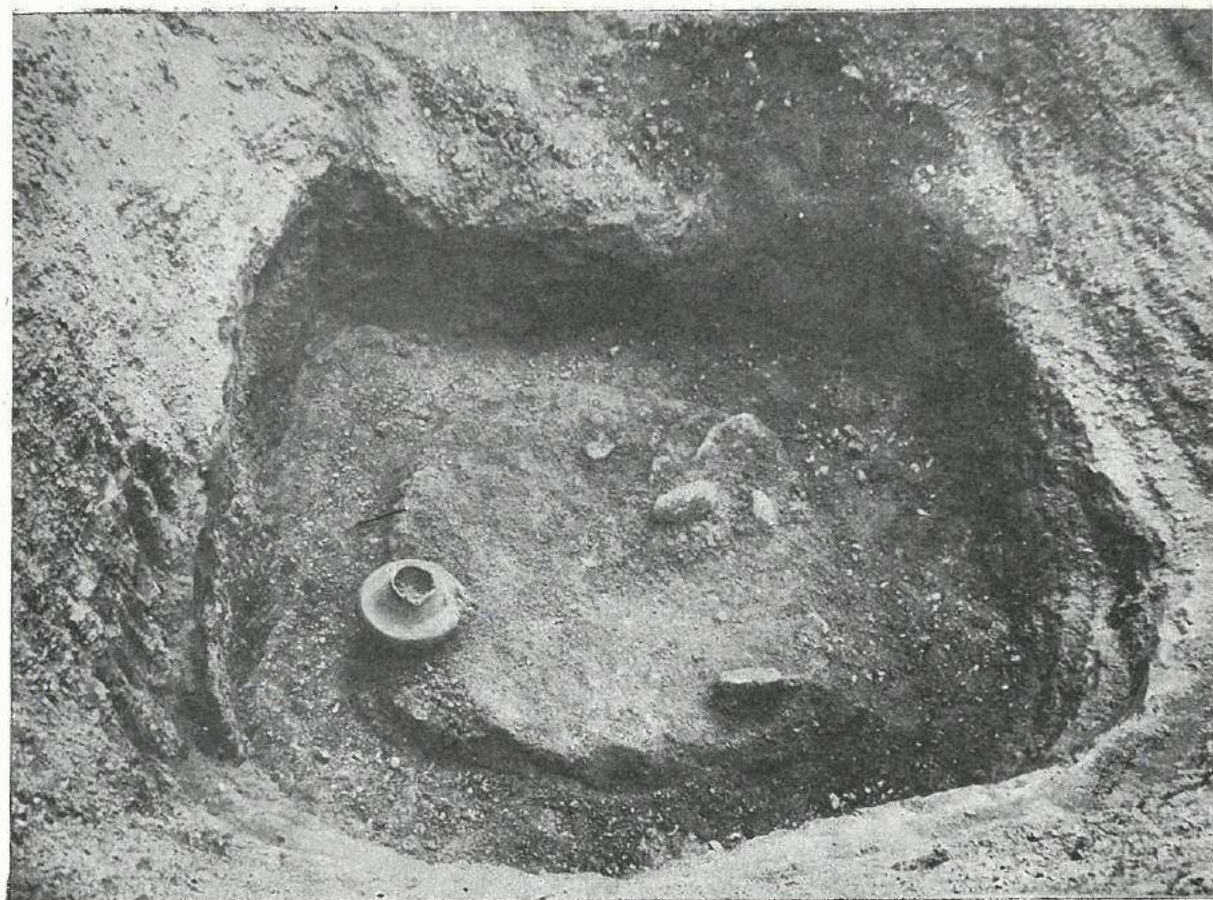
Инвентарь нургана XXIX (с колесницей)

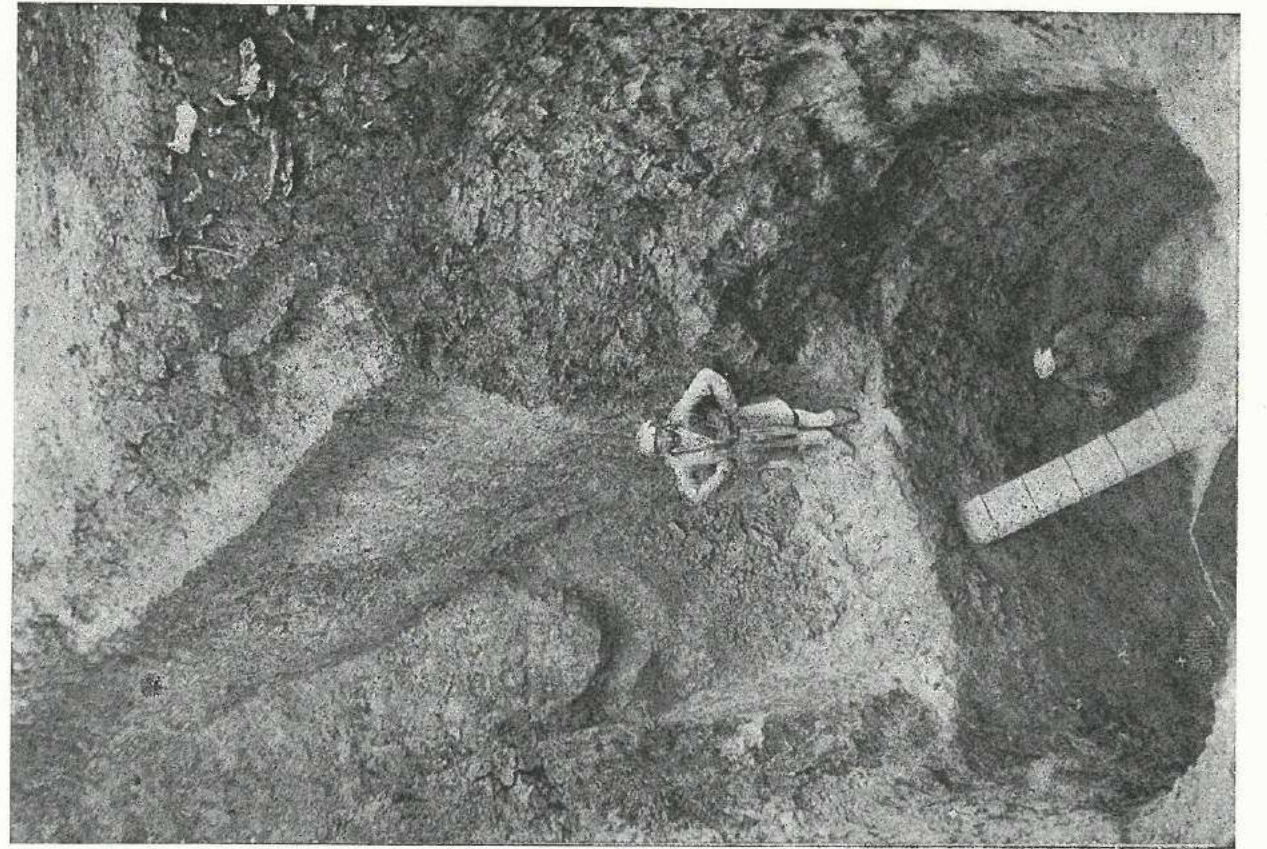
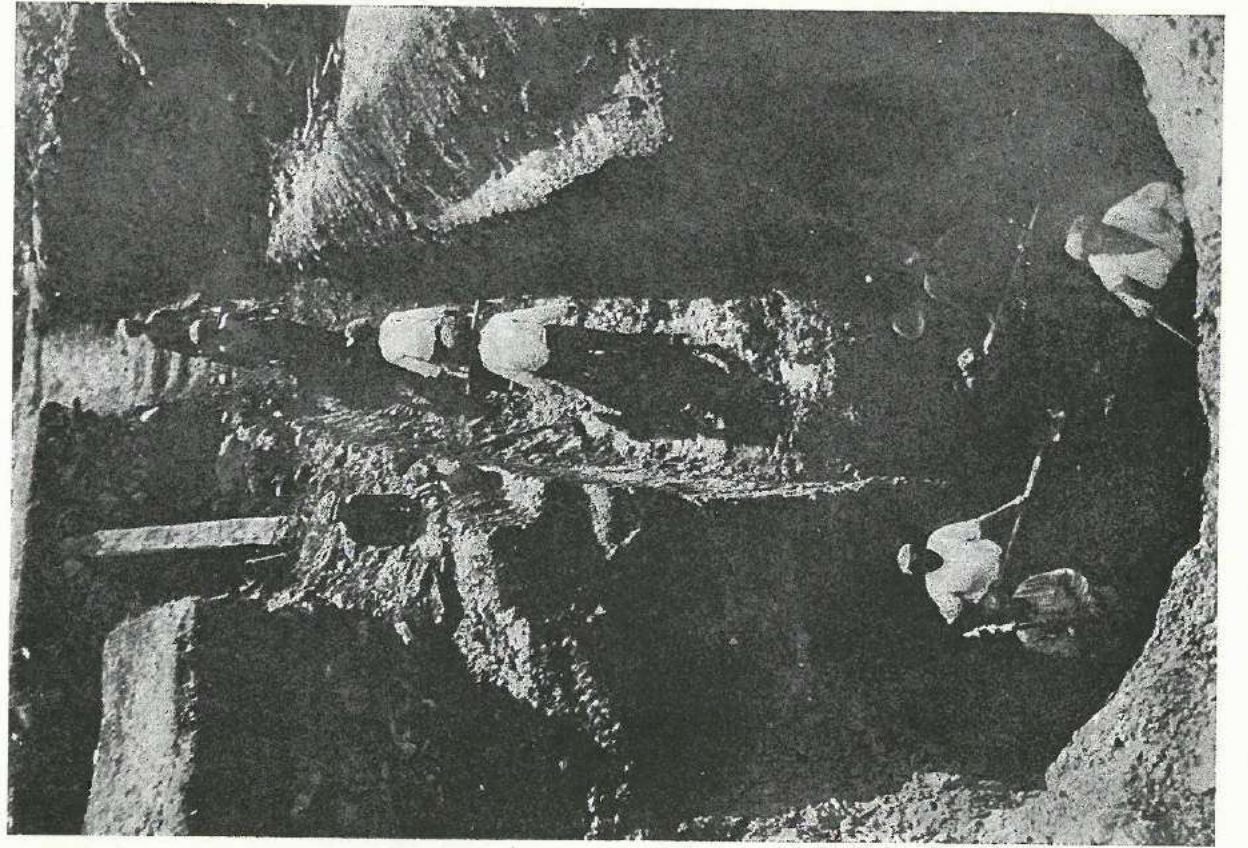
Погребения в ямных нурганах XXII и XIII с сохранившимися костяками

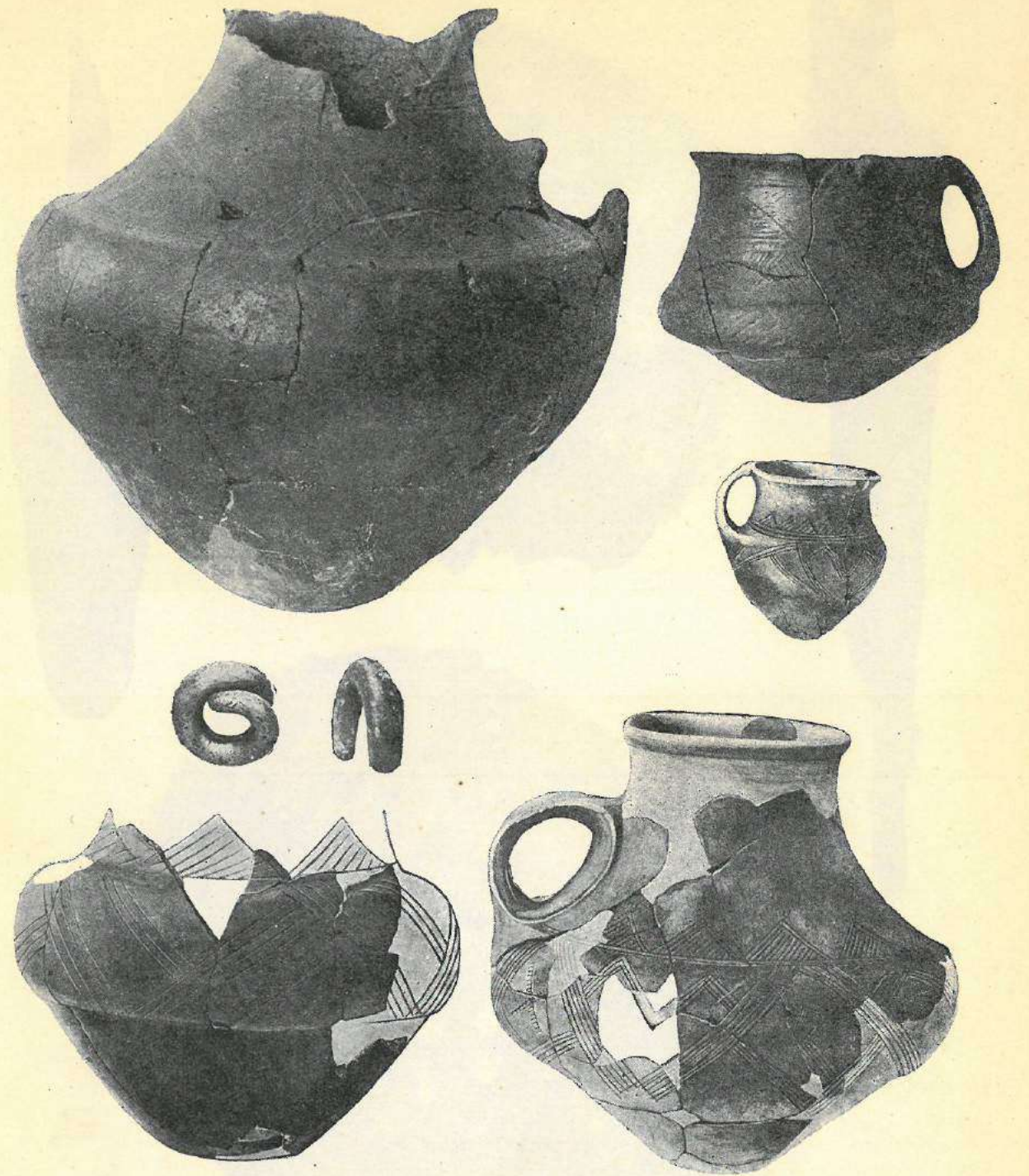
Курганные погребения XXV и XIX эпохи древней бронзы в Триалети

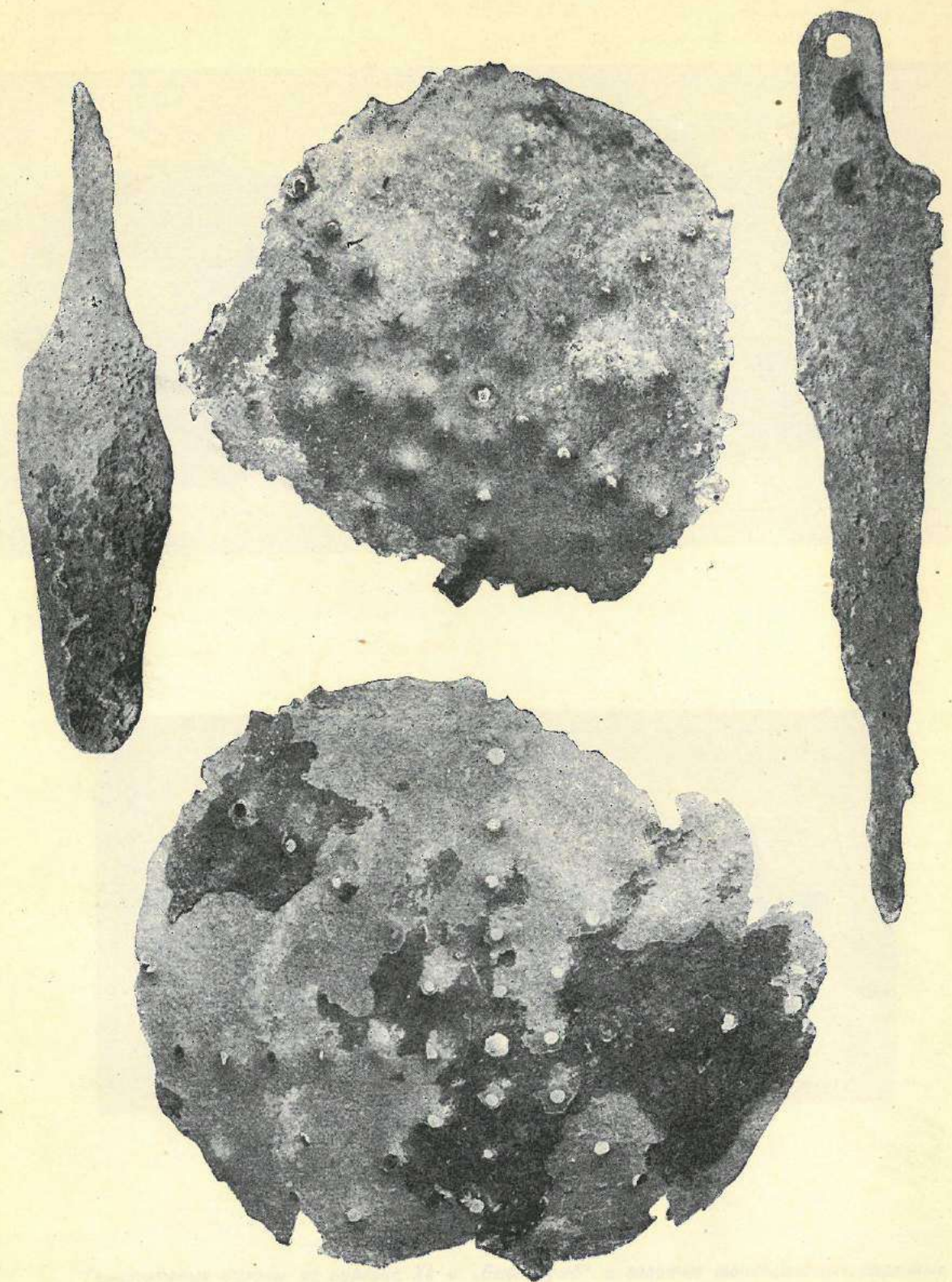
Погребение эпохи древней бронзы в нургане XIX

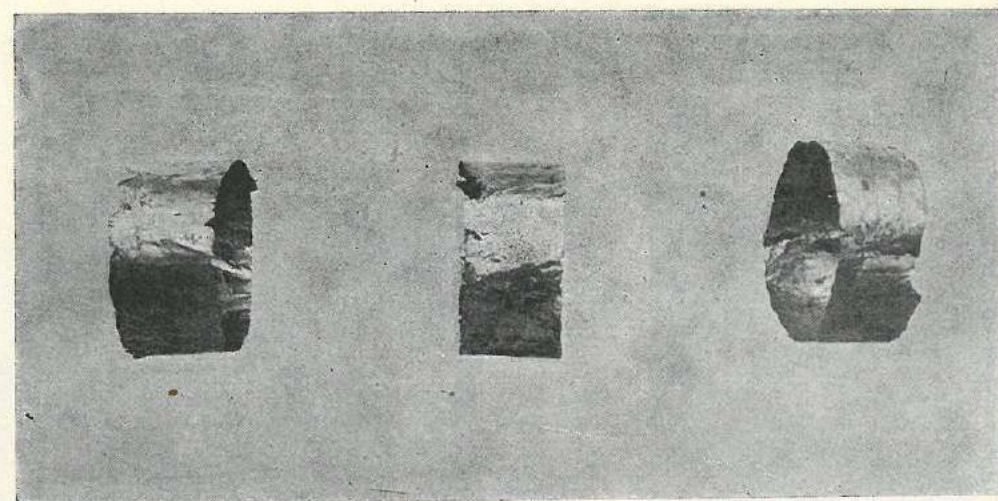
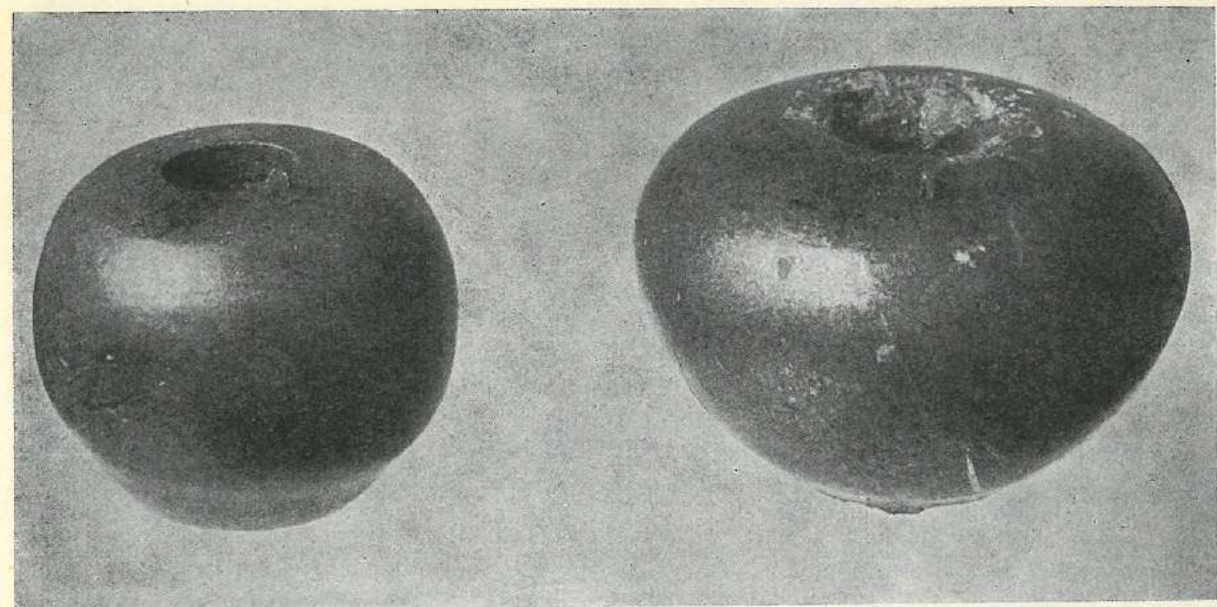
Погребальная яма в кургане X эпохи древней бронзы

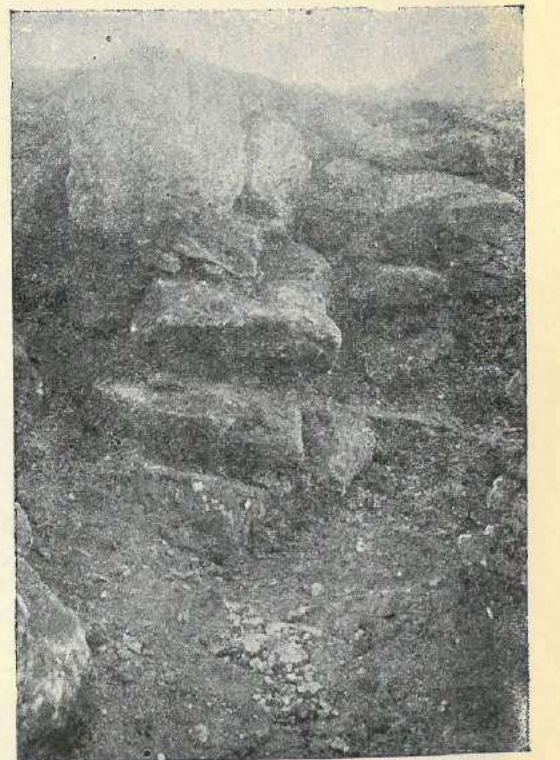
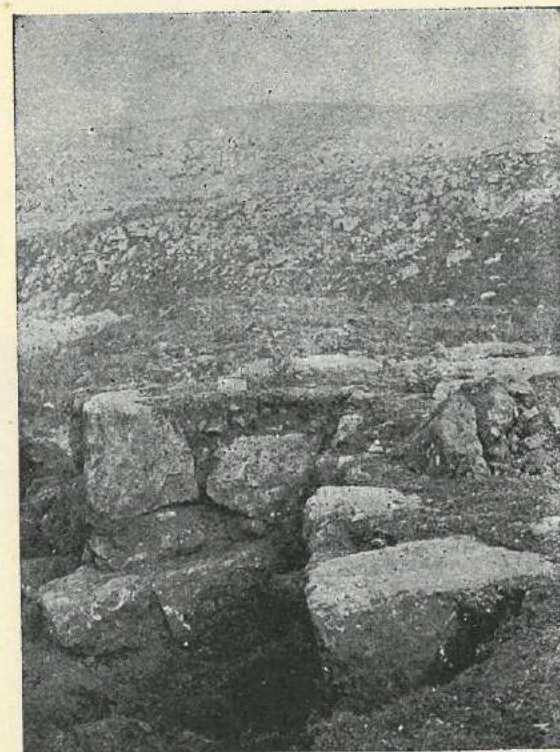
Образцы керамики древних курганов Триалети (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) и серебряный завиток (в нат. вел.)

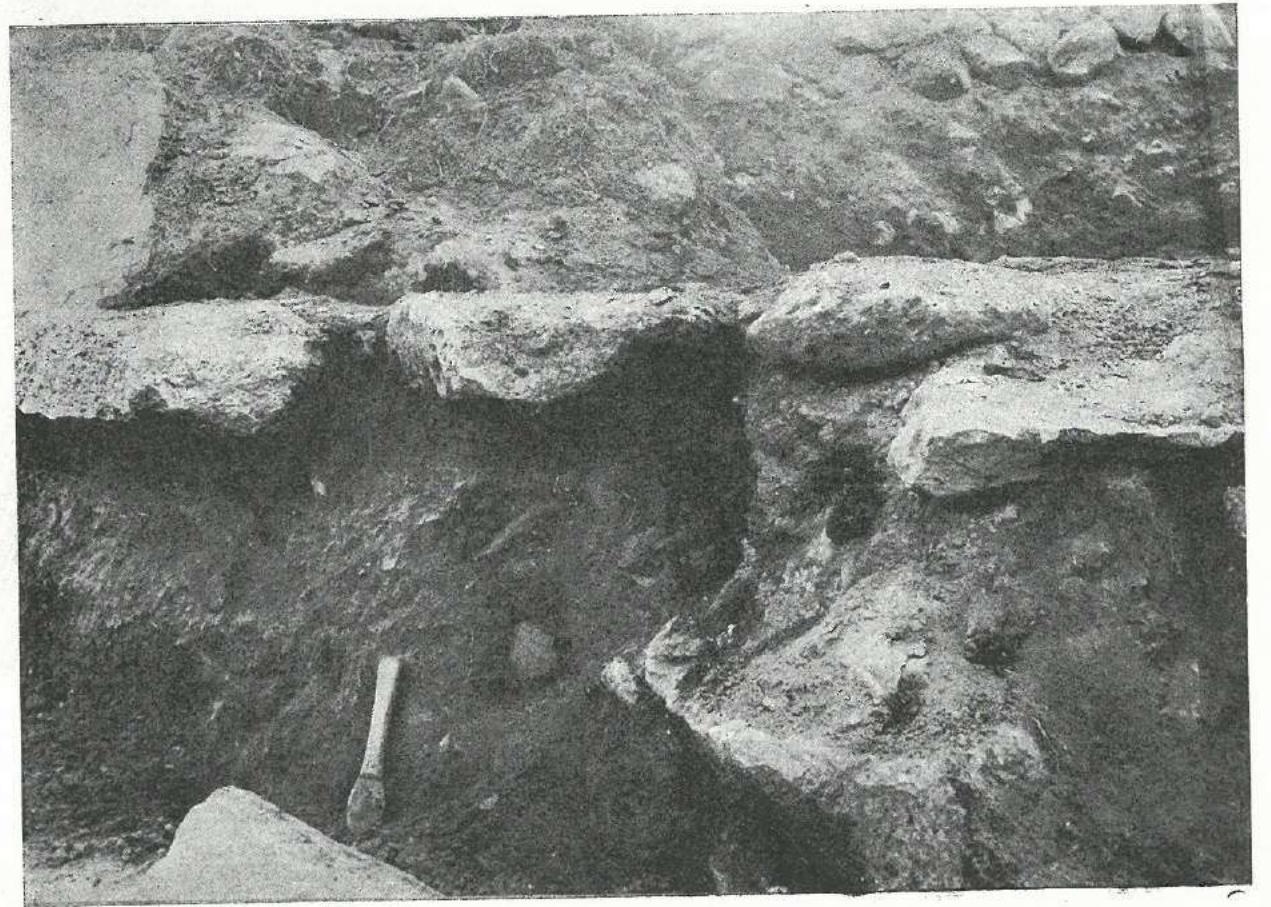
Медный инвентарь „воина“ из погребения в кургане ХI (в нат. вел.)

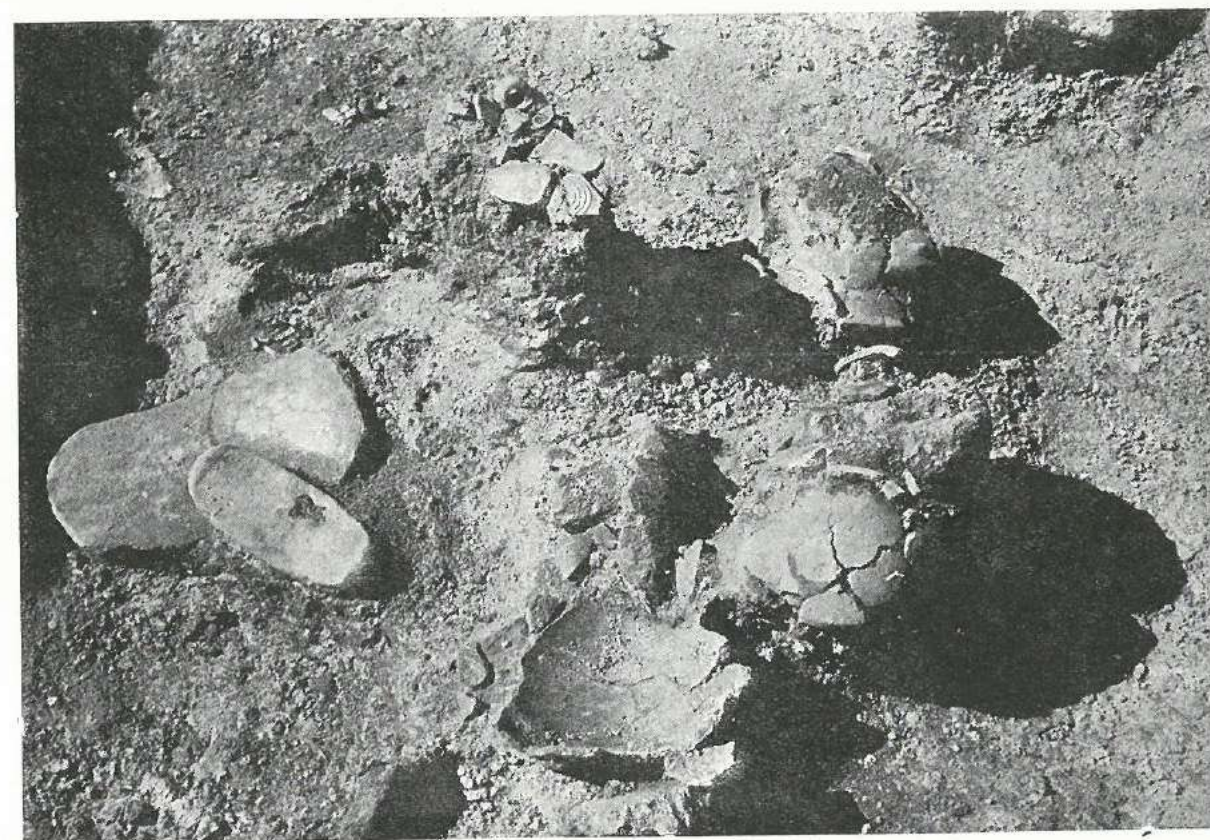
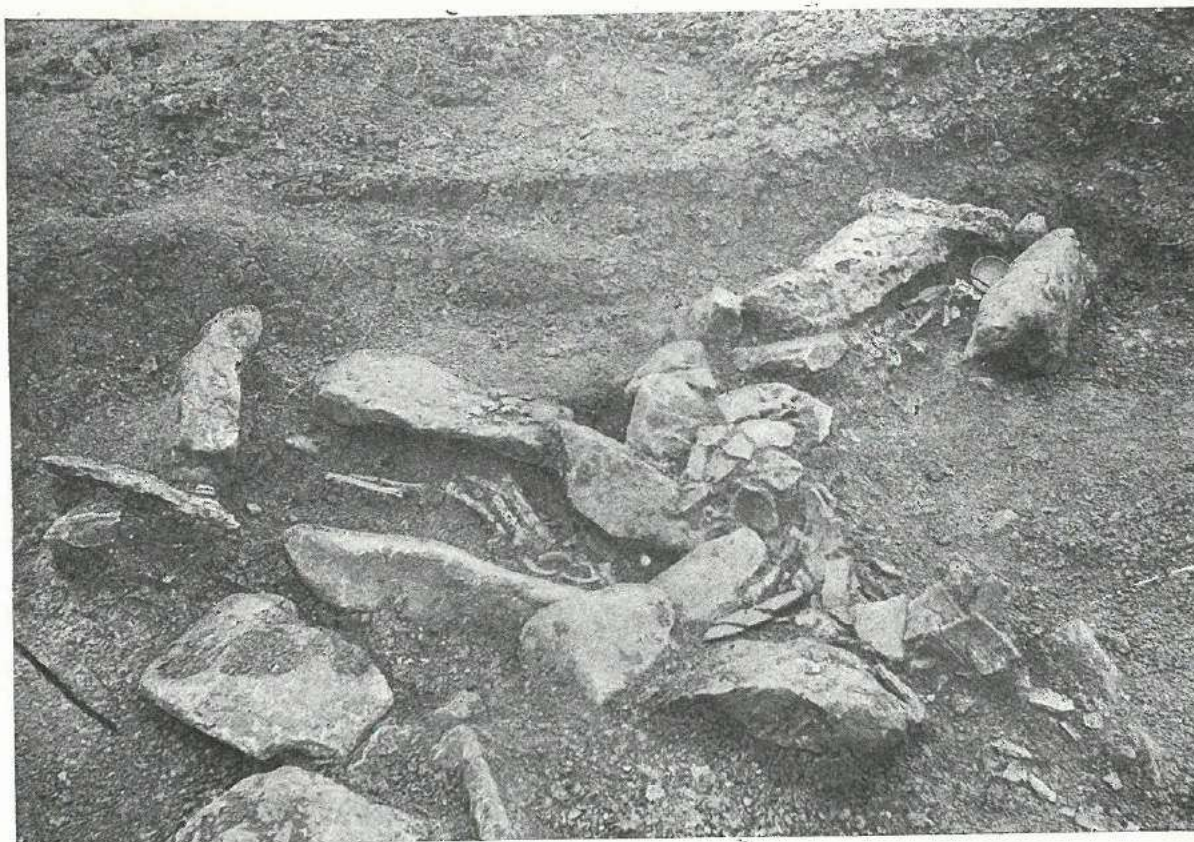
*Гематитовые булавы из кургана XL и „Баян-Тумб“ и золотые тонколистные спаянные
золотом цилиндрические обкладки дровца из кургана XL*

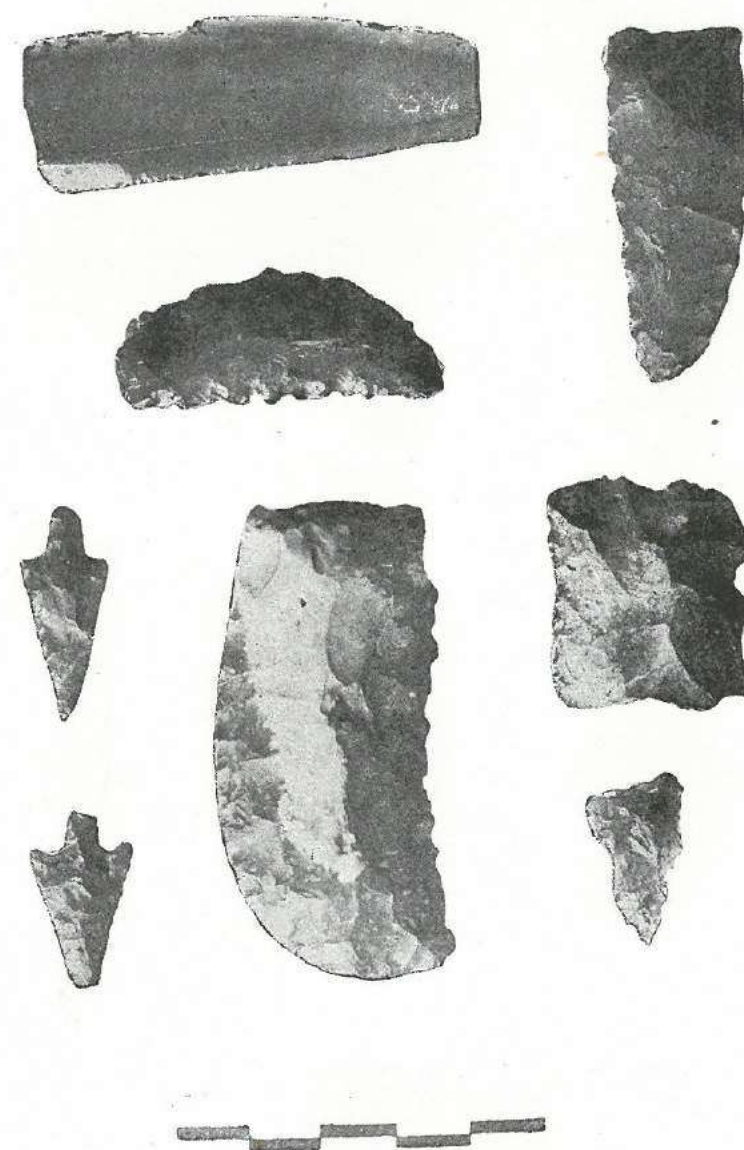
Общий вид на северо-восточный участок Бешташевской крепости с энеолитическим культурным слоем и детали остатков северной стены циклопической кладки

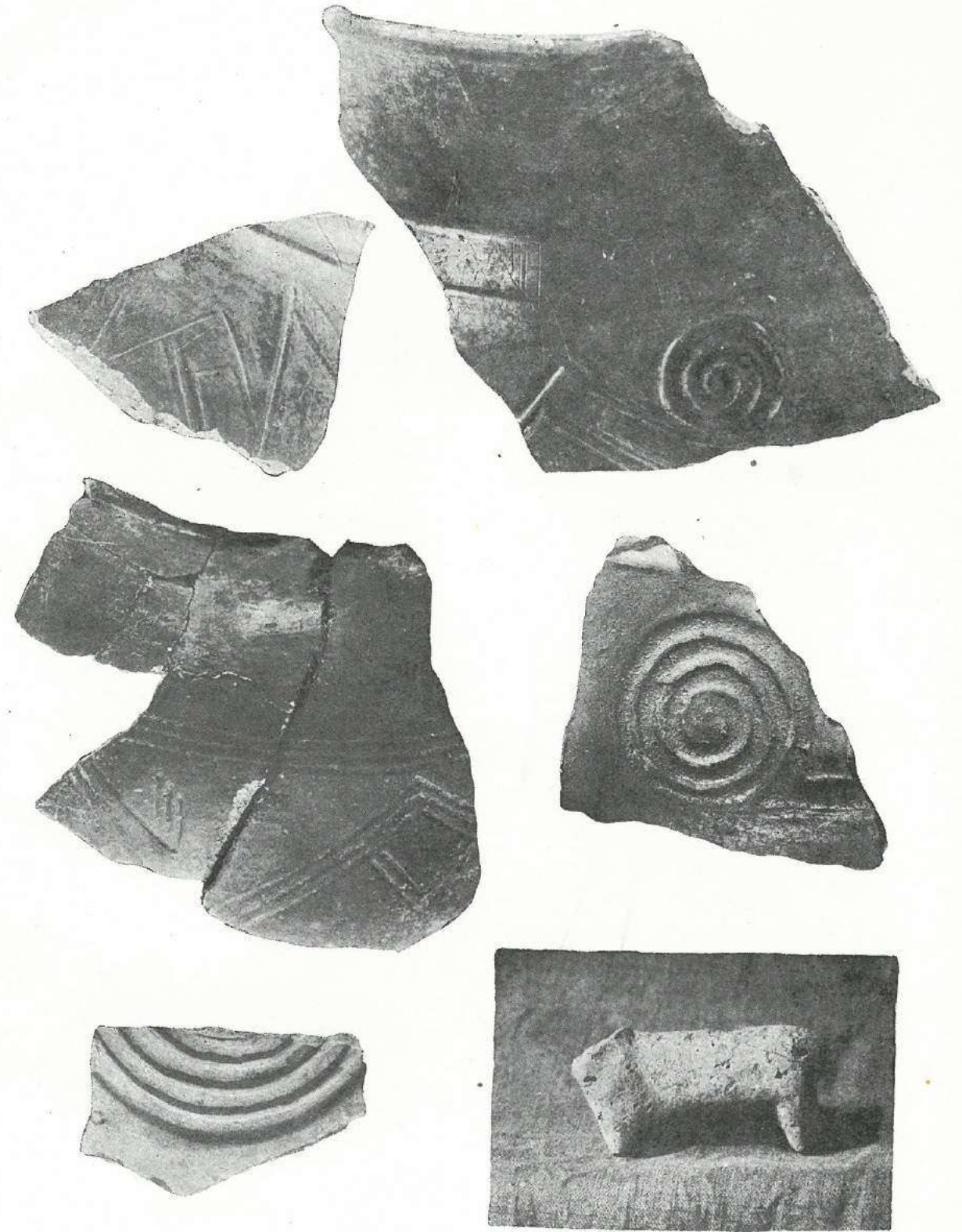
Четырехугольное жилище с глиняной «торней» в верхнем культурном слое Бешташечской крепости и нижний энеолитический культурный слой под настилом из каменных плит

Энеолитический культурный слой, нарушенный ящичными погребениями середины I тысячелетия до нашей эры, и энеолитический очаг вне стен Бешташенской крепости

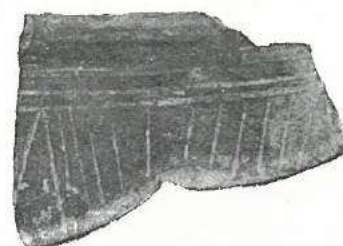
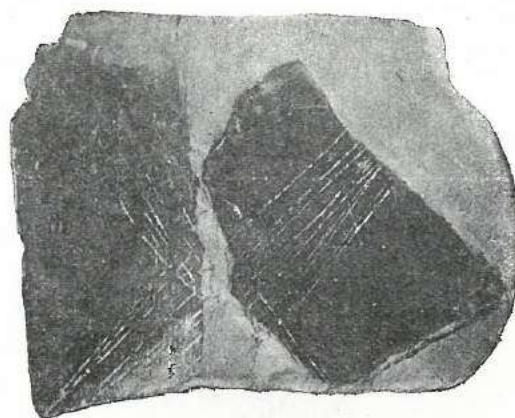
Кремневый инвентарь энеолитического слоя и древних курганов (в нат. вел.)

Образцы художественной керамики и фигурка животного из энеолитического слоя Бешташенской крепости

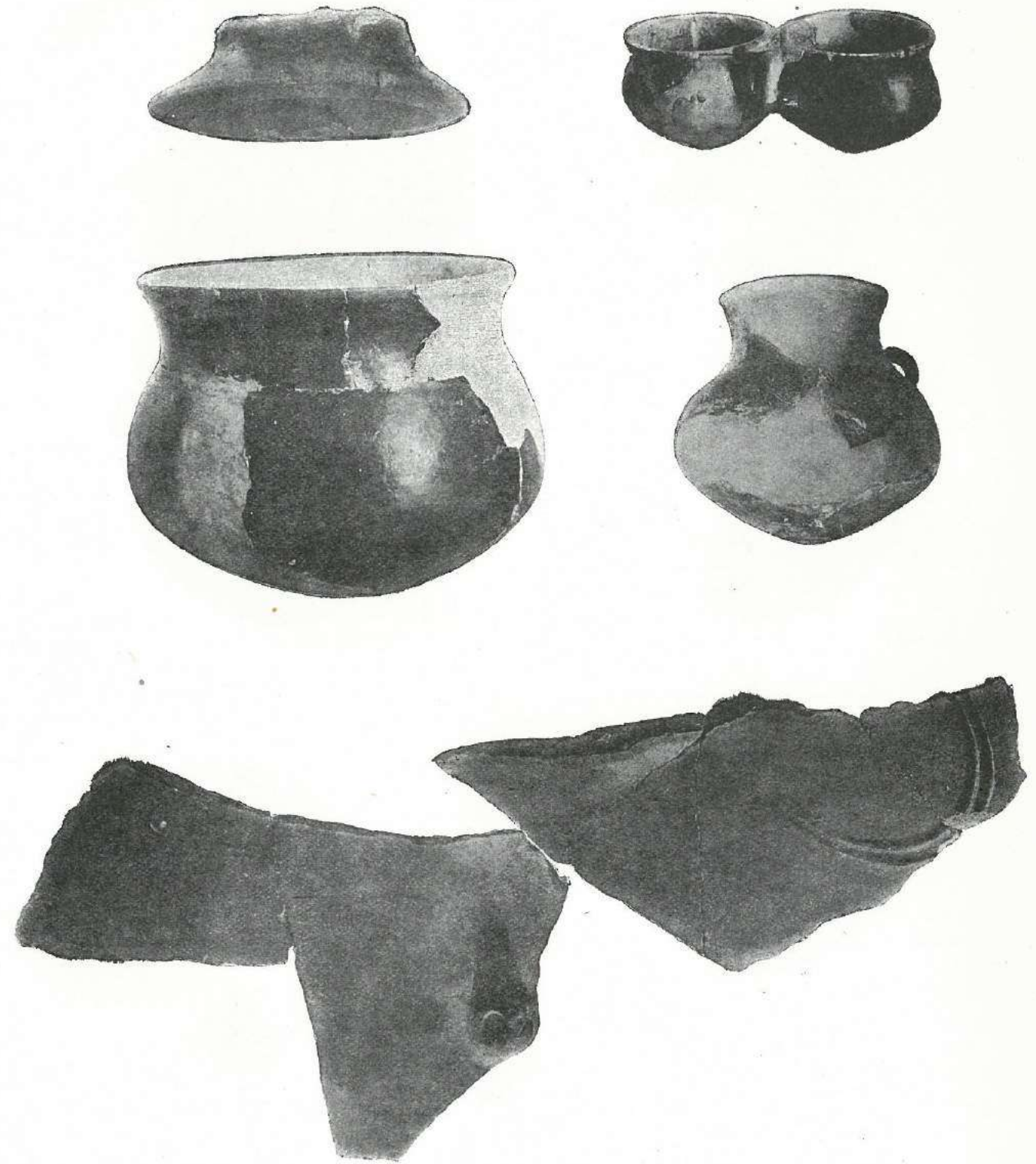
Образцы расписной керамики из верхних частей энеолитического слоя
Бешташенской крепости (в $\frac{2}{3}$ нат. вел.)

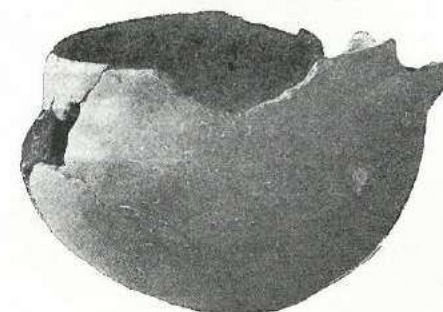
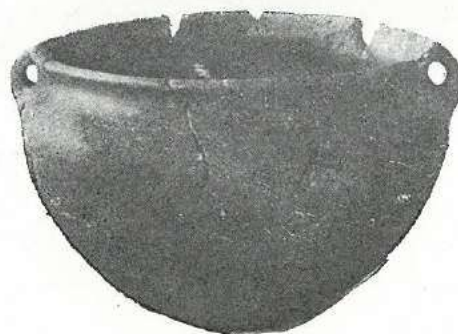
*Образцы чернolocенной керамики с вдавлено-резным ленточным орнаментом
из культурного слоя Бешташенской крепости*

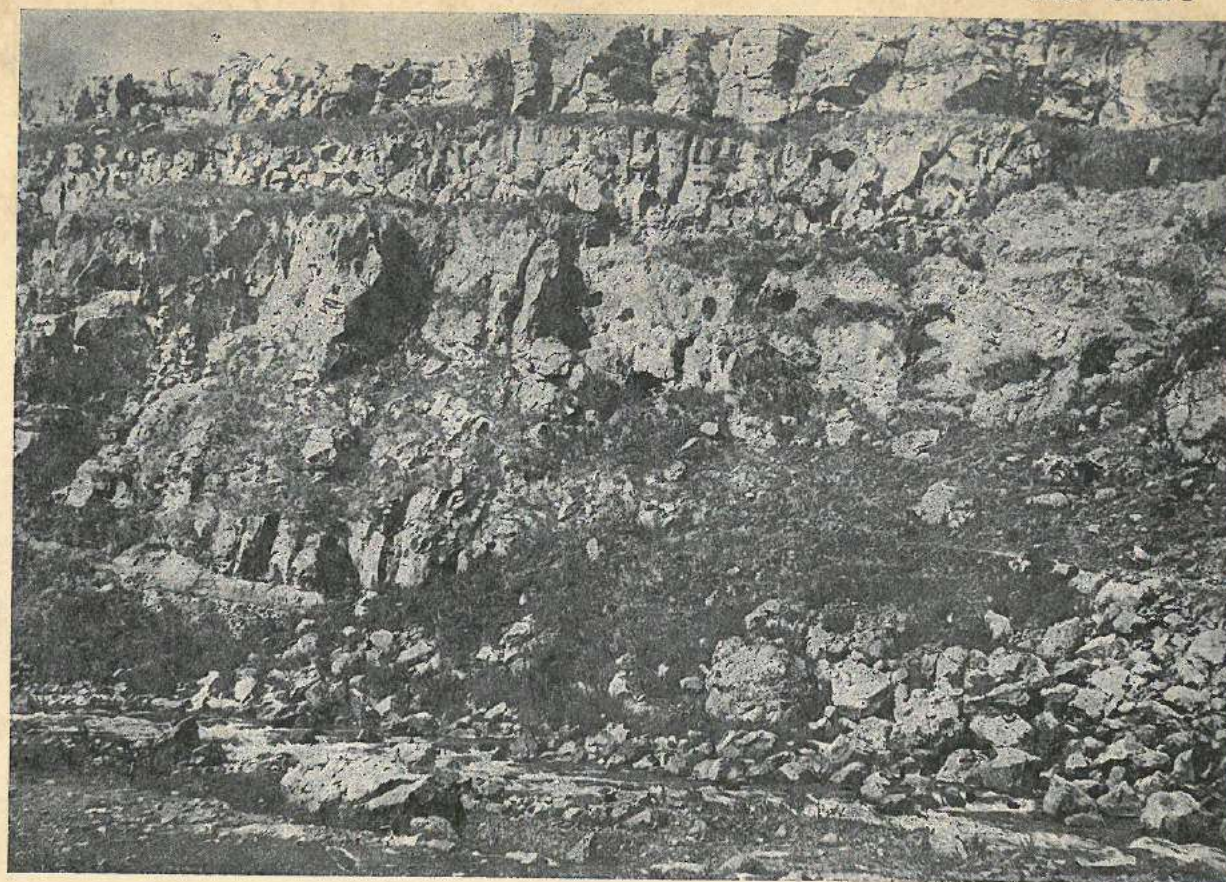
Керамика энеолитического очага и энеолитического культурного слоя
Бешташенской крепости (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

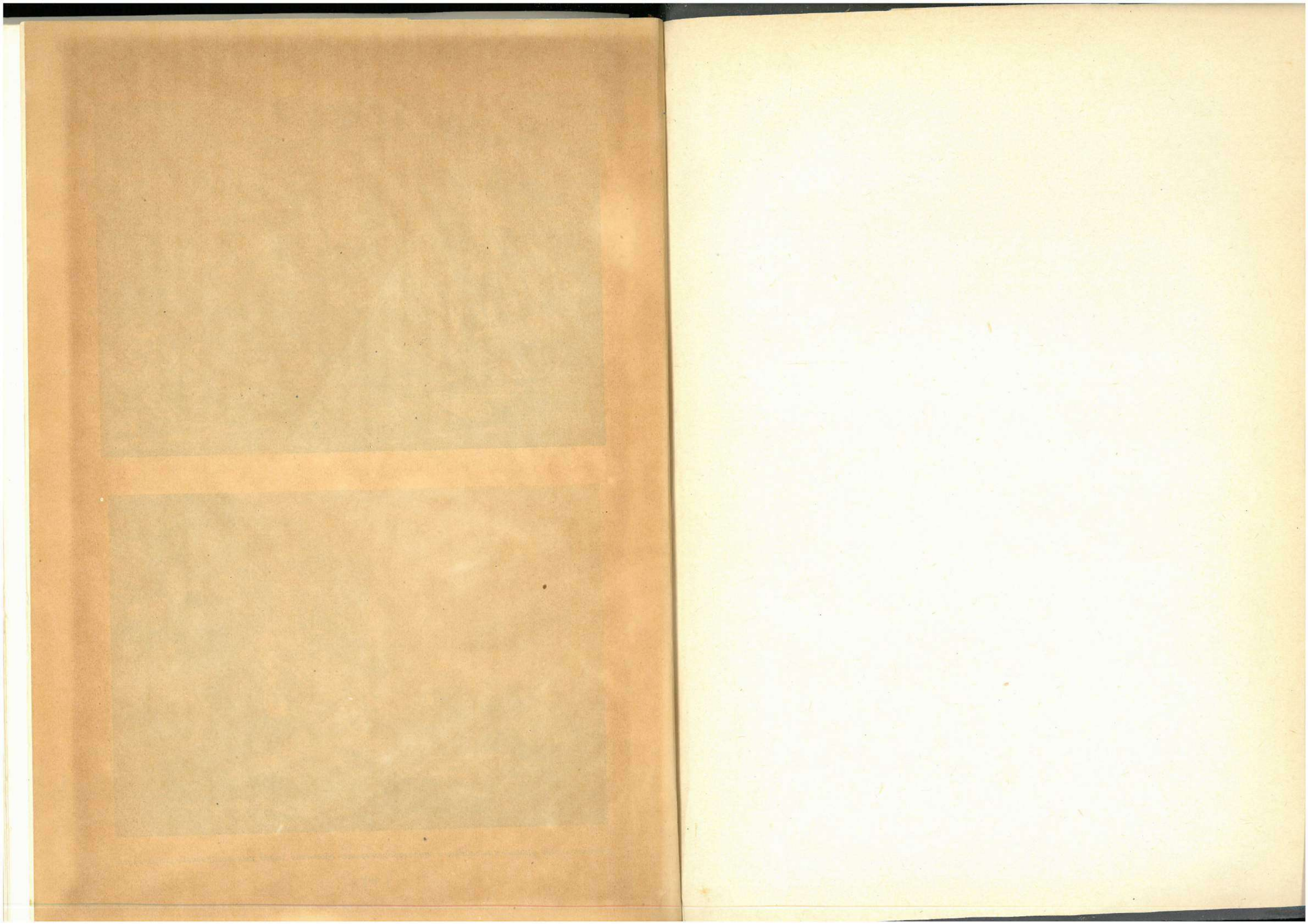
Образцы керамики из энеолитического слоя Бешташенской крепости

Образцы керамики энеолитических погребений (в $\frac{1}{3}$ нат. вел.) и ручек
из культурного слоя (в $\frac{1}{5}$ нат. вел.)

Бармансызское ущелье и площадка с эпилеолитической стоянкой перед пещерообразным углублением

7-50.